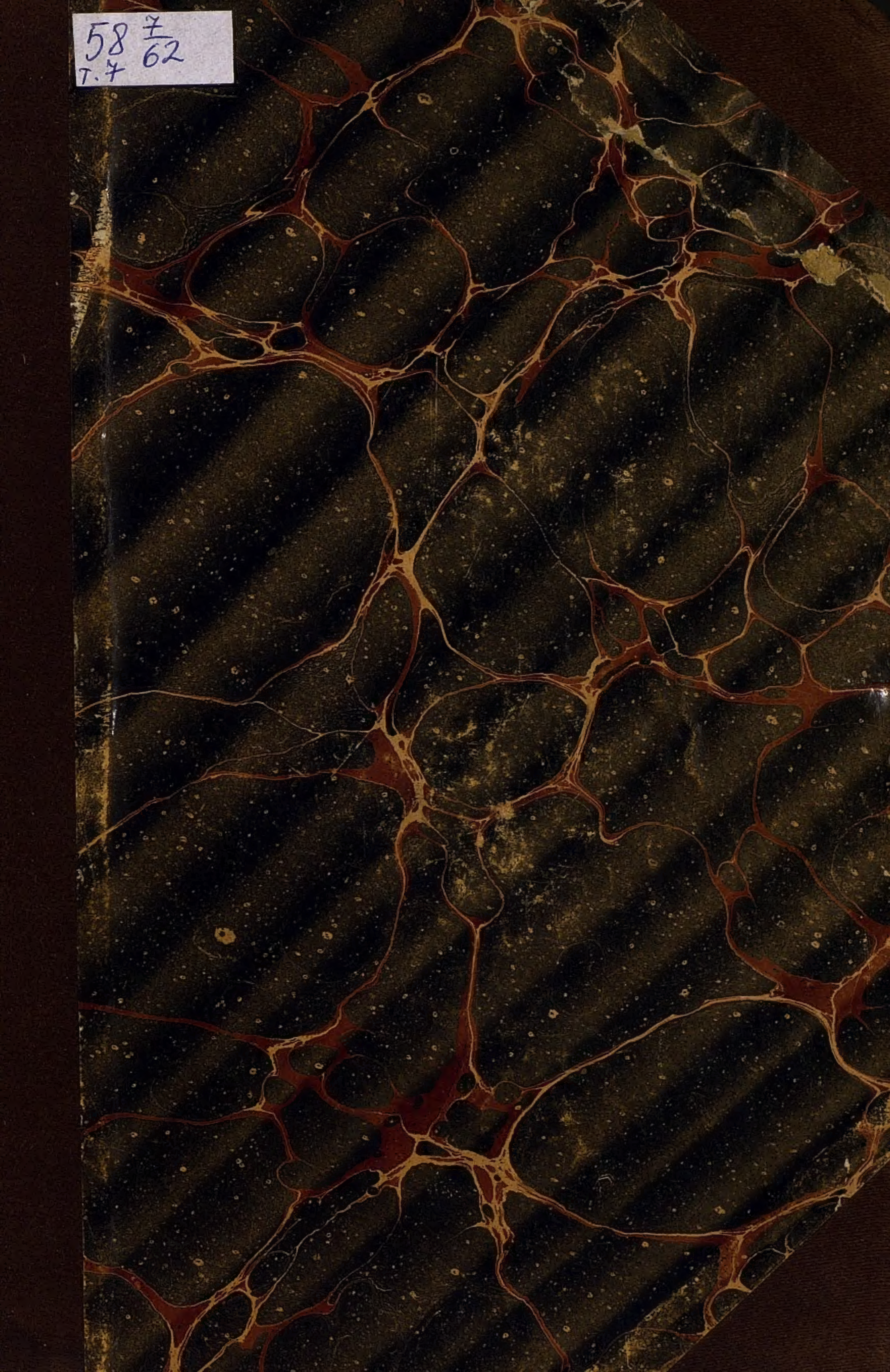

58 7/62
т. 7

58 7/62

ИСТОРІЯ

РОССІЙСКОЙ АКАДЕМІИ.

М. И. Сухомлинова.

ВЫПУСКЪ СЕДЬМОЙ.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ XLIX-му ТОМУ ЗАПИСОКЪ ИМП. АКАДЕМІИ НАУКЪ.
№ 6.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ 1885.

ПРОДАЕТСЯ У КОМИСІОНЕРОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ:
И. Глазунова въ С. П. Б. Эггерса и Комп. въ С. П. Б.
Н. Киммеля въ Ригѣ.

Цѣна 2 руб. 50 коп.

ИСТОРІЯ

РОССІЙСКОЙ АКАДЕМІИ.

М. И. Сухомлинова.

ВЫПУСКЪ СЕДЬМОЙ.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ XLIX-му ТОМУ ЗАПИСОКЪ ИМП. АКАДЕМІИ НАУКЪ.
№ 6.

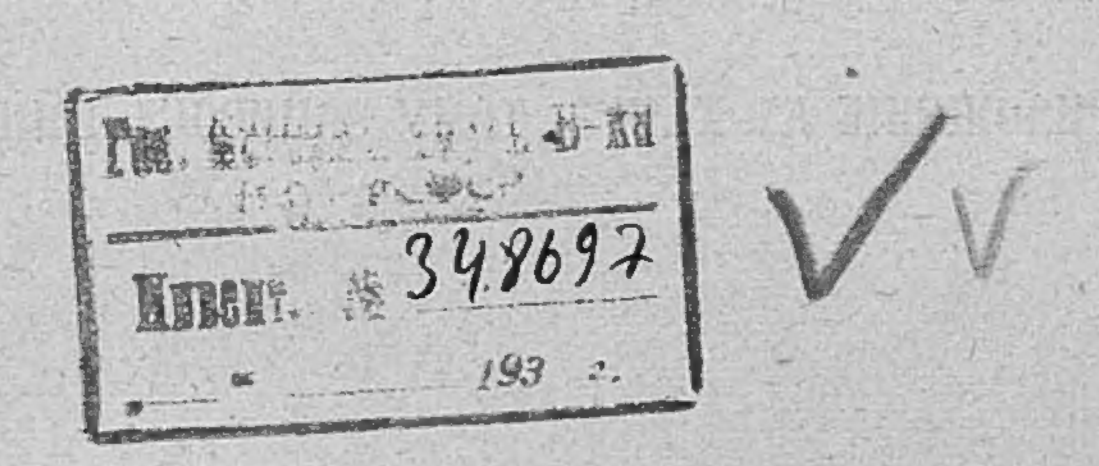
САНКТПЕТЕРБУРГЪ 1885.

ПРОДАЕТСЯ У КОМИСІОНЕРОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ:

Н. Глазунова въ С. П. Б. **Эггерса** и **Комп.** въ С. П. Б.
Н. Киммеля въ Ригѣ.

Цѣна 2 руб. 50 коп.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Декабрь 1884 г.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій.*

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ИСТОРІЯ РОССІЙСКОЙ АКАДЕМІИ.

Судьбы россійской академіи непосредственно связаны съ судьбами русской литературы и съ общимъ ходомъ просвѣщенія въ Россіи. Въ дѣятельности россійской академіи, въ ея трудахъ и предпріятіяхъ, въ самомъ выборѣ живыхъ силъ замѣчается связь съ умственною жизнію страны, съ понятіями и стремленіями, господствовавшими въ образованнѣйшей части общества. Съ ослабленіемъ этой связи падало значеніе академіи, и для нея наступали печальныя времена. Въ лѣтописяхъ россійской академіи особенно дороги тѣ черты, въ которыхъ обнаруживается тогдашнее состояніе просвѣщенія, тогдашній уровень научныхъ и литературныхъ требованій. На этомъ основаніи мы постоянно имѣли въ виду *научно-литературную* и *общественную* дѣятельность членовъ россійской академіи, не ограничиваясь, въ своемъ обзорѣ, одними только трудами ихъ собственно по россійской академіи.

Общее число членовъ, со времени открытія россійской академіи и до преобразованія ея во второе отдѣленіе академіи наукъ, простирается почти до двухсотъ. Само собою разумѣется, что не было и нѣтъ возможности, а иногда и надобности, обозрѣвать жизнь и дѣятельность каждаго изъ нихъ съ одинаковою подробностью. Необходимость выбора очевидна. При выборѣ мы считали и считаемъ нужнымъ руководствоваться какъ степенью участія того или другаго члена въ трудахъ и предпріятіяхъ ака-

деміи, такъ и его значеніемъ въ исторіи русской литературы и науки.

Одни изъ членовъ россійской академіи вносили весьма существенные вклады въ «общій академіи трудъ», другіе принимали въ немъ едва замѣтное участіе. Но какъ бы ни была незначительна доля этого участія, она не должна быть забыта въ историческомъ обзорѣ учрежденія, въ особенности если принадлежитъ замѣчательному ученому или писателю.

Главнѣйшими участниками въ академическихъ работахъ были члены академіи наукъ, избранные и въ члены россійской академіи, а также нѣсколько лицъ, изъ среды нашего образованнаго общества, жившихъ и дѣйствовавшихъ, *на различныхъ поприщахъ*, въ концѣ восемнадцатаго и въ началѣ девятнадцатаго столѣтія. Имена членовъ россійской академіи: Гавріила, Дамаскина, Лепехина, Озерецковскаго, Болтина и др. принадлежатъ къ самымъ почтеннымъ именамъ въ исторіи русской образованности. Однимъ изъ замѣчательныхъ членовъ академіи былъ Козодавлевъ, истинный редакторъ Собесѣдника—журнала, появленіе котораго вызвано тѣми же условіями нашей умственной жизни, какъ и учрежденіе россійской академіи, и т. д.

Въ шести предыдущихъ выпускахъ нашего труда находятся монографіи тѣхъ изъ членовъ россійской академіи, которые принимали наиболѣе ревностное участіе въ академическихъ работахъ и предпріятіяхъ. Въ настоящемъ выпускѣ мы говоримъ о писателяхъ, ученыхъ и вообще о лицахъ, удѣлявшихъ, за немногими исключеніями, для россійской академіи лишь небольшую часть своихъ досуговъ. Вслѣдствіе этого мы находимъ болѣе удобнымъ, вмѣсто монографій, сгрупировать въ общемъ очеркѣ преимущественно тѣ данныя, которыми опредѣляется степень участія отдѣльныхъ лицъ въ академической жизни и дѣятельности. Данныя эти разсѣяны во множествѣ рукописей, иногда только случайно пощаженныхъ временемъ, и представляютъ большій или меньшій интересъ какъ сами по себѣ, такъ и въ связи съ другими чертами, рисующими тогдашніе взгляды, убѣжденія и

нравы. Для того, чтобы наглядно указать отношеніе къ академіи ученыхъ и писателей, избранныхъ въ члены академіи въ различные періоды ея существованія, мы собираемъ въ одно цѣлое свидѣтельства, сохранившіяся, въ томъ или другомъ видѣ, въ первыхъ источникахъ, имѣющихъ такое важное значеніе для историко-литературныхъ изслѣдованій вообще.

Отношеніе россійской академіи къ современной ей литературѣ всего ярче выразилось въ выборѣ писателей, пользовавшихся особеннымъ сочувствіемъ общества. Въ числѣ членовъ россійской академіи находились всѣ или почти всѣ литературныя знаменитости своего времени — отъ Державина до Пушкина. Втеченіе полувѣка, съ 1783 по 1833 годъ, избраны были въ члены россійской академіи: Державинъ, Фонвизинъ, Херасковъ, Княжнинъ, Петровъ, Богдановичъ, Хемницеръ, Капнистъ, Дмитріевъ, Крыловъ, Гнѣдичъ, Карамзинъ, Жуковскій и наконецъ Пушкинъ.

Г. Р. ДЕРЖАВИНЪ.

Державинъ избранъ въ члены россійской академіи при самомъ ея учрежденіи. Въ спискѣ «господъ членовъ, составляющихъ академію», имена которыхъ были провозглашены въ торжественномъ собраніи въ день открытія академіи 21 октября 1783 года, находится «Гаврило Романовичъ Державинъ, первой экспедиціи о государственныхъ доходахъ членъ, статскій совѣтникъ».[1])

Державинъ присутствовалъ въ первомъ, торжественномъ, собраніи россійской академіи, происходившемъ въ день ея открытія, и затѣмъ неоднократно посѣщалъ ее втеченіе 1783 и 1784 годовъ. Впослѣдствіи имя его, какъ присутствовавшаго члена, встрѣчается въ лѣтописяхъ академіи съ конца 1789 и

почти до конца 1791 года. Всего чаще онъ бывалъ въ академіи въ 1790 году. Послѣ долгаго перерыва имя Державина появляется снова: онъ изрѣдка участвовалъ въ академическихъ собраніяхъ въ 1805—1811, 1813 и 1816 годахъ. Въ «краткомъ изображеніи трудовъ» членовъ россійской академіи, читанномъ въ декабрьскомъ собраніи 1790 года, сказано о Державинѣ, что онъ «сколько бытность его въ столицѣ позволяла, участвовалъ въ собраніяхъ академіи». [2])

Россійская академія была дорога Державину уже тѣмъ, что онъ считалъ себя отчасти виновникомъ ея учрежденія. По крайней мѣрѣ въ запискахъ своихъ онъ говоритъ: «Собесѣдникъ начало свое возымѣлъ, *какъ и самая Россійская Академія*, отъ оды Фелицы». [3])

При первомъ распредѣленіи работъ между членами академіи Державинъ взялъ на себя собираніе словъ для предпринятаго академіею словаря, и тогдаже избранъ въ члены *издательнаго* комитета, цѣлью котораго было заботиться о соблюденіи «порядка, чистоты и исправности при *изданіи*» словаря. [4]) Онъ представилъ въ академію слова на букву *Т*. [5]) Въ число ихъ помѣстилъ и мѣстное слово: *тоурить*, въ смыслѣ напрягать, пялить, нахмурить. Слово это онъ слышалъ по средней Волгѣ, и считалъ пригоднымъ и для литературнаго языка: въ одной изъ его одъ «Марсъ *тоуритъ* взоры». Вообще Державинъ полагалъ, что слова мѣстныя, областныя не должны быть исключаемы изъ словаря русскаго языка: «кажется и провинціальныя слова, которыя имѣютъ *выговоръ хорошій и выраженіе смысла точное,* не мѣшаютъ». [6])

По приглашенію академіи, Державинъ изъявилъ желаніе перечитать сочиненія Ломоносова и выбрать изъ нихъ слова для академическаго словаря. [7])

Сочувствуя литературнымъ предпріятіямъ академіи, Державинъ посылалъ для нихъ свои произведенія. Въ 1805 году онъ прислалъ въ академію «Гласъ с.-петербургскаго общества по случаю высочайшаго благоволенія, объявленнаго ему главно-

командующимъ ноября 29 дня». Собраніе, выслушавъ стихи Державина, опредѣлило напечатать ихъ въ своемъ повременномъ изданіи—въ Сочиненіяхъ и переводахъ, издаваемыхъ россійскою академіею, и особо сто экземпляровъ на лучшей бѣлой бумагѣ, на счетъ академіи.[8]) Съ такимъ же радушіемъ принимаемы были и послѣдующіе вклады Державина въ академическія изданія. Въ 1806 году онъ представилъ въ академію стихотворенія: *Облако*, *Громъ*, *Радуга* и оды: На рожденіе великой княжны Елисаветы Александровны и на отправленіе въ армію фельдмаршала Каменскаго. Въ 1807 году — Кантату *Персей и Андромеда*, на побѣду французовъ русскими и Стихи на выступленіе корпуса гвардіи въ походъ противъ французовъ. Въ 1810—1811 годахъ — стихотворенія: *Добродѣтель*, *Тоска души*, *Явленіе*, *Слава*, *Идолопоклонство*, *Шествіе по Волхову россійской Амфитриты*, *Надежда*, *Истина*, и т. д.[9])

Трагедію свою *Иродъ и Маріамна* Державинъ посвятилъ россійской академіи[10]).

Гораздо строже, нежели къ сочиненіямъ самого Державина, академія относилась къ произведеніямъ другихъ авторовъ, которыя Державинъ представлялъ для помѣщенія въ академическія изданія. Такъ онъ сообщилъ съ этою цѣлію «рукописные стихи» Павла Ивановича Сумарокова: сатиру, въ которой разговариваетъ житель столицы съ проѣзжимъ; притчу: *Пѣтухъ*; impromptu на новый 1809 годъ и переводъ Флоріановой басни: *Царь и два пастуха*. Но собраніе при слушаніи этихъ стиховъ замѣтило въ нихъ многіе недостатки и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отступленія отъ правилъ слогоударенія. Державинъ просилъ, отмѣтивъ эти мѣста, возвратить рукопись для доставленія автору[11]). Благодушно подчиняясь приговорамъ академическаго ареопага и въ видахъ поощренія талантовъ, Державинъ представилъ въ академію стихотворенія Язвицкаго: на рожденіе государыни Елисаветы Алексѣевны; къ добродѣтели, на новый 1811 годъ; на взятіе Рущука и на другія побѣды, одержанныя въ Турціи россіянами, и т. д.[12]).

По предложенію Державина избраны въ члены россійской академіи: А. А. Писаревъ, князь Шаховскій, Муравьевъ-Апостолъ, переводчикъ Тацита Поспѣловъ и знаменитый ученый своего времени, епископъ старорусскій, впослѣдствіи митрополитъ кіевскій, Евгеній [13]).

Несмотря на свои служебныя обязанности, поглощавшія весьма много времени, Державинъ не отдалялся отъ академіи, не прерывалъ сношеній съ своими сочленами и не отказывался отъ возлагаемыхъ на него академическихъ работъ даже и въ томъ случаѣ, когда они не вполнѣ приходились ему по вкусу.

Въ бумагахъ Державина сохранилась замѣтка по поводу вопроса, возбужденнаго въ академіи объ употребленіи буквъ *З* и *С* въ сложныхъ словахъ: писать ли *сборъ*, *сдѣлать*, *сдирать*, *воспріять* или *зборъ*, *здѣлать*, *здирать*, *возпріять* и т. п. Державинъ замѣчаетъ: «кажется мнѣ, что при всѣхъ этихъ предлогахъ (т. е. *из*, *воз*, *раз*, *со* и пр.) надлежитъ держаться правописанія церковнаго, потому что оно отъ кореннаго словенскаго языка происходитъ, и что, отдаляяся отъ него, вводятъ новизны, безъ коихъ обойтись можно» [14].

Празднуя первую годовщину своего существованія, академія присудила золотую медаль своему непремѣнному секретарю И. И. Лепехину, который и сообщилъ объ этомъ отсутствующему Державину. Державинъ отвѣчалъ Лепехину слѣдующимъ письмомъ, изъ Петрозаводска [15]):

Милостивый государь мой
Иванъ Ивановичъ!

Покорную вамъ приношу благодарность за доставленіе листовъ словаря, а паче описанія торжества академическаго. Радуюсь чистосердечно, что вы хотя малое получили поощреніе за труды ваши, и княгиня Катерина Романовна достойно ея великодушія поступила, что почесть свою уступила вамъ. Да будете всегда—она славою, а вы притомъ и златомъ—отъ Всевышняго награжденны. Не забудьте выкопать что̀-нибудь изъ древнихъ о

нашемъ олонецкомъ краѣ, то есть о здѣшнихъ народахъ, откуды они происходятъ. Усердно прошу исполнить обѣщаніе ваше.

вашъ, милостиваго государя моего,
покорный слуга
Гавріилъ Державинъ.

13 Генваря 1785 году.
Петрозаводскъ.

Въ качествѣ «управляющаго академіею» П. П. Бакунинъ, неожиданно замѣнившій княгиню Дашкову, заявилъ, что онъ находитъ весьма полезнымъ, чтобы академія предлагала переводить общеполезныя книги, по ея выбору, съ иностранныхъ языковъ на русскій, и объявляла задачи для сочиненій, въ стихахъ и въ прозѣ, которыя или объясняли бы какой-либо историческій предметъ или бы «возвышали и вперяли нравственныя качества»[16]). Получивъ извѣстіе объ этомъ заявленіи управляющаго академіею, Державинъ отвѣчалъ Лепехину[17]).

Милостивый государь мой
Иванъ Ивановичъ!

На почтеннѣйшее ваше письмо, которымъ вы увѣдомляете меня о учиненномъ постановленіи россійской академіи относительно переводовъ на россійской языкъ избранныхъ иностранныхъ книгъ, и о предложеніи задачи для сочиненія, и о прочемъ, имѣю честь симъ изъяснить мои мысли, что таковое положеніе россійской академіи весьма похвально, и я съ моей стороны не только согласенъ на оное, но и почитаю, что послужитъ къ утвержденію, распространенію и укрѣпленію россійскаго слова, а потому не менѣе и къ пользѣ имперіи. Пребываю впрочемъ съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію

вашъ, милостиваго государя моего,
покорнѣйшій слуга
Гавріилъ Державинъ.

С.-Петербургъ.
Генваря 4 дня 1797 года.

Предложенію Бакунина не суждено было осуществиться: у академіи отобрана была сумма, предназначавшаяся на возна-

гражденіе сочинителямъ и переводчикамъ. Но съ перемѣною политическихъ обстоятельствъ возвратились и средства для литературныхъ предпріятій. Въ академіи вошло въ обычай предлагать задачи для соисканія наградъ. Въ судьи избирались лица, почитаемыя знатоками дѣла, а по общему мнѣнію современниковъ Державинъ былъ первымъ судьею въ вопросахъ о достоинствѣ поэтическихъ произведеній. Но не такъ думалъ о себѣ самъ Державинъ: онъ весьма неохотно брался за составленіе критическихъ отзывовъ, откровенно сознаваясь, что онъ вовсе не рожденъ быть критикомъ и не чувствуетъ въ себѣ необходимыхъ для этого способностей.

Россійская академія поручила Державину разсмотрѣть двѣ героическія драмы: *Россы на войнѣ* и *Марѳа Посадница*. Нѣсколько озадаченный подобнымъ порученіемъ, Державинъ пишетъ непремѣнному секретарю академіи, П. И. Соколову [18]):

Милостивый государь мой
Петръ Ивановичъ!

Препровождая при семъ на нынѣшные случаи двѣ оды, которыя, (если) благоугодны окажутся россійской академіи, прошу въ журналѣ ея напечатать. Присланныя отъ васъ драмы еще не имѣлъ время прочесть. Право не знаю, что̀ съ ними дѣлать. Я не имѣю ни дара, ни искусства цѣнить дарованія другихъ, и всячески отъ того уклонялся: работая для себя по моей склонности, не желалъ быть никогда учителемъ въ республикѣ наукъ, дабы не подать иногда кому свободнымъ разсужденіемъ какой непріятности. Впрочемъ, какъ прочту, то доставлю къ вамъ хотя съ невелерѣчивымъ, или—лучше — съ молчащимъ разсужденіемъ. Жалѣю, что васъ давно не видалъ. Покорно прося засвидѣтельствовать мое почтеніе его превосходительству Андрею Андреевичу, пребываю вамъ съ почтеніемъ

вашъ, милостиваго государя моего,
покорнѣйшій слуга
Гавріилъ Державинъ.

15 Ноября 1806 года.

Въ отзывѣ своемъ Державинъ ограничивается краткими замѣтками [19]):

Милостивый государь мой
Петръ Ивановичъ!

Предложеніе россійской академіи я исполнилъ. Прочиталъ двѣ драмы, ко мнѣ присланныя, подъ названіями: одной — *Россы на войнѣ*, г. Сумарокова; другой—*Мароа Посадница*, отъ неизвѣстнаго.

Первая мнѣ весьма понравилась, и ежели бы Богъ благословилъ успѣхами наше оружіе, то и представленіе оной на театрѣ, кажется, не было бы самохвальствомъ,—весьма интересно и дѣлаетъ честь нашей націи. Нѣкоторыя въ стилѣ нечистоты, или несоотвѣтственности свойствамъ языка нашего, я карандашомъ замѣтилъ; но онѣ, по мнѣнію моему, ничего не стоятъ.

Вторая мнѣ совсѣмъ не нравится, какъ по ея содержанію, такъ и по плану, а паче по небреженію, съ каковымъ она писана. Описывать бы то было пространно; но кратко сказать, что не соблюдено свойства языка, ни связи въ сценахъ и проч. и проч. Симъ однако не излагаю я рѣшительнаго какого либо сужденія на сіи піесы, *будучи самъ неискусенъ въ критикѣ*, а зависитъ сіе отъ почтенныхъ членовъ академіи. Какое они сдѣлаютъ опредѣленіе, то я на тò согласенъ.—Пребывая впрочемъ съ истиннымъ почтеніемъ вашъ,

милостиваго государя моего,
покорнѣйшій слуга
Гавріилъ Державинъ.

Державинъ участвовалъ и въ разсмотрѣніи *Зареиды* Хераскова, послужившей поводомъ къ продолжительнымъ совѣщаніямъ и перепискѣ между членами академіи и авторомъ [20]).

Въ послѣдній разъ Державинъ посѣтилъ академію 5 февраля 1816 года. Онъ скончался 8 іюля 1816 года.

Въ повременномъ академическомъ изданіи сказано: «Импера-

торская россійская академія въ засѣданіе свое 12-го числа іюля 1816 получила печальное извѣстіе о кончинѣ члена ея, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и кавалера Гавріила Романовича Державина, воспослѣдовавшей того же іюля съ 8-го на 9-е число въ усадьбѣ его Званкѣ на берегу Волхова. Академія, соболѣзнующая о потерѣ сего знаменитаго сочлена своего, не почитаетъ за нужное извѣщать о его твореніяхъ, всему свѣту извѣстныхъ и безсмертныхъ для потомства»[21]). Въ собраніи академіи 29 іюля 1816 года графъ Д. И. Хвостовъ читалъ свои стихи на кончину Державина[22]).

Д. И. ФОНВИЗИНЪ.

Талантъ Фонвизина давалъ ему неоспоримое право на вступленіе въ академію, дорожившую успѣхами отечественной словесности и сочувствіемъ современнаго общества. Авторъ Недоросля и авторъ Фелицы были истинными свѣтилами тогдашняго литературнаго міра. Имена ихъ украшаютъ списокъ первыхъ членовъ россійской академіи, среди которыхъ находились замѣчательнѣйшіе представители русской литературы. Въ день открытія академіи, 21 октября 1783 года, провозглашенъ былъ членомъ россійской академіи «Денисъ Ивановичъ Фонвизинъ, статскій совѣтникъ»[23]). Списокъ первыхъ членовъ любопытенъ въ томъ отношеніи, что служитъ нагляднымъ доказательствомъ разумнаго выбора живыхъ силъ, призываемыхъ къ общему труду на пользу родного языка и словесности. Но самый порядокъ, въ которомъ слѣдуютъ въ спискѣ одни члены за другими, не имѣетъ никакого существеннаго значенія, и объясняется обычными канцелярскими пріемами того времени. Если Храповицкій, Фонвизинъ, Леонтьевъ и Державинъ слѣдуютъ непосредственно одинъ за другимъ, то потому только, что всѣ они были тогда *статскими совѣтниками*; по этой же причинѣ они поста-

влены ниже *дѣйствительнаго статскаго совѣтника* Хераскова и *бригадира* Турчанинова, и выше *коллежскаго совѣтника* Козодавлева и *надворныхъ совѣтниковъ* Румовскаго и Лепехина, и т. д.

Съ самаго вступленія своего въ академію, т. е. — другими словами—съ самаго ея основанія, Фонвизинъ принималъ живое, дѣятельное участіе въ ея трудахъ. Первый шагъ на пути къ главнѣйшему изъ академическихъ трудовъ—къ составленію словаря сдѣланъ Фонвизинымъ. Справедливо полагая, что для успѣшнаго хода дѣла необходимо установить порядокъ или планъ, по которому оно должно быть ведено, академія образовала изъ среды своей отдѣлъ или—говоря языкомъ того времени—отрядъ, которому предложила выработать главныя, руководящія начала для составленія словаря. Членами этого отряда избраны: *Фонвизинъ*, Леонтьевъ, Румовскій и Лепехинъ, предсѣдательствующимъ былъ митрополитъ Гавріилъ [24]). Планъ или *начертаніе* словаря, послужившее основою для дальнѣйшихъ работъ, представлено въ академію какъ «сочиненное отрядомъ»; но есть основаніе полагать, что истиннымъ авторомъ его былъ Фонвизинъ. Онъ, а не кто другой изъ членовъ, читалъ начертаніе въ собраніи россійской академіи; онъ же горячо отстаивалъ начертаніе и въ личныхъ бесѣдахъ и въ письменныхъ сношеніяхъ съ своими сочленами.

11 ноября 1783 года Фонвизинъ читалъ въ академіи «начертаніе для составленія толковаго славено-россійскаго словаря». При чтеніи сдѣлано было только два возраженія, а именно. Въ начертаніи говорилось: «Славенскія слова неупотребительныя или коихъ знаменованіе опредѣлить неудобно не должны имѣть мѣста въ словарѣ» и «Многія есть слова, которыя объяснять не должно, каковы суть всѣ, означающія всеобщія существъ собственности, напр. *бытіе*, *пространство*, *время* и проч.» Противъ перваго возражала Дашкова, противъ втораго—другіе члены, а Дашкова приняла сторону Фонвизина [25]). Въ слѣдующемъ собраніи, 18 ноября 1783 года, разсуждаемо было о составленномъ Фон-

визинымъ начертаніи или планѣ толковаго словаря, и планъ этотъ «всѣми членами признанъ былъ за достаточный»[26]). Но въ приговорѣ этомъ не участвовалъ самый строгій изъ критиковъ въ академической средѣ Иванъ Никитичъ Болтинъ, и представленныя имъ замѣчанія заставили академиковъ пересмотрѣть и перевершить дѣло. Авторитетъ Болтина одержалъ, хотя и временно, верхъ надъ авторитетомъ Фонвизина: въ собраніи 30 января 1784 года приняты замѣчанія Болтина, направленныя противъ плана Фонвизина. Объ исходѣ академическихъ совѣщаній Фонвизинъ, находившійся на ту пору въ Москвѣ, узналъ изъ письма Лепехина къ Мелиссино, и подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ полученнаго извѣстія написалъ дѣльное и остроумное письмо къ своему сочлену по академіи — Осипу Петровичу Козодавлеву. Оно заключаетъ въ себѣ возраженія на принятыя и одобренныя академіею замѣчанія Болтина, а потому и должно быть разсматриваемо въ связи съ тѣми измѣненіями начертанія, которыя приняты и одобрены академіею въ собраніи 30 января 1784 года.

Въ академическомъ собраніи 30 января 1784 года постановлено слѣдующее[27]):

— Собственныя имена внести въ словарь между прочимъ потому, что они иногда употребляются въ переносномъ смыслѣ и что встарину въ челобитьяхъ и вообще въ судопроизводствѣ употребляемы были мірянами имена уменьшительныя, а духовными лицами—увеличительныя. Изъ собственныхъ именъ помѣщать въ словарь самыя обыкновенныя и чаще употребляемыя, и обозначать, какія изъ нихъ привѣтственныя и какія уничижительныя. —

Фонвизинъ возражаетъ на это: «Собственныя имена отнюдь не составляютъ существа языка, а *уменьшительныя* ихъ еще меньше, и если *Ивану* нѣтъ мѣста въ лексиконѣ, тѣмъ менѣе *Ванькѣ* такая претензія прилична. Чтожъ касается до *увеличивательныхъ*, будто духовными особами употребляемыхъ, то я отъ роду не слыхивалъ, чтобъ собственныя имена имѣли когда-нибудь *увеличивательныя*. Знаю, что бываютъ они полныя и сокращен-

ныя, наприм. *Іоаннъ*, *Иванъ*; но не думаю, чтобъ какой-нибудь архіерей назвалъ себя когда-нибудь *смиренный Іоаннище*. Буде имя *Іоаннъ* для того *увеличивательное*, что содержитъ больше слоговъ и буквъ, нежели *Иванъ*, то по сему правилу *Василиса* было бы увеличивательное *Вассы*. Я не стану говорить объ *Акулинѣ*, которая титло имени *увеличивательнаго* никогда не согласится изъ доброй воли уступить *Акилинѣ*, имѣя съ нею равное число буквъ и слоговъ.

Еслибъ полагать, что *уменьшительныя* именъ собственныхъ принадлежатъ къ нашему словарю, то, безъ сомнѣнія, принадлежатъ къ нему и происходящія отъ собственныхъ *прилагательныя*; напр. отъ *Петра—Петровъ*, отъ *Никиты—Никитинъ*; равнымъ образомъ и отчества, напр. *Кузьмичъ*, *Матвѣичъ*, *Кузьминишна*, *Матвѣевна*. Разсудите, не грѣшно ли терять время на такія безплодныя упражненія?

Академія положила принять въ словарь изъ собственныхъ именъ только самыя употребительныя; но какъ можно опредѣлить, которое имя есть самое употребительное и которое нѣтъ? Всякій за свое имя вступится. Въ вашемъ домѣ *Осипъ*, въ моемъ *Денисъ* весьма употребительны, и мнѣ кажется, что всякое имя нарекается христіанину при святомъ крещеніи точно для того, чтобъ оно было употребительно. Вѣрьте мнѣ, что буде въ лексиконѣ нашемъ помѣстятся и одни тѣ, кои признаны будутъ самыми употребительными, то они съ своими *уменьшительными*, *привѣтственными*, *уничижительными*, и проч. составятъ въ словарѣ нашемъ однихъ *Петрушекъ*, *Ванюшекъ*, *Анютокъ*, *Марѳутокъ* по крайней мѣрѣ не меньше тридцати тысячъ душъ. Тридцать тысячъ душъ имѣть хорошо, но не въ лексиконѣ!

Между резонами для принятія въ словарь именъ собственныхъ академія уважила, что «въ древнихъ нашихъ челобитныхъ и производствахъ просители употребляли имена уменьшительныя». Но, уваживъ сей резонъ, приняла совсѣмъ, коли смѣю сказать, противорѣчащее ему правило: *внесть въ словарь собственныя имена только самыя употребительныя*. Неужели въ нашей древ-

ности могъ подавать челобитье тотъ только, кто назывался напр. Иваномъ или Петромъ? Я увѣренъ, что *Гурій* и *Варсонофій* равное съ ними имѣли право; а по сему резону, если собственныя имена въ словарь принимать, то принимать всѣ: въ каковомъ случаѣ безплодное приращеніе словаря, простираясь еще на нѣсколько фоліантовъ, отдалило бы благополучное онаго окончаніе на безконечные вѣки.

Имена: *Филя*, *Ѳедора*, конечно, въ словарь нашъ внесены быть должны; но не какъ имена собственныя, а какъ имена, употребляющіяся въ метафорическомъ смыслѣ. Я желалъ бы еще, чтобы помѣщены были всѣ содержащія метафорическій смыслъ собственныя имена особъ, прославившихся въ исторіи какъ добродѣтелями, такъ и пороками. Я желалъ бы, напримѣръ, чтобъ въ словарѣ нашемъ было истолковано, что имя *Неронъ* заключаетъ въ себѣ идею лютаго тирана, *Титъ*—государя милосердаго, *Сарданапалъ*—тирана сладострастнаго; что *Зоиломъ* именуется злобный и презрительный критикъ; что имя *Катилина* сдѣлалось титломъ высокомѣрнаго врага отечеству. Симъ образомъ потомство судитъ дѣянія своихъ предковъ»...

— Внести въ словарь названія государствъ, столицъ, знатнѣйшихъ городовъ россійскихъ и знаменитѣйшихъ рѣкъ, морей, и пр. —

Фонвизинъ возражаетъ: «Вслѣдствіе *примѣчаній* академія опредѣлила внесть въ словарь названія государствъ, столицъ и знатнѣйшихъ россійскихъ городовъ. Еслибъ я случился тогда съ вами, то взялъ бы смѣлость поспорить. Теперь въ словарь нашъ войдетъ, напримѣръ, *Франція*. Сдѣлаемъ ей дефиницію кратчайшую: «Франція есть большое европейское государство, окруженное Нидерландами, Германіею, Швейцарію, Савойскою землею, Средиземнымъ моремъ, Пиринейскими горами и океаномъ. Оно находится между 13 и 26 градусами долготы, и между 42 и 51 градусами широты». Пожалуйте, скажите, положеніе Франціи, счетъ градусовъ долготы и широты ея составляетъ ли существо славянороссійскаго языка? Мнѣ кажется,

что, нашедъ въ нашемъ словарѣ сію дефиницію, я такъ же бы удивился, какъ еслибъ въ словарѣ географическомъ нашелъ, что «Франція есть имя собственное, число единственное, рода женскаго». Г. сочинитель *примѣчаній* говоритъ, что знаніе положенія земель весьма полезно. Безъ сомнѣнія; но я увѣренъ, что онъ также признаетъ полезнымъ и знаніе грамматики: слѣдуетъ ли же изъ того, чтобъ въ географію заѣхала грамматика, а въ грамматику географія? Мнѣ кажется, всякая вещь должна быть въ своемъ мѣстѣ. Всего бы лучше держаться и въ семъ случаѣ лексикона французской академіи. Въ немъ не найдете вы ни *France*, ни *Français*, ни *Anglais*. Найдете *Juif*, но съ слѣдующимъ примѣчаніемъ: Juif, subst. masc. On ne met pas ici ce mot comme le nom d'une nation, mais parce qu'il s'emploit figurement en quelques phrases de la langue. Ainsi on appelle Juif un homme qui prête à usure, etc.

Я весьма согласенъ дать въ семъ разумѣ *жиду* мѣсто и въ нашемъ словарѣ, но не пускать въ него *іудеянина*».

— Названія, употребляемыя въ наукахъ, художествахъ и ремеслахъ внести въ словарь всѣ безъ исключенія, какія только найдутся. —

Фонвизинъ замѣчаетъ: «Вразсужденіи техническихъ терминовъ, г. сочинитель *примѣчаній*, кажется, весьма недоволенъ нашимъ начертаніемъ. Онъ «воображаетъ себѣ россіянина, который, ухватясь за нашъ словарь, ищетъ въ немъ словъ: *аберрація*, *перигей*, *эпакта*, *архитрава*; представляемъ себѣ досаду его, когда онъ, рывшись по всему, не найдетъ въ немъ искомыхъ словъ; какое справедливое будетъ его негодованіе на сочинителей! какъ они въ винѣ своей останутся безмолвны»! Еслибъ сія несчастная сцена при мнѣ приключилась, я не далъ бы ей долго продолжаться: раскрылъ бы при немъ нашъ словарь, указалъ бы ему въ немъ *аберрацію*, *перигея*, и спросилъ бы его безъ чиновъ: «да за что же ты бранишься»? И дѣйствительно, ежели словарь дѣланъ будетъ по *начертанію*, то каждое изъ сихъ словъ въ своемъ мѣстѣ найдется. Въ *начертаніи* исключаются тѣ только

названія техническія, кои однимъ ученымъ извѣстны; но какъ многимъ не-астрономамъ извѣстны *аберрація* и *перигей*, многимъ не-хронологамъ знакома *эпакта*, многіе не архитекторы знаютъ, что *архитрава*, то въ силу начертанія всѣ сіи слова должны непремѣнно имѣть мѣсто въ нашемъ словарѣ. Буде же кто захочетъ искать въ немъ названій, напр. каждой корабельной веревочки, и не нашедъ ихъ изволитъ разсердиться—пусть его гнѣвается! Мы не виноваты, если кто въ словарѣ нашемъ не найдетъ того, чего искать въ немъ не должно».

— Областныя слова также включить въ словарь всѣ безъ изъятія, какія только дойдутъ до академіи и не находятся въ столицахъ. —

Фонвизинъ говоритъ: «Далѣе въ *примѣчаніяхъ* нашелъ я слѣдующее, совсѣмъ излишнее разсужденіе: «Провинціяльныя слова, неизвѣстныя или неупотребляемыя въ столицахъ, напрасно изгонять изъ словаря, ибо нѣкоторыя изъ нихъ послужатъ къ обогащенію языка, каковы суть: *луда*, *тундра* и проч.» Правда, что еслибъ въ *начертаніи* таковое изгнаніе предписано было, можетъ быть, въ словарѣ нашемъ не было бы ни *луды*, ни *тундры*. Воля Господня! и тутъ бѣда была бъ не велика; но какъ именно сказано въ начертаніи, что «должны имѣть въ словарѣ мѣсто всѣ тѣ провинціяльныя слова, кои служатъ къ обогащенію нашего языка», то буде *луда* и *тундра* очень хороши, найдутъ и онѣ мѣсто въ нашемъ словарѣ».

— Такъ какъ многіе глаголы, имѣющіе различный смыслъ, пишутся одинаково въ неопредѣленномъ наклоненіи, то, слѣдуя мнѣнію И. Н. Болтина, ставить ихъ въ первомъ лицѣ настоящаго времени изъявительнаго наклоненія. —

Фонвизинъ: «Академія нынѣ рѣшилась «ставить глаголы, *какъ то и должно было*, въ первомъ лицѣ настоящаго времени; ибо многіе разное знаменованіе имѣющіе глаголы одинаково пишутся въ неопредѣленномъ, напр. *жну*, *жать* и *жму*, *жать*». Не понимаю, почему глаголы такъ ставить должно было; увѣренъ я напротивъ того, что въ нашемъ языкѣ весьма мало сы-

щется глаголовъ подобныхъ *жну*, *жать* и *жму*, *жать*. Противъ каждаго изъ нихъ берусь выставить другой, который, имѣя разное знаменованіе, пишется въ первомъ лицѣ одинаково, напр. *лазить*, *лажу* и *ладить*, *лажу*; *пѣть*, *пою* и *поить*, *пою*. Есть хорошіе лексиконы, гдѣ глаголы ставятся въ первомъ лицѣ, есть очень же хорошіе, гдѣ они ставятся въ неопредѣленномъ. Въ сей перемѣнѣ не вижу никакой выгоды, но вижу замѣшательство, и весьма великое; ибо наша аналогическая таблица, которая уже и печатается чаятельно, вся содержитъ глаголы въ неопредѣленномъ. Теперь надобно переводить ихъ на новыя квартиры: *быть* изъ литеры *Б* отправить въ литеру *Е*—*есмь*; *слать* изъ литеры *С* въ литеру *Ш*—*шлю*, и проч.».

— Спросить мнѣніе всѣхъ членовъ о вопросѣ, оставшемся нерѣшеннымъ: быть ли словарю *этимологическому*, т. е. расположенному по корнямъ словъ или же *аналогическому*, т. е. расположенному по азбучному порядку. Болтинъ находилъ, что аналогическій словарь нужнѣе этимологическаго. —

Вопреки мнѣнію Болтина, Фонвизинъ отдаетъ предпочтеніе словарю этимологическому, и говоритъ: «Главнѣйшее *примѣчаніе* осталось, какъ слышу, безъ рѣшенія, то-есть: расположить словарь аналогическимъ ли порядкомъ, или этимологическимъ? Резоны противъ начертанія кажутся мнѣ нимало не основательны. Таблица аналогическая отнюдь не есть второй словарь, но есть истинная и полезная table des matières (оглавленіе) нашего толковаго словаря. Неужель состоящая въ двухъ томахъ подобная таблица словаря энциклопедическаго есть вторая энциклопедія? Г. сочинитель *примѣчаній* говоритъ, что «въ этимологическомъ лексиконѣ, нашедъ *иногда* указанную страницу, не прежде сыщешь въ ней слово, какъ по прочтеніи ея съ начала до конца». Сіе *иногда* случается не рѣже и съ лексикономъ аналогическимъ; но и въ томъ, и въ другомъ нѣтъ конечно нужды читать страницу съ начала до конца, а надобно ее обозрѣть, потому что не въ естествѣ вещей въ одинъ мигъ попадать глазами на искомое слово. Что же надлежитъ до перваго изданія лексикона Француз-

ской академіи, который былъ этимологическій, то конечно неудобности его были весьма велики, ибо не было при немъ той таблицы, которая всѣ неудобства отвращаетъ и которая будетъ при нашемъ словарѣ. Впрочемъ, я то̀ знаю, что изъ словаря *этимологическаго* шестьдесятъ подъячихъ въ одинъ годъ сдѣлаютъ словарь *аналогическій*, а изъ словаря *аналогическаго* шестьдесятъ членовъ россійской академіи ни въ пять лѣтъ не сдѣлаютъ словаря *этимологическаго*» [28]).

Въ собраніи академіи 12 марта побѣда склонилась на сторону Фонвизина, и снова принято многое изъ того, что находилось въ начертаніи, составленномъ Фонвизинымъ. Весьма возможно, что письмо Фонвизина къ Козодавлеву оказало свое дѣйствіе при окончательномъ рѣшеніи вопроса. Хотя Фонвизинъ и просилъ не дѣлать изъ письма его никакого употребленія, разсчитывая на скромность своего пріятеля, незадолго передъ тѣмъ выдавшаго литературную тайну Державина, но если Козодавлевъ поступилъ съ письмомъ Фонвизина такъ же, какъ и съ Фелицею Державина, и показалъ его Дашковой, то послѣдствія такой нескромности были весьма утѣшительны для Фонвизина. Отстаиваемое имъ начертаніе вступило въ свои права и принято въ руководство при составленіи словаря. Начертаніе одобрено и такимъ требовательнымъ и просвѣщеннымъ судьею, какъ ученый епископъ Дамаскинъ. Это видно изъ слѣдующаго письма его къ И. И. Лепехину [29]).

Высокоблагородный господинъ,
милостивый государь мой,
Иванъ Ивановичъ!

На сихъ дняхъ имѣлъ я честь получить благопріятное мнѣ ваше письмо отъ 27 марта и при немъ первоначальные листы аналогической таблицы. Вы сообщеніемъ сея одолжили меня премного, за что̀ свидѣтельствую вамъ достодолжную мою благодарность. Я, справляясь почасту съ планомъ академіи о сочиненіи

россійскаго лексикона, ожидалъ сея таблицы, въ немъ обѣщанной, съ нетерпѣливостію. Она весьма нужна для замѣчанія словъ, между чтеніемъ книгъ и разговорами попадающихся, новыхъ. Что касается до помѣщенія въ ней собственныхъ именъ людей, городовъ, государствъ и проч., то сіе подлинно всякому покажется излишнимъ въ семъ дѣлѣ. Имена собственныя требуютъ особливыхъ историческихъ лексиконовъ, каковы суть: Гофмановъ, Морери и Буддеевъ нѣмецкій большой лексиконъ. Въ семъ же, какой издается отъ академіи, сдѣлаютъ они немалое затрудненіе въ пріискиваніи словъ, а наипаче для иностранныхъ; сверхъ сего и увеличатъ оный чрезмѣрно. Впрочемъ все сіе зависитъ отъ воли академіи.

Прежнее академіи начертаніе о сочиненіи словаря, сколько я могу судить, есть преизрядно, и когда по оному обработанъ будетъ россійскій лексиконъ, то составитъ подлинное сокровище нашего языка. Однако не худо бъ было, ежели бы въ сочиненіи онаго, а паче въ напечатаніи, примѣнялись къ Геснерову лексикону, называемому Matthiae Gesneri Thesaurus linguae latinae. Сей лексиконъ отъ всѣхъ ученыхъ людей заслужилъ отмѣнную похвалу. Не худъ и Roberti Stephani Thesaurus linguae graecae, но требуетъ еще великаго поправленія и пополненія.

Что принадлежитъ до присылки по одному листу таблицъ съ моими примѣчаніями и пополненіями въ академію, то сіе исполнить постараюсь, сколько мнѣ другія дѣла позволятъ. Я изготовилъ было уже къ отсылкѣ въ академію сдѣланный по совѣту ея сіятельства княгини Екатерины Романовны выборъ словъ изъ Бароніевой лѣтописи церковной, изъ сочиненій Пуфендорфовыхъ, изъ кормчей книги и изъ стариннаго лексикона славенороссійскаго, печатаннаго въ кіевопечерской лаврѣ 1627 году; но какъ получены мною первые листы аналогической таблицы, и продолженіе оныхъ получать имѣю, то отложилъ отсылку онаго выбора словъ, а предоставилъ себѣ внести сіи слова въ таблицы и послѣ сообщить. Впрочемъ, желая академіи всякаго успѣха въ продол-

женіи и окончаніи толь важнаго дѣла, есмь и всегда пребуду, съ отмѣннымъ моимъ къ вамъ усердіемъ и почтеніемъ,

вашего высокоблагородія,
милостиваго государя моего,
усердный вседоброжелатель и слуга
Дамаскинъ, епископъ нижегородскій.

Апрѣля 30 дня 1784 года.
Изъ Нижняго.

Желая содѣйствовать трудамъ и предпріятіямъ академіи, Фонвизинъ принялъ на себя собираніе словъ, начинающихся на *К* и на *Л*, и выборъ словъ изъ «Лѣтописца архангелогородскаго» [30]). Въ засѣданіи академіи 18 ноября 1783 года Фонвизинъ изъявилъ согласіе заняться этими работами, а въ засѣданіи 30 января 1784 года Лепехинъ представилъ полученныя имъ отъ Фонвизина собраніе словъ на *К* и на *Л* и собраніе охотничьихъ названій [31]). Фонвизинъ не самъ собиралъ охотничьи названія, а записывалъ ихъ со словъ графа Петра Ивановича Панина, о чемъ и говоритъ въ весьма любопытномъ письмѣ своемъ къ княгинѣ Дашковой. Изъ этого же письма узнаемъ, что Фонвизинъ составилъ списокъ словъ, сложныхъ и производныхъ отъ глагола *дать* [32]):

Милостивая Государаня!

Окончавъ препорученную мнѣ отъ академіи аналогическую таблицу буквъ *К* и *Л*, имѣю честь представить при семъ оную вашему сіятельству, равно какъ и выписанныя мною слова изъ Архангелогородскаго лѣтописца. Всѣ же матеріалы, полученные мною отъ академіи для сей работы, возвращаю въ пакетѣ, адресованномъ на имя г. секретаря Лепехина.

Ваше сіятельство изволили мнѣ поручить сообщить вамъ всѣ производныя и сложныя слова отъ глагола *дать*. Я собралъ ихъ, сколько могъ припомнить, и прилагаю здѣсь на особенномъ листу.

На сихъ дняхъ нашолъ я его сіятельство графа Петра Ивановича въ расположеніи удовлетворить желанію вашему, милостивая государаня, о сообщеніи въ академію охотничьихъ терминовъ. Изъ усердія моего къ успѣхамъ академіи возпользовался я симъ случаемъ, и тотчасъ подъ ево диктатурою написалъ собраніе тѣхъ терминовъ, сколько онъ вспомнить могъ. Здѣсь представляю оные для помѣщенія въ тѣ буквы аналогической таблицы, куда какое названіе принадлежать можетъ. Что же надлежитъ до дефиницій, то я такъ же стараться буду найти графа въ расположеніи ихъ мнѣ надиктовать, а я съ охотою возмусь привести ево работу въ порядокъ, каковаго словарь нашъ требуетъ.

Съ самого пріѣзда моего сюда былъ я непрестанно боленъ, такъ что, со всею моею ревностію работать для академіи, не могъ я ранѣе окончать моихъ литеръ.

Теперь пишу сословникъ, и, въ исполненіе вашего повелѣнія, поспѣшу прислать нѣсколько артикуловъ къ вашему сіятельству.

Позвольте, милостивая государаня, повторить всегдашнія мои увѣренія о глубочайшемъ почтеніи и совершенной преданности, съ коими на всегда имѣю честь быть,

милостивая государаня,
вашего сіятельства
всепокорнѣйшій слуга
Денисъ Фонъ Визинъ.

Генвар. 22 дня 1784.
Москва.

Фонвизинъ очень серьезно относился къ обязанностямъ, принятымъ имъ на себя по академіи, но къ сожалѣнію болѣзнь служила сильнымъ препятствіемъ для его академической дѣятельности. Уѣзжая заграницу, онъ заявилъ собранію, что предпринимая путешествіе въ иностранныя государства, онъ не преминетъ доставлять въ академію труды свои, насколько позволитъ ему отдаленность отъ отечества [33]).

Сочувствіе свое къ цѣли учрежденія и къ занятіямъ россійской академіи Фонвизинъ выражалъ не только въ сношеніяхъ своихъ съ членами по академіи, но и въ статьяхъ, предназначаемыхъ для обширнаго круга читателей—для помѣщенія въ повременныхъ изданіяхъ. Въ одной изъ подобныхъ статей Фонвизинъ говоритъ, что, по его убѣжденію, бѣдность нашей литературы происходитъ отнюдь не «отъ недостатка россійскаго языка, котораго красота и богатство удобны ко всякому выраженію». Истинная причина кроется, по мнѣнію Фонвизина, въ нашемъ общественномъ устройствѣ, лишающемъ насъ права «разсуждать о законѣ и податяхъ и судить поведенія министровъ, государственнымъ рулемъ управляющихъ». Тѣмъ искреннѣе привѣтствуетъ Фонвизинъ учрежденіе россійской академіи, снимающей съ русскихъ писателей роковую печать молчанія. Члены россійской академіи полагали, что они живутъ «въ томъ вѣкѣ, въ которомъ честный человѣкъ можетъ мысль свою сказать безбоязненно». Россійская академія—говоритъ онъ—«конечно много споспѣшествовать будетъ къ образованію и обогащенію россійскаго слова. Слышу я, что академія упражняется въ составленіи россійскаго лексикона и грамматики. Безъ сомнѣнія, сей трудъ будетъ весьма полезенъ; но кажется мнѣ, что между тѣмъ какъ академія симъ занимается, можетъ она дать упражненіе и тѣмъ россійскимъ писателямъ, кои не суть члены академіи. Она можетъ, по примѣру подобныхъ въ Европѣ установленій, задавать ежегодно матеріи къ витійственнымъ сочиненіямъ, награждая побѣдителя въ краснорѣчіи и возбуждая тѣмъ соревнованіе между писателями. Россія имѣла между государями своими великихъ благодѣтелей, кои достойны благодарности. Имѣла она также и между сынами своими истинныхъ отечестволюбцевъ, которыхъ дѣла достойны быть преданы потомству. Можно также задавать и матеріи нравоучительныя, словомъ—упражнять писателей во всѣхъ родахъ сочиненій и тѣмъ возращать россійскаго слова богатство, красоту и силу» [34]).

М. М. ХЕРАСКОВЪ.

Михаилъ Матвѣевичъ Херасковъ воспитывался въ шляхетномъ кадетскомъ корпусѣ, въ которомъ получили образованіе многіе изъ нашихъ писателей и членовъ россійской академіи. Херасковъ поступилъ въ корпусъ въ 1743 году и выпущенъ оттуда въ полкъ въ 1751 году. Въ атестатахъ унтеръ-офицеровъ и кадетъ шляхетнаго корпуса, за 1747 годъ, находимъ такія свѣдѣнія о кадетѣ Михайлѣ Херасковѣ:

Геометрія—Учится планиметріи.

Французскій языкъ—Зачинаетъ переводить съ французскаго на россійскій языкъ.

Нѣмецкій языкъ—Разумѣетъ нѣсколько по нѣмецки и учится грамматикѣ чрезъ легкіе переводы.

Нѣмецкое письмо—Пишетъ по форшрифтамъ.

Исторія и географія — Учится исторіи универсальной и географіи по Гоманскимъ картамъ.

Танцовать—Еще за руки водятъ.

Въ графѣ: «Изъявленіе изученнаго и уповаемой впредь надежды» замѣчено: «Имѣетъ посредственное понятіе».

Въ 1751 году Херасковъ «по прилежному къ наукамъ раченію, оныхъ нарочитому знанію и потомужъ добрымъ поведеніямъ» выпущенъ въ армейскіе подпоручики. До какихъ размѣровъ простиралось «нарочитое знаніе» подпоручика Хераскова, можно судить по слѣдующей оцѣнкѣ его успѣховъ, относящейся къ 1751 году:

Въ фортификаціи регулярной—посредственно.

Въ архитектурѣ, въ черченіи начальныхъ ордиунговъ—посредственно.

Въ переводѣ съ россійскаго на нѣмецкое —нарочито.

Въ нѣмецкой орѳографіи—хорошо.

Въ переводѣ съ россійскаго на французское—еще худо.

Въ универсальной исторіи, на нѣмецкомъ языкѣ, дошелъ

даже до окончанія оной, а въ географіи имѣлъ, сверхъ глобуса вообще и генеральныхъ картъ, токмо о Польшѣ, Даніи, Норвегіи Швеціи и Германіи—посредственно.

Въ рисованіи ландшафтовъ и картушей тушью—еще нехорошо.

Въ фехтованіи, во исправленіи позитуры и въ дѣланіи простыхъ каваціоновъ—посредственно[35]).

Прослужа нѣсколько лѣтъ въ военной службѣ, Херасковъ перешелъ въ гражданскую, и въ 1755 году опредѣленъ асессоромъ московскаго университета. Съ этого времени, т. е. съ самаго основанія университета, общественная дѣятельность Хераскова посвящена была, почти всецѣло, московскому университету. Восемь лѣтъ, съ 1755 по 1763 годъ, Херасковъ былъ асессоромъ, т. е. помощникомъ директора университета, семь лѣтъ, съ 1763 по 1770 годъ,—директоромъ университета, и двадцать четыре года, съ 1778 по 1802 годъ,—кураторомъ московскаго университета.

Въ званіи асессора, Херасковъ завѣдывалъ типографіею университета, исполнялъ обязанности члена конференціи и университетскаго судьи, и вмѣстѣ съ тѣмъ былъ сотрудникомъ и редакторомъ повременныхъ изданій, предпринимаемыхъ въ университетской средѣ[36]).

Приговоры, постановляемые университетскимъ судомъ, любопытны по отношенію къ тогдашнимъ нравамъ. Одинъ изъ учениковъ хотѣлъ подставить ногу учителю; учитель замѣтилъ это *намѣреніе* и далъ ученику пощечину. Ассесоръ Херасковъ и три профессора постановили: учителю и ученику просить другъ у друга прощенія, и т. п.

Въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія Херасковъ издавалъ журналы: *Полезное увеселеніе* и *Свободные часы*.

Будучи директоромъ университета, Херасковъ принималъ непосредственное участіе въ университетской жизни и дѣятельности. Служеніе его университету не было одними только формальнымъ исполненіемъ служебныхъ обязанностей; онъ понималъ суть

дѣла, и искренно стремился, по убѣжденію и по голосу сердца, содѣйствовать умственному и нравственному развитію студентовъ. Императрица Екатерина II приказала, чтобы ей ежегодно представляемы были вѣдомости объ успѣхахъ студентовъ московскаго университета. Представляя эти вѣдомости, Херасковъ являлся ходатаемъ о достойныхъ студентахъ, а подобныя ходатайства и просьбы, въ тѣ времена и при тогдашнихъ порядкахъ, имѣли своего рода значеніе. Приводимъ одно изъ донесеній Хераскова[37]):

Всепресвѣтлѣйшей, державнѣйшей, великой государынѣ
императрицѣ и самодержицѣ всероссійской,
государынѣ всемилостивѣйшей
отъ московскаго университета всеподданнѣйшій репортъ.

Ваше императорское величество соизволили повелѣть тайному совѣтнику и куратору, господину Адодурову, подносить вашему императорскому величеству послѣ ежегоднаго большаго университетскаго экзамена вѣдомость о успѣхахъ каждаго студента и ученика, при ономъ университетѣ обучающихся. Но потому, что оный господинъ кураторъ, за продолжающеюся у него тяжкою болѣзнію, никакихъ дѣлъ исправлять еще не въ состояніи, то препоручилъ онъ мнѣ, сочиня оную вѣдомость, поднести вашему императорскому величеству, которую со всеподданническимъ моимъ усердіемъ при семъ репортѣ прилагаю. По должности моей, къ которой, изъ высочайшей своей милости, ваше императорское величество призвать меня соблаговолили, осмѣливаюсь рекомендовать въ высочайшее ваше покровительство студентовъ и учениковъ, соотвѣтствующихъ материнскому о нихъ призрѣнію вашего императорскаго величества, и отмѣнные успѣхи оказавшихъ,—дабы нерадивые, возревнуя оному благополучію, лутчее стараніе къ ученію возымѣли, а полезныя науки, которыми ваше императорское величество россійское отечество

украсить соблаговоляете, день отъ дня въ наибольшую силу приходили.

Всемилостивѣйшая государыня,
вашего императорскаго величества
всеподданнѣйшій рабъ
Михайла Херасковъ.

Іюля 6 дня 1764 года.

Въ вѣдомости студентовъ, съ августа 1763 года по 30 іюня 1764 года:

У профессора Іогана Фроммана—слушали толкованіе трехъ частей метафизики, то есть онтологію, богословію натуральную и космологію, и вниманіемъ пробовано какъ изъ сей, такъ и изъ предыдущихъ частей, кое они подтвердили своими отвѣтами, такъ что объ успѣхахъ ихъ должно имѣть хорошую надежду. Всѣхъ студентовъ 26.

У Христіана Керштена — слушали лекціи минералогическія и химію металлургическую 7 студентовъ. Изъ нихъ:

1) Иванъ Калиновскій—понятенъ и весьма прилеженъ; столь изрядные оказалъ успѣхи, что если еще одинъ годъ или два упражняться будетъ въ изученіи металлургической и досимастической химіи, то не безъ пользы можетъ употребленъ быть къ руднымъ дѣламъ.

2) Родіонъ Гвоздиковскій—натуральный недостатокъ разума награждаетъ своимъ прилежаніемъ и раченіемъ.

3) Дмитрій Синковскій—хотя также имѣетъ недостатокъ въ разумѣ, токмо прилеженъ.

4) Александръ Раичъ—понятенъ, но неприлеженъ.

5) Михайла Баталзинъ—посредственъ, хотя и прилеженъ.

6) Иванъ Кудринъ—также посредственъ, хотя и прилеженъ.

7) Николай Рубиновскій—ничего не успѣлъ, хотя и оказываетъ свое раченіе хожденіемъ на лекціи.

Хераскову принадлежитъ неоспоримая заслуга въ дѣлѣ, имѣющемъ первостепенное значеніе въ исторіи русской образованно-

сти. Съ именемъ Хераскова связано *введеніе русскаго языка въ университетское преподаваніе.* Извѣстно, что чтеніе лекцій на русскомъ языкѣ началось въ московскомъ университетѣ со времени учрежденія комиссіи для составленія проекта новаго уложенія. Екатерина II, при ея свѣтломъ умѣ, ясно понимала необходимость, чтобы въ Россіи языкомъ науки былъ русскій, а не какой-либо другой, языкъ, и чтобы русскимъ студентамъ, въ русскомъ университетѣ, лекціи читались на русскомъ языкѣ. Въ такомъ духѣ говорила Екатерина съ представителями московскаго университета. Но слова ея, по всей вѣроятности, и остались бы только словами, если бы не встрѣтили сильнаго отголоска въ душѣ людей, искренно любившихъ Россію и родной языкъ, и понимавшихъ значеніе его для распространенія знаній въ русскомъ обществѣ. Драгоцѣннымъ для памяти Хераскова доказательствомъ участія его въ дѣлѣ введенія русскаго языка въ университетское преподаваніе служитъ слѣдующее письмо его къ Сергѣю Матвѣевичу Кузьмину, находившемуся въ Кабинетѣ и при собственныхъ Ея Императорскаго Величества дѣлахъ, у принятія челобитень [38]):

Милостивый Государь мой
Сергѣй Матвѣевичъ,

При всеподданнѣйшемъ поднесеніи университетскихъ каталоговъ, ея императорское величество оказать соизволила высочайшее свое желаніе, при чемъ и вы находились, чтобъ *лекціи при универзитетѣ на россійскомъ языкѣ преподаваемы были.* А какъ вамъ извѣстно, что отъ меня именныхъ повелѣній принять не можно, то сіе благоразумное учрежденіе можетъ безъ дѣйства остаться. Хотя, по моему директорскому званію, могу въ силѣ того учинить исполненіе, и г. кураторъ на тó согласится; но сіе не далѣ будетъ продолжаться, какъ по мою бытность при универзитетѣ. И для того не изволите ли доложить ея величеству, чтобъ утвердить всевысочайшее намѣреніе письменно, которое уже навсегда твердымъ узаконеніемъ останется. Русскіе профе-

соры и доктора, читая лекціи порусски, пользу отечеству и честь и славу наукъ основательницѣ принесутъ. Между тѣмъ юридическія лекціи на сей недѣлѣ порусски читать начнутся. Впрочемъ, ожидая вашего совѣта или особливаго указа, есмь

вашего превосходительства,

милостиваго государя моего,

всепокорный слуга

Михайла Херасковъ.

17 $\frac{II}{13}$ 67

Москва.

Кураторство Хераскова ознаменовано цѣлымъ рядомъ дѣйствій на пользу университета и просвѣщенія. Хераскову обязанъ своимъ существованіемъ «вольный, благородный пансіонъ», вызванный живыми потребностями времени. Въ качествѣ куратора Херасковъ ввѣрилъ Новикову университетскую типографію, и «событіе» это признается «достопамятнымъ въ исторіи русской литературы и просвѣщенія». Херасковымъ же учреждена педагогическая семинарія, при университетской гимназіи, для образованія учителей, и т. д. Обозрѣвая дѣятельность Хераскова и взвѣшивая его заслуги, историкъ московскаго университета, бывшій вмѣстѣ съ тѣмъ и историкомъ русской литературы, имѣлъ полное основаніе сказать: «Имя Хераскова принадлежитъ къ числу именъ, незабвенныхъ для московскаго университета. Миновала въ наше время его литературная слава; но память его будетъ жить въ лѣтописяхъ университетскаго образованія. Почти все поприще его жизни и службы, отъ первой извѣстности до конца дней, за исключеніемъ одного только краткаго эпизода, было посвящено московскому университету. Съ именемъ Хераскова соединяется также память незабвеннаго основателя университетскаго благороднаго пансіона, колыбели Жуковскаго и другихъ славныхъ мужей нашего отечества» [39]).

Добросовѣстные и ревностные труды Хераскова не всегда цѣнились по достоинству, и скромный труженикъ осужденъ былъ на борьбу съ лишеніями и невзгодами. По крайней мѣрѣ такъ

можно заключить изъ письма его къ императрицѣ, которое, по всей вѣроятности, онъ вынужденъ былъ написать только подъ гнетомъ самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ [40]):

Всемилостивѣйшая Государыня,

Достигнувъ болѣзненной старости въ службѣ вашего императорскаго величества, которую нынѣ продолжаю близъ 20 лѣтъ въ званіи университетскаго куратора, безо всякаго повышенія, не имѣя, по несчастнымъ моимъ обстоятельствамъ, другого пропитанія кромѣ государскаго вашего жалованья, въ недостаткѣ и крайности, но служа по чистой моей совѣсти завсегда непорочно, въ чемъ свидѣтельствуюсь моимъ предстателемъ Иваномъ Ивановичемъ Шуваловымъ, осмѣливаюсь при истеченіи дней моихъ отверзть мое сердце предъ лицемъ прозорливѣйшей монархини, преклонить мои дрожащія колѣна предъ священнымъ твоимъ престоломъ, простирать къ тебѣ трепещущія мои руки, къ тебѣ, матерь моя, матерь отечества, и воззвать къ божественному твоему милосердію:

Внемли моленію старца, преклоняющаго сѣдинами покрытую главу свою къ монаршимъ стопамъ твоимъ. Она лежитъ у ногъ твоихъ, и дотолѣ не восклонится, доколѣ лучи божественныхъ щедротъ вашихъ возсіяютъ ко мнѣ, оживотворятъ меня, воскресятъ!

Тогда, воспрянувъ въ радостныхъ слезахъ, возопію къ Богу и къ потомству: царствующей великой Екатеринѣ, существовалъ я на земли во благоденствіи. И въ самой вѣчности возглашу: во дни россійской Астреи златымъ временемъ я наслаждался!

Всемилостивѣйшая государыня,
вашего императорскаго величества
усерднѣйшій вѣрноподданный
Михайла Херасковъ.

1795 года
декабря 24 дня.

Расположеніе къ литературнымъ занятіямъ обнаружилось у Хераскова весьма рано, въ его учебные годы, въ стѣнахъ шляхетнаго корпуса. До конца жизни своей Херасковъ сохранилъ любовь къ русской литературѣ и неодолимое желаніе вносить въ нее свои посильные вклады. О томъ, какъ относились къ произведеніямъ Хераскова современные ему писатели и критики, можно судить по отзывамъ, относящимся къ концу шестидесятыхъ и къ началу семидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія. Авторъ извѣстія о русскихъ писателяхъ, появившагося въ иностранномъ литературномъ журналѣ, говоритъ:

— «Михаилъ Херасковъ, коллежскій совѣтникъ и директоръ московскаго университета, написалъ двѣ трагедіи: *Венеціянская монахиня* и *Пламена*. Содержаніе послѣдней заимствовано изъ русской исторіи. Онъ написалъ также комедію подъ заглавіемъ: *Безбожникъ*. Всѣ эти произведенія посредственны. Говоря чистосердечно, онъ принадлежитъ только къ числу первыхъ по времени удачныхъ писателей нашихъ въ этихъ родахъ, такъ же, какъ и въ одѣ. Напротивъ, нельзя отказать ему въ заслуженной похвалѣ за его сатирическія статьи, частью въ стихахъ, частью въ прозѣ. Онъ издалъ также двѣ книги басень, которыя, послѣ сумароковскихъ, лучшія на русскомъ языкѣ. Онъ еще живъ и въ самомъ цвѣтѣ лѣтъ; ему немного за тридцать».

Въ историческомъ словарѣ русскихъ писателей, составленномъ Н. И. Новиковымъ, находимъ слѣдующія свѣдѣнія о Херасковѣ и его литературныхъ трудахъ:

— «Херасковъ, Михайло Матвѣевичъ, государственной бергъ-коллегіи вицепрезидентъ и вольнаго экономическаго общества членъ. Человѣкъ острый, ученый и просвѣщенный, и искусный какъ въ иностранныхъ, такъ въ россійскомъ языкѣ и стихотворствѣ. Сочиненіи его слѣдующія. Трагедіи: *Венеціанская монахиня*, *Мартезія и Ѳалестра*, и *Пламена*, которая напечатана и представлена на публичномъ театрѣ въ Москвѣ. Трагедія *Бориславъ* не напечатана, отдана на придворный театръ. Героическая въ стихахъ комедія *Безбожникъ* въ одномъ дѣйствіи; двѣ части

Басенъ; двѣ поэмы: *Плоды наукъ* и *Чесменскій бой*; книга: *Нума Помпилій или Процвѣтающій Римъ*; *Новыя оды*; *Пѣсни героическія*; — всѣ напечатаны въ разныхъ годахъ. Также сочинилъ онъ много торжественныхъ, духовныхъ и анакреонтическихъ одъ, эклогъ, эпистолъ, стансовъ, сонетовъ, идиллій, элегій, эпиграммъ, мадригаловъ и другихъ мелкихъ стихотвореній, и одну героиду, *Аріанда къ Тезею*, подражая Овидію; также въ стихахъ и прозѣ сатирическихъ писемъ и другихъ, о разныхъ матеріяхъ, которыя всѣ напечатаны въ ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ: Полезномъ увеселеніи 1760, 1761 и 1762 годовъ; Невинномъ упражненіи и Свободныхъ часахъ 1763 года въ Москвѣ, которымъ всѣмъ онъ былъ издатель, и также много изъ его сочиненій напечатано въ академическихъ ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ разныхъ годовъ. Есть много его торжественныхъ одъ и эпистолъ, напечатанныхъ особо въ Санктпетербургѣ и Москвѣ. Вообще сочиненія его весьма много похваляются; а особливо, трагедія *Бориславъ*, оды, пѣсни, обѣ поэмы, всѣ его сатирическія сочиненія и *Нума Помпилій*, приносятъ ему великую честь и похвалу. Стихотворство его чисто и пріятно, слогъ текущъ и твердъ, изображенія сильны и свободны; его оды наполнены стихотворческаго огня, сатирическія сочиненія—остроты и пріятныхъ замысловъ, а *Нума Помпилій*—философическихъ разсужденій; и онъ по справедливости почитается въ числѣ лучшихъ нашихъ стихотворцовъ, и заслуживаетъ великую похвалу» [41]).

Въ концѣ семидесятыхъ годовъ появилась поэма Хераскова *Россіяда*—произведеніе, по словамъ современниковъ, еще небывалое въ нашей литературѣ и изумившее тогдашнихъ критиковъ и своимъ возвышеннымъ содержаніемъ, и красотою своихъ формъ, и даже своимъ объемомъ... Почитатели Хераскова называли его русскимъ Виргиліемъ и пророчили ему безсмертіе въ литературѣ; даже враги его—«зоилы, сердца которыхъ пыли отъ зависти»—считали нужнымъ тщательно сравнивать Россіяду съ Энеидою, Генріадою и другими прославленными произведеніями.

Торжественнымъ признаніемъ литературныхъ заслугъ автора Россіяды было избраніе его въ члены общества, высоко цѣнившаго писателей, изображавшихъ «звучныя дѣла нашихъ государей и знаменитыя дѣянія нашихъ предковъ». Въ достопамятный день открытія россійской академіи, 21 октября 1783 года, членомъ ея провозглашенъ «Михайло Матвѣевичъ Херасковъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ, московскаго университета кураторъ»[42]).

Живя вдали отъ академіи, Херасковъ не принималъ непосредственнаго участія въ ея дѣятельности, и только изрѣдка переписывался, по тому или другому поводу, съ своими сочленами и посылалъ для академическихъ изданій свои стихотворенія.

Въ одномъ изъ писемъ къ президенту академіи А. А. Нартову Херасковъ обѣщаетъ содѣйствовать, чтобы грамматика, изданная россійскою академіею, введена была въ общее употребленіе въ училищахъ, подвѣдомыхъ московскому университету[43]):

Милостивый Государь мой
Андрей Андреевичъ,

Благодарю россійскую императорскую академію и ваше превосходительство за доставленіе мнѣ новой россійской грамматики. Я принимаю ее какъ наилучшій плодъ, трудами ея произведенный и созрѣвшій подъ благотворною сѣнію всемилостивѣйшаго нашего государя. Ясность, полнота и естественный порядокъ въ расположеніи частей рѣчи отличаютъ предъ прочими сію грамматику; а по такимъ ея преимуществамъ, способствующимъ равно къ преподаванію и вразумленію, надѣюсь я, съ согласія членовъ конференціи императорскаго московскаго университета, ввести ее въ общее употребленіе въ гимназіяхъ онаго. Чтожъ касается до предъпріемлемаго академіею труда, въ издаваніи ежемѣсячныхъ сочиненій состоящаго, то признаюсь вашему превосходительству, что я, по любви моей къ словесности, не отрекся бы принять въ ономъ самаго ревностнаго и усерднаго уча-

стія; но отъ меня, при старости моей, такъ какъ отъ увядающаго дерева, зеленыхъ отраслей, а тѣмъ меньше вкусныхъ плодовъ ожидать не можно. Впрочемъ по мѣрѣ силъ моихъ за честь себѣ поставлю сообщать иногда академіи мои стихотворныя сочиненія. Но съ большею готовностію постараюсь исполнить возлагаемый на меня священный долгъ—приглашеніемъ и поощреніемъ другихъ, извѣстныхъ мнѣ, любителей россійскаго слова къ похвальному сему подвигу.

Удостовѣряя въ семъ искреннемъ моемъ расположеніи къ россійской академіи, съ истиннымъ моимъ почтеніемъ и преданностію, есмь

вашего превосходительства,
милостиваго государя моего,
покорнѣйшій слуга
Михайло Херасковъ.

Апрѣля 28 дня 1802 года.

Особенно тревожила Хераскова судьба его послѣдняго дѣтища—трагедіи *Зареида*, которую онъ написалъ, на закатѣ дней своихъ, по вызову академіи—на предложенную ею задачу. Представляя трагедію свою на судъ академіи, Херасковъ не объявилъ имени автора, и съ большимъ нетерпѣніемъ и безпокойствомъ ожидалъ академическаго приговора. Переписка Хераскова о Зареидѣ была окружена нѣкотораго рода таинственностію. Въ письмахъ той и другой стороны есть нѣсколько чертъ, рисующихъ понятія и нравы тогдашняго литературнаго міра.

Въ письмѣ къ президенту россійской академіи А. А. Нартову Херасковъ говоритъ: «Что надлежитъ до трагедіи *Зареиды*, то писатель ея, будучи только ученикъ въ драматическомъ искусствѣ, съ благодарностію приметъ замѣчанія и мнѣнія, на его сочиненіе написанныя, и стараться будетъ недостатки и погрѣшности поправить, назначенные его учителями» [44]).

По разсмотрѣніи Зареиды Нартовъ писалъ Хераскову [45]):

Милостивый государь мой
Михаилъ Матвѣевичъ!

Съ удовольствіемъ препровождаю при семъ къ вашему высокопревосходительству похвальное слово Михаилу Васильевичу Ломоносову, читанное членомъ академіи россійской г. Севергинымъ въ торжественномъ ея собраніи ноября 25 дня, въ который праздновала она день своего учрежденія.

О трагедіи *Зареидѣ*, о которой вы въ письмахъ вашихъ ко мнѣ упоминаете, имѣю честь увѣдомить васъ, *съ тѣмъ однакоже, чтобы сіе осталось извѣстнымъ только между нами*, что сія трагедія, равно какъ и всѣ другія на заданные предметы присланныя сочиненія, академіею уже разсмотрѣны, и жребій ихъ рѣшенъ. При семъ разсматриваніи найдено, что трагедія *Зареида* писана стихами чистыми, плавными и во многихъ мѣстахъ сильными, но въ шествіи и расположеніи ея есть нѣкоторые недостатки, кои воспрепятствовали академіи одобрить оную во всѣхъ ея частяхъ. Одинъ изъ членовъ академіи, въ драматическихъ твореніяхъ и въ ѳеатральномъ искусствѣ многоопытный и весьма свѣдущій, сдѣлалъ подробное сей трагедіи разсмотрѣніе и сообщилъ академіи свои замѣчанія и мысли на всѣ тѣ мѣста, которыя, по мнѣнію его, перемѣнить нужно къ большему сочиненія сего совершенству. Замѣчанія сіи, ежели только вамъ угодно будетъ, доставить къ вамъ почту себѣ за удовольствіе. Ежели сочинитель сей трагедіи, показывающія въ немъ отмѣнныя дарованія къ сему роду твореній, воспользуясь помянутыми замѣчаніями и мыслями, и соединя ихъ съ своимъ остроуміемъ, заблагоразсудитъ въ новомъ ея видѣ вторично представить академіи подъ сокрытымъ именемъ, то вѣроятно, что она будетъ увѣнчана назначенною наградою. — Пребываю съ истиннымъ почтеніемъ, и пр.

Декабря 7 дня 1805 г.

Членъ академіи, «многоопытный въ драматическихъ твореніяхъ и въ ѳеатральномъ искусствѣ» былъ никто другой, какъ зна-

менитый актеръ своего времени Иванъ Аѳанасьевичъ Дмитревскій. Съ покорностію принимая всѣ его замѣчанія, Херасковъ ожидаетъ отъ него новыхъ, заранѣе обѣщая воспользоваться ими съ признательностью [46]):

Милостивый государь мой
Андрей Андреевичъ!

Вотъ извѣстная уже вашему превосходительству трагедія *Зарецда*. Авторъ, по совѣту россійской академіи, всю ее переправилъ и, думаю, достигъ предположенной своими наставниками цѣли. Но какъ академія не подтвердила въ газетахъ прежней трагедіи задачи и совсѣмъ о томъ умолкла, то, кажется, и сія уже поздно посылается, слѣдственно для академіи не нужна. Въ такомъ случаѣ прошу васъ приложенный экземпляръ возвратить ко мнѣ, показавъ напередъ Ивану Аѳанасьевичу Дмитревскому, не присовѣтуетъ ли онъ еще чего поправить: авторъ съ благодарностію все приметъ и можетъ прислать потомъ трагедію для представленія на петербургскомъ театрѣ. Съ моимъ истиннымъ почтеніемъ есмь

вашего превосходительства,
милостиваго государя моего,
всепокорный слуга
Михайла Херасковъ.

Съ однимъ только замѣчаніемъ Дмитревскаго Херасковъ никакъ не могъ согласиться: перемѣнить черниговскаго князя на половецкаго казалось ему трудностью непреодолимою. Онъ пишетъ Нартову [47]):

Милостивый государь мой
Андрей Андреевичъ!

Авторъ Зарецды, исправя свою трагедію по замѣчаніямъ Ивана Аѳанасьевича Дмитревскаго, черезъ меня оную возвращаетъ къ вашему превосходительству; онъ все стараніе употре-

билъ сообразиться съ мнѣніями своего благоразумнаго разсмотрителя. Что надлежитъ до предложенія, то, безъ сомнѣнія, по совѣту Ивана Аѳанасьевича трагедія наилучшій успѣхъ получить могла бы; но авторъ Зареиды отступилъ бы тогда отъ своей цѣли: онъ хотѣлъ изобразить пагубныя слѣдствія, отъ раздробленія государствъ, а особливо россійскаго, проистекающія; перемѣнить черниговскаго князя на половецкаго стоитъ труда не малаго и совсѣмъ можетъ переиначить намѣреніе сочинителя. Словомъ, легче будетъ сочинить новую, нежели переправить старую; но, можетъ быть, современемъ авторъ отважится сочинить въ семъ родѣ особую пьесу.

Препоручая все сіе вашему благоразсмотрѣнію, съ моимъ истиннымъ почтеніемъ есмь

вашего превосходительства,
милостиваго государя моего,
покорнѣйшій слуга
Михайла Херасковъ.

Вскорѣ послѣ этого письма и незадолго до смерти автора трагедія его была наконецъ одобрена академіею. Членами «комитета», выбраннаго для окончательнаго разсмотрѣнія Зареиды, были: Державинъ, Шишковъ, Дмитревскій, А. С. Хвостовъ, Карабановъ и П. И. Соколовъ. Комитетъ нашелъ, что «въ сей трагедіи слогъ чистъ и исправенъ; свойства введеныхъ въ оную лицъ выдержаны хорошо и прилично; правила, таковому роду сочиненій свойственныя, соблюдены съ довольною точностію, и вообще трагедія сія есть наилучшая изъ всѣхъ, по сіе время въ россійскую академію доставленныхъ трагедій» [48]).

Херасковъ не дожилъ до напечатанія своей трагедіи. Вдова Хераскова извѣстила, что воля ея покойнаго мужа была, чтобы награду, присужденную ему за Зареиду, предоставить въ распоряженіе россійской академіи. Академія постановила обратить эту награду на пользу русской словесности, пригласивъ къ сочиненію трагедіи, въ пяти дѣйствіяхъ, заимствованной изъ отечественной

исторіи, и комедіи, содержаніе которой должно быть взято изъ національныхъ нравовъ и обычаевъ [49]).

При выпускѣ въ свѣтъ трагедіи *Зареида* явилось недоразумѣніе по поводу нѣкоторыхъ стиховъ, возбуждавшихъ различные толки. На угрозу князя Изяслава «искоренить врага» Велисанъ, вельможа кіевскій отвѣчаетъ [50]):

Законъ нашъ не отмщать
Велитъ врагамъ; велитъ любить ихъ и прощать.
Иль хочешь поступить ко раздраженью неба,
Какъ лютый Святополкъ, убивъ Бориса, Глѣба;
Невинныхъ братьевъ кровь донынѣ вопіетъ
И царству нашему покою не даетъ.
Увы! предвѣстіе мое да не свершится!
Чужому племени нашъ край поработится;
Ужъ громы противъ насъ недалеко гремятъ,
Восплачетъ каждый домъ, восплачетъ каждый градъ;
Россія приметъ видъ рыдающей вдовицы;
Падутъ въ позорный плѣнъ и жены, и дѣвицы;
Иноплеменники вѣнцы сорвутъ съ князей.
Тамъ всѣ въ опасности, гдѣ въ царствѣ нѣтъ друзей!
Вотъ пагубны плоды Россіи раздѣленной:
Она гнѣздомъ слыветъ раздоровъ во вселенной,
Отечества у насъ, ни правъ народныхъ нѣтъ;
Кто превозмогъ кого, такъ тотъ и верхъ беретъ.
Потомки Рюрика! въ Россіи ставъ князьями,
Намъ дайте правило быть вѣрными друзьями.
Братоубійцами, князья, страшитесь быть;
Учите насъ родство и ближняго любить;
Цвѣтущи отрасли Владимировой крови,
Являйте намъ примѣръ взаимныя любови.

Стихи эти президентъ Нартовъ предлагалъ академическому собранію на обсужденіе, нужно ли ихъ перемѣнить или исправить. Всѣ члены, присутствовавшіе въ собраніи «единогласно отвѣт-

ствовали, чтобы помянутые стихи оставить безъ всякой перемѣны, потому что они не содержатъ въ себѣ ничего противнаго историческимъ произшествіямъ того времени, къ которому сіе театральное дѣйствіе относится»[51]).

Херасковъ скончался въ 1807 году. Кончина его вызвала искреннее сожалѣніе въ кругу питомцевъ университетскаго благороднаго пансіона и въ средѣ сочленовъ покойнаго по россійской академіи. Питомецъ основаннаго Херасковымъ пансіона, Граматинъ, написалъ элегію на смерть Хераскова[52]). Въ собраніи россійской академіи 12 октября 1807 года заявлено, что членъ академіи Павелъ Ивановичъ Голенищевъ-Кутузовъ прислалъ изъ Москвы нѣсколько экземпляровъ «печатныхъ стиховъ, сочиненныхъ имъ въ память члена академіи Михаила Матвѣевича Хераскова, скончавшагося минувшаго сентября 7 числа, и коего имя въ лѣтописи россійской словесности пребудетъ незабвенно»[53]).

Я. Б. КНЯЖНИНЪ.

Яковъ Борисовичъ Княжнинъ былъ также членомъ россійской академіи съ самаго ея основанія. Въ спискѣ лицъ, имена которыхъ провозглашены въ торжественномъ собраніи при открытіи академіи, находится и «Яковъ Борисовичъ Княжнинъ, коллежскій асессоръ при его высокопревосходительствѣ Иванѣ Ивановичѣ Бецкомъ»[54]). Еще задолго до учрежденія россійской академіи на Княжнина смотрѣли какъ на одну изъ блестящихъ надеждъ нашей литературы. По свѣдѣніямъ относящимся къ началу семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, Княжнинъ «много писалъ весьма изрядныхъ стихотвореній, одъ, элегій и тому подобнаго; перевелъ въ стихи письмо графа Коминга къ его матери; наконецъ, сочинилъ трагедію Дидону, дѣлающую ему честь: сія трагедія весьма много похваляется знающими людьми и почитается въ числѣ лучшихъ въ россійскомъ театрѣ; она еще

въ свѣтъ не издана. Впрочемъ подалъ онъ надежду ожидать въ немъ хорошаго трагическаго стихотворца»[55]).

Княжнинъ принадлежалъ къ числу дѣятельныхъ членовъ россійской академіи. Часто посѣщая академическія собранія, онъ весьма охотно принималъ на себя работы по главному изъ предпріятій академіи въ первые года ея существованія: представилъ академіи слова на *В*, собранныя имъ какъ матеріалъ для словаря, участвовалъ въ разсмотрѣніи плана словаря и замѣчаній, сдѣланныхъ Болтинымъ, и т. д.[56]) Княжнинъ, по изъявленному имъ согласію избранъ въ члены *объяснительнаго* отдѣла, занятія котораго состояли въ опредѣленіи словъ и объясненіями ихъ примѣрами, со словами, и т. п.[57]).

Въ перечнѣ трудовъ академиковъ, съ 1783 по 1790 годъ, сказано, что Княжнинъ «доставилъ академіи собранныя имъ слова по чину азбучному, начинающіяся съ письмени *В*»[58]).

Въ собраніи россійской академіи 18 января 1791 года «секретарь исполнилъ печальный долгъ возвѣщеніемъ собранію кончины достойнаго академіи члена Якова Борисовича Княжнина, коего *стихотворенія* и *многіе переводы* содѣлываютъ имени его похвалу и останутся у потомства въ незабвенной памяти»[59]).

В. П. ПЕТРОВЪ.

Державинъ, Фонвизинъ, Херасковъ и Княжнинъ, какъ самые видные представители «изящныхъ письменъ» (belles-lettres) призваны были положить основаніе академіи русскаго языка и словесности. Къ именамъ этихъ литературныхъ знаменитостей своего времени присоединились, вскорѣ послѣ ея учрежденія, еще два имени—въ члены ея избраны: Петровъ и Богдановичъ.

Василій Петровичъ Петровъ, питомецъ московской «латинской» или «славяно-латинской» академіи, былъ въ ней, по окончаніи курса, преподавателемъ синтаксимы, піитики и риторики.

Въ тогдашнія времена обязанности преподавателя этихъ предметовъ опредѣлялись такимъ образомъ:

— «Учитель синтаксимы изъяснять будетъ синтаксиму по латинской санктпетербургской грамматикѣ, съ полнымъ прибавленіемъ нужнѣйшихъ правилъ, и просодію изъ латинскаго Альвара — Emmanuelis Alvari de institutione grammatica, libri III, съ показаніемъ способа перемѣшанные латинскіе стихи приводить по правиламъ въ порядокъ; да сверхъ обыкновенныхъ часто задаваемыхъ экзерцицiевъ и учителемъ всѣхъ подправляемыхъ, имѣетъ переводить съ учениками или Корнелія Непота или краткія Цицероновы эпистолы, и на уроки задавать; въ утренніе же суботніе часы будетъ преподавать начала ариѳметики.

Учитель піитики—какъ руководство къ риторикѣ изъ вратиславской (т. е. изданной въ Бреславлѣ — Wratislaviae), такъ и науку о сочиненіи стиховъ латинскихъ и россійскихъ изъяснитъ толкованіемъ и примѣрами; сверхъ же задаваемыхъ обыкновенныхъ экзерцицiевъ читать будетъ классическихъ, до піитики надлежащихъ, авторовъ, вопервыхъ Овидія, потомъ Виргилія, порядкомъ піитическимъ, изыскивая отъ учениковъ и показывая имъ качество періодовъ, тропъ и фигуръ; также, въ два дни недѣли, въ опредѣленные на то часы, Цицероновы книги о существѣ боговъ, а въ суботніе дни, въ утренніе часы, преподаютъ краткую Целляріеву географію по ландкартамъ географическимъ, съ показаніемъ проблематъ по глобусу.

Учитель риторики толковать будетъ всю риторику вратиславскую, съ дополненіемъ нужнѣйшихъ правилъ изъ Гейнекція, при чемъ оканчивающимъ курсъ риторическаго ученія дастъ по одному примѣру, показавъ въ самомъ дѣйствіи способъ сочинять большія рѣчи и проповѣди, самъ оныя съ учениками сочиняя; да сверхъ ученикамъ задаваемыхъ, а учителемъ подправляемыхъ нѣкоторыхъ риторическихъ всякаго рода экзерцицiевъ, будетъ читать, наблюдая порядокъ риторическій, Цицероновы ораціи, для лучшаго которыхъ уразумѣнія изъяснитъ древности римскія Целляріевы нужнѣйшія, а въ суботу всякой недѣли, послѣ поло-

вины дня, исторію универсальную Голбергову, на латинскомъ языкѣ, по греческой хронологіи» и т. д. [60]). —

Педагогическую дѣятельность Петровъ перемѣнилъ на придворную службу. Онъ пользовался особеннымъ расположеніемъ Потемкина и при его содѣйствіи получилъ мѣсто библіотекаря при дворѣ Екатерины II.

Въ оцѣнкѣ литературныхъ заслугъ Петрова не сходились между собою тогдашніе критики. Одни изъ нихъ увлекались лирическими нарѣчіями Петрова и называли его вторымъ Ломоносовымъ; другіе недовѣрчиво смотрѣли на прославляемаго лирика, предоставляя времени рѣшить, выйдетъ ли изъ Петрова второй Ломоносовъ или же Петровъ останется навсегда только Петровымъ [61]).

Признавая ли справедливымъ первое мнѣніе, въ угоду ли Потемкину или въ надеждѣ пріобрѣсти въ лицѣ образованнаго и трудолюбиваго писателя новую силу для зарождавшагося учрежденія, Дашкова предложила Петрова въ члены россійской академіи. Въ собраніи 11 ноября 1783 года, третьемъ со времени учрежденія академіи, избранъ въ члены ея предложенный предсѣдателемъ, княгинею Дашковою «господинъ надворный совѣтникъ Василій Петровичъ Петровъ» [62]). Принявъ выборъ съ благодарностью, Петровъ однакоже рѣшительно отказался отъ участія въ какихъ бы то ни было академическихъ трудахъ и предпріятіяхъ. Несравненно выше ихъ онъ ставилъ переводъ Энеиды, которому на ту пору онъ отдавалъ всѣ свои досуги. Въ переводѣ Энеиды онъ видѣлъ свое настоящее призваніе и съ наивною самоувѣренностью заявлялъ, что едва ли кто другой въ состояніи совершить этотъ великій подвигъ. На приглашеніе участвовать въ трудахъ академіи Петровъ прислалъ любопытный отвѣтъ [63]):

Милостивый государь!

При письмѣ вашемъ получилъ я букву *Р* и начертаніе, академіею утвержденное, изъ котораго усмотрѣлъ что сочиненіе,

словаря есть дѣло не шуточное. Оно требуетъ вниманія и довольнаго времени. И я бы желалъ, по моему къ словеснымъ наукамъ любленію, споспѣшествовать всѣми силами россійской академіи въ толь достохвальномъ начинаніи; но какъ я имѣю довольно важный трудъ на рукахъ, каковъ есть преложеніе Виргилія, который всего меня занимаетъ; прошу васъ, милостивый государь, объяснить академіи мою невозможность быть ей въ сочиненіи словаря соучастникомъ. Просвѣщенные члены, безъ сумнѣнія, увѣрены, какого труда и терпѣнія стоитъ прелагать Виргилія, особливо такому мѣшкотному, или, лучше сказать, мало на свои силы полагающемуся человѣку, какъ я. И кто знаетъ, можетъ быть сочинять словарь многіе умѣютъ, а перевесть Виргилія стихами, съ нѣкоторою исправностію, я одинъ удобенъ. Не подумайте, что я хвастаю своими талантами. Я увѣренъ, есть въ Россіи тысячи блещущихъ умовъ, но не у всякаго на толь долгій трудъ достанетъ терпѣнія. Притомъ вообразите, что мой трудъ благоугоденъ ея императорскому величеству, усердной словесныхъ наукъ покровительницѣ, которая доставляетъ мнѣ возможные способы къ безпомѣшному онаго продолженію; и я напрягаю крайнія силы, особливо при случающихся мнѣ нынѣ часто болѣзненныхъ припадкахъ, окончить оный, сколь можно, скорѣе, дабы та особа, которая благословила его начало, увѣнчала и конецъ, милостивымъ, какъ ей обычно, на него воззрѣніемъ. Похвала устъ ея—мой лавръ. Не завидьте моему счастію. Но хотя я отрицаюся принять трудъ, возлагаемый на меня академіею, я всѣмъ сердцемъ благодарю за доброе обо мнѣ ея мнѣніе, и постараюсь дать ей отчетъ въ моемъ времени другими свидѣтельствами, но которыя послужатъ къ распространенію же словесныхъ наукъ, о коихъ толико достохвальное она имѣетъ попеченіе.

Имѣю честь быть съ истиннымъ почтеніемъ вашъ,

милостиваго государя,

покорнѣйшій слуга

В. Петровъ.

И. Ѳ. БОГДАНОВИЧЪ.

Въ одно время съ Петровымъ, 11 ноября 1783 года, избранъ, по предложенію О. П. Козодавлева, въ члены россійской академіи «господинъ коллежскій асессоръ Ипполитъ Ѳедоровичъ Богдановичъ»[64]). Въ противоположность Петрову, Богдановичъ оказался однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ академіи, принимая постоянное и ревностное участіе въ ея занятіяхъ и работахъ.

Богдановичъ весьма усердно посѣщалъ академическія собранія; особенно часто, не пропуская почти ни одного собранія, бывалъ онъ въ академіи съ мая 1789 до января 1792 года. Немногіе изъ сочленовъ Богдановича могли сравниться съ нимъ въ исправности посѣщенія академическихъ засѣданій.

Немедленно по вступленіи своемъ въ академію Богдановичъ избранъ былъ въ члены *издательнаго* отдѣла, на которомъ лежали заботы объ исправномъ изданіи предпринятаго академіею словаря[65]).

Тогда же Богдановичъ взялъ на себя собираніе словъ на букву *Ф*, которыя и представилъ академіи весьма скоро, употребивъ на эту работу не болѣе четырехъ недѣль[66]).

По изданіи первой части словаря, Богдановичъ сообщилъ академіи дополненія на букву *А*[67]).

Для академическаго словаря Богдановичъ выбиралъ также слова изъ сочиненій Александра Петровича Сумарокова, обѣщая «замѣтить все, могущее послужить примѣромъ». Вслѣдствіе заявленія одного изъ членовъ академіи о необходимости приводить примѣры изъ сочиненій Сумарокова, къ Богдановичу обратились съ просьбою доставить въ академію выбранные имъ изъ Сумарокова примѣры по крайней мѣрѣ на буквы *Б* и *В*. Богдановичъ отвѣчалъ на это, что онъ «съ радостію желаетъ способствовать трудамъ академіи и, сколько время допуститъ, доставлять свои примѣчанія на лучшія мѣста всѣхъ, не токмо стихотворческихъ, но и прозаическихъ твореній»[68]).

Не ограничиваясь языкомъ литературнымъ, произведеніями образцовыхъ, по понятіямъ того времени, писателей, Богдановичъ обращался и къ памятникамъ народнаго языка и словесности, и сообщилъ академіи «сдѣланное имъ собраніе народныхъ словъ и поговорокъ» [69]).

При обсужденіи спорнаго вопроса о словѣ: *воскресеніе* и его настоящемъ корнѣ Богдановичъ читалъ въ академіи «мнѣніе свое слѣдующаго содержанія: [70]).

«При изслѣдованіи корня какого либо слова, подверженнаго сумнѣніямъ, нужно войти въ исторію человѣческаго разума. Корни самыхъ ученыхъ и избранныхъ словъ происходятъ и должны происходить отъ простыхъ реченій, знаменовавшихъ вначалѣ какую-либо простую вещь или какое-либо простое дѣйствіе. Нѣтъ сомнѣнія, что *воскресеніе* знаемо было древнимъ прежде Христа Спасителя. Пророкъ Елисей воскресилъ юношу и въ писаніяхъ царя Давида читаемъ: *воскресни, Господи! Спаси мя, Боже мой.* Въ другомъ же мѣстѣ: *да воскреснетъ Богъ и разточатся врази его.* Посему должно предположить нѣкоторые первобытные глаголы, хотя неупотребительные. Сложный глаголъ *воскреснуть* предполагаетъ, конечно, простой глаголъ *креснуть.* Глаголъ *воскресить* предполагаетъ *кресить.* Глаголъ *воскрешать* предполагаетъ *крешать.* Рѣшивъ по исторіи, что ни *воскреснуть*, ни *креснуть*, ни *кресить* отъ Спасителева *креста* происходить не могутъ, должно разсмотрѣть, что слово *крещеніе*, имѣющее ощутительное единство съ *крешеніемъ*, равно отъ Спасителева креста происходить не можетъ, ибо Христосъ прежде страстей крестился, и его крещеніе инако называется *Богоявленіе* не токмо въ русскомъ, но и въ другихъ христіанскихъ языкахъ.

Если слово *крещеніе* значитъ явленіе Бога, то слѣдуетъ, что *воскрещеніе*, или, по употребительному изреченію, *воскресеніе* и *воскрешеніе* есть то же, что возъявленіе или новое сущности явленіе.

Христосъ изъ мертвыхъ воскресъ будетъ то же, что Христосъ возъявился, т. е. вновь явилъ сущность свою, или вновь ознаменовался жизнію; равнымъ образомъ, когда другихъ вос-

крешалъ и Лазаря еще прежде страстей своихъ, будетъ то же, что явилъ ихъ въ прежней сущности. И какъ въ славенскомъ языкѣ не находится глагола *существовать*, то казалося бы, что глаголъ *креснуть* долженствовалъ замѣнять сей недостатокъ. Что надлежитъ до глаголовъ *кресить* и *крешать*, то кажется, что оные и нынѣ употребляются въ справедливѣйшемъ ихъ произношеніи *крестить* и *крещать*, т. е. знаменить и знаменовать существо или жизнь крещаемаго». —

По вызову россійской академіи, Богдановичъ принялъ на себя составленіе піитики, занимаясь вмѣстѣ съ тѣмъ какимъ-то, «долговременнымъ сочиненіемъ», и присылалъ для академическихъ изданій свои вклады, стихотворные и прозаическіе. Вклады эти принимались неособенно радушно, какъ открывается изъ любопытной переписки между авторомъ и членами академіи.

Получивъ отъ академіи предложеніе «сочинить науку россійскаго стихотворенія» или «правила россійской поэзіи», Богдановичъ отвѣчалъ академику И. И. Лепехину [71]):

Милостивый государь
Иванъ Ивановичъ,

Почтенное и вѣжливостію наполненное письмо ваше отъ 26-го минувшаго декабря я имѣлъ честь получить. Благодарю императорскую россійскую академію за напамятованіе моихъ любоохотныхъ въ словесностяхъ упражненій. Весьма ласкательно такое благоволительное напамятованіе мнѣ, какъ старинному россійской академіи сочлену, который никогда не предполагалъ себѣ болѣ пріятнаго воздаянія, какъ то, чтобы удостоиваться дружелюбныхъ благорасположеній моихъ почтенныхъ собратій. Въ семъ видѣ время, посвященное для академіи, соотвѣтственно было моему усердію. Но какъ я не получилъ извѣщенія, имѣю ли честь и нынѣ принадлежать академіи, ни о новыхъ ея членахъ и предписаніяхъ, то, милостивый государь, извините меня благодушно, когда на сей случай усердіе мое останавливается, въ невѣдѣніи о вещахъ, кои толь близко принадлежатъ моимъ склонностямъ,

охотѣ, усердію и купно вашему уваженію, которымъ вы меня почтить благоволили.

Есмь съ совершеннымъ къ Вамъ почитаніемъ и преданностію, милостивый государь,

вашъ всепокорнѣйшій слуга
Ипполитъ Богдановичъ.

Посылая для академическихъ изданій свою стихотворную «бездѣлушку», Богдановичъ писалъ предсѣдателю россійской академіи А. А. Нартову [72]):

Милостивый государь
Андрей Андреевичъ,

Пріятное и обязательное вашего превосходительства письмо отъ 14 апрѣля, съ приложенною при немъ Россійскою Грамматикою, имѣлъ я честь получить. Какъ любитель россійскаго слова, весьма радуюсь видѣть новые, подъ вашимъ, милостивый государь, руководствомъ, на пользу отечества, плоды академіи; и какъ особо вашъ истинный почитатель, многократно благодарю васъ и за произведеніе, и за благосклонное сообщеніе мнѣ трудовъ академическихъ, возвышающихъ честь Россіи и славу обожаемаго ея самодержателя. Весьма для меня лестно приглашеніе вашего превосходительства къ соучаствованію въ полезныхъ трудахъ академическихъ. Прошу васъ и россійскую императорскую академію быть въ полной увѣренности, что въ усердіи моемъ къ тому не будетъ недостатка. Вы, конечно, извинить меня изволите, естьли время не позволитъ мнѣ служить вамъ частыми въ академическія изданія работами, ибо я предпринялъ потрудиться надъ нѣкоторымъ долговременнымъ сочиненіемъ, которое, уповаю, возможетъ такъ же счастливо удостоиться вашего ко мнѣ толь благорасположительнаго одобренія, а къ тому не преминулъ я, по прежнему отъ академіи приглашенію, начертать планъ и другому сочиненію, т. е. правиламъ россійской поэзіи. Желается мнѣ, если Богъ поможетъ, совершить въ услугу отечеству и то и другое.

Правила россійской поэзіи раздѣлилъ я на пять частей:

первая содержитъ понятія о усовершенствованіи слова въ пространномъ смыслѣ;

вторая—о поэзіи словесной россійской;

третья—о поэзіи гармоничной россійской;

четвертая—о музыкѣ поэтической;

пятая—о сочетаніи поэзіи съ музыкою.

Но сію работу я произвожу неторопливо, и думаю, что мѣшкатность должна служить въ пользу сочиненія таковаго рода.

Между тѣмъ пріемлю вольность пріобщить здѣсь къ вашему превосходительству стихотворную бездѣлушку, какая, на сей первый случай, у меня въ черныхъ бумагахъ отыскалась. Для ежемѣсячнаго же изданія приходитъ мнѣ на память, что послѣдняя ода моя на коронацію, удостоенная высочайшаго государя императора благоволенія и вашему превосходительству отъ меня сообщенная, нигдѣ еще не напечатана. Не изволите ли разсудить за благо помѣстить ее, гдѣ и какъ прилично. Прилагаю также оду на бракосочетаніе государя императора, которая, помнится, въ общихъ изданіяхъ не была же напечатана. Ту и другую предоставляю въ полное ваше благорасположеніе. Постараюсь прислать къ вамъ не въ долгомъ времени и другое что̀-нибудь новое въ ежемѣсячное изданіе.

Главная моя награда конечно всегда будетъ ваше, милостивый государь, и высокопочтенной моей собратіи одобреніе и благоволеніе.

Притомъ однако долженъ вамъ изъявить, съ полною сердца моею откровенностію и довѣренностію, что доходы мои весьма не широки и ограничиваются однимъ только коллежскаго совѣтника жалованьемъ, какое въ Бозѣ почивающая государыня императрица мнѣ по смерть, за сороколѣтнюю службу, продолжать повелѣла, во ожиданіи лучшаго, ея кончиною неисполненнаго. Поддерживаюсь нынѣ не инако, какъ продая въ нуждѣ часть моей библіотеки. Силы мои и усердіе хотя достаточны ко вступленію опять въ службу, но скоро ль откроется вицегубернатор-

ская ваканція въ Курскѣ, или другое въ Петербургѣ, съ хорошимъ жалованьемъ, приличное для меня мѣсто, подвержено неизвѣстности; а между тѣмъ, естьли кто изъ высокопочтенной моей собратіи, имѣя доступъ ко благодѣтельному государю, представитъ ему мои нужды и исходатайствуетъ изъ кабинета, до опредѣленія меня къ мѣсту, подкрѣпительное состоянію моему жалованье, тому безконечно буду обязанъ и благодаренъ. Просить о томъ россійскую императорскую академію не осмѣливаюсь потому только, что академія, въ строгости учрежденія, ограничена въ своихъ доброжеланіяхъ и благотвореніяхъ, но предаю Богу, государю и благодѣтелямъ о благосостояніи моемъ при добрыхъ случаяхъ попеченіе.

Есмь съ высокопочитаніемъ и полною къ особѣ вашей преданностію,

милостивый государь,

вашего превосходительства,

всеусерднѣйшій и всепокорнѣйшій слуга

Ипполитъ Богдановичъ.

Вскорѣ послѣ этого Богдановичъ прислалъ Нартову «тетрадку» своего сочиненія при слѣдующемъ письмѣ [73]):

Милостивый государь

Андрей Андреевичъ!

На обязательное письмо вашего превосходительства, отъ 24-го мая, не могу отвѣтствовать лучше, какъ прилагая при семъ тетрадку для академическихъ изданій и вамъ, милостивый государь, препоручая особо посильныхъ трудовъ моихъ благопріятіе. Что надлежитъ до упоминаемыхъ вами приличныхъ воздаяній отъ академіи, признаюсь вамъ искренно, что не имѣю въ виду денежныхъ награжденій, и былъ бы прискорбенъ, еслибы усердіе мое тѣмъ платилось. Видя же ваше благорасположеніе доложить при случаѣ государю о моихъ способностяхъ и усердіи къ дѣлу, взялъ я смѣлость рѣчь мою, какую къ вамъ посылаю, дедиковать государю императору и представить его величеству чрезъ

благопредстательное посредство ея величества государыни императрицы вдовствующей. Такимъ образомъ надѣюсь подать вамъ способъ представлять государю о теперешнемъ моемъ положеніи. Съ поправленіемъ состоянія, вамъ извѣстно, таланты и усердіе возрастаютъ. Много былъ бы я доволенъ особымъ изъ кабинета, сверхъ пенсіи, до опредѣленія меня къ мѣсту, хорошимъ жалованьемъ, доволенъ былъ бы хоть чиномъ, хотя крестомъ, обѣщаннымъ въ кавалерской владимірской институціи, хотя другимъ какимъ государскимъ отличіемъ, только бъ не былъ я наказанъ малою единовременною денежною выдачею, какая унижаетъ духъ и погашаетъ дворянское усердіе. Благодѣянія же ваши постараюсь заслуживать всѣми моими силами, и доказывать, что я есмь истиннымъ образомъ, съ глубочайшимъ почитаніемъ и полною къ особѣ вашей преданностію,

милостивый государь,
вашего превосходительства
всеусерднѣйшій и всепокорнѣйшій слуга
Ипполитъ Богдановичъ.

Обращаясь къ своимъ сочленамъ и судьямъ посылаемаго произведенія, Богдановичъ говоритъ [74]):

Высокопочтенная моя собратія!

Предлагая посильный трудъ мой вашему благоволительному вниманію, всепокорнѣйше васъ прошу воспріять благодушно не столько талантъ мой, какъ усердіе, съ каковымъ охотно желаю соучаствовать въ вашихъ общеполезныхъ упражненіяхъ.

Есмь съ истиннымъ къ вамъ высокопочитаніемъ и достодолжною приверженностію,

высокопочтенная моя собратія,
вашъ всеусерднѣйшій и всепокорнѣйшій слуга
Ипполитъ Богдановичъ.

Что̀ заключалось въ присланной Богдановичемъ «тетрадкѣ» и какія вещи называлъ онъ «бездѣлушкою», видно изъ отвѣта

академіи на запросъ, сдѣланный ей министерствомъ по поводу сочиненій Богдановича: [75])

Въ академическомъ собраніи 10 ноября 1802 года читанъ былъ полученный изъ министерства народнаго просвѣщенія запросъ слѣдующаго содержанія:

«Въ канцелярію министра народнаго просвѣщенія изъ канцеляріи академіи россійской нужно имѣть въ скоромъ времени точныя свѣдѣнія: когда и по какому случаю Ипполитъ Богдановичъ приглашаемъ былъ россійскою академіею къ соучастію въ трудахъ ея? По сему ли приглашенію, или отъ него самого присланы были въ академію его сочиненія и какія именно? Обѣщаны ли были ему денежныя награды за какія-нибудь сочиненія? и присланныя имъ сочиненія одобрены ли академіею»?

Вслѣдствіе этого запроса, въ томъ же засѣданіи читана была непремѣннымъ секретаремъ записка, объясняющая весь ходъ дѣла и проливающая свѣтъ на сношенія Богдановича съ россійскою академіею. Въ запискѣ говорится:

«Императорская россійская академія чрезъ С.-Петербургскія вѣдомости отъ 11-го числа іюня 1801 года приглашала между прочимъ упражняющихся въ россійскомъ стихотвореніи къ сочиненію оды на день коронованія его императорскаго величества Александра I-го, опредѣляя за лучшую оду въ почесть золотую медаль, а за другую оду, изяществомъ своимъ къ первой подходящую,—серебряную медаль. Оды сіи долженствовали быть присылаемы съ произвольною надписью, съ запечатанною запискою, содержащею имя и мѣсто пребыванія сочинителя. Г. коллежскій совѣтникъ Ипполитъ Ѳедоровичъ Богдановичъ по сему ли приглашенію, или по долгу званія члена академіи сообщилъ въ оную списокъ оды на случай коронаціи государя императора Александра I-го при письмѣ на имя г. президента академіи Андрея Андреевича Нартова, отъ коего, по согласію собранія, іюля 27-го числа 1801 года бывшаго, между прочимъ, отвѣтствовано было слѣдующее: «объ одѣ откровенно вамъ доношу, что печатать ее отъ академіи не могу и подать оную отъ лица вашего смѣлости

не имѣю; поелику сочинитель, ежели почитаетъ твореніе свое достойнымъ поднесенія, долженъ искать путь къ сему чрезъ статсъ-секретаря. Впрочемъ доставленный ко мнѣ списокъ оды, яко достойное похвалы сочиненіе, я имѣлъ честь сообщить академіи, которой весьма пріятно будетъ получать отъ васъ разнаго рода прозаическія и стихотворческія сочиненія, которыхъ она съ удовольствіемъ ожидать будетъ». И поелику г. Богдановичъ, сообщая академіи сію оду, не скрылъ своего имени, то оная и не могла итти въ конкурсъ съ прочими присланными въ академію одами съ запечатанными сочинителей ихъ именами, и симъ самымъ лишилъ себя права на полученіе обѣщаннаго отъ академіи награжденія золотою или серебряною медалью, ежели бы его ода того была удостоена.—Отъ 26-го декабря 1801 года покойный непремѣнный академіи секретарь статскій совѣтникъ Иванъ Ивановичъ Лепехинъ, по препорученію г. президента во время собранія, бывшаго въ 14-й день того же декабря, писалъ къ г. Богдановичу: «Не угодно ли ему будетъ принять на себя трудъ составить правила россійскаго стихотворенія, или россійской поэзіи, и просилъ его, буде угодно будетъ ему принять сей трудъ, прислать въ академію начертаніе симъ правиламъ, которое, по разсмотрѣніи въ академіи, возвращено ему будетъ, дабы онъ, слѣдуя оному начертанію, могъ продолжать сей трудъ, по совершеніи коего академія пристойное сдѣлать ему возмездіе за долгъ себѣ поставитъ». На таковое приглашеніе г. Богдановичъ сдѣлалъ г. Лепехину письменный отзывъ отъ 6-го генваря 1802 года, въ коемъ между прочимъ пишетъ: «Благодарю императорскую россійскую академію за напамятованіе моихъ любоохотныхъ въ словесностяхъ упражненій. Весьма ласкательно такое благоволительное напамятованіе мнѣ, какъ старинному россійской академіи сочлену, который никогда не предполагалъ себѣ болѣ пріятнаго воздаянія, какъ то, чтобы удостоиваться дружелюбныхъ благорасположеній моихъ почтенныхъ собратій. Но какъ я не получилъ извѣщенія, имѣю ли честь и нынѣ принадлежать академіи, ни о новыхъ ея членахъ и предписаніяхъ,

то, милостивый государь, извините меня благодушно, когда на сей случай усердіе мое останавливается въ невѣдѣніи о вещахъ, кои толь близко принадлежатъ моимъ склонностямъ, охотѣ и усердію». Отъ 14-го апрѣля сего года г. президентъ, его превосходительство Андрей Андреевичъ Нартовъ, препровождая къ г. Богдановичу, яко члену академіи, изданную оною россійскую грамматику и увѣдомляя, что академія, по высочайшему соизволенію, сверхъ обыкновенныхъ ея трудовъ обязана издавать ежемѣсячныя прозаическія и стихотворческія сочиненія, приглашалъ его такъ, какъ любителя наукъ словесныхъ и члена академіи, принять участіе въ семъ трудѣ, сообщая въ академію свои творенія, до словесныхъ наукъ относящіяся. На сіе письмо г. Богдановичъ между прочимъ отвѣтствуетъ: «что таковое приглашеніе для него лестно, и въ усердіи его къ тому не будетъ недостатка; что онъ не преминулъ по прежнему приглашенію отъ академіи начертать планъ правиламъ россійской поэзіи», который онъ въ семъ же письмѣ въ 6-ти строкахъ состоящій и сообщаетъ. При семъ же письмѣ доставилъ онъ въ академію: 1) *Стихи*, въ 27-ми строкахъ состоящіе, отъ проѣзжаго *къ Ульянѣ, сиротѣ, въ деревнѣ просящей милостинки*. 2) *Оду Екатеринѣ, именемъ второй, дѣлами первой*, на бракосочетаніе ихъ императорскихъ высочествъ, государя великаго князя Александра Павловича и государыни великой княгини Елизаветы Алексѣевны, сентября 28 дня 1793 года, и притомъ увѣдомляетъ, что академія можетъ также помѣстить въ ежемѣсячныхъ изданіяхъ и сообщенную имъ прежде оду на коронацію государя императора Александра Павловича, которая, по его же въ семъ письмѣ извѣщенію, удостоена высочайшаго благоволенія. — По сему случаю г. президентъ академіи отвѣтствовалъ г. Богдановичу, что для него пріятно, что онъ, г. Богдановичъ, предпринялъ трудъ сочинить россійскую поэзію, желая ему успѣшныхъ въ томъ подвиговъ, увѣряя, что безъ приличнаго воздаянія оное не останется, и прося его притомъ сообщать и впредь свои стихотворенія для ежемѣсячныхъ сочиненій. — Наконецъ 17-го іюня

доставилъ онъ академіи *рѣчь о достоинствѣ вообще словесности и о произведеніи словъ россійскихъ*, при двухъ письмахъ, изъ коихъ первое писано на имя г. президента, въ которомъ г. Богдановичъ между прочимъ изъясняется, что таковое его сочиненіе подастъ его превосходительству способъ представлять государю императору о теперешнемъ его положеніи, и что онъ много бы былъ доволенъ особымъ изъ кабинета, сверхъ пенсіи до опредѣленія къ мѣсту, хорошимъ жалованьемъ, или хотя чиномъ, хотя крестомъ, обѣщаннымъ въ кавалерской владимірской институціи, хотя другимъ государскимъ отличіемъ, кромѣ малой единовременной денежной выдачи, какая унижаетъ духъ и погашаетъ «дворянское усердіе». Второе жь письмо къ г. членамъ академіи, въ коемъ проситъ онъ о благосклонномъ труда его принятіи.

2-е. Изъ сего явствуетъ, что академія, приглашая г. Богдановича къ сочиненію правилъ россійскаго стихотворства, обѣщала ему сдѣлать соразмѣрное возмездіе. Но какое именно, о семъ ничего не сказано. Впрочемъ помянутаго сочиненія въ академію и понынѣ еще отъ него не сообщено. За прочія жь вышеупомянутыя стихотворенія и рѣчь, въ академію имъ, г. Богдановичемъ, сообщенныя, никакого награжденія отъ россійской академіи ему не было обѣщано.

3-е. О стихахъ и одахъ, г. Богдановичемъ сообщенныхъ, академія рѣшительнаго разсужденія не имѣла, ибо она строжайшее разсмотрѣніе всѣхъ твореній, какъ понынѣ присланныхъ, такъ и тѣхъ, кои впредь для помѣщенія въ ежемѣсячныя изданія присылаемы будутъ, оставляетъ до того времени, когда она дѣйствительно приступитъ къ изданію помянутыхъ сочиненій. Что жь касается до рѣчи о достоинствѣ вообще словесности, то по прочтеніи оныя въ собраніи 5-го іюля, нѣкоторые изъ господъ членовъ приняли на себя трудъ, прочтя оную особенно, сообщить академіи письменныя свои на нее замѣчанія, изъ коихъ господа члены академіи, присутствовавшіе въ бывшее августа 23-го дня собраніе, видя, что рѣчь сія ни по слогу, каковымъ она писана, ни по мыслямъ, въ ней содержащимся, не заслуживаетъ одобре-

нія императорской россійской академіи, опредѣлили: оставить ее безъ всякаго дѣйствія и хранить въ академическомъ архивѣ».

Въ концѣ 1802 года разсуждали въ академіи о сочиненіяхъ Богдановича и о предстоящей автору дѣятельности, а въ началѣ 1803 года получено извѣстіе о его кончинѣ. Курскій гражданскій губернаторъ увѣдомилъ россійскую академію, что «находившійся въ Курскѣ коллежскій совѣтникъ Ипполитъ Ѳедоровичъ Богдановичъ, бывъ нѣсколько дней боленъ, сего генваря 7 числа въ первомъ часу по полуночи скончался, коего тѣло, по долгу христіанскому, предано землѣ 9 числа сегожъ теченія, на херсонскомъ кладбищѣ» [76]).

И. И. ХЕМНИЦЕРЪ.

Изъ писателей, дѣятельность которыхъ имѣетъ неоспоримое значеніе въ исторіи русской литературы, избраны, также въ восемнадцатомъ столѣтіи, въ члены россійской академіи: Хемницеръ, Капнистъ и Дмитріевъ.

Имя Хемницера только два раза встрѣчается въ лѣтописяхъ россійской академіи: первый разъ — при извѣстіи о выборѣ его въ члены академіи, второй и послѣдній—при извѣстіи о кончинѣ преждевременно умершаго писателя.

Хемницеръ избранъ 24 февраля 1784 года по предложенію члена россійской академіи Николая Александровича Львова «главнаго почтовыхъ дѣлъ правленія совѣтника». Въ академическомъ собраніи 24 февраля 1784 года, по представленію княгини Дашковой, Н. А. Львова и Н. Я. Озерецковскаго, избраны академіею въ члены: архимандритъ Павелъ; «господинъ коллежскій совѣтникъ и генеральный консулъ въ Смирнѣ Иванъ Ивановичъ Хемницеръ» и докторъ медицины Н. П. Соколовъ» [77]).

Не прошло и мѣсяца со времени избранія Хемницера въ члены академіи, а его уже не было въ живыхъ: онъ скончался

20 марта 1784 года. Въ первомъ послѣ смерти его академическомъ собраніи И. И. Лепехинъ «исполнилъ печальный долгъ объявленіемъ кончины достойнаго своего сочлена Ивана Ивановича Хемницера, надворнаго совѣтника и генеральнаго консула въ Смирнѣ, который твореніями своими, а наипаче баснями, между россійскими витіями отмѣнную заслужилъ похвалу» [78]).

В. В. КАПНИСТЪ.

Василій Васильевичъ Капнистъ избранъ въ члены россійской академіи 20 марта 1785 года. Въ запискѣ академическаго собранія 20 марта 1785 года сказано, что, по предложенію предсѣдателя академіи княгини Дашковой и преосвященнаго Гавріила, митрополита с.-петербургскаго и новгородскаго, избраны по большинству голосовъ въ члены академіи: корреспондентъ академіи наукъ Веревкинъ и «кіевскаго намѣстничества губернскій предводитель, гвардіи подпоручикъ Василій Васильевичъ Капнистъ», и положено увѣдомить ихъ объ этомъ, а находившагося въ то время въ Петербургѣ Капниста пригласить къ будущему собранію академіи [79]).

Капнистъ не воспользовался однакоже полученнымъ приглашеніемъ, да и впослѣдствіи не обнаружилъ ни малѣйшаго желанія посѣщать академію. При Дашковой онъ былъ въ академіи всего одинъ разъ, 27 іюля 1790 года; при Шишковѣ—едва ли болѣе трехъ или четырехъ разъ; при Нартовѣ не былъ, по собственному свидѣтельству, ни одного раза.

Изъ переписки Капниста съ президентомъ россійской академіи Шишковымъ уцѣлѣло слѣдующее письмо [80]):

Милостивый государь мой Александръ Семеновичъ,

Не получая отъ вашего превосходительства отвѣта на мои, безъ сомнѣнія, скучныя письма еще съ скучнѣйшими приложеніями, удерживаю перо мое по сему предмету, хотя для онаго

весьма пространное поприще вновь открылось. Но, истину сказать, всего не опишу. И такъ, оставя непріятное, поговорю о другѣ вашемъ Гавріилѣ Романовичѣ, который обрадовалъ меня нечаяннымъ посѣщеніемъ съ сестрою Даріею Алексѣевною и племянницею Прасковіею Николаевною. Они прогостили у меня 12 дней и отправились на богомолье въ Кіевъ. Вы воображаете себѣ, что много было пріятнаго говорено объ васъ; онъ сѣтуетъ только, что не часто получаетъ отъ васъ письма. Сердечно обрадованъ я, услыша, что ваше превосходительство сдѣлались главою россійской академіи. Такое начальство принесетъ ей много пользы, и теперь я, если доведетъ Господь быть въ столицѣ, *буду часто посѣщать храмъ словесности, чего не сдѣлалъ я ни разу во все время председательства г. Нартова. Теперь можно будетъ дать полезнѣйшее направленіе академическому журналу, о чемъ, ежели угодно, побесѣдуемъ современемъ пространнѣе.*

Теперь обращаюсь къ себѣ и прошу покорнѣйше ваше превосходительство увѣдомить меня, изволили-ль вы, по благосклонному обѣщанію вашему, читать мое *Видѣніе* его императорскому величеству, и какъ было принято оное. Я послалъ сіе сочиненіе государынѣ императрицѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ при письмѣ моемъ, и удостоился получить отъ лица ея, чрезъ господина Лонгинова, весьма благоволительный отзывъ. — Я не могъ не похвалиться вамъ симъ успѣхомъ моимъ, зная, сколь благосклонное участіе вы примете въ ономъ, и честь имѣю пребыть съ совершеннымъ почтеніемъ и душевною преданностію,

милостивый государь мой,
вашего превосходительства
всепокорнѣйшимъ слугою
Василій Капнистъ.

Присутствуя въ собраніи россійской академіи 25 іюля 1814 года, Капнистъ представилъ экземпляръ своихъ сочиненій, изданныхъ въ 1806 году, и при этомъ заявилъ, что долго не участвовалъ въ академическихъ занятіяхъ. Онъ былъ и въ двухъ

слѣдующихъ засѣданіяхъ, и въ одномъ изъ нихъ, 8 августа 1814 года, принялъ на себя работу по академическому словарю— выборъ словъ изъ *Игоревой пѣсни* и изъ *Русской Правды* [81]).

И. И. ДМИТРІЕВЪ.

Иванъ Ивановичъ Дмитріевъ единогласно избранъ въ члены россійской академіи 18 іюля 1797 года, по предложенію преемника Дашковой, управляющаго академіею Павла Петровича Бакунина [82]).

Въ день выбора Дмитріева Бакунинъ прислалъ на имя непремѣннаго секретаря россійской академіи Ивана Ивановича Лепехина такого рода заявленіе:

— *Полковникъ и департамента удѣловъ министру товарищъ Иванъ Ивановичъ Дмитріевъ.*

Покорно прошу васъ, Иванъ Ивановичъ, предложить вышеозначеннаго г. Дмитріева отъ имени моего въ члены нашей академіи. Способности его, я полагаю, вамъ и всему обществу извѣстны, почему и не предполагаю иного, какъ успѣха въ моемъ представленіи, кое, я надѣюсь, вы одобрите, если я самъ не буду въ собраніи.

П. Бакунинъ. —

На бумагѣ помѣтка: «Избранъ тогоже числа. И. Лепехинъ».

Лепехинъ увѣдомилъ своего новаго сочлена о состоявшемся выборѣ, и получилъ слѣдующій отвѣтъ [83]):

Милостивый государь мой
Иванъ Ивановичъ,

Съ великимъ удовольствіемъ пріемлю сію честь, которою императорская россійская академія благоволила меня удостоить. Признаюсь вамъ, однакожъ, что удовольствіе мое было бы еще совершеннѣе, есть ли бы я, согласно съ лестнымъ для меня ва-

шимъ отзывомъ, надѣялся имѣть счастіе быть дѣятельнымъ участникомъ въ полезныхъ трудахъ академіи; но бывъ не болѣе, какъ только смиреннымъ питомцемъ музъ, пожинавшимъ иногда въ продолженіи воинской службы цвѣты парнаскіе, я могу только обѣщать быть прилежнѣйшимъ ученикомъ ея, искреннимъ почитателемъ трудовъ достойныхъ ея сочленовъ, и хранить къ сему знаменитому собранію и къ его высокопревосходительству, высокопочтенному онаго предсѣдателю, сердечную мою благодарность и глубочайшее вниманіе.

Васъ же, милостивый государь, какъ почтеннаго секретаря академіи, всепокорно прошу оную увѣрить въ сихъ моихъ чувствахъ и полагать въ числѣ первыхъ почитателей достоинствъ и извѣстныхъ ученому свѣту знаменитыхъ трудовъ вашихъ,

милостивый государь мой,

вашего покорнѣйшаго слугу

Ивана Дмитріева.

О правахъ своихъ на выборъ въ члены россійской академіи самъ Дмитріевъ, въ дружескомъ, шутливомъ письмѣ къ Мерзлякову, отзывается такимъ образомъ: «Былъ гвардіи капитаномъ, потомъ оберъ-прокуроромъ въ сенатѣ; нынѣ же нахожусь въ штатскихъ, тайнымъ совѣтникомъ. Вотъ моя гражданская жизнь, а ученая состоитъ только въ томъ, что я началъ было учить французскую грамматику, но по причинѣ бывшаго въ нашемъ краю Пугачевскаго мятежа, не доучилъ ея; *русской же и совсѣмъ неученъ*; издалъ *три томика* кой-какихъ стихотвореній, и *попалъ, не понимаю и самъ какимъ-образомъ, въ члены россійской академіи* и въ почетные члены московскаго университета» [84]).

Дмитріевъ посѣщалъ академію такъ же рѣдко, какъ и Капнистъ. Число всѣхъ засѣданій, въ которыхъ былъ Дмитріевъ со времени выбора въ академію и до своей кончины, т. е. втеченіе сорока лѣтъ, едва ли простирается до десяти.

Почти всѣ засѣданія, въ которыхъ присутствовалъ Дмитріевъ, посвящены были чтенію грамматики, составляемой членами

россійской академіи и разсмотрѣнію грамматическихъ правилъ [85]). Въ одномъ изъ засѣданій, онъ участвовалъ въ присужденіи награды Лобанову за его трагедію: *Борисъ Годуновъ*. Комитетъ, разсматривавшій трагедію Лобанова, нашелъ, что она написана съ надлежащею отчетливостью въ планѣ и съ нравственною цѣлію; характеры большею частью хорошо выдержаны. Пятистопные ямбы, которые обыкновенно такъ вялы подъ перомъ неискусныхъ писателей, у него благозвучны, и цезура большею частью на второй стопѣ, чего необходимо требуетъ гармонія этого стиха. Главнѣйшій недостатокъ трагедіи заключается въ частой перемѣнѣ мѣста дѣйствія и въ выведеніи лицъ, появляющихся на одно мгновеніе [86]).

Въ одномъ изъ собраній Дмитріевъ представилъ въ академію экземпляръ третьяго изданія своихъ сочиненій «въ знакъ отличнаго уваженія къ сему достопочтенному сословію» [87]).

Россійская академія, отдавая должное дарованіямъ Дмитріева и его заслугамъ на поприщѣ русской словесности присудила ему, въ собраніи 14 января 1823 года, большую золотую медаль [88]). Въ отвѣтномъ письмѣ своемъ непремѣнному секретарю академіи П. И. Соколову, извѣщавшему о присужденіи награды, Дмитріевъ говоритъ: «Если бы я въ мужествѣ лѣтъ моихъ удостоился получить столь лестное возмездіе, каковымъ сіе знаменитое сословіе благоволило почтить меня за легкіе и—нынѣ только назову—счастливые опыты въ поэзіи, занимавшіе досуги мои большею частію посреди развлеченій и заботъ воинской жизни, тогда бы я могъ обѣщать ему усугубить мое рвеніе къ дальнѣйшимъ подвигамъ на поприщѣ словесности» [89]).

Въ девятнадцатомъ столѣтіи избраны были въ члены россійской академіи:

въ 1809 году—Александръ Александровичъ Писаревъ.

въ 1810 году—князь Александръ Александровичъ Шаховской.

въ 1811 году—Иванъ Андреевичъ Крыловъ.

въ 1811 году—Николай Ивановичъ Гнѣдичъ.
въ 1818 году—Николай Михайловичъ Карамзинъ.
Василій Андреевичъ Жуковскій.
въ 1819 году—Александръ Өедоровичъ Воейковъ.
въ 1833 году—Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ.
Павелъ Александровичъ Катенинъ.
Михаилъ Николаевичъ Загоскинъ.
въ 1839 году—князь Петръ Андреевичъ Вяземскій.

А. А. ПИСАРЕВЪ.

Въ собраніи россійской академіи 13 марта 1809 года избранъ былъ, по предложенію Державина, въ члены академіи «лейбъ-гвардіи семеновскаго полка полковникъ и кавалеръ Александръ Александровичъ Писаревъ, который еще въ прошедшемъ 1807 году сообщилъ въ академію сочиненія его книгу подъ названіемъ: Предметы для художниковъ, избранные изъ россійской исторіи, славянскаго баснословія и изъ всѣхъ русскихъ сочиненій въ стихахъ и въ прозѣ» [90]).

Писаревъ былъ очень польщенъ выборомъ въ члены академіи, и выразилъ свою признательность въ краткой «привѣтственной рѣчи», которую и представилъ въ академію съ приложеніемъ перечня своихъ трудовъ [91]):

Привѣтственная рѣчь

почтеннѣйшимъ господамъ членамъ императорской россійской академіи.

Милостивые государи,

Сколь лестно для меня быть избраннымъ въ члены знаменитаго сословія вашего, столь малъ во мнѣ даръ слова для изъявленія въ полной мѣрѣ всей моей признательности!.. Слабость

дарованій моихъ воспрещаетъ даже и помыслить мнѣ, чтобы я могъ сравниться въ какой либо части словесности съ новыми для меня теперь товарищами, которыхъ доселѣ пріобыкъ я почитать за наставниковъ своихъ, и примѣрами которыхъ изощрялъ умъ свой, очищалъ вкусъ и научался красотамъ отечественнаго языка: то раскрывалъ книгу русскаго Иродота и, по давно минувшимъ событіямъ, повѣрялъ настоящія времена, то восхищался сладкозвучной поэзіей нашего Горація, то читалъ въ новомъ Лонгинѣ о богатствѣ русскаго нарѣчія. Вотъ уроки мои, которымъ слѣдовалъ и нынѣ слѣдую,—оные заимствованы отъ васъ, милостивые государи, потому что были почерпнуты изъ общихъ правилъ вашего сословія. Плоды оныхъ уроковъ представляю на безпристрастное ваше сужденіе; если они маловажны, тому виною собственный мой недостатокъ въ умственныхъ качествахъ, уроки же были во всемъ достаточны.

Труды мои суть слѣдующіе:

1. Книга, писанная для молодыхъ русскихъ художниковъ, которымъ въ предметахъ для картинъ излагаю я по порядку времясчисленія всѣ достопамятнѣйшія происшествія отечественной исторіи, равно и превосходныя мѣста изъ нашихъ поэтовъ и прозаистовъ, присовокупляя къ оному весь вымыселъ баснословія славянъ и многія критическія примѣчанія касательно до художественныхъ произведеній. Книгу сію назвалъ я *Предметами для художниковъ*.

2. Въ книгѣ, названной *Начертаніемъ художествъ*, исчисляю кратко правила всѣхъ частей свободныхъ художествъ: рисованія, ваянія, рѣзьбы и зодчества; помѣщаю къ оному нѣкоторые отрывки для умственнаго или теоретическаго познанія сихъ художествъ.

3. Такъ какъ на нашемъ языкѣ не писано еще доселѣ никакихъ общихъ правилъ для театра или *драматургіи*, то я заблагоразсудилъ выбрать изъ всѣхъ сочиненій Вольтера касательно до театральныхъ зрѣлищъ и, собравъ все воедино, расположилъ оное по собственному своему оглавленію.

4. Имѣя счастіе служить въ императорской гвардіи, обязанностію счелъ ознаменовать таковое мое служеніе чѣмъ либо собственно для себя памятнымъ, и для того предпринялъ написать полную исторію гвардіи, съ начала ея учрежденія до нынѣшняго времени. Краткій отрывокъ первыхъ листовъ сей исторіи напечатанъ въ тактическомъ журналѣ сего года подъ номеромъ четвертымъ.

5. Желая по мѣрѣ силъ моихъ участвовать въ похвальныхъ занятіяхъ вашихъ, милостивые государи, въ распространеніи отечественнаго языка, вводя оный въ употребленіе во всѣ умственныя и художественныя произведенія, приложу стараніе свое составить нѣкотораго рода учебный словарь по части свободныхъ художествъ, для котораго многіе уже отрывки у меня готовы.

Къ симъ моимъ упражненіямъ могу еще прибавить до половины собранный краткій словарь художникамъ со вмѣщеніемъ жизнеописаній русскихъ художниковъ и собраніе многихъ стихотворныхъ и прозаическихъ отрывковъ, напечатанныхъ въ разныхъ ежемѣсячныхъ изданіяхъ.

Вотъ отчетъ въ моихъ досугахъ, которыми теперь болѣе и болѣе буду дорожить и обращать ихъ на полезное, чтобы хотя сею неусыпностію къ словесности нашей могъ, по крайней мѣрѣ отчасти, оправдать, милостивые государи, вашъ обо мнѣ отзывъ.

Александръ Писаревъ,
членъ императорской россійской академіи.

Для академическихъ изданій Писаревъ прислалъ статью о *Копіевичѣ* при письмѣ на имя непремѣннаго секретаря россійской академіи Петра Ивановича Соколова [92]):

Милостивый государь
Петръ Ивановичъ,

Кочующая жизнь моя и ратные строи совершенно отвлекли меня отъ музъ, но любовь къ нимъ превозмогаетъ всѣ воинскіе труды: краду у службы минуты для словесности.... Посылаю къ вамъ нѣкоторый отрывокъ о сочинителѣ *Копіевичѣ*; нельзя ли

оную статью помѣстить въ издаваемыхъ книжкахъ отъ академіи или отъ Бесѣды, чѣмъ много обяжете къ вамъ пребывающаго съ почтеніемъ

и покорнаго къ услугамъ
Александръ Писаревъ.

О сочиненіяхъ Копіевича,
ученаго мужа временъ Петра Великаго.

Въ опытѣ историческаго словаря россійскихъ писателей *) въ статьѣ объ Иліѣ Копіевичѣ сказано только: «онъ сочинилъ стихами панигирикъ, или похвальное слово на побѣды Петра Великаго; также сочинилъ латинскую съ россійскимъ грамматику и перевелъ книгу: Де-Графа или морское плаваніе; всѣ сіи книги напечатаны 1700 и 1701 годовъ въ Амстердамѣ».

Въ новомъ опытѣ историческаго словаря о россійскихъ писателяхъ **) прибавлено только то, что Илья Федоровъ, сынъ *Копіевскій* или *Копіевичъ*, переводилъ книги на русскій языкъ для содержателя амстердамской типографіи Тесинга, утвержденной Петромъ Великимъ, и первая была напечатана книга въ 1699 году подъ названіемъ: *Краткое введеніе во всеобщую исторію.* Въ 1700 году напечатана была его же *латинская грамматика* съ русскимъ переводомъ и треязычный на латинскомъ, нѣмецкомъ и русскомъ языкѣ *букварь* или *словарь*, и нѣкоторыя другія книги. По смерти же его, въ 1704 году, въ той же типографіи напечатанъ былъ его переводъ: Авраама Де Графа о *морскомъ плаваніи.* Копіевичъ умеръ въ 1701 году.

Ни въ одной изъ книжныхъ русскихъ лавокъ въ обѣихъ столицахъ нельзя отыскать сихъ вышеупомянутыхъ сочиненій, и весьма у рѣдкихъ частныхъ людей найдешь оныя въ книгохранилищахъ. Что же надобно заключить о тѣхъ его сочиненіяхъ, о

---

*) Книга сія издана Николаемъ Новиковымъ и печатана въ СПБургѣ въ 1772 году.

**) Помѣщенное отрывками въ ежемѣсячномъ изданіи: *Другъ просвѣщенія* на 1806 годъ; часть 4, стр. 159.

которыхъ у насъ нигдѣ не упомянуто, ниже самыми тщательными издателями сихъ двухъ историческихъ словарей о русскихъ писателяхъ. Сверхъ пяти вышеприведенныхъ сочиненій Иліи Копіевича напечатано имъ было еще десять весьма важныхъ своихъ сочиненій, да въ рукописи у него хранилось и къ печати изготовлено было тринадцать сочиненій. Выпишемъ о семъ изъ французскаго временнаго изданія, подъ названіемъ Тревускаго (Trevoux) *) 1711 года, сентября мѣсяца, стран. 1657: «...Царь Петръ Алексѣевичъ во время царствованія своего составилъ, образовалъ и обучилъ многочисленное войско... Онъ соорудилъ, вооружилъ, создалъ, если смѣю такъ сказать, морскую силу, состоящую изъ семидесяти кораблей, подъ присмотромъ и начальствомъ одинхъ русскихъ... Его намѣренія просвѣтить своихъ подданныхъ не ограничивались одними только военными подвигами. Онъ щедростію своею умѣлъ привлечь къ себѣ многихъ ученыхъ мужей; основалъ школы; примѣрами и награжденіями вселялъ въ подданныхъ своихъ любовь къ наукамъ; съ большою разборчивостью заставлялъ переводить и печатать многія сочиненія, а надъ нѣкоторыми и самъ трудился. Илія Копіевичъ тщательнѣе всѣхъ изъ его подданныхъ въ томъ ему споспѣшествовалъ. Государь, усмотрѣвши въ юномъ россіянинѣ умъ и охоту къ наукамъ, послалъ его въ Голландію въ 1698 году. Сочиненія Копіевича, которыя напечатаны, и тѣ, которыя собирается онъ печатать, служатъ несомнительными доказательствами о способностяхъ его ума и неутомимаго прилежанія къ трудамъ.

Сочиненія Копіевича, уже отпечатанныя, суть:

1. Введеніе въ исторію съ описаніемъ вселенной.
2. Описаніе небеснаго и земнаго шара.
3. О военномъ искусствѣ.

*) Ежемѣсячное сіе изданіе называлось Тревускимъ по городу Треву, въ которомъ издавалось оное іезуитами съ 1701 по 1704; а съ сего года печаталось сіе изданіе въ Парижѣ.—Мы называемъ городъ *Тревъ* (Trêves) *Триромъ* съ нѣмецкаго (Trier), какъ многіе и другіе города, безъ всякаго на то доказательства.

4. Введеніе въ науку чиселъ.

5. О наукѣ мореплаванія.

6. Словарь латинскій, нѣмецкій и славянскій.

7. Словарь піитическій.

8. Грамматика латинская и славянская.

9. Поэма на побѣды Петра Великаго.

10. Риторика.

11. Переводъ Эзоповыхъ басенъ.

12. Искусный и честный гражданинъ; стихами на польскомъ языкѣ.

13. Переводъ Горація.

14. Переводъ Квинта-Курція.

Сочиненія, которыя въ непродолжительномъ времени отпечатаются:

1. Лѣтосчисленіе отъ сотворенія міра до разоренія Іерусалима.

2. Грамматика нѣмецкая.

3. Примѣры склоненій и спряженій на россійскомъ, нѣмецкомъ и славянскомъ языкахъ.

4. Разговоры на латинскомъ, нѣмецкомъ и славянскомъ языкахъ.

5. Сѣни или преддверія Коменіуса.

6. Словарь славянскій съ латинскимъ.

7. Изданіе всей библіи славянской, расположенной по стихамъ.

8. Астрономическій календарь въ пользу русскихъ.

9. 10. 11. Три грамматики: славянская, нѣмецкая и латинская; подробнѣе тѣхъ, которыя были имъ напечатаны.

12 и 13. «Исторія четырехъ великихъ монархій и сводъ библіи». Сію статью отчасти включилъ о. Морери въ свой историческій словарь *).

Можно ли подробнѣе сего сказать иноземцу-французу о сочиненіяхъ русскаго; и что̀ можетъ быть для насъ непростительнѣе, какъ не токмо, что мы не знаемъ ни мѣста, ни времени его

*) Le grand dictionnaire historique, par Moreri, infol. 1759, часть 6.

рожденія и смерти, ни той степени, которую занималъ онъ въ обществѣ, ни малѣйшихъ обстоятельствъ жизни его частной и общей—ученаго мужа и любимца Петра Великаго; но даже не имѣемъ его сочиненій и самыя наименованія оныхъ переданы намъ иностранцами.

Весьма похвально, еслибы какой-либо ревнитель русской словесности тщательно разыскалъ намъ о происхожденіи и сочиненіяхъ сего знаменитаго мужа учености. Неужели все сіе такъ маловажно, что ни одинъ русскій писатель, ни одинъ русскій путешественникъ (жившій въ Амстердамѣ, гдѣ печатались многія сочиненія Копіевича, или жившій въ Парижѣ) нигдѣ не читали, ни отъ кого не слыхали и никого не разспрашивали о своемъ соотечественникѣ?.. Сего бы требовало и самое любочестіе каждаго россіянина.

А. Писаревъ.

КНЯЗЬ А. А. ШАХОВСКОЙ.

Главный представитель «русской Таліи» въ первой четверти девятнадцатаго столѣтія, князь Александръ Александровичъ Шаховской самъ предложилъ себя въ члены россійской академіи, какъ видно изъ письма его къ Державину [93]):

Милостивый государь
Гавріилъ Романовичъ!

Покровительство, которое угодно было вашему высокопревосходительству мнѣ обѣщать, ободряетъ меня къ изысканію первѣйшей чести для любителя словесности—помѣщенія въ россійскую академію.

Не слабые труды мои, которымъ перечень при семъ прилагаю; но истинная любовь къ отечественному слову и желаніе употребить всѣ минуты досуговъ моихъ на пріобрѣтеніе въ ономъ большихъ свѣдѣній, можетъ быть, удостоятся вниманія почтен-

нѣйшаго сословія. Я основываю надежду мою болѣе на снисхожденіе членовъ онаго и на благосклонное вашего высокопревосходительства ко мнѣ расположеніе, нежели на дарованія мои. Прошу васъ быть моимъ предстателемъ. Имѣю честь пребыть съ глубочайшимъ почитаніемъ и безпредѣльною преданностію

вашего высокопревосходительства

покорнѣйшимъ слугою

князь Александръ Шаховской.

Перечень сочиненіямъ и переводамъ князя Шаховскаго.

(Въ ономъ только помѣщены пьесы, игранныя съ успѣхомъ на театрахъ, или сочиненія, вышедшія уже въ печать).

Сочиненія:

Деббора, трагедія въ 5-ти дѣйствіяхъ, въ стихахъ;

Комедіи:

Полубарскія затѣи, въ 5-ти дѣйствіяхъ, въ прозѣ.

Женская шутка, въ 1-мъ дѣйствіи въ стихахъ.

Новый Стернъ. . . . . } Въ одномъ дѣйствіи, въ прозѣ.
Ссора или два сосѣда }

Любовная почта, опера въ одномъ дѣйствіи.

Двѣ сатиры, помѣщенныя въ Драматическомъ вѣстникѣ.

Переводы:

Китайскій сирота, трагедія въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ.

Все дѣло въ окошкахъ, опера въ одномъ дѣйствіи.

Мысли изъ Юнга, преложенныя въ стихи, и многія мелкія стихотворенія.

Предстательство Державина увѣнчалось успѣхомъ: въ академическомъ собраніи 17 декабря 1810 года князь Шаховской избранъ въ члены россійской академіи большинствомъ пятнадцати голосовъ противъ одного неизбирательнаго [94]).

Присутствуя въ академическомъ собраніи 8 февраля 1819 года, князь Шаховской читалъ написанныя имъ: Предисловіе къ комедіи *Полубарскія затѣи* и Разсужденіе о разсужденіи г. Каразина о любви къ отечеству [95]).

Въ торжественномъ собраніи 14 января 1823 года князь Шаховской читалъ два явленія изъ сочиняемой имъ, вольными стихами, комедіи *Аристофанъ*[96]).

И. А. КРЫЛОВЪ.

Иванъ Андреевичъ Крыловъ два раза являлся кандидатомъ на академическое кресло. Въ первый разъ онъ потерпѣлъ пораженіе: будучи предложенъ Иваномъ Аѳанасьевичемъ Дмитревскимъ, онъ балотировался въ собраніи 13 марта 1809 года, и получилъ тринадцать неизбирательныхъ голосовъ и только два избирательныхъ. Счастливыми соперниками Крылова, соединившими въ свою пользу большинство голосовъ, оказались: князь Сергій Александровичъ Шихматовъ, впослѣдствіи іеромонахъ Аникитъ, и А. А. Писаревъ, также избранный въ это засѣданіе, хотя и меньшимъ количествомъ голосовъ. Изъ числа лицъ, подвергавшихся выбору вмѣстѣ съ Крыловымъ, пятью голосами болѣе Крылова (семь избирательныхъ) получилъ Романъ Максимовичъ Цебриковъ, переводчикъ на русскій языкъ Шведской исторіи Далина. Предлагавшій Крылова И. А. Дмитревскій представилъ для библіотеки академіи Басни его и двѣ комедіи: Урокъ дочкамъ и Модная лавка[97]). Забалотированіе Крылова представляется своего рода событіемъ въ академической жизни: оно весьма ярко рисуетъ тогдашнее состояніе россійской академіи и тѣ начала, которыми руководствовались въ ней при оцѣнкѣ литературныхъ заслугъ и таланта писателей.

Въ 1811 году предсѣдатель академіи Нартовъ снова предложилъ Крылова въ члены россійской академіи, и въ собраніи 16 декабря 1811 года Крыловъ избранъ членомъ академіи большинствомъ пятнадцати голосовъ противъ одного неизбирательнаго[98]).

Сравнительно съ другими писателями, Крыловъ посѣщалъ академію не особенно рѣдко. Правда, онъ не всякій годъ бывалъ въ академіи, и если бывалъ, то обыкновенно не болѣе двухъ разъ

въ годъ. Но иногда онъ обнаруживалъ усердіе, тѣмъ болѣе замѣтное, что онъ славился своею неподвижностью и неохотою къ посѣщенію литературныхъ и всякихъ другихъ обществъ. Въ 1820 году Крыловъ присутствовалъ въ пяти академическихъ засѣданіяхъ, въ 1817 году—въ шести, въ 1818 году—въ восьми. Очень немногіе изъ писателей доводили свои посѣщенія до такого крупнаго числа.

Присутствуя въ академическомъ собраніи 5 февраля 1816 года, Крыловъ сообщилъ для библіотеки россійской академіи Басни свои, недавно изданныя въ трехъ частяхъ [99]).

Въ торжественномъ собраніи академіи 5 декабря 1818 года Крыловъ прочелъ три басни [100]).

Крыловъ даже принималъ на себя академическія работы. Такъ для словаря, издаваемаго россійскою академіею, онъ выбиралъ слова изъ Четьи-минеи, за мѣсяцы: январь и февраль [101]).

Въ одно время съ Дмитріевымъ Крылову присуждена была большая золотая медаль. Въ собраніи 14 января 1823 года академія, по предложенію Шишкова, постановила: «Въ знакъ признательности къ особенному дарованію и отличнымъ успѣхамъ въ россійской словесности, а особенно въ стихотвореніяхъ, И. И. Дмитріева и И. А. Крылова, увѣнчать таланты каждаго изъ нихъ почестію большой золотой медали». Шишковъ, предлагая своимъ сочленамъ увѣнчать заслуги Крылова, выразился такимъ образомъ: «Басни его, наполненныя остротою, нравоученіемъ, забавнымъ разсказомъ, дѣлающія честь произведеніямъ россійскаго пера, столько всѣмъ, даже иностранцамъ, извѣстны, что не имѣютъ никакой нужды въ похвалахъ моихъ для обращенія на нихъ вашего вниманія» [102]).

Н. М. КАРАМЗИНЪ.

Въ чрезвычайномъ собраніи россійской академіи 10 іюля 1818 года, по прочтеніи устава академіи, президентъ ея А. С.

Шишковъ сдѣлалъ слѣдующее предложеніе: «Почтеннѣйшіе сочлены! По утвержденіи устава россійской императорской академіи, можемъ мы нынѣ, на основаніи сего устава, приступить къ избиранію въ дѣйствительные члены академіи на имѣющіяся въ оной упалыя мѣста. По симъ обстоятельствамъ имѣю честь предложить къ выбору въ члены ея г. статскаго совѣтника Николая Михайловича Карамзина. Творенія его, стихами и прозою, всѣмъ извѣстныя, особливо же сочиненіе Россійской Исторіи, увольняютъ меня отъ всякой надобности исчислять прочіе труды его для показанія достоинства ко вступленію въ сіе почтенное сословіе». Въ томъ же собраніи Карамзинъ избранъ единогласно въ члены россійской академіи [103]).

Получивъ извѣстіе объ избраніи, Карамзинъ отвѣчалъ непремѣнному секретарю академіи П. И. Соколову: «Съ величайшею благодарностію принимаю честь быть членомъ императорской россійской академіи, которой достохвальные труды способствуютъ успѣхамъ языка нашего. Сія честь для меня тѣмъ лестнѣе, что я обязанъ ею благосклонному ко мнѣ расположенію господина президента, мужа знаменитаго своими твореніями въ россійской словесности» [104]).

Въ годъ своего избранія Карамзинъ нѣсколько разъ посѣщалъ академію, былъ въ собраніяхъ 12 и 19 октября, 30 ноября и 5 декабря.

Въ собраніи 12 октября читался отчетъ домостроительнаго (хозяйственнаго) комитета; затѣмъ Шишковъ прочелъ тринадцатую пѣснь Освобожденнаго Іерусалима, а графъ Хвостовъ— стихи свои по случаю утвержденія устава россійской академіи [150]).

Въ собраніи 19 октября предварительно прочитано было то̀, что̀ предназначалось для торжественнаго собранія [106]).

Въ собраніи 30 ноября Шишковъ читалъ свое Разсужденіе о словопроизводствѣ [107]).

Въ торжественномъ собраніи 5 декабря 1818 года Карамзинъ произнесъ знаменитую рѣчь, имѣющую важное значеніе, какъ для исторіи нашей литературы, такъ въ особенности для

исторіи россійской академіи [108]). Ораторъ весьма ясно и опредѣленно указалъ тѣ основныя, жизненныя начала, безъ которыхъ невозможно процвѣтаніе ни литературы, ни литературныхъ обществъ. Отдавая должное заслугамъ академіи, ея славному прошлому, онъ съ большимъ умѣньемъ и осторожностью коснулся самаго существеннаго недостатка современной ему академіи— односторонности и нетерпимости при обсужденіи вопросовъ, относящихся къ области языка и словесности. Рѣчь, произнесенная Карамзинымъ въ средѣ его новыхъ сочленовъ, служитъ блестящимъ доказательствомъ искусства его высказывать горькія истины, не раздражая и не оскорбляя никого, и, напротивъ того, пріобрѣтая себѣ друзей между недавними еще противниками. Въ этомъ замѣчательномъ памятникѣ академическаго краснорѣчія рукою художника очерчено тогдашнее, печальное состояніе академіи и указанъ ей выходъ къ лучшему, свѣтлому будущему.

Главная заслуга россійской академіи заключается, по мнѣнію Карамзина, въ изданіи словаря русскаго языка и русской грамматики. Словарь, изданный русскою академіею, смѣло выдержитъ сравненіе съ лучшими изъ академическихъ словарей другихъ европейскихъ народовъ. Грамматика, изданная академіею, не уступаетъ грамматикѣ Ломоносова и даже превосходитъ ее полнотою содержанія. «Академія россійская — говоритъ Карамзинъ — ознаменовала самое начало бытія своего твореніемъ, важнѣйшимъ для языка, необходимымъ для авторовъ, необходимымъ для всякаго, кто желаетъ предлагать мысли съ ясностію, кто желаетъ понимать себя и другихъ. Полный словарь, изданный академіею, принадлежитъ къ числу тѣхъ феноменовъ, коими Россія удивляетъ внимательныхъ иноземцевъ. Италія, Франція, Англія, Германія славились уже многими великими писателями, еще не имѣя словаря: мы имѣли писателей, но только одного истинно *классическаго*—Ломоносова, и представили систему языка, которая можетъ равняться съ знаменитыми твореніями академіи Флорентійской и парижской. Утвердивъ значеніе словъ, академія предложила и систему пра-

вилъ для составленія рѣчи — твореніе не первое въ семъ родѣ, ибо Ломоносовъ, давъ намъ образцы поэзіи и краснорѣчія, далъ и грамматику; но академическая рѣшитъ болѣе вопросовъ, содержитъ въ себѣ болѣе основательныхъ замѣчаній, которыя служатъ руководствомъ для писателей».

Но академія не должна забывать, что она отнюдь не законодательница языка, и что ея прямое призваніе заключается въ наблюденіи и изслѣдованіи свойствъ языка, сложившагося помимо ея воли и вліянія. Обращаясь къ членамъ россійской академіи, иногда выражавшимъ желаніе обогащать отечественный языкъ словами собственнаго изобрѣтенія, Карамзинъ говоритъ: «Непосредственное обогащеніе языка зависитъ отъ успѣховъ общежитія и словесности, отъ дарованія писателей, а дарованія — единственно отъ судьбы и природы. *Слова не изобрѣтаются академіями*: они рождаются вмѣстѣ съ мыслями или въ употребленіи языка или въ произведеніяхъ таланта, какъ счастливое вдохновеніе. Новыя, мыслію одушевленныя слова входятъ въ языкъ самовластно, украшаютъ, обогащаютъ его, безъ всякаго ученаго законодательства съ нашей стороны: мы не даемъ, а принимаемъ ихъ. Самыя правила языка не изобрѣтаются, а въ немъ уже существуютъ: надобно только открыть или показать оныя».

Принятый въ нашей академіи обычай «задавать тэмы писателямъ» съ цѣлію «возбудить дѣятельность умовъ» оправдывается примѣромъ французской академіи и другихъ ученыхъ обществъ въ Европѣ, но можетъ принести пользу только при умѣломъ и счастливомъ выборѣ предметовъ. Академія оказала бы услугу и писателямъ и образованному обществу, если бы взяла на себя трудъ критическаго обозрѣнія произведеній русской словесности и при оцѣнкѣ ихъ руководствовалась началами разумной, просвѣщенной и сдержанной критики: «излишно строгая критика мертвитъ, уничтожаетъ, а мы должны оживлять и питать. Извѣстно, что самый легкій умъ находитъ несовершенства; что только умъ превосходный открываетъ безсмертныя красоты въ сочиненіяхъ. Когда увидимъ важныя злоупотребленія, новости

неблагоразумныя въ языкѣ, замѣтимъ, предостережемъ безъ язвительной укоризны. Судя о произведеніяхъ чувства и воображенія, не забудемъ, что приговоры наши основываются единственно на вкусѣ, неизъяснимомъ для ума; что вкусъ измѣняется и въ людяхъ и въ народахъ; что мы никогда не согласимся съ англичанами или нѣмцами во мнѣніи о Шекспирѣ или Шиллерѣ; что примѣръ изящнаго сильнѣе всякой критики дѣйствуетъ на успѣхи литературы» и т. д.

Въ средѣ россійской академіи господствовало предубѣжденіе противъ современной литературы и самыхъ крупныхъ ея представителей, которыхъ обвиняли въ рабскомъ подражаніи иностраннымъ образцамъ. Истинному таланту—замѣчаетъ Карамзинъ—нечего бояться подражанія: онъ непремѣнно выйдетъ на вѣрную дорогу и останется самимъ-собою, сохранитъ свои существенныя особенности. *Общее*, человѣческое, и особенное, *народное*, сливается въ одно нераздѣльное цѣлое въ произведеніяхъ великихъ писателей. «Мы не хотимъ подражать иноземцамъ, но пишемъ, какъ они пишутъ, ибо живемъ, какъ они живутъ, читаемъ что̀ они читаютъ; имѣемъ тѣже образцы ума и вкуса; участвуемъ въ повсемѣстномъ, взаимномъ сближеніи народовъ, которое есть слѣдствіе самаго ихъ просвѣщенія. Если намъ оскорбительно идти позади другихъ, то можемъ идти рядомъ съ другими къ цѣли всемірной для человѣчества, путемъ *своего вѣка*, не Мономахова и даже не Гомерова, ибо потомство не будетъ искать въ нашихъ твореніяхъ ни красотъ Слова о полку Игоревѣ, ни красотъ Одиссеи, но только свойственныхъ нынѣшнему образованію человѣческихъ способностей. Тамъ нѣтъ бездушнаго подражанія, гдѣ говоритъ умъ или сердце, хотя и общимъ языкомъ времени; тамъ есть особенность личная, или характеръ, всегда новый... Сходствуя съ другими европейскими народами, мы и разнствуемъ съ ними въ нѣкоторыхъ способностяхъ, обычаяхъ, навыкахъ, такъ, что хотя и неможно иногда отличить россіянина отъ британца, но всегда отличимъ россіянъ отъ британцевъ: во множествѣ открывается народное. Сію истину отнесемъ и къ словесности: будучи

зерцаломъ ума и чувства народнаго, она также должна имѣть въ себѣ нѣчто особенное, незамѣтное въ одномъ авторѣ, но явное во многихъ. Имѣя вкусъ Французовъ, имѣемъ и свой собственный: хвалимъ, чего они не хвалятъ; молчимъ, гдѣ они восхищаются. Есть звуки сердца русскаго, есть игра ума русскаго въ произведеніяхъ нашей словесности, которая еще болѣе отличится ими въ своихъ дальнѣйшихъ успѣхахъ» и т. д.

Въ слѣдующемъ, 1819-мъ, году Карамзинъ былъ едва ли не въ одномъ только академическомъ собраніи, именно 18 января. Въ этомъ собраніи Шишковъ читалъ шестнадцатую пѣснь Освобожденнаго Іерусалима, а Никольскій читалъ продолженіе своего перевода книги де-Бросса (de Brosses): Traité de la formation mecanique des langues [109]).

Дальнѣйшія посѣщенія Карамзинымъ россійской академіи происходили преимущественно въ дни или торжественныхъ собраній академіи или тѣхъ изъ обыкновенныхъ собраній, въ которыхъ прочитывались произведенія, предназначаемыя для торжественныхъ собраній.

Въ подобнаго рода предварительныхъ собраніяхъ Карамзинъ присутствовалъ: 3 января и 18 декабря 1820 года; 8 января 1821 года; 5 декабря 1822 года [110]).

И въ предварительныхъ, и въ торжественныхъ собраніяхъ россійской академіи Карамзинъ принималъ непосредственное участіе. Въ торжественномъ собраніи 8 января 1820 года онъ читалъ нѣкоторыя мѣста изъ неизданнаго еще девятаго тома Исторіи государства россійскаго. Въ торжественномъ собраніи академіи 5 февраля 1821 года Карамзинъ читалъ отрывокъ изъ своей Исторіи—о войнѣ царя Іоанна Васильевича Грознаго съ польскимъ королемъ Баторіемъ, а въ торжественномъ собраніи 14 января 1823 года—отрывокъ: О убіеніи царевича Димитрія и объ избраніи на царство Бориса Годунова [111]).

Въ собраніи 14 января 1823 года происходило торжественное чествованіе Карамзина, какъ автора Исторіи государства россійскаго. Желая почтить заслуги знаменитаго писателя, пре-

зидентъ россійской академіи, въ торжественномъ собраніи 14 января 1823 года, обратился къ своимъ сочленамъ съ слѣдующимъ предложеніемъ:

«Академія, по учрежденію своему и предписаннымъ въ уставѣ ея правиламъ, имѣетъ обязанность вознаграждать за подъятые кѣмъ-либо для просвѣщенія и словесности полезные труды. Для сихъ наградъ положены разныхъ степеней золотыя и серебряныя медали. Многотрудный подвигъ члена ея *Николая Михайловича Карамзина* въ сочиненіи Россійской Исторіи сколько приноситъ чести сочинителю, столькоже и пользы отечеству. Посему имѣю я долгъ почтеннѣйше предложить академіи, не благоугодно ли будетъ за сей достойный трудъ его назначить ему *большую золотую медаль* съ надписью: *отличную пользу россійскому слову принесшему*». Предложеніе президента принято единогласно всѣми присутствовавшими членами, какъ дѣйствительными, такъ и почетными, и Карамзинъ изъ рукъ своего недавняго противника, Шишкова, получилъ самую почетную награду, которую только могла присуждать академія [112]).

В. А. ЖУКОВСКІЙ.

Въ томъ же году, какъ и Карамзинъ, предложенъ былъ въ члены россійской академіи Жуковскій. Предлагая Жуковскаго, президентъ академіи Шишковъ выразился о немъ такимъ образомъ: «отличный *даръ слова*, блистающій въ его стихотвореніяхъ, даетъ ему неоспоримое право ко вступленію въ сіе почтенное сословіе» [113]). Жуковскій избранъ въ члены академіи въ собраніи 21 сентября 1818 года, но окончательный выборъ состоялся 5 октября того же года, по полученіи голосовъ отъ тѣхъ членовъ, которые не присутствовали въ собраніи 21 сентября [114]).

На обычное увѣдомленіе о выборѣ Жуковскій отвѣчалъ: «Императорская россійская академія, наименовавъ меня своимъ

членомъ, оказала мнѣ честь неожиданную. Сіе лестное избраніе почитаю не наградою заслуженною, но болѣе ободрительнымъ вызовомъ заслужить награду—вызовомъ, который принимаю тѣмъ съ большею благодарностію, что не почиталъ себя въ правѣ искать оказанной мнѣ чести. Употреблю всѣ усилія, чтобы нѣсколько болѣе оправдать благосклонное мнѣніе академіи» [115]).

Жуковскій изрѣдка, очень изрѣдка, посѣщалъ академію, и въ торжественныхъ собраніяхъ читались иногда его произведенія; но читалъ ихъ обыкновенно не самъ авторъ, а, по его порученію, Н. И. Гнѣдичъ. Въ письмѣ къ П. И. Соколову, Жуковскій говоритъ: «Вамъ угодно было знать отъ меня, имѣю ли что̀ нибудь для прочтенія въ публичномъ собраніи академіи: я уже имѣлъ честь предувѣдомить Александра Семеновича, что у меня къ этому времени готовится переводъ гекзаметрами второй пѣсни Энеиды. Онъ готовъ. Я не отвѣчалъ на почтенное письмо ваше оттого такъ долго, что прежде желалъ переписать мой отрывокъ, дабы его вмѣстѣ съ письмомъ къ вамъ доставить. Я поручилъ его Николаю Ивановичу Гнѣдичу, который соглашается и прочитать его въ академіи, если найдетъ, что онъ можетъ быть прочитанъ. Прошу васъ увѣдомить объ этомъ его, ибо я самъ въ это время не буду въ городѣ» [116]).

Жуковскій былъ въ академическихъ собраніяхъ: 19 октября, 5 и 21 декабря 1818 года; 10 мая 1819 года; 2 декабря 1822 года; 14 января 1823 года.

Въ собраніи 2 декабря 1822 года, въ которомъ читались произведенія, назначенныя для предстоящаго торжественнаго собранія Н. И. Гнѣдичъ читалъ «нѣкоторыя мѣста изъ второй пѣсни Виргиліевой Энеиды, преложенной Василіемъ Андреевичемъ Жуковскимъ съ латинскаго языка россійскими экзаметрами» [117]).

Тоже самое Гнѣдичъ читалъ и въ торжественномъ собраніи 14 января 1823 года [118]).

Въ годичномъ собраніи, бывшемъ 8 января 1820 года, членъ россійской академіи Н. И. Гнѣдичъ читалъ «переводъ отсутствовавшаго члена В. А. Жуковскаго съ латинскаго языка россій-

скими экзаметрами басни о Цепксѣ и Гальціонѣ изъ одиннадцатой книги Овидіевыхъ Превращеній». Переводъ Жуковскаго и напечатанъ въ повременномъ изданіи россійской академіи [119])

Бывая въ академіи весьма рѣдкимъ, хотя и въ высшей степени желаннымъ гостемъ, Жуковскій такъ же рѣдко и переписывался по академическимъ дѣламъ. Уцѣлѣвшія письма его, чрезвычайно краткія, заключаютъ въ себѣ отвѣты, посылаемые непремѣнному секретарю, который сносился съ нимъ по порученію академію. По поводу выбора А. П. Ермолова Жуковскій писалъ въ академію: «Я съ величайшимъ удовольствіемъ согласенъ на избраніе въ дѣйствительные члены императорской россійской академіи Алексѣя Петровича Ермолова, считая за отличную честь получить чрезъ то нѣкоторое право считать себя товарищемъ человѣка, столь достойнаго во всѣхъ отношеніяхъ уваженія отечества, которое умѣетъ цѣнить важныя его заслуги» [120]).

Въ собраніи 2 января 1837 года президентъ россійской академіи Шишковъ предложилъ, не угодно ли будетъ академіи увѣнчать большою золотою медалью литературныя заслуги В. А. Жуковскаго, «принесшаго отличными стихотвореніями своими немалую пользу и славу россійской поэзіи». Присутствовавшіе члены изъявили на эту награду свое полное согласіе. Окончательное присужденіе медали послѣдовало 1 мая 1837, и тогда же постановлено: отослать Жуковскому медаль «сегодня же», потому что онъ съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ отправляется въ путешествіе [121]).

А. С. ПУШКИНЪ.

3 декабря 1832 года президентъ россійской академіи А. С. Шишковъ внесъ въ академію слѣдующее «предложеніе»:

«Не благоугодно ли будетъ господамъ членамъ академіи въ положенное по уставу число избрать въ дѣйствительные члены академіи нижеслѣдующихъ особъ:

1. Титулярнаго совѣтника *Александра Сергѣевича Пушкина.*

2. Отставнаго гвардіи полковника Павла Александровича Катенина.

3. Камергера, въ должности директора московскаго театра, Михайлу Николаевича Загоскина.

4. Священника и магистра Алексѣя Ивановича Малова.

5. Дѣйствительнаго статскаго совѣтника Дмитрія Ивановича Языкова.

Извѣстныя въ словесности дарованія и сочиненія ихъ увольняютъ меня отъ подробнаго оныхъ исчисленія» [122]).

Въ академическомъ собраніи 3 декабря 1832 года происходили выборы предложенныхъ кандидатовъ, и Пушкинъ избранъ *единогласно* [123]). Также единогласно избраны: Загоскинъ и Языковъ, а Катенинъ и Маловъ получили по тринадцати избирательныхъ голосовъ и по два неизбирательныхъ. Въ засѣданіи присутствовали четырнадцать дѣйствительныхъ членовъ академіи, изъ которыхъ Шишковъ, какъ президентъ, имѣлъ два голоса. Вотъ имена членовъ россійской академіи, участвовавшихъ въ избраніи Пушкина:

Александръ Семеновичъ Шишковъ.
Графъ Дмитрій Ивановичъ Хвостовъ.
Петръ Ивановичъ Соколовъ.
Яковъ Дмитріевичъ Захаровъ.
Александръ Сергѣевичъ Никольскій.
Иванъ Ивановичъ Мартыновъ.
Иванъ Андреевичъ Крыловъ.
Александръ Христофоровичъ Востоковъ.
Василій Алексѣевичъ Полѣновъ.
Петръ Андреевичъ Загорскій.
Князь Платонъ Александровичъ Ширинскій-Шихматовъ.
Михаилъ Евстафьевичъ Лобановъ.
Протоіерей Петръ Николаевичъ Мысловскій.
Адмиралъ Николай Семеновичъ Мордвиновъ.

Отсутствовавшіе члены подали свои голоса также въ пользу Пушкина, а въ числѣ отсутствовавшихъ были и враги его: Уваровъ и Каченовскій. Отвѣчая на запросъ академіи, Д. Н. Блудовъ заявилъ, что изъ всѣхъ предложенныхъ кандидатовъ онъ избираетъ *Пушкина*. Только митрополитъ Серафимъ не далъ своего голоса ни *за*, ни *противъ* Пушкина, на томъ основаніи, что Пушкинъ ему неизвѣстенъ...

Изъявляя свое согласіе на избраніе Пушкина, членъ россійской академіи Алексѣй Николаевичъ Оленинъ писалъ непремѣнному секретарю академіи П. И. Соколову [124]).

Милостивый государь мой
Петръ Ивановичъ!

Вслѣдствіе отношенія вашего превосходительства отъ 13-го сего декабря, коимъ вы меня увѣдомляете, милостивый государь мой, что въ бывшее 3-го числа сего мѣсяца засѣданіе россійской академіи производимъ былъ выборъ въ дѣйствительные члены, а именно: титулярнаго совѣтника А. С. Пушкина, отставнаго гвардіи полковника Катенина, въ званіи камергера и въ должности директора московскихъ театровъ М. Н. Загоскина, протоіерея А. И. Малова и дѣйствительнаго статскаго совѣтника Д. И. Языкова; но какъ въ главѣ VIII, § 5 устава академіи сказано: никто не можетъ иначе быть избранъ въ члены академіи, какъ двумя третями полнаго числа противъ одной трети избирающихъ, то на вопросъ вашего превосходительства о согласіи моемъ на сей выборъ, я поспѣшаю увѣдомить васъ, милостивый государь мой, что, съ моей стороны, на возведеніе поименованныхъ лицъ въ званіе дѣйствительныхъ членовъ я совершенно согласенъ; о чемъ прошу довести до свѣдѣнія академіи.

Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностію имѣю честь быть

вашего превосходительства
покорнѣйшимъ слугою
Алексѣй Оленинъ.

Дѣйствительный членъ академіи, князь Александръ Николаевичъ Голицынъ отвѣчалъ лаконически [125]):

Избираю всѣхъ пятерыхъ.

Князь Александръ Голицынъ.

Сергій Семеновичъ Уваровъ прислалъ слѣдующее заявленіе [126]):

Собранію императорской россійской академіи.

На предложенный намъ господиномъ президентомъ сего декабря 3 числа выборъ нѣкоторыхъ лицъ, а именно: 1) А. С. Пушкина, 2) П. А. Катенина, 3) М. Н. Загоскина, 4) протоіерея А. И. Малова и 5) Д. И. Языкова въ дѣйствительные члены императорской россійской академіи, имѣю честь отозваться, что я, съ своей стороны, подаю голосъ въ пользу предложеннаго выбора.

Дѣйствительный членъ императорской россійской академіи, тайный совѣтникъ

Сергій Уваровъ.

Александръ Ѳедоровичъ Воейковъ, соглашаясь на выборъ предложенныхъ кандидатовъ, не подалъ своего голоса за одного только Катенина [127]):

Съ живѣйшимъ удовольствіемъ подаю свой голосъ на избраніе въ дѣйствительные члены императорской россійской академіи принесшихъ пользу россійскому слову писателей нашихъ:

А. С. Пушкина, А. И. Малова, Д. И. Языкова и М. Н. Загоскина.

Дѣйствительный членъ, А. Воейковъ.

Дмитрій Николаевичъ Блудовъ писалъ П. И. Соколову [128]):

Милостивый государь

Петръ Ивановичъ.

Вслѣдствіе отношенія вашего превосходительства отъ 14-го сего декабря за № 141, имѣю честь препроводить при семъ къ вамъ, милостивый государь, въ особо запечатанной запискѣ го-

лосъ мой по случаю бывшаго въ засѣданіи императорской россійской академіи 3 сего декабря избранія.

Имѣю честь быть съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію

вашего превосходительства

покорнѣйшимъ слугою

Д. Блудовъ.

Въ запечатанной запискѣ написано было рукою Блудова:

Александра Сергѣевича Пушкина

Избираю.

Д. Блудовъ.

Отъ митрополита Серафима полученъ такой отвѣтъ [129]):

Голосъ на избраніе въ дѣйствительные члены императорской россійской академіи.

1-го Титулярнаго совѣтника Александра Сергѣевича Пушкина.

2-го Отставнаго гвардіи полковника Павла Александровича Катенина.

3-го Состоящаго въ званіи камергера и въ должности директора московскихъ театровъ Михаила Николаевича Загоскина.

4-го Протоіерея Алексѣя Ивановича Малова.

и 5-го Дѣйствительнаго статскаго совѣтника Димитрія Ивановича Языкова.

Согласенъ на избраніе въ дѣйствительные члены протоіерея Алексѣя Малова, а на избраніе прочихъ не могу дать согласія своего единственно потому, что они мнѣ неизвѣстны.

Серафимъ, митрополитъ новгородскій и с.-петербургскій.

Михаилъ Трофимовичъ Каченовскій отвѣчалъ П. И. Соколову [130]):

Милостивый государь

Петръ Ивановичъ!

По требованію вашего превосходительства, вслѣдствіе сдѣланнаго вамъ порученія отъ императорской россійской академіи,

въ отношеніи ко мнѣ отъ 15 сего декабря за № 148 изложеннаго, имѣю честь приложить у сего мой голосъ.

Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностію имѣю честь быть

вашего превосходительства
милостиваго государя
покорнѣйшимъ слугою
Михаилъ Каченовскій.

На избраніе въ дѣйствительные члены императорской академіи слѣдующихъ особъ:

А. С. Пушкина
П. А. Катенина
М. Н. Загоскина
А. И. Малова
Д. И. Языкова

даю мое полное согласіе.

Изъявляя полное согласіе на выборъ своего литературнаго врага, автора эпиграммъ и полемическихъ статей, Каченовскій забывалъ о личныхъ счетахъ и отношеніяхъ, и высказывалъ свое уваженіе къ таланту и заслугамъ Пушкина. По искреннему убѣжденію Каченовскаго, въ академіи русскаго языка Пушкину принадлежало самое почетное мѣсто. Незадолго до смерти своей Каченовскій говорилъ: «Надобно сказать правду, Пушкинъ былъ великій мастеръ языка, и теперь уже никто не пишетъ такъ, какъ онъ».

По полученіи голосовъ отсутствующихъ членовъ, состоялся, въ собраніи 7 января 1833 года, окончательный выборъ Пушкина въ члены россійской академіи [131]).

Въ первый разъ, въ званіи дѣйствительнаго члена академіи, Пушкинъ посѣтилъ академію 28 января 1833 года. Въ академическомъ собраніи 28 января читаны были: корректурные листы издаваемаго академіею словаря, до слова *бурка*; благо-

дарственное письмо Загоскина за избраніе въ члены академіи, и т. д.[132]).

Въ томъ же 1833 году Пушкинъ еще нѣсколько разъ посѣтилъ академію, участвуя въ собраніяхъ: 4 и 25 февраля, 11 и 18 марта и 10 іюня.

Въ собраніи 4 февраля 1833 года: «Читаны корректурные листы академическаго словаря, до слова *буторъ;* членъ академіи И. И. Мартыновъ сообщилъ слова: *брякъ, бродиться*—идти въ бродъ, *безупречно* — я былъ любимъ нѣжно, страстно и безупречно, *благимъ матомъ* и др.; читано письмо Венелина съ приложеніемъ влахо-болгарскихъ грамотъ» [133]).

Въ собраніи 25 февраля читаны были корректурные листы словаря, до слова *быть*[134]).

Въ собраніи 11 марта разсматривались разныя хозяйственныя дѣла и происходили выборы въ члены академіи предложенныхъ президентомъ академіи А. С. Шишковымъ кандидатовъ: Владиміра Ивановича Панаева, Павла Петровича Свиньина и Бориса Михайловича Ѳедорова, который «какъ прежде представлялъ, такъ и нынѣ представляетъ въ академію многіе долговременные и полезные свои труды»[135]).

Въ собраніи 18 марта: Читаны листы словаря, до слова: *бѣжаніе*; членъ академіи Лобановъ представилъ пѣсни и псалмы на малороссійскомъ языкѣ, полученныя Гнѣдичемъ изъ академіи еще въ 1818 году и нѣсколько листовъ малороссійскаго словаря, писанныхъ рукою Гнѣдича, а такъ какъ часть словаря взята на разсмотрѣніе Капнистомъ, то опредѣлено: просить наслѣдниковъ покойнаго Капниста о возвращеніи ея; и т. д.[136]).

Въ собраніи 10 іюня читаны листы словаря до слова *ванна*, и графъ Хвостовъ подарилъ академіи стихи свои по случаю второй выставки россійскихъ издѣлій: «приношеніе сіе принято съ благодарностію»[137]).

Присутствуя въ собраніи 8 декабря 1834 года, Пушкинъ участвовалъ въ выборѣ Степана Васильевича Руссова въ члены россійской академіи, и т. д.[138]).

Великою заслугою академіи Пушкинъ считалъ составленіе словаря: «Словарь оконченъ былъ втеченіе шести лѣтъ; Карамзинъ справедливо удивляется такому подвигу» [139]).

Пушкинъ весьма подробно описалъ академическое засѣданіе 18 января 1836 года. Во взглядѣ на дѣятельность россійской академіи по отношенію къ литературѣ и ея представителей онъ сходится съ Карамзинымъ. Подобно Карамзину, находившему, что академія можетъ содѣйствовать успѣхамъ литературы «наградами и еще болѣе — справедливымъ оцѣненіемъ всякаго новаго труда, имѣющаго признаки истиннаго дарованія; гдѣ нѣтъ предмета для хвалы, тамъ скажемъ все молчаніемъ», Пушкинъ выражаетъ искреннее желаніе, чтобы «россійская академія, уже принесшая истинную пользу нашему прекрасному языку, ободрила, оживила отечественную словесность, награждая достойныхъ писателей дѣятельнымъ своимъ покровительствомъ, а недостойныхъ наказывая однимъ невниманіемъ» [140]).

Въ собраніи россійской академіи 30 января 1837 года, «непремѣнный секретарь исполнилъ печальный долгъ возвѣщеніемъ о кончинѣ дѣйствительнаго члена академіи Александра Сергѣевича Пушкина, послѣдовавшей сего 29 января на тридцать седьмомъ году отъ рожденія. Собраніе, принявъ съ величайшею скорбію сіе печальное извѣщеніе, опредѣлило: во уваженіе заслугъ, оказанныхъ покойнымъ россійской словесности, написать на счетъ академіи портретъ его и поставить въ залѣ собранія» [141]).

Оригиналомъ послужилъ портретъ Пушкина, писанный Кипренскимъ и доставленный въ академію В. А. Жуковскимъ для снятія копіи. Копія заказана была даровитому художнику Вишневецкому за просимую имъ цѣну, т. е. за триста рублей. Въ октябрѣ 1837 года Вишневецкій представилъ сдѣланную имъ копію съ портрета Пушкина; по разсмотрѣнію этой копіи и по сличеніи ея съ подлинникомъ, академія опредѣлила: выдать художнику Вишневецкому условленное вознагражденіе [142]).

А. Ѳ. ВОЕЙКОВЪ.

Нѣкоторые изъ писателей были членами академіи только по имени, и пребываніе ихъ въ академической средѣ прошло совершенно безслѣдно; на память о другихъ осталось только нѣсколько писемъ, любопытныхъ въ томъ отношеніи, что въ нихъ есть черты, рисующія тогдашніе нравы. Подобныя черты можно встрѣтить въ уцѣлѣвшей части переписки Воейкова и Катенина съ членами россійской академіи.

Александръ Ѳедоровичъ Воейковъ избранъ въ члены академіи 8 марта 1819 года, по предложенію президента А. С. Шишкова [143]). Въ числѣ поводовъ къ избранію Воейкова указаны и переводы его съ иностранныхъ языковъ на русскій: «Преложеніе его стихами двухъ знаменитыхъ твореній, а именно Виргиліевыхъ *Георгикъ* и Делилевой поэмы *Сады*, такожъ и многія собственныя его сочиненія показываютъ въ немъ человѣка трудолюбиваго, одареннаго талантами и въ россійскомъ языкѣ искуснаго, а потому и полагаю я, что академія избраніемъ его какъ ему окажетъ должное, такъ и въ немъ пріобрѣтетъ полезнаго себѣ сочлена». Въ этихъ-то словахъ Шишкова и заключался источникъ недоразумѣній, возникшихъ, много лѣтъ спустя, между Воейковымъ и его сочленами по академіи.

Вспомнивъ давнія похвалы, Воейковъ обратился въ академію съ просьбою доставить ему средства для изданія въ свѣтъ переведенныхъ имъ на русскій языкъ Эклогъ и Георгикъ Виргилія, съ латинскимъ текстомъ и съ примѣчаніями, а также и разсужденія о гекзаметрахъ. Право свое Воейковъ основывалъ на томъ, что академія оказала пособіе Гнѣдичу — напечатала на свои суммы его переводъ Иліады. Собраніе постановило: просить Воейкова доставить въ академію переводъ и разсужденіе, чтобы, *по разсмотрѣніи ихъ*, обсудить вопросъ о выдачѣ пособія изъ академическихъ суммъ [144]).

Такое постановленіе показалось очень обиднымъ для автор-

скаго самолюбія, и Воейковъ отвѣчалъ непремѣнному секретарю академіи [145]):

Милостивый государь
Петръ Ивановичъ!

Приказаніе императорской россійской академіи, въ отношеніи вашего превосходительства отъ 30 декабря 1833 года за № 270 мнѣ вами объявленное, я имѣлъ честь получить.

Мнѣніе мое, здѣсь излагаемое, покорнѣйше прошу представить на благоусмотрѣніе академіи.

Въ отношеніи ко мнѣ г. секретаря академіи отъ 17 марта 1819 года за № изображено: «Императорская россійская академія, отдавая должную справедливость отличному вашему въ языкѣ отечественномъ знанію, коего успѣшные опыты явили вы не токмо преложеніемъ на россійскій языкъ стихами двухъ классическихъ сочиненій, каковы суть: Виргиліевы *Георгики* и Делилева поэма *Сады*, но и многими вашими стихотвореніями, избрало васъ сего марта 8 дня, по предложенію г. президента, его превосходительства Александра Семеновича Шишкова, и на основаніи 10 статьи VIII главы устава академіи, въ *дѣйствительные* свои члены».—Слѣдственно, мой переводъ оцѣненъ уже и найденъ хорошимъ.

Переводъ Иліады *Гнѣдича* не былъ предварительно разсматриваемъ въ россійской академіи: справедливо ли же мой переводъ *Виргилія* подвергать оному?

Преложеніе Гнѣдича требовало бы быть прежде разсмотрѣно, а потомъ ужь одобрено къ напечатанію на иждивеніи академіи: поелику тогда уже существовалъ переводъ нѣкоторыхъ отрывковъ сей поэмы В. А. *Жуковскаго*, превосходнѣйшій *Гнѣдичева*. Между тѣмъ какъ такихъ переводовъ изъ Георгикъ на русскомъ языкѣ нѣтъ еще.

Снисходительное великодушіе господъ членовъ россійской академіи устранило сію непріятность для знаменитаго своего сочлена.

Обращаясь снова къ его высокопревосходительству г. президенту и господамъ членамъ академіи, осмѣливаюсь надѣяться, что и мнѣ оказано будетъ то же пособіе, безусловно.

Вмѣсто же того, чтобы обсуживать мой переводъ въ общемъ академическомъ собраніи, не полезнѣе ли будетъ, по полученіи мною согласія академіи на печатаніе онаго на ея иждивеніе, составить комитетъ изъ дѣйствительныхъ членовъ: Владиміра Ивановича *Панаева*, Михаила Евстафьевича *Лобанова* и Бориса Михайловича *Өедорова*, извѣстныхъ изящнымъ вкусомъ и отличными стихотвореніями? Я надѣюсь, что они не отрекутся сдѣлать мнѣ честь сію. Въ семъ комитетѣ мы — съ латинскими и нѣмецкими *Георгиками* въ рукахъ—прочитаемъ сперва десять эклогъ, а потомъ четыре пѣсни поэмы *Земледѣліе*; я же постепенно буду исправлять все по ихъ замѣчаніямъ, и по мѣрѣ того препровождать въ типографію императорской россійской академіи для печатанія.

Съ отличнымъ уваженіемъ и преданностью имѣю честь быть,

милостивый государь,

вашего превосходительства

покорнѣйшій слуга

А. Воейковъ.

По выслушаніи отвѣта Воейкова, академія, соглашаясь на выборъ указываемыхъ имъ судей: Панаева, Лобанова и Өедорова, постановила присоединить къ нимъ П. И. Соколова и вторично просить Воейкова доставить свой переводъ въ академію. Вторичная просьба оказалась такъ же безуспѣшною, какъ и первая. Воейковъ писалъ тому же П. И. Соколову[146]):

Милостивый государь

Петръ Ивановичъ!

На отношеніе ваше отъ 11 марта имѣю честь васъ—для донесенія императорской россійской академіи — увѣдомить, что условій, которыя благоугодно ей предписать мнѣ относительно пе-

ревода Виргиліевыхъ эклогъ и Георгикъ, я принять не могу: они мнѣ кажутся тягостны и унизительны. Особенно послѣ того, какъ недавно напечатанъ на иждивеніе академіи посредственный переводъ посредственнаго французскаго романа.

Пусть Эклоги, Георгики и Энеида, которую также переложилъ я съ латинскаго, стихъ въ стихъ и часто даже размѣромъ Виргиліевымъ (гдѣ у него подражательная гармонія), покоятся у меня въ шкатулкѣ до благопріятнѣйшаго времени.

Теперь остается мнѣ, за двадцатитрехлѣтній трудъ мой, просить отъ россійской академіи одной милости: позволенія напечатать мое письмо къ его высокопревосходительству г. призиденту и переписку мою съ вашимъ превосходительствомъ. Сего буду ожидать съ нетерпѣніемъ.

Съ высокопочитаніемъ и преданностью имѣю честь быть

вашего превосходительства

покорнѣйшій слуга

А. Воейковъ.

Письмо это послужило новымъ поводомъ къ раздраженію. Академія въ свою очередь сочла себя оскорбленною брошеннымъ ей укоромъ въ покровительствѣ разнымъ посредственностямъ, и, вмѣсто обычной сдержанности, въ отзывѣ ея замѣтно явное неудовольствіе. Академическое собраніе постановило: въ третій разъ просить о высылкѣ перевода и вмѣстѣ съ тѣмъ увѣдомить г. Воейкова, что академія считаетъ неприличнымъ входить въ какія-либо пренія, которыя могли бы продолжаться безконечно, съ сочинителями и переводчиками, *требующими* у нея пособія на изданія, и не находитъ ни малѣйшей надобности дать г. Воейкову требуемое имъ позволеніе напечатать переписку его съ президентомъ и непремѣннымъ секретаремъ академіи[147]).

Но Воейковъ оставался непреклоннымъ, и на третье письмо П. И. Соколова отвѣчалъ категорическомъ отказомъ:[148]).

Милостивый государь
Петръ Ивановичъ!

На почтеннѣйшее отношеніе вашего превосходительства отъ 16 апрѣля за № 53, имѣю честь увѣдомить васъ, — для донесенія императорской россійской академіи, — что еслибъ я былъ *посторонній* сочинитель или переводчикъ, то, можетъ быть, и согласился бы исполнить волю академіи; но какъ я *дѣйствительный* членъ ея, то не могу принять условій, ею мнѣ предписываемыхъ. Я чувствую всю высокость моего званія, — и не унижу онаго: потомство взыщетъ съ меня за несовмѣстную уступчивость.

Съ достодолжнымъ почтеніемъ имѣю честь быть,
милостивый государь,
вашего превосходительства
покорнѣйшимъ слугою
Александръ Воейковъ.

П. А. КАТЕНИНЪ.

Павелъ Александровичъ Катенинъ, какъ мы уже замѣтили, избранъ въ члены россійской академіи въ одно время съ Пушкинымъ, 7 января 1833 года.

На первыхъ же порахъ Катенинъ не поладилъ съ нѣкоторыми изъ своихъ сочленовъ, и между ними происходили столкновенія, о которыхъ можно судить по слѣдующему письму его къ П. И. Соколову: [149]).

Милостивый государь
Петръ Ивановичъ,

Почтеніе къ старшинству и желаніе оградить себя впредь отъ незаслуженныхъ непріятностей побудили меня написать къ

вамъ о томъ, что̀, къ сожалѣнію моему, произошло въ академіи передъ закрытіемъ прошедшаго собранія: прошу васъ вспомнить подробно всѣ обстоятельства, и, если можете, обсудить ихъ безпристрастно. Началось съ того, что я предложилъ слово *бюро* опредѣлить иначе, поставивъ: «родъ письменнаго стола со шкафомъ и ящиками», вмѣсто: «родъ комода» и пр. Справка въ словарѣ французскомъ была въ мою пользу, и самый г. членъ, протоіерей Мысловскій, послѣ такъ безвинно на меня разгнѣвавшійся, сказалъ то же съ перемѣною такою: «родъ стола съ ящиками вверху и внизу». Все это довольно маловажно и не произвело бы ничего, кромѣ опредѣленія въ словарѣ, болѣе или менѣе точнаго, еслибъ вы не разсудили за благо сказать мнѣ родъ правоученія за то̀, что я будто бы имѣю привычку кричать, и хотя я тутъ же очень тихо отвѣчалъ, что я, напротивъ, молчу довольно долго, слушая васъ, вы продолжали, и тѣмъ вынудили меня объявить, что такого рода уроки могутъ точно довести до того, что и закричу. За симъ вслѣдъ вмѣшался въ рѣчь г. Мысловскій, не ради примиренія, что бы приличнѣе было сану его, но съ требованіемъ что-то обо мнѣ записать въ журналъ, а какъ прочіе члены явно ничего подобнаго не хотѣли, то онъ, поговоря съ вами въ другой комнатѣ, съ досадою ушелъ, и засѣданіе прежде времени кончили. Если вы заглянете въ уставъ нашъ, вы удостовѣритесь, что грозное требованіе г. Мысловскаго незаконно, и, кромѣ президента, никто не въ правѣ брать на себя по своему произволу обязанность блюстителя порядка; пункты: 7-й на стр. 25-й, 7-й и 8-й на 36-й и 37-й покажутъ вамъ, какое вообще, по уставу, миролюбіе и какая осторожность и вѣжливость взаимная поставлены въ обязанность всѣмъ намъ равно. Я не нашелъ въ уставѣ, кому должно въ отсутствіи президента замѣнять его; по понятіямъ, вкорененнымъ во мнѣ военною службою, я полагаю—старшему члену; но старшій членъ былъ не г. Мысловскій, даже не вы, а графъ Д. И. Хвостовъ, отнюдь не одобрявшій, какъ и многіе другіе, враждебныхъ на меня замысловъ. Академики собираются затѣмъ, чтобы дружелюбно, общими силами и свободнымъ преніемъ,

безъ всякой мзды и корысти, трудиться въ пользу языка; всѣ они, какъ сказано въ § 3-мъ стр. 23-й, люди, уваженія достойные. Прилично ли кому изъ нихъ давать или принимать наставленія въ нравственности и общежитіи? Похвально ли, въ первый разъ видя сочлена, искать письменной ссоры, и то въ противность постановленій? Уходить, не получивъ успѣха, съ гнѣвомъ изъ собранія? Еслибъ забвеніе не лучше всего, кого бы скорѣе можно почесть строптивымъ, какъ сказано на стр. 25-й? Я увѣренъ, что сего довольно къ тому, чего искренно желаю, то есть, чтобы сіе неудовольствіе было послѣднимъ. Ожидая сего, съ истиннымъ почтеніемъ пребыть честь имѣю вашимъ покорнымъ слугою

Павелъ Катенинъ.

Въ россійской академіи, въ первый періодъ ея существованія, весьма ясно выражалось стремленіе привлечь лучшія силы тогдашней литературы и тогдашняго образованнаго общества къ участію въ академическихъ трудахъ и предпріятіяхъ. При внимательномъ разсмотрѣніи всего того, что сохранилось отъ этого достопамятнаго періода, открывается, что въ заготовленіи матеріала, для того времени весьма значительнаго и цѣннаго, участвовало не мало лицъ, посвятившихъ себя общественной дѣятельности и игравшихъ видную, а иногда и блестящую роль въ обществѣ. Наиболѣе даровитые и любознательные изъ молодыхъ людей, поставленныхъ въ самыя благопріятныя житейскія отношенія, охотно посѣщали лекціи московскаго университета или шляхетнаго корпуса, и для довершенія образованія отправлялись нерѣдко заграницу, и слушали курсы въ иностранныхъ университетахъ. Пріобрѣтенныя знанія не оставались или — точнѣе — не всегда оставались мертвымъ капиталомъ, и такъ или иначе, въ большей или меньшей степени, находили примѣненіе къ условіямъ и потребностямъ русской жизни. Желаніе вносить посильные вклады въ русскую науку и литературу замѣчается и у лю-

дей, избалованныхъ обстановкою, болѣе располагавшею къ внѣшнему блеску и праздности, нежели къ скромному и упорному труду, въ особенности къ такому, какъ разыскапіе памятниковъ отечественной древности или изслѣдованіе свойствъ русскаго языка. А именно на эти предметы и устремлена была дѣятельность академіи, и въ сочувствіи къ нимъ выражалось самосознаніе, пробудившееся въ нашемъ обществѣ или по крайней мѣрѣ въ нѣкоторой его части. Даже тѣ изъ членовъ россійской академіи, которые выросли и воспитались подъ иностраннымъ вліяніемъ, не оставались равнодушными къ судьбѣ роднаго языка, и, считая его могучимъ и необходимымъ орудіемъ просвѣщенія, заботились объ его развитіи и объ очищеніи его отъ иностранной примѣси. Не на словахъ только, а по искреннему убѣжденію, первые члены россійской академіи признавали словарь отечественнаго языка предпріятіемъ важнымъ не только для отечественной словесности, но и для нашей національной чести. Современники Фонвизина, какъ и современники Карамзина, называли словарь россійской академіи подвигомъ, совершеннымъ на пользу и славу отечества. Стремясь къ общей и разумный цѣли, каждый желалъ положить свой камень при сооруженіи величественнаго, по тогдашнимъ понятіямъ, зданія.

О степени сочувствія нашего общества къ движенію русской литературы и науки, во второй половинѣ прошлаго столѣтія, можно судить по свѣдѣніямъ, собраннымъ въ словарѣ Новикова, и по тѣмъ даннымъ, которыя разсѣяны въ рукописяхъ россійской академіи. На этомъ основаніи, говоря о членахъ россійской академіи, мы приводимъ отзывы, сохраненные для потомства Новиковымъ, въ которыхъ слышится живой голосъ современниковъ, дорожившихъ успѣхами отечественной словесности и просвѣщенія.

Чтобы по возможности полнѣе очертить, въ чемъ состоялъ общій трудъ академіи и какимъ образомъ распредѣлялись рабочія силы, мы постараемся указать, на сколько позволяютъ первые источники, тѣ данныя, которыя относятся къ лицамъ, оста-

вившимъ хоть сколько-нибудь замѣтные слѣды своего участія въ академической дѣятельности.

При самомъ учрежденіи россійской академіи избраны въ члены академіи, и имена ихъ провозглашены въ день ея открытія, 21 октября 1783 года:

Иванъ Ивановичъ Шуваловъ.
Адамъ Васильевичъ Олсуфьевъ.
Иванъ Перфильевичъ Елагинъ.
Иванъ Логиновичъ Голенищевъ-Кутузовъ.
Графъ Александръ Сергѣевичъ Строгановъ.
Алексѣй Андреевичъ Ржевскій.
Петръ Александровичъ Соймоновъ.
Петръ Васильевичъ Бакунинъ.
Петръ Ивановичъ Турчаниновъ.
Николай Васильевичъ Леонтьевъ.
Семенъ Николаевичъ Щепотьевъ, и др.

И. И. ШУВАЛОВЪ.

Иванъ Ивановичъ Шуваловъ принадлежитъ къ числу замѣчательныхъ русскихъ людей прошлаго столѣтія. Онъ счастливо вышелъ изъ испытанія, приготовленнаго ему честолюбивыми разсчетами его родственниковъ, принимавшихъ такое видное участіе въ воцареніи Елисаветы. Благодаря родственнымъ связямъ, Шуваловъ въ ранней молодости опредѣленъ ко двору, гдѣ скоро попалъ въ «случай», изъ камеръ-пажей пожалованъ въ камеръ-юнкеры, и двадцати семи лѣтъ отъ роду былъ уже генералъ-поручикомъ, генералъ-адъютантомъ, камергеромъ, кавалеромъ ордена св. Александра Невскаго и т. д. Къ чести Шувалова надо сказать, что ни быстрое его возвышеніе, ни окружающая среда, ни та роль, которая выпала ему на долю, не развили въ немъ дурныхъ наклонностей, не сдѣлали его временщикомъ, и не отняли

у него нравственной силы и рѣшимости потрудиться на пользу своего отечества. Шувалову неоднократно даваемы были различныя дипломатическія порученія, которыя онъ исполнялъ съ большимъ умѣньемъ; живя заграницею, въ Парижѣ, въ Вѣнѣ, въ Римѣ, онъ вступалъ въ сношенія съ представителями иностранныхъ державъ, и нерѣдко улаживалъ спорные вопросы и отклонялъ непріятности, грозившія намъ со стороны нашихъ явныхъ и тайныхъ враговъ. Но истинную славу Шувалова составляетъ его заботливость о распространеніи знаній въ Россіи. Какъ ревностный поборникъ просвѣщенія, Шуваловъ является во главѣ учрежденій, предназначенныхъ для просвѣтительныхъ цѣлей. Шуваловъ былъ директоромъ сухопутнаго шляхетнаго корпуса; Шувалову обязана академія художествъ своимъ самостоятельнымъ существованіемъ; великою заслугою Шувалова и лучшимъ дѣломъ его жизни признается основаніе московскаго университета [150]).

Съ давнихъ поръ, со временъ Ломоносова и Новикова, принято называть Шувалова русскимъ Меценатомъ, но названіе это несовсѣмъ вѣрно примѣняется къ основателю московскаго университета, имѣющему другія и лучшія права на уваженіе потомства. Шувалова—по замѣчанію С. М. Соловьева—надо сравнивать не съ Меценатомъ, а «съ лицами болѣе отдаленной древности, которымъ преданіе приписываетъ выводъ колоній, изобрѣтеніе или принесеніе благодѣтельныхъ искусствъ и знаній, основаніе учрежденій, поддерживавшихъ основы общества. Шуваловъ не отличался однимъ только легкимъ, ничего не стоющимъ при его положеніи покровительствомъ наукѣ и искусству; но, познавъ на самомъ себѣ благое дѣйствіе науки и искусства, пріобрѣтши благо, онъ старался распространить его между соотечественниками своими, чтобъ сколько можно бóльшее число ихъ пользовались этимъ благомъ» . . [151]).

Имя Шувалова, какъ русскаго писателя и ревнителя просвѣщенія, находится въ словарѣ Новикова [152]):

—«Шуваловъ, Иванъ Ивановичъ, генералъ-поручикъ, дѣй-

ствительный камергеръ, орденовъ святаго Александра, бѣлаго орла и святыя Анны кавалеръ, любитель и покровитель наукъ и художествъ. Сей сочинялъ многія весьма хорошія стихотворныя пьесы, заслуживающія похвалу; и между прочимъ перевелъ изъ Шекспировой трагедіи Гамлетовъ монологъ съ великимъ успѣхомъ. Онъ упражнялся также и въ гравировальномъ искусствѣ, чему доказательствомъ остался портретъ его, гравированный имъ самимъ. Къ чести его и къ засвидѣтельствованію справедливой ему похвалы, за ободреніе и покровительство упражнявшихся въ наукахъ и художествахъ, довольно будетъ упомянуть изъ письма г. Ломоносова, писаннаго къ нему, слѣдующіе стихи:

А ты, о Меценатъ, предстательствомъ предъ нею,
Какой наукамъ путь стараешься открыть,
Предъ свѣтомъ въ томъ могу свидѣтель вѣрный быть.
Тебѣ похвальны всѣ, пріятны и любезны,
Что тщатся постигать ученія полезны.

Ниже:

Кто кажетъ смыслъ во дняхъ еще младыхъ,
Тотъ будетъ всѣмъ примѣръ, доживъ власовъ сѣдыхъ.

И также изъ письма его жъ, г. Ломоносова, напечатаннаго при героической поэмѣ: Петръ Великій.

И если въ полѣ семъ прекрасномъ и широкомъ
Преторжется мой вѣкъ недоброхотнымъ рокомъ,
Цвѣтущимъ младостью останется умамъ,
Что мной проложеннымъ послѣдуютъ стопамъ.
Довольно таковыхъ родитъ сыновъ Россія,
Лишь были бъ завсегда защитники такіе,
Каковъ ты промысломъ въ сей день произведенъ,
Для счастія наукъ въ отечествѣ рожденъ, и проч.

Стихи къ портрету г. Ломоносова хотя изданы мною подъ именемъ г. Поповскаго; но по отпечатаніи того листа получилъ

я отъ нѣкоторой особы достовѣрное извѣстіе, что они сочинены г. графомъ Шуваловымъ; что также подтверждаетъ, сколь много любилъ онъ науки и покровительствовалъ ученыхъ людей». —

Въ словарѣ русскихъ писателей приведены Новиковымъ слѣдующіе стихи Шувалова къ портрету Ломоносова:

Московскій здѣсь Парнассъ изобразилъ витію,
Что чистый слогъ стиховъ и прозы ввелъ въ Россію.
Что въ Римѣ Цицеронъ и что Виргилій былъ,
То онъ одинъ въ своемъ понятіи вмѣстилъ.
Открылъ натуры храмъ богатымъ словомъ россовъ
Примѣръ ихъ остроты въ наукахъ Ломоносовъ.

Митрополитъ Евгеній, также помѣстившій Шувалова въ своемъ словарѣ русскихъ писателей, говоритъ: «Изъ сочиненій его нѣкоторыя только мелкія стихотворенія, писанныя въ молодости, были издаваемы въ разныхъ періодическихъ журналахъ *безыменно*, а иногда *подъ чужими именами*. Имъ сочинена къ портрету Ломоносова надпись: *Московскій здѣсь Парнассъ изобразилъ витію* и проч.; но *онъ ее выдалъ за сочиненіе якобы Поповскаго»* [153]).

Къ числу сочиненій Шувалова, являвшихся подъ чужимъ именемъ, принадлежатъ до нѣкоторой степени, и знаменитые вопросы сочинителю «Былей и Небылицъ», т. е. императрицѣ Екатеринѣ II, напечатанные въ Собесѣдникѣ подъ именемъ Фонвизина. Между Екатериною II и Шуваловымъ велась тайная литературная борьба, и въ вопросахъ, присланныхъ въ Собесѣдникъ, Екатерина видѣла прямую месть за статью свою съ изображеніемъ нерѣшительнаго, въ которомъ оберъ-камергеръ Шуваловъ узналъ свой портретъ. Въ письмѣ къ княгинѣ Дашковой Екатерина II говоритъ: вопросы идутъ «несомнѣнно отъ оберъ-камергера въ отмщеніе за портретъ *нерѣшительнаго* человѣка, во второй части Собесѣдника. Прошу васъ обратить вниманіе, что четырнадцатый пунктъ помѣщенъ два раза, можетъ быть съ намѣреніемъ, чтобы одинъ изъ нихъ можно было исклю-

чить, не нарушая счета. Эта предосторожность, жалкая сама по себѣ, не совершенно ли похожа на оберъ-камергера, который во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ дѣлаетъ одинъ шагъ впередъ, а другой назадъ» [154]). Подъ прикрытіемъ псевдонима Шуваловъ выступилъ довольно смѣло: «Отчего — спрашивалъ онъ — въ прежнія времена шуты, шпыни и балагуры чиновъ не имѣли, а нынче имѣютъ и весьма большіе», и т. п. Но и Екатерина II весьма удачно отражала нападенія противника. На вопросъ: «Отчего знаки почестей, долженствующіе свидѣтельствовать истинныя отечеству заслуги, не производятъ по большей части къ носящимъ ихъ ни малѣйшаго душевнаго почтенія» — Екатерина II отвѣчала: «Оттого, что всякій любитъ и почитаетъ лишь *себѣ подобнаго*, а не *общественныя* и особенныя добродѣтели». Нагляднымъ указаніемъ на истиннаго автора вопросовъ, которымъ Екатерина считала *нерѣшительнаго* оберъ-камергера, служитъ то̀, что на вопросъ, гдѣ у высокихъ баръ обитаетъ гордость, въ головѣ или въ душѣ, послѣдовалъ отвѣтъ: «тамъ же, гдѣ и *нерѣшимость*» [155]).

Любовь къ литературѣ и просвѣщенію признавалась въ Шуваловѣ какъ его сторонниками, такъ и его противниками. При составленіи списка первыхъ членовъ россійской академіи, княгиня Дашкова, безъ сомнѣнія по совѣщаніи съ Екатериною II, включила въ него и Шувалова. Первымъ въ ряду свѣтскихъ членовъ академіи поставленъ въ спискѣ «Иванъ Ивановичъ Шуваловъ, двора ея императорскаго величества оберъ-камергеръ, дѣйствительный тайный совѣтникъ, императорской санктпетербургской академіи членъ, московскаго университета кураторъ, первый учредитель академіи художествъ; орденовъ: россійскихъ — св. апостола Андрея, св. Александра Невскаго, св. равноапостольнаго князя Владимира первой степени, польскаго — Бѣлаго орла, и голстинскаго — св. Анны, кавалеръ» [156]).

Шуваловъ нерѣдко посѣщалъ собранія россійской академіи, и участвовалъ въ академическихъ работахъ. Онъ собралъ и представилъ въ академію слова, начинающіяся на *Э* [157]).

По отпечатаніи первыхъ двухъ листовъ этимологическаго

словаря, нѣкоторые изъ членовъ академіи, и въ числѣ ихъ Шуваловъ, изъявили желаніе окончательно разсмотрѣть отпечатанные листы и возвратить ихъ съ своими замѣчаніями и дополненіями [158]).

При обсужденіи плана словаря и замѣчаній, сдѣланныхъ Болтинымъ, Шуваловъ предлагалъ помѣстить въ словарѣ, съ истолкованіемъ, старинныя собственныя имена людей, какъ напримѣръ: *Гориславъ*, *Святополкъ*, *Изяславъ*, *Прелѣпа* и др. Предложеніе свое Шуваловъ основывалъ на томъ, что эти имена— коренныя русскія, и смыслъ и составъ ихъ легко поддаются объясненію или «истолкованію». Но предложеніе Шувалова не было принято академіею [159]).

Шуваловымъ поданъ весьма основательный совѣтъ, чтобы, при составленіи словаря, не приводить примѣровъ для тѣхъ словъ, которыя ясны сами по себѣ — «изъ одного объясненія» и находятся «во всегдашнемъ употребленіи» [160]).

Признавая россійскую академію блюстительницею русскаго литературнаго языка, Шуваловъ предлагалъ «издавать отъ россійской академіи мѣсячныя сочиненія, въ коихъ бы замѣчать ошибки въ сочиненіяхъ и переводахъ, на россійскомъ языкѣ издаваемыхъ, и подавать совѣты къ исправленію оныхъ,—что̀ бы послужило похвальнымъ академіи упражненіемъ, поелику главный ея предметъ составляютъ: правильность, чистота и богатство языка». Желающимъ принять на себя подобный трудъ Шуваловъ предлагалъ въ вознагражденіе, съ своей только стороны, по триста рублей въ годъ. Это полезное предложеніе принято всѣми членами съ должною признательностью; только кн. Дашкова и Румовскій замѣтили, что главными трудами академіи должны быть составленіе словаря и грамматики, и что тѣ лица, которыя всего успѣшнѣе повели бы предлагаемое изданіе, заняты въ настоящее время работами по двумъ важнѣйшимъ предпріятіямъ академіи, т. е. по словарю и по грамматикѣ [161]).

Въ отчетѣ о трудахъ членовъ россійской академіи, читанномъ по истеченіи перваго трехлѣтія со времени ея основанія,

сказано: «Иванъ Ивановичъ Шуваловъ употреблялъ трудъ въ собраніи словъ для аналогической таблицы на букву Э, и сообщалъ академіи примѣчанія свои на сочиняемый словарь» [162]).

Въ академическомъ собраніи 19 декабря 1797 года «секретарь исполнилъ печальный долгъ возвѣщеніемъ кончины члена академіи Ивана Ивановича Шувалова, двора его императорскаго величества оберъ-камергера, московскаго университета главнаго куратора и учредителя какъ онаго, такъ и академіи художествъ, воспослѣдовавшей декабря 11 дня 1797 года» [163]).

А. В. ОЛСУФЬЕВЪ.

Адамъ Васильевичъ Олсуфьевъ получилъ образованіе въ сухопутномъ шляхетномъ корпусѣ, изъ котораго выпущенъ въ 1739 году, въ армію въ поручики, съ такимъ атестатомъ: «сочиняетъ *латинскія*, *французскія* и *нѣмецкія* письма весьма изрядно, и переводитъ съ нѣмецкаго языка на французскій языкъ экстемпре хорошо; *универсальную исторію* окончалъ, и отвѣтствовалъ изрядно, а притомъ знаетъ *нѣкоторыя* и *специальныя исторіи*; въ *географіи* прошелъ всѣ карты, и знаетъ преизрядно; рисуетъ миніатюрою, также и нахштики красками очень хорошо; въ *логикѣ* дошелъ до силогизмовъ, и отвѣтствовалъ изрядно; въ *юсъ-натурѣ* отвѣтствовалъ твердо; *ариѳметику* окончалъ; *танцуетъ* минуэтъ; въ *фехтованіи* въ началѣ» [164]).

Любовь къ литературнымъ занятіямъ, вынесенная изъ стѣнъ сухопутнаго шляхетнаго корпуса, составляла одну изъ отличительныхъ чертъ нѣсколькихъ поколѣній его питомцевъ. Подобно нѣкоторымъ изъ своихъ товарищей по воспитанію, Олсуфьевъ пріобрѣлъ извѣстность въ современной ему литературѣ. По свидѣтельству Новикова, Адамъ Васильевичъ Олсуфьевъ — тогда уже сенаторъ, кабинетъ-министръ, и пр. — «писалъ много забавныхъ и сатирическихъ сочиненій, но печатныхъ нѣтъ; однакожъ

они *у многихъ хранятся рукописными* и весьма много *за остроту* похваляются. Онъ перевелъ съ италіянскаго языка оперы: *Евдоксія вѣнчанная*, *Селевкъ*, *Митридатъ* и *Беллерофонтъ*, въ которыхъ всѣ аріи положены стихами; напечатаны они въ Санктпетербургѣ, въ разныхъ годахъ»; [165]).

При самомъ открытіи россійской академіи въ члены ея избранъ «Адамъ Васильевичъ Олсуфьевъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ, и орденовъ: св. Александра Невскаго и Бѣлаго орла кавалеръ» [166]).

Олсуфьевъ выразилъ полную готовность участвовать въ академическихъ трудахъ, и академія очень дорожила его сотрудничествомъ; но смерть прервала начатыя работы, и вмѣсто признательности за оказанное содѣйствіе, представитель академіи долженъ былъ выразить сожалѣніе о потерѣ одного изъ достойнѣйшихъ сочленовъ.

Въ академическомъ собраніи 16 декабря 1783 года И. И. Лепехинъ, отъ имени княгини Дашковой, заявилъ, что «Адамъ Васильевичъ Олсуфьевъ обѣщалъ сообщить академіи разныя коренныя слова, съ иностранныхъ языковъ происходящія, по чему академія, по *отмѣнному его знанію разныхъ языковъ*, можетъ ожидать *великой помощи и пользы*» [167]).

Въ собраніи 6 іюля 1784 года непремѣнный секретарь россійской академіи «исполнилъ печальный долгъ возвѣщеніемъ собранію кончины достойнѣйшаго академіи сочлена Адама Васильевича Олсуфьева, воспослѣдовавшей іюня 27 дня, — который къ отмѣннымъ своимъ заслугамъ къ монархинѣ и отечеству присоединилъ и *отмѣнное знаніе* какъ отечественнаго языка, *многихъ европейскихъ*, такожде *латинскаго* и *греческаго*» [168]).

И. П. ЕЛАГИНЪ.

Иванъ Перфильевичъ Елагинъ былъ также питомцемъ достопамятнаго въ исторіи нашей образованности сухопутнаго шля-

хетнаго корпуса. Въ 1743 году онъ выпущенъ изъ корпуса прапорщикомъ. О томъ значеніи, какое придавали Елагину, какъ писателю, въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, можно судить по слѣдующимъ отзывамъ:

— «Иванъ Елагинъ, тайный совѣтникъ, кабинетъ-министръ, directeur des plaisirs, и кавалеръ польскихъ орденовъ Бѣлаго орла и Станислава. Этотъ достойнѣйшій человѣкъ писалъ уже въ юности, съ необыкновеннымъ талантомъ и вкусомъ, мелкія стихотворенія, какъ-то: пѣсни, элегіи и т. п., которыя всѣ очень хороши (recht schön sind). Онъ писалъ также о важныхъ предметахъ, какъ въ стихахъ, такъ и въ прозѣ; но слишкомъ скромный авторъ не отдавалъ еще этихъ произведеній въ печать. Онъ много переводилъ, и съ большимъ успѣхомъ, какъ напримѣръ: *les Mémoires d'un homme de qualité qui s'est retiré du monde*, и почти всѣ драматическія сочиненія Детуша. Переводы эти, по чистотѣ языка и плавности выраженій, могутъ, безъ сомнѣнія, считаться образцовыми. Елагинъ обладаетъ изумительною начитанностью. Жаль, что многія государственныя дѣла слишкомъ рано отвлекли его отъ занятій литературою. Но мы все еще не покидаемъ надежды видѣть въ печати нѣкоторыя изъ его рукописей. Лучшею похвалою ему служитъ то̀, что онъ послѣ Ломоносова первый нашъ писатель въ прозѣ, и даже превосходитъ иногда Ломоносова въ тонкости выраженія»[169]).

— «Елагинъ, Иванъ Перфильевичъ, тайный совѣтникъ, сенаторъ, ордена Бѣлаго орла кавалеръ, главной дворцовой канцеляріи членъ, и главный директоръ музыки и театра. Во младыхъ своихъ лѣтахъ писалъ весьма изрядныя стихотворенія, какъ то: элегіи, пѣсни, и другое тому подобное; также сатирическія письма прозою и стихами, много похваляемыя знающими людьми за чистоту стиховъ и слога, нѣжность вкуса и хорошее и пріятное изображеніе. Но, къ великому сожалѣнію, сіи стихотворенія еще не напечатаны; однакожъ у всѣхъ охотниковъ *хранятся письменными*. Онъ много славится за переводъ *Маркиза Г****, трагедію *Безбожнаго*, и другіе переводы. Слогъ его чистъ и текущъ, а из-

ображеніи нѣжны и пріятны, а гдѣ потребно важны и сильны, и его переводы по справедливости могутъ почитаться примѣрными на россійскомъ языкѣ. Его тщаніемъ россійскій театръ возведенъ на такій степень совершенства, что иностранные знающіе люди ему удивляются»[170]).

Именемъ Елагина обозначали новый періодъ въ исторіи русскаго слога. Карамзинъ говоритъ: «Раздѣляя слогъ нашъ на эпохи, первую должно начать съ Кантемира, вторую — съ Ломоносова, третію — *съ переводовъ славянорусскихъ г. Елагина и его многочисленныхъ подражателей*, а четвертую — съ нашего времени, въ которое образуется пріятность слога, называемая Французами elegance»[171]).

При такомъ взглядѣ на литературную дѣятельность Елагина избраніе его въ члены россійской академіи является справедливою данью его заслугамъ въ области русскаго языка и словесности. Въ спискѣ первыхъ членовъ россійской академіи по праву находился «Иванъ Перфильевичъ Елагинъ, двора ея императорскаго величества оберъ-гофмейстеръ, сенаторъ и орденовъ: св. Александра Невскаго, Бѣлаго орла и св. Станислава кавалеръ»[172]).

Елагину принадлежитъ починъ въ академическихъ совѣщаніяхъ: обсужденіемъ вопросовъ, предложенныхъ Елагинымъ, и началась, собственно говоря, дѣятельность россійской академіи.

Въ день открытія академіи читано было «краткое начертаніе», на основаніи котораго долженъ быть составленъ проектъ устава; въ «начертаніи» сказано: «Россійская академія долженствуетъ имѣть предметомъ своимъ вычищеніе и обогащеніе россійскаго языка, общее установленіе употребленія словъ онаго, свойственное оному витійство и стихотвореніе». Главнымъ предметомъ перваго, послѣ дня открытія, засѣданія академіи было составленіе академическаго устава, и каждому изъ присутствовавшихъ членовъ предложено было высказаться по этому поводу. Но только одинъ Елагинъ воспользовался предоставленнымъ его правомъ, и сдѣлалъ три слѣдующія предложенія:

— «Какъ главный предметъ академіи есть вычищеніе и обо-

гащеніе языка россійскаго, то обогатить его наиудобнѣйшій способъ есть тотъ, чтобъ всѣ техническія слова собрать и издать особливою книгою; введенныя въ употребленіе выбрать изъ старыхъ книгъ, а недостающія *сдѣлать вновь* и утвердить въ собраніи академіи». —

— «Какъ правила витійства и стихотворенія другія быть не могутъ, каковы уже древними утверждены, то сдѣлать особливый словарь, въ коемъ изъяснить всѣ правила, до словесныхъ наукъ принадлежащія», и для составленія такого словаря избрать въ члены академіи «духовныхъ особъ, имѣющихъ нужныя къ сему знанія». —

— «Чтобы всякій членъ академіи обязанъ былъ сочиненія свои, на россійскомъ языкѣ писанныя, какого бы рода они ни были, представлять на судъ академіи, и безъ согласія оныя отнюдь непечатать, дабы тѣмъ предохранить честь и славу академіи». —

Выслушавъ первое предложеніе Елагина, академія порѣшила немедленно приступить къ составленію общаго плана для словаря русскаго языка. Третье предложеніе значительно видоизмѣнено и ослаблено академіею, а второе принято только на половину и притомъ такъ, что удержаны слѣдствія, а причина устранена: избраны духовныя лица, но, вмѣсто словаря словесныхъ наукъ, имъ поручено составленіе грамматики[173]).

Елагинъ былъ въ трехъ первыхъ, со времени учрежденія академіи, собраніяхъ, и затѣмъ прекратилъ свои посѣщенія надолго, и едва ли не навсегда. По крайней мѣрѣ въ спискахъ лицъ, присутствовавшихъ въ собраніяхъ академіи, не встрѣчается болѣе И. П. Елагина, до самой смерти его.

Въ собраніи 24 сентября 1793 года непремѣнный секретарь академіи «исполнилъ печальный долгъ возвѣщеніемъ собранію кончины, воспослѣдовавшей сего сентября 22 дня, достойнѣйшаго члена академіи, Ивана Перфильевича Елагина, мужа коего ученые труды у позднихъ потомковъ въ незабвенной пребудутъ памяти»[174]).

И. Л. ГОЛЕНИЩЕВЪ-КУТУЗОВЪ.

Избранный въ члены россійской академіи при самомъ ея учрежденіи Иванъ Логиновичъ Голенищевъ-Кутузовъ получилъ образованіе также въ сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ. При избраніи въ академики Голенищевъ-Кутузовъ былъ адмираломъ и директоромъ морскаго шляхетнаго корпуса. Онъ страстно любилъ русскую словесность и, занимая высокое общественное положеніе, дѣйствовалъ и на литературномъ поприщѣ. Въ словарѣ русскихъ писателей находится имя Голенищева-Кутузова, какъ автора Морской тактики, различныхъ статей и стихотвореній, помѣщенныхъ въ повременныхъ изданіяхъ, переводчика повѣсти Вольтера: *Задигъ*, и др.[175]).

Голенищевъ-Кутузовъ обратилъ вниманіе своихъ сочленовъ на неопредѣленность правилъ объ удареніяхъ въ русскомъ языкѣ и на необходимость основательной разработки этого спорнаго вопроса нашей грамматики. По предложенію Голенищева-Кутузова внесена въ проектъ академическаго устава слѣдующая статья: такъ какъ «для россійскаго языка не сдѣланы еще правила, по которымъ бы можно было опредѣлять удареніе въ сложныхъ и производныхъ словахъ, то академія да составитъ оныя, примѣняясь къ свойству языка славяно-россійскаго»[176]).

На первыхъ же порахъ академической дѣятельности Голенищевымъ-Кутузовымъ поднятъ вопросъ о правописаніи. По мнѣнію Голенищева-Кутузова, академіи русскаго языка слѣдовало бы прежде всего позаботиться о русской грамматикѣ, тѣмъ болѣе, что «новѣйшіе писатели наши и въ самыхъ первыхъ основаніяхъ письменъ несогласны; многіе исключаютъ различныя буквы и разному слѣдуютъ правописанію. Почему *во первыхъ помыслить должно объ утвержденіи буквъ и правописанія*»[177]). Вопросъ, поднятый Голенищевымъ-Кутузовымъ, признанъ академіею весьма важнымъ, и немедленно приступлено къ его обсужденію; нѣкоторые изъ членовъ предлагали ввести новыя буквы,

какъ напр. для различенія *g* и *h* и т. п.; работы по грамматикѣ возложены на членовъ такъ называемаго грамматикальнаго отдѣла.

Голенищевъ-Кутузовъ предложилъ, чтобы въ число книгъ, достойныхъ прочтенія и выбора изъ нихъ словъ для академическаго словаря, помѣстить и слѣдующія: «Генеральную географію, переведенную во время Петра Великаго; Ѳеатрумъ, Пуффендорфа; Троянскую исторію; Баронія; Синопсисъ; Уставъ царя Алексѣя Михайловича; Судебникъ царя Іоанна Васильевича и Ярославову Правду»[178]).

Предлагая съ такою щедростью источники для предпринятаго академіею словаря, Голенищевъ-Кутузовъ очевидно не разсчитывалъ, что къ нему же обратятся съ просьбою заняться выборкою того, что окажется наиболѣе пригоднымъ въ указанныхъ имъ источникахъ. На подобнаго рода просьбу онъ отвѣчалъ непремѣнному секретарю россійской академіи И. И. Лепехину:[179]).

Государь мой Иванъ Ивановичъ!

На почтенное ваше писаніе, коимъ предлагаете чтобъ я потрудился въ выборѣ словъ изъ *Генеральной Географіи*, для аналогическаго словаря, чрезъ сіе сообщить честь имѣю:

1. Ссылаюсь на отзывъ мой при избраніи меня въ члены россійской академіи, что я *потолику время свое академіи посвятить могу, сколько отъ должностей моихъ свободнаго мнѣ останется.*

2. Самый выборъ словъ изъ сей великой книги, на какихъ бы правилахъ и основаніи требовался? Ибо всѣ слова изъ оной выбирать работа есть столько жъ необъятная, сколько и несовмѣстная съ общимъ положеніемъ, потому что буквы всѣ разобраны, слѣдовательно, ежели бы кто и принялъ на себя таковой выборъ, то былъ бы онъ во многомъ вдвойнѣ на каждую букву,—и

3. И самой книги я не имѣю.

И такъ покорно прошу въ семъ меня извинить тѣмъ паче, что для сей работы, какъ состоящей изъ одного выбиранія изъ книги

по порядку словъ, довольно бы было человѣка, разумѣющаго слова и умѣющаго писать.

Я съ отличнымъ почтеніемъ пребываю.

Государь мой,

вашъ покорнѣйшій слуга

Иванъ Г. Кутузовъ.

Голенищевъ-Кутузовъ принялъ на себя выборъ словъ, начинающихъ на *Г*[180]). Выбравши слова «отовсюду, откуда могъ», онъ представилъ ихъ въ академію при письмѣ къ Лепехину[181]):

Государь мой Иванъ Ивановичъ,

Слова для аналогическаго лексикона, начинающіяся съ буквы *Г*, сколько могъ я собралъ, изъ присланной *Кондратовичевой*, изъ *Целларіева* и *Церковнаго лексиконовъ*, и *отвсюда, откуда могъ*, и при семъ къ вамъ посылаю. Можетъ быть у *Тауберта* можно бы взять еще что̀-нибудь, но трудовъ его сей буквы ко мнѣ не прислано. Присовокупляю къ тому *выбранныя изъ Церковнаго лексикона еврейскія и греческія слова,* на особливомъ листѣ; возвращаю также *Кондратовичевы тетради.*

Впрочемъ пребываю съ должнымъ и особливымъ почтеніемъ,

государь мой,

вашъ покорный слуга

Иванъ Г. Кутузовъ.

ГРАФЪ А. С. СТРОГАНОВЪ.

Графъ Александръ Сергѣевичъ Строгановъ принадлежалъ къ числу образованнѣйшихъ представителей нашего высшаго общества, въ дѣятельности которыхъ обнаруживаются свѣтлыя стороны и лучшія преданія вѣка Екатерины II. Строгановъ понималъ просвѣтительное значеніе литературы и изящныхъ искусствъ, и дорожилъ ихъ успѣхами въ нашемъ отечествѣ.

Особенное сочувствіе Строганова привлекала къ себѣ академія художествъ, съ которою находился онъ въ постоянныхъ сношеніяхъ, восходящихъ къ самымъ первымъ временамъ ея существованія. Въ чрезвычайномъ собраніи академіи художествъ, 25 іюня 1768 года, графъ Александръ Сергѣевичъ Строгановъ, членъ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ, избранъ въ *почетные любители* большинствомъ тринадцати *согласныхъ* баловъ, противъ одного *несогласнаго* и одного *сумнительнаго*. Выражая благодарность за избраніе, графъ Строгановъ писалъ своимъ новымъ сочленамъ: [182]).

— Почтеннѣйшіе господа! Будучи весьма близкимъ свидѣтелемъ основанія вашей академіи, я обратилъ на васъ съ самаго того времени все свое вниманіе; съ приращеніемъ вашимъ возрастало мое къ вамъ стремленіе тѣмъ паче, что я всегда имѣлъ рѣшительную склонность ко всему, что̀ упражняетъ нынѣ ваши дарованія, и все, что̀ носило на себѣ ихъ изображеніе, было для меня всегда восхитительно. Быстрые ваши успѣхи о доведеніи до совершенства свободныхъ художествъ, толико доказывающихъ просвѣщеніе и вкусъ вѣка Екатерины вторыя, возбудили во мнѣ наконецъ—если позволите такъ сказать—желаніе раздѣлить съ вами славу, отъ того проистекающую. Предѣлы письма не дозволяютъ мнѣ здѣсь довольно изъяснить пользу сего училища, а сверхъ сего слабость моего краснорѣчія въ томъ мнѣ воспрещаетъ. Я не имѣю дара хвалить, а имѣю даръ чувствовать, и сіе послѣднее есть единственное право, которое, надѣюсь, сдѣлаетъ меня предъ глазами вашими достойнымъ сего сообщества. Я льщу себя, что, присовокупясь къ вамъ и открывъ ближе мое усердіе и ревность къ симъ искусствамъ—соревнователямъ природы, найду способъ доказать вамъ, сколь отмѣнное имѣю почтеніе къ вашимъ дарованіямъ, и съ какимъ удовольствіемъ присоединю имя вашего соучастника къ тому, которымъ я всегда ставлю въ честь называться, почтеннѣйшіе господа, вашъ покорнѣйшій слуга графъ Александръ Строгановъ. —

Прошло болѣе тридцати лѣтъ послѣ этого избранія, и Стро-

гановъ поставленъ былъ во главѣ учрежденія, въ судьбѣ котораго всегда принималъ живое участіе. Въ началѣ 1800 года послѣдовалъ указъ изъ сената академіи художествъ такого содержанія: «По именному указу, объявленному генералъ-прокурору Беклешову чрезъ генералъ-адъютанта Лопухина сего января въ 23 день — отставному дѣйствительному тайному совѣтнику и оберъ-камергеру графу Строганову быть *президентомъ академіи художествъ*, *императорскихъ библіотекъ директоромъ* и главнымъ начальникомъ въ экспедиціи мраморной ломки и пріисканія цвѣтныхъ каменьевъ въ пермской губерніи» [183]).

При императорѣ Александрѣ I графъ Строгановъ, оставаясь президентомъ академіи художествъ, назначенъ былъ и членомъ главнаго правленія училищъ, на долю котораго выпала великая задача — выработка системы народнаго образованія.

Писатели и художники встрѣчали у графа Строганова самый радушный пріемъ; не связи и постороннія вліянія, а умъ и талантъ открывали доступъ къ просвѣщенному хозяину [184]). Онъ любилъ проводить время въ обществѣ друзей своихъ: Фонвизина, Державина, Богдановича, Крылова, Гнѣдича и др., читавшихъ ему свои произведенія. Тѣсная дружба связывала его съ представителями русской литературы и русскаго искусства. Пріѣхавшій изъ провинціи въ столицу, никому въ ту пору неизвѣстный, Гнѣдичъ былъ «открытъ» Строгановымъ, умѣвшимъ цѣнить дарованія и поддерживать ихъ въ борьбѣ съ невзгодами и несчастіями. Свѣтлый образъ вельможи, чтущаго «дарованія Бога» воспроизведенъ Гнѣдичемъ въ его идилліи *Рыбаки*, въ которой подъ именемъ «боярина» изображенъ графъ А. С. Строгановъ, владѣлецъ «терема»—загороднаго дома, на берегу Невы, украшеннаго произведеніями изящныхъ искусствъ. Въ этомъ чудномъ теремѣ проходили для Гнѣдича его золотые дни; привѣтливыя рѣчи боярина животворили пѣвца и укрѣпляли вѣру его въ свое святое призваніе. Вмѣстѣ съ даромъ пѣсенъ поэтъ обѣщаетъ передать внукамъ своимъ и память о томъ, кто первый оцѣнилъ въ немъ этотъ божественный даръ:

Рыбакъ млад.

. . . . Бояринъ изъ теремныхъ оконъ хрустальныхъ
Свой ласковый голосъ мнѣ подалъ, и пролилъ онъ въ душу
Веселость и смѣлость! Вступилъ я въ хоромы. . . .
Но диву я дался, увидѣвши теремъ высокій. . . .
Что на небѣ звѣзды и въ теремѣ звѣзды, — и мѣсяцъ,
И вся въ терему красота поднебесная видна!
Въ немъ старецъ-бояринъ сидѣлъ сребровласый, въ семействѣ
Цвѣтущихъ дѣтей, средь бояръ и вельможъ именитыхъ.
Смутился я, другъ, у порога стоялъ полумертвый;
Но ожило сердце, забилось весельемъ, и слезы
Изъ глазъ у меня проступили, какъ добрый бояринъ
Привѣтно взглянулъ на меня и ласково молвилъ:
«Люблю я невинныхъ сердецъ вдохновенья простыя,
«Люблю я свирѣльныя пѣсни. . . .
«Тебя подарю я прекрасной свирѣлью изъ пальмы. . . .

Рыбакъ стар.

Отъ дѣда въ наслѣдство ты принялъ цѣвницу изъ липы,
А внукамъ своимъ передай цѣвницу изъ пальмы.

Рыбакъ млад.

И имя того, кто почтилъ дарованіе Бога,
Я внукамъ моимъ передамъ съ любовію къ пѣснямъ.

Со времени основанія россійской академіи въ числѣ ея дѣйствительныхъ членовъ находился «графъ Александръ Сергѣевичъ Строгановъ, тайный совѣтникъ, сенаторъ, двора ея императорскаго величества дѣйствительный камергеръ, санктпетербургской *академіи наукъ членъ*, орденовъ: Бѣлаго орла, св. Станислава и св. Анны кавалеръ» [185]).

Вступая въ россійскую академію, графъ Строгановъ не желалъ быть только по имени членомъ этого учено-литературнаго общества. Въ первое время онъ довольно усердно посѣщалъ академію, и участвовалъ не только въ академическихъ совѣщаніяхъ, но и въ академическихъ работахъ.

Онъ собралъ и представилъ въ академію слова, начинающіяся на *Ю*,[186]) и принялъ на себя разсмотрѣніе первыхъ листовъ словаря съ тѣмъ, чтобы сдѣлать къ нимъ дополненія и замѣчанія[187]).

При объясненіи словъ, вносимыхъ въ академическій словарь, необходимо было приводить примѣры, выбираемые изъ различныхъ источниковъ. Графъ Строгановъ предложилъ, чтобы къ примѣрамъ, взятымъ изъ священныхъ книгъ, прибавлять и примѣры, взятые изъ *свѣтскихъ писателей* или же придуманные самими составителями словаря, и помѣщать по одному только примѣру, заимствуя его какъ изъ книгъ славянскихъ, такъ и изъ языка, нынѣ употребительнаго[188]).

Графъ Строгановъ сообщилъ свое замѣчаніе на глаголы: *алчу* и *алкаю*. Онъ утверждалъ, что глаголъ *алчу*, который считается глаголомъ *недостаточнымъ*, правильнѣе считать глаголомъ *сокращеннымъ* отъ неупотребительнаго *алкаю* и спрягать его такимъ образомъ: *алкаю*, *алкать* или *алкати*, *алкалъ*, *взалкалъ*, *алчущій*, *взалкавшій*, — по примѣру другихъ глаголовъ, оканчивающихся на *чу*, въ которыхъ, во временахъ: преходящемъ и прошедшемъ однократномъ, и въ неопредѣленномъ наклоненіи, *чу* перемѣняется обыкновенно на *ка* или *та*: *плачу*, *плакалъ*, *заплакалъ*, и *восплакалъ*, *плакать*, *плакати*. И такъ: — *алчу*, *алкалъ*, *взалкалъ*, *алкать*, *алкати*[189]).

Уваженіе и сочувствіе къ Строганову сочленовъ его по академіи выразилось въ единодушномъ избраніи его президентомъ россійской академіи. Хотя избранію этому и не дано было правительственнаго утвержденія, тѣмъ не менѣе заслуживаетъ вниманія, что выборъ академиковъ остановился на Строгановѣ.

Въ собраніи 1 декабря 1800 года, по общему согласію всѣхъ присутствовавшихъ, опредѣлено: просить отъ лица академіи графа Александра Сергѣевича Строганова, какъ одного изъ первенствующихъ ея членовъ, о принятіи имени и достоинства *президента* академіи[190]). Въ слѣдующемъ собраніи, непремѣнный секретарь россійской академіи И. И. Лепехинъ заявилъ, что графъ Строгановъ «не откажется, если государь пожелаетъ». Вслѣд-

ствіе этого академія постановила: изготовить всеподданнѣйшій докладъ для поднесенія чрезъ генералъ-прокурора Петра Хрисанфовича Обольянинова»[191]). Государь, очевидно, не пожелалъ; при императорѣ Павлѣ россійская академія оставалась безъ предсѣдателя. Временное управленіе академіею возложено было на камеръ-юнкера Бакунина. По возшествіи на престолъ императора Александра I, предсѣдателемъ академіи назначенъ А. А. Нартовъ.

А. А. РЖЕВСКІЙ.

Въ числѣ русскихъ писателей прошлаго столѣтія, помѣщенныхъ въ историческомъ словарѣ Новикова и въ статьѣ лейпцигскаго литературнаго журнала, находимъ и Александра Андреевича Ржевскаго, президента медицинской коллегіи, стоявшаго нѣкоторое время во главѣ первенствующаго ученаго учрежденія имперіи — академіи наукъ[192]).

Въ Извѣстіи о русскихъ писателяхъ, появившемся въ Neue bibliothek der schönen wissenschaften und der freien künste:

— Алексѣй Ржевскій, камеръ-юнкеръ ея императорскаго величества, написалъ много довольно хорошихъ (die ziemlich gut sind) мелкихъ стихотвореній, какъ-то: элегій, посланій, мадригаловъ, эпиграммъ и сатиръ. Года три тому назадъ сочинилъ онъ трагедію: *Прелеста*, содержаніе которой взято изъ исторіи Кіева; пьеса эта, однакожъ, не смотря на нѣсколько хорошихъ мѣстъ, не удержалась на нашемъ театрѣ; ибо мы нынче становимся уже разборчивѣе и не довольствуемся всякимъ представленіемъ[193]).—

Въ опытѣ историческаго словаря о россійскихъ писателяхъ, Н. И. Новикова:

— Ржевскій, Алексѣй Андреевичъ, двора ея императорскаго величества камеръ-юнкеръ, и при академіи наукъ въ должности директора. Онъ сочинилъ болѣе 60 притчей, 7 торжественныхъ

и похвальныхъ одъ, 7 стансовъ, много эклогъ, элегій, сонетовъ, идиллій, сказокъ, рондо, писемъ сатирическихъ, одъ духовныхъ, загадокъ, больше 50 эпиграммъ, и много другихъ стихотворныхъ и прозаическихъ сочиненій, которыя всѣ напечатаны въ ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ: *Полезномъ увеселеніи*, изданномъ 1760, 1761 и 1762 годовъ; въ *Свободныхъ часахъ*, изданныхъ 1763 года, въ Москвѣ. Всѣ сіи стихотворенія, а особливо его оды, притчи и сказки, весьма хороши и изъявляютъ остроту его разума и способность къ стихотворству. Стихотворство его чисто, слогъ текущъ и пріятенъ; мысли остры, а изображенія сильны и свободны. Онъ сочинилъ и трагедію въ 5 дѣйствіяхъ, *Смердіи* имеиуемую, которая представлена была на придворномъ россійскомъ театрѣ въ 1769 году со успѣхомъ, а принята съ великою похвалою. Сія трагедія сочинителю своему дѣлаетъ честь: она сочинена въ правилахъ театра; завязка и продолженіе расположены очень хорошо; характеры выдержаны сильно; игры театральной много; стихотворство въ ней чисто; слогъ пріятенъ, мысли велики, изображенія сильны, а нравоученіе у мѣста, хорошо, и пріятно, и наконецъ трагедія сія почитается въ числѣ лучшихъ въ россійскомъ театрѣ, а сочинитель ея хорошимъ стихотворцемъ, и заслуживаетъ великую похвалу [194]). —

Въ спискѣ первыхъ членовъ россійской академіи, между графомъ Строгановымъ и А. А. Безбородко, помѣщенъ «Алексѣй Андреевичъ Ржевскій, государственной медицинской коллегіи президентъ, двора ея императорскаго величества дѣйствительный камергеръ» [195]).

Ржевскій принималъ участіе въ академическихъ работахъ, и для составляемаго академіею словаря собралъ изъ различныхъ источниковъ слова на *Б* [196]).

По поводу слова *память*, о происхожденіи котораго такъ долго спорили академики, Ржевскій высказалъ слѣдующее мнѣніе, въ письмѣ на имя непремѣннаго секретаря россійской академіи И. И. Лепехина: [197]).

Государь мой Иванъ Ивановичъ,

Третьяго дня я получилъ отъ васъ при письмѣ два разныхъ мнѣнія о словахъ *мню* и *памятую*, въ которомъ вы изволите меня увѣдомлять, что благоугодно россійской академіи отобрать мнѣніе и мое. Я, благодаря за сдѣланную мнѣ честь, симъ доношу:

Мнѣ кажется, такъ какъ и всегда я былъ этого мнѣнія, что глаголы *мню* и *памятую* разные, и одного отъ другаго производить не должно, ибо они по существу своему различны и разное означаютъ. Я не знаю, можно ли, прибавя къ глаголу *мню* частицу *по*, составить глаголъ *помню*,—для того, что глаголъ *мню* съ частицею *по* и значитъ иное, и произносится съ другимъ удареніемъ. *По́мню* значитъ *памятую*, а глаголъ *мню* съ частицею произносится *помню́* и значитъ *подумаю*, а сверхъ того *по́мню* едва ли не сокращенное и испорченное слово *памятую*. И такъ: ежели это слово народное *по́мню* испорченное *памятую*, то уже и невозможно будетъ его никакъ произвести отъ *мня*.

Для сихъ причинъ и означенныхъ во мнѣніи тѣхъ господъ членовъ, которые раздѣляютъ сіи глаголы, я согласенъ съ ними, чтобъ слово *память* поставить самостоятельнымъ. Ежели я ошибаюсь, то прошу вашего снисхожденія; академіи угодно было знать мое мнѣніе: оно таково.

Впрочемъ съ отличнымъ почитаніемъ имѣю честь быть вамъ, милостивый государь мой, покорнымъ слугою

Алексѣй Ржевскій.

По порученію россійской академіи Ржевскій разсматривалъ переводъ Генріады, и въ отзывѣ его видны какъ пріемы тогдашней критики, такъ и желаніе Ржевскаго принимать посильное участіе въ академической дѣятельности: [198]).

«Въ императорскую россійскую академію.

Милостивые государи мои!

Россійской академіи господинъ непремѣнный секретарь, на сихъ дняхъ, именемъ оныя, отдалъ мнѣ тетрадь переводу въ рос-

сійскіе стихи Генріяды, съ прибавленіемъ, что академія поручаетъ мнѣ, прочтя, сообщить мнѣніе.

Съ особымъ удовольствіемъ пріемля, за долгъ почитаю всѣ препорученіи охотно исполнять, сколько достанетъ малаго моего знанія и таланта.

Я сожалѣю крайне, что хроническая болѣзнь моя отводитъ меня отъ собраній академическихъ, отъемля возможность моихъ выѣздовъ; однако не мѣшаетъ мнѣ то̀, по желанію академіи, посвящать мои труды, соразмѣрные силамъ моимъ.

Реченный переводъ Генріяды, неизвѣстно мнѣ чей и по какому поводу дѣлается. Ежелибъ переводчикъ частнымъ образомъ спросилъ моего мнѣнія, я бы его одобрилъ. У насъ такъ мало еще упражняются въ россійской словесности, что всякому любящему оную, надлежитъ ободрять охотниковъ и привлекать къ ней, а критику оставить впередъ, до своего времени. Я такъ думаю, и, не разбирая, ошибаюсь или нѣтъ, правилу сему слѣдую.

Но какъ спрашиваетъ моего мнѣнія не переводчикъ, а академія, то я считаю себя обязаннымъ сказать откровеннѣе. Многіе стихи слабы и не выработаны; стопосложеніе безпечно, и оттого стихи не плавны и не гладки; выборъ словъ во многихъ мѣстахъ нерачительно дѣланъ; индѣ смыслъ жертвованъ риомамъ. Многія выраженіи слабѣе оригинала, и мѣстами не сохраненъ логическій порядокъ словъ, и это въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ослабѣваетъ, а въ другихъ и затмеваетъ смыслъ подлинника. Мѣстами есть излишніе союзы и междометія для наполненія стиха, что̀ отнимаетъ энергію. Не наблюденъ порядокъ мужескихъ и женскихъ стиховъ, и есть стихи, содержащіе больше стопъ принятой мѣры; также во многихъ стихахъ, въ переломѣ перваго полустишія въ послѣднемъ слогѣ положено *что*, такъ какъ и въ самомъ первомъ стихѣ: «*пою героя, что побѣдами и родомъ*». Отъ *что* теряется стихотворная музыка, и стихъ уподобляется прозѣ, и должно, для соблюденія музыки, въ чтеніи это скрасть; но таковой стихъ уже исправнымъ стихомъ почесть неможно.

Наконецъ я скажу: Ежели переводчикъ приметъ трудъ сли-

чить съ подлинникомъ и просмотрѣть, поправитъ стихи, и вычиститъ ихъ съ большимъ прилежаніемъ, то переводъ будетъ не худъ и достоинъ напечатать. Я думаю, что онъ съ удовольствіемъ примется отъ публики, тѣмъ паче, что это переводъ знатнаго пера въ поэзіи; но чтобъ поровнять переводъ съ подлинникомъ, то нужно поприлежнѣе сличить ихъ, и потрудиться дать силу стихамъ. Я не весь переводъ сличалъ съ подлинникомъ, а только нѣкоторыя мѣста, и нашелъ въ нѣкоторыхъ стихахъ, что переводъ слабѣе, и не столь сильны выраженія, а въ другихъ отошелъ отъ смысла подлинника.

Я здѣсь упомяну для примѣра только объ одномъ призывѣ къ Истинной.

въ подлинникѣ:

Сойди съ высотъ небесъ, августѣйшая истина,
Спусти на мои писанія твою силу и твой свѣтъ,
Да слухъ царей привыкнетъ тебя внимати:
Тебѣ явити тò, чему они должны научаться:
Тебѣ показать глазамъ народовъ
Виновныя слѣдствіи ихъ распрей.
Повѣждь, како раздоръ возмутилъ наши предѣлы;
Повѣждь несчастіи народа и ошибки князей.

въ переводѣ:

Святая Истина, отъ горнихъ сниди мѣстъ,
Излей въ стихи мои чистѣйшу ясность звѣздъ,
И въ нихъ вѣщай: твой гласъ единъ цари внимаютъ,
И отъ тебя свою премудрость почерпаютъ.
Небесна сниди дщерь, простри народовъ взоръ
На пагубны пути, гдѣ адски шелъ раздоръ;
Повѣждь, какъ извергъ сей дыханьемъ ядоноснымъ
Пространство нашихъ странъ смятеньемъ трясъ поноснымъ;
Повѣждь, какой народъ объятъ былъ тучей бѣдъ,
Какъ мракъ, царей покрывъ, затмилъ очей ихъ свѣтъ.

и прочее.

Я приложилъ нѣсколько строкъ, изъ слово въ слово съ французскаго переведенныхъ, чтобъ показать, что русскіе стихи отдаляются отъ подлинника. Во второмъ стихѣ Вольтеръ проситъ истину, чтобъ она спустила на его писаніе свою силу и свою ясность; а въ переводѣ—чтобы она излила ясность звѣздъ. Ясность истины и ясность звѣздъ—двѣ вещи разныя. Въ 3-мъ стихѣ: *И въ нихъ вѣщай*. Въ комъ *въ нихъ*? кажется, въ звѣздахъ. И потомъ: *твой гласъ единъ цари внимаютъ*; въ подлинникѣ не то̀: «да слухъ царей привыкнетъ тебя внимати». Четвертая строка въ переводѣ: *и отъ тебя свою премудрость почерпаютъ*, то есть цари отъ Истинной; а во французскомъ: «тебѣ явити то̀, чему должны они научаться».

Но я нечувствительно захожу уже въ критику, чего ни академія отъ меня не требуетъ, ни я желанія не имѣю, вспомнивъ стихъ французскаго комика Детуша. Его *Женатый философъ* говоритъ: *la critique est aisée, mais l'art est difficile*. Должно въ уваженіе взять, что переводить изъ стиховъ въ стихи весьма трудно, а особливо Вольтеровы стихи, которые полны мыслей, и круты въ оборотахъ. Я съ моей стороны, не могу вспомнить другаго перевода стихотворнаго, чтобъ преложенъ былъ изъ стиха въ стихъ, съ равною энергіею подлинника и безъ упущенія мыслей, какъ только два небольшіе отрывка покойнаго Александра Петровича Сумарокова, изъ Расиновой *Федры*: повѣствованіе Тераменово о смерти Ипполита, и одной сцены Федры съ Юнонoю, но то отрывки; а Генріада—увражъ по̀лный. Если господинъ переводчикъ потрудится вычистить стихи и поправить ошибки, то честь себѣ пріобрѣсти несомнѣнно можетъ».

На закатѣ дней своихъ Ржевскій прислалъ въ россійскую академію свое произведеніе — «идиллію: Къ невскимъ музамъ»; академія опредѣлила помѣстить ее въ предпринимаемыхъ ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ [199]).

По предложеніи Ржевскаго избранъ въ члены россійской академіи Николай Петровичъ Свистуновъ. Письмо Ржевскаго, по этому поводу, къ И. И. Лепехину любопытно какъ образецъ

той смѣси, которая господствовала тогда въ языкѣ образованнаго общества; слово: *пропозировать* стоитъ рядомъ съ словомъ: *нелестный* и т. п. [200]).

Милостивый государь мой
Иванъ Ивановичъ,

Я боленъ и не могу пріѣхать въ будущую суботу въ россійскую академію, а какъ, мнѣ кажется, я слышалъ, что теперь число академиковъ ограничено, то чтобъ не упустить времени, чрезъ сіе васъ покорнѣйше прошу. Зять мой камергеръ Николай Петровичъ Свистуновъ, имѣя изстари склонность къ словеснымъ наукамъ, *просилъ меня его пропозировать въ члены академіи.* Онъ вояжировалъ долго въ чужихъ краяхъ, и знаетъ французскій, нѣмецкій, аглинскій и итальянскій языкъ. Я, будучи боленъ, прошу васъ пропозировать его, какъ вамъ будетъ угодно, отъ своего или моего имени, что̀ приму себѣ за одолженіе, пребывая всегда съ нелестнымъ почтеніемъ и преданностію вамъ,

милостивому государю моему,
покорнымъ слугою
Алексѣй Ржевскій.

Академическое собраніе, отдавая справедливость «искусству и упражненіямъ въ языкѣ отечественномъ» Н. П. Свистунова, избрало его, 16 февраля 1801 года, по большинству голосовъ, членомъ россійской академіи [201]).

П. А. СОЙМОНОВЪ.

Въ числѣ лицъ, избранныхъ въ члены россійской академіи при самомъ ея учрежденіи, находился и «Петръ Александровичъ Соймоновъ, при собственныхъ дѣлахъ и у принятія подаваемыхъ ея императорскому величеству челобитенъ, генералъ-маіоръ» [202]).

Единственными данными, показывающими, что Соймоновъ принималъ участіе въ академической дѣятельности, служатъ: посѣщеніе засѣданій россійской академіи и выборъ словъ для академическаго словаря. Соймоновъ собралъ слова на букву *А*, но трудъ этотъ исполненъ не имъ однимъ, а вмѣстѣ съ П. И. Турчаниновымъ [203]).

П. И. ТУРЧАНИНОВЪ.

Петръ Ивановичъ Турчаниновъ — «при собственныхъ дѣлахъ и у принятія подаваемыхъ ея императорскому величеству челобитень, бригадиръ» [204]). Сотрудникъ и сослуживецъ Соймонова, Турчаниновъ оказался болѣе дѣятельнымъ членомъ россійской академіи.

Собравши, вмѣстѣ съ Соймоновымъ, слова на букву *А*, Турчаниновъ сверхъ того представилъ въ академію слова, выбранныя имъ изъ *Духовнаго Маргарита* [205]).

Турчаниновъ участвовалъ въ разсмотрѣніи аналогической таблицы словъ, послужившей основою для словаря, и разсматривая листы таблицы, дѣлалъ къ нимъ свои дополненія и «примѣчанія» [206]).

Для библіотеки россійской академіи Турчаниновъ принесъ въ даръ Уставъ ратныхъ дѣлъ царей и великихъ князей Василія Ивановича Шуйскаго и Михаила Ѳеодоровича, — въ двухъ частяхъ [207]).

П. В. БАКУНИНЪ.

Петръ Васильевичъ Бакунинъ — «государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ членъ, дѣйствительный штатскій совѣтникъ, орденовъ: св. равноапостольнаго князя Владиміра второй степени и св. Анны кавалеръ» [208]).

Бакунинъ собралъ и представилъ въ академію слова на *V*[209]), и сверхъ того сообщилъ академіи свои замѣчанія и дополненія къ словамъ на букву *А*[210]).

Бакунинымъ же доставленъ въ академію рукописный словарь переводчика *Ботвинкина*, какъ матеріалъ, которымъ можно было пользоваться при составленіи академическаго словаря [211]).

При рѣшеніи вопроса о томъ, въ какомъ порядкѣ расположить словарь — по буквамъ или по корнямъ, Бакунинъ присоединился къ мнѣнію Болтина, и утверждалъ, что азбучный порядокъ удобнѣе словопроизводнаго. Онъ высказалъ это въ письмѣ къ И. И. Лепехину [212]):

Государь мой Иванъ Ивановичъ,

По настоявшему въ академіи вопросу о расположеніи словаря—по чину азбучному или по коренным словамъ, объявляя единомысліе мое съ Иваномъ Никитичемъ Болтинымъ, сужу я, что чинъ азбучный гораздо удобнѣе для прінсканія словъ; что вмѣсто аналогической таблицы можно, въ вящее объясненіе свойства языка, при каждомъ коренномъ словѣ упомянуть коротко всѣ, отъ онаго производныя; что тутъ не нужны будутъ повторительныя объясненія, когда каждое въ своемъ мѣстѣ получитъ свойственное ему образованіе, и что на послѣдокъ, если удобнѣе всѣ уклоненія словъ отъ кореннаго слова, въ другой смыслъ преходящія, ихъ силу и знаменованіе, объяснить въ этимологическомъ порядкѣ, — употребленіе чина азбучнаго не можетъ препятствовать соблюденію таковой удобности, ибо въ волѣ трудящихся остается описывать и опредѣлять слова производныя при ихъ коренныхъ.

Исполня требованіе академіи, письмомъ вашимъ мнѣ преподанное, охотно пользуюсь я симъ случаемъ изъявить вамъ лично истинное мое почтеніе къ отличнымъ вашимъ достоинствамъ и увѣрить еще, что я есмь и буду всегда

вашъ, государя моего,

покорный слуга

П. Бакунинъ.

Н. В. ЛЕОНТЬЕВЪ.

Николай Васильевичъ Леонтьевъ получилъ образованіе въ сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ, довольно долго служилъ въ военной службѣ—лейбъ-гвардіи въ измайловскомъ полку, затѣмъ перешелъ въ гражданскую службу, и занималъ въ ней различныя должности; состоялъ въ конторѣ строенія Исаакіевскаго собора, потомъ былъ сенаторомъ, президентомъ медицинской коллегіи, дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ и пр.

На литературное поприще Леонтьевъ выступилъ еще во времена своей юности, задолго до учрежденія россійской академіи. Особенно цѣнились его басни, хотя онъ, по обычаю того времени, съ большимъ усердіемъ «упражнялся» въ различныхъ родахъ стихотвореній. Любопытно сравнить отзывы о Леонтьевѣ, какъ о писателѣ, высказанные лицами, бывшими свидѣтелями основанія россійской академіи, съ отзывами лицъ, принадлежащихъ къ послѣднему поколѣнію членовъ россійской академіи, при которыхъ она прекратила свое самостоятельное существованіе.

Авторъ Извѣстія о русскихъ писателяхъ, помѣщеннаго въ лейпцигской Библіотекѣ изящныхъ наукъ и свободныхъ искусствъ, говоритъ:

— Николай Леонтьевъ подаетъ большія надежды недавно изданными *Баснями.* Хотя онѣ и не могутъ выдержать самой строгой критики, однакожъ показываютъ, что авторъ не лишенъ вкуса (nicht ohne allen geschmack—qu'il a du gout), и что любовь къ изящнымъ искусствамъ можетъ повести его далѣе. Онъ штабъ-ротмистръ (capitain-lieutenant) гвардіи[213]). —

Свѣдѣнія, сообщаемыя въ иностранномъ журналѣ, Новиковъ дополняетъ такимъ образомъ:

— Леонтьевъ, Николай, лейбъ-гвардіи измайловскаго полку капитанъ, сочинилъ нѣсколько одъ, элегій и другихъ изрядныхъ стихотвореній; но изданныя имъ въ 1766 году *Басни* превеликую подаютъ надежду видѣть въ немъ хорошаго стихотворца. Есть много и другихъ его стихотвореній; но они въ печать не изданы.

Весьма желательно, чтобы оныя не утратились, но изданы бы были въ свѣтъ, дабы тѣмъ пріумножить справедливую похвалу ихъ сочинителю[214]). —

Къ числу матеріаловъ, собранныхъ въ послѣдніе года существованія россійской академіи, относятся слѣдующія двѣ замѣтки о произведеніяхъ Н. В. Леонтьева:[215]).

— Ода ея императорскому величеству, всепресвѣтлѣйшей, державнѣйшей, великой государынѣ императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, самодержицѣ всероссійской, на прибытіе ея императорскаго величества изъ Москвы въ Санктпетербургъ, сочиненная Николаемъ Леонтьевымъ. Въ Санктпетербургѣ, 1775 года.—

Въ этой одѣ семьдесятъ четыре строфы, каждая строфа въ десять стиховъ. Напечатана въ листъ. Но это не иное что, какъ прозаическое исчисленіе дѣлъ великой Екатерины. Нѣтъ вовсе поэзіи. Во всѣхъ семидесяти четырехъ строфахъ можно назвать лучшими слѣдующіе стихи, въ которыхъ весьма удачно выраженъ ужасъ, наведенный на турковъ побѣдами русскихъ:

Тряслись предѣлы агарянски,
И быстро разносился страхъ:
Въ Стамбулѣ трясся тронъ султанскій,
Въ Techинѣ—Магометовъ прахъ.....

— Басни Николая Леонтьева. —

Необыкновенная простота разсказа составляетъ одно изъ главнѣйшихъ достоинствъ этого произведенія. Простота эта иногда доходитъ до излишества, и заставляетъ читателя невольно улыбнуться надъ простодушіемъ автора, какъ напримѣръ, здѣсь:

Собака, зря его, гораздо испужалась:
Бѣжала прочь скорѣй, съ добычей разставалась,
И токи слезъ лила.

Хотя авторъ не имѣетъ тонкой сатиры Крылова и даже далекъ отъ меланхолической ироніи Хемницера, однако его простодушная веселость, въ иныхъ мѣстахъ, и какъ бы невольное сострадание къ глупостямъ человѣческимъ, въ другихъ, забавляютъ

и привлекаютъ читателя. Напримѣръ, говоря о томъ, что люди всегда пріятное предпочитаютъ полезному, онъ оканчиваетъ:

Доброты разума совсѣмъ они не знаютъ,
Каменьевъ блескъ драгихъ и титлы ихъ прельщаютъ.
Такъ было, такъ и есть, и вотъ еще бѣда:
Обычай, кажется, сей будетъ завсегда.

Басня о плодоносномъ деревцѣ мнѣ тѣмъ болѣе нравится, что сюжетъ ея ни у кого не заимствованъ и представляетъ собственный вымыселъ автора.

Необыкновенная страсть автора къ уменьшительнымъ именамъ часто заставляетъ сомнѣваться читателя, «они ли для риѳмы или риѳма для нихъ»? Тамъ можно найти и *звѣрочки*, и *овечечки*, и даже басню о *бѣдненькомъ зайчишкѣ*. —

Въ спискѣ первыхъ членовъ россійской академіи, составленномъ къ 21 октября 1783 года, находится «Николай Васильевичъ Леонтьевъ, конторы строенія Исакіевской церкви членъ, статскій совѣтникъ»[216]).

Леонтьевъ, вмѣстѣ съ Фонвизинымъ, Румовскимъ и Лепехинымъ, былъ членомъ одного изъ самыхъ важныхъ отдѣловъ, именно того, которому поручено было составленіе общаго плана академическаго словаря[217]).

Леонтьева избрали также и въ члены *грамматикальнаго* отдѣла, на который возложена обязанность дѣлать всѣ грамматическія объясненія къ словамъ, вносимымъ въ составляемый академіею словарь[218]).

Для этого же словаря Леонтьевъ собиралъ слова на *У* и на *Х*[219]); но представилъ въ академію только слова на *Х*. Въ отчетѣ о трудахъ академиковъ сказано: «Николай Васильевичъ Леонтьевъ сообщилъ академіи собранныя слова на письмя *Х*, буквеннымъ порядкомъ расположенныя, и соучаствовалъ въ составленіи правилъ, къ сочиненію словаря нужныхъ». Въ томъ же отчетѣ говорится, что Иванъ Ивановичъ *Лепехинъ* «доставилъ *собранныя имъ* слова на букву *У*» и др.[220]).

Во время преній о производствѣ словъ: *память*, *мню* и т. п. Леонтьевъ утверждалъ, что слово *памятъ* надо считать *коренным*, и что отъ этого корня происходятъ слова: *помню* и *памятую*, со всѣми ихъ производными. Мнѣніе свое Леонтьевъ изложилъ и письменно [221]):

«По принятому о человѣческой душѣ понятію *мнить* и *помнить* суть два ея свойства, межъ собою совершенно различныя. Чрезъ свойство *мнить* душа о зримыхъ ею предметахъ разсуждаетъ, дѣлаетъ заключеніе и находитъ истину. Свойство же души, *памятью* называемое, не что иное, какъ хранилище прошедшихъ ея дѣяній, кои озираетъ она въ отдаленности прошедшаго времени. Изъ сего ощутительнаго различія слѣдуетъ, что смыслъ словъ: *мнить*, *помнить* разнообразенъ, а потому и слово *помню* не можетъ происходить отъ слова *мню;* ибо каждое слово въ происхожденіи и раздѣленіи своемъ долженствуетъ имѣть смыслъ одинаковый, и не можетъ происходить отъ другаго слова, имѣющаго смыслъ совсѣмъ противный. Хотя же и кажется, что душа, дѣйствуя памятью, употребляетъ иногда въ то же время и способность свою *мнить*; но сіе не разрушаетъ различія, существующаго межъ сими ея свойствами, которыя, равно какъ и тѣлесныя части, другъ другу въ дѣйствіи спомоществуютъ; напр. *рука* помогаетъ *ногѣ*, но изъ сего не слѣдуетъ заключить, чтобы слово *нога* происходило отъ слова *рука*: подобно сему, и слово *помню* не можетъ происходить отъ слова *мню*».

С. Н. ЩЕПОТЬЕВЪ.

Семенъ Николаевичъ Щепотьевъ началъ службу въ артиллерійскомъ корпусѣ, потомъ служилъ въ лейбъ-кирасирскомъ полку, откуда перешелъ въ дворцовую конюшенную канцелярію. Оставшись за штатомъ, онъ отправился *заграницу съ цѣлію пріобрѣсти тамъ знанія*, необходимыя для гражданской службы.

Черезъ три года онъ возвратился въ отечество, и опредѣленъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ переводчикомъ. Вскорѣ затѣмъ онъ снова покинулъ Россію, и отправился въ Константинополь, гдѣ и продолжалъ службу свою, находясь при «чрезвычайномъ и полномочномъ послѣ», генералъ-аншефѣ князѣ Репнинѣ. По возвращеніи изъ Константинополя, Щепотьевъ назначенъ секретаремъ при секретной экспедиціи коллегіи иностранныхъ дѣлъ [222]).

Въ спискѣ первыхъ членовъ россійской академіи находится «Семенъ Николаевичъ Щепотьевъ, коллежскій асессоръ при коллегіи иностранныхъ дѣлъ» [223]).

Отъ Щепотьева ожидали дѣятельнаго участія въ академическихъ работахъ, вслѣдствіе чего онъ и былъ избранъ въ члены *издательнаго* отдѣла [224]).

Для академическаго словаря Щепотьевъ собралъ и представилъ въ академію слова на *М* [225]). Посылая ихъ, послѣ новаго пересмотра, въ академію, онъ писалъ И. И. Лепехину [226]):

Милостивый государь мой
Иванъ Ивановичъ,

Я не видалъ доставившаго мнѣ вчера пріятное ваше письмо; того ради, по содержанію его, и не могъ я вручить требуемой буквы *М*. Я исполняю то̀ теперь, препровождаючи ее при семъ, съ таковымъ объясненіемъ: что знаменованіе разныхъ знаковъ, ставленныхъ при каждомъ словѣ, находится въ начальномъ листѣ; что тѣ знаки ставлены для того, чтобы при предбудущемъ отолкованіи словъ способнѣе было оное сдѣлать, отыскавъ ихъ въ тѣхъ книгахъ, изъ которыхъ они выписаны; что иныя слова писаны иногда по дважды, трижды и болѣе, по причинѣ разнаго ихъ значенія, какъ тогда мнѣ оное встрѣчалось, и чтобы впредь не проронить; наконецъ,—что одни слова иногда писаны двоеобразно и троеобразно, какъ наприм.: *мощу*, *мосьчу*, *мостю*, поелику то̀ нужнымъ можетъ быть для этимологическаго порядка ихъ, и соображаясь притомъ розданной намъ записки о премѣненіи нѣсколькихъ согласныхъ на одну.

Я желалъ-было собраніе препровождаемыхъ словъ, переписавъ порядочнѣе, сообщить; но разныя обстоятельства тому воспрепятствовали. Почему я прилагаю другую книгу, въ которой покорнѣйше прошу васъ, милостиваго государя моего, приказать оное исполнить, а писанную мною возвратить мнѣ.

Впрочемъ, благодаря васъ чувствительнѣйше за разныя академическія извѣстія, равно какъ и за присланные мнѣ печатные листы, имѣю честь васъ увѣдомить, что между присланными мнѣ предъ симъ недостаетъ къ обоимъ экземплярамъ листовъ межъ 512 и 521 страницами, о коихъ я приказывалъ принесшему ихъ, но онъ и до сей поры ничего по тому не исполнилъ. Вслѣдствіе чего я къ вамъ съ моею просьбою по сему случаю прибѣгаю.

Словъ *художническихъ*, ни *ремесленныхъ*, начинающихся съ лит. *А*, я не имѣю.

Въ заключеніе всего, я съ искреннимъ почтеніемъ имѣю честь быть вамъ, милостивому государю моему,

покорный слуга

Семенъ Щепотьевъ.

Щепотьеву поручено было сдѣлать выборъ словъ изъ законодательныхъ памятниковъ временъ Екатерины II. Предсѣдатель академіи, княгиня Дашкова «предлагала собранію, что важнѣйшія книги, заслуживающія предпочтительное уваженіе, суть книги законодательныя Екатерины II, въ коихъ не только важность слога господствуетъ, но и преисполнены онѣ россійскими словами, въ законословіи употребительными. Но какъ онѣ въ росписи книгъ, къ прочтенію назначенныхъ, были опущены, то ея сіятельство, чтобъ благовременнѣе возпользоваться симъ для отечественнаго языка нашего сокровищемъ, поручила сдѣлать изъ оныхъ надлежащій выборъ словамъ члену академіи г. Щепотьеву» [227]).

Щепотьевъ былъ членомъ составленнаго въ средѣ академіи отдѣла, занимавшагося объясненіемъ словъ, употребляемыхъ въ наукахъ, искусствахъ, ремеслахъ, промыслахъ и т. п. Сочленами Щепотьева по этому отдѣлу были члены академіи наукъ и россійской академіи: Румовскій, Лепехинъ, Котельниковъ, Прота-

совъ, Озерецковскій и Соколовъ. Щепотьевъ принялъ на себя объясненіе названій, употребляемыхъ въ художествахъ, ремеслахъ, рукодѣліяхъ и въ метафизикѣ [228]).

Въ восемнадцатомъ же столѣтіи избраны въ члены россійской академіи:

Иванъ Ивановичъ Мелиссино.
Князь Михаилъ Михайловичъ Щербатовъ.
Ѳедоръ Ивановичъ Янковичъ-де-Миріево.
Алексѣй Николаевичъ Оленинъ.
Алексѣй Ивановичъ Мусинъ-Пушкинъ.
Дмитрій Ивановичъ Хвостовъ.

И. И. МЕЛИССИНО.

Иванъ Ивановичъ Мелиссино, сынъ греческаго лѣкаря, выѣхавшаго изъ Венеціи при Петрѣ Великомъ, получилъ образованіе въ сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ, служилъ въ военной службѣ, потомъ перешелъ въ штатскую, и втеченіе своего служебнаго поприща занималъ различныя должности: былъ совѣтникомъ въ ревельской генералъ-губернской канцеляріи, оберъ-прокуроромъ св. синода, директоромъ и кураторомъ московскаго университета [229]).

По свидѣтельству историка московскаго университета, «имя Мелиссино принадлежитъ къ числу достопамятныхъ и драгоцѣнныхъ именъ для Москвы и ея университета. Любовь къ наукамъ и словесности была отличительною чертою его характера» [230]). Неизмѣнная любовь Мелиссино къ наукамъ и словесности выразилась въ основаніи имъ, въ разное время, нѣсколькихъ литературныхъ обществъ при московскомъ университетѣ. Будучи директоромъ университета, Мелиссино открылъ, у себя на дому, литературныя собранія, въ которыхъ участвовали Херасковъ,

Поповскій, Рейхель и другіе ученые и писатели. Немедленно по вступленіи въ должность куратора, Мелиссино обратился къ «любителямъ россійскаго языка» съ призывомъ содѣйствовать учрежденію учено-литературнаго общества, главнѣйшею цѣлью котораго было бы «исправленіе, совершеніе и обогащеніе россійскаго языка». Общество это открыто подъ именемъ *Вольнаго россійскаго собранія.* Оно ознаменовало свое кратковременное существованіе весьма полезными трудами и предпріятіями. По закрытіи Вольнаго россійскаго собранія, Мелиссино, для котораго отсутствіе литературныхъ обществъ было невыносимо, основалъ *Общество любителей учености.*

Замѣчательнѣйшее изъ литературныхъ обществъ, *Вольное россійское собраніе,* прекращая свою дѣятельность, уступало мѣсто *Россійской академіи,* учрежденной съ тою же самою цѣлью—развитія и обогащенія отечественнаго языка. Нѣкоторые изъ членовъ Вольнаго россійскаго собранія, а въ числѣ ихъ и самый основатель общества, избраны въ члены новоучрежденной академіи.

Въ собраніи россійской академіи 28 октября 1783 года «по полученному отзыву, на письмо предсѣдателя княгини Дашковой, отъ Ивана Ивановича Мелиссино, что онъ съ удовольствіемъ пріемлетъ на себя званіе члена академіи, провозглашенъ онъ въ семъ званіи» [231]).

Живя внѣ Петербурга, Мелиссино не могъ принимать непосредственнаго участія въ академическихъ совѣщаніяхъ; но зато̀ онъ образовалъ въ Москвѣ какъ бы особое отдѣленіе россійской академіи. Жившіе въ Москвѣ, постоянно или временно, члены россійской академіи, собирались, по предложенію Мелиссино, въ одной изъ университетскихъ аудиторій для совѣщаній по различнымъ вопросамъ, относящимся къ академической дѣятельности. При распредѣленіи работъ по академическому словарю, члены академіи, жившіе Москвѣ,—а слѣдовательно и Мелиссино—приняли на себя выборъ словъ изъ Несторовой лѣтописи [232]). Мелиссино былъ постояннымъ посредникомъ въ сношеніяхъ россійской

академіи съ ея московскими членами. Черезъ Мелиссино профессора московскаго университета, избранные въ члены россійской академіи, присылали въ академію свои работы, предпринятыя по ея вызову; Мелиссино же привлекалъ и университетскую молодежь къ полезному для нея участію въ приготовительныхъ работахъ по академическому словарю. Любопытныя данныя находятся въ уцѣлѣвшихъ, по счастливой случайности, письмахъ Мелиссино къ предсѣдателю россійской академіи, княгинѣ Дашковой, и къ непремѣнному секретарю академіи И. И. Лепехину.

Въ одномъ изъ первыхъ академическихъ засѣданій, вслѣдствіе предложенія, сдѣланнаго И. П. Елагинымъ, было постановлено обязать каждаго изъ членовъ академіи не печатать безъ ея вѣдома такихъ сочиненій, которыя составляютъ «общій трудъ академіи, а равномѣрно и всѣхъ тѣхъ, кои до правилъ и исправленія языка россійскаго принадлежать могутъ» [233]). Мелиссино и его московскіе члены рѣшительно возстали противъ подобнаго требованія, находя его въ высшей степени стѣснительнымъ и несправедливымъ. Мелиссино писалъ княгинѣ Дашковой: [234]).

Милостивая государыня
княгиня Екатерина Романовна,

О присланныхъ изъ императорской россійской академіи къ пребывающимъ здѣсь въ Москвѣ членамъ оной, аналогическихъ таблицахъ для славенороссійскаго словаря, каково оными въ общемъ ихъ собраніи учинено положеніе, о томъ чаятельно извѣстны уже ваше сіятельство чрезъ донесеніе непремѣннаго секретаря г. Лепехина, которому оное сообщено отъ меня въ письмѣ моемъ съ послѣднею предъ симъ почтою. А какъ въ томъ же собраніи, въ соотвѣтствіе, съ его стороны, равномѣрнымъ усердіемъ достохвальному вашего сіятельства попеченію о успѣхѣ и пользахъ оной академіи, разсуждаемо было также и о нѣкоторыхъ другихъ, къ сей цѣли относящихся, обстоятельствахъ, и изъ оныхъ разсужденій нѣкоторыя есть такого свойства, что требуютъ положительнаго разсмотрѣнія отъ вашего сіятельства и отъ цѣлой

академіи россійской: то я за долгъ свой почитаю оныя чрезъ сіе представить вашему сіятельству, поелику доныне всѣ сообщенія оной академіи ко мнѣ были присланы и общія собранія московскихъ членовъ по моему составлялись приглашенію въ университетской аудиторіи. И тако во первыхъ въ сообщенномъ уставѣ императорской россійской академіи (который поелику еще не утвержденъ ея императорскимъ величествомъ, всевысочайшею и всемилостивѣйшею оной академіи покровительницею, то собраніе московскихъ членовъ пріемлетъ оный не иначе, какъ только проектомъ или начертаніемъ къ уставу, и считаетъ, что въ ономъ могутъ еще учинены быть потребныя перемѣны). Статья 27 по мнѣнію онаго собранія можетъ иногда препятствіемъ быть въ успѣхахъ оной академіи, потому что, налагаемое оною статьею обязательство на членовъ можетъ имѣть видъ принужденія, противнаго свободѣ ихъ и самому намѣренію академіи, что какъ въ тѣхъ, которые не видавъ сего начертанія приняли уже на себя званіе членовъ сея академіи можетъ произвести разныя сомнѣнія о печатаніи ихъ сочиненій и о присвоеніи академіею себѣ плода трудовъ ихъ (когда всеконечно удобнѣе и приличнѣе цѣлой академіи преимущественно довольствоваться славою, а прибытокъ таковой либо оставлять собственно трудящимся) такъ и впредь приглашаемыхъ или желающихъ вступить, можетъ отъ того удерживать таковыми жъ сомнѣніями, въ чемъ иному не только лишеніе совсѣмъ или отчасти награды за трудъ, но и самая неудобность неблизкой иногда пересылки и печатаніе въ отсутствіи безъ его справы или и противъ его мыслей, можетъ быть чувствительна. И такъ доколѣ еще таковой уставъ не утвержденъ высочайшею властію, не благоволитъ ли императорская россійская академія оную статью отмѣнить и ограничить, особливо въ разсужденіи послѣдней ея половины, касающейся до «всѣхъ сочиненій, кои до правилъ и исправленія россійскаго языка принадлежать могутъ». Таковое положеніе, связывая руки членовъ въ собственныхъ ихъ и добровольныхъ дѣлахъ, можетъ не только смѣлость отнять къ изданію чего либо ими сочиненнаго, но и

охоту истребитъ къ предпріятію какого либо сочиненія. Но если такихъ случаевъ будетъ много, если въ числѣ таковыхъ сочиненій, въ зачатіи и рожденіи ихъ задушаемыхъ, найдутся нѣкоторыя, могущія принести честь академіи, то сіе лишеніе не иначе какъ дѣйствительнымъ вредомъ и убыткомъ ей признано быть должно. Я ласкаю себя, что ваше сіятельство предложеніе сіе какъ вообще отъ собранія московскихъ членовъ такъ и особенно съ моей стороны не иначе принять изволите, какъ за дѣйствіе должнаго усердія къ подкрѣпленію и процвѣтенію императорской россійской академіи, которой къ дальнѣйшему разсмотрѣнію и рѣшенію оное представляя, долженствую еще не только отъ себя, но и отъ всего онаго собранія московскаго, въ силу 22 статьи упомянутаго устава, представить въ члены россійской академіи кандидатами двухъ университетскихъ профессоровъ, коллежскаго ассесора и медицины доктора и профессора Семена Герасимовича Зыбелина и коллежскаго жъ ассесора и краснорѣчія профессора Харитона Андреевича Чеботарева, которыхъ упражненіе и искусство въ россійскомъ словѣ не только по мѣсту ихъ и званію предполагаться можетъ, но и дѣйствительными опытами, то есть по нѣсколькими печатными рѣчами ихъ засвидѣтельствовано. Впрочемъ имѣю честь быть со всегдашнимъ и преданнѣйшимъ почтеніемъ моимъ,

милостивая государыня,
вашего сіятельства
всепокорно преданнѣйшій слуга
Иванъ Мелиссино.

Другое письмо Мелиссино къ княгинѣ Дашковой любопытно потому, что указываетъ на одинъ изъ крупныхъ матеріаловъ при составленіи словаря, именно на сборникъ словъ, составленный для словаря, предпринятаго Вольнымъ россійскимъ собраніемъ: [235]).

Милостивая государыня
Княгиня Екатерина Романовна!

По завтрашней почтѣ буду имѣть честь сообщить вашему

сіятельству пополненія къ присыланнымъ первоначальнымъ таблицамъ печатаемаго собранія словъ его сіятельства К. Михаила Михаиловича Щербатова и примѣчанія Антона Алексѣевича Барсова, я же, не имѣя самъ нужнаго здоровья къ таковому дѣлу, препоручилъ нѣкоторымъ университетскимъ студентамъ, которыхъ имена при семъ прилагаются и которые сдѣлали пополненіе къ буквѣ А, съ помощью собранныхъ словъ, изъ которыхъ я хотѣлъ въ *Вольномъ россійскомъ собраніи* дѣлать лексиконъ. Пополненіе сихъ студентовъ, въ которомъ прибавленныя слова отмѣчены равномѣрно съ прочими послано будетъ; если трудъ ихъ понравится вашему сіятельству и полезенъ будетъ академіи, то не худо бы было сдѣлать имъ ободреніе, какое вашему сіятельству заблагоразсудится. Симъ ихъ можно поощрить къ дальнѣйшимъ трудамъ. Впрочемъ имѣю честь быть

вашего сіятельства,

милостивой государыни,

всепокорно преданнѣйшій слуга

Иванъ Мелиссино.

Въ письмахъ къ Лепехину Мелиссино ходатайствуетъ о почетной наградѣ студентамъ, принимавшимъ участіе въ работахъ по академическому словарю и отказавшихся отъ какого бы то ни было матеріальнаго вознагражденія: [236]).

Государь мой Иванъ Ивановичъ,

Препровождая къ вамъ аналогическія таблицы съ пополненіями 6-ти университетскихъ семинаристовъ, я не могу пропустить, чтобъ не просить покорно васъ, напомянуть княгинѣ Екатеринѣ Романовнѣ, что она обѣщала сдѣлать какое нибудь награжденіе симъ трудящимся въ пополненіи словаря семинаристамъ; по справедливости они за отмѣнную свою прилежность къ сей работѣ достойны ея вниманія тѣмъ болѣе, что сами будучи заняты лекціями и пріуготовленіями къ онымъ, не пропускаютъ ни

9*

часа лишняго, чтобъ не пожертвовать онымъ пользѣ академіи. Впрочемъ остаюсь вашъ,

государя моего, покорный слуга

Иванъ Мелиссино.

Государь мой Иванъ Ивановичъ,

Какъ студенты, трудящіеся къ пополненію словаря единственно дѣлаютъ сіе изъ чести быть участниками столь полезнаго дѣла, не желая за то никакого интереса, то я думаю и награжденіе имъ надобно сдѣлать такое, которое бъ соотвѣтствовало благородному ихъ побужденію. Я лучшаго къ тому средства не нахожу, если соизволеніе ея сіятельства на то будетъ, какъ дать имъ какое нибудь академическое званіе, то есть сотрудниковъ корреспондентовъ или какое ея сіятельство заблагоразсудитъ. На мѣсто вышедшихъ студентовъ изъ университета приняты новые, которые исправляютъ сію работу, и для того я прилагаю при семъ реэстръ онымъ.

Впрочемъ остаюсь вашъ, государя моего, покорный слуга

Иванъ Мелиссино.

Имена студентовъ, желающихъ участвовать въ дѣланіи словаря россійскаго языка:

Михайло Панкевичъ
Михайло и Антонъ } Антонскіе
Яковъ Рубанъ
Михайло Петровскій
Захарій Масловскій.

По приглашенію академіи Мелиссино разсматривалъ присылаемые къ нему листы аналогической таблицы, и возвращалъ ихъ съ своими дополненіями [237]).

Академія неоднократно и съ признательностію заявляла о томъ, что И. И. Мелиссино «доставлялъ *многія пополненія* къ

аналогической таблицѣ» т. е. къ росписи словъ, расположенной по порядку буквъ[238]).

Въ собраніи академіи 28 апрѣля 1795 года сообщено печальное извѣстіе о смерти Мелиссино и трехъ его сочленовъ по россійской академіи[239]).

КНЯЗЬ М. М. ЩЕРБАТОВЪ.

Труды князя М. М. Щербатова занимаютъ почетное мѣсто въ русской исторической литературѣ восемнадцатаго столѣтія. Съ большимъ сочувствіемъ отзывается о нихъ Н. И. Новиковъ, и въ словахъ его слышится искреннее убѣжденіе человѣка, считавшагося лучшимъ призваніемъ писателя пробужденія народнаго самосознанія. Приводимъ свидѣтельство Н. И. Новикова: [240]).

— Щербатовъ, князь, Михайло Михайловичъ, двора ея императорскаго величества камеръ-юнкеръ, герольдмейстеръ, коммиссій о коммерціи и о сочиненіи новаго уложенія членъ, — къ чести своего имени и рода, знаменитый любитель и изыскатель древностей россійскихъ, и писатель исторіи своего отечества. Сей просвѣщенный и достойный великаго почтенія мужъ, будучи въ отставкѣ, упражнялся нѣсколько лѣтъ въ собраніи лѣтописей и пріуготовленіи къ сочиненію полной россійской исторіи, не щадя притомъ ни трудовъ, ни здравія, ни иждивенія. Ея императорское величество всемилостивѣйшая наша матерь и государыня, пекущаяся о пользѣ, просвѣщеніи и блаженствѣ Россіи, увѣдавъ о семъ, оказала свое благоволеніе, ободрила трудившагося, и для вспомоществованія въ похвальномъ семъ трудѣ, повелѣла для сего князя отворить всѣ книгохранительницы. Наконецъ онъ столь преуспѣлъ въ семъ трудѣ, что издалъ уже въ свѣтъ исторіи своей два тома, къ незабвенному воспоминанію своего имени и къ великому удовольствію просвѣщенныхъ и разумныхъ любителей исторіи и славы своего отечества. Безкорыстіе его побу-

дило сію исторію подарить императорской академіи наукъ, при которой она и напечатана. Г. Миллеръ, ученый и просвѣщенный мужъ нашего времени, о сей исторіи изъясняется такъ: достойная «свѣту другаго княжескаго сочинителя исторія россійская уже и печатается. Коликая сія честь, коликая польза для Россіи! Знатнѣйшія лица участіе принимаютъ въ просвѣщеніи сограждaнъ своихъ. Сей есть знакъ крѣпко вкореняющихся наукъ въ неограничимой россійской имперіи, когда знатность рода и ученость другъ другу не противоборствуютъ». Сей неутомляемый полезными трудами мужъ издалъ еще *Царственную книгу*, *Лѣтопись о мятежахъ*, *Картину владѣнія Мономахова* и *журналъ Петра Великаго* въ двухъ частяхъ, исполняя притомъ ревностно всегда и прочія положенныя на него должности. Онъ также перевелъ нѣсколько книгъ на россійскій языкъ, что все совершенно доказываетъ и великое его трудолюбіе, и любовь къ наукамъ. —

Называя князя Щербатова «другимъ княжескимъ сочинителемъ», Миллеръ имѣлъ въ виду «Ядро россійской исторіи»—историческое произведеніе, которое долгое время приписывалось князю Хилкову, хотя дѣйствительнымъ авторомъ его былъ секретарь князя Хилкова Манкѣевъ.

При самомъ учрежденіи россійской академіи главнѣйшими предметами ея занятій названы: русскій языкъ, русская словесность и *русская исторія*. По свидѣтельству предсѣдателя открываемой академіи, обширное поле для ея дѣятельности представляли «многоразличныя древности, разсыпанныя въ пространствахъ отечества нашего и обильныя лѣтописи — дражайшіе памятники дѣяній праотцевъ нашихъ» [241]). Какъ одинъ изъ достойнѣйшихъ представителей исторической науки въ Россіи, призванъ былъ въ академическую среду «неутомляемый полезными трудами» князь М. М. Щербатовъ. Въ собраніи 28 октября заявлено было о согласіи князя Михаила Михайловича Щербатова принять званіе и обязанности члена россійской академіи [242]).

Участіе князя Щербатова въ академической дѣятельности, весьма существенное и полезное, выразилось сообщеніемъ мате-

ріаловъ, замѣчаній и дополненій для академическаго словаря и объясненіемъ словъ, преимущественно древнихъ, требующимъ основательнаго знакомства съ русскою исторіею и съ русскими древностями.

Князь Щербатовъ, какъ членъ академіи, жившій въ Москвѣ, участвовалъ въ выборѣ словъ изъ Несторовой лѣтописи, для академическаго словаря [243]).

Княземъ Щербатовымъ сдѣланы были дополненія къ нѣсколькимъ листамъ аналогической таблицы словъ, предназначаемымъ для внесенія въ академическій словарь [244]).

Объ участіи, которое принималъ князь Щербатовъ въ трудахъ и предпріятіяхъ академіи, свидѣтельствуютъ данныя, находящіяся въ уцѣлѣвшихъ письмахъ его къ непремѣнному секретарю россійской академіи И. И. Лепехину. Возвращая листы словаря съ своими замѣчаніями и дополненіями, князь Щербатовъ сообщилъ обыкновенно и отзывъ свой о томъ или другомъ предметѣ академическихъ совѣщаній. Такъ напримѣръ онъ писалъ И. И. Лепехину: [245]).

Милостивый государь мой Иванъ Ивановичъ,

Пріятное письмо вашего высокоблагородія я имѣлъ честь получить и съ приложеніемъ послѣдняго листа литеры А россійскаго словаря, на которой по силѣ разумѣнія моего сдѣлавъ мои примѣчанія при семъ прилагаю, предоставя на благоусмотрѣніе академіи.

Что же касается до перемѣны именованія словаря, я уже нѣсколько времени самъ помышлялъ, что таковую перемѣну сдѣлать надлежитъ, чего ради съ охотою согласіе мое на сіе даю. О чемъ и прошу академическому собранію объявить. Я же впрочемъ пребываю съ искреннимъ почтеніемъ,

милостивый государь мой,
вашего высокородія
всепокорный слуга
Князь Михайло Щербатово.

Перемѣна въ названіи словаря, о которой упоминаетъ князь Щербатовъ, послѣдовала въ собраніи академіи 9 сентября 1785 года. Словарь, составляемый россійскою академіею, первоначально называли *славянороссійскимъ*, но такъ какъ въ немъ помѣщались и многія изъ иностранныхъ словъ, изгнать которыя нѣтъ никакой возможности, то и рѣшено назвать его просто *словаремъ россійской академіи* [246]).

Въ нѣкоторыхъ спорныхъ вопросахъ князь Щербатовъ присоединялся къ мнѣнію большинства: [247]).

Милостивый государь мой Иванъ Ивановичъ,

Пріятное ваше письмо отъ 16 числа сего мѣсяца имѣлъ честь получить, и съ приложеніями. Сожалѣтельно мнѣ, что многія мои упражненіи лишаютъ меня удовольствія показать мое усердіе къ академіи въ разсмотрѣніи собранія словъ; но что касается до печатающагося уже словаря, то *со всею прилежностію разсмотря* присланный ко мнѣ листъ, при семъ возвращаю. Впрочемъ, милостивый государь, имѣю честь донести вашему высокородію, прося притомъ дать знать и почтеннѣйшимъ членамъ академіи что я *весьма согласенъ на ихъ положеніе*. Впрочемъ пребываю съ искреннимъ почтеніемъ,

милостивый государь мой,
вашего высокородія
всепокорный слуга
князь Михайло Щербатово.

Положеніе, съ которымъ князь Щербатовъ «весьма согласенъ», относилось, по всей вѣроятности къ тому, чтобы причастія ставить въ словарѣ не отдѣльно, какъ самостоятельныя слова, а «при всякомъ глаголѣ сокращенно: *читаю*, *читать*, *читающій*, *прочитанный*» и т. п. [248]).

Онъ согласился съ академіею и относительно словъ съ отрицательною частицею: [249]).

Милостивый государь мой Иванъ Ивановичъ,

Почтенное письмо вашего высокородія отъ 4-го числа сего мѣсяца я имѣлъ честь получить, и съ приложеніемъ одного листа, печатающагося россійскаго словаря; и по принесеніи за сіе моего благодаренія, сей листокъ *съ моими примѣчаніями* при семъ вамъ, милостивый государь, возвращаю. Что же касается до требованія согласія моего о рѣшеніи академическомъ касающе до отрицательнаго *не*, на сіе имѣю честь донести: что я совершенно со мнѣніемъ академіи согласенъ, ибо, въ самомъ дѣлѣ, если всѣ слова съ симъ отрицаніемъ внести въ словарь, то сіе почти полный словарь россійскаго языка составитъ, ибо весьма мало есть у насъ такихъ словъ, къ которому бы предлога *не* приложить не можно было. Впрочемъ, донесши сіе мое мнѣніе, имѣю честь назваться съ всегдашнею преданностію,

милостивый государь мой,
вашего высокородія
всепокорный слуга
князь Михайло Щербатово.

Вопросъ о словахъ съ отрицательною частицею неоднократно возбуждаемъ былъ въ академическихъ собраніяхъ; объ этихъ словахъ спрашивали и отсутствующихъ членовъ, пока не порѣшили, чтобы въ словарь вносить только тѣ изъ нихъ, въ которыхъ отрицательная частица сливается въ одно цѣлое съ словомъ, какъ напримѣръ: *недугъ*, *невзначай*, *неряжа*, *недоросль*, *нетопырь*, и т. п. [250]).

Князь Щербатовъ заявляетъ, что всѣ порученія россійской академіи исполняются имъ въ точности и своевременно: [251]).

Милостивый государь мой Иванъ Ивановичъ,

Пріятное письмо вашего высокородія я имѣлъ честь получить, съ приложенными листами россійскаго словаря, на которые *сдѣлавъ мои примѣчанія* при семъ возвращаю; а притомъ доношу, что я послѣ іюля мѣсяца никакихъ листовъ не получалъ, кото-

рые обратно къ вамъ, милостивый государь, мною и отосланы 16 числа онаго мѣсяца, ибо извольте быть увѣрены, что *все, приходящее ко мнѣ изъ академіи, я вскорѣ стараюся отправить, какъ и самые опыты вамъ свидѣтельствуютъ*, и сіе донесши имѣю честь назваться съ искреннимъ почтеніемъ,

милостивый государь мой,
вашего высокородія
всепокорный слуга
князь Михайло Щербатовъ.

По свидѣтельству И. И. Лепехина, князь Щербатовъ сообщилъ академіи свои замѣчанія и дополненія на всѣ листы, содержащіе въ себѣ слова, начинающіяся съ буквы *Г* [252]).

Питая особенное довѣріе къ познаніямъ князя Щербатова въ русскихъ древностяхъ, академія обращалась къ нему въ случаѣ недоразумѣній, возникавшихъ по поводу древнихъ и старинныхъ словъ. Такого рода недоразумѣніе встрѣтилось относительно словъ, заимствованныхъ изъ Ратнаго устава, какъ напримѣръ: *органка, баданъ, бахтерцы, баталыки* и др. Никто изъ членовъ россійской академіи, присутствовавшихъ въ собраніи, не могъ объяснить значенія этихъ словъ; они были неизвѣстны и тѣмъ изъ членовъ, которые занимались объясненіемъ словъ, вносимыхъ въ академическій словарь. Тогда положено было «просить члена академіи князя Михайла Михайловича Щербатова, который *по усердію своему соучаствуя всегда въ трудахъ академіи*, можетъ получить имъ объясненія въ московской оружейной палатѣ, гдѣ старинныхъ воинскихъ орудій и доспѣховъ хранится довольно» [253]).

Князь Щербатовъ доставилъ въ академію не только объясненіе словъ: *бахтерцы, байданы* и *бутурлыки*, но и рисунки къ этимъ доспѣхамъ [254]).

Въ словарѣ россійской академіи слова эти толкуются слѣдующимъ образомъ:

— *Бахтерецъ* — старинный доспѣхъ, вмѣсто латъ въ употребленіи бывшій: дѣлался звеньями изъ продолговатыхъ пло-

скихъ полуколецъ, и стягивался назади и на плечахъ ремнями съ пряжками; внизу же къ звеньямъ прикрѣплялась, на подобіе бахрамы, желѣзная сѣтка. —

— *Баталыкъ* — родъ древняго доспѣха (Рат. Уст. II, ч.). —

— *Бутурлыкъ*, старин., — доспѣхъ на ноги, о трехъ цѣльныхъ выкованныхъ бляхахъ, изъ коихъ къ средней привѣшена еще одна на плюсну, соединяемыхъ между собою колечками, а къ одной сторонѣ для стягиванія прикрѣпляются пряжки съ ремнями. —

— *Органка* — орудіе, употреблявшееся для защиты осажденныхъ городовъ: «чтобъ свои раскаты и подошвенные бои *органками* устроити и укрѣпити, чѣмъ бы супостатнимъ шанцамъ помѣтка чинити» (Ратн. Уст. I, 134)[255]. —

Рисунки къ доспѣхамъ, представленные въ академіи княземъ Щербатовымъ, получены имъ отъ судьи мастерской палаты Петра Никитича Кожина [256]). По просьбѣ княгини Дашковой, Кожинъ доставилъ роспись доспѣховъ, орудій и другихъ древнихъ вещей, съ описаніемъ ихъ вида и употребленія, составленную по матеріаламъ мастерской и оружейной палаты [257]).

Древнее слово: *вира* объяснялось на разные лады, и это происходило тѣмъ удобнѣе, что при тогдашнемъ состояніи сравнительной филологіи возможны были самыя смѣлыя и вполнѣ произвольныя сближенія звуковъ и формъ. Въ этомъ отношеніи любопытна замѣтка Крестинина о словахъ: *гридинъ* и *вира*, помѣщенная въ повременномъ изданіи академіи наукъ и послужившая между прочимъ къ тому, что снова понадобилось содѣйствіе князя Щербатова для рѣшенія спорнаго вопроса изъ круга русскихъ древностей:

— «Вышедшее изъ употребленія въ россійскомъ языкѣ слово *гридинъ* въ нынѣшнее время кажется намъ аки чужестранное слово; но оное, по мнѣнію моему, не есть чужестранное, а славянорусское реченіе, имѣющее корень свой въ славянскомъ языкѣ, по примѣру сихъ словъ: *вѣче*, *вира*, *мытъ*, *лѣшій*, и прочая. *Гридинъ* есть существительное имя вида производнаго, отъ

имени градъ; ибо реченіе сіе, *гридинъ*, означаетъ градежея, или ограждающаго человѣка.

Мы видимъ въ Несторѣ подъ именемъ *градъ* два понятія. Первое понятіе общее всѣмъ народамъ, по которому признаютъ градъ за селеніе людей, обитающихъ въ собственныхъ домахъ, огражденное деревянными или каменными либо земляными стѣнами. Второе понятіе было особливое въ древнемъ россійскомъ языкѣ, по которому разумѣли, сверхъ предреченнаго знаменованія, *градъ* за огражденіе, изъ живыхъ людей составленное. «Берендееви же яша князя за поводъ и не даша имъ ѣхати, рекуще: не ѣздите вы напередъ; *вы есте нашъ городъ*» и прочая. (Несторъ по печатному списку, стран. 248).

Для того *гридни*, или ближніе тѣлохранители самодержавнаго князя, сильны были при его дворѣ во всякое время.

Видно сіе по слову *гридница*, означающему придворную палату великаго князя, опредѣленную для собранія сихъ знатныхъ мужей. (Несторъ по печатному списку, стран. 89).

То же доказательно особливымъ преимуществомъ гридней, по опредѣленному на нихъ денежному жалованью. (Тамъ же, стран. 92).

Думать должно, что гридни изъ дворянъ, а не изъ простолюдиновъ, состояли; потому, что Руская Правда полагаетъ ихъ въ первомъ мѣстѣ по тогдашнему въ народныхъ чинахъ порядку, и что въ боярскихъ домахъ главная горница называлась *гридинскою*. Послѣднее обстоятельство подтверждаетъ дѣльная 7035 (1527) года іюня 28 дня крѣпость боярскихъ дѣтей Олексѣя, Ондрея, Олександра, Степана и Матѳея, въ которой между прочимъ написано слѣдующее: «а Степану противъ того досталось на жеребей половина острова боярского, и полдвора и дворища отца ихъ, гдѣ отецъ ихъ жилъ Омосъ, съ верхного конца, а межа тому двору и дворищу съ *гридинскою* угла, да горничной уголъ большой горницы», и проч.

Въ нынѣшнее время на островѣ боярскомъ, лежащемъ на Двинѣ рѣкѣ ниже города Архангельскаго въ разстояніи менѣе

пяти верстъ, никакого уже знака прежняго имени, *гридинскій*, не осталося; но напротивъ того на берегахъ Бѣлаго моря есть *Гридинская губа* и того же имени деревня. Сіе служитъ намъ доводомъ, что слово *гридинъ* перешло къ намъ отъ XI вѣка въ цѣлости, безъ всякаго отъ переписчиковъ древнихъ рукописей поврежденія.

Слово *гридинъ* показываетъ перемѣну противъ первообразнаго своего имени, *градъ*, небольшую. Доказываютъ сіе старинныя слова: *вира*, *мытъ*, которыя болѣе отдалены отъ первообразныхъ своихъ именъ: *вервь*, *мостъ*. Слово *мытъ* достигнуло почти до нашего вѣка въ приказныхъ дѣлахъ, показывающихъ мыты и перевозы, бывшіе прежде на откупу; откуда слово *мытарь* происходитъ. Слово *вира*, перемѣнившееся въ реченіе *выть*, занимаетъ мѣсто въ прежнемъ уложеніи, и въ именномъ императорскомъ указѣ 1766 года о возвышеніи платежа денежныя пени за невѣдомое въ деревняхъ убійство» [258]).

Находя, что объясненіе Крестинина «не весьма достаточнымъ быть кажется», члены россійской академіи, разсматривавшіе листы словаря и сдѣланныя на нихъ замѣчанія, возложили на непремѣннаго секретаря написать о возникшемъ затрудненіи князю Михаилу Михайловичу Щербатову, «яко мужу, въ древностяхъ россійскихъ искусившемуся, и просить его отъ лица академіи о точномъ истолкованіи словъ: *вира*, *вирникъ* и *вирный*», что̀ секретаремъ и исполнено [259]).

Въ словарѣ россійской академіи: «*Вира* — реченіе старинное, денежная пеня, выть. *Вирникъ* — сборщикъ денежной пени: *вирнику* взяти седьмъ ведеръ (Правд. Руская). *Вирный* — денежную пеню составляющій: а се поклонъ *вирный* (Правд. Руская)» [260]).

Также по вызову россійской академіи, князь Щербатовъ сообщилъ объясненіе слова: *вотоляный*. Въ письмѣ къ И. И. Лепехину по поводу этого слова князь Щербатовъ касается и другаго вопроса, изъ области русской литературы, выражая удивленіе, что академія не пользуется для своего словаря такимъ бо-

гатымъ источникомъ, какъ «изящныя» произведенія Сумарокова: [261]).

Милостивый государь мой
Иванъ Ивановичъ,

Письмо вашего высокородія и листы словаря я получилъ. Но какъ я между тѣмъ временемъ отъѣзжалъ въ дальную деревню, то и не могъ ихъ такъ скоро, какъ бы желалъ, обратно къ вашему высокородію отправить; нынѣ же, возвращая ихъ съ своими примѣчаніями, на требованія объясненія словъ отъ вашего высокородія, на первыя два, то есть *вотчая* и *вотола* ничего сказать не умѣю; но что касается до слова *вотоляный*, то кажется мнѣ, что сіе знаменуетъ изъ самаго толстаго полотна содѣланную рубаху и съ заплатами; сіе толкованіе мое основывается на слѣдующихъ причинахъ: въ никоновскомъ лѣтописцѣ, гдѣ сіе слово употреблено, разсказаніе идетъ о подвигахъ преподобнаго Исакія, гдѣ упоминается, что сверхъ власяницы надѣлъ онъ *вотоляный* свитокъ, что не иное что, какъ рубаха, извѣстно же простое русское слово *вотолка*, то-есть маленькій платъ холстинный, отчего, можетъ быть, и *вотоляна* происшествіе свое имѣетъ, то-есть рубаха покрыта *вотолками* или заплатами, одѣяніе сходственное къ смиреномудрію и роду жизни, которую онъ воспріялъ, яко и ниже въ томъ лѣтописцѣ о немъ изъяснено. Не могу я, милостивый государь, не изъяснить вамъ моего удивленія, что въ сочиненіи россійскаго словаря нигдѣ не вижу я ссылки на стихотворческія сочиненія господина Сумарокова. Мнѣ не остается хвалить сего изящнаго трагическаго писателя, ибо если его творенія не будутъ производить чувствія надъ нашими сердцами, то я такъ, какъ Вольтеръ о Расинѣ, скажу о немъ, вопрошая, какъ же нынѣ наши сердца сдѣланы? Въ разсужденіи русскаго языка, можетъ быть, онъ нѣсколько и погрѣшилъ, но и часто поминаемый изящнѣйшій мужъ Михайло Васильевичъ Ломоносовъ многія погрѣшности сдѣлалъ; то сей предпринятый ака-

деміи трудъ—долженствующій воздать справедливость нашимъ россійскимъ сочинителямъ, не будетъ ли имѣть порока о умолчаніи имъ Сумарокова? Впрочемъ, предая все на благоразсужденіе академіи и ваше, пребываю съ искреннимъ почтеніемъ

милостивый государь мой
вашего высокородія
всепокорный слуга
князь Михайло Щербатово.

Въ словарѣ россійской академіи: «*Вотола*—распашная дѣтская рубашка; истеканіе, коего основа посконная, а утокъ толстый изъ льняныхъ охлопьевъ. Въ тамбовскомъ намѣстничествѣ употребляется на верхнюю одежду и на одѣяла, а въ низовыхъ мѣстахъ служитъ вмѣсто толстой холстины, на полъ постилаемой. *Вотоляный* — изъ толстой холстины или дерюги сдѣланный: и облечеся въ власяницу и на власяницу свитку *вотоляну* (Ник. Лѣт. Ч. I. стр. 176)[262]).

Въ отчетахъ о трудахъ членовъ россійской академіи говорится, что «князь Михайло Михайловичъ *Щербатово* присылалъ полезные совѣты, къ совершенству словаря служащіе, и пополненія къ аналогической словъ таблицѣ; сообщалъ академіи свои примѣчанія на разсматриваемые въ собраніяхъ листы, составляющіе первую и вторую часть, и пополненія на роспись въ буквенномъ порядкѣ предложенную»[263]).

Князь Щербатовъ скончался 12 декабря 1790 года. Въ собраніи россійской академіи 11 января 1791 года непремѣнный секретарь академіи «исполнилъ печальный долгъ объявленіемъ кончины достойнаго своего сочлена князя Михайла Михайловича *Щербатова*, коего имя въ подъятыхъ имъ трудахъ для составленія исторіи отечества нашего у всѣхъ въ незабвенной пребудетъ памяти»[264]).

Ѳ. И. ЯНКОВИЧЪ-ДЕ-МИРІЕВО.

Ѳедоръ Ивановичъ Янковичъ-де-Миріево пріобрѣлъ почетную извѣстность, въ Австріи и въ Россіи, дѣятельностію своею на педагогическомъ поприщѣ. Имя его не должно быть забыто и въ исторіи русской образованности. Оно дорого было и для россійской академіи, въ средѣ которой впервые явилась мысль сохранить для потомства память о нашемъ соплеменникѣ, добросовѣстно потрудившемся на пользу Россіи, для блага русскаго народа. Нѣсколько данныхъ для біографіи Янковича-де-Миріево находится въ бумагахъ, оставшихся послѣ смерти академика В. А. Полѣнова, задумавшаго, болѣе сорока лѣтъ тому назадъ, составить біографическіе очерки замѣчательнѣйшихъ изъ членовъ россійской академіи. Въ рукописяхъ В. А. Полѣнова найдены слѣдующіе матеріалы: свѣдѣнія о Янковичѣ-де-Миріево; копія съ представленія въ комитетъ министровъ, въ которой говорится о заслугахъ умершаго Янковича-де-Миріево, и отрывокъ, относящійся къ участію Янковича-де-Миріево въ изданіи предпринятаго Екатериною II сравнительнаго словаря [265]):

— Ѳедоръ Ивановичъ Янковичъ-де-Миріево родился въ 1741 году въ Венгріи близъ Петервардена. Предки его были сербы, переселившіеся въ Венгрію. За оказанныя ими австрійскому двору услуги и въ уваженіе личныхъ его достоинствъ, онъ былъ сопричисленъ императрицею королевою Маріею Терезіею къ венгерскому дворянству. Посвятивъ себя занятіямъ по учебной части, онъ обратилъ на себя особенное вниманіе учрежденіемъ и управленіемъ съ 1773 по 1782 годъ народныхъ училищъ въ Темесварскомъ Баннатѣ. Имя его сдѣлалось извѣстно не только въ Австріи, но и въ сопредѣльныхъ съ нею государствахъ. Императрица Екатерина II, узнавъ объ отличныхъ способностяхъ Янковича-де-Миріево къ образованію училищъ, вызвала его въ Россію. Онъ оставилъ австрійскую службу и, по прибытіи въ 1782 году въ С.-Петербургъ, опредѣленъ членомъ бывшей коммиссіи объ учрежденіи училищъ.

Усерднымъ исполненіемъ воли монархини, радѣвшей о просвѣщеніи своего народа, и успѣхами въ порученномъ ему дѣлѣ Янковичъ-де-Миріево вскорѣ оправдалъ доброе мнѣніе, которое о немъ здѣсь имѣли. Подъ руководствомъ коммиссіи, онъ составилъ предначертаніе для учрежденія народныхъ училищъ; ввелъ новый способъ преподаванія наукъ; образовалъ многихъ учителей; сочинилъ и исправилъ нѣкоторыя учебныя книги. Пажескій и Пѣвческій корпусы, Общество благородныхъ и мѣщанскихъ дѣвицъ также были обязаны ему приведеніемъ въ лучшій порядокъ обученія. По волѣ императрицы, онъ занимался изданіемъ сравнительнаго словаря всѣхъ языковъ и нарѣчій, по азбучному порядку расположеннаго и напечатаннаго въ четырехъ частяхъ въ С.-Петербургѣ, 1790 и 1791, въ 4 д. Впослѣдствіи онъ былъ членомъ главнаго правленія училищъ, а при учрежденіи министерства народнаго просвѣщенія участвовалъ въ составленіи уставовъ по учебной части.

Полюбивъ гостепріимную Россію и найдя въ ней новое отечество, Янковичъ-де-Миріево отказался отъ выгодъ, которыя предлагало ему правительство австрійское, и въ 1791 году вступилъ въ россійское подданство.

Императрица Екатерина II неоднократно удостоивала его своимъ благоволеніемъ. Она наградила его чинами коллежскаго совѣтника (1784) и статскаго совѣтника (1793), орденомъ св. Владимира сперва 4 степени (1784), а потомъ 3 степени (1786). Въ 1791 году пожаловала ему деревню въ могилевской губерніи, и въ томъ же году сопричислила его къ россійскому дворянству. Въ царствованіе императора Павла I, онъ награжденъ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, и сверхъ получаемаго имъ жалованья опредѣлено ему въ пенсію по 2000 рублей (1798). Въ 1802 году пожалована ему аренда въ гродненской губерніи.

Россійская академія, уважая познанія его въ славяно-русскомъ языкѣ, избрала его въ свои члены 11-го ноября 1783 г. По препорученію академіи, онъ дѣлалъ грамматическія примѣчанія для словопроизводнаго словаря, и собралъ слова и реченія,

начинающіяся съ буквъ И и I. Сверхъ того сообщилъ академіи мнѣніе о славянорусскихъ буквахъ, съ доказательствомъ о ихъ происхожденіи и порядкѣ, въ которомъ онѣ должны быть поставлены, и о томъ, которыя изъ нихъ слѣдовали быть выключены изъ азбуки.

Почти половину жизни своей провелъ онъ въ трудахъ, полезныхъ для Россіи, и до конца дней своихъ оставался въ службѣ. Скончался 22 мая 1814 года, имѣвъ отъ рожденія болѣе 70 лѣтъ.

По смерти Янковича-де-Миріево министръ народнаго просвѣщенія графъ Разумовскій, признавая важныя заслуги покойнаго при открытіи училищъ и при учрежденіи министерства народнаго просвѣщенія, вошелъ въ комитетъ министровъ съ слѣдующимъ представленіемъ:

— Вдова дѣйствительнаго статскаго совѣтника Янковича-де-Миріево, бывшаго первоначально членомъ въ коммиссіи объ учрежденіи училищъ, а потомъ въ главномъ правленіи оныхъ, и умершаго 22 мая 1814 года, поданнымъ ко мнѣ прошеніемъ изъясняетъ, что покойный мужъ ея, происходя отъ знатныхъ и благородныхъ предковъ Сербіи, поселившихся въ Венгріи, за оказанныя ими многія услуги австрійскому дому, также въ уваженіе личныхъ его достоинствъ, присоединенъ будучи императрицею королевою Маріею Терезіею съ потомствомъ его къ императорскому королевскому венгерскому дворянству, посвятилъ себя занятіямъ по учебной части. Учрежденіемъ и управленіемъ съ 1773 по 1782 годъ народныхъ училищъ въ Темесварскомъ Баннатѣ обратилъ на себя особенное вниманіе правительства, и для учрежденія таковыхъ же училищъ въ россійской имперіи вызванъ былъ сюда въ 1782 году государынею императрицею Екатериною II. Ревность его въ учрежденіи народныхъ училищъ свидѣтельствуютъ самыя сіи заведенія, во всѣхъ почти губерніяхъ въ то же время открытыя. Августѣйшая монархиня удостоивала его своего благоволенія, всемилостивѣйше жалуя его въ чины и давъ ему 255 душъ крестьянъ въ могилевской губер-

ніи. Мужъ ея, видя успѣхи трудовъ своихъ, отказался возвратиться въ свое отечество и принять предлагаемую ему тамо должность оберъ-директора училищъ, не уважилъ и тѣмъ, что не могъ пользоваться имѣющимся въ Венгріи недвижимымъ имѣніемъ своимъ, но вступилъ въ 1791 году въ россійское подданство. Когда всѣ желанія мужа ея исполнились учрежденіемъ въ Россіи училищъ и присоединеніемъ его самого къ націи, имъ любимой, тогда слѣдовало бы, повидимому, наслаждаться ему плодами трудовъ своихъ; но судьбѣ было угодно наполнить горестію послѣдніе годы жизни его, какъ-то: единый сынъ его, служившій генералъ-майоромъ и полковымъ командиромъ конной гвардіи, померъ въ 1811 году; а потомъ отъ нашествія въ 1812 году непріятелей деревня въ могилевской губерніи приведена въ такое состояніе, что никакого не можетъ дать дохода, да и пожалованная мужу ея въ 1802 году на 12 лѣтъ въ гродненской губерніи аренда болѣе двухъ лѣтъ совершенно нисколько не давала дохода. Лишенная такимъ образомъ приличнаго содержанія, вдова Янковича проситъ объ опредѣленіи ей пенсіона.

Янковичъ получалъ жалованья изъ кабинета его императорскаго величества по 3000 рублей и пенсіона изъ суммъ главнаго правленія училищъ по 2000 рублей въ годъ.

По уваженію важныхъ заслугъ Янковича, оказанныхъ имъ какъ первоначально при открытіи въ Россіи народныхъ училищъ, управленіи оными въ званіи члена коммиссіи объ училищахъ, такъ и при учрежденіи министерства просвѣщенія, гдѣ онъ участвовалъ въ составленіи по учебной части уставовъ, долгомъ считаю, службу его представивъ во вниманіе комитета господъ министровъ, просить ходатайства онаго у государя императора о обращеніи вдовѣ Янковича, при преклонныхъ къ старости лѣтахъ ея, въ пенсіонъ полнаго жалованья, какое получалъ мужъ ея изъ кабинета его императорскаго величества, по три тысячи рублей въ годъ, и на сей случай прилагаю при семъ проектъ указа о томъ кабинету.

Графъ Алексѣй Разумовскій. —

Представленіе это слушано въ комитетѣ министровъ 15 февраля 1816 года.

Отрывокъ, относящійся къ сравнительному словарю:

....Не могла великая государыня надолго разстаться съ своею великою любимою идеею. Свѣдѣнія, кои присылаемы были все болѣе и болѣе, преимущественно же желаніе видѣть африканскія и американскія нарѣчія помѣщенными въ книгу, побудили неутомимую споспѣшествовательницу изученія языковъ сдѣлать новый опытъ, дабы сравнительный словарь былъ полнѣе и полезнѣе. А потому повелѣла она обобрать весь словарь и расположить всѣ сравненныя слова по азбучному порядку.

Издателю перваго сочиненія нельзя было поручить сего новаго изданія, отчасти потому, что строгое, часто даже *жестокое и несправедливое окритикованіе трудовъ его въ старомъ словарѣ* отняло у него охоту къ продолженію сего труда, частію же и потому, что онъ со времени изданія онаго имѣлъ множество другихъ порученій, въ томъ числѣ и отъ государыни императрицы, кои не позволили бы ему издать новый словарь такъ скоро, какъ ея величество желала имѣть оный въ новомъ видѣ.

Затѣмъ угодно было ея величеству поручить редакцію новаго изданія тогдашнему директору нормальныхъ училищъ Ѳеодору Янкевичу де Миріево, коему и были доставлены всѣ матеріалы, поступившіе насчетъ языковъ со времени перваго изданія, и который принялся за работу съ такимъ прилежаніемъ, что уже въ 1790 году вышла первая часть подъ слѣдующимъ заглавіемъ: Сравнительный словарь и проч. Три тома послѣдовали за оною еще въ 1791 году.

Г-нъ Янкевичъ былъ напослѣдокъ, въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и кавалера, членомъ главнаго правленія училищъ. Онъ впродолженіе многихъ лѣтъ находился въ слабомъ состояніи ума и въ тѣлесномъ изнеможеніи; глубокая же старость его лишала всякой надежды къ выздоровленію. Я обязанъ ему отлично прекраснымъ экземпляромъ изданнаго имъ словаря; совершенное же отсутствіе памяти не позволило ему сооб-

щить мнѣ подробностей насчетъ падшаго на него выбора государыни императрицы, его плана, источниковъ, коими онъ пользовался, и проч. Онъ скончался въ 1813 году.—

По предложенію княгини Дашковой, въ собраніи 11 ноября 1783 года избранъ въ члены россійской академіи «господинъ директоръ училищъ Ѳедоръ Ивановичъ фонъ-Миріевъ» [266]).

Великую и неотъемлемую заслугу Янковича-де-Миріево составляетъ участіе его въ трудахъ по народному образованію, пролагавшихъ вѣрный и прочный путь для распространенія знаній въ Россіи. Онъ былъ однимъ изъ просвѣщеннѣйшихъ и дѣятельнѣйшихъ членовъ знаменитой коммиссіи объ учрежденіи училищъ. Работы, возлагаемыя на него этою коммиссіею, поглощая все время добросовѣстнаго труженика, лишали его возможности посѣщать, болѣе или менѣе исправно, засѣданія россійской академіи. Несмотря на то онъ обѣщалъ содѣйствовать общему труду академіи, и исполнилъ свое обѣщаніе [267]).

Для академическаго словаря Янковичъ-де-Миріево собралъ слова на *И* и *І*, и представилъ ихъ въ академію [268]).

Присутствуя въ собраніи академіи, онъ предложилъ «письменно» мнѣніе свое о происхожденіи славянорусскихъ буквъ и о порядкѣ, въ которомъ они должны слѣдовать одна за другою въ азбукѣ, а также и о томъ, какія буквы слѣдуетъ исключить изъ азбуки. Противъ послѣдняго сдѣлано было возраженіе, но въ цѣломъ мнѣніе Янковича-де-Миріево признано основательнымъ, и собраніе единогласно постановило: «сочиненіе сіе, доказывающее основательно происхожденіе нашихъ буквъ, беречь въ академическомъ письменохранилищѣ» [269]).

Янковичъ-де-Миріево представилъ въ академію мнѣніе свое, и также письменное, о планѣ словаря, составленномъ Фонвизинымъ и его сотрудниками. Мнѣніе Янковича-де-Миріево, «до расположенія словаря касающееся», разсматривалось съ мнѣніями другихъ членовъ, сведенными И. И. Лепехинымъ въ одно цѣлое [270]).

Отыскивая корень слова: *воскресеніе*, Янковичъ-де-Миріево писалъ въ академію слѣдующее: [271]).

«Я въ разсужденіи слова *воскресеніе* такого мнѣнія, что оно происходитъ отъ глагола слав. *кресати*, который въ первомъ лицѣ имѣетъ *крешу*, или—по сербскому употребленію—*крéшемъ*, *крешешь*, *крешетъ*. Какъ коренное *кресати* въ простомъ видѣ своемъ имѣетъ многія знаменованія, такъ и сложенные съ предлогами: *изкресати*, *окресати*, *подкресати*, *разкресати*, *скресати*, *укресати* не въ одномъ же знаменованіи принимаются.

1) *Кресати* собственно значитъ *высѣкать огонь изъ кремня*, что видно изъ самаго произношенія или звука сего глагола, ибо когда высѣкается огонь изъ кремня, то слышенъ голосъ *кре*, да и камень, изъ котораго огонь высѣкается, вмѣсто простаго наименованія *камень* называется *кремень*, т. е. *ка* перемѣняетъ на *кре*, на самый слышимый звукъ, а окончательное *мень* удерживаетъ. Изъ сего-то дѣйствія или звука происходящія частицы, а именно *искры* соотвѣтствуютъ также тому голосу, ибо *искра* не что иное есть, какъ частица, происходящая отъ *искре*, или тò, чтò происходитъ изъ звука *кре*; окончательная жъ буква дана сему существительному для того только, чтобы отнести оное къ какому-нибудь склоненію, а *искра* принадлежитъ по своему окончанію къ первому. Таковыхъ словъ весьма много, которыя получили свое знаменованіе отъ голоса, какъ-то: *аукать*, *хохотать*, *клокотать* и проч.

2) *Кресати* значитъ *обрубать сучки топоромъ съ дерева*, или выдавшіяся на поверхности дерева частицы отбивать, причемъ тако жъ слышенъ всегда нѣкоторый звукъ, происходящій отъ обрубливанія.

3) *Кресати* есть тò, что и *говорить съ большимъ жаромъ и смѣлостію* или *говорить что кому необинуяся*, гдѣ тоже *шумъ* предполагается.

Сложное же *искресати* значитъ: высѣканіемъ огня или весь кремень избить, или весь трутъ сжечь; на мелкіе куски изрубить; выговорить съ большимъ жаромъ.

Окресати есть тò, что обрубить сучья съ дерева.

Скресати—срубить сучья съ дерева.

Подкресати—подрубить сучья, подчистить дерево; подбрить, подстричь, напр. бороду.

Расиресати—расчистить; можно сказать и тогда, когда кто, находясь въ толпѣ непріятелей, расчищаетъ себѣ дорогу.

Укресати говорится собственно объ огнѣ, уже высѣченномъ изъ кремня; значитъ и то̀, что *impraegnare*, *gravidam reddere*, *engrosser*.

Кромѣ вышереченныхъ словъ, выведенныхъ отъ кореннаго глагола *кресати*, есть еще въ сербскомъ языкѣ три, а именно: *искрснути*, *ускрснути* и *васкрснути*. Первое *искрснути* значитъ выйти какъ будто невзначай, и не зная откуда, наружу; а *ускрснути* и *васкрснути* значатъ *воскреснуть*: и такъ *ускрсъ* и *васкрсъ* попросту означаютъ *воскресеніе*. Сіи же слова производить должно непремѣнно отъ *искры*, ибо какъ огонь или искра огненная, оживотворяющая все, сокровенная въ кремнѣ, въ бытіе приходитъ, такъ и воскресеніе силою божества быть должно».

А. Н. ОЛЕНИНЪ.

Алексѣй Николаевичъ Оленинъ предложенъ въ члены россійской академіи предсѣдателемъ академіи княгинею Дашковою. Въ собраніи 2 мая 1786 года «артиллеріи поручикъ г. Оленинъ» избранъ большинствомъ четырнадцати голосовъ противъ трехъ неизбирательныхъ [272]).

По мнѣнію графа Д. И. Хвостова, академія сдѣлала большую ошибку, избравши Оленина — «члена-тунеядца, отъ роду ничего не написавшаго» [273]). Въ отзывѣ Хвостова болѣе рѣзкости, нежели справедливости. Писаніе писанію рознь: въ дѣльномъ объясненіи словъ и бытовыхъ чертъ, въ одномъ умѣло-составленномъ указателѣ къ древнему памятнику, болѣе пользы и значенія, нежели въ цѣлой массѣ неуклюжихъ и безсодержательныхъ стиховъ, авторы которыхъ оцѣнены по достоинству въ сатирическомъ про-

изведенія И. И. Дмитріева, сочлена графа Хвостова по россійской академіи.

Сохранилось очень мало слѣдовъ участія Оленина въ академической дѣятельности, но все сохранившееся заслуживаетъ вниманія въ томъ или другомъ отношеніи. Въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, какъ и въ тридцатыхъ годахъ настоящаго, онъ отзывался на различные научные вопросы, возбуждаемые въ средѣ россійской академіи.

Избирая Оленина, академія руководствовалась не одними только смутными и неопредѣленными надеждами, а имѣла болѣе убѣдительныя основанія найти въ немъ дѣльнаго и знающаго сотрудника. Въ письмѣ къ С. С. Уварову Оленинъ говоритъ: «россійская академія приняла меня въ число своихъ членовъ *по представленной мною работѣ, а именно — толкованіе многихъ военныхъ русскихъ старинныхъ реченій»* [274]).

При самомъ вступленіи своемъ въ академію Оленинъ «принялъ на себя трудъ сдѣлать собраніе, сколько можно, названіямъ и именованіямъ, художниками, рукомесленниками и промышленниками употребляемымъ» [275]).

Оленинъ былъ того мнѣнія, что въ словарѣ русскаго языка, предпринятомъ россійскою академіи, должны быть помѣщены не только слова общеупотребительныя и книжныя, но и слова мѣстныя, областныя [276]).

По поводу предпринятаго россійскою академіею славяно-русскаго словаря А. Н. Оленинъ обратился въ академію съ слѣдующимъ заявленіемъ:

«Возвращая доставленный мнѣ, какъ члену сей академіи, первый пробный листъ славяно-россійскаго словаря, съ нѣкоторыми маловажными моими пополненіями, я долгомъ почитаю кратко изложить, предъ почтеннымъ собраніемъ г. г. членовъ сей академіи, мысли мои касательно выбора и помѣщенія словъ въ издаваемомъ нынѣ новомъ славяно-россійскомъ лексиконѣ.

Я полагаю, что общій словарь языка долженъ вмѣщать всѣ, безъ малѣйшаго изъятія, слова, какъ природныя тому языку,

такъ и принятыя въ оный изъ другихъ языковъ, при введеніи иностранныхъ обычаевъ; слѣдственно, слова или реченія, какъ обветшалыя или старинныя, такъ и нынѣ въ томъ языкѣ употребляемыя, къ какимъ бы они ни принадлежали наукамъ, художествамъ, ремесламъ, обычаямъ, словесности, возвышенному или простому слогу и даже *нарѣчію простолюдимовъ,* должны быть помѣщены *безъ изъятія* въ общемъ словарѣ языка. Исключенія могутъ имѣть только мѣсто въ особыхъ словаряхъ какихъ-либо отдѣльныхъ наукъ, художествъ или ремеслъ. И такъ, если общій словарь языка долженъ служить, какъ тò слѣдуетъ, для скораго отысканія какого бы то ни было реченія, котораго значеніе неизвѣстно, чтò весьма часто случиться можетъ при разговорѣ о какомъ-нибудь дѣлѣ, или при чтеніи и переводахъ (не говоря уже о наукахъ, художествахъ и ремеслахъ), но одпихъ театральныхъ сочиненій и романовъ, въ коихъ часто употребляются реченія простолюдимовъ; слѣдственно, если реченія въ общемъ словарѣ языка помѣщаться будутъ по выбору (что впрочемъ весьма трудно опредѣлить), то для всѣхъ вышеприведенныхъ случаевъ должно имѣть большой запасъ частныхъ лексиконовъ, чтò будетъ отяготительно во многихъ отношеніяхъ.

По симъ уваженіямъ я заключаю:

1-е, что въ общемъ словарѣ языка должны быть помѣщены всѣ слова *безъ изъятія*, какъ прежде употребляемыя, такъ и нынѣ въ употребленіи имѣющіяся, какого бы рода они ни были.

2-е, Толкованіе сихъ словъ должно быть самое опредѣлительное и самое краткое, также какъ ссылки на авторовъ для вящшихъ доказательствъ, и наконецъ:

3-е, Принявъ удобный азбучный порядокъ для размѣщенія словъ въ словарѣ, не должно однакожь вовсе устранять порядокъ этимологическій или словопроизводный; а потому весьма бы полезно было, по примѣру многихъ иностранныхъ лексикографовъ (и въ особенности знаменитыхъ: Шнейдера и Римера, въ ихъ греческихъ лексиконахъ), ставить при производныхъ словахъ настоящій и даже предполагаемый ихъ корень».

Весьма любопытно письмо Оленина къ непремѣнному секретарю россійской академіи Д. И. Языкову по поводу предпринимаемаго академіею изданія византійскихъ писателей: [277]).

Милостивый государь
Дмитрій Ивановичъ,

Я весьма охотно согласился съ предложеніемъ почтеннаго нашего президента, его высокопревосходительства Александра Семеновича Шишкова, о переводѣ на русскій языкъ византійскихъ авторовъ, *вполнѣ*. Сему полезному и, по мнѣнію моему, необходимому предпріятію, къ усовершенствованію отечественной нашей исторіи, я имѣлъ счастіе положить первый—смѣю сказать—опытъ, предложивъ въ 1820-мъ году библіотекарю императорской публичной библіотеки, бывшему экстраординарнымъ профессоромъ греческаго и латинскаго языковъ при с.-петербургскомъ университетѣ, г-ну статскому совѣтнику Попову, перевесть съ греческаго языка исторію Льва Діакона Калойскаго (современника нашего великаго князя Святослава Игоревича и свидѣтеля военныхъ его дѣйствій), изданную въ 1819-мъ году на греческомъ и латинскомъ языкахъ знаменитымъ библіотекаремъ парижской королевской библіотеки г-нъ Газемъ на иждивеніе покойнаго государственнаго канцлера графа Николая Петровича Румянцова — любителя наукъ и художествъ, столь много услугъ оказавшаго въ пользу отечественной нашей исторіи. Г. Поповъ выполнилъ сіе порученіе надлежащимъ, по мнѣнію моему, образомъ. Онъ не заботился о красотѣ и гладкости слога, но держался буквальнаго смысла подлинника, писаннаго во время упадка греческой словесности. Въ этомъ видѣ я бы желалъ, чтобъ и прочіе византійскіе писатели были переведены и напечатаны, буде можно, съ греческимъ текстомъ.

Къ симъ pia desideria я присовокупляю еще одно, состоящее въ томъ, чтобъ знающіе греческій древній языкъ, которымъ важное дѣло перевода на русскій языкъ византійскихъ авторовъ

будетъ поручено, изучились бы предварительно не токмо греческому византійскому нарѣчію, но и нынѣшнему новому греческому, чтобъ ясно, сколько можно, понимать византійскихъ писателей. Г-нъ Газе тѣмъ началъ, но и тутъ не избѣгнулъ недоумѣній. Онъ въ одномъ мѣстѣ Льва Діакона принялъ военное званіе человѣка (πυρφόρος — *огненосецъ*, носящій зажженный свѣточъ передъ войскомъ) за именованіе особаго рода судовъ, снабженныхъ *греческимъ огнемъ!*

Я здѣсь осмѣливаюсь повторить, что безъ знанія греческаго и нынѣшняго нарѣчія, нѣтъ возможности вѣрно переводить многія сочиненія византійскихъ авторовъ, какъ напримѣръ тактики: Арріана, Маврикія и Льва Премудраго; объ управленіи имперіи греческой, Константина Порфирогенета; его же сочиненіе о чиноположеніи двора византійскаго, гдѣ между прочимъ находится наше русское реченіе: *шишакъ*, которое византійцами и нами встарину писалось *чичакъ*, по греческому произношенію τζιτζάκια — слово, пропущенное даже знаменитымъ и неутомимымъ Дюканжемъ, который между тѣмъ не пропустилъ славянорусскаго реченія *сваха* — по византійскому τζουβαχα. Но я слишкомъ далеко увлекся отъ настоящаго моего предмета подробностями, и потому поспѣшаю заключить мое къ вамъ писаніе не токмо подтвержденіемъ моего согласія на предположеніе почтеннаго нашего г-на президента, но и усерднѣйшею просьбою— начать это благое дѣло какъ можно поспѣшнѣе! Если услуги г-на Попова могутъ быть приняты, то я увѣренъ, что онъ часть сего труда охотно на себя возьметъ.

Кончивъ съ византійцами, я долженъ еще молвить слово о другихъ авторахъ западной Европы, какъ-то: о грекѣ Прокопіи, о готѳѣ Іорнандѣ, о Луитпрандѣ, и о многихъ другихъ. Переводы ихъ сочиненій, какъ равно и побасенокъ исландскихъ, могутъ быть весьма полезны для русской исторіи, особенно если переводы сіи будутъ печататься вмѣстѣ съ подлинными текстами и съ надлежащими къ тому азбучными указателями: дѣлъ, именъ и реченій, содержащихся въ тѣхъ сочиненіяхъ, по примѣру изда-

нія классиковъ: ad usum Delphini—Seberi index vocabulorum in Homeri &. &. &. или подобно Ключу къ исторіи государства россійскаго, Карамзина, трудовъ г. Строева. Жаль, что онъ выписалъ одни только имена, не указывая ни на дѣла или происшествія, ни на старинныя русскія реченія!

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я сдѣлалъ небольшой опытъ по сему предмету, и составилъ указатели: именъ, лицъ, земель, морей, озеровъ, рѣкъ, городовъ, происшествій и проч., о которыхъ упоминается въ русскихъ лѣтописяхъ, по спискамъ: Нестора и Никона, а также въ двухъ новогородскихъ временникахъ. Къ симъ предметамъ я присоединилъ въ моемъ указателѣ многія обветшалыя слова въ славянорусскомъ языкѣ, коихъ настоящій смыслъ затруднителенъ и не можетъ иначе объясниться, какъ по соображенію разныхъ обстоятельствъ, въ которыхъ сіи слова употреблены. *Я намѣренъ пожертвовать симъ трудомъ въ пользу императорской россійской академіи*, буде г-ну президенту оной и моимъ сочленамъ благоугодно будетъ пожертвованіе мое принять, для напечатанія онаго въ помощь занимающихся чтеніемъ нашихъ лѣтописей.

Если ваше превосходительство найдете полезнымъ письмо это сообщить г. г. членамъ сей академіи, въ одно изъ ея засѣданій, то не угодно ли будетъ о томъ предварительно доложить г-ну президенту.

Имѣю честь быть съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностію

вашего превосходительства
покорнѣйшимъ слугою
Алексѣй Оленинъ.

Академія съ благодарностію приняла предложеніе Оленина, изъявляя полную готовность напечатать составленный имъ указатель. Вслѣдствіе этого Оленинъ представилъ въ академію рукопись подъ заглавіемъ: Алфавитъ достопамятнымъ дѣламъ, собственнымъ именамъ, также лицамъ, славянорусскимъ старин-

нымъ реченіямъ, упоминаемымъ въ лѣтописяхъ: 1) по кенигсбергскому списку, 2) по никонову списку, 3) по новогородскому попа Іоанна и 4) по новогородскому понамаря Тимоѳея. Въ собраніи 30 января 1837 года опредѣлено напечатать рукопись Оленина на счетъ академіи, въ количествѣ шести сотъ экземпляровъ. До соединенія россійской академіи, т. е. до 1841 года, напечатано тридцать два листа, а остальная часть рукописи передана въ типографію академіи наукъ [278]).

ГРАФЪ А. И. МУСИНЪ-ПУШКИНЪ.

Алексѣй Ивановичъ Мусинъ-Пушкинъ (впослѣдствіи графъ) [279]) предложенъ былъ въ члены академіи также княгинею Е. Р. Дашковою. Въ собраніи 17 ноября 1789 года Мусинъ-Пушкинъ единогласно избранъ былъ въ члены россійской академіи. [280]). Въ числѣ избирателей находились Княжнинъ, Богдановичъ и др.

Въ первые года по своемъ избраніи Мусинъ-Пушкинъ часто посѣщалъ академію и участвовалъ въ академическихъ работахъ. Къ нему обращались преимущественно для объясненія словъ, встрѣчающихся въ древнихъ и старинныхъ памятникахъ нашего языка и словесности.

Мусинъ-Пушкинъ сообщилъ въ академію опредѣленіе словъ: *думный дьякъ* и *думный дворянинъ* [281]).

Въ словарѣ россійской академіи слова эти опредѣлены слѣдующимъ образомъ: [282]).

— *Думной дьякъ*, старин., — старшій секретарь, соотвѣтствующій оберъ-секретарю сената. (При словѣ *дьякъ* ссылка на Уложеніе).

— *Думной дворянинъ*. Такъ назывались прежде нѣкоторые изъ числа придворныхъ, кои въ думахъ или судахъ засѣдали. Въ Соловецкомъ Лѣтописцѣ, гдѣ исчисляются чины, бывшіе съ госу-

царемъ Петромъ I въ монастырѣ Соловецкомъ, написано: *думной дворянинъ*, и печатникъ, и его, государевъ, учитель Никита Моисеевичъ Зотовъ; въ свитѣ же царевича Алексѣя Петровича — *думной дворянинъ* Григорій Ивановичъ Нѣмцовъ. —

Въ одномъ изъ собраній академіи Мусинъ-Пушкинъ сообщилъ «примѣры и доказательства на старинное слово: *задница*, означавшее стяжаніе, по смерти чьей оставшееся или наслѣдство, — выписанныя имъ изъ старинной книги, имянуемой *Мѣрило праведное*, или собраніе древнихъ законовъ»[283]).

Для разъясненія спорнаго вопроса о словѣ: *воскресеніе* и его корнѣ положено было обратиться къ содѣйствію Мусина-Пушкина[284]).

Мнѣніе Мусина-Пушкина, высказанное по этому поводу въ собраніи акедеміи, состояло въ слѣдующемъ:[285]).

«Въ древнихъ рукописныхъ церковныхъ книгахъ вмѣсто слова *воскресъ* написано *воскрюсъ*, что значитъ *воскрîосъ* ибо *îо* нынѣшнее въ древности писали *ю*, а *ю* древнее *ıȣ*. Сіе самое подтверждается и нынѣшнимъ народа простаго употребленіемъ, который также говоритъ *воскрîосъ*, а таковое буквы *îо* вмѣсто *о* употребленіе примѣчается и въ другихъ простаго народа словахъ, напр. вмѣсто *онъ* говорятъ *îонъ*.

Сіе *îо* для лучшаго произношенія перемѣняется на *е*, напр. вмѣсто *тîомный*, *всîо* пишется *темный*, *все*. Таковую перемѣну видимъ не только въ буквѣ *îо*, но и въ буквѣ *о*, ибо вмѣсто *щотъ* пишемъ *щетъ*.

Во многихъ сложныхъ и производныхъ словахъ буквы кореннаго слова перемѣняются на другія, напр. отъ глагола *пою* происходитъ *пѣніе*, а не *поніе*.

Воскресеніе по-гречески *αναςδασις*, а римски *resurrectio*. Но оба сіи реченія означаютъ *возстаніе*. Посему *воскресеніе* есть то̀ же, что и *возстаніе*. Въ Давидовыхъ псалмахъ, гдѣ говорится: *воскресни Боже*, тутъ въ еврейскомъ подлинникѣ стоитъ: *возстани Боже*. А въ другихъ мѣстахъ библіи та же самая рѣчь *воскресеніе* переведена *явленіе*. А у Іереміи XXIII. 4. *возстановленіе*.

Слова въ символѣ вѣры: *чаю воскресенія мертвыхъ* тò же значатъ, что ожидаю *возстанія* мертвыхъ.

Предположивъ сіе, мнѣ кажется, что слово *воскресъ* правильнѣе должно производить отъ глагола *крою*, славянски *крыю*, нежели отъ *креста* или древняго славянскаго никому неизвѣстнаго *кресъ*.

Что принадлежитъ до перваго, то воскресеніе было и до креста, ибо видимъ изъ св. исторіи, что пророкъ Елисей, жившій болѣе 800 лѣтъ до Р. Х., воскресилъ вдовичья отрока. Христосъ воскресилъ Іаирову дочь, вдовичья сына и Лазаря.

Второе, по мнѣнію моему, и большему подлежитъ сомнѣнію. *Кресъ*, означая огонь, производимый чрезъ удареніе желѣза о кремень, не можетъ ни мало изобразить Христова возстанія изъ гроба. Ибо кремень, хотя имѣетъ въ себѣ огнь, но безъ ударенія объ оный желѣзомъ огненныхъ искръ самъ собою не производитъ; но Христосъ воскресъ изъ гроба самовластно божественною силою своею.

Впрочемъ, хотя огнь или теплота живитъ всѣ прозябаемыя, и способствуетъ къ рожденію животныхъ и къ возвращенію жизни утопшихъ; но сіе его дѣйствіе относится къ предметамъ стороннимъ, а Христово возстаніе относится къ божественному лицу Его. Что же правильнѣе производить слово *воскресъ* отъ гл. *крою*, по сл. *крыю*, въ семъ удостовѣряютъ меня самыя обстоятельства мертвыхъ, ибо оныя по смерти полагаются во гробъ и предаются землѣ, и такимъ образомъ отъ свѣта скрываются; въ общее жъ всѣхъ воскресеніе выйдутъ изъ гробовъ, и такимъ образомъ откроются или явятся предъ лицомъ Божіимъ. Христово же воскресеніе сопровождается гораздо большими обстоятельствами. Онъ снятъ былъ со креста, потомъ положенъ во гробъ или *скрытъ во гробѣ*, къ которому приваленъ камень великій. Когда мироносицы пришли помазать тѣло его, нашли камень отваленъ и гробъ открытъ. Сѣдящій на каменѣ гробнѣмъ ангелъ объявилъ имъ, что Христосъ возсталъ. Стража, бывшая при гробѣ, увидя гробъ открытымъ, донесли своимъ начальникамъ, что Христосъ воскресъ.

Изъ сего и видно, что *воскресеніе* не что другое есть, какъ открытіе или явленіе умершаго, ибо является то, что было въ тайнѣ; возстаетъ, что лежало; открывается, что было скрыто; такъ напр. говорится: *рѣка закрылась*, когда станетъ ледъ, и *рѣка открылась*, когда пройдетъ ледъ.

Впрочемъ самая частица *воз*, когда соединяется съ глаголомъ или съ существ., изображаетъ восхожденіе вверхъ какого-нибудь дѣйствія или вещи. Напр. *воздвиженіе креста*, т. е. поднятіе креста вверхъ. *Вознесеніе Господне*, т. е. восшествіе его на небеса. По сему и *воскресеніе* есть изъ нѣдръ земныхъ, т. е. *снизу вверхъ возстаніе*, воскрытіе, явленіе.

И наконецъ, ежели къ глаголу *воскры* прибавить частицу *ся*, то будетъ: *воскрыся, воскрысаю, воскресеніе*».—

«Собраніе, вникая во всѣ сіи мнѣнія, наконецъ дало преимущество послѣднему и утвердило произвесть слово *воскресеніе* и проч. отъ глагола сл. *крыю*».

Въ первоначальной редакціи академическаго словаря, при старинномъ словѣ *молица* не объяснялось его значеніе, а только приведенъ былъ примѣръ изъ Царственнаго Лѣтописца (стр. 21): «бысть гладъ великъ зѣло: ядяху людіе листъ липовый, а иніи *молицъ*, истолокше и мѣшающе съ пелвми и соломою». Находя, что приведеннаго примѣра недостаточно для точнаго опредѣленія слова *молица*, академія постановила просить членовъ своихъ: Ивана Никитича Болтина и Алексѣя Ивановича Мусина-Пушкина, какъ «мужей, въ древностяхъ россійскихъ упражняющихся», объ истолкованіи этого слова. [286]).

Непремѣнный секретарь россійской академіи И. И. Лепехинъ, передавшій Мусину-Пушкину просьбу академіи, получилъ отъ него слѣдующій отвѣтъ: [287])

Милостивый государь мой
Иванъ Ивановичъ,

На письмо ваше отъ 8-го числа сего іюля умедлилъ я моимъ отвѣтомъ съ одной стороны вазсужденіи недосуговъ по ны-

нѣшнему моему изъ Петербурга отъѣзду, съ другой—по причинѣ изысканія по стариннымъ книгамъ о предлагаемомъ словѣ *молицъ.*

Въ одномъ изъ старинныхъ лексиконовъ, съ переводомъ греческимъ, нашелъ я слово *молистый*, которому дано другое наименованіе *червистый.* Сіе подастъ поводъ къ догадкѣ, не означаетъ ли можетъ быть *молицъ* согнившей и отъ червей поврежденной части въ деревѣ, что бываетъ въ дуплахъ? Ибо всякое гнилое дерево вразсужденіи изсохшей въ немъ влажности весьма способно къ тому, чтобъ оное на подобіе муки истолочь въ самый мелкій порошокъ. Почему и не дивно, ежели во время самаго голоду употребляли оный *молицъ*, смѣшавъ съ пелевами, въ пищу. Вотъ все, что могу на сей разъ собранію сообщить, пребывая впрочемъ къ вамъ съ истиннымъ почтеніемъ.

Покорнѣйшій слуга Алексѣй
Мусинъ-Пушкинъ.

P. S. Да и въ лѣтописяхъ находится, что въ голодныя времена употребляли въ пищу гнилое дерево. —

По случаю недоразумѣнія, возникшаго отъ неправильнаго написанія древняго слова *соузы*, Мусинъ-Пушкинъ сообщилъ академіи выписки изъ различныхъ изданій библіи, и между прочимъ изъ самыхъ старинныхъ, объясняющія текстъ: «и дамъ каменіе стрѣльное въ *соузы* ихъ». [288]).

При разсмотрѣніи, въ академическомъ собраніи, того листа словаря, гдѣ помѣщенъ глаголъ *шлю* съ его производными, найдено нужнымъ «утвердить примѣрами» какъ настоящее значеніе неупотребительнаго слова *сόлъ*, такъ и самое «существованіе» его въ древнемъ и старинномъ языкѣ. Никто изъ присутствовавшихъ въ собраніи не могъ припомнить ни одного примѣра, а потому и рѣшено было «просить о семъ члена академіи Алексѣя Ивановича Мусина-Пушкина, яко мужа довольно искусившагося въ древнихъ россійскихъ лѣтописяхъ». [289]).

Въ словарѣ россійской академіи, для объясненія слова *солъ* приведенъ примѣръ изъ «Духовной князя Владиміра Мономаха»,

найденной и изданной Мусинымъ-Пушкинымъ: *Солъ*, стар., тò же, что посолъ: «усрѣтоша бо мя *слы* отъ братья моея на Волзѣ». [290]).

Открытіе тмутараканскаго камня послужило поводомъ къ слѣдующей замѣткѣ Мусина-Пушкина, автора историческаго изслѣдованія о тмутараканскомъ княженіи, сообщенной въ письмѣ къ И. И. Лепехину: [291]).

Милостивый государь мой
Иванъ Ивановичъ.

Въ словарѣ россійской академіи слово *сажень*, помнится, положено первообразнымъ; но, по случаю найденнаго на островѣ Таманѣ мраморнаго камня, съ котораго рисунокъ у меня теперь вырѣзываютъ, между прочимъ открывается, что вмѣсто *сажень* древле писали *сѧжень*, и—по моему мнѣнію—сіе есть правильное наименованіе, яко взятое изъ существа самой вещи, означая *сяженіемъ* рукъ объемлемое пространство, отъ глагола *сягать* или *досягать*. И другаго реченія, изъ котораго бы можно было такъ правильно и сообразно съ значеніемъ сея мѣры вывесть слово *сажень*, въ россійскомъ языкѣ не обрѣтается.

Сіе мнѣніе мое приложивъ при самомъ камнѣ, честь имѣю сообщить и вамъ, не угодно ли будетъ предложить его почтенному россійской академіи собранію, а когда рисунокъ готовъ будетъ, не премину и оный представить.

Между тѣмъ имѣю честь пребыть и называться,
милостивый государь мой,
вашимъ покорнѣйшимъ слугою
Алексѣй Мусинъ-Пушкинъ.

Въ словарѣ россійской академіи слово *сажень* помѣщено какъ слово самостоятельное, независимо отъ слова *сягать*, которое опредѣлено такимъ образомъ: «*сяжу*—малоупотреб., хватаю или достаю, касаюсь до чего: это ружье далеко *сягаетъ*; сколько память моя *сяжетъ* (Разн. Уст. I, 79)» [292]).

По поводу примѣчанія, помѣщеннаго въ академической грам-

матикѣ, въ которой сказано, что славянскія письмена изобрѣтены Константиномъ-философомъ въ девятомъ столѣтіи, Мусинъ-Пушкинъ утверждалъ, что славяне имѣли грамоту гораздо прежде этого времени, и въ доказательство приводилъ Русскую Правду, Договоръ Олега съ греками, и др. [293]).

Мусинъ-Пушкинъ весьма охотно участвовалъ въ отдѣлахъ или комитетахъ, которымъ поручаемо было обсужденіе различныхъ вопросовъ, касавшихся академической жизни и дѣятельности. Въ домѣ Мусина-Пушкина собирался комитетъ для выбора лицъ, достойныхъ высшей академической награды, назначенной «для увѣнчанія трудовъ отличную пользу россійскому слову принесшаго». Сочленами Мусина-Пушкина были: Болтинъ, Румовскій, Богдановичъ, и др. [294]).

Правдивый лѣтописецъ трудовъ академіи, И. И. Лепехинъ говоритъ: «Алексѣй Ивановичъ Мусинъ-Пушкинъ, отъ вступленія его въ академію, рачительно участвовалъ въ собраніяхъ оныя, и разсужденіями своими спомоществовалъ общему труду, и сообщилъ изъясненія на нѣкоторыя древнія слова». При изданіи третьей части словопроизводнаго словаря россійской академіи было заявлено, что членъ академіи А. И. Мусинъ-Пушкинъ, «присутствуя въ собраніяхъ академіи, сколько возложенныя на него другія должности позволяли, соучаствовалъ въ общихъ разсужденіяхъ; особенно же сообщилъ изъясненія и истолкованія на нѣкоторыя древнія наименованія» и т. д. [295]).

ГРАФЪ Д. И. ХВОСТОВЪ.

Графъ Дмитрій Ивановичъ Хвостовъ пріобрѣлъ себѣ въ литературѣ весьма громкую и вмѣстѣ съ тѣмъ весьма печальную извѣстность. Современные ему писатели преслѣдовали насмѣшками, его болѣе или менѣе остроумными, — шутливыми посланіями,

эпиграммами, пародіями, и т. п. Такимъ непривлекательнымъ положеніемъ въ литературномъ мірѣ графъ Хвостовъ обязанъ прежде всего самому себѣ — своей неодолимой страсти къ сочиненію стиховъ и своей непомѣрной и наивной заботливости о томъ, чтобы навербовать для нихъ читателей. Несчастная слабость графа Хвостова осмѣяна Батюшковымъ въ его пародіи на «Пѣвца во станѣ русскихъ воиновъ» Жуковскаго, прославляющей пѣвцовъ въ Бесѣдѣ славеноруссовъ:

Хвала, читателей тиранъ,
Хвостовъ неистощимый....
Вездѣ съ стихами — тутъ и тамъ,
Вездѣ ты волкомъ рыщешь;
Пускаешь притчу въ тылъ врагамъ,
Стихами въ уши свищешь!
Лишь за поэму — прочь идутъ,
За оду — засыпаютъ,
Лишь за посланье — всѣ бѣгутъ
И уши затыкаютъ....

Сатиры на Хвостова писались не только стихами, но и прозою, и читались не только въ дружескомъ кругу, но и въ литературныхъ обществахъ. При вступленіи графа Хвостова въ общество любителей словесности, наукъ и художествъ, Д. В. Дашковъ привѣтствовалъ новаго сочлена торжественною рѣчью, наполненною, отъ начала до конца, весьма остроумными сатирическими выходками. «Нынѣшній день — сказалъ ораторъ — пребудетъ всегда незабвеннымъ въ лѣтописяхъ нашего общества: нынѣ въ первый разъ возсѣдаетъ съ нами краса и честь россійскаго Парнаса, счастливый любимецъ Аонидъ и Феба, геній единственный по быстрому своему паренію и по разнообразію тьмочисленныхъ произведеній. Тщетно мрачныя облака сокрывали на время сіяніе солнца: такъ и зависть тщетно старалась помрачить блистательный полетъ почтеннѣйшаго сочлена нашего, его сіятельства графа Д. И. Хвостова. Онъ вознесся превыше

Пиндара, унизилъ Горація, посрамилъ Лафонтена, побѣдилъ Мольера, уничтожилъ Расина» и т. д. [296]).

Насмѣшки надъ графомъ Хвостовымъ встрѣчались даже тамъ, гдѣ всего менѣе можно было ожидать ихъ. Иронія слышится и въ отзывѣ о сочиненіяхъ графа Хвостова, помѣщенномъ въ опытѣ краткой исторіи русской литературы, Н. И. Греча, вышедшемъ въ 1822 году: «графъ Дмитрій Ивановичъ неусыпно продолжаетъ бесѣдовать съ музами; безпристрастные критики, въ отечественныхъ и чужеземныхъ журналахъ, превозносили сего пѣвца и предсказывали ему безсмертіе» и т. п. [297]).

Но какъ бы ни были остроумны насмѣшки надъ графомъ Хвостовымъ и его стихоманіею, справедливость требуетъ замѣтить, что въ дѣятельности его была сторона, заслуживающая полнаго сочувствія. Онъ съ большимъ трудолюбіемъ и настойчивостью собиралъ свѣдѣнія о русскихъ писателяхъ, и благодаря его разысканіямъ сохранилось многое изъ того, что могло погибнуть безвозвратно при господствующемъ у насъ равнодушіи къ судьбѣ писателей и ихъ произведеній. Довольно вспомнить, сколько матеріаловъ сообщено графомъ Хвостовымъ митрополиту Евгенію для знаменитаго словаря русскихъ писателей, который и сталъ появляться впервые на страницахъ журнала, издававшагося графомъ Хвостовымъ. Современники правы были въ своихъ нападкахъ на графа Хвостова такъ же точно, какъ и литературная критика прежнихъ временъ имѣла основаніе считать Тредьяковскаго бездарнымъ піитою. Но подобно тому, какъ въ Тредьяковскомъ признаютъ почтеннаго труженика, имѣвшаго весьма здравыя понятія о языкѣ и словесности, такъ и при оцѣнкѣ графа Хвостова надо имѣть въ виду не одинъ только стихотворный хламъ, нагроможденный имъ съ усердіемъ, достойнымъ лучшаго дѣла, но и ревность въ собраніи матеріаловъ съ цѣлію сохранить память о людяхъ, потрудившихся на литературномъ поприщѣ. Въ этомъ отношеніи онъ шелъ по пути, указанному Новиковымъ, словарь котораго занимаетъ такое почетное мѣсто въ нашей литературѣ прошлаго столѣтія.

Лучшимъ источникомъ свѣдѣній о жизни и дѣятельности графа Хвостова служитъ его автобіографія, сообщенная имъ, очевидно въ видѣ матеріала для словаря писателей, митрополиту Евгенію. Въ ней много весьма любопытныхъ чертъ, рисующихъ и самого автора и его время. Посылая митрополиту Евгенію свою автобіографію, графъ Хвостовъ писалъ ему: «Сія біографія есть полная; въ оной ничего не утаено о нравахъ, обстоятельствахъ и дѣлахъ сочинителя; *это*, мнѣ кажется, *и ваша метода въ жизнеописаніяхъ*. Вы же да будете *полный* и единственный хозяинъ моего піитическаго на земли служенія. Можете, поправляя, сокращать и дополнять что̀ угодно, и *даже при жизни моей въ печать отдавать* то̀, что̀ пристойно и что̀ заблагоразсудите. Вступленіе отъ третьяго лица при семъ отрывкѣ есть сочиненіе одного невской академіи студента, которое, *мнѣ кажется*, не нужно, ибо оно вмѣстѣ и льстивое и неопредѣленное (vague)». [298]).

Митрополитъ Евгеній не воспользовался предоставленными ему правами, и не помѣстилъ автобіографіи графа Хвостова въ своемъ словарѣ русскихъ писателей. Но въ рукописи она сохранилась въ «Матеріалахъ» къ этому словарю, принадлежащихъ въ настоящее время императорской публичной библіотекѣ. Автобіографія графа Хвостова любопытна и сама по себѣ, какъ матеріалъ для историко-литературныхъ изслѣдованій, и по отношенію къ дѣятельности графа Хвостова, какъ члена россійской академіи. На этомъ основаніи мы и помѣщаемъ ее въ приложеніяхъ къ нашему труду: сообщаемыя въ ней свѣдѣнія находятся въ связи съ тѣми данными, которыми опредѣляются литературныя понятія графа Хвостова и его участіе въ трудахъ и предпріятіяхъ академіи русскаго языка и словесности. [299]).

Дмитрій Ивановичъ Хвостовъ (впослѣдствіи графъ) предложенъ былъ княгинею Дашковой въ академики, на одно изъ мѣстъ, открывшихся въ академіи по смерти членовъ ея: князя Михаила Михайловича Щербатова и Якова Борисовича Княжнина. Въ собраніи 5 іюля 1791 года, подполковникъ Дмитрій Ивановичъ

Хвостовъ избранъ, по большинству голосовъ, въ члены россійской академіи — «по извѣстному его знанію отечественнаго нашего языка, какъ сочиненіями, такъ и переводами доказанному»[300]).

Д. И. Хвостовъ былъ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ участниковъ въ академическихъ работахъ и однимъ изъ самыхъ усердныхъ посѣтителей академическихъ засѣданій. Званіе члена россійской академіи имѣло въ глазахъ Хвостова весьма высокое значеніе, и онъ всячески старался оправдать довѣріе, оказанное ему учено-литературнымъ обществомъ. Онъ доставлялъ матеріалы и замѣчанія для словарей, предпринимаемыхъ, одинъ за другимъ, россійскою академіею; по ея вызову, занимался сочиненіями и переводами, изданіе которыхъ признавалось ею весьма полезнымъ для русской литературы; участвовалъ въ разсмотрѣніи произведеній, представляемыхъ на судъ академіи; сообщалъ свѣдѣнія о жизни и дѣятельности замѣчательныхъ писателей, бывшихъ членами россійской академіи, и т. д.; словомъ, — постоянно выражалъ, и на дѣлѣ доказывалъ, самое искреннее сочувствіе цѣлямъ и стремленіямъ академіи.

Для перваго, словопроизводнаго, словаря россійской академіи Д. И. Хвостовъ сообщилъ, между прочимъ, замѣтку о словѣ *кейзеръ-флагъ*, въ письмѣ къ непремѣнному секретарю академіи И. И. Лепехину:[301]).

Милостивый государь мой

Иванъ Ивановичъ,

Имѣю честь приложить на оборотѣ сего листа списокъ съ именнаго указа, въ которомъ объясняется, что *кейзеръ-флагъ* употребляется во всѣхъ (но токмо приморскихъ) крѣпостяхъ мѣсто знамя, въ прочихъ крѣпостяхъ вывѣшиваемаго. Почему я пріемлю смѣлость предложить, что въ опредѣленіи слова *флагъ* можно прибавить: «также и въ приморскихъ крѣпостяхъ не въ праздничные дни». Впрочемъ предаю сіе на сужденіе ваше какъ

собственное мое мнѣніе, можетъ быть недостаточное или погрѣшительное. Впрочемъ съ моимъ почтеніемъ есмь и буду вашъ,

милостиваго государя моего,

покорнѣйшій слуга

Дмитрій Хвостовъ.

— Графъ Александръ Васильевичъ! По представленію вашему повелѣли Мы адмиралтейской коллегіи доставить къ вамъ для употребленія при Роченсальмскомъ портѣ *кейзеръ-флагъ* и штандартъ, которые и имѣете вы приказать, по обыкновенію прочихъ приморскихъ крѣпостей, поднимать: *кейзеръ-флагъ* въ будни, а штандартъ въ праздничные дни. Впрочемъ пребываемъ къ вамъ всегда благосклонны.

На подлинномъ подписано собственною ея императорскаго величества рукою тако:

Екатерина.

Въ Царскомъ Селѣ
Августа 26-го 1792 г.

По окончаніи словопроизводнаго словаря академія положила приступить къ составленію новаго словаря, расположеннаго по азбучному порядку, съ прибавленіемъ языковъ иностранныхъ,— какъ, «для общественнаго употребленія этой книги», такъ и «для предупрежденія подобнаго предпріятія людьми посторонними» [302]). По этому поводу Д. И. Хвостовъ представилъ свои замѣчанія, также въ письмѣ къ И. И. Лепехину: [303]).

Милостивый государь мой Иванъ Ивановичъ!

Поставляя себѣ за честь особливѣйшую званіе члена россійской академіи, и разсматривая оное во всемъ его пространствѣ, хотя чувствую себя весьма неспособнымъ, по недостатку въ нужныхъ свѣдѣніяхъ и дарованіяхъ, раздѣлять сіяніе славы, которымъ господа члены россійской академіи, подъ предсѣдательствомъ почтеннѣйшей любительницы музъ, озарили сіе святилище россійскаго слова; но дополняя скудость моего просвѣщенія рев-

ностію моей ко славѣ академіи, прибѣгаю ко праву, которое я получилъ единственно по благосклонности вашей, когда чрезъ избраніе удостоили меня соучаствовать въ трудахъ вашихъ. И посему должностію моею почитаю сообщить вамъ, милостивый государь, для комитета, пекущагося о второмъ изданіи россійскаго словаря, поелику я не членъ онаго, нѣкоторыя замѣчанія, мною сдѣланныя вразсужденіи перевода на французскій языкъ, при прочтеніи перваго листа, который я вчера вмѣстѣ съ извѣщеніемъ о собраніи академическомъ получилъ. Позвольте мнѣ, отдаленному отъ трудовъ вашихъ, принимать смѣлость и впредь, милостивый государь, сообщать мои сомнѣнія касательно оныхъ.

(Страница первая). Аба — *drap vilain.*

Ежели сіе названіе не есть собственное единственно сему турецкому сукну, и въ листѣ поставлено для означенія негоднаго сукна, я сомнѣваюся, чтобы французскій языкъ принималъ прилагательное *vilain* къ сукну. Сколько мнѣ удавалося по французски слыхать, прилагательное, говоря о суннѣ, — *mauvais.*

Абинный—*fait du drap vilain.* Поелику переводъ словаря дѣлается для удобнаго соображенія силы обоихъ языковъ, и наученія какъ соземцевъ, такъ и иностранныхъ, то я не думаю, чтобы французамъ вразумительно было: *fait du drap vilain*, ибо у нихъ не только вообще употребительно, но и правило грамматическое, что прилагательныя ставятся передъ существительнымъ, и ежели оставить слово *vilain*, то развѣ: *fait avec du vilain drap.* Примѣровъ на сіе тма: *mauvaise montre*, *faux raisonnement*, *bonne table*, *sçavant homme.*

Абасы — *monnoi d'argen de Perses.* Не угодно ли: *monnoie d'argent courante en Perse.*

Я осмѣлюся представить, что во французскомъ языкѣ, по моему разумѣнію, нижеслѣдующія существительныя имена: *abbé*, *académie*, *amiral*, *alphabet* и прочія, не должны въ нашемъ словарѣ, для лучшаго разумѣнія учащимся, имѣть члена *L*, а членъ *L* принимается, когда сіи существительныя склоняемы бываютъ съ прилагательными. Каждый французъ, когда у него спросишь,

говоря о третьемъ лицѣ, *qu'est ce qu'il est*? вѣрно отвѣтствовать будетъ не *l'abbé*, *l'amiral*, но просто: *abbé*, *amiral*, и даже не *l'académie*, въ надписи на зданіи, а просто *académie*. Про азбуку тоже — *alphabet*. Можно же прибавить съ членами *L*, примѣры: *l'abbé de la trappe*; *l'amiral de Coligny était un grand homme*; *l'académie de la Cruska est renommée en Europe*.

Пріемлю смѣлость донести, что вообще корректура французскаго языка само неисправнѣйшая, ибо въ ней тма ошибокъ:

Страница 2-ая, — августъ мѣсяцъ, *le moi d'aout*, должно *le mois d'aout*, а безъ литеры *s* — мѣстоименіе перваго лица.

— — Всеавгустѣйшій, *le plus auguste*. Сіе противъ языка, я думаю, какъ и примѣромъ утвердить можно; лучше: *très auguste et très gracieuse souveraine*.

Страница 4-ая, — адамантовый, *de diamant*; мнѣ кажется, лучше примѣромъ: *des boucles de diamant*.

— — *Le morceau* или *pomme d'Adame*: *e* не надобно — *d'Adam*.

— — *adonass*, *la maine du seigneur* и пр.: *e* не надобно — *la main*.

Страница пятая. Азъ — *nom de la primière lettre d'alphabet*; должно: *nom de la premierè lettre de l'alphabet*.

Азямъ — *fait à la manierè de tatares*; во множественномъ числѣ: *des* tatares.

Аистовъ — de *cigoigne*: должно — de *cigogne*.

Предлагая сіи маловажныя замѣчанія, желаю, чтобы они удостоены были вниманія, ежели могутъ послужить къ пользѣ словаря. Я надѣюся завтра имѣть честь быть въ собраніи академіи, и на листѣ моемъ замѣчу опечатки французскаго языка въ случаѣ, ежели не успѣлъ которыхъ помѣстить здѣсь.

Впрочемъ съ непремѣннымъ моимъ почтеніемъ есть и буду

вашего высокоблагородія,

милостиваго государя моего,

покорный слуга

Дмитрій Хвостовъ.

Для словаря россійской академіи, расположеннаго по азбучному порядку, но безъ прибавленія иностранныхъ языковъ, графъ Хвостовъ доставилъ, съ объясненіями, слѣдующія слова: *свѣтоявленіе, безмѣстно, единочадый, пронырство, паволока, учредить, челядь*[304]).

Слова: *безмѣстно* и *единочадый* не могли войти въ словарь потому, что тѣ части его, гдѣ имъ слѣдовало находиться, были уже изданы нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Слова *единочадый* вовсе нѣтъ въ словарѣ, а при словѣ *безмѣстный* такое опредѣленіе: «неимѣющій мѣста, должности; въ славянск.—неприличный, нелѣпый, непристойный: иже злая сотворшіи и *безмѣстная* помышляющіи» (Слово о исходѣ души).

Академія могла воспользоваться только тѣми объясненіями, предложенными графомъ Хвостовымъ, которыя относились къ словамъ: *паволока, пронырство, свѣтоявленіе, учредить, челядь.* Но въ дѣйствительности она не только не воспользовалась объясненіями графа Хвостова, но и признала ихъ, разумѣется негласно, никуда негодными. Своимъ игривымъ словопроизводствомъ онъ превзошелъ самыя смѣлыя ожиданія; слово *учредить* оказалось у него греческимъ, и т. п. Представляя свои объясненія нѣкоторыхъ старинныхъ словъ въ академію, графъ Хвостовъ:

«Вообще можно замѣтить, что сложныя славянскія слова, въ древнихъ нашихъ книгахъ срѣтающіяся, почти всѣ переведены съ греческихъ таковыхъ же словъ, и потому съ греческаго же должны быть и толкованы. Напримѣръ:

Свѣтоявленіе, съ греческаго *фотофанія*, значитъ *осіяніе*, или *облистаніе* и *явленіе кому-нибудь свѣта*: «Свѣтоявленіе царица Ольга видѣ». (Ст. кн. ст. 31).

Безмѣстно, съ греческаго же *атопосъ*, значитъ *не у мѣста, некстати, непристойно*, оттуда *безмѣстный* значитъ *безразсудный*: «Внука же своего Владиміра крестити не дерзну, да не *безмѣстно* что сотворитъ *безмѣстный* сынъ ея Святославъ» — стр. 32.

Единочадый, съ греч. *моногенисъ*, значитъ *единородный*, ибо

чадь на древнемъ славянскомъ значитъ *ребенокъ*, *малый*: «Блаженная Ольга единочадаго сына своего остави» — 35.

Пронырство есть слово среднихъ вѣковъ славянщизны и происходитъ, кажется, отъ слова *нырять*, какъ бы скрытно изъ подъ воды подъ кого-нибудь подплывать.

Паволока. Сіе слово г. Кругъ въ книжкѣ своей о россійскихъ монетахъ производитъ отъ греческаго же слова *мпавилóника*, т. е. вавилонская. Симъ именемъ у грековъ средняго вѣка назывались штофы, парчи, изобрѣтенные въ Вавилонѣ, и какъ драгоцѣнность развозившіеся по всему свѣту.

Учредить взято также съ греческ. *тáттинъ*, что значитъ *привести въ порядокъ* или *снабдить*.

Челядь, кажется, отъ того же корня, отъ котораго и *человѣкъ*. Можно думать, что у древнихъ славянъ было коренное слово *челъ*, значившее вообще *человѣка*, оттуда *челядь* въ славянскихъ книгахъ значитъ *ребенка* и *молодаго слугу*, а *человѣкъ* совершеннаго уже и *взрослаго* человѣка: «Отъ Угровъ сребро и золото, изъ Руси бѣлки, медъ и *челядь*». Слово *челядь* и *челядинецъ* въ вышеупомянутомъ смыслѣ употребляется и нынѣ у поляковъ. Можно теперь думать, что у древнихъ славянъ и человѣкъ вообще называется *чело*, т. е. лобъ; и они, можетъ быть, считали людей числомъ лбовъ, такъ какъ у иныхъ народовъ числомъ головъ; а славяне, можетъ быть, говаривали *сто челъ*. На греческомъ языкѣ человѣкъ называется *анѳропосъ*, что значитъ *вверхъ смотрящій*. Посему, можетъ быть, и у славянъ по верхней части головы назывался цѣлый человѣкъ».

Шишковъ коротко и ясно выразилъ свой приговоръ надъ филологическими измышленіями графа Хвостова; на рукописи, представленной графомъ Хвостовымъ, онъ написалъ: «*пустое*» [305]).

Слова, за объясненіемъ которыхъ обращались къ графу Хвостову, истолкованы въ академическомъ словарѣ слѣдующимъ образомъ:

— *Паволока* — ткань шелковая или бумажная: «и пріиде Олегъ къ Кіеву, къ своему князю Игорю, несый злато и *паво-*

локи, овощи и вина» (Ник. Лѣт. ч. I, 31); — покрывало, покровъ, пелена: «два налоя съ *паволоками*» (Древн. Вивл. VIII, 127) [306]). —

Слова *пронырство* нѣтъ въ словарѣ, а есть другія слова того же корня: *проныра*, *проныривать*, *пронырливость*, *пронырливый*, *пронырну́ть*, *пронырствовать*, *пронырщикъ*:

— *Пронырливать* — употреблять хитрость искать чего, вывѣдывать что̀, выискивать; *пронырну́ть* — показавшись, появившись, тотчасъ скрыться, непримѣтно уйти: «между людьми *пронырнулъ*», и т. д. [307]).

— *Свѣтоявленіе* — мѣсто, свѣтомъ озаренное: «праведніи во *свѣтоявленіихъ*, грѣшніи во мрацѣ бурномъ» (Слово о исходѣ души). —

— *Учреждать*—установлять, распоряжать, дѣлать чему расположеніе: «*учредить* порядокъ»; — въ славянск., угощать: «иже пріимь насъ, три дни любезнѣ *учреди*» (Дѣян. XXVIII, ч. 7). —

— *Челядь* — дворовые слуги, домочадцы: «его же поставитъ господь надъ *челядію* своею» (Лук. XII, 42) [308]).

При распредѣленіи академическихъ работъ, Д. И. Хвостовъ принялъ на себя составленіе пiитики, или «правилъ россійскаго стихотворенія» [309]).

Представляя въ академію планъ или начертаніе предпринятаго труда, Хвостовъ говоритъ: [310]).

«Россійская императорская академія удостоила меня препорученіемъ сочинить правила россійскаго стихотворенія, съ тѣмъ, чтобы я, не приступая еще къ дѣлу, представилъ почтеннѣйшему оныя собранію краткое о предпринимаемомъ трудѣ начертаніе, что̀ я чрезъ сіе исполняю.

Находятся на россійскомъ языкѣ два сего рода сочиненія. Одно покойнаго г-на Тредьяковскаго, знаменитаго въ россійской учености обширнымъ просвѣщеніемъ и избыточными свѣдѣніями; другое россійской императорской академіи члена, покойнаго Аполлоса, епископа архангельскаго, изданное во время бытія его въ свѣтскомъ состояніи. Оба сіи сочиненія, и преимущественно со-

чиненіе г-на Тредьяковскаго, будучи пространнѣе, достаточны для показанія разныхъ родовъ стопосложенія и могутъ руководствовать, что понынѣ и дѣлали, начинающихъ упражняться въ стихотвореніи, снабдить правилами о разныхъ родахъ стопосложенія, и общими, хотя краткими, вообще о стихотворствѣ и разныхъ его родахъ понятіями. Ежели нужно россійской императорской академіи имѣть только собственно правила для россійскаго стопосложенія, то все затрудненіе состоитъ въ томъ единственно, что вышесказанныя книги дополнить нѣкоторыми разсужденіями и примѣчаніями, извлеченными изъ россійскаго стихотворства, которое славится со временъ безсмертнаго Ломоносова, и украсить примѣрами, взятыми изъ новыхъ россійскихъ писателей.

Россійская императорская академія съ недавняго времени рожденія своего исполинскими шагами путь свой совершаетъ. Возникшая на свѣтъ благоволеніемъ Екатерины Великой, такъ сказать, при очахъ нашихъ, и нынѣ, чрезъ ревностное ходатайство предсѣдателя своего, щедротами Александра Перваго паки возрожденная, можетъ въ сіе короткое время похвалиться предъ прочими сотрудницами, разными въ Европѣ академіями, трудами своими. Она обширнѣйшаго въ свѣтѣ государства языкъ собрала воедино, и издала словарь, который ежели по общей судьбѣ человѣческихъ дѣлъ не достигъ совершенства, но близъ онаго. Она сочинила грамматику, конечно, превосходную. Она готовится издать риторику. При сихъ знаменитыхъ почтеннѣйшаго нашего сословія подвигахъ, я осмѣливаюся думать, что россійской академіи предлежитъ совершеніе теченія законодательства россійской словесности и изданіе полной россійской піитики, съ изображеніемъ о древности стихотворства, о его превосходствѣ, о его существѣ, заключающемся, какъ говоритъ Аристотель и новѣйшіе словоискусники, въ подражаніи прекрасной природы:

Природа въ красотѣ своей
Предъ нимъ (піитомъ) упала на колѣни,

Рекла: се я! постигни тѣни,
И царствіемъ моимъ владѣй.

Ода «Пѣснопѣвецъ», графа Хвостова.

1. О источникѣ, отколѣ почерпаются богатства изящнаго стихотворства; о дарованіяхъ, какими изобиловать долженъ піитъ.

2. О способности россійскаго языка предъ многими для сочиненій стихотворныхъ, о разныхъ родахъ слова: высокомъ, среднемъ и простомъ, или общеупотребляемомъ.

3. Подробное описаніе каждаго въ особенности рода стихотворства, съ правилами имъ свойственными, съ означеніемъ прославившихся въ ономъ мужей разныхъ вѣковъ и земель, съ присовокупленіемъ приличныхъ каждому россійскихъ писателей и почерпаніемъ примѣровъ изъ сихъ послѣднихъ, а именно:

Рода стихотворства суть:

Притчи, вуколическій или пастушескій, какъ то: эклоги, идилліи и проч.

Драматическій: оперы комическія, оперы большія, комедія и трагедія.

Лирическій: оды духовныя, торжественныя, нравственныя и анакреонтическія.

Дидактическій, о философскихъ содержаніяхъ, какъ о человѣкѣ, какія къ чему прилагаются, и Виргиліевы, о земледѣліи, и эпистолы.

Элегіяческій, гдѣ существенно элегіи, и къ сему же роду принадлежатъ недавно происшедшія героиды.

Наконецъ эпопеи, или эпическія поэмы, какъ-то: Иліада, Энеида и проч.

Въ заключеніи: надписи, рондо, сонетъ, дифирамбъ, анакростихъ, эпиграммы, мадригалы и прочія мелкія стихотворенія.

4. Рода стопосложенія, въ Россіи употребляемые, суть: дактиль, анапестъ, хорей и ямбъ».

Составленіе піитики оказалось гораздо труднѣе и сложнѣе,

чѣмъ предполагали; оно потребовало столько времени и предварительныхъ работъ, что Хвостовъ долженъ былъ, скрѣпя сердце, отказаться отъ непосильнаго предпріятія. Уѣзжая изъ Петербурга, онъ извѣстилъ академію, что, по случаю отъѣзда и многочисленныхъ занятій, онъ «не можетъ сочинить поэзіи на россійскомъ языкѣ». [311]).

Съ большими трудностями пришлось бороться Хвостову, по его собственнымъ словамъ, при выполненіи другой работы, предложенной ему академіею, именно при переводѣ «Путешествія Анахарсиса». Графъ Хвостовъ принялъ на себя перевести на русскій языкъ третью часть этого сочиненія. [312]).

Въ письмѣ къ президенту россійской академіи А. А. Нартову, участвовавшему въ переводѣ Путешествія Анахарсиса, графъ Хвостовъ говоритъ: [313]).

«Теперь обращаюся къ подвигу, для сердца моего тѣмъ любезнѣйшему, что онъ совершился подъ покровительствомъ и въ угодность вашу. Я говорю о переводѣ Анахарсиса, и долженъ признаться, что вы предложили трудъ, академіи достойный. Сочиненіе сіе современемъ помѣщено будетъ въ классическое, какъ по важности содержанія, такъ и по красотѣ слога; а трудъ вашего превосходительства и всей академіи заслужитъ благодарность россійской словесности и вниманіе престола. Я не говорю ничего о себѣ, ибо пріемлю за величайшую честь довѣренность вашего превосходительства и цѣлой академіи и то̀, что въ семъ знаменитомъ переводѣ я былъ сотрудникомъ мужей достойныхъ и просвѣщеныхъ. За долгъ почитаю увѣдомить васъ, что переводъ третьей части Анахарсиса, мнѣ порученный, конченъ; мною нынѣ снова прочитывается, и на бѣло отданъ переписывать. Начиная съ 26-й главы по 30-ю изволите получить не позже, какъ къ седьмому числу наступающаго мѣсяца; остальныя же главы непремѣнно доставлены будутъ въ академію точно въономъ же генварѣ мѣсяцѣ, ибо я ихъ отсылкою медлю единственно для того, чтобы еще однажды успѣть со вниманіемъ прочитать и сколько можно очистить; а притомъ думаю, что, когда

академія будетъ прочитывать сперва присланныя главы, то времени сего мнѣ весьма достаточно будетъ на сообщеніе прочихъ; ибо, снова повторяю, что весь третій томъ переведенъ и непремѣнно втеченіе генваря мѣсяца въ академію, съ оригиналомъ вмѣстѣ, будетъ доставленъ.

Главнѣйшее мое объясненіе состоитъ въ томъ, что хотя вообще все сочиненіе, яко заключающее въ себѣ удивительное глубокомысліе, краткость, и точность чрезмѣрную въ слогѣ, требовало особливаго прилежанія, вниманія и искусства, но вторая глава третьяго тома, а вообще всей книги 27-я, о музыкѣ, меня совершенно обезоружила, и я торжественно долженъ академіи признаться, что я ее перевести не въ состояніи. Она разсуждаетъ о части, мнѣ чуждой; наполнена выраженіями, мнѣ неизвѣстными, такъ что съ помощію словарей и особъ, въ музыкѣ искусныхъ, я тщетно три раза покушался положить оную на бумагу; однако, желая исполнить порученіе вашего превосходительства и академіи въ полной мѣрѣ, я надѣюся и ее представить вмѣстѣ съ другими въ генварѣ мѣсяцѣ. Не хочу быть вороною, щеголяющею павлиными перьями, и для того исповѣдую, что вышепомянутую главу нѣкто пріятель мой, молодой человѣкъ, искусный въ музыкѣ и россійскомъ языкѣ, графъ Григорій Сергѣевичъ Салтыковъ, обѣщалъ мнѣ ее вскорѣ перевести. Ежели паче чаянія и онъ не преодолѣетъ сего труда, о чемъ я непремѣнно въ половинѣ генваря мѣсяца васъ увѣдомлю, то уже тогда мнѣ не останется ничего, кромѣ того, чтобы просить ваше превосходительство о препорученіи перевода единственно сей главы достойнѣйшему меня.

Я старался всячески о исправности моего перевода, но удостовѣренъ, что совершенство ему придать только можетъ императорская россійская академія, удостоя внимательнымъ воззрѣніемъ, и истребитъ недостатки онаго. Предавая трудъ мой на вниманіе почтеннѣйшаго сего сословія, донесу, что я употреблялъ посильныя мои познанія на то̀, чтобы переводъ мой читателю показался сочиненіемъ, писаннымъ на россійскомъ языкѣ;

чтобы мысль сочинителя съ тою же силою и ясностію и тѣми-же или сходственными выраженіями была преложена въ переводѣ; и наконецъ, чтобы красоты слога сочинителева, блистающія въ подлинникѣ, безъ ослабленія были представлены. Почитая ясность главнѣйшимъ достоинствомъ вообще всякой книги, я тѣ обороты рѣчи, которые нашему языку несвойственны, переводилъ такимъ образомъ, чтобы они, не теряя достоинства своего, были ясны и вразумительны. Нигдѣ иностранныхъ словъ не употреблялъ, кромѣ самой необходимости, и то такихъ, кои принадлежатъ особенно до наукъ и приняты съ греческаго во всѣ нынѣ употребительные языки.

Прошу ваше превосходительство и академію великодушно простить недостатки моего перевода, но единственно обратить вниманіе на усердіе и ревность мою въ семъ случаѣ.

Впрочемъ съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію честь имѣю быть

вашего превосходительства,
милостиваго государя,
покорнѣйшій слуга
графъ Д. Хвостовъ.

Въ другомъ письмѣ къ Нартову графъ Хвостовъ объявляетъ себя врагомъ галлицизмовъ и требуетъ безпощаднаго изгнанія ихъ изъ своего перевода: [314]).

Милостивый государь мой Андрей Андреевичъ!

За долгъ и удовольствіе поставляю себѣ поздравить ваше превосходительство съ наступившимъ праздникомъ и новымъ годомъ, желая въ оный вамъ, яко любителю и ревнователю наукъ, всякаго блага и здоровья. У сего честь имѣю приложить переводъ съ третьяго тома Анахарсиса, главы 26, 28, 29, 30, 31, 32 и 33, но не въ видѣ подарка на праздникъ, ибо и самъ чувствую недостатки моего перевода: радуюся токмо, что хотя посильнымъ трудомъ, но исполнилъ желаніе вашего превосходи-

тельства и всей академіи. Прошу великодушно простить погрѣшности, а ежели переводъ мой угоденъ вамъ будетъ, то почту сіе за счастіе.

Я пеняю самъ себѣ за то̀, что медлилъ приступать по сіе время къ переводу, потому что имѣлъ бы болѣе времени очистить оный. Вамъ извѣстно, что Вожеласъ десять лѣтъ трудился надъ Квинтомъ-Курціемъ. Я не для того сіе упоминаю, чтобы имѣть дерзость уподобиться сему знаменитому переводчику, но потому, что во всякомъ переводѣ могутъ случиться мелкія неисправности, кои столько же мудрено при одномъ, или двухъ, прочтеніи самому примѣтить, сколько ихъ легко поправить. Я предварительно удостовѣренъ въ достоинствѣ Анахарсиса въ переводѣ, то-есть тогда, когда предастся тисненію, ибо прежде того впечатлѣетъ ему совершенство мудрое и внимательное россійской академіи сужденіе. Я съ своей стороны сожалѣю токмо о томъ трудѣ, который академія будетъ имѣть надъ моимъ переводомъ по причинѣ недостатковъ онаго, почему и прошу всепокорнѣйше сдѣлать мнѣ милость и совершенное одолженіе прилежнымъ разсмотрѣніемъ и исправленіемъ третьяго тома Анахарсиса.

Я врагъ непримиримый галесизмовъ, коихъ знаю, что и ваше превосходительство не жалуете, равно какъ и *исказителей языка*. Я боюся того, что не примѣтно ли иногда, а паче въ началѣ перевода моего, что я держался, какъ младенецъ, за полу моего подлинника. Въ минуту перевода, когда мысли устремлены на періоды сочинителя и заняты пріисканіемъ равносильныхъ словъ, сіе легко случиться можетъ и почти необходимо бываетъ, но при издаваніи въ свѣтъ перевода оное есть порокъ непростительный. Ежели остался въ моемъ переводѣ таковые несвойственные отечественному языку обороты или излишне употребленныя мѣстоименія, то, по причинѣ скорости, съ которою я переводъ прочитывалъ, спѣша оный доставить вамъ, и прошу, какъ отецъ, всѣхъ сихъ пришлецовъ предать строжайшему суду и наконецъ изгнанію.

Простите непомѣрной длинѣ письма моего. Оно свидѣтельствуетъ, сколько пріятно мнѣ бесѣдовать съ вами.

Остальныя главы въ переводѣ и подлинникѣ отправлю чрезъ недѣлю или полторы отъ сего времени, и тогда рѣшительно увѣдомлю о 28-й главѣ. Хочется мнѣ, чтобы она мною вамъ доставлена была. Прошу о полученіи сего удостоить увѣдомленіемъ.

Пріемля за особливую честь волю академіи о присылкѣ моего портрета, извѣщаю, что оный доставлю съ его высокопр. Сергѣемъ Петр. Хитрово, который отправляется отселѣ седьмое января.

Впрочемъ съ истиннымъ почтеніемъ есмь и буду

вашего превосходительства,

милостиваго государя моего,

покорнѣйшій слуга

Г. Дмитрій Хвостовъ.

Вскорѣ по вступленіи на престолъ императора Александра I, Д. И. Хвостовъ, по предложенію президента академіи, «принялъ на себя трудъ собирать высочайшіе указы и учрежденія, каковые уже изданы и впредь издаваемы будутъ, изъ коихъ сочинивъ исторію мудрыхъ и блаженство Россіи устраивающихъ дѣяній милосердаго государя Александра I, представить оную, по прошествіи года, въ академію на разсмотрѣніе» [315]).

Въ видахъ обогащенія русской литературы произведеніемъ, которое признавалось въ тѣ времена классическимъ и должно было служить руководствомъ для писателей и критиковъ, графъ Хвостовъ перевелъ стихами L'art poétique Буало, и представилъ свой переводъ на разсмотрѣніе академіи, заранѣе обѣщая исправить его по сдѣланнымъ академіею замѣчаніямъ [316]). Академія зло подшутила надъ неисправимымъ метроманомъ: вмѣсто всякихъ замѣчаній и совѣтовъ, она указала на стихи, въ которыхъ осмѣивается *риѳмолюбіе*. Вотъ собственное свидѣтельство графа Хвостова: «Я, переведя въ Москвѣ L'art poétique de Boileau,

посылалъ его въ россійскую академію на пересмотръ, коя, не уважа усердія моего къ словесности, оставляла безъ всякихъ замѣчаній; но наконецъ, по пріѣздѣ моемъ въ сію столицу, сказала мнѣ, что переводъ нехорошъ и притомъ въ образецъ дала стихи:

Нелѣпы дерзкаго писателя мечты,
Хотящаго достичь Парнаса высоты,
Коль неба тайныхъ онъ не чувствуетъ вліяній,
Коль нѣтъ поэта въ немъ природныхъ дарованій.
Вы, кои страстію опасною томитесь,
Ума высокаго во тщетный путь стремитесь,
Не истощайте свой въ стихахъ безплодно жаръ,
И риѳмолюбіе не чтите вы за даръ.
Не льститеся забавъ приманками пустыми,
Совѣтуйтесь съ умомъ и силами своими....

Критическіе пріемы графа Хвостова видны изъ отзыва его о рѣчи Богдановича, подъ заглавіемъ: *О достоинствѣ вообще словесности и о произведеніи словъ россійскихъ.* Графъ Хвостовъ пишетъ А. А. Нартову: [317]).

Милостивый государь мой
Андрей Андреевичъ!

Я, прочитавъ рѣчь *о достоинствѣ вообще словесности и о произведеніи словъ россійскихъ*, долгомъ моимъ поставляю, возвращая оную, сообщить вашему превосходительству безъ всякаго обиновенія *краткое замѣчаніе* мое, заключающееся въ томъ, что она писана неяснымъ и темнымъ слогомъ; не достигла до краткости и красоты славянскаго нарѣчія, а притомъ совсѣмъ не имѣетъ плавности, чистоты и пріятности, которыя сіяютъ во многихъ россійскихъ писателяхъ. Она совсѣмъ неуподобительна не только словамъ г-на Ломоносова, но даже и другихъ искусныхъ витій.

Что же касается до мыслей, то всѣ, въ оной рѣчи находя-

щіяся, суть мысли общія, всѣмъ извѣстныя, и почасту безъ всякой красоты и искусства предлагаемы. Не отрицая того, что понятія вообще одни и что весьма трудно, чтобы не сказать, что невозможно, создать новыхъ понятій по прошествіи толикихъ вѣковъ просвѣщенія; но неоспоримо и то̀, что каждый риторъ и пѣснопѣвецъ, обильными дарованіями исполненный, имѣетъ искусство давно извѣстнымъ понятіямъ придать свойство, силу и красоты приличныя, которыя до него присвоены имъ не бывали, и тѣмъ какъ будто усыновляя ихъ себѣ, представляетъ понятія извѣстныя новыми и ему только собственными.

Впрочемъ съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію честь имѣю быть

вашего превосходительства,
милостиваго государя моего,
покорнѣйшій слуга
графъ Дмитрій Хвостовъ.

Краткое замѣчаніе.

Даетъ сущность многихъ надеждъ радовательному совершенію. Здѣсь нужно знать, что такое *сущность*? Ежели она есть то̀, чѣмъ одна вещь отъ другой отличается, слѣдуетъ, что здѣсь одинъ только наборъ словъ, безъ всякой пристойности; а вмѣсто *радовательному* не худо сказать можно было *радостному*, или успѣшному и благополучному.

Не много доказательства, что *напоминовеніе истины не скучитъ потому только, что она есть непреложная истина.*

Еслибы языки рождались въ вѣкахъ зрѣлаго человѣческаго познанія, любители словесности почтились бы слѣдовать въ томъ благоустройному въ природѣ вещей согласію. Изъ чего заключить можно, что любители словесности, по словамъ г-на сочинителя, не слѣдуютъ законамъ природы, и деспотическій инстинктъ безсловесныхъ преимущественнѣе.

Подражательные гласы, также *нужныя орудія* даны *къ образованію словъ многоразличныхъ*. На сіе нужно поясненіе.

Словесность получила верховную силу надъ всѣми человѣческими способностями. Изъ сего происходитъ тò, что словесность превосходитъ чувствованія и внутренняя побужденія, а мнѣ кажется, суть оныя причина.

Словеснымъ даромъ мы безконечно ущедрены. Но выше сего сказано, что благодарность превосходитъ изреченіе.

Усовершить ли наши дарованія и опредѣлить ихъ цѣли? Къ тому не инако достигаетъ, какъ чрезъ слово, доставляющее намъ правыя о вещахъ понятія и сихъ понятій соображенія. Здѣсь душевныя способности должны уступить мѣсто свое и отдать преимущество своему произведенію.

Союзить, рѣчь.

Не слову ли повинуются воинства? Словесность, услаждающая горести въ жизни нашей и умягчающая дикіе нравы, при многихъ другихъ благодѣяніяхъ, болѣе уже не получитъ похвалы оттого, что войско по взаимному условію повинуется гласу начальника, а притомъ воинства по большей части повинуются барабану. Спаситель говоритъ, и я напоминаю г-ну сочинителю: слово убиваетъ, а духъ животворитъ.

Словомъ небеса создашася и проч. Въ семъ случаѣ ни мало не разумѣется тò, чтобы міръ создать Богу требовалось слово.

Кто бы могъ не чувствовать, что мы словомъ познаемъ и себя, и насъ окружающее? Дикіе народы не лишены также словесности, но словесность имъ ни того, ни другаго не сообщаетъ, и они слѣдуютъ тому, чтò льститъ ихъ чувствамъ.

Словесность содѣлывается нѣкакою болѣзнію разума. Слово — орудіе, а г-нъ сочинитель всегда его полагаетъ причиною.

Нѣмства человѣческагò. Мнѣ кажется, чище и простѣе: *нѣмоты человѣческой.*

Доблесть вообще употребляется нынѣ вмѣсто *добродѣтели* всѣми знаменитыми писателями, такъ что подъ симъ изреченіемъ и не грамотеи разумѣютъ тò, чтò называется virtus или vertu.

По мнѣнію графа Хвостова, не увѣнчались полнымъ успѣхомъ усилія русскихъ переводчиковъ передать неподражаемыя кра-

соты Генріады. Мнѣніе свое онъ излагаетъ, весьма кратко, въ письмѣ къ А. А. Нартову: [318]).

Милостивый государь мой
Андрей Андреевичъ!

Препровождая при семъ къ вашему превосходительству переводъ первой пѣсни *Генріады*, порученный мнѣ отъ императорской россійской академіи на разсмотрѣніе, имѣю честь сообщить, что я читалъ два перевода Генріады Вольтеровой; но безпристрастно заключаю, что сей превосходитъ предъ обоими ясностію предложенія мыслей и чистотою слова; почему надѣяться можно, что сей трудъ переводчика по времени, по большемъ упражненіи въ стихотворствѣ, достигнетъ совершенства. Нынѣ же утвердительно заключить можно, что высокаго стихотворческаго духа Вольтерова переводчикъ, мало обращаяся въ чтеніи и размышленіи о искусствѣ музъ, въ прочитанной мною пѣснѣ не показалъ; и хотя есть прекраснѣйшіе стихи, но, уподобительно подлиннику, изображаютъ одно только слабое подражаніе, и какъ бы влачатся слабою ногою за полетомъ орла, парящаго по воздуху.

Впрочемъ переводъ первой пѣсни открываетъ дарованія переводчика, обѣщающія въ немъ не посредственнаго стихотворца.

Что жъ касается до особенныхъ мною въ семъ переводѣ замѣчаній, то потому объ оныхъ здѣсь умалчиваю, что они довольно маловажны и не потемняютъ славы трудившагося въ ономъ.

Съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію честь имѣю быть
вашего превосходительства,
милостиваго государя моего,
покорнѣйшій слуга
графъ Дмитрій Хвостовъ.

Охотно принимая на себя роль литературнаго критика и считая себя въ правѣ судить и рядить о художественныхъ достоинствахъ произведеній, т. е., собственно говоря, о красотѣ слога, графъ Хвостовъ рѣшительно уклонялся отъ обсужденія чисто-

филологическихъ вопросовъ. Возвращая *безъ всякихъ замѣчаній* опытный листокъ словопроизводнаго словаря, графъ Хвостовъ говоритъ: «Я, можетъ быть, кузнецъ, который болѣе или менѣе мастеръ ковать изъ приготовленнаго матеріала, но разсуждать объ ономъ и толковать учительски о моемъ ремеслѣ я не въ состояніи. *Я люблю и стараюсь знать свой языкъ*, но повторю, что *я не филологъ*, и заключу, что словопроизводный словарь есть подвигъ, достойный россійской академіи. Я увѣренъ, что онъ основанъ будетъ на выводахъ и доказательствахъ ясныхъ, а *не на гаданіяхъ»* [319]). Въ послѣднихъ словахъ — весьма прозрачный намекъ на гадательное, если можно такъ выразиться, направленіе, господствовавшее тогда въ академической сравнительной филологіи.

Графъ Хвостовъ весьма усердно предлагалъ свои вклады и для академическихъ изданій, и для академической библіотеки.

Онъ принесъ въ даръ академіи *девятьсотъ* экземпляровъ переведенной имъ трагедіи: *Андромаха*, напечатанной при академіи наукъ [320]). Болѣе цѣнный подарокъ заключался въ присланномъ въ россійскую академію журналѣ: «Другъ просвѣщенія», издателемъ котораго былъ графъ Хвостовъ [321]), и т. д.

Повременныя изданія, предпринимаемыя россійскою академіею, графъ Хвостовъ съ излишнею щедростью снабжалъ своими произведеніями. Въ одинъ разъ онъ представилъ болѣе пятидесяти мелкихъ стихотвореній: надписей, эпитафій, эпиграммъ и пр.; но «собраніе, *по выслушаніи сихъ стихотвореній*, кромѣ притчи: *Два льва и оселъ*, помѣщать въ періодическія изданія не разсудило» тѣмъ болѣе, что значительнѣйшая часть ихъ напечатана уже въ другихъ журналахъ [322]).

Для академическихъ же изданій графъ Хвостовъ сообщилъ свои «возраженія на формы нѣмецкихъ трагедій и сочиненіе Шиллера о страстномъ» — Ueber das pathetische. Посылая ихъ непремѣнному секретарю россійской академіи, графъ Хвостовъ писалъ: [323]).

Милостивый государь мой
Петръ Ивановичъ,

Соображаясь съ послѣднимъ предложеніемъ г. президента россійской академіи о доставленіи къ вашему превосходительству сочиненій и переводовъ гг. членовъ академіи, кои пожелаютъ печатать ихъ въ повременномъ нашемъ изданіи, я имѣю честь препроводить къ вашему превосходительству сверхъ нѣкоторыхъ уже доставленныхъ, въ стихахъ и прозѣ, прозаическое мое у сего сочиненіе къ г-ну Бриммеру, служащему офицеромъ и учителемъ въ новомъ Павловскомъ кадетскомъ корпусѣ. Сіе мое замѣчаніе заключаетъ въ себѣ нѣкоторыя возраженія на формы нѣмецкихъ трагедій, и сочиненіе *о страстномъ г. Шиллера. Содержаніе сего отрывка, особливо въ нынѣшнее время, заслуживаетъ, какъ мнѣ кажется, вниманія.* Я васъ прошу, записавъ оное, по обычаю, въ журналъ, представить, когда заблагоразсудите, для прочтенія россійской академіи, и если удостоено будетъ, на основаніи предложенія, одобренія гг. членовъ, то, въ истинное одолженіе мнѣ, прошу покорно назначить оное къ напечатанію, въ которой части или томѣ угодно предпріемлемаго академическаго изданія. Я, съ своей стороны, дополнить имѣю, что сіе сочиненіе никогда нигдѣ напечатано не было, и только по чтенію извѣстно малому числу моихъ пріятелей.

Впрочемъ съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностію пребыть честь имѣю

вашего превосходительства,
милостиваго государя моего,
покорнѣйшій слуга
графъ Хвостовъ.

Желая украсить залъ академическихъ собраній портретами замѣчательныхъ нашихъ писателей, графъ Хвостовъ принесъ въ даръ академіи портреты: Ломоносова, князя Кантемира, А. В. Олсуфьева; прислалъ сто рублей для снятія копій съ портретовъ: И. П. Елагина, Вас. Никит. Татищева, митрополита Самуила, и

еще сто рублей—для снятія копій съ портретовъ бывшихъ членовъ россійской академіи или другихъ лицъ, прославившихся въ русской литературѣ, и т. д. [324]).

Въ числѣ портретовъ, представленныхъ графомъ Хвостовымъ въ академію, находился и его собственный портретъ, и представляя его, графъ Хвостовъ читалъ въ собраніи стихи свои къ живописцу, писавшему этотъ портретъ [325]).

Графъ Хвостовъ былъ большой любитель торжественныхъ собраній и торжественныхъ рѣчей. Онъ предлагалъ, чтобы члены россійской академіи, при вступленіи своемъ въ академію, произносили рѣчи, несмотря на насмѣшки Вольтера надъ этимъ обычаемъ, укоренившимся во французской академіи [326]).

Но заботясь объ устройствѣ академическихъ празднествъ, графъ Хвостовъ желалъ придать имъ болѣе серьезное значеніе. Онъ доказывалъ, напримѣръ, что надо праздновать пятидесятилѣтній юбилей россійской академіи, и существеннымъ условіемъ считалъ приготовленіе къ этому дню хотя бы краткаго *извѣстія о жизни и трудахъ умершихъ членовъ россійской академіи* [327]).

Свѣдѣнія о первыхъ членахъ россійской академіи собираемы были графомъ Хвостовымъ. Онъ сообщилъ въ академію составленное имъ краткое описаніе жизни и сочиненій членовъ россійской академіи: Иннокентія, епископа воронежскаго; Самуила, митрополита кіевскаго; Гавріила, митрополита новгородскаго; Иннокентія, архіепископа псковскаго; Дамаскина, епископа нижегородскаго; Аполлоса, епископа архангельскаго; Амвросія, архіепископа екатеринославскаго, — и обѣщалъ доставить также свѣдѣнія объ умершихъ свѣтскихъ членахъ россійской академіи [328]).

А. С. ШИШКОВЪ.

Сношенія А. С. Шишкова съ россійскою академіею начались почти со времени ея учрежденія. «Академія — пишетъ Шиш-

ковъ — еще во время предсѣдательства княгини Дашковой выпросила у меня, отчасти переведенную съ нѣмецкаго языка, отчасти сочиненную мною, въ двухъ томахъ, книгу подъ названіемъ *Дѣтской библіотеки*; напечатала ее, и послѣ многими изданіями продолжала печатать, пользуясь моими трудами, безъ всякаго мнѣ за нихъ воздаянія» и т. д. [329]).

Въ члены россійской академіи Шишковъ предложенъ былъ управляющимъ академіею Павломъ Петровичемъ Бакунинымъ. Въ собраніи 16 декабря 1796 года, графъ Д. И. Хвостовъ предложилъ въ члены академіи Юрія Александровича Нелединскаго-Мелецкаго, а Бакунинъ — «полковника Александра Семеновича Шишкова: собраніе, пріемля въ уваженіе похвальные опыты въ россійскомъ словѣ того и другаго, избрало ихъ своими сочленами по общему согласію, безъ балотированія». [330]).

Дѣятельное участіе Шишкова въ трудахъ и предпріятіяхъ россійской академіи начинается со времени ея возстановленія при императорѣ Александрѣ I. На первыхъ же порахъ своей дѣятельности Шишковъ завоевалъ себѣ выдающееся положеніе и преобладающее вліяніе въ средѣ своихъ сочленовъ, особенно же тѣхъ изъ нихъ, которые всего усерднѣе посѣщали академію и неуклонно участвовали въ ея работахъ. Вліяніе Шишкова сдѣлалось не только господствующимъ, но не рѣдко и подавляющимъ, съ тѣхъ поръ, какъ онъ назначенъ президентомъ россійской академіи. Онъ сталъ полновластнымъ распорядителемъ судебъ академіи и могъ бы совершенно справедливо сказать: «россійская академія, это — я».

Втеченіе почти сорока лѣтъ, до самой смерти своей, Шишковъ принималъ непосредственное и постоянное участіе въ академической жизни и дѣятельности. Въ собраніяхъ россійской академіи читались его сочиненія; трудами его наполнялись академическія изданія; въ его рукахъ находился и выборъ членовъ и выборъ предметовъ для разработки ихъ совокупными силами.

По желанію Шишкова, разсужденіе его «о старомъ и новомъ слогѣ россійскаго языка» читалось въ академическихъ за-

сѣданіяхъ, цѣлый рядъ которыхъ посвященъ былъ этому чтенію [331]). Сочлены Шишкова съ большимъ вниманіемъ и сочувствіемъ относились къ его труду. Желалъ бы я, — пишетъ Румовскій — чтобы нынѣшніе писатели удостоили сіе разсужденіе безпристрастнаго чтенія. Но сколько писатели стараго вѣка, читая, найдутъ въ немъ пріятнаго, столько новые — противнаго. Къ несчастію языка нашего, зараза выдумывать и ковать новыя слова нынѣ такъ распространилась, что въ семъ единомъ многіе полагаютъ свое достоинство и красоту языка россійскаго, и стремленію сему положить преграду толь трудно, какъ рѣкѣ, изъ береговъ своихъ выступающей. Я думаю, что сіе своевольство, которымъ новые писатели гордятся, со временемъ въ стыдъ имъ обратится, и есть причина вѣрить, что россійская академія будетъ первою виновницею сея перемѣны». [332]).

Шишковъ представилъ въ академію свои рукописныя замѣчанія и объясненія на Слово о полку Игоревѣ, изданное въ Москвѣ въ 1800 году съ переводомъ; академія постановила читать трудъ Шишкова въ академическихъ засѣданіяхъ и помѣстить его въ предпринятомъ россійскою академіею повременномъ изданіи. По прочтеніи всѣхъ замѣчаній и объясненій, представленныхъ Шишковымъ, и отдавая должную справедливость ихъ автору, труды котораго содѣйствуютъ исправленію вкуса и слога молодыхъ писателей и открываютъ путь къ уразумѣнію богатства, красоты, силы и другихъ достоинствъ славянорусскаго языка, собраніе присудило Шишкову золотую медаль, назначаемую въ награду писателямъ, приносящимъ пользу россійскому слову. [333]).

Въ академическихъ собраніяхъ читаны были сочиненія Шишкова: О звукоподражаніи; Опытъ славенскаго словаря, или объясненіе силы и знаменованія коренныхъ и производныхъ словъ, по недовольному истолкованію оныхъ малоизвѣстныхъ и потому малоупотребительныхъ; Разговоръ между двумя пріятелями о переводѣ словъ съ одного языка на другой и т. д. [334]).

Все это выслушивалось съ почтительнымъ вниманіемъ, и

только изрѣдка дѣлались небольшія замѣчанія и возраженія, да и тѣ встрѣчали сильный отпоръ. Вопреки принятому въ академію обычаю, Шишковъ не подчинялся приговору своихъ судей, и самымъ упорнымъ образомъ отстаивалъ каждую написанную имъ строку, не допуская ни малѣйшаго посягательства на свои авторскія права. Любопытно въ этомъ отношеніи письмо Шишкова къ непремѣнному секретарю россійской академіи П. И. Соколову: [335]).

Милостивый государь мой, Петръ Ивановичъ!

Прежде сего, по поводу различныхъ присылаемыхъ ко мнѣ примѣчаній, письмомъ моимъ просилъ я васъ, чтобъ въ издаваемомъ мною толкованіи на Слово о полку Игоревѣ ничего безъ согласія моего не перемѣнять; но, не взирая на сію просьбу, къ крайнему удивленію моему увидѣлъ я, что къ напечатанію отданъ не тотъ листокъ, который я подписалъ, но другой, мною не подписанный, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, противъ вѣдома и воли моей, переправленный, а именно: у меня (стран. 80) сказано было: *«не взирая на то, что слогъ онаго уже во многихъ мѣстахъ почти непроницаемымъ покрытъ для насъ мракомъ, сіяетъ однакожъ великими красотами»*. Переправлено же: «не взирая на тò, что слогъ онаго уже во многихъ мѣстахъ почти непроницаемымъ покрытъ для насъ мракомъ, *однакожъ сквозь оный сіяютъ великія красоты»*. Не мѣсто мнѣ входить здѣсь въ опроверженіе подобныхъ поправокъ, а скажу только, что хотѣть сочинителя, поставившаго при сочиненіи имя свое, принудить, чтобъ онъ говорилъ не по собственнымъ своимъ, но по чужимъ понятіямъ, есть дѣло и невозможное, и неслыханное. Я съ благодарностію пріемлю дѣлаемыя мнѣ примѣчанія, но прошу свободы пользоваться изъ оныхъ токмо тѣми, которыя мнѣ покажутся справедливыми. Ибо неволя въ семъ случаѣ не можетъ имѣть мѣста; и какъ я не оскорбляюсь тѣмъ, кто меня поправляетъ, такъ, надѣюсь, и мною не оскорбится тотъ, чьими поправленіями я не воспользуюсь. Ибо не токмо въ словесности, но даже и въ самой вѣрѣ повелѣ-

вается убѣждать, а не приневоливать. Впрочемъ, ежели кто за непринятіе совѣтовъ его будетъ на меня сѣтовать, то можетъ, по напечатаніи толкованія моего, прислать ко мнѣ свои на оное примѣчанія, которыхъ я, съ приложеніемъ на каждое изъ нихъ моего мнѣнія, тутъ же припечатать не отрекусь, съ тѣмъ только, чтобъ сіи примѣчанія не отъ неизвѣстнаго лица присланы были. Различность мнѣній всегда была полезна для словесности, потому что въ подобныхъ случаяхъ истина той или другой стороны лучше открывается и яснѣе видима бываетъ. Наконецъ я повторяю мою просьбу, чтобъ меня въ издаваніи моихъ сочиненій не останавливать, и печатать ихъ такъ, какъ они отъ меня подписаны будутъ. Если же сія моя просьба не будетъ принята, то прошу меня о томъ увѣдомить, дабы я могъ приступить къ напечатанію сочиненій моихъ особо, не въ изданіяхъ академическихъ.. Ибо я радъ, готовъ, и крайне усердствую приносить академіи посильныя мои услуги; но тамъ, гдѣ имя мое поставлено, да позволено мнѣ будетъ свой умъ имѣть, и самому за себя отвѣчать.

Пребываю съ истиннымъ почитаніемъ вашъ, милостиваго государя моего,

покорный слуга
Александръ Шишковъ.

P. S. Прошу не замедлить отвѣтомъ, дабы я по оному могъ расположиться и принять свои мѣры. Академія можетъ и безъ меня выдавать свои сочиненія. —

Еще во время предсѣдательства Нартова, Шишковъ избранъ былъ въ члены комитета для основанія и веденія повременнаго изданія россійской академіи. Написанное Шишковымъ «предувѣдомленіе» читано было въ собраніи академіи, одобрено имъ, и послужило программою для академическихъ изданій вообще. Въ этомъ заключается его главное значеніе:

«Изъ великаго множества прежде и нынѣ издаваемыхъ у насъ сочиненій мало такихъ, которыя бы откровеніемъ свойственныхъ языку нашему красотъ приносили существенную сло-

весности пользу. Отъ недостатка оныхъ молодые люди, въ которыхъ горитъ похвальная охота упражняться въ россійскомъ словѣ, не имѣютъ надежныхъ путеводителей, съ которыми бы они бесѣдовать и природное дарованіе свое искуствомъ укрѣплять могли. Для отвращенія, сколько возможно, сего толико важнаго недостатка, россійская академія положила ежегодно, или какъ успѣвать будетъ, издавать такого рода сочиненія, въ которыхъ бы основательными толкованіями и сужденіями объ языкѣ показываемы были коренныя силы его и красоты. Книга сія не назначается быть устроеннымъ и въ порядокъ приведеннымъ ученіемъ, или полнымъ и непрерывнымъ прохожденіемъ россійской словесности, но токмо собраніемъ и хранилищемъ всего, что, хотя и особыми, или порознь сочиняющимися, но достойными сохраненія статьями сказано о томъ будетъ. Посему всякъ, любящій отечественный языкъ свой, можетъ присылать сужденія свои объ ономъ, также и другія полезныя сочиненія, для помѣщенія ихъ въ семъ изданіи. Наипаче же академія желаетъ, чтобъ красоты славенскаго языка и знаменованія мало или совсѣмъ неупотребительныхъ нынѣ словъ и реченій въ подробности разсматриваемы были. Сіе почитаетъ она нужнымъ, первое, потому, что сила и богатство россійскаго языка заимствуется отъ славенскаго: чрезъ распространеніе познаній въ немъ пріобрѣтается искуство слова, изощряются способности писателя, даруется ему очищенная отъ чужеязычія важность рѣчи, и ложныя объ языкѣ умствованія и понятія при блескѣ сего лучезарнаго свѣтильника мгновенно исчезаютъ. Второе, что съ истолкованіемъ мало извѣстныхъ словъ открывается ихъ знаменованіе, какъ въ настоящемъ, такъ и въ иносказательномъ смыслѣ, откуда часто рождается краткость, сила и красота выраженій. Наконецъ весьма не худо, если бъ и тѣ самыя слова, которыя нынѣ совсѣмъ уже намъ неизвѣстны, отыскиваемы и объясняемы были. Ибо хотя бъ оныя и не могли служить къ употребленію въ нынѣшнемъ нашемъ языкѣ, но нужно знать ихъ для чтенія старинныхъ книгъ и рукописей. Часто одно такое слово, въ какомъ-нибудь древ-

немъ лѣтописцѣ сказанное, откроетъ намъ цѣлую мысль, которую бы мы, безъ знанія сего слова, можетъ быть, совсѣмъ иначе поняли, и ложнымъ толкованіемъ своимъ затмили бы истину. Также за полезное признается разсматриваніе прежнихъ и вновь издающихся книгъ, не всѣхъ, но которыя подадутъ поводъ къ какому-либо достойному сохраненія объ нихъ толкованію или примѣчанію, и то съ таковымъ желаніемъ, чтобъ больше красоты, нежели погрѣшности оныхъ обнаруживаемы были. Ибо хотя для словесности какъ то̀, такъ и другое полезно; однакожъ слабости и недостатки легче показать можно, нежели силу и богатство языка. Англинскій стихотворецъ Driden весьма справедливо сказалъ:

Errors, like straws, upon the surface flow,
He who would search for pearls, must dive below.

То есть: *погрѣшности подобны соломѣ, поверхъ воды плавающей; но кто хочетъ доставать жемчугъ, тому должно нырять на дно.* Впрочемъ, дабы книга сія не одними объ языкѣ сужденіями наполнена была, то полагается въ началѣ оной при каждой части помѣщать извѣстія о учрежденіи и упражненіяхъ императорской россійской академіи. Потомъ помѣщаемы будутъ и другія, приличныя таковому изданію, сочиненія и переводы» [336]).

Положивъ основаніе повременной академической литературѣ, Шишковъ вносилъ въ нее обильные, неисчерпаемые вклады; повременныя изданія академіи переполнены статьями Шишкова, и ими только и поддерживалось самое существованіе этихъ изданій.

Первая часть перваго по времени академическаго изданія, выходившаго подъ названіемъ «Сочиненій и переводовъ россійской академіи», состоитъ почти вся изъ трудовъ Шишкова. За исключеніемъ извѣстія о торжествѣ открытія академіи, заимствованнаго изъ записокъ засѣданій россійской академіи, и стихотворенія Карабанова, все остальное принадлежитъ Шишкову, а именно:

Предувѣдомленіе.

Примѣчаніе на древнее сочиненіе, называемое «Ироическая пѣснь о походѣ на половцевъ или Слово о полку Игоревомъ».

О звукоподражаніи.

Разсмотрѣніе рѣчи архіепископа Георгія (Конисскаго): «Оставимъ астрономамъ доказывать» и пр.

Въ слѣдующихъ частяхъ Сочиненій и переводовъ помѣщены статьи Шишкова:

Разсужденіе о краснорѣчіи св. писанія.

Разговоръ между двумя пріятелями о переводѣ словъ съ одного языка на другой, и т. д.

За «Сочиненіями и переводами издаваемыми, россійскою академіею» (1805 — 1813) послѣдовали, во время президенства Шишкова: Извѣстія россійской академіи (1815 — 1828); Повременное изданіе россійской академіи (1829 — 1832); Краткія записки россійской академіи (1834 — 1835).

Въ Извѣстіяхъ россійской академіи появились слѣдующіе труды Шишкова:

Опытъ славенскаго словаря.

Изслѣдованіе корней, съ объясненіями деревьевъ словъ.

О словопроизводствѣ.

Рукопись кралодворская, собраніе лирико-эпическихъ народныхъ пѣснопѣній—подлинникъ, переводъ и примѣчанія.

О нѣкоторой древней рукописи, т. е. о Судѣ Любуши, и т. д.

Главную цѣль изданія «Извѣстій» самъ Шишковъ объясняетъ слѣдующимъ образомъ. «Россійская академія — говоритъ онъ — издаваніемъ въ свѣтъ Академическихъ Извѣстій, кажется, исполняетъ первѣйшую и прямую должность свою, ибо въ нихъ разсуждается о томъ, что ведетъ къ познанію ума человѣческаго, родившаго языкъ и распространившагося отъ языка. Разсмотрѣніе корней словъ есть единственный къ сему ключъ, отпирающій двери ко всѣмъ справедливымъ умствованіямъ о правилахъ языка и краснорѣчія, которыя безъ того всегда покрыты темнотою и подвержены ошибкамъ и пустымъ преніямъ... Я увѣренъ, что, при малѣйшемъ на тò обращеніи ума и трудолюбія,

языкъ нашъ, древній, богатый, великое число нарѣчій породившій, озаритъ насъ толь великимъ свѣтомъ, что мы въ семъ, для другихъ мрачномъ, лабиринтѣ, будемъ ходить какъ бы при солнечномъ сіяніи. Съ симъ-то намѣреніемъ россійская академія начала издавать свои *Извѣстія.* Да найдутъ они читателей и посѣютъ въ юные умы сѣмена будущаго сей общеполезной науки прозябенія»[337])!

Въ Повременномъ изданіи россійской академіи Шишковъ помѣстилъ, съ объяснительными примѣчаніями:

Собранія языковъ и нарѣчій (на основаніи сравнительнаго словаря Екатерины II).

Краткое начертаніе о письменахъ славянскихъ, Соларича — переводъ съ итальянскаго.

О сходствѣ языка древнихъ народовъ Малой Азіи съ языкомъ древнихъ и новыхъ народовъ ѳракійскихъ и иллирійскихъ, соч. Аппендини — также переводъ съ итальянскаго.

Переводъ Моравской пѣсни.

Асанова супруга—пѣсня, переведенная съ морлахскаго языка на французскій, а съ французскаго на русскій прозою, и т. д.

Въ Краткихъ запискахъ, издаваемыхъ россійскою академіею, статьи Шишкова:

Разговоры между старикомъ и юношею о русскомъ языкѣ, краснорѣчіи, стихотворствѣ и вообще о словесности.

О различіи между академикомъ и писателемъ.

Нѣчто о пересудѣ или разборѣ сочиненій называемомъ критикою.

Нѣчто о правописаніи, и два письма о романтической словесности — переводъ съ французскаго.

Противоположность романтизму—переводъ изъ Bibliothèque universelle des sciences, belles-lettres et arts, и др.

Россійская академія неоднократно и различнымъ образомъ выражала Шишкову свою признательность за его примѣрное сотрудничество въ академическихъ изданіяхъ. За постоянное и особенное участіе Шишкова въ *Сочиненіяхъ и переводахъ* акаде-

мія положила выдавать ему, по мѣрѣ выхода, по восемнадцати экземпляровъ каждой книжки этого изданія [333]). За труды Шишкова по части «россійскаго слова», и въ томъ числѣ за послѣдній *трудъ его — Извѣстія россійской академіи*, присуждена ему почетнѣйшая изъ наградъ — золотая медаль [339]). Шишковъ не считалъ себя въ правѣ отказаться отъ этой награды, такъ какъ она присуждена за изслѣдованіе свойствъ нашего отечественнаго языка — самаго обширнаго изъ всѣхъ, которыми когда-либо говорили народы. Принимая ее, какъ драгоцѣнный даръ, Шишковъ выражаетъ желаніе, чтобы академія дѣйствовала единодушно и чтобы въ нѣдра ея не проникли ереси и расколы, изъ которыхъ всего опаснѣе: самолюбіе, невѣжество и пристрастіе къ чужеязычію подъ видомъ любви къ родному языку [340]).

И въ званіи члена, и въ званіи президента, Шишковъ съ особеннымъ усердіемъ трудился на пользу академіи, будучи вполнѣ увѣренъ, что руководимая имъ академія сослужитъ добрую службу отечественному языку и словесности. Укоры, падавшіе на академію за ея бездѣйствіе, никакимъ образомъ не могли относиться къ Шишкову, который, по отзыву современниковъ, работалъ одинъ за всѣхъ. Принимая дѣятельное участіе въ академическихъ совѣщаніяхъ и преніяхъ, онъ говорилъ тономъ рѣшительнымъ, недопускающимъ возраженій. На всякій вопросъ, возбуждаемый въ академіи, у Шишкова готовъ былъ точный, подкрѣпленный доказательствами, по его мнѣнію убѣдительными, отвѣтъ въ родѣ слѣдующаго: [341]).

Въ россійскую академію

Отъ члена оной вице-адмирала Шишкова.

Россійская академія благоволила прислать ко мнѣ вопросъ: удерживать ли въ словахъ, составленныхъ изъ предлоговъ *воз*, *раз*, *из*, для сохраненія словопроизводства, букву *з*, или предъ нѣкоторыми извѣстными буквами, согласуясь съ произношеніемъ, измѣнять оную на букву *с*?

На сей вопросъ мнѣніе мое почтеннѣйше представляю:

Извѣстно, что отъ самаго начала словесности нашей по сіе время, чрезъ нѣсколько вѣковъ, древними и новыми писателями нашими, какъ-то: Ломоносовымъ и прочими, всегда въ правописаніи наблюдалось послѣднее правило, то-есть, что *з* предъ нѣкоторыми извѣстными буквами измѣнялась въ *с*, ибо того требуетъ удобность произношенія и чистота выговора. Теперь, да позволено мнѣ будетъ спросить: для чего бы освященное толь долговременнымъ употребленіемъ правило перемѣнить надлежало? Буде для того единственно, какъ сказано въ присланныхъ ко мнѣ примѣчаніяхъ, чтобъ *вездѣ и со всею точностію держаться производства словъ*, то надлежитъ разсмотрѣть, стоитъ ли причина сія должнаго уваженія, и послѣдуетъ ли изъ того какая польза. Вникая въ сіе, нахожу я:

1. Что причина сія сама по себѣ есть самая малая и безполезная, ибо кто, при малѣйшемъ знаніи языка своего, въ словахъ напримѣръ: *востокъ*, *расходъ*, *исповѣданіе*, не почувствуетъ, что оныя суть сложныя и состоятъ изъ предлоговъ *воз, раз, из* и существительныхъ *токъ*, *ходъ*, *повѣданіе*? Сверхъ сего *з* измѣняется въ *с* предъ извѣстными токмо буквами. И такъ, можетъ ли при таковой ясности сокрываться словопроизводство, и нужно ли для толь слабой причины перемѣнять издревле употребительное правописаніе?

2. Не есть ли то преимущество языка, когда буквы какъ написаны, такъ точно и произносятся? Но ежели мы станемъ писать *возтокъ*, *разходъ*, а произносить *востокъ*, *расходъ* (ибо первое произношеніе трудно и языку нашему несвойственно), то не потеряетъ ли языкъ преимущества своего, или, пріучаясь отъ юныхъ лѣтъ произносить какъ написано, не испортимъ ли мы чрезъ то̀ своего произношенія?

3. Сохранять всегда и вездѣ производство словъ есть дѣло не только безполезное, но даже и невозможное, ибо въ важномъ слогѣ мы пишемъ *воздыхаю*, *восхожу*, а въ простомъ говоримъ и пишемъ *вздыхаю*, *всхожу*: вотъ уже предлогъ *воз* измѣнился.

Мы не можемъ обходиться ни безъ первыхъ изъ словъ сихъ, ни безъ послѣднихъ. Слѣдовательно, гоняться за сохраненіемъ производства словъ, которое состоитъ въ томъ, чтобъ не измѣнять буквъ, есть, какъ мы уже сказали, дѣло невозможное.

4. Ежели мы утвердимся на правилѣ сохранять словопроизводство и будемъ наблюдать оное строго, то происходящія отъ того послѣдствія могутъ далеко отвести насъ отъ свойствъ языка и послужить орудіями къ порчѣ онаго. Возьмемъ напримѣръ нѣсколько словъ, составленныхъ изъ предлоговъ *воз*, мы увидимъ, что одни и тѣжъ самыя слова въ важномъ слогѣ пишутся такимъ, а въ простомъ инымъ образомъ. Весьма хорошо сказать: *Александръ возсталъ войною на Дарія.* Здѣсь вмѣсто *возсталъ* поставить *всталъ* было бы очень худо. Напротивъ того, еслибы кто въ рѣчи: *Иванъ проснулся, всталъ и пошелъ со двора*, вмѣсто глагола *всталъ* поставилъ *возсталъ*, то бы онъ не умѣлъ хорошенько разбирать приличія слоговъ. Свойство языка нашего таково, что всѣ высокія и важныя слова удерживаютъ при себѣ предлоги безъ всякой перемѣны: *возгараюсь, возлетаю, возбраняю*; напротивъ того, всѣ простыя слова требуютъ измѣненія оныхъ: *вспрыгнулъ, вскочилъ, вскарабкался*, а не *возпрыгнулъ* или *взпрыгнулъ*, не *возкочилъ* или *взкочилъ*, не *возкарабкался* или *взкарабкался*. Можно бы показать и болѣе примѣровъ, но довольно уже и сихъ, дабы примѣтить, что такое правило ведетъ насъ ко многимъ несообразнымъ съ свойствами языка перемѣнамъ.

5. Не только такого правила, которое отъ начала словесности нашей существуетъ, которое основано на свойствѣ языка и которое, не сокрывая нимало производства слова, согласуется съ произношеніемъ онаго, — не только такого правила нѣтъ ни надобсти, ни пользы перемѣнять; но и тѣ слова, въ которыхъ словопроизведеніе дѣйствительно чрезъ перемѣну или опущеніе какой-нибудь буквы не въ предлогѣ, а въ самомъ составѣ слова, вовся и неправильнымъ образомъ затмевается,—даже и тѣ слова едва ли можно переправлять, когда уже долговременное употребленіе утвердило ихъ въ сей неправильности. Напримѣръ слово *прорубь*,

по худому произношенію, превратилось въ *пролубъ*. Звѣриная кожа, называемая въ старыхъ книгахъ *скордію*, откуду слово *скорнякъ*, сдѣлалась *шкура*. Изъ *храницы*, отъ глагола *хранить*, вышла *граница*. Изъ *зрѣницы*, отъ глагола *зрѣть*, произошла *зѣница*. Можетъ быть, таковыхъ словъ и много найдется. Что дѣлать съ ними? Переправить ли ихъ, или такъ оставить? Даже и сей вопросъ подверженъ еще сомнѣнію; но какъ же поправлять предлоги, которыхъ измѣненіе, какъ выше объяснено, отнюдь не закрываетъ производства и отнюдь не есть погрѣшность, вкравшаяся отъ худаго произношенія?

Отсюду заключаю я, что должно держаться правила, какому всѣ предшественники наши держались, и которому разумъ держаться нимало не воспрещаетъ, то-есть: предъ буквами к, п, т, х, ц, ч ставить *с*: *воскипѣлъ*, а не *возкипѣлъ*; *распря*, а не *разпря*; *востокъ*, а не *возтокъ*; *восхищеніе*, а не *возхищеніе*; *расцыганить*, а не *разцыганить*; *исчезъ*, а не *изчезъ*. Я не могу въ скорости придумать, но буде бы нашлось какое должное изъ сего правила исключеніе, то можно оное присовокупить къ нему.

Вразсужденіи же премѣненія буквы *с* на *з* въ сокращеніи предлоговъ, мнѣ кажется, лучше удерживать первоначальную букву предлога, не измѣняя оной, ибо словопроизводство здѣсь гораздо болѣе закрывается, а притомъ и въ произношеніи обѣихъ буквъ разность не такъ чувствительна. Сего ради *содѣлать*, *событься*, *соборъ* должны удерживать тужъ букву: *сдѣлать*, *сбыться*, *сборъ*. Однакожъ надлежитъ оное опредѣлить съ точностію, дабы не довольно еще вникшіе въ языкъ свой не стали вмѣсто: *зданіе*, *здѣсь*, *вздоръ*, писать: *сданіе*, *сдѣсь*, *всдоръ*. Равнымъ образомъ вмѣсто: *францускій*, *нѣмецкій*, *рускій* нехорошо писать: *французскій*, *нѣмецскій*, *русскій*. Окончаніе *скій* не должно сохраняться тамъ, гдѣ прилежащая къ нему буква дѣлаетъ въ сопряженіи съ нимъ трудный или худой выговоръ. Желающему подобные случаи привесть въ правила, должно помнить, что правила устанавливаются по языку, а не языкъ по правиламъ.

Александръ Шишковъ.

Работая самъ, Шишковъ призывалъ и сочленовъ своихъ къ дѣйствительному участію въ общемъ трудѣ академіи. Распредѣляя работы, онъ указывалъ и пріемы и предлагалъ образцы своихъ собственныхъ разысканій. Предпринимая изданіе новаго академическаго словаря, Шишковъ поясняетъ, какимъ образомъ надо пользоваться матеріалами, и приводитъ выписки изъ сочиненія Орбини, переведеннаго на русскій языкъ при Петрѣ Великомъ, подъ заглавіемъ: «Книга историографія початія имене, славы и расширенія народа славянскаго... Собрана изъ многихъ книгъ историческихъ чрезъ господина *Мавроурбина*, архимандрита рагужскаго... Переведена со италіанскаго на россійскій языкъ и напечатана повелѣніемъ и во время счастливаго владѣнія Петра Великаго и проч., въ санктпетербургской типографіи, 1722 году, августа въ 20 день». Подлинникъ изданъ въ 1601 году, подъ заглавіемъ: Il regno degli Slavi hoggi corrotomento detti schiavoni historia di don *Mauro Orbini* Ravseo abbate Melitense, и т. д. [342]).

I.

Для записанія въ академическомъ денникѣ, или журналѣ.

Сего числа послѣ нѣкоторыхъ предварительныхъ разсужденій предложено отъ президента академіи бывшему собранію господъ членовъ слѣдующее:

1. Въ силу 10-й статьи замѣчаній на предполагаемое вновь сочиненіе словаря, разобрать для чтенія книги, кто какую пожелаетъ, съ тѣмъ, чтобъ замѣчать и выписывать попадающіяся въ нихъ неизвѣстныя, необыкновенныя или малоупотребительныя слова съ выпискою текстовъ, наблюдая въ нихъ полноту смысла, и съ означеніемъ заглавія и страницы той книги, откуду сіе слово и сіи тексты взяты. Не худо прилагать притомъ и разсужденія свои о корнѣ и значеніи слова. Для лучшаго же въ томъ порядка и успѣха записать въ академіи, какой членъ какую книгу читать взялся, и подаваемыя отъ него выписки вносить съ именемъ его въ бѣлую, нарочно для сего приготовленную и переплетенную книгу.

2. Какъ всякій предлогъ имѣетъ нѣкоторый общій смыслъ, особо ему свойственный, который сообщаетъ онъ тѣмъ словамъ, къ коимъ присоединяется, то весьма полезно въ каждомъ предлогѣ сей общій смыслъ опредѣлить, и гдѣ оный кажется быть скрывающимся или отвлеченнымъ, тамъ его объяснить, и всѣ особливыя свойства каждаго предлога въ сочиненіи онаго съ словами изыскать и исчислить, какъ показаны тому образцы на предлоги: *безъ*, *вы* и *изъ*. Образцы сіи напечатать и раздать членамъ, дабы желающіе упражняться въ томъ на такомъ основаніи ихъ разсматривали. Для лучшаго въ семъ дѣлѣ успѣха надлежитъ всѣ слова, сочиненныя съ тѣмъ предлогомъ, о которомъ разсуждать желаешь, выписать, и изъ оныхъ выводить смыслъ, силу и свойства его.

А. Шишковъ.

II.

Прибавленіе къ предлогу *вы*.

Примѣчается, что предлогъ сей, въ соединеніи онаго съ именами и глаголами, иногда, для благозвучія выговора, отнимаетъ у кореннаго слова первоначальную букву, а иногда прибавляетъ къ нему оную. Напримѣръ, присоединяясь къ глаголу *иду*, и отъемля у него букву *и*, дѣлаетъ глаголъ *выду* (а не *выиду*); напротивъ того, присоединяясь къ глаголу *имаю* (въ единократномъ *емлю*), и прибавляя къ нему букву *н*, дѣлаетъ глаголъ *вынимаю* (а не *выимаю*).

NB. Тожъ дѣлается и съ другими предлогами: *внимаю*, *вонми* (а не *воимаю*, *войми*); *отнимаю* и *отъимаю* или *отъимаю*; *снимаю* (а не *съимаю*), *занимаю* (а не *заимаю*); *разнимаю* (а не *разъимаю*).

Примѣч. Если найдется, что подобныя же въ составѣ языка дѣйствія производятъ и всѣ или многіе другіе предлоги, то статья сія должна отнесена быть къ общему свойству предлоговъ.

Прибавленіе къ предлогу *изъ*.

Предлогъ сей съ немалою красотою замѣняется иногда предлогомъ *отъ*.

NB. Здѣсь должно, во-первыхъ, вывести близость значенія сихъ двухъ предлоговъ. *Изъ* показываетъ болѣе среднюю точку, а *отъ* поверхность тѣла: *Изъ бочки льется вода*; *отъ бочки пойти прочь. Изъ Москвы пришелъ обозъ*; *отъ Москвы до Петербурга 728 верстъ.* Во вторыхъ, привесть примѣры, гдѣ важности слога приличнѣе предлогъ *отъ*, нежели *изъ*.

Нѣкто, говоря о ночи, сказалъ:

Возсѣла съ тишиной на черный свой престолъ,
И скипетръ *отъ* свинца простерла надъ вселенной.

Здѣсь *скипетръ отъ свинца* гораздо лучше, нежели *изъ свинца* или *свинцовый*.

III.

Выписка изъ книги, печатанной въ 1722 году.

«Книга *початія* имене, славы и *разширенія* народа славянскаго».

Здѣсь должно замѣтить имя *початіе*, и если въ другихъ книгахъ найдутся также примѣры оному, то записать для внесенія въ словарь. Равнымъ образомъ замѣтить и слово *разширеніе*: можно ли и нынѣ вмѣсто *распространеніе* говорить *разширеніе народовъ*?

«Нікакоже удівітельно есть, что слава народа славянскаго нынѣ не такъ *ясна*, какъ оной *довлѣло разславитися* во вселеннѣй».

Замѣтить, что слово *ясный* употреблялось вмѣсто *славный*; что *довлѣло* здѣсь значитъ *надлежало*, а въ другихъ мѣстахъ значитъ *довольно было*. И наконецъ, можно ли говорить *разславиться* вмѣсто *прославиться*?

«Ежели бы сей народъ такъ достаточенъ былъ людьми учеными, какъ *былъ доволенъ* военными, то бъ *ни* единъ другой народъ во вселеннѣй *былъ* въ примѣръ имени славянскому».

Можно ли и нынѣ слово *доволенъ* употреблять въ такомъ же смыслѣ? Замѣтить, что частица *ни* употреблялась безъ отрицательной *не*: *ни единъ былъ* вмѣсто *ни единъ не былъ*.

«А иные пишутъ, *болъзнію трудился* 40 дней и видѣлъ видѣніе *противное*».

Здѣсь *трудился* значитъ *страдалъ*. Хотя мы нынѣ сказать сего не можемъ, однакожъ *трудъ* и *страданіе*, какъ прежде, такъ и нынѣ, пріемлются за смежныя понятія, изъ которыхъ одно употребляется вмѣсто другаго. Вездѣ читаемъ *трудъ и болѣзнь* (т. е. страданіе и болѣзнь). Также говоримъ: *человѣкъ труденъ* (т. е. очень боленъ, страдающъ); въ больницѣ *трудныхъ* столько-то, и проч. — *Противное* вмѣсто *непріятное*.

«*Тошканская* дѣла» (вмѣсто *тосканскія*). Замѣчать измѣненія буквъ — *ш* въ *с*.

«Беоцкое *мѣрило*, которое все описуетъ въ книгѣ, именуемой Паралели».

Что такое *мѣрило*?

«Но и то наименованіе учинили болши по причинѣ *ратей*, чиненныхъ отъ славянскаго народа съ протчими народы, нежели выхваляли сей народъ какою *свѣтлостію*?

Здѣсь замѣтить должно, что слово *рать* означало повидимому какъ *войско*, такъ и *войну*. Сей послѣдній смыслъ его тѣмъ нужнѣе, что имя *война* неудобно къ употребленію во множественномъ числѣ: *войны*, и особливо въ родительномъ падежѣ: *войнъ*; для того нужно замѣнять оное словами *браней*, *ратей*.

Слово *свѣтлостію* значитъ здѣсь *знаменитостію*, *славою*. Оно въ такомъ же смыслѣ употреблялось, какъ выше замѣчено было о словѣ *ясна*.

«Сей народъ *озлоблялъ* оружіемъ своимъ *мало* не всѣ народы во вселеннѣй, разорилъ Персиду, владѣлъ Азіею, бился *съ Египтяны*».

Здѣсь *озлоблялъ* сословствуетъ съ глаголами: *разорялъ*, *владѣлъ*, *бился*, *нападалъ*, *наносилъ зло или вредъ*, и проч. И такъ, озлоблять можно словами и дѣлами или оружіемъ; но первое значитъ будетъ: *раждать въ комъ злобу*, а второе: *наносить кому либо зло*.

Нарѣчіе *мало* употреблялось вмѣсто *едва*.

Падежъ *съ Египтяны* (вмѣсто *съ Египтянами*) хотя въ новѣйшемъ нарѣчіи оставленъ, однако онъ въ высокихъ твореніяхъ для плавности слога иногда бываетъ нуженъ, и потому должно дѣлать на него примѣчанія.

«Историки *великопочтенные, великоученые.*—Иногда, біючись въ сраженіи, великимъ *смертопобитіемъ* римляномъ отмщевалъ».

Подобныя сему сложныя слова часто составляются произвольнымъ образомъ, и потому часто бываютъ неудачны, или показываютъ въ себѣ излишнее напряженіе выразить мысль; однакожъ надлежитъ замѣчать оныя, дабы изъ многихъ собранныхъ примѣровъ видѣть, бываютъ ли такіе случаи, въ которыхъ они дѣйствительно составляютъ красоту и силу.

«Наконецъ, покоривъ подъ себя *державство* римское, *завладѣлъ многія ихъ провинціи*».

Державство вмѣсто *держава, царство.* — Завладѣть *многія* и *многими.* Замѣчать обоюдность сихъ вопросовъ: *что* или *чѣмъ*, во многихъ случаяхъ примѣчаемую, и потому безъ сомнѣнія свойственную языку.

«Аще бы кто хотѣлъ вышеозначенныя дѣла *потемнити* или уничтожити».

Мы говоримъ нынѣ *помрачить*, но почему же и не *потемнить*, когда *потемнить* и *помрачить* представляютъ точно одинакое понятіе? «Намѣреніе мое не иное, какъ токмо изъяснить *потемненное*».

«А ежели которой нибудь изъ *странныхъ* народовъ». *Странныхъ* вмѣсто *чужестранныхъ.* —

Существенною задачею россійской академіи Шишковъ считалъ изслѣдованіе свойствъ отечественнаго языка, или славянорусское корнесловіе. Филологія, понимаемая своеобразно, была любимымъ занятіемъ Шишкова, его непреодолимою страстью. Онъ обладалъ весьма значительнымъ по тому времени матеріаломъ для филологическихъ работъ. Зная нѣсколько иностранныхъ языковъ, перечитавъ много старинныхъ русскихъ книгъ, будучи знакомъ съ языкомъ народа и съ произведеніями устной словесно-

сти, Шишковъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи такой запасъ свѣдѣній, которымъ могли похвалиться немногіе изъ тогдашнихъ писателей. Но для того, чтобы съ пользою для дѣла употребить весь этотъ матеріалъ, необходимы были вѣрные научные пріемы и строгій научный методъ, предохраняющій отъ разнаго рода крайностей и увлеченій. А въ тѣ времена, когда Шишковъ выступилъ на филологическое поприще, нельзя было и думать о подобномъ методѣ и о всестороннемъ изслѣдованіи предмета. Въ сравнительной филологіи господствовали тогда начала, весьма наглядно выраженныя въ книгѣ Бросса о механическомъ составѣ языковъ, пользовавшейся особеннымъ сочувствіемъ въ средѣ россійской академіи. Слово есть выраженіе мысли, а потому въ каждомъ словѣ и его корнѣ доискивались непремѣнно опредѣленной какой-либо мысли и притомъ такой, которая бы удовлетворяла взгляду и личному вкусу современнаго филолога, или дилетанта филологіи. При этомъ совершенно забывалось о необходимости историческаго изученія языка, о различіи взглядовъ на предметы вслѣдствіе вліянія времени, бытовыхъ особенностей, движенія умственной жизни и т. п. Въ смѣлыхъ предположеніяхъ Шишкова и его иностранныхъ руководителей совершенно терялось то огромное разстояніе, которое отдѣляетъ колыбель человѣчества отъ его теперешняго состоянія; исчезали преграды, существующія между вѣками и народами, и все смѣшивалось въ одну пеструю групу, разобраться въ которой можно было только при помощи самаго затѣйливаго остроумія и нестѣсняемой ничѣмъ изобрѣтательности въ сближеніяхъ, догадкахъ и выводахъ.

По мнѣнію Шишкова «истинное знаніе языка, состоящее въ знаніи силы и достоинства словъ, не по наслышкѣ или навыку, но по *разуму* и *разсудку* познаваемыхъ и оцѣняемыхъ, почерпается изъ разсмотрѣнія *корней*. Языкъ тогда только устанавливается и чистится, когда употребленіе предводительствуется *умомъ*, когда *изобрѣтаются слова, сами въ себѣ выражаемую ими мысль заключающія*. Таковыя слова не могутъ быть подвержены перемѣнамъ и всегда остаются непоколебимыми».

На этомъ основаніи Шишковъ предлагаетъ замѣнить словомъ *мѣрословіе* вошедшее въ русскій языкъ иностранное слово *геометрія*, необдуманно составленное греками, полѣнившимися поискать чего-нибудь болѣе подходящаго. *Геометрія* значитъ *землемѣріе*; по кчему же тутъ *земля*? Вѣдь геометрія учитъ измѣрять не только землю, но и луну, и солнце, и всѣ тѣла, поверхности и черты. И какая безсмыслица называть Ньютона и Эйлера великими *геометрами*, т. е. великими *землемѣрами*, и т. п.

Находя, что выраженія: «*положу* землю въ пагубу; *положу* грады въ разореніе» и т. п. превосходно передаютъ мысль, дышатъ гнѣвомъ и властію, Шишковъ считаетъ ихъ коренными русскими, и не хочетъ и слышать объ ихъ иностранномъ происхожденіи. На замѣчаніе, что это взято съ еврейскаго или греческаго языка, онъ отвѣчаетъ: «Я не знаю, точно ли такъ поеврейски; но гдѣ *разумъ* и *сила моего языка* говорятъ мнѣ, тамъ я не справляюсь, откуда почерпнуто такое-то или иное выраженіе: оно *мое*, какъ скоро на *моемъ языкѣ* хорошо» [343]).

Считая названія: *славенскій*, *славенороссійскій* и *россійскій* языкъ тожественными, Шишковъ говоритъ: «Мы потому нашъ славенскій языкъ почитаемъ праотцемъ всѣхъ прочихъ его нарѣчій, что нѣтъ ни одного изъ сихъ послѣднихъ, которое бы имѣло славянскія буквы: слѣдовательно, цѣлость языка вообще долженствовала болѣе сохраниться тамъ, гдѣ употребляются собственныя свои, а не чужія письмена, всегда уклоняющія языкъ отъ корня своего» и т. д. [344]).

Разысканія въ области филологіи доставляли Шишкову величайшее наслажденіе. Онъ свободно разгуливалъ въ созданномъ его воображеніемъ филологическомъ лѣсу, извлекалъ изъ него и корни и деревья словъ, ломалъ и пересаживалъ ихъ по своему произволу, въ наивной увѣренности, что трудъ его принесетъ обильные и въ высшей степени полезные плоды. До какой степени удачны были филологическія путешествія Шишкова и открытія, сдѣланныя имъ во время лѣсныхъ прогулокъ, можно судить по слѣдующимъ примѣрамъ:

— *Гора.* Человѣкъ, наученный природою подъ звукомъ *гр* разумѣть всякій гласъ или шумъ, и оттолѣ самый сильнѣйшій изъ сихъ шумовъ, слышимый имъ всегда надъ главою своею, назвавъ *громъ,* сталъ далѣе соображать и разсуждать. Съ понятіемъ о *громѣ* естественно соединялось понятіе о *высотѣ,* поелику *громъ* всегда вверху слышится. Отсюда, увидя нѣчто отличной высоты, онъ тотчасъ (не по стуку, но по высокости) снесъ сію вещь съ словомъ *громъ,* или *горомъ,* и назвалъ оную *гора.* Сіе новое въ умѣ его понятіе о *горѣ* (родившееся отъ слова *громъ*) подало ему поводъ подобнымъ же образомъ, то-есть чрезъ сличеніе и уподобленіе вещей, производить отъ того же начала (корня) и другія колѣна и отъ колѣнъ вѣтви, какъ то мы выше сего видѣли и теперь изъ нижеслѣдующихъ объясненій увидимъ. —

— *Гордость.* Безъ всякаго сомнѣнія отъ уподобленія съ *горою;* потому что сословы гордости суть: *спесь, напыщеніе, высоковыйность, высокомѣріе;* первое отъ *сопѣть;* второе отъ *пыхтѣть;* третіе отъ *высоко носить шею или голову;* четвертое отъ *превозноситься, ставить себѣ высокую мѣру.* Изъ всѣхъ сихъ понятій явствуетъ, что признакомъ *гордости* почитается, когда человѣкъ надувается, поднимаетъ голову вверхъ, и слѣдственно какъ бы хочетъ стать нѣкою *горою,* выше всѣхъ возносящеюся. —

— *Грубый* (grob, нѣмец.). Есть также понятіе, почерпнутое отъ понятія о *горѣ* или *горбѣ,* по тому соображенію, что всякая гладкость не дѣлаетъ такой непріятности осязанію, какую причиняетъ негладкость, то-есть *горами, горками, горбами, горбылями* исполненное мѣсто, иначе *шароховатость,* отъ слова *шаръ,* тожъ, какъ и *гора* или *горбъ,* дѣлающимъ (?) негладкость, неровность. Отъ чувственнаго осязанія перешло сіе къ умственному понятію, и, сократясь изъ *горубость* въ *грубость,* стало означать невѣжливость, неучтивство, то-есть такую же во нравѣ черствость, какую осязаемъ, водя рукою или ходя ногами по неровному, негладкому, шароховатому мѣсту. —

— *Грѣхъ* (грѣшу, грѣшишь) показываетъ также слѣды про-

исхожденія своего отъ *гора*. Мы уже видѣли, что подъ словомъ *горній* часто разумѣемъ мы Бога и небеса (горній царь, горнія силы). Слово же *грѣхъ* означаетъ именно вину предъ Творцомъ небеснымъ. О человѣкѣ говоримъ мы: я виноватъ предъ нимъ; но въ отношеніи къ Богу не употребляемъ слова *виноватъ*, а говоримъ: *согрѣшилъ* предъ Богомъ. И такъ ясно, что *грѣхъ* (вѣроятно, сокращеніе изъ *гдрѣхъ*), яко вина предъ *гдрнимъ* владыкою, долженствуетъ происхожденіе свое имѣть отъ сего жъ самаго понятія. Сверхъ того *грѣхъ*, будучи виною предъ *горнимъ*, есть, для раскаивающагося въ немъ, купно и *горе*, и *горькость*, и *грусть*, и *горесть*. Всѣ сіи понятія, изъ одного корня истекшія, кажутся быть изображающимися въ словѣ *грѣхъ*. —

— *Теряю*. Кажется, глаголъ сей тожъ отъ понятія о *треніи* происходитъ. Человѣческая мысль легко могла *треніе* или *тереніе* измѣнить въ *теряніе*, для означенія чрезъ сію малую перемѣну слѣдствія того, что обыкновенно или часто отъ *тренія* случается. Вѣроятно, примѣчаніе, что вещь, положенная въ суму, или въ мѣшокъ, или въ карманъ, по большей части не иначе, какъ чрезъ *протертіе* онаго *теряется*, подало поводъ къ составленію сего слова изъ того же корня. Ибо и другой отъ инаго корня однозначущій съ нимъ глаголъ *пропáсть* подобную же мысль въ себѣ являетъ. Выраженія: *вещь потерялась* и *вещь пропала* пріемлются почти за одно и то-же. Но *пропасть* по составу своему говоритъ: *пасть сквозь что-нибудь* (ибо предлогъ *про* во всякомъ случаѣ показываетъ сіе значеніе, какъ-то: *проникнуть*, *пронзить*, *провалиться*, *пробыть*, *проскочить* и проч.). Между тѣмъ *пасть сквозь что-нибудь* не можетъ иначе, какъ надлежитъ, чтобъ сіе *что-нибудь* имѣло у себя скважину, а скважина есть не иное что, какъ *протертое* мѣсто. И такъ, *пасть сквозь* (или *пропасть*) и *протереться* и *потеряться* суть толь смежныя и удобосцѣпляемыя понятія, что глаголъ *тереть*, съ измѣненіемъ одной изъ гласныхъ буквъ, легко изъ означенія дѣйствія могъ перейти къ означенію слѣдствія онаго: *терять*. Сверхъ сего глаголы: *вытеръ*, *стеръ*, означающіе, что не стало болѣе того, что

прежде было, могли также способствовать къ переходу понятія изъ *тереть* въ *терять*. —

— *Трудъ*. (Трудиться, трудно и проч.). Слово сіе хотя имѣетъ тотъ же самый звукъ, однако не такую близость значенія съ глаголомъ *тру* (тереть), которая бы ясно и тотчасъ намъ представлялась. Для того распространимся нѣсколько въ нашемъ объясненіи. *Трудъ* безъ сомнѣнія есть распространенное значеніе глагола *тру*—имя, изъ него извлеченное; ибо дѣйствіе, изъявляемое симъ глаголомъ, не можетъ быть производимо безъ нѣкоего усилія, *труда*. Глаголъ *тру* представляетъ намъ одно нѣкоторое дѣйствіе, имъ опредѣляемое. Слово *трудъ* представляетъ вкупѣ многія подобныя дѣйствія, разныя, отнюдь симъ словомъ не опредѣляемыя, но только вообще означаемыя; ибо человѣкъ трудится, когда *третъ*; трудится, когда катитъ (напримѣръ камень); трудится, когда копаетъ (напримѣръ землю), и такъ далѣе. Но во всѣхъ сихъ дѣйствіяхъ глаголъ *тру* соучаствуетъ, поелику ни одно изъ нихъ безъ нѣкоего *тренія* не совершается. Умъ, составлявшій языкъ, долженъ былъ примѣтить оное. Человѣкъ далъ различныя названія симъ дѣйствіямъ (тереть, катить, копать и проч.); но поелику при каждомъ изъ нихъ совершается нѣкоторое усиліе, напряженіе мышцей, то, дабы дать всѣмъ симъ усиліямъ одно общее имя, не могъ онъ взять произвольно какой-нибудь случайно пришедшій ему въ голову звукъ: таковое составленіе языка неудобно и несвойственно одаренному разсужденіемъ существу. И такъ онъ, размышляя о сихъ дѣйствіяхъ и находя одно изъ нихъ (тереть) болѣе всѣхъ участвующимъ въ другихъ, взялъ оное за корень и произвелъ изъ него потребное ему слово *трудъ*. При семъ надлежитъ еще примѣтить, что дѣйствіе, означаемое словомъ *треніе*, есть самое сильнѣйшее и величайшее въ природѣ: оно сопряжено съ движеніемъ всѣхъ тѣлъ, яко противоборствующая сему ихъ стремленію сила, безпрестанно остановить оное *трудящаяся*. Слѣдовательно, никакое, отъ инаго корня произведенное, слово не удобно съ такимъ приличіемъ и правдою выразить слово *трудъ*, какъ имя, взятое отъ глагола

тру. Въ славенскомъ языкѣ сіе приличіе производства словъ, основанное на истинномъ познаніи вещей и глубокомъ разсужденіи, весьма часто примѣчается.

— *Требую*. Колѣно сіе очевидно есть слѣдствіе предыдущаго; ибо *теребить* значитъ тянуть, тащить, извлекать что-нибудь изъ чего-нибудь; но и *требовать* значитъ то-же. Вся разность состоитъ въ томъ только, что одно дѣлается руками, а другое словами. —

— *Простой*. Слово *просто* значитъ *прямо*. Въ просторѣчіи вмѣсто: *иди прямо* говорятъ и понынѣ: *иди просто*. Слово сіе происходитъ отъ глагола *простираю*. Выраженіе *иди просто* содержитъ въ себѣ мысль: иди путемъ, передъ очами твоими *простертымъ*. Отселѣ вѣтви сего колѣна (простой, просто, простота и проч.) уклоняются въ разные смыслы:

1. Поелику *просто* значитъ прямо, то *простота* (или по иному окончанію *простыня*) значитъ прямизну; а какъ прямизна въ нравственномъ смыслѣ пріемлется за тò, чтò чуждо лукавства и хитрости, того ради вмѣсто: *прямое сердце* говорится *простое сердце* или *простосердечіе*, вмѣсто: *прямая душа—простая душа* или *простодушіе*, и проч.

2. Поелику лукавство, хитрость, пронырство суть свойства изощреннаго ума, и сколько порочны для употребленія оныхъ противъ незлобія, невинности, столько же бываютъ иногда нужны въ общежитіи для предохраненія себя отъ поставляемыхъ намъ злыми людьми сѣтей. Отселѣ нравственная прямизна или *простота* раздѣляется, такъ сказать, на двѣ и болѣе вѣтви: *простота* сердца и души есть всегда добродѣтель, но *простота* ума почитается недостаткомъ и даже порокомъ. Отсюда *простой человѣкъ, простой народъ* и проч., значитъ не ученый, не просвѣщенный, не отличающійся своимъ знаніемъ или состояніемъ. Отсюда же *простая вещь, простое дѣло*, и проч., значитъ немногосложное, не требующее великаго ума для разобранія онаго. Пословица говоритъ: *простота хуже воровства*: здѣсь *простота* значитъ уже совершенную глупость, безсмысліе.

3. Поелику слово *простота* происходитъ отъ глагола *стру*,

простираю, по сей причинѣ значитъ иногда то-же, что *просторъ* или *пространство* (съ присовокупленіемъ къ сему послѣднему понятія *ничѣмъ незанятое*). Въ такомъ разумѣ говорится: *опростать* горницу или что иное, и въ семъ случаѣ глаголъ *опростать* становится смеженъ значеніемъ съ глаголомъ *освободить*.

4. Отселѣ же *простить* (прощаю, прощеніе и проч.), происшедшее отъ слѣдующей мысли: содѣянная передъ кѣмъ-либо вина дѣлается нѣкоторою умственною связью между сими двумя человѣками; ибо обиженный не престаетъ искать удовлетворенія, и слѣдственно не отпускаетъ, держитъ какъ-бы на нѣкоей цѣпи или привязи того, кѣмъ онъ обиженъ. Сія привязка или прицѣпка со стороны обиженнаго или оскорбленнаго дѣлаетъ ихъ какъ бы соединенными другъ съ другомъ, подобно двумъ вещамъ, одна къ другой прилежащимъ, такъ что между ими нѣтъ никакой пустоты, или *простоты*, или *пространства*; и такъ, освободить обидѣвшаго отъ сей связи, разрушить сіе съ нимъ соединеніе, *опростать* его, сдѣлать между имъ и собою прежній *просторъ*, *пространство*, значитъ *простить*, *прощаю* [345]).

— *Слякать* или сляцать (слякаю, слякаешь, или сляцаю, сляцаешь, и проч.). Нагнуть, наклонить, сгорбить, скорчить: *не даждь ему власти; сляцы выю его въ юности, и сокруши ребра его, дондеже младъ есть.* (Спрахъ 30, 12). См. лука. Слово *слякоть*, вѣроятно, отсюда же происходитъ; ибо означаетъ сырую или мокрую непогоду, въ которую всякъ кутается, корчится, сляцается. Буквы *к* и *ц* также удобно одна другою смѣняются: *тецыте* или *теките*, *бряцать* или *брякать*, и проч. [346]). —

— *Пѣшкомъ* (откуда непосредственныя вѣтви: пѣшъ, пѣшій, пѣшеходецъ, пѣшка, пѣхота и проч.). Слово сіе безъ сомнѣнія происходитъ отъ глагола *пихаю*; ибо человѣкъ, когда не ѣдетъ на конѣ, то совершаетъ дѣйствіе сіе посредствомъ *пиханія себя ногами*. Надлежало бы говорить *пихшикомъ* (т. е. помощію пиханія); но трудное для выговора стеченіе согласныхъ буквъ *хш* понудило первую изъ нихъ выкинуть и произносить *пишикомъ*, изъ чего сдѣлалось потомъ *пѣшкомъ* [347]). —

— *Жру.* Отъ слова *горло* произошло *жерло*, а отъ сего глаголъ *жрать*. Сія очевидность не требуетъ еще дальнѣйшихъ доказательствъ. И такъ, замѣтимъ токмо въ произведенныхъ отъ *жру* непосредственно вѣтвяхъ, что однѣ изъ нихъ уклонились въ низкое, а другія въ высокое и священное знаменованіе. Отъ *жру* (въ презрительномъ смыслѣ глотаю, ѣмъ много и съ жадностію) произошли вѣтви: *обжираюсь, обжора, прожорливый* и проч. Отъ того-же *жру* (въ смыслѣ истребляю, снѣдаю посредствомъ огня; ибо говоримъ огонь *пожираетъ*), произошли вѣтви: *жертва* (иначе всесожженіе), жертвенникъ, жрецъ, жертвоприношеніе, и проч. Отселѣ первое *жру* въ неопредѣленномъ производитъ *жрать*, другое — *жрѣть* или *жерть*. —

— *Строгій.* Дѣйствіе *строганія* или *струганія* производится разными образами. Иногда сглаживается поверхность какой-нибудь плоской, иногда длиннокруглой вещи. Такъ напримѣръ, *выстругать доску стругомъ* значитъ сдѣлать поверхность ея гладкою; но *обстругать палку ножомъ* часто значитъ сдѣлать конецъ ея тонкимъ, *острымъ*. Въ семъ разумѣ *обстрогать* то-же значитъ, что *завострить*, или, говоря о желѣзныхъ вещахъ, *обточить*. Такимъ образомъ отъ понятія о *строганіи* родились понятія о *строгости* и *остротѣ*, которыя, яко смежныя между собою, выражены и названіями, изъ одного и того же корня извлеченными. Вникая въ вѣтви сего дерева, мы тотчасъ можемъ примѣтить близость смысла между словами *строгость* и *острота*. Возьмемъ, напримѣръ, глаголъ *стерегу* или *стрегу*, не значитъ ли онъ *строгое* бдѣніе? Не отъ него ли изъ *остерегаюсь, остереженіе*, произведена вѣтвь *осторожность*? Но что иное *осторожность*, какъ не *острое*, (то-есть не тупое, не вялое, не оплошное) смотрѣніе, наблюденіе? *Строгое* не иное что, какъ *острое*. Отселѣ Ломоносовъ не усумнился сказать о бѣгущемъ по горамъ исполинѣ:

Ступаетъ по вершинамъ *строгимъ*,
Презрѣвъ глубоко дно долинъ,

вмѣсто по вершинамъ *острымъ.* Отселѣ же въ вещахъ, названныхъ *стругъ, острогъ, острога* (см. сіи слова), главное примѣчаемое въ нихъ свойство есть *острота.* И такъ, смежность понятій между словами *строгость* и *острота* въ составѣ языка очевидна, а потому и происхожденіе ихъ отъ одного и того же корня несомнительно [348]). —

Шишковъ принималъ на себя и критическіе разборы произведеній современныхъ русскихъ писателей. Пальму первенства между ними онъ отдавалъ князю Сергѣю Александровичу Шихматову. Желая придать новый блескъ академическимъ изданіямъ, Шишковъ помѣстилъ въ нихъ обширное, состоящее изъ пятидесяти девяти строфъ, стихотвореніе князя Шихматова, подъ заглавіемъ: *Пѣснь Сотворившему вся.* Въ этомъ произведеніи Шишковъ находитъ и глубину мысли, и величіе образовъ, и необыкновенную выразительность языка. Такъ же высоко цѣнилъ нашъ критикъ и другія произведенія разбираемаго автора, какъ напримѣръ: *Ночь на гробахъ*; лирическое стихотвореніе: *Петръ Великій*, и т. д. [349]).

По поводу строфы:

Раздался вновь глаголъ всесильный,
И сушѣ, спящей средь морей,
Духъ жизни изліявъ обильный,
Велитъ чадотворить звѣрей:
И суша, всюду въ поднебесной,
Возчувствовавъ, что Вышній щедръ,
Играя зыблется отъ нѣдръ;
Исполнясь силою чудесной
Бездушна дышущихъ раждать,
Износитъ ихъ несмѣтны роды,
Вдаетъ храненію природы,
О чадахъ веселится мать, —

Шишковъ дѣлаетъ такое замѣчаніе: «Поверхность земнаго шара большею частію покрыта водами, и потому выраженіе

спящая весьма прилично сушѣ, которая, окруженная ими, аки крѣпкими оградами, можетъ представляться намъ спящею, покоющеюся посреди ихъ. Сочинитель рожденіе рыбъ приписываетъ морю, рожденіе же звѣрей—землѣ. Такимъ образомъ все въ природѣ одушевлено: *океанъ, кипящій жизнію, порождаетъ бездну животныхъ*; *суша, одаренная чудесною силою, чадотворитъ несмѣтные роды звѣрей*. Какая величественная, богатая мысль»!

. . . . Левіафанъ
Пучину стонущу подъ нимъ,
Спираетъ, гонитъ, предъ собою;
Ругаясь съ нимъ ея борьбою
Волнуетъ *ошибомъ* своимъ. . .

Употребленіе въ стихахъ слова: *ошибъ*, вмѣсто *хвостъ*, Шишковъ находитъ тѣмъ умѣстнѣе, что оно живѣе сохраняетъ слѣды своего происхожденія, совершенно утраченные словомъ *хвостъ*: «*Ошибъ*—хвостъ, иначе *опашь*, отъ глагола *опахиваюсь*, откуда и *опахало*, иначе вѣеръ: имѣяху *ошибы*, подобны скорпіинымъ (Апокал. IX, 10). Слово *ошибъ* содержитъ въ себѣ понятіе о *маханіи въ обѣ стороны*, чего слово *хвостъ* само собою не изъявляетъ, ибо въ имени *ошибъ* буква *ш* заступила для благогласія мѣсто буквъ *сг*, такъ что по коренному составу своему оно есть *осгибъ*, т. е. вещь гибкая, около, или туда и сюда *сгибающаяся*, машущая».

Шишковъ называетъ превосходными слѣдующіе три стиха:

Чудесъ твоихъ устройство чудно!
Ничто ни лишнее, ни скудно
На высотѣ и въ глубинѣ.

Увлекаясь поэзіей князя Шихматова, критикъ нашъ видитъ въ повтореніи союза *и* «огонь желанія» и не смущается даже замѣною славянскихъ словъ: *паки и паки* русскими: *еще и еще*, и притомъ въ такого рода стихѣ:

Превзыдетъ Онъ еще, еще,
Но ваша ревность не вотще.

Къ числу поэтическихъ красотъ не заимствованныхъ, а принадлежащихъ самому автору и называемыхъ высокими, Шишковъ относитъ послѣдній стихъ строфы, гдѣ изображается единоборство Петра Великаго съ Карломъ XII:

Мечи блеснувъ, взнеслись горѣ,
Висятъ, висятъ надъ ихъ главами;
Но Петръ искусствомъ предварилъ,
Превысилъ силой неоскудной,
Поставилъ край борьбѣ всечудной,
Ударилъ—и не повторилъ.

Въ своихъ филологическихъ разысканіяхъ Шишковъ ссылается на князя Шихматова, какъ на писателя, умѣющаго съ большимъ искусствомъ пользоваться сокровищницею нашего древняго и стариннаго языка [350]):

— *Чревоболѣніе* собственно значитъ чувствованіе въ чревѣ или животѣ; но когда говорится о беременной женщинѣ, тогда *чревоболѣть* значитъ: быть чреватою, носить во чревѣ младенца. *Сонъ здравый отъ чрева умѣренна: воста заутра и душа его съ нимъ; трудъ бдѣнія и холера и чревоболѣніе съ мужемъ ненасытнымъ:* la peine de veiller, la colique, et les tranchées accompagnent l'homme qui est insatiable, фр. (Сир. гл. 31).—*Еда речетъ бреніе скудельнику: что твориши? Еда отвѣщаетъ зданіе создавшему его? Еда* (рождающійся младенецъ) *глаголетъ отцу: что родиши* (qu'engendres tu), *и матери: что чревоболиши* (qu'enfantes tu)? (Исаія гл. 45), то-есть: что рождаешь, или съ чувствомъ боли производишь на свѣтъ? Слово сіе прекрасно употреблено въ слѣдующихъ стихахъ:

Какъ Этна скрытно многи годы
Пожарами *чревоболя,*
Рождаетъ ужасъ всей природы. . . .
Буграми изрыгаетъ пламень. . . .

Палитъ далече вкругъ себя
И злакъ, и лѣсъ, и прахъ, и камень.
(Кн. Серг. Шихм.).

Въ заключеніе своего такъ называемаго критическаго разбора Шишковъ говоритъ: «Мы немного на нашемъ языкѣ имѣемъ стихотвореній, въ которыхъ бы вѣра и любомудріе съ такимъ успѣхомъ проповѣдовались, и едва ли на другихъ языкахъ покажемъ что̀-либо въ семъ родѣ превосходнѣйшее. Слогъ его вообще силенъ; изображенія часто великолѣпны; мысли большею частію высоки; разсужденія глубокомысленны; языкъ ясенъ и чистъ. Многіе прекраснѣйшіе *слова и обороты*, краснорѣчію нашему свойственные и *неправедно забытые*, *воскресилъ* онъ приличнымъ въ стихахъ своихъ помѣщеніемъ. Наконецъ, стихотворенія его однимъ числомъ и *величиною* своею показываютъ уже долговременный и весьма немалый трудъ, между тѣмъ какъ важность и достоинство содержанія ихъ являютъ, что для произведенія оныхъ надлежало заблаговременно умъ свой озарить науками, и даръ слова утвердить многимъ чтеніемъ». На этомъ основаніи Шишковъ предложилъ, а его сочлены безпрекословно согласились увѣнчать князя Шихматова, за *Пѣснь Сотворившему вся* и за прежніе его труды, золотою медалью, предназначенною для ободренія талантовъ. Въ числѣ академиковъ были и такіе, которые считали произведенія князя Шихматова украшеніемъ нашей повременной литературы, и называли Шишкова «предстателемъ высокихъ дарованій князя Шихматова, одного изъ лучшихъ нашихъ лириковъ послѣ Державина» [351]).

Шишковъ назначенъ президентомъ россійской академіи въ 1813 году, во время пребыванія своего заграницею. Главною задачею своего новаго званія онъ считалъ «быть полезнымъ первѣйшему основанію наукъ и просвѣщенію—отечественному языку». Немедленно по своемъ назначеніи онъ потребовалъ, чтобы его увѣдомляли обо всемъ, что касается академіи и что̀ ему, какъ

президенту, нужно знать [352]). Возвратившись въ отечество, Шишковъ вступилъ въ академію, какъ въ свою старую семью, главою которой онъ былъ уже съ давняго времени, хотя честь эта офиціально принадлежала другому лицу. Взглядъ Шишкова на россійскую академію и на предстоящую ей дѣятельность изложенъ имъ въ докладѣ, представленномъ государю вмѣстѣ съ проектомъ новаго академическаго устава [353]):

«Главная обязанность академіи состоитъ въ попеченіи о языкѣ. Она приводитъ его въ правила, вникаетъ въ составъ его и свойства, раскрываетъ его богатство, показываетъ силу, краткость, высоту, ясность, благородство, сладкозвучіе; установляетъ, опредѣляетъ, разверзаетъ, распространяетъ его; очищаетъ отъ вводимыхъ въ него несвойственностей; хранитъ его чистоту, важность, глубокомысліе, и сими средствами полагаетъ твердое основаніе словесности, наукамъ и просвѣщенію; ибо, безъ знанія языка все молчитъ: самое острое понятіе, самый глубокій умъ, самое рѣдкое дарованіе не могутъ безъ него быть совершенны, не могутъ, какъ заключенный въ корѣ алмазъ, ни блистать, ни нравиться, ни наставлять, ни производить.

«Поелику академія должна стараться о составленіи правилъ, о показаніи свойствъ и о распространеніи знаній языка, и какъ она основана съ тѣмъ, чтобъ быть охранительницею его отъ всѣхъ могущихъ повреждать и потрясать оный худыхъ навыковъ, несправедливыхъ толковъ и вводимыхъ въ него злоупотребленій; то разборъ книгъ, или критическія сужденія, долженствуетъ она почитать одною изъ главнѣйшихъ своихъ обязанностей. Сія обязанность тѣмъ нужнѣе, что безъ нея не можетъ она успѣвать въ своихъ намѣреніяхъ, и тѣмъ важнѣе, что вкрадывающіяся въ языкъ несвойственности и несогласныя съ здравымъ разсудкомъ слова и выраженія, часто, отъ необращенія на нихъ вниманія, укореняются въ немъ и, при всей своей невразумительности, становятся употребительными. Но какъ неясность и нечистота языка, преклоняя его къ упадку, затмеваютъ разумъ всѣхъ узаконеній и наукъ; то и они, вмѣстѣ съ нимъ, те-

ряютъ определительность и точность свою. Для сего благоразумная критика должна бодрствовать, дабы не дозволить самолюбію писателей, иногда остроумныхъ, но худо знающихъ свой языкъ, портить, колебать оный и вводить въ него несвойственные обороты и реченія, чрезъ что дѣлается онъ невразумительнымъ и теряющимъ природную свою красоту, важность и достоинство. Польза языка и словесности, а съ ними купно просвѣщенія и самой нравственности, требуютъ непремѣнно сказаннаго надзора; ибо безъ нужныхъ наставленій, безъ должнаго обузданія невѣжества, возрастающее юношество, заражаясь ложными понятіями и увлекаясь худыми примѣрами, неоснованными ни на какихъ истинныхъ правилахъ и здравыхъ разсужденіяхъ, будетъ отъ—часу болѣе уклоняться, ко вреду себѣ и другимъ, отъ свѣта ума и правды. Такимъ образомъ, если академія есть стражъ языка (ибо что-жь она иное?); то и надлежитъ ей, со всевозможною къ общей пользѣ ревностію, вооружаться противъ всего несвойственнаго, чуждаго, невразумительнаго, темнаго, неправственнаго въ языкѣ. Но сіе вооруженіе ея долженствуетъ быть основано на единой пользѣ словесности, кроткое, правдивое, безъ лицепріятія, безъ нападеній и потворства.

«Всѣ произведенія въ изящныхъ наукахъ можно раздѣлить на два рода: одни относятся вообще къ словесности, другія особенно къ языку. Оба сіи рода весьма между собою различны, а потому требуютъ и различнаго въ поощреніяхъ и наградахъ уравненія. Упражняющіеся въ словесности вообще привлекаютъ къ себѣ болѣе читателей, скорѣе вознаграждаются славою и удобнѣе собираютъ плоды съ трудовъ своихъ. Но академику (разумѣя подъ симъ названіемъ вникающаго въ языкъ свой и любомудрствующаго о немъ писателя) предлежитъ несравненно большій трудъ, прямо академическій, необходимо нужный для процвѣтанія наукъ и словесности, и, при всемъ томъ, не приносящій трудящемуся ни той славы, ни тѣхъ выгодъ, какими пользуются сочинители, умомъ, вымыслами, разсказами и новостями своими увеселяющіе читателей. Большая часть послѣднихъ сочиненій, по

принесеніи временнаго и краткаго удовольствія, исчезаетъ, не оставляя по себѣ никакой пользы. Напротивъ того, основательное и глубокомысленное изслѣдованіе въ языкѣ, или въ иныхъ нужныхъ для просвѣщенія знаніяхъ, остается долговременно, питаетъ умъ и служитъ всегдашнимъ наставленіемъ. Посему таковые труды должны обращать на себя особенное вниманіе и стараніе, дабы поощреніями и наградами возрождать ихъ и поддерживать».

Тѣ же самыя мысли и съ тою же настойчивостью Шишковъ высказывалъ и впослѣдствіи, какъ только рѣчь заходила объ академіи и объ ея значеніи и призваніи. Тò, чтò говорилось Шишковымъ по этому поводу, служитъ лучшимъ объясненіемъ того положенія, въ которое поставлена была академія въ отношеніи къ современной ей литературѣ и къ образованнѣйшей части тогдашняго общества.

Отражая нападки на академію, Шишковъ утверждалъ, что будущность ея — въ рукахъ ея членовъ. «Академія — говоритъ онъ—ничего не творитъ; она не есть *сочиняющая особа*, а токмо общество, пекущееся о пользѣ языка и словесности. Обвиняютъ академію, словно какъ бы она могла дѣйствовать, хотя бы никто изъ ея членовъ не дѣйствовалъ; требуютъ не отъ лицъ, составляющихъ академію, но какъ бы отъ стѣнъ ея чрезвычайныхъ и невозможныхъ успѣховъ» [354]).

Всякій, вступающій въ академію, принимаетъ на себя и обязанности, сопряженныя съ званіемъ члена академіи; но «въ чемъ же — спрашиваетъ Шишковъ — состоятъ сіи обязанности, и какое отличное преимущество составляетъ существенное достоинство академіи? Способности ли, знанія ли, *таланты ли*? Они конечно нужны; но въ нихъ нѣтъ ни равенства, ни единства мыслей: сколько головъ, столько умовъ—сказалъ нѣкто, смотря на многочисленное собраніе. Самый *талантъ*, хотя бы и полезный для языка и остроумія, можетъ иногда быть не токмо *безполезенъ*, но даже и вреденъ для истиннаго просвѣщенія. И такъ не столько *таланты сами по себѣ*, сколько общее наблюденіе въ направле-

нія оныхъ къ полезному намѣренію есть приличная и важнѣйшая академіи обязанность» и т. д.[355]).

Какими соображеніями всего чаще руководствовался Шишковъ при выборѣ новыхъ членовъ въ россійскую академію, можно видѣть изъ слѣдующаго заявленія его по поводу С. В. Руссова:[356]).

Въ императорскую россійскую академію отъ президента оной

Предложеніе.

Имѣю честь предложить г. г. членамъ академіи, не благоугодно ли будетъ имъ сегодня приступить, на основаніи устава, къ избранію въ дѣйствительные члены г. надворнаго совѣтника Степана Васильевича Руссова, который въ разныхъ изданныхъ имъ сочиненіяхъ своихъ старался ясными и справедливыми, безъ всякой стачки и пристрастія, доводами и доказательствами опровергать неблагонамѣренное нѣкоторыхъ писателей намѣреніе ложными выдумками и умствованіями искажать бытописанія наши, лѣтописи, языкъ, и даже нравственность. Подобныя опроверженія, требующія немалыхъ трудовъ и знаній, отворяютъ двери въ академію; ибо она съ тѣмъ учреждена, чтобъ, изобличая всякія противъ языка и словесности лжеумствованія, не давать имъ усиливаться и вводить неопытныхъ читателей въ соблазнъ и заблужденіе. Это прямой ея долгъ; а потому и полагаю я г-на Руссова могущимъ быть полезнымъ ея членомъ.

Александръ Шишковъ.

Шишковъ былъ человѣкъ, горячо преданный своей идеѣ, обрекшій себя на служеніе ей и стремившійся во что̀ бы то ни стало осуществить ее на дѣлѣ и возбудить къ ней сочувствіе въ обществѣ. Дорого поплатился онъ за это стремленье, поражавшее своею односторонностью. Въ воображеніи Шишкова рисовалась академія, члены которой, всѣ до единаго, занимались бы славянскимъ корнесловіемъ и пересоздавали русскій литературный языкъ, обогащая его славянизмами, къ пользѣ и удовольствію

молодыхъ писателей и всего читающаго общества. Но откуда взять такое количество рабочихъ силъ, и какимъ образомъ вдохнуть въ нихъ страстную любовь къ корнесловію и уничтожить преграду, отдѣлявшую академію отъ той части нашего общества, которая готова была откликнуться на все живое и даровитое въ литературѣ, и не выносила посредственности и бездарности?...

Нелегко было добывать умѣлыхъ и охочихъ работниковъ. Съ прискорбіемъ замѣчаетъ Шишковъ, что изъ шестидесяти членовъ академіи одни въ отсутствіи, другіе заняты, третьи нерасположены, и т. д. Предоставить каждому работать отдѣльно, безъ всякаго общенія съ другими членами, или же возложить работу на всю академію, въ ея полномъ составѣ,—было бы несогласно съ назначеніемъ академіи, и не достигло бы желаемой цѣли. Въ первомъ случаѣ явился бы личный, а не академическій трудъ—произведеніе такого-то автора; во второмъ случаѣ, по всей вѣроятности, не вышло бы ровно ничего: вѣдь *вси* весьма часто значитъ *никто*, и пришлось бы ожидать чего-то не отъ живыхъ людей, а отъ существа отвлеченнаго — академіи, работающей безъ помощи составляющихъ ее членовъ. Чтобы выйти изъ затруднительнаго положенія, надо было придумать нѣчто среднее — не отдѣльныя лица, но и не *вся* академія, а только нѣкоторые изъ ея членовъ, дѣйствующіе отъ имени *всѣхъ*. Отсюда—отдѣлы, отряды, комитеты, и т. п. Къ существовавшимъ уже комитетамъ Шишковъ прибавилъ еще нѣсколько и въ томъ числѣ такъ называемый *попечительный комитетъ*. Говоря словами Шишкова, «члены сего комитета назначаются:

1) Для *попеченія* о собираніи такихъ произведеній, которыя окажутся достойными быть изданными отъ академіи.

2) Они могутъ собственными своими твореніями обогащать словесность, издавая ихъ подъ своимъ именемъ отъ лица академіи, чрезъ что̀, не теряя ничего сами, возвысятъ достоинство того общества, коего называются они членами.

3) *Публика будетъ болѣе извѣстна о дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ академіи.*

4) Комитетъ, если попеченія онаго будутъ успѣшны, можетъ столько приготовить или собрать разнаго рода сочиненій, что удобно будетъ раздѣлить ихъ на нѣсколько разрядовъ, и тогда академія назначитъ дни для публичныхъ чтеній, какъ то̀, *къ пользѣ и удовольствію слушателей*, дѣлано было въ Бесѣдѣ любителей россійской словесности»[357]).

Въ числѣ членовъ россійской академіи, приглашенныхъ Шишковымъ къ участію въ трудахъ попечительнаго комитета, были и знаменитости тогдашней литературы: Дмитріевъ, Крыловъ, Карамзинъ, Жуковскій.

Самое избраніе въ члены россійской академіи такихъ писателей, какъ Карамзинъ, Жуковскій и Пушкинъ, было явленіемъ весьма важнымъ въ академической жизни. Оно подавало надежду, что академія выйдетъ, рано или поздно, изъ своего заколдованнаго круга и вступитъ въ общеніе съ дѣйствительными свѣтилами нашего литературнаго міра, произведенія которыхъ составляютъ истинную сокровищницу нашего языка. Неохотно и съ большимъ предубѣжденіемъ раскрывая книги новыхъ писателей, Шишковъ убѣдился, что и тамъ можно вычитать вещи, говорящія душѣ русскаго человѣка, и что сочуствіе общеевропейскому просвѣщенію нисколько не подрываетъ любви къ своему отечеству и къ своему родному языку. Искренній во всѣхъ убѣжденіяхъ и дѣйствіяхъ, Шишковъ воздалъ должное великимъ заслугамъ своего литературнаго противника — Карамзина, и склонилъ свою сѣдую голову передъ геніальнымъ молодымъ писателемъ — Пушкинымъ, на котораго недовѣрчиво смотрѣли въ ту пору не одни только люди стараго поколѣнія. Достойно замѣчанія, что Шишковъ призналъ неоспоримое достоинство поэта, котораго силились развѣнчать тогдашніе критики: Каченовскій и Надеждинъ...

Но какъ бы ни были художественны произведенія писателей, все это, по понятіямъ Шишкова, — только листья, а истинные корни — въ языкѣ. Къ этому-то неисчерпаемому источнику Шишковъ и желалъ направить силы своихъ сочленовъ. Послѣ долгихъ

и напрасныхъ попытокъ найти себѣ сотрудниковъ между своими соотечественниками, онъ обратился къ своимъ соплеменникамъ— къ южнымъ и западнымъ славянамъ, отыскивая между ними ученыхъ и писателей, сочувствующихъ его стремленіямъ и готовыхъ переселиться въ Россію.

Мысль о литературномъ общеніи между славянскими народами весьма улыбалась Шишкову. Онъ пытался ознакомить русское читающее общество съ памятниками языка и словесности различныхъ славянскихъ народовъ. На страницахъ академическихъ изданій появлялись произведенія славянскихъ писателей не только въ русскомъ переводѣ, но и въ подлинникѣ, и это дѣлалось съ цѣлью, которую разъясняетъ самъ Шишковъ по поводу своихъ переводовъ Краледворской рукописи, Моравской пѣсни и др.

Открытіе Краледворской рукописи — говоритъ Шишковъ — «столько же и для нашей словесности полезно, сколько и для чехской или богемской, по той причинѣ, что языкъ въ сей старинной рукописи есть почти чистый нашъ языкъ. Затрудненіе понимать оный наводитъ токмо слитность латинскихъ буквъ, различно произносимыхъ и никакими строчными знаками не раздѣленныхъ; но со всѣмъ тѣмъ Слово о полку Игоревѣ темнѣе для насъ, нежели сія богемская рукопись. О достоинствѣ ея предоставляю я судить просвѣщеннымъ читателямъ, умѣющимъ различать силу руководимаго природою ума отъ мнимыхъ, часто неестественныхъ и мрачныхъ, красотъ перехитреннаго воображенія. Чтожъ принадлежитъ до моего перевода или преложенія на нашъ языкъ, то я не съ тѣмъ намѣреніемъ оное дѣлалъ, чтобъ прибираніемъ употребительнѣйшихъ въ нынѣшнемъ нашемъ нарѣчіи словъ дать плавность и чистоту слогу; но болѣе съ тѣмъ, чтобъ показать близость сего стариннаго богемскаго языка съ общимъ у насъ съ ними языкомъ славенскимъ, отколѣ усмотримъ, что если бы всѣ происходящія отъ онаго нарѣчія имѣли, какъ мы, славенскія буквы, то въ произношеніи словъ, и даже въ самыхъ грамматическихъ правилахъ не было бы почти никакой разности, а была бы оная токмо въ словахъ, общихъ языку, но подъ которыми

часто въ одномъ нарѣчіи разумѣется хотя и смежное нѣчто, однакожъ различное отъ другаго, какъ мы то̀ въ прилагаемыхъ при сихъ повѣстяхъ подъ каждымъ необыкновеннымъ намъ словомъ примѣчаніяхъ яснѣе увидимъ. Таковое преложеніе полезнѣе и приличнѣе для академическихъ изданій, нежели соблюденіе красоты слога, о которой можно помышлять въ другомъ, отдаленнѣйшемъ отъ подлинника, переводѣ; но здѣсь старался я наиболѣе о томъ, чтобъ для лучшаго выразумленія подлинника сохранять не только тѣ же самыя слова, но даже и тотъ же самый порядокъ оныхъ, отступая отъ сего токмо тамъ, гдѣ уже никакимъ образомъ соблюсти того было неможно; тогда примѣчаніями и объясненіями старался я, сколько могъ, истолковать неудобопонимаемое въ подлинникѣ, или хотя и понятное, но у насъ неупотребительное. Главное отступленіе позволилъ я себѣ только въ томъ, что славенскія окончанія, таковыя какъ *biese*, *imiese*, *dostupichu* (бѣша, имѣша, доступиху), и проч., превращалъ въ русскія: *были*, *имѣли*, *доступили*. Наконецъ скажу: весьма бы желательно было, чтобъ искусное перо преложило сіи повѣсти въ мѣрные стихи, безъ риѳмъ, наиболѣе свойственные русскому слогу, въ народныхъ нашихъ пѣсняхъ иногда блистающему, придерживаясь какъ можно ближе подлинника, и отнюдь не разрушая простыхъ и сильныхъ его красотъ» [358]).

Переводъ Шишкова въ такомъ родѣ;

. . . . . . Въ черномъ лѣсу,
Тамъ, куда князья собиралися,
Седмь князей съ удалою дружиною,
Туда же за ними въ темную ночь
Спѣшитъ и Выгондубъ со своими бойцами.
Всѣхъ бойцовъ было у него сто мужей;
Всѣ сто съ острыми въ ножнахъ мечами,
Съ сильными при мечахъ руками,
Съ твердою въ груди къ Выгондубу вѣрою.
Дошли они до средины лѣса,

Подали себѣ кругомъ правыя руки,
Тихими словами говорили.
Ночь перешла уже за полночь,
Приближалась къ утру сѣдосѣрому.
Тутъ Выгондубъ молвилъ князю Ольдриху:
Гой! послушай ты, велеславный князь!
Богъ далъ тебѣ храбрость во всѣ члены,
Богъ далъ тебѣ мудрость въ удалую главу,
Веди ты насъ противъ злыхъ поляковъ,
По слову твоему пойдемъ вправо или влѣво,
Впередъ или назадъ во всякую лютую брань...

Украшеніемъ Краледворской рукописи Шишковъ считаетъ помѣщенное въ ней стихотвореніе: *Забой, Славой и Людекъ.* Сверхъ русскаго перевода помѣщенъ и нѣмецкій, и сдѣлано такое замѣчаніе: «Пѣснь сія достойна особливаго вниманія: она красотою разсказа, полнотою мыслей и силою изображенія дѣйствій, кажется мнѣ превосходнѣе прочихъ. Для того, прежде, нежели приступимъ мы къ объясненію словъ подлинника, приложимъ здѣсь полный переводъ ея на нѣмецкомъ языкѣ, дабы желающій преложить оную въ русскіе стихи, могъ вмѣстѣ и симъ переводомъ пользоваться».

Въ пѣснѣ о судѣ Любуши переведено:

však ot svěj čeledi vojevodi,
mužié pašú, ženy ruby strojá —
Всякъ своею челядью управляй.
Мужи пашутъ, жены рубахи шьютъ.....

priletěše družná vlaštovica,
priletěše ot Otavy krivy:
sede na okence rozložito
v Lubušině otně, zlatě siedle,
siedle otně, světě Vyšegradě;
běduje i naricaje mutno —

Прилетѣла дружная *Властовица*,
Прилетѣла отъ Олавы Кривой,
Сѣла на окошечко *рожлезилое*
Въ Любушиномъ отцовскомъ златомъ сѣдлѣ,
Сѣдлѣ отцовскомъ — свѣтѣ Вышеградѣ,
Вопя и горюя смутно.....

«Точный смыслъ въ сихъ шести стихахъ также трудно опредѣлить по слѣдующимъ причинамъ:

Слово *wlastowica*, кажется, происходитъ непосредственно отъ *власть*, и потому долженствовало бы означать дружину властелиновъ, князей, бояръ; но выраженіе *priletese* (прилетѣла) и слѣдующее за нимъ *sede na okonce* (сѣла на окно) наводитъ сомнѣніе; ибо какимъ образомъ, говоря въ прямомъ смыслѣ о властителяхъ или князьяхъ, сказать, что они *прилетѣли и сѣли на окно*? Очевидно, что здѣсь уподоблены они стаду какихъ нибудь птицъ. И такъ, хотя нигдѣ въ имѣющихся у меня словаряхъ не могъ я сего найти, однакожъ по всему должно думать, что слово *wlastowica* значитъ здѣсь то-же, что наше *ластовица* (ласточка). Буква *w* легко могла быть или у насъ отнята, или у нихъ прибавлена, подобно тому, какъ въ словѣ *оспа* и *воспа*. Полагая сіе, смыслъ будетъ ясенъ, а именно: прилетѣла дружина ласточекъ (разумѣя подъ симъ сборище князей и народовъ, пришедшихъ спорить, состязаться), сѣла въ Вышеградѣ на окно Любушина златаго жилища или дворца (w zlate sedle), вопя и горюя смутно (béduje i narikaje mutno). Такимъ образомъ уподобленіе собравшихся князей или властей дружинѣ или стаду ласточекъ, обсѣвшихъ Любушинъ дворецъ и угрожающихъ отнятіемъ у нея повелительства (какъ послѣ сама она отъ онаго откажется) будетъ ясно и чисто.

Прилагательное къ окну *rožlezilo* (рожлезило) оставилъ я безъ перевода, потому что нигдѣ въ словаряхъ не могъ отыскать онаго. Между тѣмъ думаю, что оно значитъ нѣчто подобное тому, какъ въ нашихъ пѣсняхъ поется: *окошечко решетчатое*. Догадку сію основываю я на слѣдующемъ разсужденіи: часть сего слова

ro полагаю я сокращенною изъ предлога *roz* (раз), въ остальной же части *zlezilo* нахожу я сокращеніе слова *желѣзо*. И такъ *rozlezilo* будетъ *разжелѣзенное*, т. е. съ желѣзною рѣшеткою. Я могу обманываться, но приличнѣйшаго смысла дать прилагательному имени къ *окну* (okonce) не умѣю»[359]).

Помѣщая въ академическомъ изданіи «Моравскую пѣсню» (Pjsen wečernj), въ подлинникѣ и въ русскомъ переводѣ, Шишковъ счелъ нужнымъ замѣтить слѣдующее:[360]).

«Переводы съ разныхъ славенскихъ нарѣчій на славенскій или славенороссійскій или россійскій языкъ (ибо въ самой сущности нѣтъ между сими названіями различія) нужны или полезны съ таковымъ наблюденіемъ, чтобъ въ переводѣ сохранить сколько возможно тѣ же самыя слова и даже выраженія, дабы изъ сличенія нарѣчія съ языкомъ можно было яснѣе видѣть, какъ далеко первое уклонилось отъ втораго. Мы потому нашъ славенскій языкъ почитаемъ праотцемъ всѣхъ прочихъ его нарѣчій, что нѣтъ ни одного изъ сихъ послѣднихъ, которое бы имѣло славенскія буквы. Слѣдовательно, цѣлость языка, вообще, долженствовала болѣе сохраниться тамъ, гдѣ употребляются собственныя свои, а не чужія письмена, всегда уклоняющія языкъ отъ корня своего. Между тѣмъ, въ особенности, каждое нарѣчіе могло сохранить или изобрѣсть такое слово, котораго въ коренномъ языкѣ и другихъ нарѣчіяхъ недостаетъ, или оное хуже произведено или составлено. По сей причинѣ весьма полезно для языка разсматриваніе и сличеніе происшедшихъ отъ него нарѣчій; ибо хотя онъ и отецъ ихъ есть, однакоже можетъ иногда въ дѣтяхъ своихъ находить тѣ первоначальные корни, которые въ немъ, пустя отъ себя вѣтви, сами затмились или исчезли. Также въ дѣтяхъ можетъ иное лучше изобрѣтено или придумано быть, нежели въ самомъ отцѣ, и слѣдственно онъ, заимствуя изъ нихъ то̀, что̀ ему надобно, можетъ чрезъ то̀ обогащаться. Въ слѣдующемъ переводѣ мы особо замѣтимъ только тѣ слова, которыя непремѣнно надлежало перемѣнить, дабы переводъ былъ вразумителенъ. Впрочемъ мы поставляемъ себѣ главною обязанностію, чтобъ

подойти какъ можно ближе къ подлиннику; ибо намѣреніе наше не за красотою перевода гоняться, но за тѣмъ, чтобы для показанія сходства языка съ нарѣчіемъ соблюсти, поколику возможно, тѣ жъ самыя слова».

Pjseň wečernj.	Пѣсня вечерняя.
Slunce *se schyluge*	Солнце *склоняется*
k swému západu	къ своему западу,
Wečer giž maluge	Вечеръ ужь малюетъ
Nad winogradu	надъ виноградія
Swrsskami *mračjnka*	Вершинами *облачко*,
w ohni zlacená.	въ огнѣ злаченое.
W zàři *ted' končinka*	Въ зарѣ *тутъ краишекъ*
stogi zardena.	стоитъ рдяный.

Присланный Челяковскимъ «Отголосокъ русскихъ пѣсенъ» напечатанъ Шишковымъ только въ подлинникѣ, безъ русскаго перевода—по той причинѣ, что въ этомъ произведеніи, при нѣкоторомъ вниманіи, почти всѣ слова понятны.

Шишковъ находился въ постоянныхъ сношеніяхъ съ славянскими учеными и писателями. Къ нимъ обращался онъ въ случаѣ недоразумѣнія по какому-либо вопросу, касающемуся славянской филологіи вообще; при помощи ихъ онъ слѣдилъ за движеніемъ славянской литературы; они сообщали ему о всякомъ, сколько-нибудь выдающемся, явленіи въ литературѣ того или другого изъ славянскихъ народовъ, и т. д. Въ свою очередь Шишковъ былъ ревностнымъ предстателемъ за славянъ, посвятившихъ себя изученію славянства: онъ щедро надѣлялъ ихъ пособіями для продолженія научныхъ трудовъ, для собиранія памятниковъ народной словесности, для путешествія съ археологическою цѣлью, и т. п. И любо было Шишкову читать письма своихъ славянскихъ корреспондентовъ: ихъ сладкія рѣчи какъ бы подтверждали для него ту истину, что нѣтъ пророка въ своемъ отечествѣ. Что̀ могло быть отраднѣе для авторскаго самолюбія, какъ слова Копитара, сообщавшаго, что посѣтители императорской вѣнской библіотеки

осаждаютъ его требованіями выдать имъ для чтенія Извѣстія россійской академіи, которыя почти цѣликомъ состояли изъ сочиненій президента. Сколько радости доставляли письма Шафарика, увѣрявшаго, что творенія Шишкова, проникающія въ глубокую даль богатѣйшаго и величественнаго языка славянъ, служатъ превосходнымъ образцомъ, слѣдовать которому есть одна изъ священныхъ и пріятнѣйшихъ обязанностей каждаго славянскаго ученаго, и т. п.

Переписку съ славянскими учеными велъ частію самъ Шишковъ, частію же поручалъ ее члену и непремѣнному секретарю россійской академіи Д. И. Языкову. Посредникомъ въ приглашеніи славянскихъ ученыхъ въ Россію былъ и академикъ академіи наукъ П. И. Кеппенъ, передававшій имъ желаніе и условія россійской академіи. Иногда Шишковъ обращался и къ содѣйствію члена россійской академіи Д. П. Татищева, бывшаго въ то время нашимъ посланникомъ въ Вѣнѣ. Дмитрій Павловичъ Татищевъ избранъ, въ 1792 году, «пріобщникомъ» россійской академіи, въ 1793 году—дѣйствительнымъ членомъ россійской академіи, а въ 1841 году—почетнымъ членомъ втораго отдѣленія академіи наукъ, въ которое, какъ извѣстно, преобразована бывшая россійская академія. Въ званіи пріобщника и члена академіи Татищевъ участвовалъ въ академическихъ работахъ: собиралъ слова и примѣры изъ сочиненій Княжнина, сообщилъ опредѣленіе «военныхъ словъ» и т. д. [361]).

Для того, чтобы положить у насъ прочное основаніе изученію славянства, Шишковъ признавалъ необходимымъ: заведеніе славянской библіотеки, т. е. такой, въ которой были собраны памятники литературы по всѣмъ славянскимъ нарѣчіямъ и вообще всѣ книги относящіяся къ славяновѣдѣнію, и — приглашеніе въ Россію соплеменныхъ намъ славянскихъ ученыхъ. Въ качествѣ президента, Шишковъ обратился къ россійской академіи, въ 1829 году, съ слѣдующимъ заявленіемъ или «предложеніемъ»:

«Въ числѣ главнѣйшихъ обязанностей сей академіи, опредѣленныхъ уставомъ ея, заключаются 1) составленіе общаго сло-

варя языка и 2) изслѣдованіе корней и происшедшихъ отъ нихъ вѣтвей. Послѣ неоднократныхъ разсужденій о приведеніи сихъ статей въ исполненіе мы остаемся въ полномъ убѣжденіи, что ни настоящаго знаменованія словъ, ни начала происхожденія ихъ, мы не можемъ опредѣлить основательно безъ помощи прочихъ славенскихъ нарѣчій, безъ внимательнаго обозрѣнія, или, лучше сказать, безъ сличенія и свода всѣхъ ихъ. Тѣмъ менѣе открывается удобности, при недостаткѣ сихъ пособій, составить полный словарь языка нашего, въ который, какъ мы прежде говорили, должны по всей справедливости войти изъ другихъ славенскихъ нарѣчій такія слова, которыя суть чистыя славенскія, но въ нашемъ нарѣчіи не придуманныя и вмѣсто которыхъ употребляемъ мы иностранныя реченія. Для сихъ и для другихъ многихъ причинъ необходимо имѣть достаточное свѣдѣніе о всѣхъ составляющихъ славянскій языкъ нарѣчіяхъ, какъ-то: о польскомъ, богемскомъ, сербскомъ, краинскомъ, словакскомъ и прочихъ; знать о сочиненныхъ и сочиняемыхъ на оныхъ книгахъ; вести о томъ переписку съ ученѣйшими изъ писателей на сихъ нарѣчіяхъ, и получать извѣстія какъ о ходѣ ихъ языковъ, толь сходныхъ съ нашимъ, такъ и объ историческихъ съ сими народами происшествіяхъ.

Для достиженія столь полезной цѣли и для постановленія прочнаго основанія предполагаемымъ академіею занятіямъ, почитаю необходимыми два средства:

1) Составить при академіи сколь можно болѣе полное собраніе книгъ, достойныхъ примѣчанія изъ числа изданныхъ на всѣхъ славенскихъ нарѣчіяхъ, и присовокупить къ нимъ какъ подлинныя любопытнѣйшія изъ славенскихъ рукописей, которыя пріобрѣсть можно будетъ, такъ и списки съ прочихъ сего рода памятниковъ древней славенской словесности.

2) Пріискать людей, которые при надлежащей учености имѣли бы основательныя свѣдѣнія въ большей части славянскихъ нарѣчій и поручить имъ составленіе общаго словаря сихъ нарѣчій, пріобщивъ къ нимъ для таковаго занятія одного или двухъ чле-

новъ академіи. Сіи же самые ученые могли бы весьма много содѣйствовать въ выборѣ книгъ и рукописей славенскихъ, въ перепискѣ съ извѣстнѣйшими въ Европѣ славенскими писателями, какъ по сей, такъ и по другимъ частямъ, и вмѣстѣ быть книгохранителями предполагаемой при академіи славенской библіотеки.

Первое изъ сихъ средствъ не встрѣчаетъ никакихъ затрудненій, поелику императорская россійская академія, великодушіемъ и щедротами монарховъ своихъ, обильно надѣлена способами существованія, и единовременный расходъ отъ 30 до 40 тысячъ рублей на заведеніе славенскаго книгохранилища, равно какъ ежегодная издержка на пополненіе онаго, отъ двухъ до трехъ тысячъ рублей, могутъ безъ всякаго неудобства быть произведены изъ хозяйственныхъ суммъ академіи.

Что касается до избранія искусныхъ и опытныхъ въ употребленіи славенскихъ нарѣчій словесниковъ, то, не имѣя въ виду изъ извѣстныхъ писателей въ отечествѣ нашемъ такихъ, которые бы съ требуемыми свѣдѣніями желали посвятить время и способности свои на вышеизъясненный трудъ, я поручалъ снестись о семъ съ пользующимися уваженіемъ иноземными славянскими писателями, и изъ отзывовъ нѣкоторыхъ изъ нихъ не безъ основательности полагать можно, что они согласятся на умѣренныхъ условіяхъ прибыть въ Россію и принять на себя вышеозначенныя при императорской россійской академіи обязанности. Первый изъ нихъ есть г. Ганка, состоящій библіотекаремъ при чешскомъ (богемскомъ) народномъ музеумѣ. Открытія его по части отечественныхъ древностей обратили на себя вниманіе ученаго свѣта, и труды его въ пользу богемскаго языка, какъ въ историческомъ и филологическомъ, такъ наипаче въ грамматическомъ отношеніи, заслуживаютъ неоспоримое уваженіе. Другой, докторъ философіи Шаффарикъ, написалъ извѣстную исторію славенскаго языка и словесности по всѣмъ онаго нарѣчіямъ. Онъ былъ уже директоромъ сербской гимназіи въ Новомъ Садѣ (Neu Satz), что въ Венгріи, и теперь съ честію продолжаетъ служеніе при той же гимназіи въ званіи профессора піитики. Наконецъ

третій, г. Челаковскій, частный ученый въ Прагѣ, хотя и извѣстенъ болѣе по произведеніямъ въ родѣ изящной словесности, нежели по ученымъ въ славенскомъ языкѣ изысканіямъ, однако г. Ганка, коего свидѣтельство представляетъ достаточную благонадежность, отзывается о семъ писателѣ, что онъ занимался славенскимъ языкомъ по всѣмъ его нарѣчіямъ и съ пользою могъ бы быть профессоромъ по сей части.

Относительно къ главнымъ условіямъ вызова ихъ, я полагалъ бы съ своей стороны справедливымъ:

1) Г. г. Ганкѣ и Шаффарику назначить жалованья по 4,000 рублей, а г. Челаковскому по 3,000 рублей въ годъ, изъ хозяйственныхъ суммъ академіи.

2) Первымъ двумъ даровать въ отношеніи къ чинамъ и пенсіонамъ одинакое право съ ординарными, а послѣднему съ экстраординарными профессорами университетовъ, считая ихъ въ дѣйствительной службѣ со времени прибытія въ Россію, и наконецъ

3) Назначить, по сношенію съ ними, достаточную сумму на переѣздъ изъ-за-границъ въ Санктпетербургъ. Предоставляя все сіе предварительному соображенію императорской россійской академіи, нужнымъ почитаю присовокупить, что въ случаѣ согласія ея на всѣ вышеизъясненныя мѣры, я буду имѣть счастіе о приведеніи оныхъ въ исполненіе испрашивать высочайшее государя императора соизволеніе» [362]).

Предложеніе Шишкова съ большимъ сочувствіемъ встрѣчено и въ россійской академіи и въ комитетѣ министровъ. Въ засѣданіи комитета министровъ 7 января 1830 года объявлено, что государь императоръ утвердилъ представленіе о вызовѣ изъ-за-границы трехъ ученыхъ въ россійскую академію для занятій по части славянскихъ нарѣчій [363]).

Но предположенію и горячему желанію Шишкова не суждено было осуществиться. Подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ, славянскіе ученые откладывали свой пріѣздъ въ Россію, несмотря на то̀, что Ганка едва ли не первый подалъ мысль о вызовѣ ихъ въ Россію и просилъ не забыть о немъ при учрежденіи въ

Петербургѣ каѳедры общеславянской литературы, а Шафарикъ считалъ дѣло о своемъ переселеніи въ Россію окончательно рѣшеннымъ и называлъ себя — членомъ россійской академіи, съ которою связана отнынѣ его научно-литературная дѣятельность.

Потерявъ надежду видѣть славянскихъ ученыхъ въ своей средѣ, россійская академія, въ лицѣ Шишкова, не разрывала своихъ связей съ ними, и оказывала имъ весьма существенное содѣйствіе и поддержку. Академія единогласно постановила выдать изъ своихъ суммъ шесть тысячъ рублей Шафарику и Ганкѣ, по три тысячи каждому, въ видѣ пособія на изданіе предпринятыхъ ими трудовъ. Шафарикъ готовилъ тогда къ печати продолженіе Славянскихъ Древностей, Географію славянскихъ нарѣчій, законы Душана, новое изданіе Любушина суда; Ганка — лѣтопись Далимила, краткую славянскую грамматику, чешско-русскій и русско-чешскій словарь, и т. д.

Увѣдомляя о постановленіи россійской академіи, Шишковъ писалъ Ганкѣ [364]):

Милостивый государь,

Г. министръ народнаго просвѣщенія увѣдомилъ императорскую россійскую академію, что вы и г. Шафарикъ приготовили о славенскомъ языкѣ и его нарѣчіяхъ нѣкоторыя свои сочиненія, которыя желали бы издать въ свѣтъ, но не имѣете нужныхъ къ тому способовъ. Академія, обращая вниманіе какъ на увѣдомленіе г. министра, такъ и на прежнія сношенія ваши съ нею, положила: на изданіе сихъ трудовъ вашихъ отправить къ каждому изъ васъ по 3,000 р., которые вы и получите.

Славенскій языкъ есть самый древній; обработываніе и раскрытіе онаго было бы полезно не токмо для его нарѣчій, но и вообще для всѣхъ языковъ. Весьма было бы желательно, чтобы для тѣхъ славенскихъ нарѣчій, для которыхъ нѣтъ еще словарей, составлены были словари достаточные и полные. Къ сожалѣнію, языкъ нашъ почти совсѣмъ неизвѣстенъ иностраннымъ державамъ; но когда бы онѣ имѣли достаточное въ немъ знаніе, то

каждая изъ нихъ почерпнула бы изъ него многія свѣдѣнія и о собственномъ своемъ языкѣ. Аделунговъ, напр., словарь, впрочемъ, весьма достойный, принесъ бы нѣмецкому языку великую пользу, если бы трудолюбивый сочинитель онаго, вмѣсто ошибочныхъ словопроизводствъ изъ другихъ языковъ, могъ почерпать изъ нашего ближайшее и важнѣйшее. Я упражняюсь въ томъ давно, и хотя привелъ многія тому доказательства, но нашелъ бы ихъ еще болѣе, если бы болѣзни и лишеніе зрѣнія не отняли у меня возможности упражняться въ сихъ, требующихъ великаго труда, изслѣдованіяхъ.

Желая отъ искренняго сердца, чтобы вы и ваши ученые мужи возвысили языкъ нашъ и содѣлали его болѣе извѣстнымъ, съ истиннымъ почтеніемъ пребываю

вашимъ покорнымъ слугою

А. Шишковъ.

27 декабря 1838 года.

Письмо такого же содержанія было послано и Шафарику.

Весьма любопытна переписка Шишкова съ Караджичемъ, заключающая въ себѣ данныя, имѣющія значеніе и для исторіи россійской академіи и для біографіи сербскаго писателя. Караджичъ присылалъ для библіотеки россійской академіи старопечатныя и новыя книги, на славянскихъ языкахъ; увѣдомлялъ Шишкова о своихъ научныхъ предпріятіяхъ, прося оказать имъ содѣйствіе, и т. п. Шишковъ не оставался въ долгу передъ своимъ корреспондентомъ. Караджичъ неоднократно получалъ пособія отъ россійской академіи и отъ русскаго правительства. Благодаря Шишкову, россійская академія выдала Караджичу изъ своихъ суммъ сто червонныхъ, что составило 1080 рублей, на путешествіе по южнымъ славянскимъ землямъ, предпринятое Караджичемъ съ цѣлію собиранія памятниковъ народной словесности и матеріаловъ для сербскаго словаря и грамматики. По ходатайству Шишкова, Караджичу назначена, въ 1826 году, пенсія— по сто червонныхъ въ годъ, и т. д. Россійская академія не шла на помощь Караджичу только въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда

замѣчала, что онъ руководствуется не одною только любовью къ славянству и къ славянскому языку, но и нѣкоторыми посторонними соображеніями. Академія отказала въ пособіи для новаго изданія сербскаго словаря на томъ основаніи, что Караджичъ не согласился издать его съ *русскимъ* переводомъ, которому предпочелъ нѣмецкій, очевидно въ угоду австрійскому правительству. За исключеніемъ этого эпизода, Шишковъ относился къ Караджичу съ особеннымъ участіемъ. Когда сербскій князь Милошъ Обреновичъ назначилъ пенсію Караджичу, Шишковъ счелъ нужнымъ привѣтствовать Милоша, отъ имени россійской академіи, за его прекрасный поступокъ. Такое участіе со стороны Шишкова и русской академіи привело Милоша, по его собственнымъ словамъ, въ «неизъяснимый восторгъ».

Считая соплеменныхъ намъ славянскихъ ученыхъ, по роду ихъ занятій, членами россійской академіи, но находящимися — до поры, до времени — вдали отъ нея, Шишковъ поощрялъ труды ихъ наградами, предназначенными только для лицъ, занимающихся разработкою *отечественнаго* языка и словесности. Россійская академія наградила золотою медалью: Шафарика, Ганку, Копитара, Юнгмана, Колара; Караджичу присуждена была серебряная медаль, т. е. таже самая награда, которую получилъ Калайдовичъ за изданіе памятниковъ русской словесности XII вѣка.

Сношенія россійской академіи съ славянскими учеными безспорно заслуживаютъ вниманія, будучи первымъ шагомъ на пути къ сближенію Россіи съ славянскимъ міромъ и къ научному изслѣдованію родственнаго намъ, но тогда еще невѣдомаго, міра. Въ архивѣ россійской академіи сохранилось нѣсколько писемъ славянскихъ ученыхъ къ представителю россійской академіи: мы помѣщаемъ эти любопытныя письма въ приложеніяхъ къ нашему труду [365]).

Неутомимая, лихорадочная дѣятельность Шишкова въ россійской академіи давала мало простора для дѣятельности его со-

членовъ. При строго опредѣленной программѣ, при настойчивомъ требованіи главнаго вождя исполнять ее во всѣхъ подробностяхъ, на долю миролюбивыхъ сотрудниковъ, нежелавшихъ вступать въ безполезную борьбу, оставалось только одно — подчиниться господствующему теченію и отказаться отъ всякой попытки къ самостоятельности. Впрочемъ для нѣкоторыхъ, даже для многихъ изъ членовъ россійской академіи, искусно подобранныхъ Шишковымъ, такое положеніе вовсе не было стѣснительнымъ; они не только мирились съ нимъ, но и находили его совершенно правильнымъ и весьма для себя удобнымъ. Тѣже изъ членовъ россійской академіи, которые по своимъ высокимъ дарованіямъ призваны были прокладывать новые пути въ наукѣ и въ литературѣ, уклонялись, почти всѣ, отъ участія въ академическихъ трудахъ и предпріятіяхъ, предпочитая дѣйствовать на другомъ поприщѣ, болѣе для нихъ привлекательномъ. Въ длинномъ спискѣ лицъ, вступившихъ въ академію во времена Шишкова, есть имена, которыми по справедливости дорожитъ исторія русской науки. Таковы имена Востокова и митрополита Евгенія. Не ограничиваясь ими, мы упомянемъ еще о нѣсколькихъ членахъ россійской академіи, заслуживающихъ вниманія по своему участію въ академической дѣятельности или же по значенію своему для нашей умственной и общественной жизни.

И. А. ДМИТРЕВСКІЙ.

Иванъ Аѳанасьевичъ Дмитревскій былъ достойнымъ ученикомъ и преемникомъ Ѳ. Г. Волкова, основателя русскаго театра. Дмитревскій началъ свое образованіе въ ярославской семинаріи, а продолжалъ въ шляхетномъ кадетскомъ корпусѣ, куда опредѣлены были актеры-любители, прибывшіе съ Волковымъ изъ Ярославля въ Петербургъ. Для усовершенствованія въ драматиче-

скомъ искусствѣ Дмитревскій посылаемъ былъ заграницу — въ Германію, во Францію, въ Голландію. Въ литературѣ прошлаго столѣтія онъ пріобрѣлъ почетную извѣстность своими мастерскими, по мнѣнію современниковъ, переводами съ иностранныхъ подлинниковъ на русскій языкъ. Въ Извѣстіи о русскихъ писателяхъ — Nachricht von einigen russischen schriftstellern, имѣющемъ особенное значеніе, когда рѣчь идетъ о Дмитревскомъ, читаемъ:

«Иванъ Дмитревскій, нынѣшній первый актеръ нашей императорской придворной труппы (hofgesellschaft) писалъ элегіи, эпиграммы, пѣсни и другія мелкія стихотворенія въ этомъ родѣ. Стихи его чище, чѣмъ мысли. Онъ также перевелъ нѣсколько сочиненій, и притомъ съ такимъ успѣхомъ, что считается *однимъ изъ первостепенныхъ переводчиковъ*, непосредственно послѣ Елагина».

Слова нѣмецкаго подлинника: seine verse sind reiner, als seine gedanken переданы французскимъ переводчикомъ: on y remarque plus de facilité dans la versification que de la force dans les pensées.

Остается пока неразрѣшимой загадкой, кому принадлежитъ замѣтка о Дмитревскомъ, находящаяся въ лейпцигскомъ литературномъ журналѣ. Она служитъ однимъ изъ главныхъ возраженій противъ того, что авторомъ «Извѣстія» былъ именно Дмитревскій, а не кто-либо другой изъ русскихъ писателей или вообще изъ лицъ, хорошо знакомыхъ съ русскою литературою.

Н. И. Новиковъ, говоря въ своемъ словарѣ о Дмитревскомъ, особенно цѣнитъ его драматическія произведенія: «Дмитревскій, Иванъ, придворнаго россійскаго театра первый актеръ, писалъ много весьма изрядныхъ мелкихъ стихотвореній, изъ коихъ нѣкоторыя напечатаны въ ежемѣсячномъ сочиненіи, *Трудолюбивой пчелѣ*, 1759 года, изданномъ въ Санктпетербургѣ, и другихъ журналахъ. Онъ сочинилъ въ двухъ дѣйствіяхъ прологъ; но онъ еще не напечатанъ. Также перевелъ онъ съ великимъ успѣхомъ и *склонилъ на наши нравы* комедіи: *Раздумчивый*, *Демокритъ*, *Лунатикъ* и другія нѣкоторыя. Онѣ всѣ были многократно пред-

ставляемы на придворномъ россійскомъ театрѣ, и всегда принимаңы съ великою похвалою»[366]).

Продолжатель Новикова въ дѣлѣ собиранія матеріаловъ для исторіи русской литературы, митрополитъ Евгеній обращался къ содѣйствію Дмитревскаго при составленія словаря русскихъ писателей. Данныя, сообщенныя Дмитревскимъ, послужили главнымъ источникомъ для статьи о Княжнинѣ: «въ сочиненіи оной—пишетъ Евгеній—я пользовался совѣтами *Ивана Аѳанасьевича Дмитревскаго*, друга покойнику и учителя его въ театральныхъ піесахъ. *Критическія замѣчанія* на оныя *всѣ его. Онъ мнѣ помогалъ и во многихъ другихъ статьяхъ моего словаря*»[367]). Въ статьѣ о Княжнинѣ, въ ея окончательной обработкѣ, находимъ такого рода свѣдѣнія и замѣчанія: «Екатеринѣ II угодно было видѣть на россійскомъ театрѣ представленіе римскаго *Тита*. Она препоручила директору своего театра, Бибикову, выбрать человѣка, на котораго бы мастерскую кисть можно было положиться въ начертаніи сей картины. Задача предложена г. Княжнину, и онъ тотчасъ отгадалъ смыслъ и цѣль оной. Въ три недѣли трагедія, подъ названіемъ: *Титово милосердіе*, была готова, и Титъ представленъ былъ на придворномъ театрѣ въ чертахъ такихъ, которыхъ подлинника нельзя было публикѣ не узнать въ своей монархинѣ. Въ слѣдующій годъ Княжнинъ написалъ еще двѣ трагедіи: *Владисана* и *Софонизбу*. Обѣ они имѣли успѣхъ на театрѣ; но *Владисанъ* подошелъ ближе къ чувствованіямъ россіянъ потому, что изображенъ въ чертахъ, имъ соотечественныхъ. Больше всѣхъ трагедій произвела шуму его трагедія въ пяти дѣйствіяхъ, подъ названіемъ: *Вадимъ, князь новгородскій*. Сія піеса при жизни сочинителя неизвѣстна была публикѣ и, вѣроятно, никогда не хотѣлъ онъ даже издавать ее. Но по смерти его, нѣкоторые изъ его друзей напечатали ее при академіи наукъ въ 1793 г., то есть, въ то самое время, когда революціонныя злодѣйства Франціи начали ужасать Европу. *Вадимъ* тогда показался набатомъ. Піеса сія и дѣйствительно была не скромнѣе Вольтерова Брута, хотя въ роли Рюрика помѣщено на все до-

вольно правыхъ отвѣтовъ. Ее конфисковали и сожгли, а княгиня Дашкова, управлявшая тогда академіею наукъ, понесла гнѣвъ императрицы за напечатаніе оной въ академической типографіи. Одна рецензія А. Клушина на сію трагедію осталась для публики въ *С.-Петербургскомъ Меркуріи*, ч. III. Въ замѣчаніе о всѣхъ трагедіяхъ г. Княжнина сказать можно, что онѣ имѣютъ въ себѣ много прекрасныхъ, сильныхъ и даже разительныхъ мѣстъ, а особливо при изображеніи важныхъ и геройскихъ движеній. Онъ умѣлъ весьма кстати употреблять и эпиграмматическую остроту, въ которой многіе мѣры не знаютъ. Изъ трагедій его лучшими почитаются: *Дидона*, *Росславъ* и *Вадимъ*. Правда, критики винили и винятъ его въ томъ, что онъ много заимствовалъ, и даже почти переводилъ изъ иностранныхъ трагиковъ, какъ-то: изъ Метастазія, Расина, Корнеля, Вольтера, Мерета, и другихъ. Но надобно бы вспомнить, что г. Княжнинъ писалъ не для ученыхъ критиковъ, а для публики, которой нѣтъ нужды до извѣстныхъ и неизвѣстныхъ ей подлинниковъ, когда хорошіе съ нихъ списки производятъ въ ней столь же пріятныя впечатлѣнія. Славные писатели рѣдки, но немного и искусныхъ имъ подражателей; а для публики лучше хорошее, хотя подражательное, нежели собственное худое. Притомъ и славные писатели не почитали за стыдъ подражать; но разность ихъ отъ прочихъ въ томъ, что они въ переводахъ не искажали подлинниковъ и, подражая, дѣлали не хуже ихъ. Расинъ, много переводивъ изъ Эврипида и Софокла, заслужилъ безсмертіе.

Другое дарованіе въ г. Княжнинѣ, весьма рѣдко совмѣщающееся съ трагическимъ, было еще комическое. Доказательствомъ тому наипаче три его въ семъ родѣ піесы: опера *Сбитеньщикъ*, напеч. въ С.-Петербургѣ, 1789 г.; комедіи: *Хвастунъ*, С.-Петербургъ, 1786 г. и *Чудаки*, С.-Петербургъ, 1793 г. Правда, первая не нравоучительна; и почти вся состоитъ изъ простонародныхъ, часто даже грубыхъ шутокъ; но она писана въ угодность русскому партеру и райку, а послѣднія могутъ нравиться и всѣмъ вообще. Всѣ онѣ съ самаго появленія весьма часто на

театрахъ играны, и донынѣ играются. Есть еще его опера, подъ названіемъ: *Притворно-сумасшедшая,* хотя и игранная, но оставленная. Сія піеса не что иное, какъ подражаніе Реньяровой: Les folies amoureuses; она напеч. въ Москвѣ, 1801 г.»[368]).

И. А. Дмитревскій предложенъ былъ въ члены академіи предсѣдателемъ россійской академіи А. А. Нартовымъ. Вмѣстѣ съ Дмитревскимъ предложены были и другіе кандидаты на нѣсколько свободныхъ или «убылыхъ» мѣстъ. Въ собраніи 3 мая 1802 года происходили выборы. Лица, соединившія въ свою пользу наибольшее число голосовъ, объявлены тогда же членами россійской академіи, а Дмитревскому, получившему семь избирательныхъ голосовъ и пять неизбирательныхъ, предоставлено право вступить въ академію при первой открывшейся вакансіи. Вскорѣ, за смертію профессора московскаго университета Зыбелина, открылось мѣсто академика, вслѣдствіе чего и постановлено было, въ собраніи 31 мая 1802 года, пригласить И. А. Дмитревскаго въ академію, какъ ея дѣйствительнаго члена[369]). Тронутый этимъ знакомъ вниманія, хотя и нѣсколько поздняго, Дмитревскій, въ собраніи 21 іюня 1802 года, произнесъ слѣдующую вступительную рѣчь[370]).

Милостивые государи!

«Благоволеніе ваше, удостоившее присоединить меня къ числу членовъ сея знаменитѣйшія академіи, почитаю я счастливѣйшимъ въ жизни моей происшествіемъ, которымъ не токмо хвалиться, но и гордиться могу. Такъ, гордиться паче всего тѣмъ, что имѣю честь и славу быть пріобщенъ къ такому обществу, которое вмѣщаетъ въ себѣ достойнѣйшихъ и въ словесности искуснѣйшихъ мужей; такого общества, котораго всѣ намѣренія къ пользѣ, всѣ желанія къ вящшему просвѣщенію, вся цѣль къ славѣ отечества клонятся; котораго всѣ подвиги стремятся къ тому, чтобы распространить въ отечествѣ нашемъ всѣ красоты и важность россійскаго слова, утвердить истинный вкусъ въ стихотворствѣ и краснорѣчіи, преподать полныя правила во всей

словесности и совершенное въ письменахъ просвѣщеніе устроить. Похвальное, благородное и достойное сыновъ россійскихъ усердіе. Смѣло сказать можно, что ваше бодрственное и неутомимое трудолюбіе скоро, скоро внѣдритъ въ блаженныхъ странахъ нашихъ не только превосходнѣйшую словесность, каковою хвалятся Франція, Англія и Германія, но вскрывъ еще всѣ сокровища прекраснаго нашего языка, возродитъ новыхъ Цицероновъ и Виргиліевъ, и возставитъ — о, собудется мое предвѣщаніе! — и возставитъ въ Россіи главнѣйшія въ древности времена, вѣкъ Перикловъ въ Аѳинахъ и вѣкъ Августовъ въ Римѣ».

«Верхъ удовольствія моего исполнится, когда при мудрыхъ вашихъ наставленіяхъ, подъ вашимъ руководствомъ, и я возмогу по мѣрѣ силъ моихъ достойно подвизаться на томъ же поприщѣ, на которомъ вы, къ чести академіи, къ собственной вашей похвалѣ, столь превосходно отличаетесь. Но гдѣ недостаточны будутъ мои знанія, тамъ дополнитъ усердіе, которое никогда во мнѣ не оскудѣетъ. Такъ, милостивые государи, ваше просвѣщеніе подастъ мнѣ способы къ дарованіямъ; ваши разсужденія послужатъ мнѣ правилами; вашъ вкусъ составитъ и мой вкусъ, и ваши рѣшенія будутъ мои прорицатели».

«Боясь во зло употребить ваше вниманіе, и для того не смѣю теперь превозносить похвалами словесныя науки, во всѣ времена и во всѣхъ просвѣщенныхъ государствахъ уважаемыя и почитаемыя; умолчу о пользѣ, для всякаго пола, для всякаго возраста, для всякаго состоянія, отъ изящныхъ письменъ проистекающей. Не буду теперь утверждать и того, что словесность устрояетъ сердце, образуетъ разсудокъ, расширяетъ и возвышаетъ самый разумъ, короче сказать, она можетъ правильно нарещися воспитаніемъ всему человѣческому роду. Разсуждать о семъ съ вами предоставляю себѣ до другаго способнѣйшаго времени, а теперь спѣшу исполнить долгъ сердца моего, долгъ моей къ вамъ благодарности. Пріимите ее, милостивые государи, отъ одолженнаго вами человѣка, яко дань, изъ глубины души въ честь вашу подносимую; пріимите ее, и будьте увѣрены, что доставленную мнѣ

почесть вашего сообщества умѣю цѣнить во всей полнотѣ ея, почитаю ее, уважаю и драгоцѣннымъ пріемлю даромъ. И для того угодить вамъ приложу все стараніе; явиться достойнымъ вашего благоволенія почту за счастіе; возложенное на меня исполнить вмѣню въ священную должность, и трудиться съ вами для общей пользы поставлю всегда благомъ, честію и славою».

Дмитревскому было уже около семидесяти лѣтъ, когда онъ вступилъ въ академію; лучшая пора его жизни и дѣятельности принадлежала прошлому столѣтію. Тѣмъ не менѣе онъ всегда съ особенною охотою принималъ на себя академическія работы, усердно посѣщалъ собранія академіи, и занимался разборомъ присылаемыхъ въ академію произведеній, преимущественно драматическихъ. Въ числѣ уцѣлѣвшихъ бумагъ россійской академіи встрѣчаются и краткіе отзывы Дмитревскаго, писанные дрожащею, старческою рукою.

По приглашенію россійской академіи, Дмитревскій разсматривалъ: трагедію *Нума Помпилій*; трагедію *Демофонтъ*; три трагедіи и три похвальныя слова, написанныя по вызову академіи; героическія драмы: *Россы на войнѣ* и *Марѳа посадница*; оду Медера; нѣсколько одъ графа Хвостова; переводъ Путешествіе Анахарсиса, предпринятый членами академіи, и т. п. Онъ же разсматривалъ и произведенія другаго рода, какъ напримѣръ: Россійскую грамматику, составленную Фатеромъ, и Обозрѣніе малороссійскаго нарѣчія, или грамматическое показаніе существеннѣйшихъ отличій, отдѣлившихъ сіе нарѣчіе отъ чистаго россійскаго языка — трудъ Павловскаго [372]).

Въ отзывахъ Дмитревскаго, вообще чрезвычайно краткихъ, всего любопытнѣе черты литературныхъ воззрѣній, переносящія читателя въ прошлое столѣтіе—во времена полнѣйшаго господства ложно-классической теоріи, требовавшей эффектнаго торжества добродѣтели и наказанія порока, какъ можно болѣе картинъ и образовъ, заимствованныхъ изъ миѳологіи, и т. п. Приводимъ нѣсколько примѣровъ изъ рукописей Дмитревскаго:

— «Похвальное слово Петру Великому, подъ № 5-мъ означенное, заключаетъ въ себѣ много хорошаго, хотя не новаго. Слогъ онаго чистъ; витійства въ немъ довольно; и ежелибъ не существовало похвальное слово Ломоносова, то сіе сочиненіе могло бы почесться между лучшими похвальными словами, кои въ честь преобразителя Россіи писаны были. По моему мнѣнію, академія россійская можетъ его похвалить, но не увѣнчать». —

— «Похвальное слово царю Іоанну IV-му, съ девизомъ: «Heureuse est cette nation, où le flambeau de la sagesse ne s'éteigne jamais», не имѣетъ въ себѣ тѣхъ свойствъ, которыя составляютъ истинный панегирикъ. Нѣтъ въ немъ ни нужнаго краснорѣчія, ни приличнаго слога, ни порядочнаго въ предложеніяхъ шествія, а менѣе еще того громкихъ и поразительныхъ описаній тѣмъ преславнымъ дѣяніямъ, коими россійскій государь отличился. Оно погрѣшаетъ часто и въ исторіи, и въ самой грамматикѣ, а по симъ и другимъ причинамъ и увѣнчано быть не заслуживаетъ». —

— «Похвальное слово Пожарскому и Минину въ расположеніи своемъ есть подражаніе слову, которое Томасъ въ честь Марка Аврелія сочинилъ. Слогъ онаго, хотя довольно чистъ, но скуденъ въ изображеніяхъ и описаніяхъ риторическихъ, а потому и не вмѣщаетъ въ себѣ того сильнаго краснорѣчія, съ которымъ сіи два героя прославлены быть долженствуютъ. Многія знаменитѣйшія ихъ дѣянія вполнѣ не описаны; затрудненія въ собираніи войскъ и въ походахъ почти умолчены; препятствія отъ козней Марины, Заруцкаго и прочихъ, симъ мужамъ вопреки поставленныя, совсѣмъ не упомянуты; смерть патріарха Гермогена, сіе важное при тогдашнихъ обстоятельствахъ происшествіе, забыто.... Какое множество витійственныхъ красотъ чрезъ то опущено! — Коротко сказать: сочиненіе сіе похвально только по усердію, съ которымъ писатель прославить старался сихъ героевъ, а по достоинству панегириста оно во многихъ статьяхъ недостаточно, и по симъ причинамъ не соотвѣтствуетъ намѣренію и желанію академіи» [373]).

На судъ академіи представлена была ода Медера, написанная по случаю побѣдъ надъ поляками, въ 1794 году, и въ особенности послѣдней побѣды, одержанной генералъ-поручикомъ Ферзеномъ. Авторъ старался «весь образъ сраженія Ферзена, стройный въ немъ порядокъ» и даже «глубокую и страшную тишину», и т. п. изобразить точно такъ, какъ было въ дѣйствительности и какъ описано въ нѣмецкихъ газетахъ. По мнѣнію Дмитревскаго,

— «Ода г-на Медера, прославляющая побѣды россійскихъ войскъ надъ поляками, приноситъ сочинителю похвалу и честь. Многія, или, лучше сказать, почти всѣ строфы наполнены хорошимъ стихотворствомъ.

Замѣчанія почтеннаго г-на Карабанова на нѣкоторыя изреченія и слова нахожу я весьма справедливыми, и авторъ весьма легко поправить оныя можетъ.

По слабому моему мнѣнію, я бы сильно совѣтовалъ г-ну Медеру перемѣнить рѣчь Божію, повелѣвающую разить и отмщать. Сіе не соотвѣтствуетъ святѣйшимъ свойствамъ и милосердію всемогущаго Создателя; или и вовсе говорящаго божества не вводить. Лучше бы, кажется, было помѣстить въ оду митологическаго Марса, который бы отдавалъ россамъ свои мечь и щитъ на пораженіе враговъ, достойно за измѣны наказуемыхъ.

Ода сія изображаетъ славныя дѣянія уже прошедшія, такъ нѣтъ въ ней ничего, противнаго политикѣ тѣхъ временъ, и весьма жаль, что сочиненіе сіе не было тогда напечатано; но какъ авторъ желаетъ, можетъ быть, пустить оное въ свѣтъ нынѣ, то надобно, кажется, перемѣнить слова: *галловъ*, *Сену* и *пруссовъ* въ другія, воображенію стихотворца предоставленныя». —

— «Трагедія *Ржевской* недостаточна во всѣхъ частяхъ драматическаго искусства; связь ея порочна; распоряженіе явленій безпорядочно и принужденно; характеры лицъ не наблюдены; повторенія безчисленныя, и наконецъ — увѣнчанное злодѣйство. Нѣкоторые хорошіе стихи хотя дѣлаютъ честь сочинителю,

но всей трагедіи не доставляютъ похвалы, ниже посредственной» [374]). —

Изъ приведеннаго нами письма Нартова къ Хераскову видно, что Дмитревскому преимущественно, если не исключительно, принадлежатъ слѣдующія замѣчанія на трагедію Хераскова: *Раздѣленная Россія или Зареида* [375]):

«Сія трагедія написана стихами, чистыми, плавными, сладкогласными и во многихъ мѣстахъ сильными безъ надутливости; но въ шествіи и расположеніи ея находятся весьма ощутительные недостатки, изъ коихъ замѣтимъ здѣсь только главнѣйшіе:

1-е. Искусство требуетъ, чтобы каждое явленіе вмѣщало въ себѣ особенное дѣйствованіе, соотвѣтствующее цѣлости трагедіи; чтобы каждое лицо, а особливо главное, входило и выходило на театръ съ ясными и несумнительными для зрителей причинами, а въ концѣ третьяго явленія перваго дѣйствія Зареида и Велисанъ отходятъ—куда? и зачѣмъ? неизвѣстно. По крайней мѣрѣ надлежалобы сказать, что отходятъ для совѣтовъ, и кончить явленіе горячѣе, или чѣмъ нибудь соучастіе возбуждающимъ, а не простымъ словомъ *пойдемъ,* могущимъ произвесть разныя эпиграммы.

2-е. Мельпомена почитаетъ великимъ порокомъ увѣдомлять зрителей о томъ, что̀ впередъ будетъ. Она непремѣнно требуетъ, чтобъ дѣянія ея родились въ неожидаемой нечаянности и въ пораженіяхъ театральныхъ, именуемыхъ coups de théâtre, а не въ томъ, чтобы говорить въ жаркихъ явленіяхъ о селахъ, пещерахъ, дикихъ плодахъ и ключевыхъ водахъ. Не смотря на то̀, что все сіе изображено весьма хорошими стихами; но они здѣсь не кстати, ибо производятъ вмѣсто пылкости ежели не пустоту, то по крайней мѣрѣ холодность и слабость. Слѣдственно, сочинитель сей трагедіи погрѣшаетъ противу сего правила, заставивъ, въ четвертомъ явленіи третьяго дѣйствія, Зареиду, Ростислава и Велисана говорить о побѣгѣ и предувѣдомлять напередъ и весьма многословно о такомъ происшествіи, которое въ четвертомъ дѣйствіи должно случиться.

3-е. Какъ въ концѣ третьяго, такъ и въ четвертомъ явленіяхъ третьяго дѣйствія, Ростиславъ, прячущійся напослѣдокъ въ комнаты княжны по совѣту Велисанову, кажется намъ заочно только героемъ, а здѣсь на самомъ дѣлѣ трусомъ, малодушнымъ. Оттого-то онъ во всей трагедіи мало къ себѣ и жалости возбуждаетъ, что нигдѣ не выставленъ съ великостію княжеской души.

4-е. Просьба Велисанова о позволеніи удалиться отъ свѣта, равномѣрно и черное одѣяніе, въ которомъ онъ является на театръ предъ Зарендою—для чего? чтобы поцѣловать ея руку и съ нею проститься,—никакъ не могутъ быть помѣщены въ трагедіи. Эпизодъ сей покажется зрителямъ весьма страненъ.

5-е. Наконецъ необинновенно сказать можно, что трагедія сія, по своему катастрофу, едва ли достойна быть представленною на *ѳеатрѣ, яко на такомъ мѣстѣ, которое должно быть во всей строгости училищемъ добродѣтели и страшилищемъ порокамъ.* Ибо въ трагедіи сей *злодѣйство и наглость торжествуютъ, а невинность убита.* Изяславъ, желая удовлетворить буйственной страсти своей къ Зарендѣ, умерщвляетъ своею рукою несчастнаго Ростислава, бѣдной княжнѣ подаетъ причину прекратить жизнь свою изъ отчаянія. Мучитель ихъ нимало не раскаивается въ своемъ злодѣяніи. Не есть ли сіе во всей силѣ верхъ увѣнчаннаго беззаконія? *И что̀ понесутъ въ сердцахъ своихъ домой честные и добродѣтель любящіе люди, увидя такое безчеловѣчное окончаніе трагедіи? Не почтутъ ли они ненаказанное и торжествующее мучительство больше наученіемъ мучительствовать, нежели наставленіемъ удаляться отъ лютостей?*

И такъ, ежели бы все расположеніе и шествіе трагедіи соотвѣтствовало гладкости и красотѣ стиховъ, какими она писана, то сочиненіе сіе могло бы по справедливости увѣнчано быть назначенною отъ академіи наградою; но какъ вышеописанные недостатки препятствуютъ одобрить оное во всѣхъ частяхъ, того ради академія удерживается отъ увѣнчанія его почестями. Однакожъ, признавая стихосложеніе сей трагедіи прекраснымъ, от-

даетъ должную справедливость сочинителю оной, и предвидя въ немъ способность къ сему высокому роду творенія, надѣется, что нѣкогда со всею строгою истиною будетъ она имѣть удовольствіе видѣть труды его увѣнчанными».

Участвуя въ различныхъ предпріятіяхъ россійской академіи, Дмитревскій былъ членомъ нѣсколькихъ комитетовъ и въ томъ числѣ комитета для изданія періодическихъ листковъ [376]). На предложеніе президента доставить что-либо для предпринимаемаго академіею повременнаго изданія Дмитревскій «объявилъ свое желаніе сочинить похвальное слово россійскимъ государямъ, которые отличными милостями, щедротами, благодѣяніями и подвигами своими наиболѣе споспѣшествовали возвышенію и *просвѣщенію* Россіи» [377]).

Для академическаго празднества, по случаю обновленія дома россійской академіи, Дмитревскій сочинилъ стихи и хоръ, которые и были пѣты пѣвчими [378]).

По обычаю того времени, академическія празднества сопровождались похвальными рѣчами, прославлявшими знаменитыхъ людей, дѣйствовавшихъ на томъ или другомъ поприщѣ. Къ числу знаменитыхъ писателей, достойныхъ восхваленія, академія относила и Сумарокова. Съ просьбою сочинить похвальное слово Сумарокову президентъ академіи обратился къ Дмитревскому на томъ основаніи, что ему ближе, нежели другимъ, извѣстны дѣянія этого писателя, прославившаго себя своими драматическими твореніями. Дмитревскій весьма охотно принялъ возлагаемое на него порученіе, и исполнилъ его къ общему удовольствію какъ своихъ сочленовъ, такъ и постороннихъ слушателей.

Рѣчь Дмитревскаго представляетъ собою чистѣйшій образецъ краснорѣчія временъ давно-минувшихъ. Не ораторскіе пріемы автора, которые произвели такое пріятное впечатлѣніе на его современниковъ и судей, а совершенно другая сторона заслуживаетъ нѣкотораго вниманія изслѣдователя. Въ рѣчи Дмитревскаго есть черты, подкрѣпляющія, въ большей или меньшей степени, то соображеніе, что авторъ похвальнаго слова Сумарокову

и авторъ любопытнѣйшаго «Извѣстія» о нашихъ писателяхъ, помѣщеннаго въ лейпцигскомъ журналѣ, — одно и тоже лицо. Съ перваго взгляда бросается въ глаза не сходство, а различіе между лейпцигскимъ Извѣстіемъ и похвальнымъ словомъ Сумарокову. Въ «Извѣстіи» коротко и весьма мѣтко говорится о произведеніяхъ русскихъ писателей. Въ похвальномъ словѣ — непомѣрное разглагольствіе и напыщенность. Но таковы были времена и таковы были требованія отъ ораторской рѣчи, посвященной памяти «великаго мужа» и назначаемой для произнесенія въ торжественномъ собраніи «мужей», хотя и не великихъ, но чрезвычайно наклонныхъ къ величавости и возвышенному тону. Еще одно обстоятельство. Русскаго подлинника «Извѣстія» мы не знаемъ; оно доступно намъ только въ нѣмецкомъ переводѣ, вслѣдствіе чего исчезли для насъ всѣ тѣ особенности, тѣ устарѣлые слова и обороты и т. п., которые такъ рѣзко обозначились бы въ языкѣ подлинника. Несмотря на тò, что въ одномъ случаѣ авторъ долженъ былъ во чтò бы то ни стало хвалить и хвалить, а въ другомъ—ожидали отъ него критическихъ отзывовъ, между взглядами, высказанными и въ томъ и въ другомъ произведеніи, замѣчается нѣкоторое сходство.

Дмитревскій раздѣляетъ свою рѣчь на три части, и въ видѣ приступа предлагаетъ общую характеристику Сумарокова. Приступъ этотъ всего яснѣе показываетъ, какую цѣну можно придавать хвалебнымъ возгласамъ оратора, и въ чемъ заключаются его излюбленные пріемы [379]):

«Прославлять мужей, или высокою мудростію, или превосходными подвигами, или отмѣнными дарованіями себя возвеличившихъ, есть дань благодарности, которую потомство достоинству ихъ воздавать долженствуетъ.

Достойно и праведно прославляемъ и уважаемъ тѣхъ великихъ математиковъ, физиковъ, химиковъ, и прочихъ отличившихся въ знаніяхъ мужей, кои острозорнымъ умомъ своимъ проникнувъ въ сокровенныя чудеса природы, чрезъ свои глубокія умозрѣнія, вычисленія, испытанія, примѣчанія и опытности, расширили пре-

дѣлы всеобщихъ понятій, увеличили познаніе, усовершили науки, и новое просвѣщеніе для насъ открыли.

Но оставимъ ли безъ почитанія знаменитѣйшихъ стихотворцевъ, которые имѣли даръ премудро вымышлять, вымышленное преискусно описывать, описанное живо украшать, украшенное представлять безподобнымъ, совершеннымъ, и тѣмъ приводить души въ восторгъ и удивленіе? Пылкое ихъ воображеніе умѣло созидать новые міры, новыя души, невидимое творить очевиднымъ, небывалое существеннымъ, мертвое живымъ, вымышленное истиннымъ. Быстротечный ихъ умъ воспарялъ въ превыспреннія обители Божества, низлеталъ до преисподнихъ ада, низводилъ боговъ на землю, смертныхъ превращалъ въ боговъ; но всѣ сіи мудрыя иносказанія клонились единственно къ наставленію, поученію и просвѣщенію земнородныхъ. Свойство истинныхъ піитовъ возвышать души пофилософски, а плѣнять и восхищать ихъ постихотворчески. Омиръ, Виргилій, Клопштокъ, Мильтонъ и другіе великіе піиты не стяжали бы вѣчной славы, еслибы удалились отъ сей преславной цѣли; но они навѣки останутся Промиѳеями, похитившими небесный огонь и размножившими оный по всей вселенной.

О единомъ изъ преславныхъ стихотворцевъ намѣренъ и я занять вниманіе ваше, почтеннѣйшіе слушатели! Счастіемъ почту, если слово мое достойно будетъ и васъ, и того пресловутаго мужа, о которомъ говорить стану. Хвалить его не буду; онъ самъ себѣ похвала. Прославлять прославившагося, за скудостію моего витійства, также не смѣю; онъ превознесенъ не только въ отечествѣ нашемъ, но и во всей почти Европѣ. Сочиненія его по французски переведены, академіями словесныхъ наукъ расхвалены, и самымъ остроумнымъ Вольтеромъ уважены. При семъ знаменитомъ собраніи осмѣлюсь только напомянуть о его превосходномъ достоинствѣ, о великихъ дарованіяхъ, коими онъ былъ преукрашенъ и преисполненъ. Природа, на отмѣнные дары впрочемъ скупая, обогатила его не только всѣми сокровищами остраго разума, пылкаго воображенія и нѣжныхъ чувствій, для стихотвор-

ца необходимо нужныхъ, но ущедрила его и тѣмъ высокимъ изобрѣтательнымъ умомъ, тѣмъ геніемъ, который родитъ совершенныя и неподражаемыя сочиненія, и который во всѣхъ произведеніяхъ сего мужа блистаетъ, плѣнитъ и восхищаетъ. Съ симъ-то врожденнымъ геніемъ, съ твердостію духа, со щитомъ своего ума и сердца, прошелъ онъ сквозь всѣ трудныя дебри стихотворства и превратилъ ихъ въ плодоносные вертограды; съ симъ-то геніемъ придавалъ онъ всѣмъ предметамъ, до которыхъ ни касался, приличную по свойству ихъ пріятность, красоту и благородство; умѣлъ проницать души и возбуждать въ нихъ жалость, страхъ, удивленіе и восторгъ. Зная человѣческое сердце, умѣлъ вскрывать сокровеннѣйшіе згибы его, и всѣ въ немъ гнѣздящіяся страсти изображалъ приличными красками. Словомъ: онъ умѣлъ не только вѣрно описывать природу, но и украшать ее умѣлъ.

Но кто сей рѣдкій и достойный мужъ? вопрошаютъ ваши взоры. Сумароковъ—любимецъ Аполлона, другъ и наперсникъ музъ, искусный созерцатель природы. Онъ первый воздвигъ россійской Мельпоменѣ и Таліи великолѣпный храмъ; жертвенникъ его украсилъ превосходными своими сочиненіями, и свѣтъ, геніемъ его во храмѣ возженный, разливается уже по всему нашему отечеству. Грубое и темное невѣжество противъ воли своей покидаетъ прежнюю свою слѣпоту, шествуетъ охотно къ сему свѣту, плѣняется и восхищается утѣшительнымъ его сіяніемъ. Сумароковъ былъ первый изъ тѣхъ краснопѣвцевъ, кои сладкогласною мусикіею привлекли всѣхъ музъ въ Россію, помѣстили Геликонъ въ Петрополѣ, и живыя воды Ипокрены смѣсили съ прозрачными струями невскими. Онъ первый изъ тѣхъ рѣдкихъ піитовъ, кои, пылая пермесскимъ жаромъ, изслѣдывали въ точности всѣ пути и стези Парнасса, показали красоту его потомству, и славные примѣры подражанія оставили. Онъ—первый распространитель вкуса, прелестей и познаній стихотворческихъ въ Россіи; одинъ изъ превосходнѣйшихъ основателей нашей словесности; одинъ изъ достойнѣйшихъ знатоковъ силы, важности, красоты и правилъ сладкозвучнаго нашего языка; отецъ и учре-

дитель правильныхъ россійскихъ зрѣлищъ; отецъ совершенной трагедіи и благоразумной комедіи; отецъ всякихъ дидактическихъ сочиненій, коихъ мы на нашемъ языкѣ до него не имѣли».

За этимъ витіеватымъ введеніемъ слѣдуютъ отзывы о произведеніяхъ Сумарокова, напоминающіе собою бѣглыя замѣтки русскаго путешественника, появившіяся въ лейпцигскомъ литературномъ журналѣ.

Въ «Извѣстіи о нѣкоторыхъ русскихъ писателяхъ», помѣщенномъ въ лейпцигскомъ журналѣ, писатели названы въ такомъ порядкѣ: *Ѳеофанъ Прокоповичъ*, *Тредьяковскій*, *Ломоносовъ*, *Сумароковъ*, и т. д. О Тредьяковскомъ сказано между прочимъ: Nicht genug aber kann ihm unsre nation für seine herausgegebenen regeln der dichtkunst danken, als welche diejenigen genies, die entweder nichts von fremden sprachen verstunden, in ihrer muttersprache die kunst kennen lehrte, oder dem allgemeinen liebhaber zu einem richtigen urtheile von werken des geschmacks verhalf. Во французскомъ переводѣ: La nation ne peut pas lui avoir assez d'obligation de ce qu'il lui a fait connaître les regles de la poésie qu'il a publiées, en ce qu'elles font connaître l'art à ceux qui ne savent pas les langues etrangères et apprennent aux amateurs à se former un tact juste dans les ouvrages de goût.

Постепенное движеніе русской литературы Дмитревскій обозначаетъ именами: *Ѳеофана Прокоповича*, *Тредьяковскаго*, *Ломоносова* и *Сумарокова*, и главную заслугу Тредьяковскаго видитъ въ «правильномъ стихотворствѣ»:

«Въ новѣйшія времена Россіи краснорѣчіе имѣло несравненно больше счастія и успѣха, нежели стихотворство. Пресловутый *Ѳеофанъ* уже былъ, и прочіе предъ нимъ и послѣ него отмѣнные сладкословы. Были и стихотворцы, по однимъ риѳмамъ такъ называемые; но тусклый и едва мелькающій блескъ слабаго искусства ихъ обременялъ глаза читателей, и нескладный скрипъ стиховъ и дикогласное пѣніе ихъ оскорбляло уши. Настала наконецъ правильнаго стихотворства заря въ особѣ присноцамятнаго

Тредіаковскаго, а ясный и безоблачный полдень ихъ возсіялъ въ особахъ двухъ великихъ мужей, *Ломоносова* и *Сумарокова*. Отъ сихъ двухъ свѣтилъ, на вершинахъ россійскаго Парнасса возблиставшихъ, пролился свѣтъ во все государство; заставилъ чувствовать сладость пѣнія музъ; возбудилъ во многихъ россіянахъ соревнованіе, подражаніе, и возродилъ намъ преславнаго Хераскова, преславнаго Державина, Княжнина, Николева и прочихъ достойныхъ писателей».

При всей сдержанности автора «Извѣстія» Сумароковъ называется *великимъ человѣкомъ*: dieser *grosser mann* (во французскомъ переводѣ: ce *savant homme*). Въ похвальномъ словѣ онъ названъ *великимъ писателемъ для сердца*. Величіе его зиждется главнымъ образомъ на его трагедіяхъ:

«Слава Софокла, Эврипида, Корнелія, а наипаче Расина и Вольтера, воспламеняла душу Сумарокова; онъ ищетъ заслужить между ими мѣсто въ храмѣ безсмертія. Уступитъ ли истинный россіянинъ иностранцу въ достоинствѣ или подвигахъ, когда въ виду имѣетъ честь отечества и свою собственную? Сумароковъ безъ робости ищетъ храма Мельпомены, но увы! онъ окруженъ дикимъ, густымъ, непроходимымъ лѣсомъ, исполненнымъ колючаго тернія, сквозь который ни единъ россіянинъ никогда еще не проходилъ, и многіе разнонародные стихотворцы, поранены бывъ острыми терновыми иглами, со стыдомъ возвращались. Трудность сія не устрашаетъ нашего ироя; вооружась мечемъ остроумія, принявъ отъ сердца своего нить Аріадны, приближается смѣло къ непроходнымъ дебрямъ, и не уклоняясь ни вправо, ни влѣво, просѣкаетъ новый и надежный для себя и соотчичей путь, ведущій прямо ко вратамъ храма. Мельпомена съ радостію и удивленіемъ встрѣчаетъ россійскаго піита, увѣнчаваетъ его вѣнцомъ славы, и адамантовымъ перомъ врѣзываетъ имя Сумарокова на жертвенникѣ своемъ между славнѣйшими піитами, а первую его трагедію *Хоревъ*, ей поднесенную, помѣщаетъ въ число незабвенныхъ сочиненій—по самой истинѣ незабвенныхъ!

Удивленія достойно то̀, что всѣ славные трагики имѣли въ

искусствѣ своемъ хотя не превосходныхъ, однако хорошихъ предшественниковъ, отъ которыхъ могли получать нѣкоторое просвѣщеніе. Эсхилъ, Софоклъ и Эврипидъ имѣли путеводителемъ Тесписа; Корнелій, Расинъ и Вольтеръ имѣли уже наставниками своими Бенсерадовъ, Вуатюровъ, Сараценевъ и многихъ другихъ, а нашъ Сумароковъ имѣлъ путеводителемъ одного себя и свое сердце, и могъ сочинить во младыхъ лѣтахъ преславную трагедію — труднѣйшее и мудрѣйшее во всей словесности твореніе. Пусть безпристрастный читатель разсмотритъ *Хорева*; простое и незапутанное его содержаніе, естественное шествіе случаевъ, благоразумное расположеніе явленій, часъ отъ часу больше умножающаяся жалость, сила въ выраженіяхъ, важность въ уподобленіяхъ, превосходство въ мысляхъ, нѣжность въ любви, красота въ стихахъ, живое описаніе страстей, противоположности и внезапности особливо пятаго дѣйствія, могущаго служить примѣромъ и образцомъ для всѣхъ наилучшихъ трагедій, удивятъ непремѣнно. Пусть читатель во все сіе вникнетъ и преселится мыслію въ 48 годъ прошедшаго вѣка, въ коемъ трагедія сія была сочинена, и вкусъ, конечно, не такъ былъ изощренъ, какъ нынѣ; пусть читатель все сіе изслѣдуетъ, то безъ сомнѣнія воскликнетъ въ честь Сумарокову: се превосходный основатель драматическаго искусства; се остроумный отецъ нашей трагедіи!

Но мы возымѣемъ несравненно больше почитанія и уваженія къ достоинствамъ Сумарокова, когда къ прекрасной трагедіи *Хоревъ* присовокупимъ еще восемь другихъ преславныхъ трагедій, которыя, разумѣется, не всѣ преимуществами равны, но которыя различествуютъ, можетъ быть, между собою меньше, чѣмъ различествуетъ золото отъ чистѣйшаго серебра».

Относительное достоинство трагедій Сумарокова опредѣляется одинаковымъ образомъ и въ «Извѣстіи» и въ похвальномъ словѣ.

— Er ist der verfasser von sechs unsrer besten trauerspiele, unter folgenden aufschriften: 1) *Choreo*, 2) *Hamlet*, 3) *Artistone*, 4) *Sinav und Truwor*, 5) *Semire*, 6) *Dimise*. Das vierte und fün-

fte stück: *Sinav und Truwor* und die *Semire* verdienen den grössten beifall. Der stoff zu beiden so wie zu dem Choreo und der Dimise ist aus unserer geschichte, die er sehr glücklich zu nützen bewuszt. —

«Трагедія *Синавъ и Труворъ*, парижскою академіею словесности расхваленная, доказываетъ превосходство красотъ своихъ уже тѣмъ, что хотя тысячу разъ была въ Россіи представлена; но зрители всегда находятъ въ ней новыя удовольствія; всегда соплачутъ Ильменѣ, сострадаютъ Трувору, соболѣзнуютъ о Синавѣ, и удивляются стоическому хладнокровію Гостомысла. Съ языка его льется мудрость. Какія поученія для всего человѣчества! Поученія, кои однакожъ ни быстрому теченію внезапныхъ происшествій, ни различнымъ душевнымъ волнованіямъ дѣйствующихъ лицъ, ни малой холодности не причиняютъ. Трагедія сія послужить можетъ примѣромъ, какъ изъ немногихъ лицъ и изъ малыхъ причинъ выводить толь плачевныя и поразительныя дѣйствія. Вотъ истинное достоинство, какое оставилъ Сумароковъ для потомства въ сей драмѣ.

Лучшее театральное сочувствіе есть то, которое приводитъ сердце наше въ движеніе, въ соучастіе, и пріемлетъ надъ нимъ полную власть; такъ трагедія *Семира* есть вѣнецъ безсмертія Сумарокова. Все въ ней блистательно, поучительно, превосходно, велико. Избранныя мысли, пройскія чувствія, поразительныя изреченія, высокія слова восхищаютъ зрителя и показуютъ все величество и важность истинныя трагедіи. Какое безчисленное богатство, какое удивительное изобиліе красотъ внесъ Сумароковъ въ сокровищницу россійской словесности чрезъ сію драму. Таковую трагедію могла сочинить сама Мельпомена или—Сумароковъ. Осудитель ея, ежели бы могъ найтися, недостоинъ читать Сумарокова.

Будемъ справедливы и, забывъ на часъ примѣрныя въ стихотворствѣ дарованія Сумарокова, уступимъ критикѣ, которая часто видитъ только недостатки, а къ достоинству слѣпа, и красоты забываетъ; которая часто вооружается противъ свышняго

искусства по зависти или самолюбію; которая чаще великаго и превосходнаго не разумѣетъ по незнанію, и почти всегда прицѣпляется къ неважнымъ малостямъ или словамъ. Уступимъ ей и скажемъ съ нею, что въ трагедіяхъ: *Димизъ*, *Мстиславъ* и *Димитріи* Сумароковъ былъ ниже самого себя; что находятся въ тѣхъ драмахъ нѣкоторыя слабыя явленія; встрѣчаются, но весьма рѣдко, не довольно обработанные стихи, не довольно возвышенныя мысли и другія небрежности. Но возгласимъ ей неробкій отвѣтъ: развѣ луна меньше свѣтитъ, имѣя въ себѣ черныя пятна; развѣ красавица не должна уже быть красавицею ради пяти веснушекъ, при прелестяхъ лица совсѣмъ почти невидныхъ; развѣ алмазъ совсѣмъ теряетъ свою цѣну, когда вода въ немъ нѣсколько нечиста? А съ симъ отвѣтомъ предпоставимъ противъ стрѣлъ критики и отмѣнныя красоты, въ тѣхъ же самыхъ трагедіяхъ блистающія. Что̀ можетъ быть превыше Димитріева монолога во второмъ дѣйствіи! Что̀ превосходнѣе послѣднія половины четвертаго и всего пятаго дѣйствія! Сверхъ многихъ печальныхъ явленій, что̀ можетъ быть поразительнѣе трубнаго звука во *Мстиславѣ* и набатнаго колокола въ *Димитріи!* Обѣ сіи минуты потрясаютъ душу и воздымаютъ власы, когда лицедѣй толико же превосходенъ будетъ, какъ превосходны сіи внезапности. Умолкни, критика, научись почитать Сумарокова».

— Seine sechs *komödien* sind nicht so gut gerathen. Ungeachtet vieler eingestreuten komischen und witzigen einfälle und beiszender satîrischen züge, ist doch ihre ganze anlage nicht im stande die stücke auf der schaubühne unterhaltend genug zu machen. Desto allgemeiner ist der beifall, den der verfafser in seinem vaterlande wegen seiner fabeln erhalten, davon der hr. prof. Schlätzer einige ins deutsche übersetzet hat. Eben so schätzbar sind auch seine elegien, eclogen und lieder.

Во французскомъ переводѣ: Les six comédies qu'il a publiées ne valent pas ses tragédies. Quoiqu'elles contiennent beaucoup de saillies comiques et de traits satiriques, elles ne se soutiennent pas à la représentation. En revanche ses fables ont été aplaudies gé-

néralement, de même que ses élégies, ses eclogues et ses chansons. —

«Сумароковъ имѣлъ превеликій даръ и для комедіи; но по пламенному и живому свойству сочинялъ онъ всѣ комедіи такъ скоро, что въ три пріема комедія въ трехъ дѣйствіяхъ была уже готова. Сею-то поспѣшностію и несообразностію всего потребнаго комедіи его и отзываются. Не смотря на то̀, духъ и вкусъ истиннаго комичества виденъ въ нихъ повсюду и достоинъ подражанія. Цѣль осмѣянія пороковъ сохранена въ нихъ во всей полнотѣ. Осмѣиваемыя лица представлены въ ихъ безобразіяхъ живо и естественно. Колкія на ихъ счетъ насмѣшки, свойственныя каждому лицу нарѣчія, острыя слова, сатирическія черты и эпиграмматическіе въ разговорахъ обороты, коими сіи комедіи усѣяны, доказываютъ ясно, что Сумароковъ родился быть и комикомъ. Если бы употребилъ больше вниманія на комедію, то по остротѣ ума и веселости духа заслужилъ бы несомнѣнно имя и лавры Аристофана, Плавта, Теренція и самого Моліера; но онъ сію славу предоставя потомству, довольствовался только быть отцомъ и первымъ основателемъ россійской комедіи, а усовершать ее препоручилъ Фонъ-Визину, Княжнину, Николеву, и прочимъ достойнымъ россіянамъ.

Сумароковъ ведетъ насъ теперь съ собою на прекрасные Геликонскіе холмы, гдѣ музы въ присутствіи Эзопа, Федра, Пильпая и Лафонтена увѣнчали его новыми лаврами безсмертія. Самъ Аполлонъ чрезъ свѣтлую свою улыбку удостоилъ похвалою своего любимца. Четыреста притчей его суть четыреста новыхъ красотъ, между собою несходныхъ, и въ изяществѣ одна другой не уступающихъ; самая расторопность притупляется и не знаетъ, которой отдать преимущество. Что притча — то новое прельщеніе, новое совершенство; что притча — то новое воображеніе, новый умъ, новый піитическій даръ; что притча — то новая истина, подъ прозрачною пленою разумной аллегоріи предлагаемая, и мудрое нравоученіе читателю вперяющая. Люди не любятъ слушать нагой правды; они требуютъ, чтобъ она облечена была пѣ-

кою льстивою наружностію. Сумароковъ умѣлъ въ притчахъ своихъ представлять ее въ точномъ видѣ, и не только ею не огорчать, но приносить забаву, а чрезъ забаву исправлять сердца и доставлять пользу».

— In seinen briefen leistet er unserer nation in ansehung seiner grundsätze unserer sprache und der dichtkunst überhaupt ansehnliche dienste. Letztere sind ein auszug der Dichtkunst des Boileau. —

— Dans ses lettres il rend des grands services à la nation en y exposant les principes de la langue et de la poésie en général. Pour ces derniers il les a tirés de l'Art poétique de Boileau. —

«Достойно прославленъ Буало: достойно прославленъ быть долженъ и Сумароковъ за острыя сатиры, а наипаче за безподобныя его эпистолы о россійскомъ стихотворствѣ и россійскомъ языкѣ. Въ сихъ примѣрныхъ посланіяхъ, прекраснымъ слогомъ и стихами писанныхъ, видимъ мы тò, чтò Буало изобразилъ въ своемъ *Art poétique* (наука о стихотворствѣ). Видимъ въ нихъ всѣ безошибочныя правила во всѣхъ родахъ стихотворческаго искусства; видимъ въ нихъ, каковъ быть долженъ стихотворецъ; видимъ и удивляемся, что Сумароковъ не только могъ и умѣлъ преподать истинныя и мудрыя въ стихотворствѣ правила, но и доказать ихъ на самомъ дѣлѣ, и доказать съ такимъ превосходнымъ искусствомъ и честію, чего многіе иностранные авторы исполнить не могли и не умѣли».

— So glücklich aber ist er nicht in seinen oden, als herr *Lomonossov*. —

— Dans les odes il n'a pas réussi. —

«Стихотворецъ, объемлющій всю словесность, не можетъ быть равно совершенъ во всѣхъ частяхъ ея. Истину сію доказалъ собою самъ Вольтеръ: его оды почитаются гораздо ниже одъ Мальгерба и Руссо. Ту же самую участь имѣлъ и Сумароковъ. Торжественныя оды его хотя изобилуютъ лирическими красотами, хотя наполнены стихотворческими вымыслами; но нѣтъ въ нихъ такого изобрѣтательнаго духа, такого богатства вели-

кихъ мыслей, такой силы въ изображеніяхъ и описаніяхъ, какія видимъ въ *Ломоносовѣ*. Природа, производя великихъ людей, не даетъ имъ равныхъ средствъ и способностей въ одномъ и томъ же предметѣ, и потому каждый изъ сихъ современниковъ имѣлъ свой собственный вкусъ. Ломоносовъ былъ Пиндаръ, или піитъ, исполненный восторга и вдохновенія; Сумароковъ по склонности своей искалъ совершенства въ простотѣ и пріятности, желалъ быть лучше Гораціемъ, нежели Пиндаромъ. Ломоносовъ гремѣлъ, Сумароковъ пѣлъ; Ломоносовъ удивлялъ, Сумароковъ искалъ нравиться; Ломоносовъ дивенъ въ изображеніи чудесъ, Сумароковъ дивенъ въ изображеніи грацій; Ломоносовъ употреблялъ громогласныя трубы, Сумароковъ—арфы и свирѣли. Сумароковъ самъ отдавалъ справедливость Ломоносову за оды и похвальныя слова—такъ, какъ Ломоносовъ долженъ былъ уступить превосходство Сумарокову по трагедіямъ, притчамъ, пѣснямъ, и прочее. Безпристрастный читатель, разбирая сочиненія сихъ двухъ славныхъ мужей, увидитъ ясно, что Ломоносовъ былъ великій писатель для ума, а Сумароковъ — великій писатель для сердца».

— Eben so *unähnlich ist sich auch unser verfasser in seiner prose*, in welcher einige briefe und lobreden abgefasset sind. —

— Il a écrit quelques lettres et quelques panégyriques en prose; mais sa prose est audessous de sa poésie. —

«Лавры, *прозою* пріобрѣтаемые, *не столь блистательны* на главѣ Сумарокова, какъ лавры, *стихотворствомъ* пріобрѣтенные, Прозаическія его сочиненія, какъ то: *Стрѣлецкій бунтъ* и *Похвальныя слова* достойны прославленія, потому что вмѣщали въ себѣ правду и истину; но слогъ оныхъ не столь прельщающій, не столь вкрадчивый, уступаетъ сладкогласію стиховъ. Можно безошибочно утвердить, что весьма рѣдко и почти ни единому славному стихотворцу не дано было отъ природы быть въ обоихъ родахъ равнымъ: или проза преимуществовала надъ стихами, или стихи помрачали прозу. Самъ Вольтеръ едва ли могъ имѣть сіе рѣдкое преимущество».

Сдержанный отзывъ «Извѣстія» о героическихъ операхъ Сумарокова сильно прикрашенъ въ похвальномъ словѣ.

— Seine beiden heroischen opern, nämlich *Cephalus und Procris* und *Alceste* sind auch nicht ohne verdienst. —

— Ses deux opéra héroïques, savoir *Cephalus et Procris* et *Alceste* ne sont pas sans mérite. —

«Двѣ трагическія оперы, *Альцеста*, *Цефалъ и Прокрисъ*, прекраснымъ стихотворствомъ усѣянныя, и поражающими явленіями обогащенныя, двору и публикѣ во многократныхъ представленіяхъ удовольствіе приносившія, вѣнчаютъ Сумарокова новою славою: и въ сихъ небольшихъ твореніяхъ явилъ онъ въ себѣ и превосходнаго Метастазія, и славнаго Кинольта. Превосходный геній во всякомъ родѣ сочиненій превосходенъ и никогда себя не умаляетъ».

Похвальное слово Сумарокову, написанное Дмитревскимъ, академія признала «весьма удовлетворительнымъ какъ по чистотѣ слога, такъ и по содержащимся въ немъ, весьма искусно обработаннымъ предметамъ и мыслямъ», и отдавая справедливость усердію Дмитревскаго къ отечественной словесности и ревностному соучастію въ трудахъ россійской академіи, постановила выдать ему «за сей особенный и для словесности нашей полезный трудъ» триста рублей, и прочесть эту рѣчь въ предстоящемъ торжественномъ собраніи академіи. Вслѣдствіе такого постановленія, похвальное слово Сумарокову было читано въ торжественномъ собраніи россійской академіи, 17 декабря 1807 года, и «все собраніе, по выслушаніи сего слова, изъявило сочинителю онаго особенное свое удовольствіе» [380]).

М. Н. МУРАВЬЕВЪ.

Имя Михаила Никитича Муравьева принадлежитъ къ числу самыхъ почтенныхъ именъ въ исторіи нашей умственной и об-

щественной жизни. Мы имѣли поводъ неоднократно говорить объ участіи М. Н. Муравьева въ трудахъ для блага Россіи, для распространенія въ ней знаній и открытія путей къ просвѣщенію. Исторія московскаго университета, въ первые года послѣ его преобразованія въ началѣ девятнадцатаго столѣтія, и біографіи профессоровъ этого времени представляютъ обильные и важные матеріалы для оцѣнки просвѣтительной дѣятельности. М. Н. Муравьева. Не входя въ настоящее время въ разсмотрѣніе трудовъ и заслугъ этого замѣчательнаго человѣка, мы ограничимся, сообразно съ нашею цѣлью, единственно указаніемъ тѣхъ данныхъ, къ крайнему сожалѣнію весьма немногихъ, изъ которыхъ видно участіе М. Н. Муравьева въ дѣятельности россійской академіи.

М. Н. Муравьевъ былъ членомъ россійской академіи всего три года. По предложенію президента, А. А. Нартова, онъ избранъ въ академики, и притомъ единогласно, въ собраніи 28 мая 1804 года; скончался 29 іюля 1807 года[381]). Втеченіе послѣднихъ лѣтъ своей жизни онъ неутомимо дѣйствовалъ на общественномъ поприщѣ, вырабатывая систему народнаго образованія, созидая и устраивая высшій разсадникъ просвѣщенія, и подавая свой разумный голосъ по многимъ вопросамъ, къ обсужденію которыхъ призваны были молодымъ государемъ замѣчательнѣйшіе изъ нашихъ государственныхъ людей. Общественная дѣятельность Муравьева не препятствовала ему заниматься и литературою. Какъ просвѣщенный русскій писатель, онъ не оставался безучастнымъ свидѣтелемъ того, что̀ академія русскаго языка и словесности предпринимала на пользу русской литературы и науки. На сколько могъ, онъ удѣлялъ академіи свои досуги, принимая на себя, по ея вызову, ту или другую работу. Онъ былъ членомъ комитета для изданія періодическихъ листковъ, разсматривалъ сочиненія, представляемыя на соисканіе академическихъ наградъ, и т. д.[382]).

Въ отношеніи къ тогдашнему состоянію нашей литературной критики любопытенъ разборъ трагедіи *Нума Помпилій*, препро-

вожденный Муравьевымъ при слѣдующемъ письмѣ къ президенту россійской академіи А. А. Нартову[383]).

Милостивый государь мой
Андрей Андреевичъ!

Пріемля за особливую честь порученіе императорской россійской академіи разсмотрѣть трагедію *Нуму Помпилія*, имѣю честь препроводить мнѣніе мое о сей трагедіи къ вашему превосходительству, прося покорнѣйше представить оное академіи. Занятія мои отвлекли меня отъ скорѣйшаго исполненія порученнаго мнѣ дѣла. Сожалѣю черезвычайно, что въ сужденіи моемъ не могъ, по желанію моему, найти труды писателя соотвѣтствующими представленной имъ цѣли. Сей родъ стихотворства, по превосходной важности своей, не терпитъ посредственности, и я почиталъ себя обязаннымъ изъявить академіи истинное впечатлѣніе, произведенное во мнѣ чтеніемъ сей трагедіи. Ежели писатель имѣетъ предметомъ своимъ совершенство искусства, то онъ самъ предпочтетъ чистосердечное сужденіе снисходительной учтивости. Ибо судъ публики современной и потомственной, не пріемлющій частнаго потворства, увѣнчеваетъ превосходныя творенія и отвергаетъ безжалостно посредственныя. Я знаю съ другой стороны, что оскорбляющая критика подавляетъ дарованія, и желалъ бы усерднѣйше, судя со строгостію сочиненіе, ободрить писателя къ дальнѣйшему ученію искусства, столь труднаго и сіяющаго, каково есть трагическое. Академія одна имѣетъ право и удобность воздать справедливость сочиненію и сочинителю, и самый слабый опытъ обратить въ средство къ будущимъ успѣхамъ.

Имѣю честь быть съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностію, милостивый государь мой,

вашего превосходительства
покорнѣйшій слуга
Михайло Муравьевъ.

Сентября 16-го дня
1804 г.

Разсмотрѣніе трагедіи
Нума Помпилій.

«Ужасъ и жалость суть два чувствованія, долженствующія одушевлять трагедію. Она представляетъ героя, преходящаго трудныя испытанія несчастія и вселяющаго въ зрителей живое участіе, хотя счастливо превозмогаетъ препятствія, хотя становится жертвою оныхъ. Нравы его должны быть истинны, приличны и всегда сходны съ собою. Ежели приключенія героя сего посвящены исторіею, трагическій писатель долженъ во всемъ согласоваться съ нею; ежели онъ лицо вымышленное, то писатель, давшій ему сначала извѣстное умоначертаніе, долженъ постоянно сохранить оное до конца.

Въ трагедіи, предложенной разсмотрѣнію моему, Нума не есть настоящій герой, потому что онъ не производитъ ни жалости, ни ужаса, ниже удивленія, такъ какъ Корнеліевъ *Августъ*. Никакія страсти его не колеблютъ, такъ какъ *Цинну* въ трагедіи сего имени. Подвигъ его не стоитъ никакого превозможенія, какъ въ *Брутѣ* Вольтеровомъ. Человѣкъ безстрастный не есть предметъ трагедіи. Онъ не подверженъ никакой опасности; заговоръ, которымъ онъ начальствуетъ, производится въ дѣло безъ всякаго препятствія. Зрители не трепещутъ ни единаго мгновенія за жизнь его. Сверхъ того, Нума есть характеръ историческій, столь извѣстный, что приписать ему другія свойства, нежели тѣ, которыя исторія ему присвояетъ, было бы истиннымъ оскорбленіемъ вкуса и исторіи. Миролюбивое его расположеніе, благочестіе, удаленіе отъ верховной чести, любовь сельской жизни, уединенія и мудрости составляютъ полное и явственное умоначертаніе, совершенно противоположенное тому, которое столь несвойственно приписалъ ему сочинитель трагедіи. Нѣтъ противорѣчія болѣе того, какъ сдѣлать Нуму главою заговора. Далеко отъ того, чтобъ искать престола, Нума изъ числа тѣхъ немногихъ людей, которые чистосердечно отказывалися отъ бремени правленія. Ктому жъ смерть Ромулова есть извѣстное приклю-

ченіе въ исторіи. Во время народнаго собранія, въ внезапную бурю, между громовъ и молній, похищенъ на небо основатель Рима, и Прокулъ, одинъ изъ сенаторовъ, удостовѣрилъ народъ, что ему явился Ромулъ, завѣщавшій называть себя между безсмертныхъ Квириномъ. Или—вѣроподобнѣе—по поводу сей внезапной бури, былъ онъ умерщвленъ вельможами, которыхъ оскорбилъ властолюбіемъ своимъ и гордостію. Нума, жившій въ мирномъ семействѣ своемъ въ Сабинахъ, не имѣлъ ни малѣйшаго участія въ убіеніи. Стихотворцамъ все вымышлять позволяется, но не такъ, чтобы змѣи соединены были съ горлицами и овцы съ свирѣпыми тиграми. Надобно, чтобъ Ахиллесъ былъ дерзокъ, нетерпѣливъ, вспыльчивъ; Ино — печальна и сѣтующа и т. д.

Вразсужденіи прочихъ характеровъ, они изображены ложно и несоотвѣтственно преданіямъ. Великій человѣкъ, который посреди дикости времени своего положилъ основаніе царствующаго града, покорившаго потомъ большую часть народовъ, Ромулъ сдѣланъ тираномъ, неизвѣстно почему. Ему можно приписать нѣсколько преступленій и несправедливыхъ дѣйствій, политикою и честолюбіемъ внушенныхъ: братоубійство, похищеніе сабинокъ, подозрѣніе въ убіеніи Тація. Но не надобно позабыть создателя сильнаго государства, побѣдителя, законодателя, котораго Римъ включилъ въ число безсмертныхъ. Что касается до Зороастра, то одинъ анахронизмъ въ состояніи остановить каждаго, кто несовершенно чуждъ въ исторіи. Законодатель персовъ никогда не былъ въ Италіи, и брани марсовъ въ Египтѣ столько же извѣстны и вѣроятны, какъ мнимый оракулъ Минервы, повелѣвавшій убіеніе какого-то Леона.

Діана, говоритъ баснословіе, требовала жертвоприношенія Ифигеніи. Но все волшебство стиховъ Расиновыхъ, согласіе цѣлой древности потребны, чтобъ сокрыть невѣроятную жестокость такого оракула. Ромулъ умѣлъ, можетъ быть, выдумывать приказанія боговъ, политикѣ его полезныя; но конечно, для смерти побѣжденнаго непріятеля ненадобно было ему прибѣгать къ ненавистнымъ способамъ.

Вѣроятность есть законъ, котораго драматическій писатель никогда преступать не долженъ, ежели хочетъ нравиться просвѣщеннымъ людямъ. Сей сонъ Ромуловъ, пришествіе Зороастра, признаніе Леона за сына Зороастрова, суть приключенія романическія, недостойныя трагедіи, которая должна заимствовать все свое сіяніе отъ дѣйствія характеровъ и страстей. Всѣ происшествія должны изъ нихъ проистекать и на нихъ быть основаны. Это правда, что сія самая невѣроятность даетъ поводъ писателю къ трогательному явленію свиданія Зороастра съ Леономъ—одному явленію во всей трагедіи, которое внушаетъ нѣкоторое чувствованіе. Но и сіе самое явленіе не служитъ ни къ чему въ баснѣ трагедіи и можетъ быть почтено безполезнымъ.

Дѣйствіе должно быть просто и одно: просто, когда оно не обременено безполезными эпизодами, и когда шествіе его постепенно и безъ затрудненія начертавается; одно, когда въ каждомъ явленіи дѣйствіе поспѣшаетъ къ одной главной цѣли, и когда все наше вниманіе занято опасностію одного героя. Здѣсь одно опасеніе, которое можетъ занимать зрителя, касается до жребія Леона, и трагедія кончится съ четвертымъ дѣйствіемъ. Пятое содержитъ новую катастрофу, несравненно менѣе занимательную, нежели первую. Ромулъ представленъ съ самаго начала отвратительнымъ чудовищемъ, который не внушаетъ никакого сострастія въ зрителѣ. Нума есть лицо холодное, которое препроводитъ время въ разсужденіяхъ, и при концѣ дѣлается безо всякаго пожертвованія великодушнымъ. Я ничего не говорю о Герсиліи, которая, противно правамъ пола ея, есть извергъ жестокости и не имѣетъ образца въ природѣ. Введеніе ея совершенно безполезно, такъ какъ и ненужныхъ лицъ: Меція и Курція, которые ничего не производятъ.

Въ сплетеніи сей драмы не видно никакого искусства, ни постепенностей. Дѣйствіе безпрестанно въ одномъ положеніи и могло бы кончиться съ самымъ первымъ актомъ.

Большую часть недостатковъ сихъ приписать должно худому избранію басни. Авторъ, вмѣсто того, чтобъ почерпнуть дѣй-

ствіе свое въ исторіи, взялъ содержаніе трагедіи своей въ Флоріанѣ, который съ своей стороны позволилъ себѣ вымышлять противъ исторической истины, и когда могъ ввести Пиѳагора, основателя философіи въ Италіи, ввелъ противъ всякаго вѣроятія Зороастра. Трагедія есть важное сочиненіе, къ которому не должно приступать безъ знанія исторіи, нравовъ и народовъ.

Что касается до слога и выраженія, то достоинство трагедіи требовало бы болѣе тщанія. Стихосложеніе—прозаическое и не имѣющее никакой живности. Стихи, которые не стоятъ труда писателю, не оставляютъ по себѣ долгаго воспоминанія. Видны нѣкоторыя подражанія великому Корнелію. Но двѣ сцены, воспоминающія его, не производятъ того же дѣйствія, и страсти не имѣютъ ничего разительнаго. Нѣкоторыя необыкновенныя выраженія, какъ: *старче мой*, *сталь* вмѣсто *желѣза* или *меча*, и проч., противны употребленію россійскаго языка.

Сколько исполненіе, кажется мнѣ, недостаточно, столько намѣреніе писателя нахожу я достойнымъ ободренія. Ежели бы я смѣлъ дать совѣты мои писателю, я настоялъ бы на ученіе правилъ и образцовъ. Исторія есть одно изъ важнѣйшихъ знаній трагика. Нравоученіе, поколику посвящаетъ насъ въ знаніе сердца человѣческаго, есть другое ученіе, неразлучное съ первымъ. Чувствительное сердце есть необходимое дарованіе питомца Мельпомены. Но сколько чувствованія ни были бы превосходны, они будутъ потеряны для зрителей, если стихи, въ которыхъ выражены, не плѣняютъ слуха и воображенія совершенствомъ искусства, избранностію, полнотою и непринужденностію».

О похвальныхъ словахъ Минину и Пожарскому, написанныхъ по вызову академіи, Муравьевъ прислалъ самый краткій отзывъ [384]):

«Сочинители трехъ похвальныхъ словъ князю Пожарскому и Космѣ Минину положили все свое тщаніе и искусство въ прославленіи сихъ избавителей отечества, и хотя опыты ихъ далеки еще отъ желаемаго совершенства, но имъ неможно отказать нѣкотораго успѣха и знанія въ краснорѣчіи. Въ словѣ подъ № 1,

можно примѣтить нѣкоторую неравность слога, иногда унижающуюся къ простому разговору, иногда прераждающуюся въ возглашеніе. Въ словѣ подъ № 7 недостаетъ нужнаго пространства и основательности въ понятіяхъ, приличнаго благородства въ выраженіи, и вообще менѣе другихъ достигаетъ оно цѣли своей. Что касается до слова подъ № 6, то оно бы заслуживало быть увѣнчаннымъ, если бы сочинитель болѣе прилежалъ къ чистотѣ языка, ежели бы онъ не былъ черезвычайнымъ любителемъ сіянія и ложныхъ украшеній. Вообще показываетъ онъ счастливѣйшее дарованіе, пространныя знанія и возвышенный образъ размышленія; но образцами себѣ избралъ новѣйшихъ риторовъ, не примѣняяся ко свойству россійскаго языка, и присвоилъ ему обороты и выраженіе иностранные. Повсюду реченія, заимствованныя безъ пользы изъ наукъ и искусствъ. Индѣ слова низкія и неупотребительныя приложены къ важнымъ предметамъ; индѣ необычайныя понятія соединены съ намѣреніемъ, и смѣло начертанныя картины обременены подробностями. Впрочемъ сочиненіе само собою весьма привлекательно и заслуживаетъ отличеніе. По моему мнѣнію, можно удостоить слово сіе половиннаго награжденія, такъ какъ неудовлетворяющее совершенно всѣмъ требованіямъ превосходнаго творенія».

Михайло Муравьевъ.

Опредѣляя значеніе того или другого слова, вносимаго въ академическій словарь, Муравьевъ не прибѣгалъ къ обычнымъ тогда филологическимъ гаданіямъ, а справлялся съ памятниками русской литературы и, гдѣ было нужно, съ текстами: греческимъ, латинскимъ и др. Такъ по поводу споровъ о происхожденіи слова *князь* онъ писалъ непремѣнному секретарю академіи П. И. Соколову [385]):

Милостивый государь мой
Петръ Ивановичъ!

На писаніе ваше, которымъ исполняете учиненное вамъ императорскою россійскою академіею препорученіе, имѣю честь

отвѣтствовать. По мнѣнію моему, приведенный въ лексиконѣ текстъ псалма: *возьмите врата князи ваша* не относится нисколько къ простонародному слову *князь* или *князекъ*, означающему верхній брусъ воротъ. Я сличалъ текстъ сей съ переводами латинскимъ и греческимъ, и вы изволите увидѣть что въ нихъ пріемлется слово *князь* въ обыкновенномъ значеніи *начальствующаго, вождя, главы*. Въ Вулгатѣ изображено: Attolite portas, principes, vestras et elevamini portae aeternales: et introibit Rex gloriae. Подобно въ россійскомъ переводѣ: возьмите (возъимите, возвысьте), князи, *врата ваша*, (а не *князи ваши*). Греческій переводъ представляетъ намъ сіи слова: Ἄρατε πύλας οἱ ἄρχοντες ὑμῶν καὶ ἐπάρθητε πύλαι αἰώνιοι, καὶ εἰσελεύσεται ὁ βασιλεὺς τῆς δόξης — возвысьте врата, начальствующіе, ваши, и возвысьтеся врата вѣчныя, и внидетъ царь славы. Французскій ученый *Ле-Метръ де-Саси* толкуетъ такимъ образомъ въ преложеніи своемъ: Levez vos portes, o princes, *qui veillez à la garde de son tabernacle*; et vous, portes éternelles, levez-vous afin de laisser entrer le roi de gloire.

Что касается до предлагаемаго слова *гнесъ*, то кажется мнѣ, что, по сходству языка, отъ глагола *гнету* долженствуетъ произойти слово *гнетъ* (такъ какъ и есть *подгнета*, въ Лом.), а не *гнесъ*. Слово *князь* произносится однородными намъ поляками *ксензъ*, и весьма бы любопытно было узнать его корень въ нашихъ или польскихъ словопроизводителяхъ.

Прося васъ, милостивый государь, представить мнѣніе мое высокопочтеннѣйшему сословію, котораго вы истолкователемъ, имѣю честь быть съ истиннымъ почтеніемъ,

милостивый государь мой,

вашъ покорнѣйшій слуга

Михайло Муравьевъ.

Августа 3 дня 1805 г.
С.-Петербургъ.

МИТРОПОЛИТЪ ЕВГЕНІЙ.

Митрополитъ Евгеній — до постриженія въ монашество, Ефимъ Алексѣевичъ Болховитиновъ—началъ свое образованіе въ воронежской семинаріи, и довершилъ его въ славяно-греко-латинской академіи и въ московскомъ университетѣ, въ которомъ слушалъ курсы философіи, политики, физики, нѣмецкаго и французскаго языковъ, и т. д. Въ санѣ священника онъ трудился и на педагогическомъ поприщѣ, а по принятіи монашества проходилъ различныя степени духовной іерархіи, и втеченіе пятнадцати лѣтъ, до самой смерти своей, былъ кіевскимъ митрополитомъ. Пребываніе свое въ различныхъ краяхъ Россіи онъ ознаменовалъ превосходными изслѣдованіями, составляющими, по отзыву самыхъ строгихъ критиковъ, украшеніе нашей исторической литературы. Не касаясь другихъ сторонъ его ученой дѣятельности, замѣтимъ, что благодаря его трудамъ исторія русской литературы, какъ наука, получила прочное основаніе; съ появленіемъ его словаря началось въ нашихъ университетахъ систематическое преподаваніе исторіи русской литературы. Независимо отъ научной пытливости и неутомимаго трудолюбія, Евгеній замѣчателенъ и какъ ученый изслѣдователь, и какъ писатель, обладающій литературнымъ вкусомъ и чутьемъ, что̀ невсегда и даже весьма рѣдко достается на долю самыхъ усердныхъ собирателей археологическихъ и всякихъ другихъ матеріаловъ. Совѣты, которые онъ давалъ профессорамъ русской словесности, не должны быть забыты въ исторіи университетскаго преподаванія. Евгеній обнималъ собою всю совокупность явленій, смѣнявшихъ одно другое въ историческомъ развитіи литературы, и, не довольствуясь частичками и крупинками, созидалъ цѣлое или по крайней мѣрѣ постоянно имѣлъ въ умѣ идею объ этомъ цѣломъ, дающемъ смыслъ каждому отдѣльному явленію. Въ своемъ словарѣ русскихъ писателей онъ далъ превосходные, для своего времени, образцы и научнаго изслѣдованія, и литературной критики, и вмѣстѣ съ тѣмъ

общую картину всей русской литературы, собралъ множество данныхъ, рисующихъ движеніе нашей умственной жизни.

Научныя заслуги митрополита Евгенія оцѣнены по достоинству учеными различныхъ поколѣній. Академія наукъ, общество исторіи и древностей и всѣ русскіе университеты избрали его своимъ почетнымъ членомъ. Онъ былъ также членомъ россійской академіи и многихъ литературныхъ обществъ: Бесѣды любителей россійской словесности, московскаго и казанскаго обществъ любителей россійской словесности, с.-петербургскаго вольнаго общества любителей россійской словесности, и т. д.

Въ члены россійской академіи Евгеній, бывшій тогда, епископомъ старорусскимъ, предложенъ Державинымъ въ собраніи 5 мая 1806 года. Предлагая Евгенія, Державинъ представилъ академіи, въ подтвержденіе правъ своего кандидата на званіе академика, два его труда: Историческое, географическое и экономическое описаніе воронежской губерніи и Историческое изображеніе Грузіи. Такъ какъ всѣ мѣста академиковъ были тогда заняты, то и рѣшено отложить балотировку новаго члена до открытія свободнаго мѣста. Оно открылось со смертію Д. Н. Неплюева, и Евгеній избранъ былъ единогласно въ члены россійской академіи въ собраніи 24 ноября 1806 года [386]).

Избраніе это не доставило Евгенію ни малѣйшаго удовольствія; онъ принялъ его скрѣпя сердце, и только изъ приличія поблагодарилъ, кого слѣдуетъ, за оказанное ему вниманіе. Да иначе и быть не могло. Россійская академія не представляло того, что̀ имѣло большое значеніе въ глазахъ Евгенія. Въ ней не было тогда ни духа науки, ни крупныхъ талантовъ, ни вѣрнаго взгляда на цѣль и направленіе академической дѣятельности. Вмѣсто дружной семьи просвѣщенныхъ тружениковъ, въ академіи работалъ, собственно говоря, только одинъ человѣкъ, выбиваясь изъ силъ, чтобы труды его не пропали даромъ. Но водворяемое имъ направленіе не обѣщало большаго добра, и не могло возбуждать особеннаго сочувствія. Проницательный и чуткій Евгеній ясно понималъ, къ чему поведетъ такой порядокъ вещей, такое отчуж-

деніе отъ всего того, что заключало въ себѣ залогъ движенія и жизни въ литературѣ, а слѣдовательно и въ литературномъ языкѣ. Въ то самое время, когда Евгеній указывалъ на пользу и необходимость знакомства съ произведеніями современной литературы, съ языкомъ нашихъ новыхъ писателей, съ журнальными статьями Карамзина и его послѣдователей, въ россійской академіи воздвигалось на нихъ безпощадное гоненіе. Въ откровенной перепискѣ съ друзьями Евгеній выражался такимъ образомъ: «Меня назначили кандидатомъ въ россійскую академію; но симъ титломъ я не льщусь, потому что въ академіи сей всякая всячина набита въ членство, даже и такіе, которые отъ роду никогда ничего не писывали русскаго . . . Вы распинаетесь за россійскую академію, и, какъ примѣтно желали бы даже помѣстить ее въ числѣ *писателей*, хотя между членами ея весьма многіе — совершенные трутни. Но я вамъ скажу на ухо, что госпожа Академія весьма неблагодарна къ заочнымъ своимъ членамъ. Будучи въ Петербургѣ, я это обстоятельно узналъ, и увидите сами въ ея журналѣ, какъ она сортируетъ присланные ей сочиненія и переводы. . . Первый томъ академическаго Анахарсиса видѣлъ я въ Петербургѣ, и не имѣлъ терпѣнія прочитать ни 20 листовъ. Такъ-то переводитъ академія россійская, думающая быть учительницею въ россійской словесности» и т. п. [387]).

Несмотря однакоже на все это, Евгеній не уклонялся отъ участія въ предпріятіяхъ нелюбимой имъ академіи, и самымъ тщательнымъ образомъ исполнялъ то̀, что̀ обѣщалъ въ отвѣтѣ своемъ на извѣщеніе о выборѣ въ академики. Принося обычную благодарность за избраніе, Евгеній изъявляетъ полную готовность исполнять всѣ порученія академіи, а также и представлять на ея благоусмотрѣніе все то̀, что̀ можетъ содѣйствовать ея трудамъ и занятіямъ [388]).

Евгеній представлялъ въ академію свои переводы съ древнихъ языковъ; съ греческаго перевелъ онъ надгробное слово Демостина аѳинянамъ, убитымъ при Херонсѣ, съ латинскаго — рѣчь Цицерона за Милона. Пріемы, которымъ слѣдовалъ Евгеній въ

своихъ переводахъ, отчасти объясняются имъ въ слѣдующихъ письмахъ его къ президенту россійской академіи А. А. Нартову [389]).

I.

Ваше Высокопревосходительство!
Милостивый Государь!

По обѣщанію моему перевелъ я Демосѳеново *Надгробное слово аѳинянамъ, убіеннымъ въ сраженіи при городѣ Херонеѣ*, и переводъ мой представляя при семъ, за нужное почитаю донести вашему высокопревосходительству, что я въ ономъ строго держался буквальнаго смысла подлинника и не давалъ себѣ никакой вольности, кромѣ что

1) иногда опускалъ частицы и союзы, могущіе показаться въ русскомъ слогѣ излишествомъ или принужденіемъ;

2) дѣлалъ синтаксическую перестановку и обороты, приличнѣйшіе нашему языку;

3) не слѣдовалъ логическому раздѣленію частей слова, сдѣланному издателемъ моего подлинника, а раздѣлялъ самъ, какъ мнѣ казалось пристойнѣе.

Очень немногія съ моей стороны словесныя для изъясненія прибавки къ подлиннику отмѣтилъ я подчерченіемъ тѣхъ словъ. На нѣкоторыя темныя мѣста присовокупилъ я семь небольшихъ примѣчаній, а сначала—краткое предувѣдомленіе къ сему слову. Впрочемъ самъ я чувствую, что оборотъ перевода моего не походитъ на новѣйшій слогъ русскій. Но въ извиненіе свое только то̀ представить могу, что я переводилъ съ древняго языка. Предая все сіе благоусмотрѣнію вашего высокопревосходительства и почтеннѣйшихъ сочленовъ академіи, прилагаю для повѣрки моего перевода самый подлинникъ, съ котораго я переводилъ, и есмь съ истиннымъ высокопочитаніемъ и таковою же преданностію

вашего высокопревосходительства,
милостиваго государя,
покорнѣйшій слуга
Евгеній, епископъ старорусскій.

мая 24 1807 года.

II.

Ваше высокопревосходительство,
милостивый государь!

Почтеннѣйшее письмо вашего высокопревосходительства получилъ я съ искреннѣйшею признательностію за милостивое принятіе перваго опыта трудовъ моихъ, сдѣланнаго въ угоду императорской россійской академіи. Обѣщаніе напечатать оный въ изданіяхъ академическихъ ободряетъ меня и впредь моими трудами усердствовать академіи. При семъ смѣю доложить, что не будетъ ли полезно переводъ мой напечатать вмѣстѣ съ подлинникомъ для сравненія, потому что подлинники греческихъ писателей рѣже прочихъ и не всякому легко сыскивать, а притомъ и рѣчь сія столь кратка, что на обоихъ языкахъ немного займетъ страницъ. Впрочемъ, какъ благоволите.

Послѣ перваго сего опыта, если угодно вашему высокопревосходительству, я готовъ перевести еще какую-нибудь изъ лучшихъ рѣчей Цицероновыхъ. А потомъ осмѣлюсь прислать что-нибудь и изъ своихъ сочиненій относительно къ русскому языку.

Между тѣмъ доложу вашему высокопревосходительству, что я между древними рукописями новгородскаго софійскаго собора нашелъ одно русскаго писателя XII вѣка сочиненіе подъ названіемъ: *Хожденіе Даніила, рускія земли игумена.* Эта находка для русской словесности, кажется, должна быть драгоцѣнна. Я уже изъ четырехъ списковъ свелъ и исправилъ текстъ. Теперь дѣлаю кое-какія примѣчанія. Не благоугодно ли россійской академіи отъ себя издать сію книгу. Объ ней въ журналѣ *Другъ просвѣщенія* напечаталъ я уже нѣкоторое для читателей извѣстіе, съ коего при семъ прилагаю списокъ, и есмь съ истиннымъ высокопочитаніемъ и таковою же преданностію

вашего высокопревосходительства,
милостиваго государя,
покорнѣйшій слуга
Евгеній, епископъ старорусскій.

1807 года іюня 13.
Новгородъ.

III.

Ваше высокопревосходительство
милостивый государь!

Почтеннѣйшее письмо вашего высокопревосходительства отъ 24 іюня имѣлъ я честь получить. Мнѣніе, что полезнѣе издать Демосѳенову рѣчь съ подлинникомъ особою книжкою, весьма справедливо. Переводы древнихъ классическихъ писателей, если оные признаны будутъ образцовыми, полезны не для одного удовольствія чтенія, но и для примѣра, какъ переводить ихъ, а примѣромъ симъ нельзя иначе воспользоваться, какъ чрезъ сличеніе перевода съ подлинникомъ. Безъ сего и невѣрный, но подкрашенный переводъ можетъ показаться образцовымъ. Для юношества же легче доставать сіи примѣры, когда они будутъ издаваемы особыми книжками. По предложенію вашего высокопревосходительства я охотно готовъ заняться переводомъ Цицероновой рѣчи *за Милона*. Я и самъ обращалъ мысли на рѣчь сію преимущественно предъ прочими, потому что она признана и древними, и новѣйшими превосходнѣе прочихъ рѣчей Цицероновыхъ. Но прежде того за нужнѣйшее почитаю заняться вновь прилежнѣйшимъ пересмотрѣніемъ книги *Хожденія игумена Даніила*. Какъ скоро кончу сію книгу, то немедленно пришлю къ вашему высокопревосходительству. Между тѣмъ прося продолженія вашего ко мнѣ благоволенія, есмь съ истиннымъ высокопочитаніемъ и таковою же преданностію

вашего высокопревосходительства
милостиваго государя
покорнѣйшій слуга
Евгеній, епископъ старорусскій.

Іюля 3 дня
1807 года.

Немедленно по полученіи рукописи Евгенія она разсмотрѣна была въ академическомъ собраніи, которое и постановило напечатать переводъ рѣчи Демосѳена въ издаваемыхъ академіею Сочиненіяхъ и переводахъ [390]).

Посылая въ академію переводъ рѣчи Цицерона, Евгеній писалъ Нартову [391]):

Ваше высокопревосходительство
милостивый государь!

По препорученію вашего высокопревосходительства сдѣлалъ я переводъ Цицероновой рѣчи за Милона, и оный при семъ на благоразсмотрѣніе вашему высокопревосходительству представляя, осмѣливаюсь донести въ замѣчаніе, что

1-е. Подлинникомъ для перевода своего избралъ я Эрнестово изданіе, изъ всѣхъ новѣйшихъ исправнѣйшимъ почитающееся. Сіе означилъ я и въ заглавіи. А потому покорнѣйше прошу переводъ мой сличать съ симъ изданіемъ, а не съ другимъ какимъ, ибо всѣ прочія во многихъ мѣстахъ между собою и съ Эрнестовымъ разнорѣчивы, а индѣ даже различные знаки препинанія дѣлаютъ разность въ смыслѣ.

2-е. Въ опредѣленіи смысла труднѣйшихъ словъ руководствовался я Эрнестовымъ же на Цицерона толковымъ словаремъ, именуемымъ Clavis Ciceroniana, который также индѣ разнится отъ другихъ толкователей.

3-е. Для объясненія въ нѣкоторыхъ мѣстахъ буквальнаго смысла присовокупилъ я одиннадцать краткихъ примѣчаній, а до объясненія историческаго смысла не касался, дабы примѣчаній не размножать.

Въ переводѣ моёмъ, сколько было возможно, старался я строго держаться буквальнаго смысла и не упускать силы словъ; но все сіе предаю благоразсмотрѣнію вашего высокопревосходительства и почтеннѣйшихъ господъ сочленовъ. Если угодно будетъ еще что̀ по силамъ моимъ возложить на меня, я весьма охотно приму, будучи съ истиннымъ высокопочитаніемъ и совершеннѣйшею преданностію

вашего превосходительства,
милостиваго государя,
всепокорнѣйшій слуга
Евгеній, епископъ вологодскій.

Октября 13 дня 1808 года.
Вологда.

PS. Подлинникъ мой при семъ посылаю въ особомъ пакетѣ на имя Петра Ивановича Соколова. —

До какой степени внимательно относился Евгеній къ трудамъ своимъ, предпринимаемымъ по вызову россійской академіи, можно видѣть изъ того, что вскорѣ по присылкѣ переведенной имъ рѣчи онъ писалъ непремѣнному секретарю академіи: «Пересматривая свой переводъ Цицероновой рѣчи, разсудилъ я сдѣлать въ самомъ началѣ оной *перестановку словъ, ближайшую къ подлиннику*, дабы читателямъ, слишкомъ любящимъ строгую буквальность и съ первыхъ строкъ судящимъ о всемъ сочиненіи, не подать неудовольствія. Почему покорнѣйше прошу, если рѣчь сія не начата еще печатаніемъ, поправить начало по прилагаемой при семъ запискѣ» [392]).

Евгеній сообщилъ въ академію переводъ весьма любопытнаго труда — русской грамматики Шлецера, въ которой, по мнѣнію Евгенія, собранъ «довольно достаточный этимологическій словарь для сличенія нашего языка съ другими». Чтенію этаго перевода посвящено было нѣсколько академическихъ засѣданій, въ которыхъ присутствовалъ и самъ Евгеній [393]).

Мы уже видѣли, что Евгеній предлагалъ академіи издать открытый имъ памятникъ древней русской словесности — *Хожденіе Даніила, игумена руской земли*. Другой трудъ, присланный Евгеніемъ въ академію — *Изслѣдованіе о славянскомъ переводѣ священнаго писанія*, не могъ появиться въ печати вслѣдствіе особенныхъ соображеній. Посылая въ академію свое изслѣдованіе, Евгеній писалъ президенту академіи Нартову [394]):

Ваше высокопревосходительство!
милостивый государь!

Изъ доставленныхъ мнѣ отъ императорской россійской академіи IV и V части *Сочиненій и переводовъ* ея усмотрѣвъ я, что входятъ въ сіе изданіе и историческія сочиненія, осмѣливаюсь представить на благоразсмотрѣніе вашему высокопревосходительству и почтеннѣйшимъ сочленамъ сочиненное мною *Изслѣдова-*

ніе о славянскомъ переводѣ священнаго писанія, и покорнѣйше прошу принять оное благосклонно.

Имѣю честь быть съ истиннымъ высокопочитаніемъ и совершеннѣйшею преданностію

вашего высокопревосходительства,
милостиваго государя,
покорнѣйшій слуга
Евгеній, епископъ вологодскій.

Вологда
Генваря 5 дня 1812 года.

О содержаніи представленнаго въ академію труда Евгенія можно до нѣкоторой степени судить по слѣдующему постановленію россійской академіи [395]):

— Собраніе, по выслушаніи сего сочиненія, разсуждая, что предметъ онаго касается единственно до священнаго писанія и, между прочимъ, содержитъ въ себѣ:

1. Сличеніе разнорѣчій письменной синодальной библіи якимовской съ печатными: острожскою и новоисправленною, въ первыхъ трехъ главахъ Моисеев. книги Бытія и въ 1-й главѣ 2 кн. Паралипоменонъ.

2. Сличеніе харатейной псалтыри 1296 года съ якимовскимъ спискомъ.

3. Сличеніе ганкенстейновой рукописи а) съ харатейнымъ евангеліемъ вологодскимъ; б) съ харатейнымъ евангеліемъ новгородскаго архіепископа Моисея; в) съ харатейнымъ апостоломъ вологодскимъ; г) съ якимовскимъ спискомъ библіи и д) съ острожскою библіею.

4. Сличеніе мѣстъ ветхаго и новаго завѣта изъ сборника 1046 или 1076 года съ якимовскимъ спискомъ и съ изданіями: острожскимъ и новоисправленнымъ.

5. Сличеніе мѣстъ ветхаго и новаго завѣта изъ несторовой лѣтописи по кенигсбергскому списку съ якимовскимъ спискомъ и съ изданіями: острожскимъ и новоисправленнымъ 1751-го года.

6. Сличеніе перевода Франциска Скорины съ якимовскимъ спискомъ и острожскою библіею, — опредѣлило:

Сочиненіе сіе препроводить членамъ академіи, преосвященнымъ: Иринею, архіепископу псковскому, и Меѳодію, архіепископу тверскому, и просить ихъ преосвященства, дабы благоволили принять на себя трудъ разсмотрѣть сіе твореніе, и по разсмотрѣніи сообщить въ россійскую академію свои на оное замѣчанія и мнѣніе, можно ли сочиненіе сіе напечатать въ издаваемыхъ академіею Сочиненіяхъ и переводахъ. —

Членъ россійской академіи, архіепископъ тверской Меѳодій находилъ, что изслѣдованіе Евгенія не должно быть помѣщено въ академическомъ изданіи, — по причинамъ, изложеннымъ въ письмѣ къ непремѣнному секретарю академіи, П. И. Соколову[396]):

Милостивый государь мой
Петръ Ивановичъ!

По препорученію, каковое отъ россійской академіи объявлено мнѣ вами, разсматривалъ я сочиненіе подъ заглавіемъ: «*Изслѣдованіе о славянскомъ переводѣ священнаго писанія ветхаго и новаго завѣта*». При разсматриваніи нашелъ я:

1-е что вообще, въ семъ сочиненіи (кромѣ нѣкоторыхъ частныхъ несходствъ съ извѣстными въ нашей церкви преданіями и положеніями) вводятся неосновательные разсказы иностранцевъ, какъ-то: *Балдиновы, Ганкенстеиновы*, *Шлецеровы* и другихъ, — зри листъ 17-й и далѣе.

2-е Ослабляется или и вовсе отвергается принятое уже у насъ несторово повѣствованіе относительно времени, въ каковое переведены священныя книги съ греческаго на славянскій языкъ; — зри листъ 16, 17 и 18-й.

3-е. Къ концу помянутаго сочиненія, а именно съ 51-го листа, выставляются разнорѣчія списковъ священнаго писанія въ славянскомъ переводѣ, непредусмотрительно, поелику отъ таковыхъ разнорѣчій, частію сдѣлавшихся извѣстными, и безъ того много вышло шуму въ народѣ; и

4-е. Сочиненіе то относить къ россійской литературѣ или, иначе сказать, словесности, никакъ не можно: оно есть прямо

церковное и нѣкоторымъ образомъ принадлежащее къ христіанскому благочестію.

А потому мнѣніемъ моимъ полагаю, что вышепомянутое сочиненіе не можетъ быть назначено къ напечатанію, а должно предать его благоразсмотрѣнію святѣйшаго правительствующаго синода. Съ каковымъ видомъ и самое то сочиненіе при семъ возвращаю въ россійскую академію, пребывая съ истиннымъ почитаніемъ

вашего высокоблагородія,
милостиваго государя моего,
усерднѣйшій слуга
Меѳодій, архіепископъ тверской.

Іюня 4-го дня
1812 года.

Узнавши о намѣреніи россійской академіи представить *Изслѣдованіе о переводѣ св. писанія* на разсмотрѣніе св. синода, Евгеній просилъ возвратить ему рукопись, и предоставить ему самому распорядиться дальнѣйшею судьбою своего труда [397]).

Къ числу спорныхъ вопросовъ, обсуждавшихся въ собраніяхъ академіи, принадлежало употребленіе *з* и *с* въ предлогахъ: *без*, *воз* или *вз*, *из* и проч. Евгеній высказалъ по этому поводу слѣдующее мнѣніе [398]):

«Хотя нѣкоторые россійскіе писатели, слѣдуя славянскимъ книгамъ и обыкновенному произношенію россійскому, перемѣняютъ въ упомянутыхъ предлогахъ букву *з* на *с* и *с* на *з*, но мнѣніе императорской россійской академіи, чтобы писать сіи буквы безъ перемѣны, признаю я справедливѣйшимъ, какъ по причинамъ, въ академической запискѣ изъясненнымъ, такъ и потому, что —

1) Славянскія книги сами въ писаніи упомянутыхъ предлоговъ не вездѣ единообразны, и особливо печатанныя прежде половины XVII вѣка. Прежнихъ же временъ книги наши нельзя и принять за образецъ правописанія, потому что въ нихъ еще меньше постоянныхъ правилъ онаго находить можно.

2) Сами славянскія книги въ перемѣнѣ *з* и *с* не имѣютъ ни-

какого другаго грамматическаго основанія, кромѣ употребленіемъ введеннаго произношенія, которое время отъ времени всегда перемѣняется, и еслибы слѣдовать всегда за онымъ, то давно бы надлежало писать намъ: *агонь*, *хачу*, *малитва*, *слёзы* и проч.

3) Подмѣны буквъ, находящіяся въ писаніи другихъ языковъ, не оправдываютъ подражанія, а только доказываютъ, что вездѣ народное произношеніе удалялось отъ правилъ словопроизводства. Но для ограниченія сей-то вольности въ произношеніи, у евреевъ, напримѣръ, изобрѣтены точки и другіе при буквахъ знаки, а у грековъ ударенія. Другіе жъ народы, какъ напримѣръ агличане и французы, не находя уже способовъ ограничить вольности произношенія, при самомъ однакожъ измѣненіи онаго сохранили по крайней мѣрѣ большую часть древняго своего правописанія.

4) При умягченномъ по нынѣшнему употребленію произношеніи въ словахъ: *возкликнуть*, *возкипѣть*, *возхитить* и проч. буква *з* естественно отзывается какъ *с*, а въ словахъ *сборъ*, *сдѣлать*, *сжигатъ* и проч. буква *с* естественно также отзывается какъ *з*. Слѣдовательно, нѣтъ нужды и подмѣнять ихъ одну другою для читателей.

5) Послабленіе нововводителямъ писанія кромѣ того, что затруднитъ въ грамматикѣ правила правописанія, время отъ времени затмитъ и самое словопроизводство въ нашемъ языкѣ. Такъ, напримѣръ, нынѣ уже не всякій догадаться можетъ, что *чанъ* происходитъ отъ *дщанъ*, *щитать* отъ *четы*, *вотчина* отъ *отца* и проч.

Сіе мнѣніе мое предаю на благоразсмотрѣніе императорской россійской академіи.

Евгеній, епископъ вологодскій.

Мая 21
1808.

Въ бытность свою въ Петербургѣ митрополитъ Евгеній довольно усердно посѣщалъ россійскую академію. Всего чаще бывалъ онъ въ академіи въ 1826 году и особенно въ 1825 году,

когда читался представленный имъ переводъ русской грамматики Шлецера.

Въ началѣ 1837 года президентъ А. С. Шишковъ обратился въ россійскую академію съ предложеніемъ, не угодно ли ей будетъ увѣнчать высшею академическою наградою — большою золотою медалью «извѣстныя всѣмъ заслуги, оказанныя отечественной словесности» Евгеніемъ, митрополитомъ кіевскимъ. Предложеніе это окончательно утверждено въ майскомъ собраніи 1837 года; но такъ какъ Евгенія не было уже въ живыхъ (онъ скончался 23 февраля 1837 года), то и опредѣлено, вмѣсто медали, заказать на средства академіи портретъ ея умершаго, знаменитаго члена[399]).

По смерти митрополита Евгенія, издатель его словаря И. М. Снегиревъ обратился къ президенту россійской академіи съ просьбою слѣдующаго содержанія:

Ваше высокопревосходительство!

Россійской академіи почетный членъ покойный митрополитъ Евгеній незадолго предъ кончиною своей поручилъ мнѣ изданіе своего *Словаря русскихъ свѣтскихъ писателей*. Руководствуясь его предначертаніемъ, я началъ при жизни его и кончилъ послѣ его смерти печатаніе перваго тома, который я имѣлъ счастіе представить предсѣдательствуемой вашимъ высокопревосходительствомъ академіи. За недостаткомъ средствъ и пособій остановилось изданіе сіе, потому что число подписчиковъ на первый томъ не могло покрыть и половины издержекъ на напечатаніе.

Читая и слыша себѣ упреки за остановку, независящую отъ меня, сего небезполезнаго и нелишняго труда въ словесности отечественной, и находя его близкимъ къ цѣли россійской академіи, я рѣшился просить покорнѣйше ваше высокопревосходительство, какъ предсѣдателя сей блюстительницы чистоты и цѣлости отечественнаго слова и какъ прежняго своего благодѣтельнаго начальника, доставить мнѣ средства къ исполненію священной воли знаменитаго іерарха, вашего сочлена, и къ изданію

остальныхъ частей сего словаря, котораго ожидаютъ не только русскіе, но и чужестранные ученые.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенною преданностію честь имѣю быть навсегда,

милостивый государь,
вашего высокопревосходительства
всепокорнымъ слугою
Иванъ Снегиревъ.

Москва
Апрѣля 30 1840.

Россійская академія, признавая всю важность и пользу труда митрополита Евгенія, охотно согласилась принять на свой счетъ изданіе послѣдующихъ частей словаря русскихъ писателей, но съ тѣмъ однакоже, чтобы Снегиревъ присылалъ матеріалы, по мѣрѣ ихъ обработки, въ академію для разсмотрѣнія и печатанія. Словарь предполагали печатать въ академической типографіи, и всѣ экземпляры его предоставлялись въ пользу Снегирева, за исключеньемъ шестидесяти — вѣроятно, по числу членовъ россійской академіи [400]).

И. И. МАРТЫНОВЪ.

И. И. Мартыновъ получилъ образованіе въ полтавской семинаріи, въ которой началъ и свое педагогическое поприще. Въ полтавской семинаріи онъ преподавалъ греческій языкъ. По переселеніи въ Петербургъ онъ получилъ въ александроневской академіи мѣсто учителя греческаго и латинскаго языковъ, риторики и піитики; впослѣдствіи онъ былъ учителемъ въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ и преподавалъ эстетику въ главномъ педагогическомъ институтѣ. Болѣе тридцати лѣтъ прослужилъ онъ въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, занимая въ немъ различныя должности: былъ нѣкоторое время директоромъ департамента, членомъ главнаго правленія училищъ, и т. д. [401]). Много

потрудился Мартыновъ и для отечественной литературы, въ которой пріобрѣлъ извѣстность преимущественно своими переводами греческихъ классиковъ. Не зарывая своихъ талантовъ въ землю, Мартыновъ, по словамъ его біографа, представляетъ рѣдкій въ нашемъ обществѣ образецъ «человѣка, который всѣмъ, что получилъ отъ природы, всѣмъ до послѣдней ниточки, подѣлился съ другими [402]).

Какъ одинъ изъ образованнѣйшихъ писателей своего времени, Мартыновъ избираемъ былъ въ члены различныхъ обществъ, ученыхъ и литературныхъ. Онъ былъ почетнымъ членомъ университетовъ: московскаго, виленскаго, казанскаго; медико-хирургической академіи, и т. д.

Въ члены россійской академіи Мартыновъ предложенъ былъ президентомъ академіи А. А. Нартовымъ. Въ собраніи 23 февраля 1807 года Мартыновъ былъ единогласно избранъ въ члены россійской академіи [403]).

Рѣчь, произнесенная Мартыновымъ при вступленіи его въ россійскую академію, занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду произведеній тогдашняго академическаго краснорѣчія. Въ ней есть содержаніе, есть черты времени, слышится голосъ искренняго убѣжденія. Указывая свѣтлыя и темныя стороны нашей литературы, порицая нравы нашего высшаго общества, и т. п., авторъ выражалъ не только свой личный взглядъ, но и общее мнѣніе мыслящихъ людей того времени. Считаемъ умѣстнымъ привести рѣчь Мартынова, какъ произведеніе въ своемъ родѣ замѣчательное, особенно по отношенію къ россійской академіи и къ ея литературной дѣятельности.

Въ собраніи россійской академіи 23 марта 1807 года новоизбранный членъ академіи Иванъ Ивановичъ Мартыновъ читалъ слѣдующую рѣчь [404]):

«Почтеннѣйшему сословію академіи угодно было удостоить меня принятія въ свои сочлены. Однѣ заслуги должны быть симъ увѣнчаны; но ваше снисхожденіе умягчило для меня законъ. И вѣсы правосуднаго Божества нерѣдко колеблются. Уже достоинъ

тотъ принадлежать къ знаменитому сословію вашему, на кого палъ вашъ выборъ. Каждый изъ васъ есть наставительный примѣръ на поприщѣ словесности; надлежитъ токмо имѣть всегда открытый взоръ на цѣль, вами указуемую, и пламенѣть рвеніемъ достигнуть ея, чтобъ оправдать избраніе. И такъ, первымъ и пріятнѣйшимъ долгомъ почитаю нынѣ принести душевную благодарность мою почтеннѣйшему президенту и всему сословію за удостоеніе меня въ свои сочлены, вторымъ долгомъ—руководствоваться вашими свѣдѣніями: такъ ли я понимаю цѣль, для которой причтенъ къ оному, и почему обязанъ каждый изъ насъ, слѣдовательно и я, ею заниматься? Разсужденіе мое о семъ подвергаю благосклонному вашему вниманію для того, чтобъ послѣ въ поприщѣ трудовъ моихъ ступать смѣлѣе и надежнѣе.

Природа даровала намъ драгоцѣннѣйшую способность слова не токмо въ отличіе отъ другихъ животныхъ, но и орудіемъ къ открытію всѣхъ чудесъ, каковыя токмо силами душевными произведены быть могутъ. Не въ дремучихъ лѣсахъ, среди лютыхъ звѣрей; не въ вертепахъ уединенныхъ; не на острыхъ и дооблачныхъ скалахъ, въ удаленіи отъ подобныхъ себѣ, суждено жить повелителю природы; но въ нѣдрахъ родителей, въ кругу семейства своего, въ объятіяхъ друзей, въ сонмѣ согражданъ, въ мірѣ, населенномъ разными и безчисленными народами. Онъ непрестанно долженъ изъяснять то удовольствіе, то неудовольствіе свое, то радость, то печаль; долженъ открывать свои нужды, свѣдѣнія, подавать или принимать помощь, совѣты, наставленія. Съ самой колыбели до гробовой доски чувствованія сердца его, свѣтъ ума, жаръ воображенія, богатство познаній, открытія, искусства, науки, все бываетъ общимъ благомъ людей и вѣковъ. Онъ живетъ не токмо между окружающихъ его, не токмо на томъ удѣлѣ земли, гдѣ соорудилъ для себя храмину, не токмо въ то мгновеніе, когда чувствуетъ біеніе своего сердца; но обрѣлъ искусство наполнять собою всю землю, жить во всѣхъ вѣкахъ, и мыслямъ своимъ сообщать твердость и нерушимость, торжествующую надъ мраморомъ и адамантомъ. Умъ человѣка можетъ

занимать, наставлять, повелѣвать всѣми народами и тогда, когда современникъ бреніе его смѣшаетъ съ перстію.

Таковыя выгоды доставляетъ слово или въ устахъ человѣка дышущее, или подъ перстами его животворимое! Почему, удивительно ли, что всѣ просвѣщенные вѣки, всѣ просвѣщенные народы занимались усовершеніемъ онаго? Удивительно ли, что между тѣмъ, какъ частные люди собираютъ выраженія и обороты, освященные употребленіемъ, пишутъ законы краснорѣчія, сооружаютъ памятники словесности, — мудрыя правительства съ своей стороны созидаютъ храмы, призываютъ въ нихъ дѣятельность талантовъ и познаній для таковой же цѣли. Пѣснопѣвцы, витіи, любословы *), критики, совокупно съ академіями и другими учеными обществами украшаютъ кумиръ свой и повергаютъ приношенія къ подножію его жертвенника. Такъ образовались, такъ обогатились языки древніе и новые. Исіодъ и Омиръ, вдохновенные геніемъ своимъ, переливали на лирахъ сладкогласіе и обиліе греческаго слова въ то же время, какъ Пронапидъ, учитель Омировъ, сіе самое слово покорялъ правиламъ. Платонъ, проименованный *божественнымъ* **), кажется, первый началъ заниматься изслѣдованіями о словахъ. Вскорѣ потомъ ученикъ его Аристотель ввелъ систематическія раздѣленія оныхъ съ помощію соученика своего Θеодекта. Первые стоики ощутительно пріумножили ихъ открытія о сей матеріи. Такимъ образомъ греческій языкъ, который до того при величайшемъ совершенствѣ своемъ былъ токмо вдохновеніемъ, даромъ, вліяннымъ природою нѣкоторымъ счастливо образованнымъ людямъ, началъ содѣлываться искусствомъ, подведеннымъ подъ правила.

Въ послѣдовавшемъ за Платоновымъ столѣтіи аѳинская республика, лишась превосходства, какое дотолѣ имѣла въ политической системѣ владычествъ европейскихъ и азіятскихъ, вмѣстѣ съ симъ увидѣла упадокъ и въ своей словесности. Тогда-то во многихъ знаменитыхъ городахъ воздвигаемы были для оной учи-

*) Филологи.

**) θεῖος

лища, оспаривавшія славу у аѳинскаго лицея, и наконецъ его помрачившія. Димитрій Фалерей, сей знаменитый по несчастіямъ и по знаніямъ своимъ грекъ, будучи изгнанъ изъ Аѳинъ, удалился въ Египетъ къ Птоломею Лагу, куда вскорѣ за нимъ толпами пришли въ Александрію другіе ученые и философы, и основали тамъ училище, нѣсколько вѣковъ процвѣтавшее. Птоломей Филометоръ между прочими ввѣрилъ воспитаніе своего сына Аристарху, который наипаче трудился надъ разсмотрѣніемъ Омировыхъ стихотвореній. Мы знаемъ, до какой степени обилія, красоты и совершенства достигъ языкъ Омировъ и Димосѳеновъ тщаніемъ сихъ и другихъ писателей и наставниковъ вкуса, при покровительствѣ счастливыхъ обстоятельствъ правленія. Латинскій языкъ въ образованіи своемъ возвышался по такимъ же степенямъ. Кратесъ Маллоскій, современникъ Аристарховъ, принесъ вкусъ къ словесности въ Римъ тогда, когда сей не зналъ другой славы, кромѣ военной. Плѣнительность греческой музы вскорѣ восторжествовала надъ строгостію Катона, и его самого заставила слушать ея уроки. Ученикъ Аристарха, Діонисій Ѳракійскій, въ первое консульство Помпея, прибылъ также въ Римъ обворожать его прелестями своего языка; и съ тѣхъ поръ языкъ римлянъ въ самое короткое время пріобрѣлъ безмѣрные успѣхи. Вскорѣ возгремѣли на торжищахъ Цицероны, настроили лиры Лукреціи, Виргиліи, Овидіи, Гораціи, и въ то же время возстали достойнѣйшіе вѣка своего судіи вкуса — Тираніоны, Варроны; самъ Юлій Кесарь среди непрерывныхъ заботъ ненасытнаго своего любочестія, написалъ разсужденіе въ двухъ книгахъ *о сходствѣ словъ* *). Квинтиліанъ поздно пришелъ, кажется, для того, чтобы имѣть для правилъ своихъ всѣ великіе образцы.

Въ четырнадцатомъ вѣкѣ нашей эры, послѣ мрака невѣжества, облежавшаго Европу, паки начали возвышаться храмы вкуса; основаніе знаменитѣйшихъ университетовъ относится къ сей эпохѣ; въ Италіи три генія, Дантъ, Петраркъ и Бокасъ, прі-

*) Светоній въ *Жизни Цезаря.*

сѣнили изсохшую ниву и оплодотворили ее своими талантами. Рвеніе отличаться на поприщѣ словесности сдѣлалось общимъ почти во всей Европѣ; Шоссеръ въ Англіи, Жонвиль, Фроассаръ и многіе другіе писатели во Франціи въ то же время занимались очищеніемъ природныхъ языковъ. Приближаясь къ столѣтіямъ просвѣщеннѣйшимъ, мы болѣе и болѣе замѣчаемъ дѣятельность каждаго европейскаго народа въ усовершеніи своего языка. Чѣмъ ближе подходимъ къ столѣтіямъ Тасса, Аріоста, Метастасія, Корнеля, Мольера, Боало, Расина, Вольтера, Боссюэта, Лессинга, Виланда, Аддисона, Шакеспира, Попе, тѣмъ болѣе замѣчаемъ, что слѣпая страсть быть совершенно свѣдущимъ въ древнихъ языкахъ, терять всю жизнь свою и дарованія на глубокомысленныя изслѣдованія оныхъ, — упадаетъ.

Флоренція созвала въ академію Де-ла-Круска самыхъ искуснѣйшихъ знатоковъ въ итальянскомъ языкѣ, и обрекла ихъ къ дѣятельному попеченію о успѣхахъ онаго. Французская академія есть памятникъ просвѣщеннѣйшаго изъ столѣтій. Она будучи учреждена наипаче для соблюденія во всей чистотѣ хранилища своего языка, начала труды свои составленіемъ французскаго словаря. Произведеніе сіе, хотя не столько послужило къ утвержденію и усовершенію языка, какъ того надѣялись; но многіе академики съ успѣхомъ трудились въ обогащеніи онаго: одни—учебными своими, весьма полезными, сочиненіями; другіе—безсмертными твореніями во всѣхъ родахъ поэзіи и краснорѣчія.

Не таковыми ли примѣрами водимъ духъ и нашихъ соотечественниковъ въ очищеніи и обогащеніи своего языка? Не та же ли мета предназначена знаменитому сословію нашему — сему безсмертному учрежденію премудрѣйшей изъ монархинь? И кто изъ васъ не стремится къ оной со всею ревностію истиннаго патріота? Соединяя и раздѣляя труды свои, вы, подобно членамъ иностранныхъ академій, соорудили хранилище отечественнаго языка; вы даете законы оному, усыновляете писателей иноземныхъ, древнихъ и новыхъ. Уже россіянинъ видитъ, почему любители словесности во всѣ вѣки преклоняли колѣна предъ римскимъ

историкомъ, философомъ и политикомъ: вскорѣ ораторы и поэты римскіе предстанутъ въ руководство юношеству россійскому; вскорѣ вы начертаете предѣлы неопытному воображенію въ выборѣ красотъ и въ порядкѣ мыслей.

Я нахожу въ сословіи семъ почтенныхъ пастырей, гремящихъ на каѳедрахъ словомъ живымъ и спасительнымъ; обрѣтаю пѣснопѣвца Бога и Фелицы, оглашающаго и нынѣ выспренними пѣснями своими страну сію, и славу отечества возвѣщающаго предѣламъ вселенныя; нахожу въ числѣ сочленовъ и въ отсутствіи своемъ незабвеннаго, легкаго и замысловатаго россійскаго Лафонтена; нахожу судей словесности, влекомыхъ патріотизмомъ (люб. къ от.) къ предостереженію юныхъ писателей отъ рабскаго пристрастія къ слогу нерусскому; нахожу достойныхъ наперсниковъ Мельпомены и Таліи, хотя прекратившихъ съ ними бесѣду свою, но въ свѣжей памяти еще у каждаго изъ насъ живущихъ; нахожу достойнаго переводчика Делиля и иныхъ стихотворцевъ и писателей прозаическихъ, искусныхъ въ разныхъ родахъ наукъ и познаній. Всѣ многоразличные труды ваши подъяты въ намѣреніи очистить и обогатить россійскій языкъ и словесность, — изъ чего извлекаю поучительное для себя слѣдствіе, что и я, сколько имѣю силъ и способностей, къ тому же предмету обязанъ содѣйствовать.

Такъ, почтеннѣйшіе сочлены, я потщусь соотвѣтствовать долгу, вами на меня возложенному; потщусь купно съ вами стремиться къ достиженію той великой цѣли, каковая предположена россійской академіи. Каждаго изъ насъ призываетъ къ сему слава нашего отечества. Понынѣ еще рѣдкій иностранецъ вѣритъ, что Россія не однимъ оружіемъ достойна уваженія; лучшіе писатели наши или вовсе имъ неизвѣстны, или извѣстны токмо по имени. Отчего сіе происходитъ? Не говоря о другихъ причинахъ, къ числу оныхъ причесть можно и то̀, что мы сами худо печемся объ усовершенствованіи своего языка и обогащеніи словесности. Неспорно, что нашъ языкъ богатъ, исполненъ словъ къ выраженію величественныхъ и всякихъ другихъ чувствованій

и предметовъ. Безпристрастные иностранцы, какъ скоро начинаютъ понимать его, то уже и удивляются обилію и преимуществу его предъ прочими языками. Многимъ иностранцамъ трудность его не могла бы служить ни малою преградою въ наученіи оному: опытъ доказалъ, что греческій языкъ въ древнія времена, при всей своей трудности, въ таковомъ же былъ употребленіи не токмо въ Римѣ, но и у всѣхъ сколько-нибудь просвѣщенныхъ народовъ, какъ нынѣ французскій. Но *литераторы наши, большею частію, только переводятъ, и притомъ не всегда сноснымъ образомъ;* рѣдко имѣютъ терпѣніе отличать свойство россійскаго языка отъ того, съ котораго переводятъ; а тѣ, кои сочиняютъ на своемъ языкѣ, рѣдко имѣютъ терпѣніе повиноваться правиламъ здраваго вкуса и образцамъ, могущимъ руководить ихъ въ чистотѣ языка. Отсюда происходитъ, что иностранецъ, любопытствуя о произведеніяхъ словесности россійской, слышитъ въ отвѣтъ гораздо больше о произведеніяхъ иноземныхъ, нежели подлинныхъ; а написанное россіяниномъ часто бываетъ такъ незрѣло, такъ маловажно, что благоразуміе стыдится одобрять оное иностранцу. На семъ-то основывается общее, обидное для первостатейныхъ писателей и истинныхъ любителей слова и отечества, заключеніе его, что россійская словесность еще въ колыбели, и потребны многія усилія, дабы младенецъ сей поспорилъ съ питомцемъ музъ гальскихъ, британскихъ и германскихъ. Почему, не составляетъ ли священной обязанности каждаго члена сей академіи то̀, чтобы посредствомъ довѣрія своего препятствовать вредному распространенію дурныхъ сочиненій и переводовъ, дабы заставить иностранца выгоднѣе думать о состояніи словесности нашей? Предшествуя собственнымъ примѣромъ на семъ знаменитомъ пути, съ свѣтильникомъ основательной и мудрой критики, академія во всѣхъ родахъ словесности не должна ли преслѣдовать мнимыхъ или дерзкихъ знатоковъ, и выводить на зрѣлище одни только истинные таланты?

Но къ обогащенію нашего языка есть преграда еще важнѣйшая; она состоитъ въ чрезмѣрной привязанности къ языкамъ

иностраннымъ. Въ самомъ дѣлѣ, не можно взирать безъ прискорбія, до какой степени простирается пристрастіе лучшей отрасли нашего отечества особливо къ языку французскому. Въ знатнѣйшихъ домахъ начинается воспитаніе съ сего языка. Будущій воинъ, судья, градоначальникъ, министръ согражданъ своихъ, прежде приготовляется хорошо говорить съ французомъ, нежели съ своимъ единоземцемъ; обращаетъ чуждый языкъ въ природный; обременяетъ память нерусскими выраженіями тогда, какъ разсудокъ его долженъ бы возрастать умноженіемъ познаній и чувствованій, преданныхъ общественной пользѣ. Всѣ обороты, всѣ изгибы иностраннаго языка ему совершенно извѣстны, между тѣмъ какъ самыя необходимыя и общепринятыя слова собственнаго своего языка кажутся ему странными, новоизобрѣтенными, нестройными. Онъ стыдится произнести слово русское въ большомъ свѣтѣ и даже съ друзьями; всегда говоритъ и пишетъ на иностранномъ языкѣ; вездѣ встрѣчаетъ неудобства, когда объясняется на своемъ природномъ, — и тѣмъ еще тщеславится. Вступивъ въ должность, вездѣ находитъ затрудненія въ выразумѣніи дѣлъ; для него нимало не ощутительны мелкіе, впрочемъ существеннѣйшіе, оттѣнки украшеній слова, которые выразумѣть преимущественно занимающемуся природнымъ языкомъ не стоитъ нималаго труда. Отечественный языкъ для него не токмо чуждъ, но и несносенъ. Услуги академіи были бы неоцѣненны, если бы она вліяніемъ своимъ могла отличнѣйшую часть согражданъ своихъ обратить къ раченію болѣе о собственномъ языкѣ, нежели объ иностранныхъ; ибо не токмо способствовала бы тѣмъ къ обогащенію онаго красотами всѣхъ родовъ витійства: разговорнаго, дружеской переписки, судебнаго, и другихъ; но сдѣлала бы сильный и полезнѣйшій переворотъ въ образованіи нравственномъ. Извѣстно, сколь велико вліяніе языковъ на нравы! Доказательство сего видимъ въ собственномъ отечествѣ нашемъ. Вмѣсто твердости и правоты характера, россіянину свойственнаго, въ воспитанникѣ француза видимъ только изнѣженность, привязанность къ мелочамъ, легко-

мыслie, лживость, безпечность въ исполненiи должностей, хладнокровie къ своимъ соотечественникамъ, къ роднымъ, неполучившимъ моднаго воспитанiя, ложное понятie о просвѣщенiи. Всѣ прiемы въ обращенiи, всѣ наклонности, привычки, страсти, словомъ: весь таковый гражданинъ Россiи становится гражданиномъ иностраннымъ. Истинный патрiотъ не можетъ безъ содроганiя представить себѣ пагубнаго сего похищенiя толикихъ согражданъ!

Но что̀ можетъ влiянie академiи противъ столь далеко распространившейся заразы? — возразитъ кто-нибудь. Сочлены! Кому неизвѣстно, что одинъ человѣкъ нерѣдко производитъ важнѣйшie перевороты? Академiя можетъ противопоставить свой патрiотизмъ, подобно прочимъ патрiотамъ, приносящимъ на жертвенникъ отечества свое имущество и жизнь. Пусть сочиненiя академiи докажутъ всю пагубу воспитанiя французскаго; пусть внушатъ они любовь къ языку природному; пусть обратятъ вниманie россiянъ на иностранцевъ, на самихъ французовъ, до какой степени они занимаются иностранными языками: одна необходимость заставляетъ ихъ изъясняться на оныхъ тогда, когда имѣютъ дѣло съ иностранцами; они нимало не стыдятся, если и не разумѣютъ ихъ. Пусть сочиненiя академiи обратятъ на то̀ вниманie правительства; тогда россiйскiй языкъ введенъ будетъ во всегдашнее и всеобщее употребленie въ отечествѣ нашемъ, при дворѣ, во всемъ сословiи дворянъ, и, можетъ быть, не замедлитъ войти въ употребленie и не въ одной Россiи. При настоящихъ обстоятельствахъ, когда сердце каждаго россiянина согрѣто любовiю къ отечеству и ненавистiю къ народу, для всей Европы тягостному, кажется, настало удобное къ тому время».

Мартыновъ принималъ участie въ академическихъ трудахъ и предпрiятiяхъ, посѣщалъ собранiя академiи, высказывалъ свои мнѣнiя, устно и письменно, по различнымъ вопросамъ изъ области отечественнаго языка и словесности, и т. п.

Въ академическихъ собранiяхъ читаны были Мартыновымъ:

1) Опытъ грамматическаго разбора басни Крылова *Двѣ бочки*.

2) Опытъ стихотворнаго и риторическаго разбора той же басни.

3) Разборъ *Водопада* Державина.

4) Сравненіе басни *Дубъ и тростъ* Лафонтена съ баснями того же имени Дмитріева и Крылова, и т. д.

Съ цѣлію пополнить академическій словарь Мартыновъ выписывалъ изъ различныхъ книгъ болѣе замѣчательныя слова, и представлялъ ихъ въ академію, дѣлая имъ опредѣленія, приводя примѣры, и т. д. [405]).

Особенное впечатлѣніе въ академическомъ кругу произвели замѣчанія Мартынова на «Правила объ употребленіи буквы *ѣ*», собранныя П. И. Соколовымъ и напечатанныя по опредѣленію россійской академіи [406]). Замѣчанія Мартынова и отзывъ о нихъ академическаго собранія весьма любопытны въ томъ отношеніи, что рисуютъ тогдашніе взгляды на права критики при оцѣнкѣ трудовъ учено-литературныхъ обществъ.

«Недавно — пишетъ Мартыновъ — при императорской академіи наукъ, по опредѣленію императорской россійской академіи, напечатаны *Правила о употребленіи въ письмѣ буквы ѣ, съ присовокупленіемъ полной, азбучнымъ порядкомъ расположенной, росписи всѣмъ словамъ, съ сею буквою пишемымъ въ слогахъ, никакимъ перемѣнамъ неподверженныхъ, также всѣмъ глаголамъ, кончащимся въ неокончательномъ наклоненіи на ѣть съ предыдущею буквою ѣ, собранныя П. С.* . . .

Какъ членъ россійской академіи, я имѣлъ бы право подать свой голосъ объ изданіи сей книжки въ свѣтъ до напечатанія оной; но поелику я, подобно многимъ академикамъ, не участвовалъ въ опредѣленіи, рѣшившемъ издать ее, то — и какъ членъ академіи, и какъ обязанный по службѣ предварять распространеніе въ публикѣ сочиненій, могущихъ быть руководствомъ къ заблужденію, — почитаю себя въ правѣ и по напечатаніи означеннаго сочиненія дать объ немъ свое мнѣніе.

Изъ первыхъ строкъ *Предувѣдомленія* видно, что сочинитель въ изданіи своего сочиненія имѣлъ предметомъ не только ино-

странцевъ, но и многихъ изъ природныхъ россіянъ научить правильному употребленію буквы *ѣ*. *Намѣреніе похвальное; но по мнѣнію моему, оно не совсѣмъ удачно выполнено.* Вотъ доказательства.

Страница 4. Г. сочинитель думаетъ, что надобно писать не предмѣтъ, но предметъ. Давно спорятъ, какъ писать сіе слово, и кажется, будто обѣ стороны имѣютъ свои причины, т. е. и та, которая пишетъ съ буквою *ѣ*, и та, которая пишетъ съ буквою *е*. Кто пишетъ съ буквою *ѣ*, тотъ утверждается на произношеніи малороссіянъ, которые въ семъ словѣ *ѣ*, по своему обычаю, выговариваютъ какъ *и*, т. е. предмитъ; а кто пишетъ съ буквою *е*, тотъ основывается на простомъ словѣ, изъ коего слово *предметъ* составлено, т. е. на словѣ *мета*, которое большая часть пишетъ съ буквою *е*. Но и сіе слово надобно писать съ буквою *ѣ*; ибо, вопервыхъ, хотя малороссіяне рѣдко употребляютъ оное въ первообразномъ видѣ, но вѣрно они произносили бы *мита*, такъ какъ и слово *примѣта—примита*, и проч. Вовторыхъ, если бы правильнѣе было писать *мета* съ буквою *е*, то можно было бы, подобно многимъ кореннымъ россійскимъ словамъ, имѣющимъ надъ *е* удареніе, сказать *міо̂та*, равнымъ образомъ, какъ и самое слово *предметъ* произносить *предміо̂тъ*, подобно словамъ: *поліо̂тъ*, *верхоліо̂тъ*, *самоліотъ*, *гніотъ* (сущест.), *медъ*, *ледъ* и проч. Не основываются ли пишущіе *предметъ* еще на производствѣ отъ слова *метаю* (*мечу*), а въ сложности съ предлогомъ *предъ—предметаю*, по примѣру вышеприведенныхъ словъ *полетъ* и прочихъ, кои сохраняютъ букву *е*, отъ слова *летаю*. Сіе кажется сходно и съ составленіемъ латинскаго слова *objectum*, которое сложено изъ предлога *ob* (предъ) и *jectum*, брошенное, меченное (отъ метаю), *метъ*, точно такъ, какъ слово *наметъ*. Но почему нельзя говорить *предміо̂тъ*, такъ какъ говорится *наміо̂тъ*, равно и *предміо̂тный*, какъ *наміо̂тный*. Это, кажется, новая причина держаться того, что освящено употребленіемъ: *usus est tirannus*. Притомъ надобно помнить, что есть и другія слова, происходящія отъ глаголовъ подобно слову *полётъ*, въ коихъ пишется не *е*, но

ѣ, напр. *свѣтъ* отъ *свѣтаю*, *завѣтъ* отъ *завѣщеваю* и проч. Такое же своенравіе употребленія замѣтно въ словахъ *прилѣжно*, *прилѣжный*, *прилѣжаніе* и проч., которыя, составляясь изъ предлога *при* и словъ, происходящихъ отъ глагола *лежу*, которое пишется съ буквою *е*, пишутся однакожъ съ буквою *ѣ*, что̀ и г. авторъ признаетъ правильнымъ, ибо всѣ тѣ слова помѣстилъ въ своей росписи.

На страницѣ 8-й сказано: «сему же правилу (т. е. что въ предложномъ падежѣ пишутся съ буквою *и*, а не *ѣ*) послѣдуютъ слова: *день* и *степень*, ибо въ предложномъ падежѣ единственнаго числа пишутся: *во дни*, *на степени*, а не *во днѣ*, на *степенѣ*».— Что касается до слова *день*, принято въ предложномъ падежѣ писать оное съ буквою *и*, дабы различить отъ предложнаго падежа, происходящаго отъ слова *дно*; ибо не то̀ значитъ: *въ свѣтломъ днѣ бываютъ пятна*, что̀ *на свѣтломъ днѣ бываютъ пятна*; но что касается до слова *степень*, оно принадлежитъ къ общему правилу объ именахъ четвертаго склоненія, или именахъ, кончащихся на *ь*, рода женскаго, напр. *добродѣтель*, о *добродѣтели*, *свирѣль*, о *свирѣли*, *любовь*, о *любви* и проч.

Посему, лучше было бы постановить общее правило, что всѣ имена четвертаго склоненія въ предложномъ падежѣ единственнаго числа на концѣ пишутся буквою *и*, а не приписывать то̀ одному слову *степени*. Такое же правило можно постановить объ окончаніяхъ родительнаго и дательнаго падежей единственнаго числа въ именахъ, къ означенному склоненію принадлежащихъ. Равнымъ образомъ объ окончаніяхъ родительнаго, дательнаго и предложнаго падежей въ единственномъ числѣ третьяго склоненія, напр. *имя*, род. *имени*, дат. *имени*, пред. въ *имени*; *время*, р. *времени*, д. *времени*, пр. о *времени*.

Страница 14. Апрѣль, *апрѣльскій*. Такъ слово сіе всѣ почти пишутъ—съ буквою *ѣ*, и въ словарѣ россійской академіи съ оною напечатано, но неправильно. *Апрель* занято изъ латинскаго слова *aprilis*, сохранившаго и на другихъ языкахъ иностранныхъ букву *i*, напр. на французскомъ *avril*, на нѣмецкомъ *april* и проч.,

Слѣдовательно, и на нашемъ ему надлежало бы удержать букву *и*, т. е. *априль*, такъ какъ и дѣйствительно сохранена она въ славенскомъ нарѣчіи: *априлій*; а съ чего взято, что стали писать *апрѣль*, непонятно. Малороссіяне если бы и произносили *априль*, то сіе значило бы только, что ихъ произношеніе держится производства отъ славенскаго *априлій*, и тогда выговаривали бы *и* не какъ *и*, произносимое на великороссійскомъ нарѣчіи, что̀ всегда дѣлаютъ они въ словахъ, кои пишутся съ буквою *ѣ*, но образомъ, болѣе приближающимся къ выговору буквы *ы*. Со всѣмъ тѣмъ, они произносятъ *апрель*, т. е. съ буквою *е*, грубо выговариваемою, ибо на иностранныхъ языкахъ *е* выговаривается не такъ мягко, какъ у насъ буква *ѣ*. Иностранныя слова, имѣющія *іе*, принятыя въ русскій языкъ, пишутся съ буквою *ѣ*, напр. *Vienne—Вѣна*, *ziel — цѣль*, и проч. Но другія слова, принятыя въ нашъ языкъ изъ иностранныхъ, не должно писать съ буквою *ѣ*, кромѣ въ окончаніяхъ падежей, требующихъ ея по свойству россійскаго языка. Такимъ образомъ не надобно писать *карусѣль*, а *карусель*, не *форѣль*, а *форель*, не *вѣксѣль*, а *вексель*, хотя коренныя россійскія слова, похожія на нихъ, напр. *свирѣль*, *кисѣль*, пишутся съ буквою *ѣ*. Къ иностраннымъ словамъ не можно примѣнить того правила, что въ словахъ, которыя имѣютъ надъ *е* удареніе, ежели *е* не можетъ быть произнесено въ просторѣчіи какъ *іо̂*, должно писать оныя съ буквою *ѣ*. Для большаго удостовѣренія можно привести довольно и другихъ иностранныхъ словъ, имѣющихъ другія окончанія, напр. *рулетка*, *кокетка*, которыя хотя оканчиваются сходно съ россійскими словами, напр. *клѣтка*, *вѣтка*, *сѣтка*, но не пишутся съ буквою *ѣ*. Заблужденіе пишущихъ съ буквою *ѣ* слова, принятыя изъ иностранныхъ языковъ, имѣютъ одинъ источникъ съ заблужденіемъ тѣхъ, кои въ латинскомъ языкѣ букку *е* произносятъ какъ *ѣ*; напр. вмѣсто *домине* (domine)—*доминѣ*; вмѣсто *неквиссиме* (nequissime)—*нѣквиссимѣ*; вмѣсто *гекъ фемина* (haec faemina)—*гѣкъ фѣмина* и проч. и проч.

Страница 16. *Бѣлена*, равно и происходящія отъ него слова: *белениться*, *взбелениться* должно писать съ буквою *е*. Самъ

авторъ книжки согласенъ въ семъ потому, что ни *белениться*, ни *взбелениться* не помѣстилъ въ своей полной росписи, по принятому имъ правилу, что всѣ слова, о коихъ не упомянуто въ оной, пишутся съ буквою *е*; и какъ малороссійское произношеніе имъ же самимъ принимается за правило повѣрки, то и въ семъ словѣ можно прибѣгнуть къ оному. Малороссіяне не произносятъ *билена*, а *белена*. Не думаю, чтобы авторъ почиталъ слово сіе происходящимъ отъ *бѣлый*, ибо оно должно имѣть другое происхожденіе. Не можно также ссылаться на правописаніе слова сего, допущенное въ словарѣ россійской академіи, потому что однажды сдѣланная ошибка не должна служить правиломъ для всѣхъ и во всякомъ случаѣ.

Страница 19. Вовсѣ. Слово сіе пишется двоякимъ образомъ: *вовся* и *вовсе*. Въ первомъ случаѣ оно составляется изъ предлога и славенскаго средняго рода во множественномъ числѣ; а въ послѣднемъ — изъ предлога и средняго рода общаго россійскаго нарѣчія, единственнаго числа. Сложеніе сіе самое обыкновенное не только на русскомъ, но и на иностранныхъ языкахъ. Когда же писать его съ буквою *ѣ*, то сомнительно будетъ, мужескій ли, женскій или средній родъ множественнаго числа окончаніе сіе тутъ образуетъ; и притомъ никакой нѣтъ надобности отступать отъ общаго, на принятыхъ правилахъ основаннаго употребленія.

Тамъ же. Военоплѣнникъ — военоплѣнный. Какъ слова сіи составляются изъ словъ: *военный* (а не *война*) и *плѣнный*, то надобно писать ихъ съ двумя *н*, хотя и правда, что слово сіе напечатано въ словарѣ россійской академіи съ однимъ *н*. Впрочемъ замѣчаніе сіе не касается главнаго предмета.

Страница 21. Втунѣ. Ошибка, похожая на *вовсѣ*. *Туне* — нарѣчіе, слѣдовательно не склоняется, что̀, кажется, желаютъ сдѣлать, ежели предполагаютъ, что *втунѣ* есть предложный падежъ, хотя и то̀ несправедливо, ибо *втуне* соотвѣтствуетъ французскому слову *en vain* и другимъ подобнымъ, не въ видѣ предложныхъ, но винительныхъ падежей составленнымъ. Но если авторъ думаетъ, что и первообразное слово *туне* пишется съ

буквою *ѣ*, то противорѣчитъ самъ себѣ, ибо по его правилу надлежало бы помѣстить въ росписи на своемъ мѣстѣ *тунѣ* и *тунѣядецъ*, чего однакожъ не сдѣлано.

Страница 23. Вѣеръ. Слово сіе есть испорченное, можетъ быть, нѣмецкое fächer или, по крайней мѣрѣ, не коренное русское (на русскомъ, какъ всѣмъ извѣстно, значитъ *опахало*); слѣдовательно, по прежнимъ моимъ началамъ должно его писать *веeръ*, что̀ оправдывается и малороссійскимъ произношеніемъ. Въ академическомъ словарѣ оно производится отъ слова *вѣять*—не знаю, почему. Производныя слова слѣдуютъ формѣ, принятой обычаемъ и употребленіемъ, напр. и отъ слова *вѣю* происходятъ слова: *вѣяніе*, *вѣяло*, но русская форма ихъ тотчасъ ощутительна при ихъ произношеніи.

Тамъ же. Вѣкша. Опять свидѣтельствуюсь малороссійскимъ произношеніемъ, что слово сіе должно писать съ буквою *е*, хотя и нельзя произносить его въ просторѣчіи *віо̂кша.* Ежели мы держаться будемъ того правила, что въ ударяемыхъ складахъ, гдѣ нельзя произнести *е* за *іо̂*, непремѣнно должно писать *ѣ*, то надѣлаемъ весьма много ошибокъ. Такимъ образомъ надобно будетъ писать: *постѣль* вмѣсто *постель*, *кистѣнь* вмѣсто *кистень*, *свиристѣль* вмѣсто *свиристель*, *крѣстъ*, *вѣрьхъ*, *сѣрый*, *сѣльдь*, *сѣрпъ*, *сѣрна*, *врѣмя*, *брѣмя*, и проч.

Страница 26. Горѣ. Ежели слово сіе значитъ славенское нарѣчіе, означающее *вверхъ*, *выспрь*, какъ напр. въ слѣдующемъ выраженіи: *горѣ имѣимъ сердца*, то, кажется, лучше было бы напечатать его съ удареніемъ надъ *рѣ*, для различія отъ слова *го́ре* (печаль, бѣда), ибо иной подумаетъ, что и сіе слово также надобно писать съ буквою *ѣ*.

Тамъ же. Дебѣлѣть. Слово сіе, равно какъ и *дебелый*, *дебелость*, въ среднемъ складѣ должно, по моему мнѣнію, писать съ буквою *е*, вопервыхъ потому, что малороссіяне не говорятъ *дебилый*, а *дебелый*; вовторыхъ потому, что тѣ только имена изъ кончащихся на *ѣлый* пишутся съ буквою *ѣ*, кои происходятъ отъ неопредѣленныхъ наклоненій, имѣющихъ передъ *ть* букву

ѣ, напр. помѣщенное въ росписи слово *говѣлый* происходитъ отъ *говѣть, смѣлый* отъ *смѣть, спѣлый* отъ *спѣть, зрѣлый* отъ *зрѣть, горѣлый* отъ *горѣть,* а слова *дебѣть* у насъ нѣтъ.

Страница 33. Звѣрокъ — нѣтъ, *звѣрёкъ,* ибо происходитъ отъ слова *звѣрь,* имѣющаго въ концѣ *ь,* а не *ъ.* Замѣчаніе сіе также сдѣлано мимоходомъ.

Страница 34. Золотошвѣйка, золотошвѣйный. Нѣтъ: *золотошвейка—золотошвейный.* Простое слово *швея* имѣетъ удареніе надъ *я,* и потому нѣтъ причины думать, что сложное *золотошвейка* должно писать съ буквою *ѣ,* по невозможности сказать *золотошвёйка,* а малороссійское нарѣчіе и здѣсь подкрѣпляетъ сію истину. На немъ говорится: *швецъ, швечиха, билошвейка* (бѣлошвейка), *золотошвейка,* а не *золотошвійка;* въ церковныхъ книгахъ есть также убѣжденія къ тому, ибо пишется *златошвенный,* а не *златошвѣнный.*

Страница 36. Изрѣшетить принадлежитъ также къ числу ошибокъ, въ коихъ самъ авторъ можетъ сознаться, какъ кажется; ибо слово *решето,* изъ коего *изрешетить* слагается, въ росписи его не помѣщено, какъ такое, которое въ первомъ слогѣ должно писаться буквою *е.*

Страница 38. Лѣстный происходитъ отъ слова *лесть,* которое пишется съ буквою *е*—такъ, какъ *месть, честь;* слѣдовательно, имѣетъ право на букву *е,* а не на *ѣ.*

Страница 39. Мелѣть неизвѣстно почему дѣлаетъ въ первомъ складѣ разнообразіе со словомъ *мѣль,* на сей же страницѣ со словомъ *ѣ* напечатанномъ по всей справедливости, ибо слова: *мѣлкій, мѣлкость, мѣлкотравчатый, мѣлкопомѣстный* и пр., отъ одного источника происходящія, а потому и *мѣлѣть,* должно писать съ буквою *ѣ.* Все сіе оправдываетъ и произношеніе малороссіянъ, кои *мѣ* во всѣхъ сихъ словахъ произносятъ какъ *ми.* Видно, по мнѣнію автора, *мелѣть* имѣетъ какое-либо другое значеніе: иначе онъ не помѣстилъ бы ниже слова *мѣлѣть;* но не знаю, согласится ли кто съ нимъ въ томъ, что *мелѣть* значитъ другое что-либо, кромѣ *мѣлѣть — дѣлаться мѣлкимъ.*

Страница 44. Неизрѣченный. Первообразное слово *реку* пишется съ буквою *е*, — посмотрите во всѣхъ церковныхъ книгахъ. Посему и *реченный*, и *изреченный*, и *неизреченный* должно писать съ тою же буквою.

Страница 47. Орудѣнить. Опять ошибка. *Измѣнить, плѣнить* пишутся съ буквою *ѣ*, потому что въ первообразныхъ словахъ ихъ есть буква *ѣ*. Но всѣ подобныя неопредѣленныя наклоненія и вообще глаголы, происходящіе отъ словъ, неимѣющихъ буквы *ѣ*, должно писать съ буквою *е*, напр. *пламень, воспламенить; стерва, остервенить; корень, укоренить; бремя, обременить; кость, окостенить — окостенѣть, окостенѣлый; руда, орудениmь* и проч.

Страница 48. Остолбѣнѣть. Правописаніе въ складѣ *бѣ* относится къ ошибкамъ, выше сего замѣченнымъ, ибо и оканчивающіяся на *енѣть* неопредѣленныя наклоненія тому же правилу послѣдуютъ.

— *Отбѣздѣловать. Бѣз*, а не *без*, можно причесть къ ошибкамъ типографическимъ; однакожъ и онѣ не должны быть терпимы въ книжкѣ, отъ академіи издаваемой — для руководства всеобщаго.

Страница 51. Оцѣпенѣвать — оцѣпенѣлость — оцѣпенѣлый. Корень сихъ словъ *цепь*, которое пишется съ буквою *е*. Малороссіянцы всѣ сіи слова произносятъ такъ: *цепь, оцепенивать, оцепенилость, оцепенилый.* Другое дѣло *цѣпъ*: его произносятъ *ципъ.*

Страница 56. Покорнѣйше напрасно помѣщено въ роспись. Сказано уже на страницѣ 10, что всѣ прилагательныя имена въ правильномъ сравнительномъ степени оканчиваются на *ѣе*, а въ превосходномъ на *ѣйшій.* Слѣдовало бы только прибавить нѣчто и о нарѣчіяхъ, отъ сихъ прилагательныхъ происходящихъ, и подошло бы подъ сіе правило не только *покорнѣйше*, но и *усерднѣйше*, и *чувствительнѣйше*, и всѣ вообще сего рода нарѣчія; а помѣстивъ въ росписи одно только *покорнѣйше*, данъ поводъ думать, что всѣ прочія нарѣчія, оканчивающіяся на *ѣйше*,

должно писать съ буквою *е*, поелику въ росписи оныхъ не находится.

Страница 59. Прерѣканіе — прерѣкать. Поэтому: *нареканіе, нареченіе* и *нарекать, обреканіе, обреченіе* и *обрекать, изреченіе* и *изрекать*, какъ происходящія отъ одного корня, а сложенныя только съ другими предлогами слова, слѣдовало бы писать съ буквою *ѣ*, а потому и помѣстить въ росписи, чего авторъ не сдѣлалъ. Сіе доказываетъ опять, что тѣ слова, по его же безмолвному сознанію, должно писать съ буквою *е*; слѣдовательно, такимъ же образомъ писать надобно: *пререкать* и *пререканіе.* Даже и простыя слова: *реку, рещи, реченіе* не находятся въ росписи.

Страница 64. Пѣня, пѣнять. Оба слова сіи приняты изъ латинскаго языка, на которомъ *poena* значитъ *наказаніе*, а латинскій языкъ не имѣетъ *ѣ*; потому и малороссіяне слова сіи произносятъ не *пиня, пинять*, а *пеня, пенять.*

Страница 67. Рѣдечный—рѣдька—рѣдьковникъ, какъ происходящія отъ нѣмецкаго слова *rettig*, не должно писать съ буквою *ѣ*; потому и малороссіяне произносятъ не *ридечный, ридька, ридьковникъ*, а *редечный, редька, редьковникъ.*

Страница 74. Сѣнопочтеніе. Вѣроятно, это—опечатка, которую тѣмъ менѣе можно оставить безъ замѣчанія, что она произвела слово, подающее поводъ къ недоумѣнію. Въ словарѣ россійской академіи есть *сѣнопотченіе* (водруженіе кущей и проч.).

Страница 79. Шалѣть. Нѣтъ, *шалить*: иначе можно бы подумать, что слово сіе въ настоящемъ не на *лю* (*шалю*), но на *ѣю* (*шалѣю*) должно оканчиваться. Сей глаголъ въ неопредѣленномъ наклоненіи слѣдуетъ прочимъ глаголамъ, кончащимся на *лю*, имѣющимъ предъ симъ складомъ гласную букву, и въ неопредѣленномъ наклоненіи оканчивающимся на *итъ* и проч.: *молю* (*молишь, молитъ*), *молить.* Если же авторъ дѣйствительно производитъ *шалѣть* отъ *шалѣю*, то, кажется, лучше бы помѣстить въ роспись сложное слово *ошалѣть*, какъ употребительнѣйшее.

Къ симъ частнымъ замѣчаніямъ можно прибавить общее: что

роспись словъ, *пишемыхъ* съ буквою *ѣ*, гораздо сдѣлалась бы короче, если бы производныя и сложныя слова приведены были въ *Правилахъ о употребленіи буквы ѣ* подъ общее правило. Оно самое простое, т. е. во всѣхъ тѣхъ складахъ, въ коихъ простыя и первообразныя слова пишутся съ буквою *ѣ*, должно писать оную и въ словахъ сложныхъ и производныхъ.

Всѣ сіи замѣчанія предая на разсмотрѣніе почтеннаго сословія академіи, предоставляю судить ему, справедливо ли мое мнѣніе, что *авторъ несовсѣмъ удачно выполнилъ свое намѣреніе»* [407]).

Замѣчанія Мартынова вызвали въ академіи цѣлую бурю. Крайне оскорбительными и неприличными показались слова его, что намѣреніе академіи, хотя и весьма *похвальное*, выполнено *несовсѣмъ удачно*. Академіею, т. е. собственно говоря Шишковымъ, написано рѣзкое возраженіе. Оно сообщено Мартынову и представлено министру народнаго просвѣщенія, вмѣстѣ съ замѣчаніями Мартынова, которыя, по мнѣнію Шишкова, должны были служить обвинительнымъ актомъ дерзкому, непризнающему властей, автору. Въ академическомъ возраженіи говорится: «Членъ академіи, потому что онъ служитъ въ канцеляріи министра просвѣщенія, считаетъ себя *обязаннымъ по службѣ* воспретить академіи въ словахъ: *бѣлена, апрѣль* и пр. писать букву *ѣ*! Но почему же ни министра своего, ни президента академіи, ни членовъ ея, между коими многіе находятся, и службою, и саномъ, и познаніями несравненно превосходнѣйшіе его, не почитаетъ онъ *обязанными по службѣ*... Академія съ удовольствіемъ принимаетъ отъ каждаго члена своего, и даже не члена, всякаго рода разсужденія о языкѣ и словесности, но не одобрительный или неодобрительный судъ его о дѣлахъ ея и не голосъ или мнѣніе его о издаваемыхъ ею книгахъ. Таковыя изреченія отъ члена своего: *намѣреніе похвально, но по мнѣнію моему не совсѣмъ удачно выполнено* почитаетъ она преступающими предѣлы должной вѣжливости и пристойности», и т. д. [408]).

А. Х. ВОСТОКОВЪ.

Александръ Христофоровичъ Востоковъ обратилъ на себя вниманіе россійской академіи своими стихотвореніями и преимущественно своими учеными разысканіями въ области русскаго языка. Предлагая Востокова въ члены россійской академіи, Шишковъ говоритъ: «Стихотворенія г. Востокова, а особливо похвальныя упражненія его по части изслѣдованій отечественнаго языка обращаютъ на труды его вниманіе любителей словесности». Въ академическомъ собраніи 5 іюня 1820 года Востоковъ единогласно избранъ былъ всѣми присутствовавшими членами; отсутствующіе не замедлили прислать свои, также избирательные голоса, и окончательное и единогласное избраніе Востокова въ члены россійской академіи состоялось 12 іюня 1820 года [409]).

Избраніе Востокова въ члены россійской академіи совпало съ появленіемъ его знаменитаго *Разсужденія о славянскомъ языкѣ*, составляющаго эпоху въ историческомъ развитіи славянской филологіи. Но совпаденіе это могло быть и чисто случайнымъ, такъ какъ члены академіи не имѣли еще времени ознакомиться съ изслѣдованіемъ Востокова, появившимся только въ *іюнѣ* 1820 года, да и впослѣдствіи оно не оказало вліянія на филологическія понятія, господствовавшія въ россійской академіи. Истинная цѣль избранія Востокова раскрывается въ письмѣ къ нему Шишкова, въ высшей степени любопытномъ по своему содержанію. Закоренѣлый въ своихъ филологическихъ убѣжденіяхъ и предразсудкахъ, Шишковъ, вводя въ академію ученаго, всецѣло посвятившаго себя наукѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ человѣка, чрезвычайно податливаго, уступчиваго и самою природою осужденнаго на безмолвіе, надѣялся пріобрѣсти въ немъ усерднаго, работящаго сотрудника, вслѣдствіе чего и предлагалъ ему вникнуть въ правила корнесловія, которыми руководствуется академія, и пользоваться ими въ своихъ изслѣдованіяхъ. Такого рода надежды и требованія весьма понятны со стороны Шишкова; труднѣе объяснить отношеніе къ нимъ самого Востокова. Знаменитый фило-

логъ, одинъ изъ первостепенныхъ ученыхъ Европы, преклоняется передъ своенравнымъ дилеттантомъ, и съ большимъ вниманіемъ и даже, по его собственнымъ словамъ, *съ пользою для себя* читаетъ филологическія фантазіи, невыдерживающія научной критики. И не только самъ читаетъ ихъ, стараясь уразумѣть ихъ воображаемую глубину, но и другимъ совѣтуетъ искать въ нихъ путеводной нити, весьма полезной для неопытныхъ новичковъ въ филологіи. Письмо Шишкова и отвѣтъ Востокова имѣютъ большое значеніе и для біографіи этихъ лицъ и для характеристики современной имъ академической жизни и дѣятельности.

Привѣтствуя своего новаго сочлена Шишковъ писалъ Востокову [410]):

Милостивый государь
Александръ Христофоровичъ,

Въ прошедшее собраніе россійской академіи предложилъ я васъ къ избранію въ дѣйствительные онаго члены, и справедливость мнѣнія моего о достоинствѣ вашемъ подтверждена была всѣми присутствовавшими членами. 25 шаровъ единогласно васъ избрали; къ положенному числу недостаетъ еще одиннадцати, которые къ будущему собранію, я надѣюсь, вступятъ, и тогда получите вы дипломъ на сіе званіе. Я радуюсь, что академія пріобрѣтаетъ въ васъ члена, охотно упражняющагося въ изслѣдованіяхъ отечественнаго языка. Безъ сомнѣнія вы не отречетесь вникнуть въ правила, которыми она руководствуется, и какъ вашими примѣчаніями приносить пользу, такъ и ея примѣчаніями пользоваться. Основательное разсужденіе о языкѣ требуетъ многихъ объясненій и доказательствъ. Наука сія едва ли не обширнѣе всѣхъ наукъ. Если вы хотите вмѣстѣ съ академіею посвятить себя сему полезному упражненію, то я доставлю вамъ всѣ доселѣ по сей части произведенные ею труды, какъ печатные, такъ и рукописные. Прочитайте со вниманіемъ, войдите въ судъ ея и намѣреніе; будьте откровенны въ вашихъ примѣчаніяхъ, равно и внимательны къ ея примѣчаніямъ. Я увѣренъ, что вы не

послѣдуете симъ писарямъ-невѣждамъ, которые безъ всякаго разсужденія основываютъ знаніе свое на одномъ только крикѣ, или на скоропоспѣшномъ заключеніи о томъ, о чемъ надобно сто разъ и поговорить, и подумать. Академія занимается нынѣ *опытомъ словаря по корнямъ.* Я бы желалъ, чтобы вы приняли въ этомъ важномъ трудѣ искреннее соучастіе. Можетъ быть, вы и примите, если поприлежнѣе прочитаете *Академическія извѣстія* и все то, что о семъ написано; вещь эта не такая, чтобъ, прочитавъ о ней поверхностно или вскользь, можно было достаточно ее обнять. Я говорю это по опыту. Болѣе тридцати лѣтъ, какъ обратилъ я на то̀ мое вниманіе, и что сначала казалось мнѣ какъ бы непроницаемымъ мракомъ покрытое, въ томъ нынѣ, тысячами доказательствъ убѣжденный, вижу я неоспоримыя математическія истины. Я нимало не сомнѣваюсь, чтобъ и вы не увѣрились въ томъ, когда хорошенько вникните; примитесь, и я ручаюсь, что вы въ семъ упражненіи отъ часу болѣе находить будете удовольствія. Читая многія выходящія нынѣ сужденія объ языкѣ, о сочиненіи словопроизводнаго словаря, грамматики и проч., я вижу похвальное рвеніе и охоту; но вижу притомъ и то̀, что нѣтъ истиннаго основанія, а потому и все созидаемое на немъ будетъ ошибочно, нетвердо. Обращаясь къ одному словарю, возьмемъ, напримѣръ, академическій словопроизводный словарь. Тамъ подъ буквою *н* найдемъ мы слово *настъ*, а подъ буквою *с* найдемъ *студь* или *стужа.* Вотъ уже два слова (а ихъ можно показать сотни), взятыя за корни или за первообразныя, изъ которыхъ ни одно не есть таковое; ибо *настъ* происходитъ отъ *стыть* (настыть), а *стыть* отъ *студь* или *стужа*, которая сама происходитъ отъ глагола *стою*, поелику дѣйствіе ея состоитъ въ *останавливаніи*, т. е. въ превращеніи всѣхъ жидкихъ тѣлъ (по природѣ своей текущихъ и колеблющихся) въ густыя, твердыя, неподвижныя. Таковыхъ примѣровъ можно показать тысячи. Какой же это *словопроизводный* словарь, когда въ немъ главнѣйшій недостатокъ состоитъ въ словопроизводствѣ? Между тѣмъ, отвращеніе сего недостатка требуетъ немалыхъ трудовъ. Не лучше

(ли?) трудиться съ основаніемъ, нежели безъ основанія. Грамматика, по моему мнѣнію, требуетъ также не того одного, чтобъ только умѣть различать части рѣчи; но чтобъ видѣть, какими путями шелъ умъ народа, составляющаго языкъ: безъ сего не узнаемъ мы, кто сбился съ дороги, нынѣшній ли писатель, или прежній; въ стихотворствѣ, въ краснорѣчіи, въ сужденіи о красотахъ и погрѣшностяхъ, нужно также знаніе силы словъ, почерпнутое изъ языка, а не изъ навыка, часто вводящаго насъ въ заблужденіе, и не изъ толка мелкихъ журналистовъ, ничего порядочнаго не читавшихъ. Сила словъ требуетъ любомудраго объ ней сужденія, а не наслышки отъ Сидора или Карпа. Хотя бы самъ Аполлонъ сказалъ *мерцающее утро*, я бы изъ языка доказалъ ему, что *мерцающее* есть *смеркающееся*, и что *утро* не можетъ быть *смеркающимся*. Простите мнѣ сіе длинное и для перваго раза, можетъ быть, нескромное письмо мое къ вамъ. Надежда, что академія будетъ имѣть въ васъ усерднаго и хорошаго сотрудника, завлекла меня въ сіи объясненія. Отзывъ вашъ уменьшитъ или увеличитъ сію довѣренность.

Съ истиннымъ и совершеннымъ почтеніемъ имѣю честь быть,

милостивый государь мой,

вашъ покорнѣйшій слуга

Александръ Шишковъ.

5 іюня 1820 года.

Востоковъ отвѣчалъ слѣдующимъ письмомъ:

Милостивый государь

Александръ Семеновичъ,

Почтеннѣйшее письмо вашего превосходительства, коимъ извѣщаете меня о воспослѣдовавшемъ, по предложенію вашему, избраніи меня въ члены россійской академіи, я получилъ четвертаго дня во вторникъ. Имѣвъ счастіе заслужить слабыми трудами моими по изслѣдованіямъ языка благосклонное вниманіе вашего превосходительства, доставившее мнѣ ту отличную честь, которою я нынѣ, свыше ожиданія моего, удостоиваюсь, — честь

принадлежать къ знаменитому сословію императорской россійской академіи, первымъ долгомъ моимъ почитаю принести вашему превосходительству чувствительную благодарность мою за то̀, вмѣстѣ съ увѣреніемъ, сколько я чувствую важность пріемлемыхъ на себя со званіемъ члена академіи обязанностей. Усерднымъ выполненіемъ оныхъ по возможности моей постараюсь я оправдать лестное довѣріе, оказанное мнѣ вами, милостивый государь, и другими господами членами россійской академіи, избравшими меня въ свои сотрудники.

Излишнимъ почитаю повторять предъ вашимъ превосходительствомъ то̀, что̀ сказано было мною въ письмѣ моемъ къ предсѣдателю московскаго общества любителей словесности (въ Трудахъ сего общества, ч. 12, стр. 71). Ваше превосходительство, конечно, изволили видѣть изъ письма того, какими путями я шелъ и какими правилами руководствовался въ упражненіяхъ моихъ по части языка. Примѣчанія и совѣты почтеннѣйшихъ сочленовъ моихъ въ россійской академіи послужатъ мнѣ вѣрнѣйшимъ свѣтильникомъ къ озаренію пути, толикими преткновеніями исполненнаго. Благодарю васъ при семъ особенно за любопытныя замѣчанія о словопроизводствѣ, коими ваше превосходительство изволили почтить меня въ письмѣ вашемъ. Я совершенно согласенъ съ мнѣніемъ вашего превосходительства о ошибочномъ употребленіи слова *мерцающій* въ значеніи *разсвѣтающій* или *просвѣчивающійся вдали, въ туманѣ*. Слово сіе введено такимъ образомъ въ употребленіе, вѣроятно, переводчиками съ нѣмецкаго, по аналогіи слова dämmern, которое значитъ: 1. смеркаться, 2. разсвѣтать, и отъ коего производятся слова: morgendämmerung, разсвѣтъ, и abenddämmerung, сумерки. Ваше превосходительство также очень удовлетворительно для меня доказали производство слова *настъ* отъ *стыть*, а сего послѣдняго отъ *стоять*. Я съ удовольствіемъ и съ пользою для себя читаю въ Извѣстіяхъ россійской академіи глубокія изслѣдованія вашего превосходительства по части словопроизводства. Съ нетерпѣніемъ жду того времени, когда мнѣ позволено будетъ въ засѣданіяхъ академіи

наслаждаться слушаніемъ бесѣды почтенныхъ моихъ сочленовъ о семъ любимомъ для меня предметѣ. Одно только, что озабочиваетъ меня, и увы! можетъ быть, препятствуетъ мнѣ быть столь прилежнымъ сотрудникомъ академіи, сколько бы я хотѣлъ, есть недостатокъ времени, раздѣляемаго между казенными должностями въ трехъ мѣстахъ. Самыя строки сіи имѣлъ бы я честь представить вашему превосходительству нѣсколькими днями ранѣе, если бы не встрѣтилось нужное занятіе по должности.

Съ истиннымъ высокопочитаніемъ и совершенною преданностію имѣю честь быть,

милостивый государь,
вашего превосходительства
покорнѣйшимъ слугою
Александръ Востоковъ.

Слова Востокова: «съ нетерпѣніемъ жду того времени, когда мнѣ позволено будетъ *въ засѣданіяхъ академіи* наслаждаться слушаніемъ бесѣды почтенныхъ моихъ сочленовъ» и т. д. могли быть сказаны имъ совершенно искренно. Бесѣды эти, если и не доставляли ему особеннаго наслажденія, то во всякомъ случаѣ сдѣлались его потребностью, какъ можно заключить изъ того, что онъ былъ однимъ изъ самыхъ усерднѣйшихъ посѣтителей академическихъ собраній за все время существованія россійской академіи. Въ первый разъ Востоковъ присутствовалъ въ академіи, въ званіи ея члена, 26 іюня 1820 года. Съ тѣхъ поръ и до самаго закрытія академіи, онъ постоянно и неуклонно посѣщалъ академію, не пропуская, въ иные года, въ буквальномъ смыслѣ *ни одного* засѣданія. Только самыя важныя и неустранимыя причины удерживали его отъ посѣщенія академіи. Въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, Востоковъ едва ли имѣлъ соперниковъ въ тогдашней академической средѣ.

Первымъ шагомъ къ осуществленію тѣхъ надеждъ, которыя возлагались на Востокова при его избраніи, была попытка привлечь его къ изданію сравнительныхъ словарей всѣхъ языковъ

земнаго шара; первою научною работою, предложенною ему академіею, было составленіе сравнительнаго словаря славянскихъ нарѣчій, на подобіе словаря Линде.

Шишкову очень улыбалась мысль продолжать предпріятіе, задуманное Екатериною II, собиравшею матеріалы для сравнительнаго словаря. Но мечты Шишкова такъ и остались мечтами. Въ какой мѣрѣ можно сожалѣть объ этомъ, показываетъ статья Шишкова, помѣщенная имъ въ академическомъ изданіи, подъ заглавіемъ: «Собранія языковъ и нарѣчій съ примѣчаніями на оныя». Приведя названіе *Богъ* на различныхъ языкахъ и нарѣчіяхъ, а именно:

— по-Семоядски — *нэбъ*, *нубъ*, *нумъ*, *номъ*, и т. д.

— по-Тангински и по-Камашински — *нумъ*.

— по-Карассински — *нобъ*, *теере*, и т. д. —

Шишковъ замѣчаетъ: «Семейство сіе очевидно есть славенское слово *небо*, которое и у насъ часто пріемлется въ одинакомъ смыслѣ съ словомъ *Богъ*, какъ напримѣръ, вмѣсто: *о Боже*! говоримъ иногда: *о небо*! Понятія смежны: мы представляемъ себѣ *небо* жилищемъ *Божіимъ*. И такъ, легко могло статься, что другіе народы подъ именемъ *неба*, измѣняя оное въ *нэбъ*, *нубъ*, *нумъ*, *номъ* и проч., стали разумѣть прямо *Бога*. Въ Карассинскомъ языкѣ называютъ *Бога* двумя словами: *нобъ* и *теере*. Полатински земля называется *terra*, по французски *terre*. Французъ Левекъ производитъ слово свое *terre* отъ славянскаго глагола *тереть*, *тру*, полатински *tero*, потому что всѣ живущія на землѣ твари ходятъ по ней — *трутъ* ее ногами. Словопроизводство сіе основывается больше на сходствѣ звуковъ, нежели на правдоподобіи. Напротивъ, когда мы возьмемъ славянское слово *твердь*, и сличимъ оное съ другихъ языковъ словами: *тора*, *таромъ*, *terra* и проч., то увидимъ, что оно, повторяемое разными народами, могло, по смежности понятій, принято быть иными за *бога*, другими за *небо*, третьими за *землю*» и т. д. [411])

Составленіе *Сравнительнаго словаря всѣхъ славенскихъ нарѣчій* возложено было на двухъ членовъ россійской академіи:

А. Х. Востокова и непремѣннаго секретаря П. И. Соколова. Для болѣе успѣшнаго хода работъ, Востоковъ предлагалъ распредѣлить ихъ слѣдующимъ образомъ, какъ это видно изъ письма его къ П. И. Соколову [412]):

Милостивый государь
Петръ Ивановичь!

Сообщая вамъ при семъ предположенія мои о составленіи словаря, покорнѣйше прошу васъ разсмотрѣть оныя, пополнить или выкинуть, что̀ вамъ разсудится, и возвратить мнѣ съ замѣчаніями вашими, дабы я могъ согласно съ оными передѣлать начертаніе сіе; или же найдете вы удобнѣйшимъ для сбереженія времени, не переписывая тетради моей, внести только въ оную на поляхъ ваши замѣчанія и поправки, съ которыми и прочесть ее напередъ г. президенту, а потомъ въ академіи?

Что касается до раздѣленія труда между нами, то я полагалъ бы устроить сіе такимъ образомъ, чтобъ каждую статью словаря напередъ изготовить мнѣ начерно, и потомъ вамъ обработать ее окончательно, для прочтенія въ академіи.

Наполненіе статьи соотвѣтствующими словами другихъ славенскихъ діалектовъ можетъ предоставлено быть мнѣ, какъ занимающемуся особенно сими діалектами; полнота же и вѣрность статьи по части славенорусскихъ и малороссійскихъ словъ будетъ преимущественно на вашемъ попеченіи. Корректуру печатныхъ листовъ будемъ мы держать оба.

Я надѣюсь, что симъ порядкомъ трудъ нашъ пойдетъ успѣшно и совершится къ чести академіи.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію честь имѣю быть,

милостивый государь Петръ Ивановичь,
вашимъ покорнѣйшимъ слугою
Александръ Востоковъ.

Февраля 14 дня
1822 года.

Причина, почему не приведено въ исполненіе одно изъ важнѣйшихъ предпріятій академіи, отчасти указана самимъ Востоковымъ. Въ письмѣ къ государственному канцлеру графу Н. П. Румянцову онъ говоритъ: «Порученное мнѣ академіею *составленіе словаря будетъ для меня побочною только работою*, пока я не кончу своей грамматики. Я желалъ бы исключительно заняться оною, нынѣ особливо, когда первый въ иностранныхъ земляхъ знатокъ славенскаго языка, Добровскій, сообщилъ свѣту плоды многолѣтнихъ своихъ розысканій — грамматику: Institutiones linguae slavicae dialecti veteris» и т. д. ([413]). Составленіе славянской грамматики потребовало много времени и труда; она не была кончена и тогда, когда окончилось существованіе россійской академіи, уступившей свое мѣсто второму отдѣленію академіи наукъ.

Вскорѣ по вступленіи Востокова въ академію изданы были послѣдніе томы словаря, предпринятаго россійскою академіею еще въ концѣ прошлаго столѣтія. Необходимость исправленія и пополненія чувствовалась уже на первыхъ порахъ по изданіи словаря. Сознавая это, Востоковъ вносилъ свои вклады — собранныя имъ слова представлялъ въ академію, съ опредѣленіями и примѣрами, и между прочимъ часть словъ, начинающихся съ *Б*, и т. д. [414]).

Наиболѣе видные слѣды участія Востокова въ академической дѣятельности заключаются въ «мнѣніяхъ», которыя онъ представлялъ о трудахъ, разсматриваемыхъ въ россійской академіи. Большею частью это были мнѣнія коллективныя, поданныя членами комитета, составляемаго для разсмотрѣнія того или другаго труда. До какой степени простиралось участіе Востокова въ работахъ комитета, можно судить по самому свойству этихъ работъ и по ихъ выдающимся подробностямъ. Въ критическихъ отзывахъ о различныхъ произведеніяхъ, представляемыхъ на судъ академіи, всего ярче выражается литературныя понятія, господствовавшія тогда въ академической средѣ. Для исторіи нашей литературы весьма любопытно отношеніе тогдашней критики къ такого рода трудамъ какъ «Исторія русской словесности» Максимовича, или «Русскіе въ своихъ пословицахъ» Снегирева, и

т. п. На этомъ основаніи мы считаемъ необходимымъ привести нѣсколько отзывовъ, частію принадлежащихъ одному Востокову, частію составленныхъ при большемъ или меньшемъ участіи его сочленовъ и сотрудниковъ.

Въ рукописяхъ россійской академіи сохранились отзывы Востокова о слѣдующихъ трудахъ:

Изложеніе доказательствъ, что въ россійской литературѣ пропущено шесть тоновъ, и т. д.

Таблица спряженій русскихъ глаголовъ, составленная Бюргеромъ.

Русская грамматика для русскихъ, В. Половцова.

Донъ и Кавказъ, — сочиненіе Броневскаго, и т. д.

Востоковъ участвовалъ въ разсмотрѣніи слѣдующихъ трудовъ:

Данковскаго: Matris slavicae filia erudita, etc.

Лексиконъ русскихъ синонимовъ.

О пользѣ изученія языка славянскаго, — сочиненіе Рыбушкина.

Пѣснь объ ополченіи Игоря, — переложеніе Деларю.

Чтенія о русскомъ языкѣ, Н. И. Греча.

Исторія русской словесности, М. А. Максимовича.

Русскіе въ своихъ пословицахъ, И. М. Снегирева, и т. д.

I.

— Въ императорскую россійскую академію прислана отъ неизвѣстнаго сочинителя статья подъ заглавіемъ: *Изложеніе доказательствъ, что въ россійской литературѣ пропущено шесть тоновъ, и что оные принять и во всеобщее употребленіе ввесть должно.*

Сочинитель сей статьи, занимающійся впродолженіе четырнадцати лѣтъ изслѣдованіями свойствъ и состава рѣчи, замѣтилъ, по словамъ его «недавно только», что мягкія гласныя: *я*, *ѣ*, *іо̂*, *ю*, соотвѣтствующія твердымъ: *а*, *э*, *о*, *у*, изображаютъ по два звука:

одинъ, слышимый послѣ согласныхъ, напр. *бя*, *бы*, *біô*, *бю*; другой въ началѣ слоговъ, какъ бы предшествуемый *й* краткимъ, напр. *языкъ*, *ѣда*, и пр., а потому совѣтуетъ ввести для первыхъ звуковъ особыя начертанія: вмѣсто *я* — *ӓ*, вмѣсто *ѣ* — *ё*, вмѣсто *іô* — *ô*, вмѣсто ю — *ӱ*, а для вторыхъ оставить прежнія начертанія: *я*, *ѣ*, *іô*, *ю*. Сверхъ того, находя, что буква *и* въ нѣкоторыхъ случаяхъ произносится также двоегласно, какъ бы предшествуемая буквою *й* (напр. *ихъ*, *имъ*, о ученіи), и полагая, что сія гласная относится къ буквѣ *ы* такъ, какъ *я* къ *а*, *іô* къ *о*, *ю*, къ *у*, считаетъ нужнымъ въ тѣхъ случаяхъ, когда она произносится мягко, дать ей начертаніе *ӹ*, когда же двоегласно — *іӹ*. Такимъ образомъ онъ располагаетъ гласныя буквы въ слѣдующемъ порядкѣ, раздѣляя ихъ на *грубыя*, *нѣжныя* и *сложныя* или *полуторныя*, а по выраженіямъ музыкантовъ: *дуръ*, *моль* и *діэзъ*.

Дуръ — е (э), у, а, о, ы.

Моль — *ё*, *ӱ*, *ӓ*, *ö*, *ӹ* или і, и.

Діэзъ — ѣ, ю, я, *іô* *іӹ* (старинное й).

Подчеркнутыя буквы изображаютъ тѣ шесть тоновъ, которые сочинитель считаетъ пропущенными въ россійской литературѣ.

Онъ прибѣгаетъ къ *логикѣ* и къ *алгебрѣ*, чтобъ доказать разность произношенія буквъ: *я*, *е*, *ѣ*, *и*, *іô*, *ю* прежде и послѣ согласныхъ, и изъявляетъ неудовольствіе свое на грамматиковъ нашихъ, не вникнувшихъ въ сей предметъ. Но грамматики потому мало говорили о помянутой разности, что полагали ее извѣстною всякому, учившемуся грамотѣ изъ букваря!

Предлагаемыя сочинителемъ новыя буквы: *ӹ* вмѣсто чистаго гласнаго *и*, и *іӹ* вмѣсто *и* двоегласнаго, составлены имъ по ошибочному мнѣнію его (стр. 15), будто бы буква *ы* не есть сложная изъ *ъи*, а простая гласная, какъ *а*, *э*, *о*, *у*. — Но что *ы* есть дѣйствительно сложная изъ *ъи* гласная, сіе доказывается всего лучше неупотребленіемъ сей буквы въ началѣ слоговъ, а всегда только послѣ согласной, отъ коей она заимствуетъ *ъ*. Такъ

точно и стеченіе буквъ *ъи* въ словахъ: *предъидущій*, *объискать*, *разъиграть*, *съизнова* и пр. произносится (и пишется многими) *ы*: *предыдущій*, *обыскать*, и пр. Слѣдовательно, чистая гласная *и* несвойственно, да и безъ нужды, замѣнена начертаніемъ *ӹ*, а двоегласная начертаніемъ *ıы*.

Не могу также согласиться съ мнѣніемъ неизвѣстнаго, что двоегласная или, какъ онъ называетъ, сложныя или полуторныя: *я*, *ѣ*, *ıô*, *ю* составлены не изъ *йа*, *йэ*, *йо*, *йу*, какъ другіе полагаютъ, т. е. не изъ соединенія *й* съ чистыми (или *грубыми*, какъ онъ называетъ) гласными, а изъ *нѣжныхъ*: ӓ, ё, ӧ, *ӱ*, соединенныхъ съ *й*.

Г. сочинитель (на стр. 9, 12, 17) сѣтуетъ на грековъ, изобрѣтателей азбуки нашей, за то̀, что они, какъ иностранцы, не могли постигнуть тонкостей нашего діалекта, и не отличили въ азбукѣ *нѣжныхъ* гласныхъ.

Но во время изобрѣтенія азбуки (въ IX вѣкѣ) языкъ словенскій, по всей вѣроятности, имѣлъ звуки не во всемъ сходные съ нынѣшними; а потому мы не можемъ судить теперь, были ли или не были достаточны буквы Кирилловскія для изображенія всѣхъ тонкостей тогдашняго языка. Между тѣмъ мы видимъ изъ старинныхъ рукописей и церковныхъ книгъ, что двоегласныя *я*, *е* отличались особыми начертаніями ꙗ, ѥ, отъ мягкихъ гласныхъ ѧ, є, а въ древнѣйшихъ рукописяхъ еще и ꙓ отъ ѣ. Слѣдовательно, нынѣшнюю неразборчивость въ различеніи сихъ звуковъ приписывать должно не изобрѣтателямъ азбуки, а позднѣйшимъ писцамъ, которые, можетъ быть, для ускоренія письма, отбросили нѣкоторыя различительныя черты и кавычки, и смѣшали такимъ образомъ буквы, служившія первоначально для разныхъ звуковъ.

Нововводимыя буквы доставятъ намъ, по мнѣнію сочинителя, между прочимъ, ту выгоду, что мы будемъ въ состояніи выражать французскую гласную *u*, которую теперь несвойственно пишемъ буквою *ю*; ибо сочинитель думаетъ, что вводимая имъ буква ӱ (т. е. *ю* послѣ согласныхъ) имѣетъ звукъ, сходный съ

французскимъ *и*: въ чемъ едва ли согласиться можно, сравнивъ произношеніе французскаго слова lutte и русскаго *лютъ;* а передъ *n* nasal гласная *и* еще и другой отличный звукъ выражаетъ, напр. lundi. Сей послѣдній звукъ слышенъ также во французскихъ буквахъ *eu*, напр. leur. Но сочинитель, не знаю почему-то, находитъ французское *eu* подобозвучнымъ русскому *ѣ* послѣ согласныхъ (стр. 2. 11.)!

Безполезно было бы съ нимъ спорить послѣ этого.

Надлежитъ отдать справедливость похвальному усердію, съ какимъ г. неизвѣстный защищаетъ правильность и гармонію россійскаго слова, которыя, по мнѣнію его, сдѣлаются тогда только совершенно ощутительными для иностранцевъ, когда новыя предлагаемыя имъ буквы введены будутъ!

Конечно, желательно имѣть для каждаго звука, въ языкѣ существующаго, особую букву; но никакая азбука не удовлетворяетъ вполнѣ сему требованію. Мы можемъ утѣшаться тѣмъ, что въ латинской, нѣмецкой, французской и другихъ азбукахъ незнающему встрѣтится еще большая сбивчивость въ употребленіи однихъ и тѣхъ же начертаній для разныхъ звуковъ, и на оборотъ, разныхъ начертаній для одного и того же звука; но оная никого не останавливаетъ учиться симъ языкамъ и постигать гармонію оныхъ.

Тѣ же самыя препятствія, которыя французамъ, англичанамъ и другимъ народамъ не дозволяютъ исправлять замѣченные выше недостатки азбукъ ихъ, существуютъ и у насъ, т. е. общая привычка къ старому, и множество книгъ, напечатанныхъ уже прежними буквами. Сочинитель думаетъ, что намъ еще не поздно предпринимать таковое исправленіе, потому что мы находимся *при началѣ расцвѣтанія!* Но отвѣтомъ на сіе да послужатъ ему неудачныя попытки, дѣланныя уже къ отмѣненію буквы з [415]). —

II.

— *Таблица спряженій русскихъ глаголовъ несовершенныхъ видовъ*, представленная г. Бюргеромъ на судъ императорской рос-

сійской академіи, основана, по показанію сочинителя, преимущественно на наблюденіяхъ г. Греча.

Однакоже система спряженій, принятая въ сей таблицѣ, мало имѣетъ сходства съ Гречевою. Въ похвалу г. Бюргера должно сказать, что его система простѣе и удобнѣе Гречевой для преподаванія въ школахъ, хотя и не доведена еще до той простоты и точности, какой желать можно. Главный недостатокъ ея состоитъ въ томъ, что окончанія на *ешь* и *ишь* соединены въ одномъ спряженіи, какъ у Греча, что̀ и запутываетъ наиболѣе учащагося: ибо отъ разности сихъ окончаній, *ешь* и *ишь*, зависитъ разность всѣхъ другихъ окончаній. Г. Бюргеръ напрасно также слѣдовалъ Гречу въ томъ, что не помѣстилъ въ таблицѣ своей причастій и дѣепричастій, которыя, по всѣмъ другимъ грамматикамъ, принадлежатъ къ спряженію глаголовъ[416]). —

III.

— Разсмотрѣніе книги:

Русская грамматика для русскихъ. В. Половцова. Третье исправленное изданіе. 1839.

Сочинитель представляетъ въ предисловіи употребленный имъ способъ изложенія, и именно:

1. Онъ опускалъ тѣ предметы, кои по своей сухости скучны, затрудняютъ многосложностью, извѣстны начинающимъ изъ употребленія, и по этому не очень важны.

2. Нѣкоторыя статьи излагалъ пространнѣе, чѣмъ въ другихъ сокращенныхъ грамматикахъ.

3. Правила выводилъ изъ примѣровъ.

4. За ними предлагалъ подробный разборъ словъ, заключающій въ себѣ примѣненіе правилъ и служащій повтореніемъ.

5. Помѣщалъ вопросы, требующіе соображенія и напоминающіе ученику пройденное.

6. Предварительныя же понятія (общее обозрѣніе тѣхъ предметовъ, которые и ученику знать нужно) написалъ больше для

того, чтобъ учитель, распространяя ихъ, занялъ учениковъ при началѣ курса пріятнымъ и полезнымъ образомъ.

«Однимъ словомъ (говоритъ онъ) здѣсь обращено вниманіе на тò, чтобъ пріучить и пріохотить ученика къ изслѣдованіямъ, а вмѣстѣ и заставить его узнать грамматику хотя не подробно, но основательно».

Этотъ способъ очень хорошъ, и нельзя не признать, что сочинитель довольно успѣшно оному слѣдовалъ.

Но кажется, что нѣкоторыя статьи изложены слишкомъ поверхностно, въ другихъ же сочинитель распространялся болѣе, нежели сколько нужно.

Слѣдующія мѣста въ грамматикѣ г. Половцова требуютъ исправленія:

Стр. 4. «Понятія наши, представленія предмета въ умѣ, выражаются *словами*, а сужденія, т. е. соединенія понятій, *предложеніями*, и потому слова можно разсматривать *отдѣльно* и *въ связи* между собою».

Слѣдствіе это не ясно выведено. Надлежало бы прибавить послѣ *предложеніями* въ скобкахъ: *соединеніями словъ*, и тогда выводъ будетъ ясенъ.

Стр. 6. «Шесть и шестъ, быть и бытъ, быль и былъ (тутъ *ъ* и *ь* почти совсѣмъ не выговариваются)».

Напротивъ. Въ сихъ примѣрахъ очень явственно слышно различное произношеніе *ъ* и *ь*. Гдѣ *ъ* и *ь* не выговариваются, такъ это послѣ *ж*, *ч*, *ш*, *щ*.

Стр. 8. «Разсматривая слоги одного и того же слова, напр. *покраснѣть*, мы легко можемъ замѣтить, что въ этомъ словѣ одинъ изъ нихъ важнѣе прочихъ, ибо указываетъ на то слово, отъ котораго происходятъ прочія».

Это неясно выражено. Какія прочія слова? Надлежало бы сказать: «указываетъ на первообразное слово, отъ котораго происходитъ производное».

Стр. 9. Раздѣленіе корней на главные и придаточные, взятое изъ грамматики Греча, ни къ чему не служитъ. Корень въ словѣ

одинъ. Предлоги и окончанія несвойственно названы придаточными корнями.

Стр. 33. «*Именительнаго падежа*, потому что означаетъ предметъ независимый».—Это изъясненіе можетъ подать поводъ къ недоразумѣнію. Независимый отъ кого или отъ чего? Вѣрнѣе бы было сказать: «потому что означаетъ предметъ рѣчи, подлежащее».

Стр. 40. Изъясненіе о числахъ именъ прилагательныхъ, что въ нихъ множественное число не означаетъ многихъ признаковъ, есть лишнее. Ежели бы сказано было, что прилагательное, согласно съ существительнымъ, къ коему приложено, имѣетъ числа единственное и множественное, тогда само собою разумѣлось бы, что и единственное, и множественное число прилагательное означаетъ одинъ и тотъ же признакъ.

Стр. 42. *Треть*, *четверть*, *пара*, *дюжина* не суть имена числительныя, какъ ошибочно полагаютъ, но существительныя.

Стр. 45. «Къ которымъ изъ нихъ (именъ числительныхъ) можно приложить слова: *сей*, *сія*, *сіе*, тѣ относятся къ *мужескому*, *женскому* и *среднему* родамъ, а прочія, какъ *три*, *пять*, *пятьдесятъ* и др. *родовъ не имѣютъ*», и т. д. Но и *три*, *пять*, *пятьдесятъ* могутъ имѣть передъ собою мѣстоименіе *сіи*. Разница только та, что эти числительныя сочиняются со множественнымъ числомъ, въ которомъ окончанія всѣхъ родовъ одинаковы.

Стр. 46. Въ склоненіи числительнаго *полтора* поставлены неупотребительныя окончанія, и именно въ творительномъ падежѣ никогда не говорится: *полуторымъ*, *полуторою*, а *полутора*, какъ въ мужескомъ и среднемъ, такъ и въ женскомъ родѣ, напр. *полутора рублями*, *полутора копейками*.

Стр. 56. Сказавъ, что окончанія: *аго*, *яго* часто смѣшиваются съ окончаніями: *ого*, *его*, сочинитель на той же страницѣ самъ впадаетъ въ эту ошибку, поставивъ *того самого* вмѣсто *того самаго*. *Самого* происходитъ отъ *самъ*, а *самаго* отъ *самый*.

Стр. 107. «Въ предложеніяхъ: *брата нѣтъ дома*; *сукна у меня не стало*, и пр. подлежащее полагается въ падежѣ родитель-

номъ». Не будетъ ли вѣрнѣе, ежели скажемъ, что въ этихъ предложеніяхъ нѣтъ подлежащаго, а одни сказуемыя: *нѣтъ*, *не стало*. Существительныя же: *брата*, *сукна* суть дополнительныя слова падежа родительнаго. Подлежащее имѣетъ мѣсто только въ предложеніи съ глаголомъ личнымъ, и всегда должно быть въ именительномъ падежѣ.

Въ предложеніи же съ глаголомъ безличнымъ нѣтъ подлежащаго, — по крайней мѣрѣ въ русскомъ языкѣ.

Въ другихъ языкахъ, какъ-то: во французскомъ и въ нѣмецкомъ, мѣстоименіе il, es служитъ подлежащимъ при глаголѣ безличномъ. Напр. il pleut, es regnet. Il me manque du drap, es mangelt mir an Tuch.

Стр. 110. «Родительный падежъ употребляется въ выраженіяхъ: *вдоль улицы*, *внутри дома*, *окрестъ Петербурга*, и послѣ всѣхъ нарѣчій, замѣняющихъ предлоги». — Не послѣ всѣхъ. Нарѣчіе *вопреки* требуетъ дательнаго падежа, *между* — творительнаго, *сквозь* — винительнаго.

Вообще можно сказать, что грамматика г. Половцова довольно хороша для низшихъ учебныхъ заведеній, но для гимназій и высшихъ училищъ недостаточна. —

А. Востоковъ.

— Послѣ представленія грамматики своей на разсмотрѣніе императорской россійской академіи, г. Половцовъ отнесся письмомъ къ его высокопревосходительству господину президенту академіи, гдѣ изъявляетъ желаніе, чтобъ академія разсматривала книгу его, какъ *первую у насъ учебную грамматику*, ибо при составленіи ея филологическія изслѣдованія были нарочито устранены. Метода и удобопонятность изложенія (говоритъ онъ) служатъ ея отличительными признаками. По мнѣнію его, школьная грамматика должна начинаться не общимъ обзоромъ науки и главныхъ частей ея, а самыми простыми правилами словосочиненія. Наши грамматики, продолжаетъ г. Половцовъ, послѣ опредѣленія и раздѣленія науки переводятъ учащагося къ буквамъ и слогамъ, — что

маломальски читающему уже извѣстно, — и къ корнямъ словъ, что̀ и очень смѣтливому мальчику едва доступно; потомъ разбираются слова порознь: *столъ, стола, столу, говорю, говоришь, говоритъ.* Въ этомъ для начинающаго нѣтъ никакого смысла».— Слѣдовательно, по мнѣнію г. Половцова, надобно начинать грамматику синтаксисомъ или, лучше сказать, смѣшивать синтаксисъ съ этимологіею, что̀ и дѣйствительно отчасти выполнилъ сочинитель. Но при всемъ томъ, онъ въ порядкѣ изложенія слѣдуетъ другимъ грамматикамъ, которыя осуждаетъ: онъ также начинаетъ общимъ обзоромъ науки и главныхъ частей ея, ибо иначе и нельзя было начать; говоритъ также о буквахъ, слогахъ и корняхъ словъ, да еще о корняхъ *главныхъ* и *придаточныхъ*! Проходитъ также склоненія и спряженія, съ тою только разницею, что старается изъяснять ихъ примѣрами, состоящими изъ цѣлыхъ предложеній. Послѣ каждой части рѣчи прилагаетъ онъ грамматическій разборъ оной, и вопросы, содержащіе въ себѣ повтореніе сказаннаго прежде. Вотъ въ чемъ заключается его метода. Я уже сказалъ, что грамматика г. Половцова довольно хороша для низшихъ учебныхъ заведеній, но для гимназій недостаточна. Здѣсь же долженъ прибавить, что и для низшихъ училищъ ее надобно бы было нѣсколько передѣлать, пополнивъ недостатки и исключивъ излишности, замѣченныя мною [417]). —

А. Востоковъ.

IV.

Милостивый государь
Петръ Ивановичъ!

Имѣю честь при семъ возвратить въ императорскую россійскую академію рукопись сочиненія члена сей академіи Владимира Михайловича Броневскаго, подъ заглавіемъ: *Донъ* и *Кавказъ*, которая поручена была академіею на разсмотрѣніе Дм. Ив. Языкову и мнѣ. Дмитрій Ивановичъ передалъ мнѣ сію рукопись съ написанными имъ замѣчаніями на нѣкоторыя мѣста первый части

сочиненія г-на Броневскаго, и съ отвѣтами сего послѣдняго на означенныя замѣчанія. Находя съ моей стороны замѣчанія г. Языкова совершенно основательными, я присовокупилъ къ нимъ нѣсколько своихъ замѣчаній, которыя не благоугодно ли будетъ также сообщить г-ну Броневскому.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть

вашего превосходительства
покорнѣйшимъ слугою
Александръ Востоковъ.

23 генваря 1834 года.
Его превосходительству
П. И. Соколову.

Мнѣніе члена императорской россійской академіи Востокова о сочиненіи г. Броневскаго: *Донъ и Кавказъ.*

— По порученію императорской россійской академіи разсматривавши рукопись сочиненія члена сей академіи Владимира Богдановича Броневскаго, подъ заглавіемъ: *Донъ и Кавказъ*, мнѣніемъ полагаю, что сочиненіе сіе заслуживаетъ испрашиваемаго сочинителемъ отъ академіи пособія къ напечатанію онаго, ежели г. Броневскій исправитъ сочиненіе свое по сообщеннымъ ему замѣчаніямъ и по сдѣланнымъ на рукописи карандашомъ поправкамъ.

Александръ Востоковъ.

13 февраля 1834 года.

Стр. 7. Отъ заволжской орды гунновъ произошли киргизы, отъ задонской—калмыки.	На чемъ основано это утвержденіе? Киргизы не могутъ быть единоплеменны съ калмыками. Они принадлежатъ къ турецкому, а калмыки къ монгольскому племени. Ежели гунны были монгольскаго же племени, то они, конечно, могли быть родоначальниками калмыковъ, но не за Дономъ, а гораздо да-

лѣе, въ Азіи. Калмыки въ новѣйшее время только прикочевали къ Дону.

Стр. 259. Изъ дѣйствій его (Булавина) мы видѣли, что онъ благороднѣе поступилъ неаполитанскихъ карбонаріевъ, которые съ отчаянія не застрѣлились, а покравши деньги, заблаговременно бѣжали.

Булавинъ застрѣлился, когда уже видѣлъ *невозможность* бѣжать. На его мѣстѣ и карбонаріи такъ бы поступили!

Вообще замѣчу, что заглавіе: *Донъ и Кавказъ* несовсѣмъ прилично сочиненію г. Броневскаго. Сочинитель доѣзжалъ только до подошвы Кавказа, т. е. до минеральныхъ водъ, и о пребываніи своемъ тамъ, а потомъ о черкесахъ, говоритъ не болѣе, какъ на 100 страницахъ; исторіи же Донскаго войска посвящено болѣе 700 страницъ. Посему приличнѣе было бы назвать книгу просто *Исторіею Донскаго войска.* Поѣздка на Кавказъ составила бы только прибавленіе къ сей исторіи, и могла бы очень удобно быть отдѣлена отъ оной [418]).

V.

— Въ императорскую россійскую академію.

Исполняя постановленіе академіи, сего года 15 августа, статья дневника 5, мы разсматривали сочиненіе профессора Дан-

ковскаго. Matris Slavicae filia erudita, vulgo lingua graeca seu Grammatica cunctarum slavicarum et graecarum dialectorum in suis primitivis elementis et inde conflatis organicis formis exhibita etc. (Ученый сынъ матери славянской, сирѣчь, языкъ греческій, или Грамматика всѣхъ славянскихъ и греческихъ нарѣчій въ ея первоначальныхъ основаніяхъ и происшедшихъ оттуда органическихъ формахъ и пр.), и имѣемъ честь представить объ ономъ мнѣніе наше на благоусмотрѣніе академіи.

Сочинитель въ предисловіи книги своей говоритъ: «Я убѣдился, что языкъ славянскій есть отецъ языка греческаго, ибо первый въ нарѣчіяхъ своихъ заключаетъ первоначальныя формы, изъ котораго произошли формы втораго. Первоначальныя формы, имѣющія нѣкоторую грубость, безъ сомнѣнія предшествовали формамъ болѣе образованнымъ. Если найдутся люди, которые станутъ отвергать сіе, то они, по крайней мѣрѣ, должны будутъ признать, что языки славянскій и греческій суть родные братья, изъ коихъ первый сохранилъ великую часть свойствъ своего отца, а второй сдѣлалъ ее пріятнѣйшею, такъ что первый поистинѣ называется простонароднымъ, а второй — образованнымъ и ученымъ».

Для доказательства сего мнѣнія, сочинитель вопервыхъ сравниваетъ славянскія буквы съ греческими и произношеніе оныхъ (стр. 5—20); потомъ предлагаетъ спряженія глаголовъ: *быть* (стр. 20—27) и *мазать* (стр. 27—до конца), и показываетъ происхожденіе наклоненій и временъ. Такова цѣль и содержаніе книги г. Данковскаго. Изъ нея видно также, что она есть токмо начало пространнаго сочиненія.

Мы не можемъ согласиться съ мнѣніемъ г. Данковскаго, что языкъ славянскій есть отецъ языка греческаго. Исторія народовъ греческаго и славянскаго довольно извѣстна отъ самой глубокой древности: доселѣ никто не признавалъ грековъ и славянъ за одинъ народъ, а еще менѣе, никто не производилъ народа греческаго отъ славянскаго. Звуки, составляющіе азбуку, почти одинаковы и числомъ, и произношеніемъ у всѣхъ народовъ:

то суть общіе звуки языка первоначальнаго, или лучше, тоны, свойственные гортаннымъ и устнымъ орудіямъ человѣка. Славянская азбука, что всѣмъ извѣстно, составлена изъ греческой съ прибавленіемъ нѣсколькихъ буквъ, взятыхъ, можетъ быть, изъ азбукъ еврейской и коптской. Спряженіе глагола *быть* въ настоящемъ времени сходно во всѣхъ европейскихъ и даже во многихъ азіятскихъ языкахъ. Что принадлежитъ до спряженій прочихъ греческихъ и славянскихъ глаголовъ, то, хотя и примѣчается въ нихъ нѣкоторое сходство, но и различіе столь велико, что изученіе спряженій глаголовъ греческаго языка составляетъ одну изъ величайшихъ трудностей даже для русскихъ, начинающихъ заниматься языкомъ греческимъ. Наконецъ всѣми учеными европейскими филологами признано и почти доказано, что языкъ санскритскій, древнѣйшій изъ восточныхъ, содержитъ въ себѣ начала всѣхъ коренныхъ языковъ европейскихъ: греческаго, латинскаго, славянскаго и нѣмецкаго; а посему оные филологи и называютъ ихъ индо-европейскими языками.

Притомъ, ежели бы г. Данковскій держался только тѣхъ формъ, которыя существуютъ въ греческомъ и славянскомъ языкахъ, то онъ не далеко довелъ бы свое сравненіе обоихъ языковъ; но онъ, при изложеніи спряженій, придумываетъ множество формъ, небывалыхъ ни въ греческомъ, ни въ славянскомъ, и съ помощію оныхъ выводитъ тождество греческаго и славянскаго языковъ во всѣхъ наклоненіяхъ и временахъ. Довольно привести здѣсь два или три примѣра произвольныхъ словопроизводствъ и толкованій г. Данковскаго. Глаголъ 1-го лица числа единственнаго *есмь* производитъ онъ отъ трехъ мѣстоименій: *е*, которое будто бы есть мѣстоименіе указательное, означающее *то* (лат. id); *си*—мѣстоименія возвратнаго, и *ми*—мѣстоименія личнаго, будто бы означающаго *я*. Такимъ образомъ *е*—*си*—*ми* значитъ id sibi ego (то себѣ я)! Но *ми*, мѣстоименіе личное дательнаго падежа, въ славянскомъ никогда не означало именительнаго 1-го лица *я*, ego, и *е* отнюдь не есть мѣстоименіе указательное, означающее *то*. Глаголъ 3-го лица числа множе-

ственнаго *суть* произведенъ отъ *е—си—они—ти*, т. е. *то себѣ они тѣ* (id sibi illi hi)! Въ самыхъ первыхъ §-хъ г. Данковскій уже впадаетъ въ безпрестанныя ошибки по словопроизводству. Въ § 3 греческое: ἄναξ (царь, владыка) онъ считаетъ за одно со славянскимъ *юнакъ* (храбрецъ, герой); но сіе послѣднее происходитъ отъ *юный* и означаетъ собственно тò-же, что порусски *молодецъ*. Далѣе сравниваетъ онъ греческое γάμοροι (земледѣльцы) со славянскимъ *ямари* (землекопы). Но γάμοροι очевидно произведено отъ γῆ (земля), а *ямари* отъ *яма*. Въ § 16 греческое παράφημη (убѣждаю) полагаетъ онъ однимъ словомъ со славянскимъ *правимъ* (словацк. prawjem, богем. prawjm, венд. pravem, говорю); но παράφημη составлено изъ предлога παρά и глагола φημι, говорю, а prawjem то же, что *правлю*. Въ § 26 греческое πόνος (трудъ) соотвѣтствуетъ будто бы славянскому *поно́съ*! Но первое есть простое слово и въономъ ος есть окончаніе, непринадлежащее къ корню, а второе есть сложное изъ предлога *по* и кореннаго *носъ*, отъ глагола *носить*.

Что касается до втораго мнѣнія г. Данковскаго, т. е. что языки греческій и славянскій суть родные братья, то съ симъ мнѣніемъ его мы совершенно согласны. Исторія, сравненіе языка греческаго съ славянскимъ, поразительное ихъ сходство, подтверждаютъ ясно сіе мнѣніе. Въ этомъ отношеніи книга г. Данковскаго можетъ почитаться полезнымъ прибавленіемъ къ сочиненіямъ о сходствѣ языка славянскаго съ греческимъ, особенно потому, что въ ней сравниваются не одно, но всѣ нарѣчія славянскія. Мы только не желали бы, чтобы г. Данковскій употребилъ послѣднее выраженіе: «Первый (славянскій) поистинѣ называется простонароднымъ, а второй (греческій) образованнымъ и ученымъ». Ни одинъ языкъ, взятый самъ по себѣ, не можетъ быть названъ ни простонароднымъ, ни ученымъ, тѣмъ менѣе можетъ быть названъ простонароднымъ языкъ славянскій. Каждому истинно-ученому человѣку извѣстна его глубокая древность, знаменательность, богатство, сила, нѣжность и великолѣпіе. Если г. Данковскій могъ назвать языкъ славянскій простонароднымъ,

то что̀ долженъ былъ бы онъ сказать о языкахъ: итальянскомъ, французскомъ, англійскомъ и другихъ, образовавшихся въ новѣйшія времена, бѣдныхъ и слабыхъ? Что̀ подумали, что̀ отвѣчали бы г. Данковскому знаменитые писатели итальянскіе, французскіе, англійскіе?

Да позволено намъ будетъ при семъ случаѣ сказать кратко вообще о произведеніи словъ. Сей предметъ не чуждъ для россійской академіи. Наука о произведеніи словъ, не смотря уже на множество книгъ, объ оной написанныхъ, не имѣетъ еще донынѣ твердыхъ основаній. Прежде хотѣли узнать, какой языкъ былъ первоначальный, допотопный: сей неразрѣшимый вопросъ долго занималъ умы; но слѣдствіемъ того было, что почти каждому изъ языковъ приписывали честь сію, еврейскому, греческому, даже голландскому. Потомъ начали сравнивать отдѣльныя слова различныхъ народовъ: сей способъ, безъ сомнѣнія, былъ надежнѣе и полезнѣе, и труды Екатерины Великой, Аделунга, Кампе, знаменитаго нашего президента, въ этомъ отношеніи безсмертны. Нынѣ принимаютъ въ уваженіе и самыя измѣненія словъ, склоненія и спряженія: это, безъ сомнѣнія, можетъ еще болѣе руководствовать къ основательнѣйшимъ заключеніямъ; но филологи, каждый по своему, принимаютъ перемѣны однихъ звуковъ на другіе; совершенно произвольно отсѣкаютъ, прибавляютъ тѣ или другія буквы, а такимъ образомъ можно изъ каждаго слова сдѣлать все, что̀ угодно. Мы осмѣливаемся предложить на уваженіе академіи слѣдующія наши мнѣнія: намѣреніе наше состоитъ единственно въ томъ, чтобы узнать объ оныхъ сужденія ученыхъ и опытныхъ филологовъ.

I. Во всѣхъ языкахъ количество и качество звуковъ, а слѣдовательно и буквъ, почти одинаковы. То суть первоначальныя стихіи человѣческаго слова. Нѣкоторыя изъ нихъ, гласныя, составляютъ сами по себѣ уже слова, напр. *я*, *о*, *и*, *е*, *а* и пр. Изъ различнаго соединенія ихъ образуется безчисленное множество словъ. Если принять круглымъ числомъ тридцать звуковъ или буквъ въ человѣческомъ словѣ (ибо въ различныхъ языкахъ счи-

таютъ оныхъ болѣе или менѣе), то количество возможныхъ между ними перестановокъ будетъ необъятное: для сего нужно токмо помножить число 30 само на себя тридцать разъ.

II. Каждое первообразное простое слово (не производное и не сложное) состоитъ изъ корня и окончанія, напр. слово *ступать* состоитъ изъ корня *ступ* и окончанія *ать*. Корни словъ по большей части не заключаютъ въ себѣ никакого смысла и получаютъ оный токмо тогда, когда приложатся къ нимъ окончанія. Смыслъ сей, по различнымъ окончаніямъ, бываетъ весьма различенъ, напр. *ступ—аніе*, *ступ—ь*, *ступ—éнь*, *ступ—ня* и пр.

Мы полагаемъ: надлежитъ изыскать и вычислить въ каждомъ языкѣ корни и окончанія словъ; потомъ сравнить сіи корни и сіи окончанія во всѣхъ языкахъ. Это покажетъ вторыя основанія каждаго и всѣхъ языковъ, и сходство и различіе сихъ оснований.

III. Всѣ языки, донынѣ извѣстные, и отчасти изслѣдованные, раздѣляются на два класса: одни изъ нихъ не измѣняютъ словъ по падежамъ и временамъ, и означаютъ сіи измѣненія предлогами, мѣстами, на которыхъ стоитъ каждое слово, напр. гиммалайскій, китайскій; другіе имѣютъ многоразличныя склоненія и спряженія, напр. греческій, латинскій, славянскій.

IV. Почти во всѣхъ языкахъ, посредствомъ произведенія и сложенія, составляется множество словъ. Напр. какое великое количество словъ, помощію вышепомянутыхъ двухъ средствъ, составляется въ россійскомъ языкѣ изъ приведеннаго нами глагола *ступать* (см. словарь академіи).

Мы полагаемъ: надлежитъ изслѣдовать во всѣхъ языкахъ вопервыхъ, что̀ такое въ самихъ себѣ окончанія въ падежахъ, лицахъ, временахъ и наклоненіяхъ; вовторыхъ, по какимъ законамъ склоненія и спряженія совершаются; втретьихъ, какія буквы при склоненіяхъ и спряженіяхъ, при производствѣ и сложеніи словъ, измѣняются на какія другія; какія изъ нихъ вставляются или отбрасываются, и по какимъ причинамъ. Замѣченныя сходства и различія во всѣхъ языкахъ, и выведенныя изъ нихъ

общія заключенія показали бы намъ, какъ являлись, распространялись и измѣнялись во всѣхъ языкахъ склоненія и спряженія, слова производныя и сложныя.

Сіи правила, немногія, но основанныя на самой сущности языка человѣческаго и общія всѣмъ языкамъ безъ исключенія, должны быть, если мы не ошибаемся, краеугольными камнями для всеобщей грамматики и освѣщать всѣ филологическія изслѣдованія. Когда предполагаемые нами огромные труды будутъ кончены, тогда ученіе о производствѣ словъ представится во всей своей важности: тогда узнаютъ сходство и различіе языковъ и происхожденіе ихъ, раздѣлятъ ихъ на классы, составятъ совершенныя грамматики и словопроизводные словари; тогда проникнутъ до рожденія и разселенія народовъ, и будутъ имѣть истинное, ясное понятіе вообще о словѣ — сей способности, отличающей человѣка отъ скота, доселѣ непостижимой и удивительной [419]). —

Сентября дня
1839.

VI.

— Въ императорскую россійскую академію разсматривательнаго комитета отчетъ, съ возвращеніемъ рукописи: *Лексиконъ русскихъ синонимовъ.*

21 ноября сего года препровождена въ комитетъ на разсмотрѣніе рукопись подъ заглавіемъ: *Лексиконъ русскихъ синонимовъ*, отъ А до Ж. Вскорѣ доставлены еще тетради на буквы Ж и З. Комитетъ, имѣя въ виду, что русскіе сословы еще не обработаны, кромѣ нѣсколькихъ небольшихъ опытовъ, и представляемая рукопись составляетъ прямую цѣль занятій академіи, приступилъ къ немедленному разсмотрѣнію сей рукописи, преимущественно предъ другими.

Сочинитель сего словаря предположилъ себѣ цѣлію въ собраніи русскихъ сослововъ, болѣе или менѣе сходныхъ по значенію, объяснить ихъ различіе; показать, въ чемъ они между собою

сходны и въ чемъ несходны; какія ихъ общія свойства и какія особенныя. Трудъ его расположенъ азбучнымъ порядкомъ; такимъ образомъ разсмотрѣніе словъ: *авторъ*, *писатель*, *сочинитель*, *творецъ* составляютъ первую статью его сослововъ; *адресъ*, *надпись*, *вывѣска*, *оглавленіе*, *подпись*, *девизъ* — вторую, и такъ далѣе. Сначала онъ заимствуетъ изъ словаря россійской академіи краткое опредѣленіе каждаго слова. Затѣмъ слѣдуетъ болѣе подробный очеркъ словъ, сходныхъ по значенію, въ которыхъ сочинитель видитъ *членовъ одного семейства*, *соединенныхъ между собою будто союзомъ родства*. Чтобы сдѣлать эту часть сколько можно полнѣе, выставить оттѣнки каждаго слова разительнѣе и показать между ними сходство и несходство отчетливѣе, при составленіи сего словаря взяты сочинителемъ въ соображеніе изданія лучшихъ европейскихъ собирателей сослововъ. Наконецъ въ заключеніе объясненій на каждое семейство синонимовъ приведены имъ изъ нашихъ извѣстнѣйшихъ современныхъ писателей примѣры употребленія словъ. Сочинитель замѣчаетъ, что послѣ утомительнаго, можетъ быть, для нѣкоторыхъ разсужденія о разныхъ свойствахъ словъ, пріятно отдохнуть на какомъ-нибудь прекрасномъ изреченіи или цѣлой статьѣ нашихъ любимыхъ поэтовъ и прозаиковъ.

Комитетъ, признавая справедливость мысли сочинителя въ отношеніи пользы примѣровъ, не усматриваетъ однакоже нисколько необходимости въ выпискѣ цѣлыхъ статей въ примѣръ употребленія одного слова.

Въ представленномъ опытѣ встрѣчаются замѣчанія и мысли прекрасныя *); много наблюдательности; слогъ по большей части правильный, ясный; цѣль сочинителя и дѣятельное стремленіе его къ полезному труду для отечественной словесности заслуживаютъ уваженіе. Но достигъ ли онъ своей цѣли и не отклонился ли отъ нея по недостатку системы, обнаруживается изъ слѣдующихъ соображеній:

---

*) Прилагается выписка.

1-е. Въ числѣ синонимовъ сочинитель подвелъ подъ одинъ разрядъ множество словъ, вовсе не сближающихся въ значеніяхъ, напримѣръ, слова: *адресъ*, *вывѣску*, *подпись*, *надпись* и *оглавленіе*. Но если *надпись* можно считать синонимомъ оглавленія, то и *перепись*, и *роспись*, и *припись*, могутъ считаться также синонимами. *Академикъ* и *академистъ*; *астрологъ* и *астрономъ* поставлены въ синонимахъ; но это не синонимы, также какъ *землемѣръ* и *землеописатель*. *Басня*, *повѣсть* и *романъ* не болѣе синонимы, какъ *башня* и *хижина*. *Препровожденіе времени* не должно бы стоять наряду съ *балагурствомъ* и *забавой*. Препровождать время можно и скучно. *Безбожный*, *грѣшный* и *коварный* вовсе не синонимы, синонимъ коварнаго—*хитрый*, *лукавый*; безбожнаго—*невѣрующій*; грѣшнаго — *виновный*, *преступный*. *Приторный* и *выдохшійся* вовсе не сближаются. *Безденежно*, *безмездно* и *понапрасну* — не синонимы; *понапрасну* есть синонимъ словъ: *тщетно*, *вотще*, а не *безмездно*. *Ошибка*, *беззаконіе* и *злодѣяніе* поставлены въ одинъ разрядъ синонимовъ; но *ошибку* должно бы поставить на ряду съ *погрѣшностію*; она не можетъ сближаться въ значеніи со *злодѣяніемъ*. *Безпрерывный* и *продолжительный*—не синонимы; съ *безпрерывнымъ* могли бы стоять: *безпрестанный*, *безконечный*, а съ *продолжительнымъ* — *долговременный*. *Смѣшный* и *своевольный*—не синонимы; *осмотрительность* и *уваженіе* тоже; *пещись* и *щадить* не должны стоять въ одномъ разрядѣ: *пещись* близко къ слову *стараться*, *заботиться*, а *щадить* къ слову *миловать*. *Теплота* и *пламя*—не синонимы: иначе *влажность* и *рѣка* были бы тоже однозначительны. Нѣтъ сходства между *бить* и *трепать*; *задолжать* и *просить*; *готовить* и *кипятить*; *сильный* и *буйный*; *споръ* и *драка*; *бредни* и *суеты*; *голый* и *бѣдный*; *вертѣть* и *течь*; и однакоже слова сіи поставлены въ синонимахъ. Если *житель*, *мѣщанинъ* и *гражданинъ* синонимы, то и *купецъ* и *дворянинъ* тоже должны быть отнесены къ сему разряду. *Блескъ* и *мерцаніе* не только не синонимы, но одно другому противоположно. Въ истолкованіи синонимовъ нужно всегда обращать вниманіе на коренное про-

исхожденіе словъ: *мерцаніе* есть *угасаніе*, *потуханіе*, происходя отъ слова *меркнуть*. Также совершенно противоположны поставленныя въ синонимахъ слова: *мрачный* и *развлеченный*; *собраніе* и *бунтъ*; *строгій*, *тяжкій* и *привлекательный*; даже *озеро*, *грязь* и *лужа* поставлены въ синонимахъ. Послѣ сего очевидно, что въ системѣ сочинителя такого словаря большой недостатокъ и совершенная сбивчивость въ понятіи о синонимахъ.

2-е. Самыя опредѣленія словъ во многихъ мѣстахъ словаря неудовлетворительны и невѣрны. *Академикъ* и *академистъ* оба признаются членами академіи, и объ *академистѣ* сказано: «учащійся верховой ѣздѣ, танцованью, фехтованью и другимъ искусствамъ. Какой же это членъ академіи? А притомъ у насъ *академистъ* не что иное, какъ ученикъ, воспитанникъ академіи; но учащійся какому-нибудь искусству, напр. *искусству плавать*,—еще не академистъ.

Разбирая слова: *приторный* и *выдохшійся*, сочинитель говоритъ, что *приторное* противно вкусу, и что *приторными* называются такія умственныя произведенія, которымъ не успѣли присвоить форму прекраснаго, отчего они дѣлаются противными. Но *приторный* есть *переслащенный*, или прискучившій вкусу однообразіемъ: конфекты не противны вкусу, но могутъ сдѣлаться приторными.

Въ *бездну*, говоритъ сочинитель, тѣло *увлекается*, а въ *пропасть падаетъ*. Но брошенный камень развѣ не падаетъ въ бездну? Въ разборѣ словъ: *развлеченный*, *задумчивый*, *мрачный*, сказано: «*Развлеченными* дѣлаетъ насъ какой-нибудь новый предметъ, отвлекающій наше вниманіе отъ того предмета, на который мы обращали его прежде, или на который мы должны обращать», а о задумчивомъ и угрюмомъ говорится: «*Задумчивый* и *угрюмый* страдаетъ черною, сгустившеюся желчью, которая, приставъ къ внутренностямъ, мѣшаетъ пищеваренію, испускаетъ густыя испаренія въ мозгъ, останавливаетъ и портитъ мокроты, и наконецъ производитъ величайшій безпорядокъ во всемъ человѣкѣ». Не говоря уже о несоотвѣтственности подобнаго вра-

чебнаго толкованія прямой цѣли словаря, легко усмотрѣть здѣсь совершенную невозможность сближенія словъ *развлеченный* и *угрюмый*. Первое однозначительно съ разсѣянностію, противоположною угрюмости. Въ опредѣленіи будто бы сослововъ: *озера*, *лужи* и *грязи*, между прочимъ сказано: «*Лужа* отличается отъ *озера* меньшимъ количествомъ воды, которая никуда не течетъ, иногда бываетъ чиста, по большей части грязна, и почти никогда не содержитъ рыбы. Грязь есть самая земля, растворившаяся отъ воды». Но для чего сіи толкованія? Кому неизвѣстно, что озеро не грязь, и грязь не озеро.

Мысль для различія сослововъ *заботливо* и *тщательно*, что «*берегутъ заботливо, что̀ полезно, а берегутъ тщательно, что̀ рѣдко*», — можетъ быть сказана и наоборотъ: *берегутъ тщательно, что̀ полезно*; *берегутъ заботливо, что̀ рѣдко*. А притомъ не одно полезное берегутъ заботливо, не одно рѣдкое тщательно: дитя иногда заботливо бережетъ стеклышко или камешекъ; берегутъ тщательно травку, сорванную на память. *Суровость*, по мнѣнію сочинителя, есть «выраженіе чувства важности въ тѣлодвиженіяхъ, чертахъ лица, поступкахъ и рѣчахъ». Но сколько можно указать имѣвшихъ это выраженіе важности и совершенно далекихъ отъ суровости.

И такъ, самыя опредѣленія словъ, къ сожалѣнію, не всегда обдуманы, и требуютъ большей зрѣлости соображеній. Между мыслями весьма основательными укажемъ на слѣдующую, при объясненіи словъ *святой* и *добродѣтельный*: «*Мы называемъ Бога святымъ, а не добродѣтельнымъ, потому что его нравственное совершенство безпредѣльно*». Но эта же самая мысль повторена и при объясненіи словъ: *важный* и *добродѣтельный*.

3-е. Комитетъ замѣтилъ, что множество иностранныхъ словъ, какъ напримѣръ: *діалогъ*, *астрологъ* и тому подобныя, взятыя изъ древнихъ или новѣйшихъ чужихъ языковъ, не должны входить въ словарь русскихъ сослововъ, а могутъ быть присовокуплены къ оному въ видѣ особеннаго дополненія, съ объясненіемъ, что сверхъ словъ, помѣщенныхъ въ словарѣ, вошли въ нашъ языкъ

разныя иностранныя слова, по недовольному знанію собственныхъ и по привычкѣ заимствовать отъ иностранцевъ, и тутъ же можно будетъ показать значеніе ихъ въ отношеніи къ русскимъ, но не вмѣшивать ихъ въ составъ коренныхъ русскихъ сослововъ, и такимъ образомъ не давать повода къ забвенію равносильныхъ отечественныхъ словъ, и къ усвоенію иностранныхъ, болѣе затмевающихъ, нежели проясняющихъ понятія, и которыя, безпрерывно вторгаясь въ русскій языкъ, изгоняютъ мало по малу родныя слова. Такимъ образомъ вмѣсто *дѣйствія* появился *актъ*, вмѣсто *рукоплескать* — *апплодировать*, вмѣсто *распространеніе* — *амплификація*, вмѣсто *преувеличенія* — *экзажерація*; *оцивилизированный*, *разнаціонализировать*, и тому подобныя — безъ числа.

4-е. Въ примѣръ слова *веселый* сочинителемъ выписано стихотвореніе Державина: *Хариты*; но вмѣсто 40 стиховъ довольно бы ограничиться 8-ю, и то для связи мысли, чтобъ читатель видѣлъ, о комъ говорится:

«То съ *веселымъ*, быстрымъ звономъ
«Голубками воздухъ вьютъ.

Въ примѣръ слова *край* довольно бы выписать стихъ Пушкина:

«Шипѣла пѣна по *краямъ*», —

а не отрывокъ въ 17 стиховъ, въ которомъ слова сего болѣе не встрѣчается. Въ примѣръ словъ *бой* и *битва* не нужно бы выписывать болѣе *ста* стиховъ изъ поэмы *Полтава*, хотя бы выписать изъ сего отрывка всѣ тѣ, въ которыхъ встрѣчаются слова: *бой* и *битва*. Напр.

И грянулъ *бой*, полтавскій *бой*...
Готовится къ кровавой *битвѣ*, и пр.

Десяти стиховъ было бы слишкомъ достаточно.

Подъ словами: *героизмъ* и *геройство* выписаны стихи, въ коихъ нѣтъ ни того, ни другаго слова, а находимъ *герой*.

Примѣры должны быть кратче и относиться ближе и прямѣе къ поясненію словъ; въ примѣрахъ же, приводимыхъ сочинителемъ, часто нѣтъ соразмѣрности, а иногда и соотвѣтствія.

Безъ сомнѣнія, словарь сослововъ можетъ почесться великою услугою для словесности, но тогда только, когда избраны будутъ соотвѣтствующіе сословы, а не противорѣчащія одно другому слова; когда опредѣленія будутъ сколько можно болѣе точны и вѣрны, а примѣры, избранные съ разборчивостью, кратки и прямо относиться къ словамъ. Желая достигнуть сей полезной цѣли почтенному и извѣстному трудолюбіемъ сочинителю, комитетъ находитъ, что его лексиконъ русскихъ синонимовъ въ настоящемъ видѣ не можетъ воспользоваться правомъ на пособіе отъ императорской россійской академіи [420]). —

23 декабря 1839.

VII.

— Въ императорскую россійскую академію

отчетъ разсматривательнаго комитета,

съ возвращеніемъ книги: *Словарь русскихъ синонимъ* или *сослововъ*, составленный Редакціею нравственныхъ сочиненій.

Словарь русскихъ сослововъ былъ уже однажды представленъ отъ редактора въ императорскую россійскую академію. По разсмотрѣніи сей рукописи, замѣчанія на оную сообщены были редактору. Первая часть сего труда, вскорѣ изданная редакціею, представлена ею въ императорскую академію наукъ на соисканіе Демидовскихъ премій.

Редакція нравственныхъ сочиненій, предпринявъ составить словарь русскихъ сослововъ, расположила оный по статьямъ, изъ коихъ каждая содержитъ нѣсколько сослововъ, сродныхъ между собою. Краткія первоначальныя опредѣленія ихъ заимствованы изъ словаря россійской академіи. За симъ слѣдуетъ подробнѣйшій очеркъ словъ для указанія ихъ сходства и различія. Редакція, отдавая отчетъ въ своемъ трудѣ, поясняетъ,

что принимала въ соображеніе сочиненія лучшихъ европейскихъ собирателей сослововъ, подкрѣпляла объясненія примѣрами, гдѣ можно было, на каждое слово, желая показать употребленіе словъ общественное, народное и почерпнутое изъ сочиненій образцовыхъ писателей.

Таковъ планъ словаря сослововъ редакціи, заслуживающей признательность за дѣятельное стремленіе ея къ пользѣ языкознанія. Но справедливость требуетъ сказать, что, по внимательномъ разсмотрѣніи сего труда, онъ представляется далеко не достигающимъ достоинства ученыхъ сочиненій и предположенной цѣли. Выполненіе мало соотвѣтствуетъ предначертанію.

Главный и самый важный недостатокъ сего словаря въ томъ, что редакція составила себѣ невѣрное понятіе о сословахъ, и распространила кругъ ихъ до такой степени, что сближаетъ въ одной статьѣ, стр. 4: *адресъ*, *вывѣску*, *оглавленіе*, *подпись* и *девизъ* и пр.; въ другой, стр. 18: *анекдоты*, *исторію*, *мемуары*, *комментаріи*, *лѣтописи*, *донесеніе*, *жизнь* и пр., какъ будто бы все это сословы. Можно ли помѣщать въ одномъ семействѣ сослововъ: *точность*, *уваженіе*, *заботливость*, *разсудительность* и *осторожность* (стр. 327)? *видѣть*, *щурить глаза*, *коситься*, *замѣчать* и *глазѣть* (стр. 296)? Въ предисловіи сказано (ст. XIII), что издатель привелъ въ исполненіе сообщенныя ему примѣчанія императорской россійской академіи; но издатель, исправивъ нѣкоторые недостатки по замѣчаніямъ, очевидно не вникнулъ въ самое главное изъ нихъ, именно, въ указаніе несоотвѣтствующихъ одинъ другому сослововъ.

Нѣкоторые примѣры употребленія словъ избраны изъ сочиненій извѣстныхъ писателей удачно; но много встрѣчается примѣровъ, невѣрно прпноровленныхъ къ словамъ. Напримѣръ: говорится о сословахъ: *порывистый*, *стремительный*, *сильный*, а примѣръ приведенъ на глаголъ: *стремиться* (стр. 203); говорится о сословахъ: *близкій* и *сосѣдній*, а примѣры на слова: *сосѣдъ* и *близъ* (стр. 155). На слово *смышленый* приведенъ въ примѣръ стихъ (стр. 138):

И тѣмъ *осмыслить* бытіе.

Здѣсь уже примѣръ вовсе не относится къ слову: слово *осмыслить* дико и не существуетъ въ языкѣ. Примѣры, приводимые безъ связи и разборчивости, уменьшаютъ достоинство полезнаго труда.

Вообще, словарь сослововъ, составленный редакціею нравственныхъ сочиненій, еще далекъ отъ желаемой отчетливости и обработанности, что̀ можно видѣть изъ разныхъ опредѣленій сослововъ, въ объясненіи коихъ редакція слишкомъ произвольно то стѣсняетъ, то распространяетъ кругъ знаменованія ихъ. Въ объясненіи сослововъ: *ударять* и *стучать* сказано: (стр. 99) «*ударять* можно только въ гнѣвѣ и притомъ сильно, *стучать* всегда тихо». Но въ колоколъ ударяютъ безъ гнѣва, а въ ворота стучатъ очень сильно, чтобъ скорѣе ихъ отперли.

О сословахъ: *продолжительный* и *безпрерывный* замѣчено, стр. 54: «то̀, что̀ *безпрерывно*, не дѣлится; что̀ *продолжительно*, не прекращается». Нѣтъ, все продолжительное имѣетъ свой конецъ; какъ ни продолжительна бываетъ война, но она прекращается.

Слогъ словаря сослововъ не вездѣ ясенъ и правиленъ, и впадаетъ въ изысканность. Слова: *пробуждать* и *вызывать* между прочимъ опредѣлены слѣдующимъ образомъ: «*Пробуждать употребляется только о лицѣ* и о томъ, что̀ въ немъ происходитъ; *вызывать* употребляется о нравѣ или тѣлосложеніи чьемъ-либо» (стр. 347). Но *употребляться о чемъ-либо* — несвойственно русскому языку.

«Прочностію выражается не дѣйствіе, а *упорное пребываніе во времени*». — «Грѣхи суть *пятна* въ нашей душѣ, *которыя не предполагаютъ* столь великаго развращенія, какъ пороки» (стр. 52). Но, опредѣляя виды грѣха, какимъ образомъ можно допустить, что грѣхъ меньше порока? А притомъ могутъ ли *пятна* предполагать?

Въ самомъ предисловіи къ словарю замѣтно, какъ невѣренъ

взглядъ редакціи словаря на сословы, къ которымъ (стр. V) причисляются: *сабля*, *шпага* и *кортикъ*, на томъ основаніи, что они принадлежатъ къ холодному орудію.

Такимъ образомъ очевидно, что несообразности въ распорядкѣ сослововъ разрушаютъ въ основаніи благонамѣренный трудъ редакціи, и дѣлаютъ безуспѣшнымъ предпріятіе, которое, въ случаѣ отчетливаго исполненія, могло бы преимущественно заслужить награду [421]). —

13 марта 1841 г.

VIII.

— Въ императорскую россійскую академію

отчетъ разсматривательнаго комитета,

съ возвращеніемъ рукописи: *О пользѣ изученія языка славянскаго*, соч. г. Рыбушкинымъ.

Рукопись: *О пользѣ изученія языка славянскаго* была препровождена въ комитетъ вмѣстѣ съ письмомъ сочинителя оной на имя его высокопревосходительства г. президента академіи. Въ письмѣ семъ г. Рыбушкинъ между прочимъ изъясняетъ, что въ училищахъ нашихъ чувствуется недостатокъ необходимаго изложенія правилъ языка славянскаго, почему и представляетъ составленное имъ небольшое разсужденіе: *О пользѣ изученія языка славянскаго*, прося о указаніи недостатковъ въ его сочиненіи для вящшаго поощренія къ занятію любимымъ предметомъ.

Комитетъ, по разсмотрѣніи сочиненія г. Рыбушкина, находитъ, что сочинитель недовольно глубоко вникнулъ въ предметъ свой, и съ другой стороны отклоняется отъ него, включивъ много излишняго и неосновательнаго, что̀ можно усмотрѣть изъ представляемыхъ при семъ выписокъ; но для поощренія въ полезной цѣли труда его, и для указанія вѣрной стези въ изслѣдованіяхъ сего рода, комитетъ полагалъ бы нужнымъ доставить сочинителю для соображенія труды г. президента академіи, столь много

объясняющія достоинства, красоты и основныя правила языка славянскаго, также всю важность и необходимость познанія онаго въ отношеніи къ русскому слову[422]). —

Марта 1838.

IX.

— Въ императорскую россійскую академію

отчетъ разсматривательнаго комитета,

съ возвращеніемъ книги: *Пѣснь объ ополченіи Игоря.*

Переложеніе въ гекзаметры *Пѣсни о полку Игоря*, представленное на соисканіе Демидовской преміи г-номъ Деларю и препровожденное изъ императорской академіи наукъ на разсмотрѣніе императорской россійской академіи, заслуживаетъ вниманіе по достоинству поэтическаго, и отчасти весьма близкаго, выраженія подлинника. Но съ другой стороны совершенно нельзя согласиться съ мнѣніемъ, изложеннымъ въ предисловіи, чтобъ «*переводившіе* донынѣ *прозою Слово о полку Игоревомъ утратили въ своихъ переводахъ всю поэзію подлинника*». Напротивъ, справедливѣе сказать, что нѣтъ ни одного прозаическаго перевода сего слова, въ которомъ нельзя было бы видѣть поэзію подлинника. Достоинство древняго пѣвца о полку Игоря находило цѣнителей и по прежнимъ переложеніямъ, и никогда не могло столько затмиться, чтобъ вся поэзія казалась въ немъ утраченною.

Далѣе въ предисловіи замѣчено, что «*перелагавшіе мѣрою, не всегда вникая въ мысль поэта, и избирая метры большею частію неудачные, позволяли себѣ измѣнять по волѣ подлинникъ, и представляли въ переложеніяхъ своихъ невѣрные, блѣдные списки съ творенія истинно самороднаго*».

Должно по справедливости замѣтить, что и новый перелагатель невсегда вникалъ въ мысль поэта, и нерѣдко самъ увлекаясь неточными догадками или недосмотрами, неумышленно измѣнялъ смыслъ подлинника. Напримѣръ:

Въ самомъ приступѣ его переложенія, Пѣснь о полку Игоря начинается не прямымъ вопросомъ, какъ въ подлинникѣ: *Не лѣпо ли ны бяшетъ, братіе, начати старыми словесы,* — а отрывочнымъ, съ союза: *или начать намъ, друзья, старымъ складомъ.*

Слова подлинника (ст. 15): *тогда пущашеть ї соколовъ на стадо лебедей; который дотечаше, та преди пѣснь пояше* — замѣнены стихами:

«Пускалъ онъ бывало
«Десять соколовъ быстрыхъ на стаю лебяжью. Лишь только
«Соколъ на лебедь падетъ, лебедь пѣснь запоетъ».

Но можетъ ли лебедь пѣть подъ когтями сокола?

Въ подлинникѣ ясно: что тогда пускалось 10 соколовъ на стадо лебедей; который изъ соколовъ настигалъ, *та прежде и пѣснь пѣлась*; то-есть: по древнему обычаю *та пѣснь*, которая сочинена была въ похвалу князю, которому принадлежалъ соколъ.

Вмѣсто: *Мстиславу, иже зарѣза Редедю* (16) въ переложеніи сказано: «Мстиславу, который предъ ратью касожской *смялъ ихъ вождя*». Но *смялъ* вовсе не выражаетъ сказаннаго въ подлинникѣ, что Мстиславъ умертвилъ Редедю.

Въ подлинникѣ (с. 16) говорится: *Наведе своя храбрыя плъкы на землю Половѣцькую за землю Руськую*, а въ переложеніи сказано:

И за рускія грани,
Храбрыя рати свои повелъ на Половцевъ землю».

Это значитъ: повелъ *за границы* русской земли, а не за русскую землю, какъ въ подлинникѣ, т. е. за отечество.

Въ переложеніи (с. 17) сказано: *Подъ саблею смерть краше плѣна*; но въ подлинникѣ яснѣе и проще: лучше быть убитымъ (*потяту*), нежели плѣннымъ.

Въ переложеніи (с. 21): *вскормленъ копьемъ*; въ подлинникѣ яснѣе: *конецъ копья въскоръмлени*, т. е. съ острія копья подавали пищу.

Въ подлинникѣ (стр. 21): И своя милыя *хоти*, красныя Глѣбовны, свычая и обычая. — Въ перел.: «и своей милой любви,

красной Глѣбовны, правъ и обычай». Но *хоти*, какъ извѣстно, значило *жену*, а не *любовь*.

Въ под. (ст. 26): *Тый бо Олегъ мечемъ крамолу ковяше.* Въ перел.: «тотъ мечемъ *распри ковалъ*». Но *ковать* не *ковать*, и лучше бы вмѣсто *распрей* сохранить выразительное, поэтическое слово: *крамолу*.

Въ подлин. стр. 31: *Жаль бо ему мила брата Всеволода*, а въ перел.: ему жаль брата, *милаго Тура*. Но туръ означало *волъ*. Правда, что древній пѣвецъ прилагаетъ иногда къ имени Всеволода: *яръ туръ*, сравнивая его отважность и неукротимость съ разсвирѣпѣвшимъ дикимъ воломъ, но гдѣ братъ оплакиваетъ милаго Всеволода, тамъ *милаго тура* уже неумѣстно.

Въ подлин. (с. 32): *И начаша князи про малое се великое млъвити.* Въ перел. «И начали князи *важнымъ ничтожное звать*». Но смыслъ подлинника ясенъ: начали много говорить, спорить изъ малостей.

Въ под. (с. 32): Уже намъ своихъ милыхъ *ладъ* ни мыслію смыслите. Въ перел.: Уже намъ *друзей* своихъ милыхъ. — Но слово *ладъ* означало *мужей*.

Въ подлин.: «*А злата и сребра не мало того потрепати*». *Потрепати* говорилось въ смыслѣ *потратить*, *истребить*, а не въ смыслѣ *бренчать*, какъ сказано въ переложеніи:

«Златомъ же, серебромъ тѣмъ и подавно уже не *бренчать* намъ».

Въ подл. (35): А мы уже дружина *жадни* веселія; въ перел.:

Мы же, о князь, мы дружина твоя *уже чужды веселья.*

Но *чужды* противорѣчитъ слову *жадны*, также какъ *жаждемъ*, *хотимъ*, не значитъ *чуждаемся*.

Въ подл. (46): А самъ подъ чрълеными щиты притрепанъ литовскими мечи. Въ перел.: «А самъ подъ щитами *отчизны легъ* на кровавой травѣ».

Въ подл. (с. 52): Нынѣ сташа *стязи* Рюриковы, а друзіи Давидовы, *нъ рози нося имъ хоботы пашутъ.* — Здѣсь смыслъ

подлинника не ясенъ, но въ переложеніи едва ли не болѣе затемненъ. Тамъ сказано: *Роги носящимъ хвосты чешутъ*, а въ примѣчаніи дополнено, что вѣроятно поэтъ подразумѣвалъ ту мысль, что враги разоряютъ собственныя ихъ земли, между тѣмъ какъ они ратоборствуютъ на Дунаѣ.

Въ примѣчаніи 31 поясняется, что подъ словомъ *сватовъ попоиша* разумѣются *сабли*, и въ доказательство сдѣлана ссылка на слова русской пѣсни: «насъ *сосватала* сабля острая»; но подобныя толкованія отдаляютъ отъ прямаго значенія; *сватовъ попоиша, а сами полегоша* гораздо ближе понимать иносказательно: *враговъ* положили, да и сами полегли.

Впрочемъ, при всѣхъ замѣченныхъ недостаткахъ, переложеніе г. Деларю приноситъ честь его труду. Онъ удачно избралъ размѣръ стиховъ, способствующій къ переданію съ большею точностію подлинника, не изглаждая древнихъ красотъ его, но проясняя ихъ; онъ ловко владѣетъ стихомъ; часто съ жаромъ и выразительностію передаетъ красоты подлинника, что̀ можно подробнѣе видѣть изъ прилагаемой при семъ выписки. Кромѣ того, текстъ его переложенія поясняется 73 примѣчаніями, между коими есть весьма основательныя. Трудъ его доставитъ удовольствіе читателю и полезенъ для русской словесности, живо давая чувствовать достоинство Пѣсни о полку Игоря, драгоцѣннѣйшаго изъ памятниковъ нашей древней поэзіи, почему въ случаѣ если при новомъ изданіи сего переложенія будутъ исправлены замѣченные недостатки и ошибочныя мнѣнія, г. Деларю можетъ имѣть право на полученіе половинной Демидовской преміи. —

Марта 9. 1840 г.

— Выписка изъ переложенія Слова о полку Игоревѣ:

Стр. 19. Кони ржутъ за Сулой; гремитъ слава въ Кіевѣ градѣ,
Трубы трубятъ въ Новѣгородѣ; стяги взвѣваютъ въ Путивлѣ;
Игорь ждетъ милаго брата.

21. Путь имъ извѣстенъ, овраги знакомы, ихъ луки исправны,

Тулы отворены, сабли наточены; сами какъ волки
По полю скачутъ, ища себѣ чести, князьямъ своимъ славы.

Стр. 27. Крикомъ нечистая сила, щитами червленными наши
Степь преградили. Ты, Всеволодъ яръ-туръ, стоишь впереди всѣхъ,
Прыщешь стрѣлами, саблей булатной гремишь о шеломы.

45. Отважная дума
Носитъ на дѣло вашъ умъ. Высоко ты плаваешь въ дѣлѣ,
Словно соколъ на вѣтрахъ ширяясь, когда тотъ стремится
Птицу въ бою одолѣть.

55. Прыснуло въ полночи море; идутъ смерчи синею мглою;
Князю Игорю Богъ кажетъ путь изъ земли половецкой
Въ русскую землю, къ престолу отцовъ золотому. — Погасли
Зори вечернія. Игорь князь спитъ... Игорь бдитъ, Игорь мыслью
Мѣритъ поля до мала Донца отъ великаго Дона.

57. Вотъ Донецъ говоритъ: «Не мало тебѣ, князь, величья,
А Кончаку нечестивцу досады, а Руси веселья!»
Игорь въ отвѣтъ: «И тебѣ, о Донецъ! немало величья!
Ты лелѣялъ князя средь волнъ, разстилалъ ему зелень
На серебристыхъ своихъ берегахъ, одѣвалъ его теплой
Мглою подъ сѣнью зеленаго древа; стерегъ на водѣ ты
Гоголемъ князя, чайкой средь волнъ».

59. Гзакъ говоритъ Кончаку: «Коли соколъ къ гнѣзду путь свой держитъ,
Не разстрѣлять ли злачеными стрѣлами намъ соколенка»?
Гзаку Кончакъ говоритъ: «Коли соколъ къ гнѣзду путь свой держитъ,

Мы соколенка опутаемъ лучше дѣвицей красной».
Гзакъ же въ отвѣтъ Кончаку: «Коль опутаемъ дѣвицей красной,
То намъ не будетъ ни соколенка, ни дѣвицы красной,
И станутъ птицы насъ бить посреди половецкаго поля» [423]). —

X.

— Въ императорскую россійскую академію

отчетъ, съ представленіемъ книги: *Чтенія о русскомъ языкѣ, соч. г. Греча.*

Въ книгѣ г. Греча собраны замѣчанія его о русскомъ языкѣ, и вообще о русской словесности, въ томъ самомъ видѣ, какъ статьи сіи были имъ читаны въ публичныхъ собраніяхъ. Она заключаетъ въ себѣ пятнадцать чтеній, въ расположеніи которыхъ сочинитель не слѣдовалъ предварительному плану, но изъ множества предметовъ, входящихъ въ кругъ словесности выбиралъ то, чего, какъ ему казалось, требовали его слушатели. Въ первыхъ трехъ чтеніяхъ изложены имъ общія свойства и исторія русскаго языка; впрочемъ въ третьемъ чтеніи онъ уже отдаетъ отчетъ о слогѣ Ломоносова, Карамзина и другихъ, представляетъ движеніе русской литературы въ началѣ XIX вѣка, примѣры дѣловаго слога, и слога изысканнаго, столь часто появляющагося въ новыхъ журналахъ. Въ четвертомъ чтеніи сочинитель снова обращается къ началу исторіи русскаго языка, разсматриваетъ составъ онаго, свойства буквъ, соединеніе ихъ въ склады и слова, сказавъ уже о различіи литературнаго слога.

Недостатокъ порядка въ книгѣ г. Греча тѣмъ ощутительнѣе, что требованія большей части слушателей, какъ онъ самъ говоритъ, побудили его для соглашенія различныхъ мнѣній дать новый видъ бесѣдамъ своимъ съ пятаго чтенія и раздѣлить ихъ такимъ образомъ, что въ первомъ отдѣлѣ каждаго послѣ-

дующаго чтенія излагаются имъ разныя грамматическія замѣчанія, а въ другомъ—исторія какой либо отрасли русской словесности. Самъ сочинитель сознается, что такое распредѣленіе нанесло чувствительный и неизбѣжный вредъ полнотѣ и единству его чтеній: съ одной стороны, онъ не могъ излагать законовъ грамматическихъ со всѣми доводами и выводами, и заключилъ курсъ свой синтаксисомъ; часть же собственно литературная также не могла быть развита имъ въ надлежащей полнотѣ и подробности: нѣкоторые отдѣлы изложены слегка, а другіе и вовсе пропущены. Очевидно, что въ сочиненіи г. Греча не представляется системы и порядка, отчего произошло, что многія статьи его книги несоразмѣрны съ другими; напримѣръ, онъ слишкомъ много распространился о буквахъ, допуская излишнія повторенія, и слишкомъ поверхностно и недостаточно разсматриваетъ коренное происхожденіе словъ, важнѣйшую часть языкознанія. Начавъ говорить въ пятомъ чтеніи о народныхъ пѣсняхъ, сочинитель распространился о пѣсняхъ греческихъ клефтовъ, а отъ пѣсенъ Дельвига и Цыганова перешелъ въ шестомъ чтеніи къ началу русской лирической поэзіи, къ одамъ Ломоносова, Державина и проч. Послѣ того, обозрѣвая легкія стихотворенія, снова перешелъ къ пѣснямъ Дмитріева, Державина, Пушкина, къ эпиграммамъ и надписямъ; послѣ обозрѣнія драматической поэзіи переходитъ къ эпической, разсматриваетъ въ чтеніяхъ о русскомъ языкѣ Виргилія, Данта, Аріоста, Тасса, Камоэнса, Мильтона, Клопштока, Вольтера, и потомъ уже обращается къ русскимъ богатырскимъ сказкамъ, къ Слову о полку Игоря, и къ поэмамъ русскихъ писателей; далѣе говоритъ о дидактической поэзіи, посланіяхъ, сатирахъ, и опять переходитъ къ сказкамъ, объясняетъ начало ихъ на востокѣ, разсматриваетъ русскія сказки, сказки въ стихахъ, басни, притчи и проч. Чтенія о словесности заключаются обозрѣніемъ романовъ и литературы газетной и журнальной.

Кромѣ недостатка въ планѣ, книга г. Греча не представляетъ единства въ слогѣ, иногда небрежномъ и несоотвѣт-

ствующемъ предмету, иногда увлекающемся въ изысканность. Нѣкоторыя указанія сочинителя недовольно вѣрны и отчетливы; нѣкоторыя сужденія недовольно основательны, и вообще представляется много такого, съ чѣмъ нельзя согласиться. Но при всемъ томъ книга его заслуживаетъ вниманіе, одобреніе, и можетъ быть признана полезною для русской словесности.

Одно изъ самыхъ замѣчательныхъ мѣстъ въ книгѣ г. Греча есть указаніе твердыхъ основаній просвѣщенія и благосостоянія въ Россіи—основаній, полагаемыхъ въ самодержавіи, православіи и народности (Часть 1. стр. 74. 75).

Сочинитель благоразумно признаетъ основаніе воспитанія въ любви къ отечеству, почему и обращаетъ вниманіе на необходимость, чтобы юношество, руководствуясь родными воспоминаніями, утверждалось въ любви къ отечественному языку (Ч. 1. стр. 121). Время отъ времени возобновляющіеся въ нашихъ журналахъ толки о бѣдности русской литературы, о томъ даже, что мы не имѣемъ литературы, побудили сочинителя представить краткое, но весьма основательное возраженіе (Ч. 1. стр. 332). Въ примѣръ справедливыхъ сужденій сочинителя о многихъ русскихъ писателяхъ можно привести отзывъ его о лѣтописцѣ Несторѣ (с. 81), о Ломоносовѣ (102), Державинѣ, Карамзинѣ, Жуковскомъ и проч. (Ч. 1. стр. 102. 109. 272. 125. 137 и пр.). Замѣтимъ прекрасный отзывъ объ одѣ Державина киргизъ-кайсацкой царевнѣ Фелицѣ Ч. 1. с. 274):

«Въ ней изобразилъ онъ душу, дѣянія, подвиги, славу и безсмертіе Екатерины, передалъ потомству то великое, піитическое, волшебное время, которое, по мѣрѣ удаленія отъ насъ, болѣе и болѣе облекается таинственнымъ полусвѣтомъ, и среди облакъ представляется оку наблюдателя въ радужныхъ цвѣтахъ поэзіи. Екатерина, создательница новой, просвѣщенной Россіи, кроткая правительница, мудрая законодательница, гремѣвшая въ мірѣ *и молвою* (?) побѣдъ, и славою наукъ, обогатившая Россію и пріобрѣтеніями извнѣ, и внутренними открытіями, и благами земными, и сокровищами умственными, отразилась въ свѣтлой душѣ

великаго поэта. Государыня пролила слезы, прочитавъ Фелицу. Она увидѣла, что ее понимаютъ. Державинъ, написавъ оду Фелицѣ, прочиталъ ее немногимъ искреннимъ друзьямъ, и спряталъ. Счастливая нескромность одного изъ нихъ была причиною появленія ея въ свѣтъ. Поэтъ былъ узнанъ и взысканъ милостію государыни».

Приводя въ примѣръ слога всенародныхъ объявленій извѣстіе о занятіи Москвы французами, г. Гречъ счастливо замѣтилъ, что въ этомъ актѣ вѣрный и пламенный сынъ отечества во всей правдѣ, во всемъ величіи, изложилъ чувствованія и помышленія отца Россіи (Ч. 1 стр. 158):

«Все, сказанное въ страшную минуту, исполнилось менѣе, нежели въ осьмнадцать мѣсяцевъ, и побѣдоносныя знамена Благословеннаго Александра развились, на высотахъ Монмартра, надъ освобожденною Европою».

Пріятно замѣтить въ Чтеніяхъ о русскомъ языкѣ справедливое требованіе уваженія къ памяти Хераскова, о которомъ по легкомыслію и невниманію многіе молодые ученые въ наше время отзываются съ несправедливымъ и предосудительнымъ пренебреженіемъ (Ч. 1. стр. 173). Самонадѣянность, съ какою нѣкоторые изъ литераторовъ, по происхожденію своему чуждые Россіи, произносятъ приговоры о русской словесности, выдавая незрѣлыя мнѣнія за непреложный законъ, возбудила справедливый упрекъ сочинителя Чтеній о русскомъ языкѣ (Ч. 2. стр. 9). Онъ не менѣе основательно замѣчаетъ, что въ нынѣшнемъ нашемъ слогѣ, особенно въ повѣстяхъ и романахъ, является какая-то принужденность, вычурность и кудрявость, стараніе не выразить мысль, а затмить ее наборомъ пустыхъ, звучныхъ словъ (Ч. 1. стр. 16); между прочимъ, онъ указываетъ на странное явленіе въ нашей словесности—на вторженіе дикаго, темнаго, непонятнаго и безмысленнаго языка, подъ мнимымъ именемъ философскаго (Ч. 1. стр. 163). Сочинитель не обнаруживаетъ пристрастія ни къ сторонѣ классиковъ, ни къ сторонѣ романтиковъ; онъ благоразумно держится средины и хвалитъ изящное; ува-

жаетъ писателей древности, цѣнитъ также и достоинства новыхъ писателей (Ч. 2. стр. 23). Безотчетное подражаніе французскимъ и нѣмецкимъ журналистамъ допустило въ наши повременныя изданія много неосновательныхъ, ложныхъ мнѣній во вредъ словесности. Г. Гречъ съ жаромъ оспариваетъ одно изъ самыхъ вредныхъ положеній, отвергающихъ необходимость нравственной цѣли въ искусствѣ (Ч. 2. стр. 69):

«Говорятъ, что искусство есть условіе и цѣль искусства, и что никакой нравственной цѣли оно имѣть не должно и не смѣетъ! И такъ поэты и артисты не суть глашатаи воли и судебъ всевышняго Провидѣнія: они не раздаватели истинной земной славы, не слуги и жрецы чести, правды и добра; они не гонители порока, преступленій и злодѣйства, а только творцы изящныхъ, но мертвыхъ, бездушныхъ и безмысленныхъ образовъ! Въ природѣ всякая травка, всякая мошка, имѣетъ свое назначеніе, свою цѣль: неужели одни высшія творенія духа человѣческаго должны являться только для самихъ себя, безъ всякаго намѣренія со стороны творящаго, безъ всякаго благаго дѣйствія для рода человѣческаго! Неужели поэтъ, въ твореніяхъ своихъ, долженъ забыть и вѣру свою, и отечество, и все, что̀ свято для него въ жизни, и творить только для того, чтобъ творить? Въ этомъ случаѣ человѣкъ удалился бы отъ цѣли, предназначенной ему Провидѣніемъ, отъ возможности возноситься своимъ духомъ къ Божеству, его создавшему».

Вообще сужденія г. Греча о словесности представляютъ болѣе удовлетворительнаго, нежели грамматическія его правила. Справедливѣйшимъ изъ его замѣчаній о словосочиненіи должно признать слѣдующее (ч. 2. стр. 364):

«Никакія правила согласованія, управленія, расположенія словъ не научатъ васъ правильно писать порусски, если вы не можете давать себѣ отчета въ своихъ мысляхъ; если не умѣете располагать ихъ въ надлежащемъ порядкѣ; если въ одно время съ мыслію не родится въ умѣ вашемъ и свойственное ей выраженіе; если вѣрное чувство вкуса, приличія и народности не бу-

детъ водить вашимъ перомъ. Это не пріобрѣтается въ книгахъ; это — даръ, способность, свыше ниспосланные. Это — вѣрное чувство музыканта, нетерпящее разгласія; это — безошибочный взглядъ живописца, оживляющій творчествомъ его руку; это — искра божественнаго луча, протекающаго всю природу и красующагося преимущественно въ душѣ человѣческой и ея созданіяхъ. Этого нельзя преподавать, этого можно только желать своимъ слушателямъ»...

Указавъ мѣста въ Чтеніи о русскомъ языкѣ, преимущественно заслуживающія вниманіе и одобреніе, равно и важнѣйшіе изъ недостатковъ (въ свидѣтельство безпристрастной оцѣнки прилагается краткая выписка), комитетъ, при подробномъ разсмотрѣніи книги г. Греча, съ удовольствіемъ находитъ перевѣсъ на сторонѣ достоинства; въ особенности же она заслуживаетъ одобреніе за благонамѣренную цѣль труда обширнаго; за выраженіе любви къ русскому языку и словесности, одушевляющее многія страницы его сочиненія жаромъ душевнаго краснорѣчія; за тѣ замѣчанія, которыя, согласно съ опытомъ, объясняютъ существо русскаго языка и ходъ русской словесности; за стараніе распространить здравыя понятія и указать недостатки, искажающіе языкъ и вредные для словесности; наконецъ за уваженіе его къ трудамъ извѣстнѣйшихъ русскихъ писателей, и отчасти за справедливую оцѣнку многихъ литературныхъ произведеній. Почему комитетъ признаетъ справедливымъ удостоить сочинителя за трудъ его выдачею половинной Демидовской преміи. —

— Краткая выписка изъ замѣчаній на Чтенія о русскомъ языкѣ:

А. Изъ отмѣтки мѣстъ, представляющихся излишними:

— Ч. 1. стр. 181.

«Отъ содѣйствія *органовъ рта* голосъ получаетъ надлежащій характеръ человѣческаго слова. Сіи органы заключаются въ полости рта и суть: *гортань, языкъ* и *губы*».

— Стр. 187.

«У всѣхъ народовъ въ свѣтѣ лѣствица согласныхъ звуковъ простирается отъ *устья горла до губъ* включительно, и пр.».

— Стр. 188.

«Мы сказали, что части полости рта, въ которой образуются согласныя, суть: *гортань, языкъ* и *губы*».

Нужны ли сіи подробности въ чтеніяхъ о русскомъ языкѣ?

Физіологическія мелочи здѣсь столько же излишни, какъ и слѣдующее замѣчаніе, неотносящееся до русскаго языка и словесности:

— Стр. 239.

«Плотники галичане, костромской губерніи, опрятны, какъ чистая ихъ работа, исправны, честны и кротки. Лучшая изъ строительныхъ работъ у насъ плотничная (ссылаюсь на свидѣтельство архитекторовъ). — Ярославцы печники большіе краснобаи, умны, остры, но работа ихъ большею частію плохая и поспѣшная: свидѣтельствуютъ въ томъ почти всѣ петербургскія печи».

В. Изъ отмѣтки о корняхъ словъ:

— Част. 2. стр. 1.

«Глаголы образуются, какъ и всѣ прочія слова, изъ главныхъ *корней* присоединеніемъ къ нимъ *корней придаточныхъ*».

Одно изъ самыхъ сбивчивыхъ положеній сочинителя есть допущеніе въ этимологію *корней придаточныхъ*, что̀ разрушаетъ связь словопроизводства, по безпрерывному измѣненію придаточныхъ корней; подъ именемъ ихъ сочинитель разумѣетъ *предлоги* и *окончанія словъ*, но могутъ ли они считаться корнями?

— Час. 1. стр. 205.

«Корни словъ бываютъ двоякіе: *главные* и *придаточные*. Первые означаютъ предметъ, существо, его свойства; послѣдніе служатъ къ выраженію отношеній предметовъ и качествъ между собою. Для того, чтобы родилось отношеніе, предметы должны уже существовать: по сей причинѣ придаточные корни произошли позже главныхъ. Возьмемъ въ примѣръ слово *вода*. Главный корень его есть *вод*... Придаточный корень *а* показываетъ, что

оно есть существительное и рода женскаго. Прибавимъ корень *ный*: выйдетъ имя качественное, производное *водный*. Хотимъ ли выразить отсутствіе воды въ чемъ-либо, прибавимъ предыдущій корень *безъ*: выйдетъ *безводный*».

Что̀ же будетъ не корни? Такое распредѣленіе, превращая всѣ слова въ корни, не пояснитъ ихъ происхожденія. Это походитъ на названіе корнями листьевъ, отростковъ и цвѣтовъ дерева.

C. Изъ отмѣтокъ слога изысканнаго:

— Ч. 1. стр. 7.

«Солнце вещественное, средоточіе и живительная сила нашей системы, извлекло *волшебною силою своею* изъ толщи земли нашей и золото, и алмазы; произвело на ея поверхности и цвѣты разнообразные, благоуханные, и *райскую птичку*, и *могучаго орла*; *создало* въ соотвѣтствіе себѣ и *глазъ нашъ*, которымъ можно зерцать его величіе».

Не солнце, а Творецъ солнца создалъ глазъ человѣческій; свѣтило міра одарено *не волшебною*, а сообщенною ему отъ Бога силою; оно производитъ цвѣты, но не высиживаетъ ни орла, ни райской птички.

D. Изъ отмѣтокъ невѣрныхъ указаній:

— Ч. 1. стр. 184.

«Изъ *олень*, *осень*, *озеро* произошли *елень*, *есень*, *езеро*».

Нѣтъ, *елень* и *езеро* были древнѣе, нежели *олень* и *озеро*.

Самъ сочинитель, на 200-й стр., говоритъ, что церковно-славянскія слова: *единъ*, *езеро*, *елень* пишутся и произносятся по-русски: *одинъ*, *озеро*, *олень*.

— Ч. 1. стр. 217.

«У насъ имена *уменьшительныя* также принимаютъ окончанія средняго рода *о* и *е*: *старичишко*, *домище*, *бабище*».

Но *домище* и *бабище* вовсе не принадлежатъ къ уменьшительнымъ, а къ увеличительнымъ.

На стр. 220, 1-й ч. въ примѣръ «уменьшительныхъ именъ, означающихъ *уничиженіе*», приведены между прочимъ: *Ваничка*, *Дуняша*.

Такъ говорятъ не въ уничиженіе, а въ изъявленіе ласки.

E. Изъ отмѣтокъ небрежности слога:

— Ч. 1. стр. 23.

«*Усвоиваютъ себѣ* особенные *свои* звуки».

Довольно бы сказать: «усвоиваютъ особенные звуки». *Своего* не за чѣмъ усвоивать, и когда *усвоиваютъ*, то, разумѣется, *себѣ*.

Сочинитель справедливо возстаетъ противъ употребленія *иностранныхъ* словъ, однакоже въ собственныхъ строкахъ его находимъ: *національная* басня (Ч. 2. стр. 294), естественный *діалогъ* (294), *эмиссаръ* за границу (334), *регулярныя* критики (385), *ненатуральная конструкція* (343), читали изъ одного *патріотизма*, *идеалъ* истины (75), силы *центрипетальной* (143), сила *центрифугальная*, и пр. и пр. Неужели выписанныхъ словъ нельзя было замѣнить русскими?

Сочинитель пишетъ (стр. 250): *услыхавъ* отъ другихъ — вмѣсто *услышавъ*; гнушаться *порока* (233) вмѣсто *порокомъ* и пр. и пр.; слезами *богобоязни* (78), *женственность* (74) и пр.

F. Изъ отмѣтокъ сужденій неосновательныхъ:

— Ч. 1. стр. 29.

«Чѣмъ болѣе языкъ обработанъ, чѣмъ онъ богаче, опредѣленнѣе, *тѣмъ менѣе способенъ къ поэзіи*».

Чѣмъ языкъ богаче, тѣмъ болѣе красокъ для выраженій, и слѣдовательно онъ тѣмъ болѣе способенъ къ поэзіи. Поэзія языка необработаннаго вянетъ въ самомъ росткѣ.

— На стр. 312, Ч. 2, сочинитель слово *въ заключеніе* относитъ къ союзамъ. Поэтому и *въ засѣданіе*, *въ довершеніе* будутъ тоже *союзы*?

Нельзя согласиться съ приговоромъ сочинителя Сумарокову, котораго въ отношеніи къ Ломоносову онъ называетъ *пигмеемъ* (Ч. 1. стр. 107), тогда какъ Сумароковъ положилъ прочное начало русскому театру и въ драматическомъ искусствѣ превзошелъ Ломоносова.

Подобныхъ мѣстъ въ книгѣ г. Греча встрѣчается очень много [424]). —

XI.

— Въ императорскую россійскую академію

отчетъ съ возвращеніемъ книги: *Исторія русской словесности.*

Г. Максимовичъ, профессоръ русской словесности въ университетѣ Св. Владиміра, предпринялъ изданіе исторіи русской словесности, съ цѣлію представить развитіе нашей словесности съ самыхъ отдаленныхъ временъ. Предпріятіе его многотрудно; цѣль полезна; книга его заслуживаетъ вниманіе, но еще нельзя ни обозрѣть вполнѣ систему сочинителя, ни оцѣнить достоинство труда, который только-что начатъ. Первая книга исторіи русской словесности, представленная г. Максимовичемъ на соисканіе Демидовской преміи, заключаетъ въ себѣ лишь предварительныя замѣчанія и общія изслѣдованія, относящіяся къ древнему періоду нашей словесности и особенно къ языку русскому. Во вторую книгу войдутъ частныя изслѣдованія о древней русской словесности по разнымъ ея родамъ, и обѣ сіи книги составятъ только первую часть исторіи русской словесности, которую сочинитель предполагаетъ вообще въ трехъ частяхъ. Не входя въ преждевременное сужденіе о достоинствѣ труда г. Максимовича, по крайней мѣрѣ, до окончанія имъ исторіи древней словесности, можно въ частности замѣтить, что первая книга его представляетъ мѣстами любопытныя и полезныя свѣдѣнія, а съ другой стороны весьма ощутительные недостатки; встрѣчаются свѣдѣнія неосновательныя, въ особенности же замѣтна изысканность въ выраженіяхъ и недостатокъ въ ясности слога. Все сіе можно усмотрѣть изъ прилагаемыхъ выписокъ.

При всѣхъ замѣченныхъ недостаткахъ, трудъ г. Максимовича достоинъ уваженія тѣмъ болѣе, что число книгъ, излагающихъ исторію русской словесности въ видѣ науки, еще весьма недостаточно, и нельзя не признать пользу сочиненія, могущаго

умножить собраніе матеріаловъ, необходимыхъ для точнѣйшаго познанія русской словесности. Но соображеніе объ опредѣлительномъ назначеніи награды за сей трудъ надлежитъ отложить до выхода хотя первой части сей исторіи, то-есть отдѣла древней словесности. Нельзя притомъ не желать, чтобы сочинитель въ дальнѣйшемъ продолженіи труда своего приложилъ заботливое стараніе къ очищенію своего слога отъ выраженій, болѣе затмевающихъ, нежели объясняющихъ мысль.

Марта 1840 г.

Замѣчанія по части свѣдѣній.

Въ статьѣ о варягахъ и руссахъ сказаніе о томъ, что земля кіевская первая прозвалась Русью или русскою землею, противорѣчитъ словамъ лѣтописца, который говоритъ: «отъ тѣхъ (Рюрика, Синеуса и Трувора) прозвася руская земля новугородьци». Далѣе, въ подкрѣпленіе признанія руссовъ славянами съ Поморія Балтійскаго, сочинителемъ сдѣлана ссылка на бѣлоцерковскій универсалъ Богдана Хмѣльницкаго, 1648. Но если утверждать историческіе выводы на подобныхъ актахъ, то должно будетъ согласиться и на тò, что Рюрикъ велъ свой родъ отъ Августа Кесаря.

Въ статьѣ: *Русскій языкъ и его видоизмѣненія*, которая безъ примѣровъ не представляетъ ясности, встрѣчается замѣчаніе (стр. 105), что средне-русское или рязанское нарѣчіе между Бѣлоруссіей и Волгой, кажется, преимущественно распространилось по Дону и въ землѣ кавказской. Но гдѣ же доказательства, что рязанское нарѣчіе зашло въ кавказскую землю?

Въ статьѣ: *Жизнь и просвѣщеніе древней Руси* сказано въ примѣчаніи, что Святославъ по смерти святой Ольги, возвратясь въ Кіевъ, разорилъ церковь на Угорскомъ; но извѣстно, что Святославъ по смерти Ольги не возвращался уже въ Кіевъ, и погибъ въ Днѣпровскихъ порогахъ.

Въ статьѣ: *Вліяніе церковнаго языка на языкъ русскій* говорится (стр. 186), что принятіе нами церковнославянскаго языка

въ употребленіе письменное *замедлило* собою *раскрытіе нашего народнаго языка*, и *не дало ему развиться въ своеобразной чистотѣ*. Напротивъ того, оно ускорило развитіе народнаго языка, упрочило его достоинства, обогатило его величіемъ, силою, выразительностію, и самъ сочинитель тотчасъ же вслѣдъ за симъ сказалъ, что присвоеніе церковно-славянскаго языка русскому, особливо нарѣчію московскому, «*дало ту богатую сложность*, при которой русскій языкъ въ состояніи теперь отвѣчать вѣрными отголосками русской мысли и русскому чувству, для ихъ выраженія въ разнообразнѣйшихъ оттѣнкахъ» (стр. 186). На страницѣ же 182 сказано, что церковнославянскій языкъ не только далъ образованіе письменному языку русскому въ словосочиненіи и правописаніи, но «болѣе всѣхъ другихъ языковъ имѣлъ участіе въ дальнѣйшемъ образованіи нашего народнаго языка». Не замѣтно ли здѣсь въ словахъ сочинителя противорѣчіе самому себѣ?

Замѣчанія по части слога.

Стран. 85. «Поучительность и повѣствовательность *въ духѣ жизнедѣятельной положительности и православія*: вотъ признаки русскаго ума на второй ступени развитія древней словесности».

99. «Онъ (языкъ) *объединялъ собою мѣстныя разности*, заимствуя и самъ отъ нихъ, и развивался въ областныя нарѣчія».

75. «Она (умственная дѣятельность) произвела свой собственный, *смѣшенный* міръ понятій, повѣрій, обычаевъ, въ которомъ *при свѣтѣ истинной вѣры пестрѣетъ еще* прадѣдовская, *языческая старина* русской земли. Простонародье наше и понынѣ не вышло изъ *сего радужнаго міра* привычной старины своей» и проч.

182. «Отозвался выраженіями библейскими, которыя *приживались* къ языку русскаго народа, какъ благопріобрѣтенное его достояніе и богатство».

192. «Слова сіи не могли своимъ количествомъ измѣнить чистоты *племенной стихіи нашего родоваго языка*».

193. «Жизнь ихъ (восточныхъ славянъ) или пребывала неизмѣнною *въ удѣльномъ кругѣ своего наслѣдственнаго, родоваго достоянія*, или же *развивалась самостоятельно* по собственнымъ законамъ, *безъ особенной пріемлемости чужихъ стихій*, не смотря на внѣшне волнованіе».

76. «Изъ сихъ *остатковъ* первоначальной дѣятельности русскаго ума открывается его свойство и сила, *ходъ его жизни*, и та степень просвѣщенія, на которой уже былъ онъ въ древнее время, слѣдственно, ими поясняется вся древняя жизнь нашего отечества, а чрезъ то и *цѣлая жизнь его*».

183. «Устроеніе народной рѣчи образуется *собственнымъ развитіемъ народной жизни* и трудно принимаетъ образы чужой рѣчи, хотя бы и соплеменной. *Живою силою* своею она скорѣе *воспринятымъ стихіямъ* дастъ собственный образъ, *передѣлаетъ ихъ на свой ладъ*».

192. «Такое измѣненіе и преобразованіе въ языкѣ происходитъ обыкновенно путемъ просвѣщенія, посредствомъ языка болѣе и выше образованнаго,—отъ народа, производящаго рѣшительное *измѣненіе духа и жизни* въ какомъ-нибудь другомъ народѣ своимъ сильнымъ и продолжительнымъ дѣйствіемъ на самое средоточіе его жизни».

2. «Раскрытіе *души и жизни* у разныхъ народовъ бываетъ неодинаковое и неравное».

Такихъ мѣстъ много. Вообще можно замѣтить, что сочинитель преимущественно любитъ употреблять нѣкоторыя слова, особенно *жизнь* и *развитіе*, безпрестанно встрѣчающіяся въ его книгѣ, и очень часто безъ всякой надобности.

Вмѣсто *Царьградъ* сочинитель напрасно пишетъ *Царь-городъ*, напримѣръ: стр. 7, крещеніемъ въ *Царѣ-городѣ*; (13) приняла отъ *Царя-города*; (149) при дворѣ *царь-городскомъ*; 149) началъ въ *Царѣ-городѣ*; (149) по возвращеніи въ *Царь-городъ*.

Въ примѣръ любопытныхъ и полезныхъ для словесности свѣдѣній, встрѣчающихся въ книгѣ г-на Максимовича, укажемъ замѣчаніе сочинителя (стр. 226), что «книгописаніе у насъ въ древнее время было въ большомъ распространеніи и на высшей степени искусства. Оно считалось дѣломъ благочестія, которому посвящали себя преимущественно духовныя лица. Въ княжескомъ родѣ списываніе книгъ церковныхъ также считалось дѣломъ богоугоднымъ, достойнымъ занятія: особенно замѣчательный примѣръ тому представляетъ полоцкая княжна св. Евфросинія».

Стр. 222. Что для исторіи русской письменности «особенно губителенъ былъ пожаръ 1718 г., обратившій въ развалины и пепелъ Печерскую лавру. Конисскій въ своей исторіи руссовъ пишетъ, что между сгорѣвшими тогда драгоцѣнностями лавры неоцѣненною потерею считалась самая первая въ Россіи, многочисленная библіотека, начатая еще при Ярославѣ и сбереженная въ пещерахъ отъ нашествій непріятельскихъ, и что Петръ Великій не могъ удержаться отъ слезъ при извѣстіи о столь важной утратѣ».

«Самые древніе памятники русской и всей словенской письменности сохранила сѣверная Русь. Но сіи памятники не восходятъ далѣе половины XI вѣка. Древнѣйшіе изъ нихъ суть: 1-е) евангеліе Остромирово, писанное 1056—1057 года». Засимъ въ книгѣ г. Максимовича слѣдуетъ краткое, но весьма любопытное исчисленіе другихъ памятниковъ древней письменности.

(Стр. 224 и 225). «Всѣ древнія книги и грамоты были писаны на *харатьѣ* или пергаминѣ и называются *харатейными*. Писаны онѣ были прямымъ почеркомъ, извѣстнымъ подъ именемъ *устава*, и по большей части съ отмѣннымъ тщаніемъ. Заглавныя и начальныя буквы отличались величиною и особеннымъ затѣйливымъ видомъ; онѣ, равно нѣкоторыя строчныя буквы въ книгахъ и всѣ древнѣйшія грамоты, писаны были обыкновенно *киноварью*; иногда же онѣ были раззолоченныя, равно какъ и узорчатыя заглавія, коими обыкновенно украшались книги. Такъ вто-

рое по своей древности, *Мстиславово евангеліе*, писанное (1125—32) для Мстислава Владиміровича *Алексою*, украшено золотыми и разноцвѣтными изображеніями евангелистовъ по золотому полю. Еще болѣе замѣчательны рисунки и заглавныя украшенія въ *Сборникѣ Святославовомъ* (1073), составляющіе драгоцѣнный памятникъ древнѣйшей книжной живописи русской. Особенно примѣчательна (на оборотѣ перваго листа) цѣлая картина, разными красками и золотомъ рисованная: на ней изображены любознательный князь Святославъ Ярославичъ, съ книгою въ рукахъ, его супруга и пять сыновей; надъ именами князей надписано золотомъ: *«желанія сердца моего, Господи, не презьри, нъ пріими ны вься и помилуй ны»* [425]). —

XII.

— Въ императорскую россійскую академію отъ членовъ разсматривательнаго комитета представленіе.

При выпискѣ изъ журнала императорской россійской академіи, 16 ноября минувшаго 1835 года, препровождена была въ разсматривательный комитетъ книга, сочиненія г. Снегирева, въ четырехъ частяхъ, подъ заглавіемъ: *Русскіе въ своихъ пословицахъ.*

Комитетъ, окончивъ разсмотрѣніе сего сочиненія, находитъ, по соображенію съ положеніемъ о Демидовскихъ наградахъ, что книга г. Снегирева, отчасти принадлежа къ сочиненіямъ, относящимся собственно къ словесности, можетъ подходить къ 2 статьѣ VII пункта Положенія о наградахъ.

Что касается до ея достоинства, то комитетъ, усматривая многіе важные недостатки сего сочиненія, при всемъ томъ однакоже признаетъ сію книгу полезною для русской словесности, и находитъ, что трудъ сочинителя заслуживаетъ вниманіе и достоинъ поощренія, хотя не въ той степени, въ какой бы онъ за-

служивалъ награду, когда бы очищенъ былъ отъ несообразностей, излишествъ, и приведенъ въ лучшую систему.

Г. Снегиревъ, давъ сочиненію своему названіе: *Русскіе въ своихъ пословицахъ*, прибавилъ еще дополнительное заглавіе: *Разсужденія и изслѣдованія о русскихъ пословицахъ и поговоркахъ*, и это названіе болѣе соотвѣтствуетъ содержанію книги, въ которой разсматриваются не только пословицы, но даже народныя примѣты, повѣрья, чувства, выражаемыя въ разныхъ поговоркахъ и присказкахъ, не имѣющихъ сходства съ пословицами.

Съ одной стороны сочинитель представилъ гораздо болѣе, нежели сколько можно было ожидать отъ предмета книги: выписки и замѣчанія его послужили бы матеріалами для нѣсколькихъ сочиненій разнаго рода; съ другой стороны, самая обширность и неопредѣленность плана, распространеннаго далеко за границы его книги, вовлекла его въ сбивчивость. Въ каждой части и почти въ каждой статьѣ сей книги замѣтно отсутствіе порядка, смѣшанное распредѣленіе пословицъ, повторенія, излишества, совершенно чуждыя предмету сочиненія; встрѣчаются и такія мѣста, которыя не должны бы входить въ книгу по причинамъ, еще болѣе уважительнымъ. Нельзя не замѣтить неосновательности нѣкоторыхъ свѣдѣній и выводовъ сочинителя; можно также указать на мѣста, не довольно ясныя по слогу и отступающія отъ правилъ языка.

Представляемъ доказательства сказаннаго нами.

Сочинитель вмѣстилъ въ свою книгу пословицы разныхъ народовъ. Въ началѣ 1-й части, отъ 56 до 66-й страницы, помѣщены пословицы *татарскія*. Ими сочинитель и кончилъ свою книгу (Ч. IV, отъ 205 до 208 стр.). Но полное опредѣленіе значенія *пословицы*, *притчи*, *поговорки*, и различіе ихъ отъ *присказки* и *прибаутки* встрѣчается не прежде, какъ на 138-й до 144-й стр. въ концѣ 1-й части, хотя съ этого надлежало бы начать сочиненіе. И прежде того, и послѣ, сочинитель смѣшиваетъ *притчи*, или *параболы* съ *пословицами*, съ *изреченіями*, и даже съ *поговорками*, тогда какъ требовалось бы каждый изъ сихъ родовъ въ самомъ

приступѣ къ сочиненію опредѣлить отдѣльно, и для большей ясности обозначить примѣрами. Отъ недостатка системы произошло, что самыя обыкновенныя уподобленія, свойственныя каждому языку, напримѣръ: *слаще меда*, *чернѣе смолы*, *свѣтлѣе солнца*, *легче перышка*, *хитрѣе лисицы*, отнесены къ поговоркамъ (Ч. 1. стр. 101). Такимъ образомъ можно отнести къ поговоркамъ почти всякое выраженіе, и это самое находимъ въ разсужденіи о пословицахъ и поговоркахъ. Здѣсь не только приводятся выраженія: *кусать губы*, *сказано и сдѣлано* (Ч. 1. с. 87), столько же обыкновенныя, какъ: *смотрѣть всторону* и *пить воду*, но даже сравниваются съ греческими и латинскими. Примѣты: *какова пестрая недѣля, такова и масляная* (IV. стр. 11), что солнце, выходящее съ зарей, предвѣщаетъ непогоду, а заходящее съ алой зарей—погоду (IV. стр. 14), и пр. Простыя правила: *когда станетъ земля тепла*, *то сѣй яровое* (IV — 55); самыя обыкновенныя замѣчанія, напр. *для того кладутъ навозъ*, *чтобъ больше хлѣба родилось* и пр. *застарѣлую болѣзнь лѣчить трудно* и пр. — все это внесено въ книгу: *Русскіе въ своихъ пословицахъ*. Послѣ этого всякую мысль, напр. *нечеткое письмо не легко разбирать*; *дурнымъ перомъ немного напишешь* и пр. можно вносить въ поговорки, пословицы, и книгѣ не будетъ конца. Сочинитель не только смѣшиваетъ съ общими пословицами областныя, мѣстныя и частныя поговорки и присказки, но даже длинныя прибаутки въ драматической формѣ, напр. *разговоръ ячменя съ пшеничкою* (IV. стр. 45) по мнѣнію его можно назвать *распространенною пословицей*. Прибаутки: *разговоръ свиньи съ конемъ*, и *почему Ева сотворена изъ ребра Адамова*? (Ч. 1. стр. 115 *) отнесены къ *волынскимъ пословицамъ*, но въ нихъ нѣтъ и слѣда пословицъ.

Въ числѣ *антропологическихъ* пословицъ, т. е. относящихся

*) «В. Чому Богъ не сотворивъ Евы зъ ногы Адама? О. Кобъ жинка по «корчмамъ не бигала. В. Чому не зъ руки? О. Кобы мужа за лобъ не дерла. В. «Чому не зъ головы? — О. Чтобъ не була розумнійша отъ мужа. Але зъ ребра, «щобъ іого пылновала, и іому вирне служила».

до естественныхъ причинъ различія народовъ, находимъ: *лѣто собироха, а зима прибироха* (II. стр. 6.); *лежачаго не бьютъ* (II. стр. 17), повторенную и въ судебныхъ пословицахъ; *хлѣбъ спитъ* (II. стр. 7); *кисель зубамъ не порча* (II. Ч. стр. 11-я); *наша взяла, и рыло въ крови* (II-я Ч. стр. 17). Но гдѣ тутъ *антропологія? — И худой квасъ лучше хорошей воды* повторена въ двухъ отдѣленіяхъ: въ *антропологическихъ* пословицахъ (II. стр. 13) и Ч. IV. стр. 78. въ пословицахъ *медицинскихъ.* Но эта поговорка относится ко вкусу частнаго лица, а не къ пословицамъ, общимъ въ народѣ.

Въ числѣ пословицъ, относящихся къ нравственнымъ причинамъ, между прочими встрѣчается: *изъ пѣсни слова не выкинешь* (II. стр. 24), относящаяся къ языку, а не къ нравственности.

Между пословицами, относящимися къ язычеству, вѣрѣ и суевѣрію, находимъ: *кто кофе пьетъ, того громъ убьетъ* (II. стр. 50); *китайская стрѣла въ Россію вошла, въ крестьянскія сердца, сгубила всѣхъ до конца* (II. Ч. стр. 50). Но это не общія пословицы, а слова, кѣмъ-нибудь сказанныя.

Къ пословицамъ политическимъ, по части управленія, отнесены: *у старца въ кельѣ чѣмъ Богъ послалъ.* (III. Ч. стр. 46); *повинную голову и мечъ не сѣчетъ* (III. Ч. стр. 68); *холопское слово, что рогатина* (III. стр. 89); *холопъ на холопа послухъ* (Ч. III. стр. 89); *площадная рѣчь, что надобно деньги беречь* (III. Ч. стр. 91). Но первая изъ сихъ пословицъ: *у старца въ кельѣ чѣмъ Богъ послалъ* относится къ *гостепріимству,* а не *къ управленію;* да и прочія пословицы изъ приведенныхъ выше также не относятся къ пословицамъ, касающимся политическаго управленія, и самъ сочинитель вноситъ ихъ въ разные другіе разряды, напр. пословица: *повинную голову и мечъ не сѣчетъ*, трижды повторена въ III-й части на разныхъ страницахъ (68, 164 и 222), въ томъ числѣ два раза въ отдѣленіи пословицъ, относящихся *къ судопроизводству по преступленіямъ,* и здѣсь она у мѣста. *Какъ волка ни корми, а онъ все къ лѣсу глядитъ* включена также въ число пословицъ *политическихъ* (III. Ч. стр. 83), а въ

IV части, на 198-й стр., повторена между *пословицами-девизами*, но вѣроятно не была ни у кого девизомъ.

Въ пословицы, относящіяся къ законодательству и судопроизводству, включено: *въ крѣпостныхъ дѣлахъ по крѣпостямъ, а не въ крѣпостныхъ по розыску* (ч. III. стр. 153). Послѣ этого каждое постановленіе закона должно вносить въ книгу о пословицахъ и поговоркахъ. Даже и поговорки: *чуръ вмѣстѣ* (ч. III. стр. 157), *суды да пересуды* (ч. III. стр. 256) отнесены къ поговоркамъ *юридическимъ*.

Несолоно хлебать, что немилаго цѣловать (поговорка о вкусѣ); *добрый плачетъ отъ радости, а злой отъ зависти* (поговорка о нравственности) — отнесены къ пословицамъ *медицинскимъ* (IV. стр. 78 и 84).

Поговорка: *приклеить рога* (ч. 1-я стр. 88) смѣшана безъ всякаго соотношенія съ прозвищемъ: *русый, рыжій народъ*, которое греки издревле давали русскимъ. Приведя слово графа Растопчина о Бонапарте: *сулилъ золотыя горы* (ч. I. стр. 85), сочинитель выводитъ заключеніе, что сія поговорка заимствована греками отъ персовъ. Но она, безъ сомнѣнія, была извѣстна всѣмъ древнимъ народамъ и современна появленію золота въ торговлѣ.

Однѣ и тѣ же пословицы, одни и тѣ же замѣчанія повторены нѣсколько разъ. Многія, даже самыя незначительныя пословицы повторены два раза, наприм. *толокно скорое кушанье; замѣси, да и въ ротъ понеси* (ч. II. стр. 11, и IV. стр. 7); *лѣто собироха, а зима прибироха* (II. стр. 6, и IV. стр. 7), и пр. Многія повторены три раза, наприм. *клинъ клиномъ выбиваютъ* встрѣчается ч. I стр. 84 и 97. и IV ч. стр. 91; *гдѣ ханъ, тутъ и орда* (ч. III. 23 с. 266 с. и IV. 123 с.) и пр.; *языкъ доводитъ до Кіева* (ч. I. стр. 78, 130, 158 и IV. стр. 146) повторена *четыре раза*, а пословица: *гдѣ больно, тамъ рука, а гдѣ мило, тамъ глаза* повторена *пять разъ* (ч. I. стр. 80 и 158. II ч. стр. 102. III ч. стр. 123 и IV. стр. 80) — доказательство недостатка въ расположеніи и порядкѣ сочиненія. Если бы одна и та же пословица

относилась къ разнымъ отдѣламъ, то для избѣжанія излишнихъ повтореній можно было бы дѣлать указанія на страницы и отдѣленія книги.

Не только поговорки, но даже *цѣлые періоды въ нѣсколько строкъ* повторяются въ разныхъ мѣстахъ сочинителемъ. Приведемъ для сравненія въ двухъ столбцахъ слѣдующій примѣръ.

Въ *отдѣленіи пословицъ политическихъ* и *судебныхъ*.

Часть III.

Стр. 16.

«По свидѣтельству *Кадлубка*, «*князь Романъ Мстиславичъ* галицкій *заманивалъ* хитростію *непріязненныхъ* себѣ *вельможъ, и* «*подъ какимъ-нибудь предлогомъ* «*лишалъ жизни и имущества*; «его правиломъ *была пословица*: «*чтобы спокойно ѣсть медовый* «*сотъ, надобно задавить пчелъ*. «*Господине, говоритъ галицкій* «*сотникъ Микула сыну Романо-* «*ву Даніилу*: *не погнетши пчелъ*, «*меду не ясти*».

Въ *отдѣленіи пословицъ хронологическихъ*.

Часть IV.

Стр. 120.

«Галицкій *князь Романъ* «*Мстиславичъ*, по словамъ *Кад-* «*лубка*, коварно *заманивалъ* къ «себѣ *непріязненныхъ вельможъ*, «*и подъ какимъ-нибудь предло-* «*гомъ* обвинивъ ихъ, *лишалъ иму-* «*щества и жизни*. Руковод- «ствомъ жестокой его политики «*была* любимая *пословица*: *что-* «*бы спокойнѣе ѣсть медовый* «*сотъ, надобно задавить пчелъ*. «*Господине, говоритъ галицкій* «*сотникъ Микула сыну Рома-* «*нову Даніилу, въ волынской лѣ-* «*тописи*: «*не погнетши пчелъ*, «*меду не ясти*».

Статья: *Обзоръ политическихъ и юридическихъ пословицъ въ отношеніи къ эпохамъ исторіи русской* представляетъ рядъ повтореній того, что̀ сказано было прежде. Пословицы, находящіяся на стр. 266 и 267, встрѣчаются въ книгѣ нѣсколько разъ.

Къ отступленіямъ отъ правилъ грамматики между прочимъ отнесены слѣдующія пословицы (ч. I. стр. 149 и 150): *не любо— не слушай*; *кума не мила, и гостинцы не милы*; *мірская молва—*

морская волна; *малъ соловей, да голосъ великъ* и пр. Подъ отступленіемъ отъ грамматики разумѣется опущеніе частицъ: *если, когда, хоть, какъ* и пр., то-есть, что должно бы говорить: *если не любо, то не слушай*; *мірская молва какъ морская волна*; *хоть малъ соловей* и пр. Но и въ настоящемъ видѣ сихъ поговорокъ отступленія отъ грамматики нѣтъ: подобные обороты существуютъ въ правилахъ словосочиненія и служатъ къ усиленію и красотѣ выраженій. Замѣчаніе, что въ пословицахъ встрѣчается *голосъ* и *гласъ*, *голова* и *глава* и пр. (ч. I. стр. 146) также должно быть отнесено къ свойству языка, а не къ особенностямъ русскихъ пословицъ.

Изъ *татарскихъ* пословицъ, собранныхъ и въ началѣ, и въ концѣ книги: *Русскіе въ своихъ пословицахъ*, многія ни по чему не относятся къ предмету книги, а нѣкоторыя не имѣютъ и вида пословицъ, и не должны бы допускаться въ изданіи; напр. (час. I. стр. 62): «*брать за себя жену есть первая бѣда, ибо отъ нея родятся дѣти, а отъ дѣтей произойдутъ тысячи золъ*». У татаръ—*многоженство*, и такъ можно ли почитать подобное поученіе татарскою пословицей?

Сочинитель говоритъ, что русскому языку усвоились и привились галлицизмы, а съ ними вмѣстѣ французскія поговорки и пословицы, изъ коихъ, прибавляетъ онъ, «*иныя уже извѣстны были русскимъ изъ греческихъ и римскихъ писателей, ибо изъ оныхъ источниковъ просвѣщенія заимствовали сами французы и нѣмцы*» и пр. (ч. I. стр. 131). Но если французы и нѣмцы брали поговорки отъ грековъ, и если русскимъ сіи поговорки были извѣстны изъ греческихъ писателей, то почему же въ русскій языкъ вошли оныя не отъ грековъ, а отъ французовъ?

Поляки (сказано въ IV части, на стр. 41) говорятъ о несчастливомъ человѣкѣ: *онъ родился подъ несчастною звѣздою*. Но поговорка сія была не у однихъ поляковъ, а встрѣчается у многихъ народовъ, даже въ древнія времена.

Камни, прозванные *башъ* и *башиха*, по мнѣнію сочинителя, (ч. IV. стр. 16), значитъ какъ бы: *богъ и божиха*.

Весьма сомнительно; и подобные выводы не должно дѣлать безъ основательнаго удостовѣренія.

«Свободные земледѣльцы, которые, нанимая землю у дворянъ, обязывались работать, *издревле слыли смердами,*—сказано 2 ч. на стр. 78 — *а съ XVI вѣка крестьянами въ худомъ смыслѣ сего слова,* какъ полагаютъ, *превращеннаго татарами изъ христіанъ».* Но слово *крестьяне* употреблялось прежде XVI вѣка въ самыхъ государственныхъ грамотахъ въ значеніи *христіанъ;* также можно видѣть изъ собранія государственныхъ грамотъ, изданныхъ графомъ Румянцовымъ, что вмѣсто *христіанская вѣра* иногда говорилось (отъ святаго *креста*) *крестьянская вѣра,* слѣдовательно прозваніе *крестьянъ* принято земледѣльцами не въ худомъ, а въ самомъ лучшемъ значеніи.

Въ III ч. на стр. 8 сказано: «у англо-саксовъ, по свидѣтельству Дюканжа, *lada* значитъ *законъ* и *судъ Божій:* посему *законъ* и *ладъ* были сословы», говоритъ сочинитель. Но *законъ* не англо-саксонское, а славянское слово. Любопытныя свѣдѣнія, не относящіяся къ русскимъ пословицамъ и поговоркамъ, но объясняющія разныя народныя преданія, обычаи и повѣрья, могли бы лучше отнесены быть къ примѣчаніямъ или въ особенныя дополнительныя статьи *). Но замѣтимъ вообще, что выписки иностранныхъ анекдотовъ по большей части представляются излишними въ книгѣ: *Русскіе въ своихъ пословицахъ,* напр. извѣстіе объ *англинскомъ праздникѣ* (IV. стр. 67), *объ аррагонцахъ* и *королѣ Альфонсѣ* (III. — 128), *о двухъ испанскихъ дворянахъ* (III. стр. 168); о *Жаннѣ Бургонской,* бросавшей парижскихъ студентовъ въ рѣку, —свѣдѣніе, дополненное выпискою изъ *французскаго романса* (III — 203); о поединкахъ во Франціи *при Филиппѣ-прекрасномъ* (III — 232) и пр. и пр.

Многія свѣдѣнія о русскихъ поговоркахъ и повѣрьяхъ помѣ-

---

*) Напр. что во Франціи до временъ Людовика XIV существовалъ законъ, дававшій право мужьямъ battre leurs femmes à loisir и пр. (II. — стр. 62); о сожженіи зажигателей въ 1737 г. на мѣстѣ пожара въ С.-ПБургѣ (III — 201) и пр. и пр.

щены безъ разбора; многія частныя сказанія, неизвѣстно откуда почерпнутыя, по неосновательности и нескладности ихъ не заслуживали упоминанія; напр: будто бы *млечный путь—молоко, невсосанное однимъ дитятею и разлитое по небу*; сочинитель прибавляетъ въ видѣ вопроса: *Геркулесомъ младенцемъ?* (IV. стр. 44). Повѣрье, что *силы души дѣлятся на 9 клѣтокъ*; что *душа виситъ на девяти крючкахъ*, съ которыхъ при смерти снимается постепенно (Ч. II. стр. 26 и Ч. 1. стр. 169). Названіе *гололедицы—мачихою, мятели—падчерицею, мокраго снѣга—пасынкомъ* (IV. стр. 16) и пр. напрасно включены въ книгу о русскихъ пословицахъ и поговоркахъ. Сюда не слѣдовало бы вносить ни частныхъ повѣрьевъ, ни случайно кѣмъ-нибудь сказанныхъ словъ, но только то, что сдѣлалось болѣе общимъ или поясняетъ достопамятныя событія и замѣчательныя черты народныхъ обычаевъ.

Тѣмъ болѣе излишнимъ находимъ: примѣты по *свиной селезенкѣ* (IV. стр. 71); свѣдѣніе, что въ большіе праздники *обрекаются убивать скотинку, варятъ щи съ убоинкою*, т. е. съ мясомъ, поминаемымъ на Пасху, Рождество, и пр. (II. стр. 9); что *квасъ служитъ и питьемъ, и приправою другимъ снѣдямъ съ капустою, лукомъ, огурцами, свекольникомъ или съ рыбою* (II. стр. 14)—свѣдѣніе, могущее относиться въ *поваренную книгу*, а не въ разсужденія о русскихъ пословицахъ и поговоркахъ. Выраженіе украинца Сковороды о *рукомойникѣ* (I. стр. 111) нельзя читать безъ отвращенія. Замѣчанія о пьянствѣ распространены на восьми страницахъ (II. съ 96 по 104). Здѣсь находимъ, что Петровское кружало слыветъ *Татьянкою*, потому что было пристанищемъ разбойницы *Таньки*, и отъ подобнаго свѣдѣнія перейдено къ адмиральскому часу основателя русскаго флота (II—103)!

Въ числѣ особенныхъ неприличій замѣтимъ: прозвище дня *св. Евдокіи* (IV. стр. 17 и 25); разсказъ о *Кассіянѣ римлянинѣ* (IV. стр. 18); выписку безнравственныхъ и нелѣпыхъ поговорокъ и присказокъ: *ты чужой вѣкъ живешь, тебя пора лобанить.* (II—36); *старъ батька, убилъ бы его,* а умеръ батька, купилъ

бы его (II. с. 36); *Богу молись, а чорта не гнѣви* (I — 106); *кто прочтетъ всю библію, тотъ съ ума сойдетъ»* (II — стр. 45). Употребляя слово *татарщина*, сочинитель называетъ и московскую область *московщиной*, и это повторяется во многихъ мѣстахъ книги (III — ст. 53—246, IV-я стр. 131—165—168—190). Но *татарщина* не принимается въ хорошемъ смыслѣ, а болѣе допускается въ презрительномъ, и *московщина* неприлично говорить, такъ же какъ не говорится: *псковщина, владимірщина, кіевщина.* Напрасно выставлены бранныя поговорки малороссіянъ противъ русскихъ: *съ москалемъ дружи, а камень за пазухой держи* (I. стр. 108), и многія другія въ этомъ родѣ, напр. что нѣмецкіе простолюдины дали русскимъ прозвище *schwein*, а русскіе называютъ ихъ *колбасниками* (IV. — 182); что нѣмецкое слово *шельма* получило право гражданства въ русскомъ словѣ (II — стр. 116). Толки вредныхъ сектъ не должны бы имѣть мѣсто въ книгѣ: *Русскіе въ своихъ пословицахъ*, напр. поговорка духоборцевъ (II. стр. 46): *«покланяюсь Христу немазаному, неписанному, а Христу животворящему»*; *«должно грѣшить для того, чтобъ непрестанно молиться да каяться»*. Послѣ разсказа о наказаніи за мздоимство воеводъ кнутомъ на торгу, прибавлено: *таковы были исправительныя мѣры отеческаго правленія*, и проч. (III. — 108). На 99-й стр. 2-й части находимъ ссылку на мнѣніе иностранца Коллинса, что *пьянство у русскихъ считается за сильнѣйшее выраженіе радости; что московскій посолъ опился въ Стокгольмѣ* (Ч. II. стр. 100); *что къ особенностямъ русскаго народа принадлежитъ обыкновенное сквернословіе* (II. стр. 121). Замѣтимъ о вышеприведенныхъ мѣстахъ, что они не должны бы появляться въ печати; если бы въ какой области, гдѣ нибудь, и встрѣчалось что-нибудь подобное поговоркѣ: *тебя пора лобанить* и проч., то вводить ихъ въ книгу не слѣдуетъ. Нѣтъ нужды ссылаться на всякое показаніе иностранцевъ, нерѣдко незаслуживающее вѣроятія и могущее послужить въ предосужденіе отечеству. Объ отечествѣ надлежитъ говорить съ такимъ же уваженіемъ и осмотритель-

ностію, какъ и объ родителяхъ! Не должно относить къ особенностямъ одного народа, что въ равной и даже въ большей мѣрѣ усматривается во многихъ другихъ народахъ. Поэтому же не было нужды и въ ссылкѣ на слова Курбскаго о полякахъ въ доказательство, что пьянство и не однимъ русскимъ свойственно (II. стр. 13). Замѣтимъ еще, что о правленіи новгородской и псковской старины сочинитель говоритъ безъ надлежащей разборчивости, и можетъ быть увлеченный неосновательными сужденіями нѣкоторыхъ журналовъ, выставляетъ новгородцевъ болѣе съ возвышенной стороны, тогда какъ въ безумствѣ своеволія была первая причина всѣхъ бѣдствій Новгорода.

Помѣщеніе подобныхъ мѣстъ показываетъ поспѣшность и неразборчивость въ собраніи свѣдѣній отъ множества разныхъ лицъ. Но какъ большая часть сочиненія г. Снегирева показываетъ благонамѣренность и любовь къ отечеству, то должно желать тѣмъ болѣе осмотрительности для книгъ сего рода.

Наконецъ, въ указаніе мѣстъ, гдѣ замѣтна или небрежность въ слогѣ, или требуется менѣе изысканныхъ выраженій и болѣе правильности и ясности языка, выпишемъ слѣдующія:

— Часть I. стр. 159.

«Весьма употребительна въ пословицахъ господствующая «аллегорія, чистая и смѣшанная, въ коей какъ бы *въ пеленкахъ* «*родились и повились истины въ колыбели младенчествовавшихъ* «народовъ, сіи первенцы златаго вѣка, *родившіеся*, по счастливой «примѣтѣ, *въ сорочкѣ*».

Истины, *родившіяся въ сорочкахъ*, *родившіяся и повившіяся въ пеленкахъ въ колыбели младенчествовавшихъ народовъ*, представляютъ примѣръ изысканныхъ выраженій и смѣшенія словъ!

— Часть IV. стр. 114.

«На Руси пословицъ должно быть болѣе, нежели сколько «дошло до нашего времени въ *лѣтописяхъ*, гдѣ *приводятся* «только немногія, малоизвѣстныя, *оставляясь* безъ вниманія другія, всѣмъ извѣстныя».

Приводятся немногія, оставляясь другія — несогласно съ правилами языка, и самое замѣчаніе, что извѣстныя всѣмъ пословицы оставляются въ лѣтописяхъ безъ вниманія, совершенно неожиданно, потому что пословицы не составляютъ предмета лѣтописей, и могутъ тогда только встрѣчаться въ нихъ, когда поясняютъ какое-нибудь историческое событіе.

— Час. IV. стр. 204.

«Пословицы, не имѣя внѣшней между собою связи, имѣютъ «*внутреннюю силу и связь, подобно самому міру, подобно внѣш-«ней и внутренней жизни народа*».

Здѣсь замѣтны въ выраженіяхъ изысканность и недостатокъ ясности.

Но при всѣхъ замѣчаемыхъ недостаткахъ книга г. Снегирева имѣетъ и значительныя достоинства: представляетъ множество изысканій, любопытныхъ объясненій и свѣдѣній, могущихъ быть важнымъ пособіемъ для наблюдателя русскихъ нравовъ и языкознанія. Народныя примѣты, повѣрья, преданія, указаніе разныхъ замѣчательныхъ обыкновеній, обрядовъ, сравненіе ихъ съ постановленіями и обычаями другихъ народовъ, — все это вошло въ составъ сей книги, и хотя она отклоняется отъ прямой своей цѣли, но тѣмъ не менѣе *исторія и словесность могутъ многимъ воспользоваться отъ замѣчаній и свѣдѣній, собранныхъ г. Снегиревымъ. Его* любознательный *трудъ*, подъятый въ пользу наукъ, *заслуживаетъ занять мѣсто во всякой библіотекѣ*: въ немъ собрано множество достопамятныхъ пословицъ; во введеніи помѣщено библіографическое обозрѣніе сочиненій о пословицахъ разныхъ народовъ; замѣчательны объясненія народныхъ повѣрьевъ и календарь, составленный по земледѣльческимъ признакамъ наблюденія погоды для распредѣленія времени разныхъ сельскихъ работъ (ч. IV. стр. 22 — 39 и 51 — до 72). Еще болѣе любопытны драгоцѣнныя для изслѣдованій историческихъ замѣчанія и объясненія пословицъ, поговорокъ и разныхъ словъ, относящихся къ отечественнымъ воспоминаніямъ, а въ особенности къ стариннымъ судебнымъ обрядамъ и къ предмету законовѣдѣнія, со-

ставляющимъ любопытнѣйшую часть изъ сочиненія г. Снегирева (ч. III. стр. 209 до 240). Подробныя выписки подобныхъ мѣстъ перешли бы предѣлы отчета. Но укажемъ на объясненіе пословицы: *живетъ одинъ, какъ божедомъ* (ч. II. стр. 88); на замѣчаніе *о Юрьевѣ днѣ* (IV — 138), *о привѣнчиваніи дѣтей, прижитыхъ до брака* (III — 34), о выраженіи: *слово и дѣло* (III. 172—175). Укажемъ на прекрасныя замѣчанія, проливающія свѣтъ на особенныя черты народнаго духа—на замѣчанія пословицъ, показывающихъ *вѣру русскихъ въ благость Божія промысла* (II — 38), *преданность къ царямъ* и *благоговѣніе къ самодержавной власти* (III — 51, 54. 55. 56), почтеніе къ старѣйшимъ и къ власти родительской (II — 85 и III. стр. 10 и 12), благочестіе (II — 158 и 160), твердость въ словѣ (II — 110), великодушную отважность и рѣшимость (II ч. — 126), духъ братолюбія (II — 133), трудолюбіе и умѣренность въ желаніяхъ (II — 139), осторожность и осмотрительность (II. стр. 161), *любовь къ подчиненности* (II. стр. 157). Выписываемъ сію страницу въ примѣръ:

«Человѣкъ, какъ разумно-свободное существо, долженъ въ «самомъ себѣ находить побужденіе добровольно подчинять свои «дѣйствія суду разума и совѣсти, слѣдовать оному даже съ по«жертвованіемъ своими склонностями и выгодами. Такая въ немъ «подчиненность составляетъ истинную свободу, безъ коей не мо«жетъ существовать нравственность. *Вольному воля, спасенному «рай.* Полагая основаніе благоденствія въ покорности воли ра«зуму, русскіе пословицей своей утверждали, что *кто воли «своей не переможетъ* *), *тотъ и счастливъ быть не можетъ,* «или: *дай сердцу волю, заведетъ тебя въ неволю,* ибо подъ *нево«лею*, а иногда и подъ *свободою* они нерѣдко разумѣли обузданіе «страстей и покорность закону, безъ чего и *господинъ въ неволѣ «у прихотей своихъ.* Это была свобода не политическая, но «нравственная; первая называлась *вольностію, волею* и нерѣдко

---

*) разумѣется: *худой воли.*

смѣшивалась и «съ своеволіемъ, за которымъ слѣдуетъ порча и добровольное «рабство. *Воля и добра мужа портитъ, а неволя учитъ»*.

Во многихъ мѣстахъ книги г. Снегирева встрѣчаются изреченія, относящіеся къ воспоминаніямъ о разныхъ событіяхъ изъ жизни Петра Великаго. Соберемъ сіи черты. Петръ Великій столько любилъ русскія пословицы, что приводилъ ихъ въ своихъ указахъ и часто употреблялъ въ разговорѣ. «*Въ бытность нашу въ Копенгагенѣ,* писалъ онъ въ 1717 г. изъ Амстердама къ полковнику Левашеву, *приказывали мы вамъ черезъ денщика Юрова о книжкѣ, которая у насъ есть, о русскихъ пословицахъ, чтобы ее намъ прислать, о чемъ и нынѣ напоминаемъ, дабы ту книжку списавъ, прислать къ намъ*» (ч. I. ст. 33 и 34). Онъ обращалъ вниманіе на пословицы, и въ запискахъ своихъ совѣтовалъ морскимъ офицерамъ и начальникамъ помнить *латинское присловіе: молитесь и трудитесь* (ora et labora) (часть I. стр. 93). *Время*— писалъ онъ къ фельдмаршалу Шереметеву (предъ сраженіемъ съ Левенгауптомъ) — *подобно желѣзу горячему, которое, когда остынетъ, неудобно къ кованію будетъ* (ч. IV. стр. 197). *Всякому своя обида горька и тяжела,* писалъ Петръ въ указѣ 1718, декабря 22 (III ч. стр. 171). *Лучше десять виновныхъ освободить, нежели одного невиннаго къ смерти приговорить,* начерталъ онъ въ воинскихъ процессахъ, гл. II. пункт. 9 (см. ч. III, стр. 163). *Признаніе половина исправленія* и *лежачаго не бьютъ,* говорилъ онъ раскаивающимся, прощая вины ихъ (ч. III. стр. 164). Любя бережливость для пользы отечества, великій хозяинъ любилъ повторять пословицы: «*по одежкѣ протягивай ножки*» (IV. стр. 197); *кто не бережетъ копейки, тотъ самъ не стоитъ рубля* (ч. II. стр. 141). Въ указѣ 1720 года, янв. 13, говоря объ изданіи морскаго устава, онъ сказалъ: «*всякій потентатъ, который едино сухопутное войско имѣетъ, одну руку имѣетъ, а который и флотъ имѣетъ, имѣетъ обѣ руки* (IV. стр. 197). Достойно безсмертной славы изреченіе его, когда турки подъ Прутомъ требовали выдачи имъ князя Кантемира: *по-*

терянное оружіемъ, оружіемъ и возвращается, отвѣчалъ Петръ, *но нарушеніе даннаго слова не возвратимо; отступить отъ чести тд же, что не быть государемъ»* (II. стр. 112). Въ другое время, когда комнатный Петра 1-го Кикинъ покусился на жизнь соннаго государя, но пистолетъ трижды осѣкся, злодѣй, разбудивъ царя, сказалъ ему, что святой промыслъ ему покровительствуетъ, и что никакія силы вражія не могутъ погубить его: «я хотѣлъ тебя застрѣлить, но Богъ не допустилъ», и послалъ извѣстить тебя. Петръ, спокойно выслушавъ его, отвѣчалъ: «*пословъ ни сѣкутъ, ни рубятъ, Богъ тебя проститъ*»! (IV. стр. 142).

Не менѣе заслуживаютъ признательность замѣчанія доблестныхъ подвиговъ, передаваемыхъ потомству въ пословицахъ. Наприм. (часть IV. стр. 192):

«Какъ память добрыхъ дѣлъ, — пишетъ сочинитель — такъ «и порокъ увѣковѣчивается въ преданіяхъ народныхъ, служитъ «примѣромъ; имена героя, знаменитаго мужа и лихоимца повто«ряются въ поговоркахъ, въ коихъ нерѣдко изображается цѣ«лый подвигъ, какъ наприм. въ слѣдующей:

«*Не всякъ таковъ, что Иванъ Токмаковъ: сѣдчи на конь, да и «поѣхалъ въ огонь*».

«Исторія забыла этотъ подвигъ русскаго Курція; сохранила «его пословица, перешедшая лѣтописью въ уста народа; но въ «родословіи дворянъ русскихъ, по замѣчанію русскаго историка, «и въ послужныхъ спискахъ упоминается родъ Токмаковыхъ, происходившій отъ князей звенигородскихъ. Родоначальникъ его, Иванъ Токмакъ, былъ сынъ князя Василія Ноздреватаго, имѣлъ брата Петра, отъ котораго было трое дѣтей: Андрей, Василій и Иванъ. Дядя ихъ Юрій, храбрый воевода, палъ 1578 г. на Венденской битвѣ, отчаянной, ужасной, *гдѣ пушкари московскіе удавились на пушкахъ и не сдались*. Тутъ могъ броситься въ огонь вмѣстѣ съ дядею *Иванъ Петровичъ Токмаковъ*».

Принимая въ соображеніе все вышесказанное о книгѣ г. Снегирева, разсматривательный комитетъ имѣетъ честь представить

императорской россійской академіи, что трудъ сочинителя, въ поощреніе полезныхъ изслѣдованій, отчасти заслуживаетъ уваженіе и нѣкоторую награду. При семъ, имѣя въ виду, что сочинитель предполагаетъ издать самый текстъ русскихъ пословицъ и поговорокъ, комитетъ признаетъ сіе необходимо нужнымъ, равно, какъ и то̀, чтобы въ случаѣ новаго изданія книги: *Разсужденіе о русскихъ пословицахъ и поговоркахъ*, сочинитель привелъ трудъ свой въ систему, сократилъ и очистилъ отъ несообразностей, повтореній и излишествъ всякаго рода, затмевающихъ достоинство и убавляющихъ цѣну собранныхъ имъ свѣдѣній и собственныхъ его замѣчаній [426]). —

Марта 12 дня 1836 года.

Въ дѣйствіяхъ россійской академіи по отношенію къ Востокову, въ оцѣнкѣ его трудо̀въ и заслугъ, обнаруживаются до нѣкоторой степени какъ свѣтлыя, такъ и темныя стороны тогдашней академической жизни.

Щедро награждая второстепенныхъ и третьестепенныхъ писателей, академія удѣляла Востокову самую скромную долю тѣхъ суммъ, которыми имѣла право распоряжаться. Между тѣмъ какъ купецъ Ертовъ получилъ 1000 рублей на изданіе своего труда и академикъ Лобановъ — 5000 рублей на изданіе своихъ стиховъ и трагедій, а непремѣнному секретарю П. И. Соколову, «за неутомимые труды и рвеніе» единовременно выдано 13000 рублей, Востокову, за его филологическіе труды, присуждена таже самая награда, что и четырнадцатилѣтней дѣвочкѣ Шаховой за ея дѣтскія стихотворенія, именно — *пятьсотъ рублей*. Да и выдачею этихъ пятисотъ рублей Востоковъ обязанъ не своимъ научнымъ заслугамъ, а своему физическому недостатку. Извѣстно, что Востоковъ страшно заикался, вслѣдствіе чего и попалъ въ академію художествъ, какъ въ такое заведеніе, въ которомъ «говорить не нужно». Начавши свое образованіе въ сухопутномъ корпусѣ, Востоковъ,

именно по причинѣ сильнаго заиканья, переведенъ былъ начальствомъ корпуса въ академію художествъ [427]). Но вдругъ мелькнула надежда избавиться отъ тяжкаго недостатка, и академія рѣшилась помочь ученому труженику, неимѣющему средствъ заплатить врачу. Предложеніе, сдѣланное Шишковымъ по этому поводу, въ высшей степени любопытно; въ немногихъ словахъ сказано весьма много, нарисована цѣлая картина. Шишковъ говоритъ: «Дѣйствительный членъ академіи, г. надворный совѣтникъ Александръ Христофоровичъ Востоковъ, со времени вступленія своего въ академію въ 1820 году, ревностно посѣщая академическія собранія, сообщалъ замѣчанія свои, служащія къ вящшему усовершенію трудовъ академіи, принималъ и принимаетъ дѣятельное участіе въ дѣлахъ комитетовъ: *домостроительнаго, разсматривательнаго* и *издательнаго*, при академіи учрежденныхъ. Сверхъ сего изданными имъ *стихотвореніями* и *изслѣдованіями языка отечественнаго* обращаетъ онъ на упражненія свои вниманіе любителей словесности. При отличныхъ свѣдѣніяхъ и неутомимомъ стремленіи на пользу общую г. надворнаго совѣтника Востокова, всѣ, и въ особенности академія сія, съ сожалѣніемъ видѣли, что природа затруднила въ немъ драгоцѣнную способность свободно изъясняться. Нынѣ, когда, паче чаянія и къ немалому удивленію, способность сія возстановлена врачеваніемъ, я пріятнѣйшимъ себѣ поставляю долгомъ предложить императорской россійской академіи выдать г. Востокову единовременно *для уплаты врачу*, оказавшему ему столь великую услугу, *пятьсотъ рублей* изъ штатной суммы» [428]).

Россійская академія оказала Востокову существенное содѣйствіе при изданіи его трудовъ: Русской грамматики и Описанія рукописей румянцовскаго музеума.

Два раза грамматика Востокова издавалась на счетъ россійской академіи. Изданіе это послужило поводомъ къ любопытнымъ совѣщаніямъ и перепискѣ между членами академіи. Востоковъ писалъ президенту россійской академіи А. С. Шишкову [429]):

Ваше высокопревосходительство,
милостивый государь!

По порученію комитета разсмотрѣнія учебныхъ пособій занимался я составленіемъ двухъ русскихъ грамматикъ, одной сокращенной, для уѣздныхъ училищъ, другой полной, для гимназій. Обѣ сіи грамматики, по разсмотрѣніи ихъ въ комитетѣ, устройства учебныхъ заведеній, признаны учебными книгами. Первая, т. е. краткая грамматика, куплена у меня департаментомъ народнаго просвѣщенія, на иждивеніи коего и печатается въ типографіи департамента. Вторую, т. е. полную грамматику, пожелалъ я самъ печатать, и вслѣдствіе того получилъ обратно рукопись мою, съ увѣдомленіемъ, что комитетъ устройства учебныхъ заведеній предоставилъ департаменту народнаго просвѣщенія войти со мною въ сношеніе объ условіяхъ, на какихъ сочиненіе сіе можетъ быть пріобрѣтаемо для гимназій.

Но прежде нежели приступлю къ печатанію сей книги, счелъ я за нужное, въ качествѣ моемъ члена россійской академіи, предать на разсмотрѣніе академіи трудъ мой по такому предмету, которымъ академія преимущественно занимается, и на сей конецъ осмѣливаюсь представить рукопись сію вашему высокопревосходительству со всепокорнѣйшею просьбою о предложеніи оной на судъ академіи. Счастливымъ себя почту, ежели судъ ея будетъ благосклоненъ и ежели оный доставитъ мнѣ право надѣяться какой либо награды, на основаніи § 5 главы I устава академіи. По недостаточности состоянія моего всего желательнѣе было бы для меня, еслибъ награда сія состояла въ денежномъ пособіи, потребномъ на издержки печатанія.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенною преданностію честь имѣю быть

вашего высокопревосходительства
всепокорнѣйшимъ слугою
Александръ Востоковъ.

Генваря 22 дня 1831.
Его высокопревосходительству
А. С. Шишкову.

Шишкову очень понравилась скромность Востокова и его желаніе представить свой трудъ на разсмотрѣніе академіи. Немедленно по полученіи грамматики отъ автора, Шишковъ обратился въ россійскую академію со слѣдующимъ предложеніемъ:

— Членъ академіи господинъ Востоковъ представилъ мнѣ сочиненную имъ русскую грамматику при письмѣ своемъ, здѣсь прилагаемомъ, въ которомъ проситъ онъ, чтобъ сей трудъ его преданъ былъ на разсмотрѣніе академіи. Таковое желаніе его показываетъ, что онъ, *чуждаясь самолюбія, подвергаетъ мнѣнія свои сужденію другихъ членовъ, для принесенія вящшей пользы языку и словесности.* Находя сіе желаніе его *весьма справедливымъ и похвальнымъ*, я прошу господъ членовъ академіи избрать изъ среды своей троихъ, приглася къ себѣ и самого сочинителя, дабы вмѣстѣ съ нимъ прочитать и разсмотрѣть сію грамматику. Если найдутся въ ней какія-либо сомнительныя мѣста, то замѣтить ихъ. По окончаніи сего предоставить сочинителю на волю исправить по симъ замѣчаніямъ свою грамматику, или остаться при своемъ мнѣніи. Замѣчанія же, ими сдѣланныя, представить въ академію, гдѣ оныя должны храниться. —

Александръ Шишковъ.

Генваря 24 дня 1831 года.

Для разсмотрѣнія грамматики Востокова избраны были члены россійской академіи: князь П. А. Ширинскій — Шихматовъ, М. Е. Лобановъ и П. И. Соколовъ, которые и представили въ академію мнѣніе свое о трудѣ Востокова:

— Мнѣніе

членовъ академіи, разсматривавшихъ Русскую Грамматику г-на Востокова.

По назначенію императорской россійской академіи разсматривали мы русскую грамматику члена сей академіи А. Хр. Востокова, и отдавая справедливость полезному труду его, имѣющему цѣлію установить правильное употребленіе языка отечественнаго, мы сдѣлали однакожъ на многія части грамматики его, не собст-

венно философической, но учебной, замѣчанія, клонящіяся къ улучшенію оной, и между прочими:

1) Сократить излишнее раздробленіе именъ существительныхъ на *единичныя* и *сплошныя*. Стр. 9.

2) Дополнить опредѣленія предлоговъ, которые, соединяясь съ глаголами, придаютъ имъ столь многоразличныя значенія.

3) Привести сбивчивость послѣднихъ четырехъ частей рѣчи: нарѣчія, предлога, союза и междометія въ большую ясность и опредѣлительность.

Г. Востоковъ, признательный къ благонамѣреннымъ и безпристрастнымъ нашимъ замѣчаніямъ, принялъ оныя, съ намѣреніемъ употребить ихъ къ усовершенію своего труда. На нѣкоторыя изъ оныхъ онъ не соглашается и остается при своемъ мнѣніи, а именно:

Усѣченное имя прилагательное, напр. *бѣлъ*, *синь*, *добръ*, названо *спрягаемымъ*. Стр. 46.

Вмѣсто: *обо́и*, *обо́ихъ*, и пр. поставлено удареніе на *о́*: *о́бои*, *о́боихъ*, *о́боимъ*, и пр. Стр. 80.

Глаголъ *жену* произведенъ отъ глагола *гнать*. Стр. 94.

Повелительное наклоненіе: *гній* отъ *гнію* и *лѣзь* отъ *лѣзу* названо неупотребительнымъ. Стр. 104.

Дѣепричастія названы *нарѣчіями отглагольными*, стр. 155, потомъ *глаголами*, стр. 160.

Отчасти, *далѣе*, *въ заключеніе*, *по мѣрѣ того какъ*, названы союзами, стр. 162 и 163.

Славно и проч. есть *имя прилагательное спрягаемое*, потомъ *нарѣчіе*, и наконецъ *междометіе*.

Междометіе есть разрядъ словъ, употребляемый *вмѣсто глаголовъ*, стр. 164. Въ междометія, такъ какъ въ предлоги и въ союзы, могутъ обращены быть слова другихъ разрядовъ, и именно: существительныя, глаголы, нарѣчія, когда служатъ восклицаніями, стр. 165.

Заслуживать вниманія, вмѣсто *внима́ніе*. Стр. 194.

Письмо писано *крупными буквами*; малина растетъ *кустами*,

стр. 199. и кушать *на здоровье*, одѣться *на скорую руку* — въ видѣ нарѣчій, стр. 211.

Много, *мало*, *столько* и пр. отнесены къ глаголамъ безличнымъ. Стр. 227.

Нѣтъ—глаголъ безличный. Стр. 247.

Въ правописаніи между прочимъ г. сочинитель полагаетъ, что слова: *взыскать*, *обыскъ*, *розыскъ*, *расчетъ* или *ращетъ* и другія имъ подобныя должно писать *взъискать*, *объискъ*, *розъискъ*, *разчетъ*.

Азіатскій вмѣсто *азіятскій*, *персіанинъ* вмѣсто *персіянинъ*.

Несмотря на сіе различіе мнѣній о нѣкоторыхъ предметахъ русской грамматики, мы долгомъ почитаемъ свидѣтельствовать, что трудъ почтеннаго сочлена нашего А. Хр. Востокова, требовавшій неутомимыхъ изслѣдованій, соображеній и наблюденій, имѣетъ полное право на благосклонное вниманіе и поощреніе императорской россійской академіи [430]). —

Черезъ нѣсколько лѣтъ Востоковъ обратился къ Шишкову съ просьбою слѣдующаго содержанія [431]):

— Намѣреваясь приступить къ новому изданію моей русской грамматики въ типографіи императорской россійской академіи, я осмѣливаюсь прибѣгнуть къ вашему высокопревосходительству съ покорнѣйшею просьбою о милостивомъ содѣйствіи вашемъ, дабы россійская академія оказала мнѣ пособіе напечатаніемъ сего изданія моей грамматики на счетъ академіи, въ числѣ 2400 экземпляровъ, къ чему потребуется не болѣе двухъ тысячъ шестисотъ рублей. Таковымъ пособіемъ со стороны академіи будетъ оказана мнѣ большая помощь при недостаточномъ моемъ состояніи, и благодѣяніе, мнѣ оказанное, я приму съ чувствительнѣйшею благодарностію къ вашему высокопревосходительству, яко къ президенту академіи. —

А. Востоковъ.

23 сентября 1838 года.

Россійская академія охотно исполнила просьбу Востокова, и приняла на свой счетъ новое изданіе его грамматики. Оно обошлось академіи въ 2896 рублей.

Благодаря россійской академіи появилось въ свѣтъ знаменитое *Описаніе рукописей румянцовскаго музеума*. Въ вопросѣ объ изданіи этого труда, имѣющаго такое важное значеніе для русской науки, принималъ участіе министръ народнаго просвѣщенія С. С. Уваровъ. Онъ обратился къ Шишкову съ слѣдующимъ ходатайствомъ:

Милостивый государь
Александръ Семеновичъ,

Старшій библіотекарь румянцовскаго музеума коллежскій совѣтникъ *Востоковъ* представилъ въ министерство народнаго просвѣщенія составленное имъ «*Описаніе рукописей румянцовскаго музеума*» въ двухъ томахъ in folio, и просилъ разрѣшенія на напечатаніе сего «*Описанія*».

Археографическая комиссія, въ которую, по роду занятій ея, передано было сочиненіе г. Востокова, возложила разсмотрѣніе онаго на члена своего Бередникова. Г. Бередниковъ отозвался, что «*Описаніе рукописей румянцовскаго музеума*» вполнѣ заслуживаетъ быть напечатаннымъ, и что сверхъ пользы, которой можно ожидать отъ этого труда для славянской библіографіи, оно послужитъ руководствомъ для желающихъ пользоваться румянцовскимъ музеумомъ и необходимымъ пособіемъ для сравненія рукописей при разборѣ другихъ библіотекъ и архивовъ, въ которыхъ, какъ извѣстно, есть много одинакихъ статей и даже списковъ съ одной и той же рукописи. Комиссія согласилась съ мнѣніемъ г. Бередникова, и вмѣстѣ съ тѣмъ довела до свѣдѣнія моего о необходимости подвергнуть трудъ г. Востокова разсмотрѣнію духовной цензуры, безъ разрѣшенія которой нельзя напечатать выписокъ изъ апокрифическихъ книгъ.

Уваживъ таковое представленіе комиссіи, я препроводилъ «*Описаніе рукописей румянцовскаго музеума*» къ г. оберъ-прокурору святѣйшаго синода, отъ котораго оное доставлено нынѣ обратно, съ увѣдомленіемъ, что къ напечатанію разсмотрѣнныхъ комитетомъ цензуры духовной статей означенной рукописи подъ

№№ 3, 36, 37, 39, 88, 96, 166, 188, 231, 233, 358, 363, 364, 400, 451, 452, 453, святѣйшій синодъ не находитъ никакихъ препятствій, кромѣ того, что въ №№ 96, 166, 231, 233 и 364 нужно сдѣлать слѣдующія опущенія. Въ № 96 «иже кто бороду рѣжетъ и челку и волосы въ косахъ опашни пера и подпупіе броснетъ, отлучится отъ церкви, и молитвы ему не дати, ни евангелія цѣловати». Въ № 166 нужно опустить слова: «Описаніе исцѣленій отъ гроба ея (княгини Іуліаніи) въ Торжкѣ, въ соборной церкви Преображенія Господня, случившихся въ 1815 и въ 1816 годахъ, 23 стр. въ 4-ку», ибо истина сихъ чудесныхъ исцѣленій не доказана и не признана церковію. Въ № 231 нужно опустить: «почто повелѣно туго поясатися апостоломъ и всѣмъ святымъ, и другіе вопросы съ толкованіями», ибо таковаго повелѣнія нигдѣ нѣтъ въ священномъ писаніи. Въ № 233 нужно исключить слѣдующія слова, оскорбляющія нравственное чувство читателей: «а се вторая арменская ересь, юже слышали есмо оу два арменина. Якоже бысть въ Арменѣхъ учитель жена, имя ей Линъ, по ихъ соблазну на добродѣтели возвысилася, якоже быти ей патріархомъ. Нѣкто открываетъ другимъ ея полъ, и для увѣренія въ томъ сомнѣвающихся ищетъ ее обольстить, въ чемъ и успѣваетъ. Она отъ него дѣлается беременною. Обольститель спасается бѣгствомъ въ Грецію». Въ заключеніи статьи приводится еще слѣдующее въ укоризну армянамъ: «Сему же самовидецъ бысть святъ мужъ Сергій калугеръ, Германовъ другъ, како армени, врази Божіи, глумятся правовѣрными христіаны, поганятъ ихъ, пущаютъ воду свою проходную на овощь и даютъ на блюдѣ христіаномъ». Въ № 364 нужно опустить: о крещеніи апостоловъ, кто изъ нихъ кѣмъ крещенъ. Тутъ сказано, между прочимъ, что «Господь крестилъ Петра апостола своими руками; Пресвятую же Богородицу крестилъ Петръ и Іоаннъ Богословъ»; ибо сіе сказаніе противорѣчитъ священному писанію, въ которомъ ясно говорится, что самъ Іисусъ не крещаше (Іоанна IV, 2).

Признавая пользу напечатанія сего сочиненія въ библіографическомъ отношеніи и долженствующее отъ того произойти об-

легченіе любителямъ нашей старины употребленія рукописей румянцовскаго музеума и сравненія ихъ съ подобными, хранящимися въ другихъ библіотекахъ, я обращаюсь къ вашему высокопревосходительству съ покорнѣйшею просьбою, не изволите ли предложить на разсужденіе императорской россійской академіи принятіе изданія означеннаго «*Описанія*» на ея счетъ, съ употребленіемъ экземпляровъ по своему усмотрѣнію, и о послѣдующемъ почтить меня увѣдомленіемъ.

Препровождая при семъ помянутое выше «*Описаніе рукописей румянцовскаго музеума*», имѣю честь быть съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію

вашего высокопревосходительства
покорнѣйшимъ слугою
Сергій Уваровъ.

Члены россійской академіи единодушно изъявили свое согласіе на изданіе труда Востокова на счетъ академіи, и положили: *Описаніе рукописей румянцовскаго музеума* напечатать въ шести стахъ экземплярахъ, изъ которыхъ триста предоставить въ пользу Востокова, сто пятьдесятъ — въ пользу россійской академіи, двадцать передать въ Румянцовскій музеумъ, а остальные разослать въ учебныя заведенія какъ министерства народнаго просвѣщенія, такъ и духовнаго вѣдомства — въ духовныя академіи и семинаріи [432]).

Составленное Востоковымъ *Описаніе рукописей румянцовскаго музеума* вышло въ свѣтъ въ 1842 году. На заглавномъ листѣ значится, что оно «печатано *по опредѣленію императорской россійской академіи* отъ 13 ноября 1837 года». Въ предисловіи Востоковъ говоритъ: «За изданіе этой книги читатели должны быть благодарны г. министру народнаго просвѣщенія Сергію Семеновичу Уварову, доставившему средства къ напечатанію оной» [433]).

Востоковъ былъ свидѣтелемъ послѣднихъ дней существованія россійской академіи, и принималъ дѣятельное участіе въ преобразованіи ея во второе отдѣленіе академіи наукъ [434]).

12 іюня 1841 г. императоръ Николай Павловичъ повелѣлъ «подъ общимъ названіемъ императорской академіи наукъ составить три отдѣленія: *первое*—собственно академія наукъ (sciences exactes); *второе* — отдѣленіе словесное, въ коемъ заключалась бы и россійская академія; *третье*—отдѣленіе исторіи и древностей». Вслѣдствіе этого министръ народнаго просвѣщенія С. С. Уваровъ учредилъ комитетъ о новомъ устройствѣ академіи наукъ, и въ члены комитета назначилъ: со стороны академіи наукъ—Френа и непремѣннаго секретаря Фуса; со стороны россійской академіи—непремѣннаго секретаря Языкова и *А. Х. Востокова*; предсѣдателемъ—вице-президента академіи наукъ князя М. А. Дондукова-Корсакова. Въ проектѣ, составленномъ названными лицами говорится:

«*Классъ отечественнаго языка и словесности*, занимающійся въ частности: славянорусскою филологіею, собственно русскимъ языкомъ и его нарѣчіями, исторіею отечественной словесности, славянскими нарѣчіями, именно: болгарскимъ, сербскимъ, хорватскимъ (кроатскимъ) и хорутанскимъ (краинскимъ), польскимъ, чешскимъ (богемскимъ) и словацкимъ, и языками, содержащими въ себѣ славянскія начала: литовскимъ (жмудскимъ, прусско-литовскимъ, латышскимъ) и волошскомъ. Одного изъ главнѣйшихъ обязанностей сего класса есть составленіе полныхъ словарей русскаго языка, какъ по азбучному, такъ и по словопроизводному порядку».

С. С. Уваровъ замѣтилъ: «Это номенклатура, конечно, пестра. Подробное исчисленіе языковъ и нарѣчій славянскихъ вовсе ненужно. Тутъ главный предметъ—*языкъ русскій*; все прочее принадлежитъ къ необходимымъ, но вспомогательнымъ источникамъ».

Число академиковъ распредѣлялось въ проектѣ такимъ образомъ: для *славянорусской филологіи*—одинъ академикъ; для *русскаго языка и словесности*—четыре академика; для *славянскихъ нарѣчій* — два академика, и для *языковъ, содержащихъ въ себѣ славянскія начала*—одинъ академикъ.

Князь П. А. Ширинскій-Шихматовъ замѣтилъ: «Подъ сло-

вомъ *филологія* разумѣется знаніе языка, исторія словесности и древности. Какимъ же образомъ одинъ академикъ можетъ вмѣстить въ себѣ подобныя свѣдѣнія не только о русскомъ, но и о всѣхъ славянскихъ языкахъ»?

М. М. СПЕРАНСКІЙ.

Въ россійской академіи временъ Шишкова члены раздѣлились на почетныхъ и дѣйствительныхъ, хотя послѣдніе, или по крайней мѣрѣ многіе изъ нихъ, ничѣмъ не отличались отъ почетныхъ по своему безучастію къ академической дѣятельности. Какъ бы то ни было, сама академія цѣнила званіе дѣйствительнаго члена выше почетнаго, и потому изъ почетныхъ членовъ избирала въ дѣйствительные. Такое отличіе дѣлалось обыкновенно лицамъ, выдающимся по своей образованности и по своему значенію въ общественной жизни. Изъ *почетныхъ* членовъ россійской академіи избраны въ *дѣйствительные* ея члены: Николай Семеновичъ Мордвиновъ, Алексѣй Петровичъ Ермоловъ, *Михаилъ Михайловичъ Сперанскій*, Сергій Семеновичъ Уваровъ, Дмитрій Николаевичъ Блудовъ, Алексѣй Алексѣевичъ Перовскій.

Михаилъ Михайловичъ Сперанскій, бывшій почетнымъ членомъ академіи съ 21 мая 1821 года, предложенъ въ дѣйствительные члены президентомъ академіи А. С. Шишковымъ. Выборы происходили въ собраніи 25 октября 1830 года; всѣ присутствовавшіе члены дали избирательные голоса, къ которымъ присоединились потомъ избирательные голоса отсутствующихъ членовъ; окончательный, единогласный, выборъ состоялся 24 января 1831 года[435]).

Предлагая Сперанскаго въ члены россійской академіи, Шишковъ возлагалъ на него большія надежды, если только «сердце его будетъ лежать къ академіи». Благодарность свою за избраніе Сперанскій выразилъ въ краткомъ письмѣ къ А. С. Шишкову[436])

Милостивый государь Александръ Семеновичъ,

Поспѣшаю принести вашему высокопревосходительству совершенную благодарность за вниманіе, коимъ угодно было вамъ меня удостоить, предложивъ императорской россійской академіи избрать меня дѣйствительнымъ ея членомъ.

Въ семъ избраніи академія, безъ сомнѣнія, уважила болѣе искреннее мое усердіе къ успѣхамъ русскаго слова, нежели труды и содѣйствіе. Я буду всемѣрно стараться оправдать ея мнѣніе.

Съ совершеннымъ почитаніемъ и преданностію честь имѣю быть

вашего высокопревосходительства
покорнѣйшій слуга
М. Сперанскій.

Въ С.-Петербургѣ
5 февраля 1831 года.
Его Высокопревосходительству
А. С. Шишкову.

О впечатлѣніи, произведенномъ на Шишкова письмомъ Сперанскаго, можно судить по слѣдующему отвѣту Шишкова:

Милостивый государь
Михаилъ Михайловичъ,

Я отъ искренняго сердца радуюсь, что вы избраніе васъ въ дѣйствительные члены россійской академіи приняли съ удовольствіемъ. Она имѣетъ нужду въ поддерживаніи ея. Жалко, если прекрасный и едва ли не праотецъ всѣхъ языковъ языкъ нашъ (въ чемъ я не по пристрастію къ нему, но по долговременному изслѣдованію его и сравненію съ другими языками весьма увѣренъ) будетъ время отъ времени несвойственнымъ ему или неприличнымъ важности слога его новословіемъ и подражаніемъ другимъ бѣднѣйшимъ языкамъ отъ часу болѣе искажаться, терять силу свою и приходить въ измѣненіе и упадокъ. Я уже старъ, удрученъ болѣзнями, стою у дверей гроба, и не могу исчезающимъ голосомъ моимъ быть ему полезенъ. Прежніе труды мои, хотя больше заключаютъ въ себѣ усердія, нежели достоинства однакожъ нѣмецкіе писатели, по одному неполному переводу *Ака-*

демическихъ Извѣстій, приняли ихъ съ благодарностію и во многихъ сочиненіяхъ своихъ отозвались объ нихъ съ похвалою, можетъ быть съ большею, нежели я заслуживаю. Они, не взирая на преимущество, отдаваемое мною славенскому языку предъ всѣми ихъ языками, не возопіяли противъ меня, но соглашались со мною и находили доказательства мои справедливыми; даже назвали ихъ новыми, открывающими вѣрный путь ко всеобщему познанію разума языковъ. Одно только любезное отечество мое, или, лучше сказать, новые въ немъ невысокіе, но высоко о себѣ мечтающіе, не умы, а разумы, не обращали на труды мои инаго вниманія, какъ только для изліянія противъ нихъ не на здравомъ разсудкѣ основанныхъ сужденій, но просто наполненныхъ желчію нелѣпыхъ браней. Видя торжество такихъ судей и законодателей, которые вмѣсто помышленія о пользѣ и нравственности книгъ, то, сдружась между собою, превозносятъ себя и сочиненія свои похвалами, то, раздружась, ругаютъ одинъ другаго, и вообще вооружаются противъ всѣхъ прежнихъ нашихъ писателей, поневолѣ вырывается иногда изъ груди моей не о себѣ (я на это не смотрю), но объ языкѣ и словесности нашей слѣдующій или подобный сему вздохъ:

Гдѣ Ѳеофанъ и Ломоносовъ не годятся,
Тамъ, видно, русскіе ужъ больше не родятся.

Простите мнѣ, что я обременилъ васъ такимъ длиннымъ письмомъ. Вы и подобные вамъ, когда сердце ваше будетъ лежать къ академіи, можете давать ей силу и направленіе къ исполненію существенной ея должности, то-есть охранять языкъ отъ паденія; что жъ принадлежитъ до меня, то хотя, при всѣхъ моихъ немощахъ, я всею душою усердствую и привязанъ къ ней, но нахожусь уже болѣе на томъ, нежели на здѣшнемъ свѣтѣ.

Съ истиннымъ почитаніемъ и совершенною преданностію имѣю честь быть

вашего высокопревосходительства
покорнѣйшій слуга
А. Ш.

Февраля 7 дня 1831 г.

Сперанскій изрѣдка посѣщалъ россійскую академію, и высказывалъ свое мнѣніе по вопросамъ, обсуждавшимся въ академическихъ собраніяхъ. Доказательствомъ этому могутъ служить слѣдующія замѣчанія его касательно «правилъ» и «пробныхъ листовъ» словаря, предпринятаго россійскою академіею [437]):

I. *О правилахъ.*

Комитетъ принялъ къ сочиненію словаря нѣкоторыя правила; но принялъ ихъ *на первый случай*, слѣдовательно впослѣдствіи они могутъ измѣниться. Когда же измѣнятся? Когда словарь будетъ сочиненъ, и слѣдовательно надобно будетъ его передѣлывать.

Мнѣ кажется, главное дѣло состоитъ въ правилахъ не на первый разъ, но навсегда твердо установленныхъ. Безъ сего все сочиненіе непрестанно будетъ колебаться. Безъ сего нельзя членамъ и разсматривать пробныхъ листовъ: ибо важнѣйшая часть сего разсмотрѣнія именно должна состоять въ соображеніи исполненія съ правилами.

Для установленія сихъ правилъ надлежало бы, кажется, прежде всего собрать и разсмотрѣть правила, кои наблюдаемы были въ другихъ государствахъ. Не мы первые сочиняемъ словарь: нужно посмотрѣть, на какихъ основаніяхъ составляли его въ академіи де ла Круска, въ парижской и Джонсонъ въ Англіи. Тò, чтò тамъ придумано основательно, принять; другое замѣнить своимъ.

Первое и важнѣйшее изъ сихъ правилъ есть установить съ точностію предѣлы словаря по двумъ главнымъ вопросамъ: *для кого* и *для чего* онъ сочиняется?

Мнѣ кажется, онъ сочиняется для людей, знающихъ языкъ русскій (всѣ изъясненія и опредѣленія его составляются порусски), и слѣдовательно не для того, чтобъ учить русскому языку иностранцевъ или дѣтей; но для того,

1) чтобъ мнѣніемъ цѣлаго ученаго сословія утвердить истин-

ное значеніе русскихъ словъ и разрѣшить сомнѣнія въ разнообразномъ или спорномъ ихъ употребленіи;

2) чтобъ изъяснить нѣкоторыя слова русскія, обветшалыя или малоупотребительныя;

3) чтобъ изъяснить такъ-называемыя слова славянскія, т. е. церковныя.

По сему въ славяно-россійскій словарь не должно допускать никакихъ словъ иностранныхъ, исключая только греческихъ словъ церковныхъ и малаго числа словъ, принятыхъ не обычаемъ, но закономъ, какъ-то: *сенатъ*, и тому подобныхъ; для иностранныхъ же словъ приложить къ словарю алфавитную роспись, съ краткимъ изъясненіемъ реченій, болѣе или менѣе употребительныхъ, но къ составу языка не принадлежащихъ. Это не есть гоненіе на слова иностранныя: обычай ихъ ввелъ, обычай и выведетъ; но академія не должна, мнѣ кажется, укоренять ихъ, давая имъ право гражданства и вводя ихъ въ составъ нашего языка. Изъ снисхожденія къ обычаю, она можетъ удѣлить имъ мѣсто при своемъ языкѣ, но мѣсто отдѣльное, означивъ ихъ въ особой росписи.

Издательный комитетъ въ защиту ихъ приводитъ-тò, что они обрусѣли, и что безъ нихъ обойтись невозможно. Пусть они и остаются въ употребленіи; но сіе не даетъ имъ права на помѣщеніе въ словарь *славяно-россійскій*: иначе назовите его *словаремъ реченій, какъ отечественныхъ, такъ и иностранныхъ, въ россійскомъ словѣ употребляемыхъ*. И какіе же будутъ словарю сему предѣлы? Кусокъ толстаго бѣлаго сукна на турецкой границѣ называется *аба*; но онъ вѣрно иначе называется въ Оренбургѣ, въ Сибири, и пр. Почему *аба* будетъ стоять въ словарѣ, а другихъ названій, столько же или, можетъ быть, и болѣе въ другихъ мѣстахъ употребительныхъ, не будетъ? Сколько словъ иностранныхъ, при Петрѣ Великомъ и при императрицѣ Елисаветѣ бывшихъ въ употребленіи, и нынѣ совершенно падшихъ въ забвеніе! Гдѣ нынѣ *циркумстанціи, концилiумы, консидераціи, пропозиціи* и множество имъ подобныхъ? Не та же ли судьба

ожидаетъ и наши: *абонированія, абониментны, адресованія, адресовать*, и проч. и проч.? Они покружатся нѣсколько времени, какъ кружились напр. выраженія: *строить куры*, и тому подобныя, и исчезнутъ. Всѣхъ нелѣпостей и измѣненій обычая и небрежнаго или затѣйливаго пустословія никакимъ словаремъ обнять невозможно. Нѣкоторыя изъ нихъ необходимы и, можетъ быть, навсегда останутся въ языкѣ — и пусть остаются: отъ того, что они будутъ или не будутъ помѣщены въ словарѣ, необходимость ихъ ни возрастетъ, ни уменьшится. Но помѣщеніе ихъ, вопервыхъ, обезобразитъ словарь славяно-россійскій; вовторыхъ, вмѣсто полнаго словаря представитъ сборникъ словъ весьма неполный: ибо всѣхъ иностранныхъ словъ, въ областяхъ нашихъ русскими людьми употребляемыхъ, собрать почти невозможно; то̀, что въ одномъ краю считается словомъ необходимымъ, въ другомъ совсѣмъ неизвѣстно, и замѣняется инымъ; втретьихъ, сія смѣсь дастъ словарю видъ временнаго, періодическаго сборника: ибо, какъ выше уже было примѣчено, сколько есть иностранныхъ словъ, кои въ свое время считались необходимыми, а теперь употребленіе ихъ показалось бы страннымъ и несовмѣстнымъ.

Второе правило: во всѣхъ почти основательныхъ словаряхъ означаются корни словъ. Я не разумѣю здѣсь того высшаго изысканія корней, которое составляетъ особую и весьма важную часть филологіи; но разумѣю простое словопроизводство изъ ближайшихъ корней. Наприм. *подразумѣваю* очевидно слагается изъ предлога *подъ* и *разумѣваю*, а *разумѣваю* изъ предлога *разъ* и *умѣю*; слѣдовательно корень: *умѣю* или *умъ*. Въ ожиданіи лучшаго и глубокаго изысканія, и сіе словопроизводство было бы, кажется, для утвержденія первообразнаго значенія словъ во многихъ случаяхъ весьма полезно.

Еще одно примѣчаніе. Словарь именуется *по азбучному порядку расположеннымъ*. Я не знаю, можетъ ли быть какой-либо словарь, даже и словопроизводный, расположенъ иначе, какъ по азбучному порядку. Если симъ желали выразить: ordine analo-

gico или analytico, то сіе не есть *азбучный порядокъ.* Должно постараться пріискать другое слово.

II. *Пробные листы.*

1) Послѣ двухъ первыхъ А, послѣдующія пять суть простые звуки, коихъ значеніе опредѣляется: 1) образомъ ихъ произношенія, и 2) послѣдующими выраженіями мыслей. Они могутъ быть безчисленны и находятся во всѣхъ языкахъ; но нигдѣ не даютъ имъ мѣста въ словаряхъ, ибо какъ описать значеніе звука, зависящее отъ голоса, и разнообразныя его сопряженія съ мыслями?

А—союзъ противоположный—часто токмо раздѣлительный; даже первый примѣръ есть только раздѣленіе, а не противоположность, ибо нельзя тутъ поставить: *но тьму*, а можно поставить: *тьму же*, что̀ означаетъ раздѣленіе.

А! *а*!—то же примѣчаніе, какъ и въ пяти предыдущихъ. Смыслы сего восклицанія безчисленны. Всѣ гласныя буквы имѣютъ сіе свойство, напр. *И*! какой вздоръ!—*О*! *о*! ты уже началъ сердиться.

2) О всѣхъ иностранныхъ словахъ, коими буква сія испещрена, выше уже сдѣлано одно общее примѣчаніе.

3) *Августѣйшій* не есть *высочайшій*, ибо *augeo* не значитъ *возвышаю*, но *умножаю*, *увеличиваю*,—слѣдовательно: *великій*, или *величайшій*.

4) *Авторовъ. Авторскій.* Сомнѣваюсь, чтобъ сей родъ прилагательныхъ особаго устроенія могъ имѣть мѣсто въ словарѣ. Они принадлежатъ къ грамматикѣ; тамъ должно показать, какимъ образомъ и въ какихъ предѣлахъ нѣкоторыя существительныя въ родительномъ падежѣ пріемлютъ видъ прилагательныхъ. Встарину у насъ писали даже *еговъ*, такъ какъ нынѣ въ грубомъ просторѣчіи употребляютъ: *ихные*, *ихныхъ*. Грамматика должна показать, что̀ тутъ правильно и что̀ неправильно.

5) *Агнецъ*—не вижу, почему съ латинскаго: *agnus*. Это просто *ягнецъ*. У насъ есть вся его фамилія и даже глаголъ *ягнюся*, коего нѣтъ въ латинскомъ.—Въ концѣ сей статьи о просфорѣ,

нужно справиться: на одной ли той просфорѣ, изъ коей вынимается агнецъ, находятся слова: IC. XC. NIKA. Если на всѣхъ, то изъясненіе лишнее, и было бы неправильно.

6) *Адажіо.* Слово сіе, какъ и другія иностранныя, принадлежитъ къ словоистолкователю г-на Яновскаго, или къ расписанію иностранныхъ реченій. Но и тамъ не худо изъяснить, что̀ собственно значитъ *Adagio — на досугѣ, не спѣша, à son aise.*

7) *Адъ*, *αἴδης*, *ᾅδης* собственно значитъ: 1) мѣсто или состояніе умершихъ, мрачное и незримое обиталище погребенныхъ. См. Lexicon Damm et Duncan. Въ семъ-то смыслѣ, а не въ смыслѣ *гроба* и *могилы*, должно понимать слова Іосифа; 2) преисподній міръ, когда пріемлется въ смыслѣ страны; 3) мѣсто мученій; 4) крайнее несчастіе, и проч. Но кчему тутъ поговорка: *этотъ домъ сущій адъ*? Мало ли что̀ говорится! — Пятое значеніе есть излишнее потому, что оно есть именно собственное значеніе ада. Примѣры же тутъ ненужны, ибо и безъ нихъ ясно.

8) Не *азарничать*, а *озорничать*, — и принадлежитъ къ буквѣ *о*. Иначе всѣ слова, по московскому произношенію превращаемыя изъ *о* въ *а*, должно бы было помѣщать вдвойнѣ. Въ Москвѣ говорятъ: *атлажилъ*, *аткинулъ*. Дѣло словаря есть именно истреблять, а не утверждать сіи отступленія.

9) *Академиковъ* — то же примѣчаніе, что и къ слову: *авторовъ*. Оно принадлежитъ вообще ко всѣмъ словамъ сего рода.

10) *Академія.* Къ чему тутъ примѣры? Вообще примѣры должно приводить токмо для утвержденія значеній сомнительныхъ, рѣдкихъ или особенныхъ.

М. Сперанскій.

23 февраля
1831.

П. И. СОКОЛОВЪ.

Втеченіе долгаго періода, обнимающаго почти всю первую половину девятнадцатаго столѣтія, душою академической жизни и

дѣятельности былъ Шишковъ. Неизбѣжнымъ и усерднѣйшимъ сотрудникомъ Шишкова, участвовавшимъ во всѣхъ безъ исключенія работахъ и предпріятіяхъ академіи, былъ непремѣнный секретарь россійской академіи *Петръ Ивановичъ Соколовъ.* Ближайшіе свидѣтели трудовъ Соколова и вообще сочлены его по академіи относились къ нему весьма сочувственно; но между ними были и такіе, которые его недолюбливали, и одинъ изъ нихъ, и самый безпокойный, увѣковѣчилъ имя его въ сатирическомъ произведеніи, пріобрѣвшемъ большую извѣстность въ литературномъ кругу. Мы говоримъ о Воейковѣ и его «Домѣ сумасшедшихъ». Но если въ дѣятельности Соколова и были черты, сами собою просившіяся въ сатиру, то онѣ зависѣли не только отъ него самого, но, въ большей или меньшей степени, и отъ тѣхъ условій, среди которыхъ жилъ и дѣйствовалъ этотъ скромный труженикъ, неполучившій отъ природы ни блестящихъ дарованій, ни сильнаго характера. Подчиняясь взглядамъ и требованіямъ Шишкова, дѣйствуя съ нимъ заодно, Соколовъ оставался чуждъ движенію, которое совершалось тогда въ литературѣ; сношенія его съ писателями ограничивались оффиціальною перепискою, которую онъ велъ по обязанности непремѣннаго секретаря.

Петръ Ивановичъ Соколовъ былъ питомцемъ того заведенія, которому академія наукъ обязана Ломоносовымъ, именно — московской славяно-греко-латинской академіи. Для поддержанія академическаго университета и гимназіи академія наукъ неоднократно обращалась къ духовнымъ училищамъ. Первый вызовъ учениковъ сдѣланъ былъ въ 1735 году, и тогда-то присланъ въ академію наукъ Ломоносовъ. Послѣдній вызовъ относится къ 1783 году; въ числѣ одиннадцати учениковъ, присланныхъ въ этомъ году, находились: Цвѣтихинъ, Дмитрій Соколовъ и *Петръ Соколовъ.* Цвѣтихинъ былъ студентъ философіи, всѣ другіе — ученики риторики. Въ славяно-греко-латинской академіи они обучались словеснымъ наукамъ и языкамъ: русскому, греческому, латинскому и французскому. Но познанія ихъ оказались чрезвы-

чайно слабыми, какъ видно изъ слѣдующаго донесенія академиковъ директору академіи наукъ княгинѣ Дашковой:

«Исполняя приказаніе вашего сіятельства, мы, нижеподписавшіеся, свидѣтельствовали пріѣхавшихъ изъ Москвы семинаристовъ знаніе, которое, вообще говоря, весьма невелико, а о каждомъ порознь прилагаемъ особливую роспись, изъ коей ваше сіятельство усмотрѣть изволите, что французскому и нѣмецкому языкамъ, также и ариѳметикѣ, надлежитъ имъ учиться снова».

Донесеніе это подписано академиками: Лепехинымъ, Крафтомъ, Фусомъ и Гакманомъ. Въ росписи, о которой они упоминаютъ, значится:

— «Михайло Цвѣтихинъ, студентъ философіи, 20 лѣтъ. Слушалъ въ московскомъ университетѣ опытную физику и математику. О физикѣ весьма малое имѣетъ понятіе, притомъ безъ всякой связи и порядка. Математика его простирается до простаго дѣленія, да и сіи первыя ариѳметическія операціи надобно ему протвердить. Въ нѣмецкомъ языкѣ ничего не знаетъ, и съ нуждою читать можетъ. Въ языкѣ французскомъ равнымъ образомъ весьма еще слабъ, мало разумѣетъ и въ чтеніи нетвердъ. Въ переводѣ съ россійскаго на латинскій доказалъ свою слабость непростительными погрѣшностями; съ латинскаго на россійскій перевелъ лучше. Погречески учился, но забылъ». —

— «Дмитрій Соколовъ, ученикъ риторики, 18 лѣтъ. Ни ариѳметикѣ, ни нѣмецкому, ни французскому языку не учился. Погречески читаетъ и нѣсколько разумѣетъ. Съ россійскаго на латинскій перевелъ такъ же, какъ и прочіе, съ великими ошибками; съ латинскаго на россійскій равняется съ прочими». —

— «*Петръ Соколовъ*, ученикъ риторики, 19 лѣтъ. Нѣсколько разумѣетъ счисленіе и сложеніе. Пофранцузски и понѣмецки не учился. Погречески читаетъ и нѣсколько словъ знаетъ. Съ россійскаго на латинскій почти съ толикимъ же числомъ погрѣшностей перевелъ; съ латинскаго на россійскій равно съ прочими. Поеврейски, по собственному его признанію, и читать не можетъ». —

Въ какомъ состояніи находилась тогда академическая гимна-

зія, въ которую опредѣлены были присланные изъ Москвы семинаристы, показываетъ слѣдующее заявленіе академика И. И. Лепехина:

«Соотвѣтственно знаніямъ пріѣхавшихъ изъ Москвы семинаристовъ распредѣлилъ я имъ и ихъ упражненія, а именно тѣхъ, которые нѣсколько читать могутъ понѣмецки и пофранцузски, ввелъ въ нижніе сихъ языковъ классы; неумѣющихъ же еще читать велѣлъ обучать старшимъ гимназистамъ въ свободное отъ классовъ время. Какъ всѣ мои старанія о пріисканіи достойнаго учителя на мѣсто покойнаго Свѣтова по сіе время остаются тщетны, то чтобъ хотя нѣсколько наградить сей недостатокъ, склонилъ я академическаго священника, обучавшаго нижній латинскій классъ, принять на себя обученіе средняго класса, въ который ходить назначилъ и семинаристамъ; нижній же поручилъ навремя переводчику элеву Петрову. Но классы: историческій, россійскаго языка и переводный, въ коихъ обучалъ помянутый же Свѣтовъ, остаются безъ предводителя, и никто изъ находящихся при гимназіи учителей въ помянутыхъ ученіяхъ предводительствовать не можетъ» [438]).

Несмотря на свою плохую подготовку, Соколовъ, надо полагать оказывалъ большіе успѣхи, потому что черезъ полгода по вступленіи своемъ въ академическую гимназію онъ переименованъ былъ изъ *гимназистовъ* въ *студенты*; затѣмъ, менѣе, нежели черезъ годъ произведенъ въ *магистры академіи наукъ*, а еще черезъ два года опредѣленъ *учителемъ русскаго языка* въ академической гимназіи. Находясь въ этой должности около восемнадцати лѣтъ, онъ ознаменовалъ свою педагогическую дѣятельность изданіемъ учебника русской грамматики, выдержавшаго нѣсколько изданій: первое изданіе вышло въ 1788 году, второе—въ 1792 году, пятое—въ 1810 году [439]).

Еще будучи студентомъ академическаго университета П. И. Соколовъ причисленъ, въ 1784, году къ россійской академіи «для исправленія дѣлъ». Съ тѣхъ поръ онъ сталъ принимать дѣятельное участіе въ академическихъ работахъ, продолжавшееся вте-

ченіе всей его жизни, т. е. болѣе полувѣка. Неразлучнымъ спутникомъ и сотрудникомъ П. И. Соколова долгое время былъ Дмитрій Михайловичъ Соколовъ († 1819 г.), товарищъ его по славяно-греко-латинской академіи, по академической гимназіи и университету, и наконецъ по россійской академіи. Оба Соколовы трудились одновременно, на одномъ и томъ же поприщѣ; и научныя порученія и служебныя обязанности они исполняли вдвоемъ, идя рука объ руку, работая совокупными силами. Когда рѣчь идетъ о трудахъ и предпріятіяхъ академіи, имена двухъ Соколовыхъ являются въ неразрывной связи: гдѣ упоминается одно изъ нихъ, тамъ навѣрно можно встрѣтить и другое.

Оба Соколовы въ одно и тоже время избраны въ *пріобщники* россійской академіи. Учрежденіе званія *пріобщниковъ*, напоминающихъ отчасти *элевовъ* академіи наукъ, было своего рода попыткою создать разсадникъ будущихъ академиковъ и заручиться рабочими силами для выполненія научныхъ предпріятій. Ближайшимъ поводомъ къ этому нововведенію было желаніе ускорить ходъ работъ по первому академическому словарю. *Пріобщниками* могли быть только лица, «оказавшія уже успѣхи въ отечественномъ языкѣ»; имъ предоставлялось право посѣщать академическія собранія, подавая въ нихъ свои голоса и мнѣнія, и на нихъ возлагалась обязанность участвовать въ трудахъ академіи [440]). Выборъ пріобщниковъ академія предоставила княгинѣ Дашковой, которой принадлежитъ и мысль объ учрежденіи этого званія. На первый разъ, княгиня Дашкова назначила шесть *пріобщниковъ*, и въ числѣ ихъ, «при россійской академіи *переводчиковъ*: Димитрія Соколова и *Петра Соколова*» [441]).

Назначеніе это послѣдовало 30 октября 1792 года, а 9 апрѣля 1793 года пріобщники Д. М. и П. И. Соколовы, «оказавшіе усердіе и успѣхи въ общемъ трудѣ» избраны въ *члены россійской академіи*: «Предсѣдатель академіи, княгиня Дашкова, пріемля во уваженіе труды пріобщниковъ академіи гг. *Димитрія и Петра Соколовыхъ*, и отдавая справедливость раченію ихъ въ отправленіи должности, отъ академіи возложенной, *чрезъ десять*

лѣтъ продолжавшемуся, предложила оныхъ въ дѣйствительные академіи члены, съ тѣмъ, чтобы они продолжали исправлять прежнее, возложенное на нихъ отъ академіи, званіе». Предложеніе Дашковой принято единогласно, и Соколовы признаны *дѣйствительными членами* россійской академіи [442]).

Въ слѣдовавшее затѣмъ собраніе, происходившее 14 мая 1793 года, княгиня Дашкова предложила наградить золотыми медалями новоизбранныхъ членовъ Соколовыхъ, оказавшихъ «ревностное усердіе въ сочиненіи словаря, разсматриваемаго въ собраніяхъ академіи». Всѣ присутствовавшіе члены изъявили на это свое полное согласіе [443]).

При изданіи пятой части академическаго словаря заявлено было о Соколовыхъ: «Сіи, *совокупными силами* сочиняя листы, просматриваемые въ собраніяхъ академіи, вспомоществовали тѣмъ къ успѣху общаго труда». —

При изданіи шестой и послѣдней части словаря, сказано: «Д. М. и П. И. Соколовы продолжали *совокупными силами* сочинять и сію часть словаря, изготовляя листы для просматриванія въ собраніяхъ академіи, и тѣмъ спомоществовали къ окончанію предпріятаго академіею труда» [444]).

Вслѣдъ за словаремъ академія приступила къ составленію русской грамматики, и трудъ этотъ возложенъ былъ главнымъ образомъ на Соколовыхъ, которымъ поручено выработать общій планъ и выполнить его на дѣлѣ.

И они съ точностью исполнили возложенное на нихъ порученіе. Для облегченія труда Соколовыхъ къ нимъ присоединенъ третій членъ «грамматическаго отдѣла» протоіерей Красовскій. Общее наблюденіе и руководство ввѣрено митрополиту Гавріилу. Составленная «грамматическимъ отдѣломъ», т. е. преимущественно Соколовыми, русская грамматика издана россійскою академіею въ 1802 году. Соколовы, какъ авторы грамматики, удостоены награды отъ государя. Грамматика эта выдержала нѣсколько изданій [445]).

Какъ при составленіи словаря и грамматики, такъ и при

переводахъ съ иностранныхъ языковъ на русскій Соколовы трудились *совокупными силами*, по крайней мѣрѣ, въ началѣ своей литературной дѣятельности. Доказательствомъ этому могутъ служить переводы, вышедшіе въ свѣтъ въ прошломъ столѣтіи [446]):

— Философъ, смѣющійся во снѣ человѣческимъ дѣяніямъ, перевели съ французскаго Дмитрій Соколовъ и Петръ Соколовъ. 1786. —

— «Жизнь Михайла дел-Опиталя, канцлера французскаго; переведено съ французскаго Петромъ и Дмитріемъ Соколовыми.—

Оба Соколовы были членами отдѣла, разсматривавшаго различныя мнѣнія о происхожденіи словъ отъ того или другаго корня [447]). Должность казначея россійской академіи возложена была на Соколовыхъ, изъ которыхъ одинъ, Дмитрій Михайловичъ, назывался хранителемъ денегъ и жетоновъ, а другой, Петръ Ивановичъ, — его помощникомъ. Жалованье, положенное по штату академіи, раздѣлялось пополамъ: одна половина выдавалась Дм. Мих. Соколову, другая — Петру Ивановичу Соколову, и т. д. [448]).

По уставу россійской академіи полагалось два непремѣнныхъ секретаря, и оба Соколовы были бы непремѣнными секретарями академіи, если бы примѣръ Лепехина и нѣкоторыя экономическія соображенія не послужили поводомъ къ тому, что академія ограничилась однимъ секретаремъ вмѣсто двухъ. Выборъ палъ на Петра Ивановича Соколова, исполнявшаго эту должность нѣсколько лѣтъ еще при Лепехинѣ, по случаю его болѣзни, и пріобрѣвшаго большой навыкъ въ сочиненіи дѣловыхъ бумагъ. 19 апрѣля 1802 года П. И. Соколовъ избранъ, по большинству голосовъ (семь избирательныхъ противъ трехъ неизбирательныхъ) непремѣннымъ секретаремъ россійской академіи, и оставался въ этомъ званіи до смерти своей, послѣдовавшей 9 января 1835 года [449]).

Вся офиціальная переписка, все дѣлопроизводство, всѣ обязанности по управленію академическимъ имуществомъ, и т. п.

лежали на П. И. Соколовѣ, какъ на непремѣнномъ секретарѣ академіи и членѣ всевозможныхъ комитетовъ. И онъ оказался какъ нельзя болѣе на своемъ мѣстѣ. Устройствомъ типографіи и своимъ личнымъ трудомъ, добровольно принявъ на себя обязанности корректора и письмоводителя, онъ много содѣйствовалъ приращенію матеріальныхъ средствъ академіи, и т. д.

Сверхъ того Соколовъ занималъ и другія должности, внѣ круга россійской академіи. Онъ былъ редакторомъ С.-Петербургскихъ вѣдомостей, библіотекаремъ перваго отдѣленія академіи наукъ, членомъ главнаго правленія училищъ и ученаго комитета, редакторомъ Журнала департамента народнаго просвѣщенія, и т. д. С.-Петербургскія вѣдомости Соколовъ издавалъ втеченіе почти тридцати двухъ лѣтъ — съ 13 мая 1797 года по 1 января 1829 года.

Служебныя занятія, въ нѣсколькихъ вѣдомствахъ, поглощали много времени, отвлекая Соколова отъ учено-литературной дѣятельности. Тѣмъ не менѣе онъ весьма охотно принималъ на себя и научныя и литературныя работы, и притомъ въ гораздо большомъ количествѣ, и исполнялъ ихъ съ гораздо большимъ усердіемъ, нежели можно было ожидать отъ лица, вѣдавшаго канцелярскія и хозяйственныя дѣла, и вникавшаго въ нихъ до самыхъ мелкихъ подробностей.

П. И. Соколовъ принималъ самое дѣятельное участіе въ изданіи втораго, или такъ называемаго азбучнаго, словаря россійской академіи, и составилъ къ нему весьма цѣнное дополненіе — собраніе словъ, съ объясненіями и примѣрами.

По порученію академіи, Соколовъ занимался сочиненіемъ риторики, переводомъ древнихъ и новыхъ писателей: перевелъ Метаморфозы Овидія, вторую и третью часть «Лицея» или курса словесности Лагарпа, и т. д. [450]).

Участвуя въ соисканіи академическихъ наградъ, Соколовъ написалъ историческое похвальное слово генералу Петру Дмитріевичу Еропкину. Оно увѣнчано россійскою академіею.

По свидѣтельству Шишкова, особенно вѣскому въ этомъ

случаѣ, Соколовъ принималъ «дѣятельнѣйшее участіе» въ изданіи «Извѣстій россійской академіи».

Въ числѣ выдающихся трудовъ Соколова сочлены его называли составленный имъ Полный миѳологическій, иконологическій, историческій и географическій словарь, служащій къ объясненію древнихъ классическихъ писателей [451]).

На счетъ россійской академіи изданъ словарь, составленный П. И. Соколовымъ и вышедшій въ свѣтъ подъ такимъ заглавіемъ: Общій церковно-славяно-россійскій словарь, или собраніе реченій, какъ отечественныхъ, такъ и иностранныхъ, въ церковно-славянскомъ и россійскомъ нарѣчіяхъ употребляемыхъ, каковы суть: названія богословскія, философскія, математическія, къ естественной исторіи принадлежащія, юридическія, военныя, относящіяся до торговли, художествъ, ремеслъ и пр., по порученію Комитета устройства учебныхъ заведеній составленный. П. С. 1834. Двѣ части.

Шишковъ предложилъ россійской академіи напечатать словарь, составляемый Соколовымъ, и всѣ экземпляры предоставить въ пользу автора на томъ основаніи, что «ничто не можетъ произвести столь полезнаго дѣйствія въ отношеніи къ распространенію основательныхъ въ отечественномъ языкѣ свѣдѣній, какъ обращеніе въ рукахъ юношества краткаго, но исправнаго словаря». Члены россійской академіи согласились съ предложеніемъ президента. Одинъ изъ нихъ, Голенищевъ-Кутузовъ, отозвался такимъ образомъ: «Словарь сей *будетъ* весьма полезенъ, а потому на изданіе на счетъ академіи, въ пользу трудившагося, весьма согласенъ». Какъ бы въ отвѣтъ на такую увѣренность, другой членъ россійской академіи, митрополитъ Филаретъ, написалъ: «Поелику не имѣю дара предвѣдѣнія, дабы знать, что словарь *будетъ* соотвѣтствовать своему назначенію, то никакого мнѣнія дать не могу. Филаретъ, митрополитъ московскій» [452]).

Рядъ трудовъ съ одной стороны и званіе непремѣннаго секретаря съ другой послужили, прямымъ или косвеннымъ, поводомъ къ противоположнымъ взглядамъ на Соколова и его дѣя-

тельность. Одни изъ его современниковъ видѣли въ немъ представителя канцелярской рутины и узкихъ понятій кружка, отъ котораго сторонились лучшія силы тогдашней литературы. Другіе, напротивъ того, уважали Соколова, какъ добросовѣстнаго труженика, вносившаго въ литературу, преимущественно учебную, весьма полезные вклады. Первый оцѣнилъ Соколова О. П. Козодавлевъ, узнавшій его во время службы своей въ академіи наукъ. Самымъ усерднымъ ходатаемъ за Соколова постоянно являлся Шишковъ [453]). Въ исходѣ 1832 года онъ писалъ о Соколовѣ: «Во все сорока-девятилѣтнее продолженіе службы своей при россійской академіи имѣлъ онъ весьма дѣятельное участіе въ трудахъ ея, а особливо въ составленіи изданныхъ ею словарей, какъ словопроизводнаго, такъ и азбучнымъ порядкомъ расположеннаго, въ шести томахъ каждый, и въ сочиненіи полной россійской грамматики. Нынѣ *трудится* онъ *надъ сочиненіемъ* справочныхъ листовъ *словаря россійскаго*, вновь академіею издаваемаго, составляющаго главнѣйшую цѣль учрежденія академіи россійской, и тѣмъ *доставляетъ Соколовъ членамъ оной занятіе въ академическихъ засѣданіяхъ*». Типографія россійской академіи обязана Соколову своимъ существованіемъ. Завѣдуя типографіею съ самаго ея учрежденія, т. е. съ 1818 года, Соколовъ привелъ ее «въ такое состояніе, что печатаніе въ оной книгъ ни красотою буквъ, ни чистотою оттиска, ни исправностію, никакой другой типографіи не уступаетъ, *въ чемъ и самые недоброжелательные журналисты и критики начинаютъ сознаваться*» и т. д.

Тринадцать лѣтъ управлялъ Соколовъ академическою типографіею, не получая за это никакого вознагражденія, и своимъ умѣлымъ управленіемъ достигъ того, что капиталъ типографіи простирался до ста пятидесяти тысячъ. Вслѣдствіе этого академія ходатайствовала о выдачѣ Соколову единовременно тринадцати тысячъ рублей, считая по тысячѣ рублей годъ, вмѣсто жалованья. Императоръ Николай Павловичъ разрѣшилъ выдать эту сумму, и на представленномъ ему докладѣ написалъ: «Согласенъ,

ежели капиталъ академіи столь богатъ, что можетъ производить подобныя издержки»[454]).

Добрую память оставилъ по себѣ Соколовъ своимъ дѣятельнымъ участіемъ въ такихъ замѣчательныхъ для своего времени трудахъ, какъ словари россійской академіи, а также составленіемъ русской грамматики.

Когда заявлено было въ академическомъ собраніи о кончинѣ П. И. Соколова, президентъ академіи Шишковъ предложилъ выразить общую признательность покойному, за его долговременную и усердную службу, сооруженіемъ ему надгробнаго памятника изъ мрамора. Члены россійской академіи изъявили свое единодушное согласіе на сооруженіе памятника П. И. Соколову[455]).

Въ трудахъ россійской академіи принимали, въ разное время, большее или меньшее участіе не только члены ея, дѣйствительные и почетные, но и лица посторонія, выражавшія сочувствіе научнымъ предпріятіямъ академіи и дорожившія успѣхами отечественнаго языка и словесности.

Основательница россійской академіи, императрица Екатерина II, слѣдила за ходомъ академическихъ работъ, сообщала о нихъ свое мнѣніе въ бесѣдахъ съ предсѣдателемъ академіи, княгинею Дашковою, и даже участвовала въ собираніи и обработкѣ матеріаловъ для предпринятаго академіею словаря.

Въ собраніи россійской академіи 24 февраля 1784 года, княгиня Е. Р. Дашкова «предложила собранію письменныя примѣчанія, писанныя рукою ея императорскаго величества, къ пополненію словъ, по буквѣ *А* собранныхъ, служащія, которыя съ достодолжнымъ благоговѣніемъ и благодареніемъ академіею приняты, и положено помѣстить ихъ въ своихъ мѣстахъ, поелику предпріятыя къ составленію словаря правила сіе позволяютъ. Ру-

копись же повелѣно хранить въ академическомъ книгохранилищѣ, яко неоцѣненный залогъ высокомонаршаго къ россійской академіи и отечественному языку благоволенія»[456]).

Въ собраніи 20 марта 1792 года княгиня Дашкова объявила, что ея императорскому величеству, покровительницѣ россійской академіи, благоугодно, чтобы «въ сочиняемомъ академіею словарѣ избѣгать всевозможнымъ образомъ словъ чужеземныхъ, а наипаче реченій, замѣняя оныя словами или древними, или вновь составляемыми». Академія постановила: стараться «по крайней возможности» объ исполненіи воли государыни[457]).

Екатерина II желала имѣть точныя и подробныя свѣдѣнія обо всемъ, чтò происходило въ созданной ею академіи. Принимая живое участіе въ судьбѣ своего дѣтища, она радовалась его успѣхамъ, и подшучивала надъ медленностію академическихъ работъ. Часто освѣдомлялась она о предпринятомъ академіею словарѣ, и «нѣсколько разъ слыша, что словарь доведенъ до буквы *Н*, сказала однажды съ видомъ нѣкотораго нетерпѣнія: «все *Нашъ* да *Нашъ*! Когда же вы скажете *Вашъ*»? Академія удвоила стараніе. Черезъ нѣсколько времени на вопросъ императрицынъ: «что словарь»? отвѣчали ей, что академія дошла до *П*. Императрица улыбнулась и замѣтила, что академіи пора было бы *Покой* оставить»[458]).

Юмористическое изображеніе современныхъ нравовъ и обычаевъ было какъ нельзя болѣе во вкусѣ Екатерины II. Въ своихъ комедіяхъ и журнальныхъ статьяхъ она осмѣивала не только общечеловѣческіе слабости и пороки, но и недостатки людей, весьма близкихъ къ ней и пользовавшихся ея особеннымъ расположеніемъ. Подъ вымышленными именами: Дурындиной, Пострѣлова, Нерѣшительнаго, Лѣньтягъ-мурзы, и т. п. скрываются черты, взятыя изъ живой дѣйствительности.

Не пощадила Екатерина и возникшей по ея мысли россійской академіи, подсмѣивалась надъ первыми попытками новаго учрежденія повести дѣло какъ слѣдуетъ, и писала пародіи на академическія засѣданія. Дашкова дѣлала видъ, что съ большимъ удоволь-

ствіемъ читаетъ насмѣшки надъ академіею, въ которой она предсѣдательствуетъ, и, убѣждая Екатерину продолжать печатаніе сатирическихъ статей, увѣряла ее, что готова пожертвовать всѣмъ, лишь бы доставить императрицѣ пріятное «развлеченіе». Помѣщенная въ Собесѣдникѣ ежедневная записка «Общества незнающихъ» есть, очевидно, пародія на засѣданія россійской академіи [459]).

Одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ государственныхъ людей Россіи, графъ Николай Семеновичъ Мордвиновъ, избранный впослѣдствіи въ члены академіи, занимался втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ составленіемъ словаря русскихъ синонимовъ, или сослововъ. Трудъ этотъ погибъ, вмѣстѣ съ библіотекою графа, во время московскаго пожара въ 1812 году. Но авторъ, «движимый усердіемъ къ отечественному языку», снова принялся за свой трудъ, и то̀, что̀ успѣлъ сдѣлать, представилъ въ россійскую академію въ знакъ своего сочувствія къ ея дѣятельности [460]).

Изъ лицъ постороннихъ, непринадлежащихъ къ числу членовъ академіи, сообщали ей свои матеріалы, собранные изъ различныхъ источниковъ: Челищевъ, Татищевъ, Суворовъ и др.

П. И. ЧЕЛИЩЕВЪ.

Петръ Ивановичъ Челищевъ, сынъ гарнизоннаго воронежскаго секундъ-маіора, началъ свое образованіе въ пажескомъ корпусѣ, а окончилъ въ лейпцигскомъ университетѣ [461]).

Въ спискѣ русскихъ студентовъ лейпцигскаго университета, шестидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія, значится: de *Tschilischtscheff*, equ. smolescens. По возвращеніи въ Россію Челищевъ служилъ въ военной службѣ, и въ девяностыхъ годахъ былъ маіоромъ. Къ этимъ годамъ относятся и сношенія его съ россійскою академіею. Онъ умеръ въ 1811 году [462]).

Товарищемъ Челищева по лейпцигскому университету былъ

Радищевъ, авторъ Путешествія изъ Петербурга въ Москву. Какъ только начались розыски по поводу этого Путешествія, подозрѣніе падало на Челищева и Радищева. Екатерина приказала узнать, кто авторъ книги, и замѣтила: «По городу слухъ, будто Радищевъ и *Щелищевъ*, и печатали въ домовой типографіи ту книгу». Вскорѣ дѣло объяснилось, и подозрѣніе на счетъ Челищева разсѣялось само собою.

Въ 1791 году Челищевъ совершилъ замѣчательное путешествіе по сѣверу Россіи, посѣтилъ Соловецкій монастырь, Архангельскъ, Холмогоры, Петрозаводскъ, Вологду и другія мѣста. Какъ человѣкъ образованный и любознательный, Челищевъ не ограничивался мимолетными впечатлѣніями, а составилъ весьма подробное и дѣльное описаніе своего путешествія. Рукопись Челищева, подъ заглавіемъ: «Подробный журналъ путешествія моего $17\frac{27}{V}91$» пріобрѣтена въ Москвѣ, въ 1883 году, графомъ С. Д. Шереметевымъ. Въ одномъ изъ засѣданій Общества любителей древней письменности Л. Н. Майковъ ознакомилъ съ содержаніемъ этой любопытной рукописи. По свидѣтельству Л. Н. Майкова, въ путевомъ дневникѣ Челищева находится «множество топографическихъ, статистическихъ, экономическихъ и историческихъ свѣдѣній о посѣщенныхъ Челищевымъ мѣстностяхъ; встрѣчаются разсужденія о томъ, что̀ онъ видѣлъ и слышалъ на пути, и соображенія о причинахъ народной бѣдности. Во всѣхъ этихъ описаніяхъ и разсужденіяхъ видѣнъ человѣкъ дѣльный, образованный и самостоятельный въ своемъ образѣ мыслей». Особенно любопытны тѣ страницы путеваго дневника, гдѣ говорится о посѣщеніи Челищевымъ раскольничьихъ монастырей на рѣкѣ Выгѣ, въ Олонецкой губерніи, и о поѣздкѣ его на родину Ломоносова[463]).

Внося въ свой дневникъ замѣтки о предметахъ, заслуживающихъ вниманія мыслящаго путешественника, Челищевъ простиралъ свои наблюденія и на народный языкъ и его мѣстныя особенности. Запасомъ своихъ свѣдѣній о говорѣ народа, добытыхъ во время путешествія, Челищевъ пожелалъ подѣлиться съ рос-

сійскою академіею, занимавшеюся изслѣдованіемъ свойствъ отечественнаго языка. Представляя академіи свои объясненія мѣстныхъ названій: *луда*, *ла́ны*, *корга*, *губа*, *ото́къ*, *на́волокъ*, *прога́локъ*, *про́сушь*, *проливъ*, *са́лма* и пр., Челищевъ особенно подробно излагаетъ свои домыслы о словѣ *годство*, превосходящемъ, по своему внутреннему смыслу, иностранныя слова: *virtus*, *vertu* и т. п., отсутствіе которыхъ (а слѣдовательно и идей, ими выражаемыхъ) въ русскомъ языкѣ съ такимъ злорадствомъ указываютъ наши недоброжелатели. Во всемъ томъ, что̀ говоритъ Челищевъ по поводу слова *годство*, надо различать двѣ стороны— имѣть въ виду и тогдашнее состояніе филологіи и тогдашнее настроеніе образованнѣйшей части нашего общества. Отбросьте разныя филологическія наивности, и передъ вами обнаружится стремленіе доказать во что̀ бы то̀ ни стало, что русскій языкъ, какъ вѣрное выраженіе ума и души народа, обладаетъ всѣми условіями для того, чтобы служить достойнымъ орудіемъ для просвѣтительныхъ цѣлей. Подобный взглядъ на языкъ и народъ русскій сближаетъ Челищева съ представителями той эпохи народнаго самосознанія, когда впервые заговорили у насъ объ историческомъ значеніи русскаго народа и объ его духовной равноправности въ сравненіи съ просвѣщеннѣйшими народами Европы. Челищевъ не былъ книжникомъ, безучастно отмѣчавшимъ то̀, что̀ попадалось ему на глаза; онъ, по его собственнымъ словамъ, «бѣсился и рвался», слушая «клеветы», взводимыя на русскій языкъ, а слѣдовательно и на русскій народъ. Какъ человѣкъ живой, онъ принималъ къ сердцу все то̀, что̀ задѣвало заживо людей, проникнутыхъ убѣжденіемъ въ неотъемлемыхъ правахъ русскаго народа на участіе въ умственной жизни человѣчества, въ ея движеніи и успѣхахъ. Но желая подкрѣпить свою мысль данными изъ области филологіи, Челищевъ прибѣгалъ къ натяжкамъ, допуская самое забавное словопроизводство.

Собственноручная рукопись Челищева, представленная имъ въ академію, имѣетъ видъ посланія къ членамъ россійской академіи. Приводимъ этотъ любопытный памятникъ, принадле-

жащій перу одного изъ образованнѣйшихъ людей своего времени [464]).

Почтеннѣйшіе господа,
милостивые государи!

Проѣзжая въ 791 году малую часть сѣверныхъ предѣловъ обширнаго нашего отечества, встрѣчался я нечаянно съ нѣкоторыми нарѣчіями, которыхъ до того никогда не слыхивалъ; въ разсужденіи чего, по усердной моей преданности и признанію къ трудамъ почтеннаго вашего общества, имѣю честь вамъ поднести нѣкоторыя изъ оныхъ, въ возблагодареніе за попеченіе о языкѣ нашемъ.

1. Пробѣгая нѣкогда стихотворцевъ чужестранныхъ, останавливался я всегда на словѣ *écueil* или Klippe, и досадовалъ, думая въ незнаніи моемъ, будто величественный и изобильный языкъ нашъ сего ограбленъ наименованія; но обрадовался, когда въ поѣздкахъ моихъ нашелъ, что ихъ два, вещь и смыслъ обширнѣе и громогласнѣе означающія. *Ecueil* значитъ подводный камень; но выражаетъ ли оно всю мысль? Подводные камни суть иные, совсѣмъ закрытые водою, другіе торчатъ изъ поверхности водъ, а пофранцузски вообще называются *écueils*, понѣмецки же Klippen: мы обоимъ имъ имѣемъ различныя наименованіи. На Ладожскомъ озерѣ у всѣхъ рыбныхъ промышленниковъ называется подъ водой совсѣмъ закрытый камень *луда*, а на Бѣломъ морѣ всѣми жителями по Поморью именуются оные, ежели немного изъ воды временемъ выходятъ, *ланами*; каменные же мысы или небольшіе острова, но невысоко отъ поверхности воды поднявшіеся, называются *корги*; которые жъ высоко и утесисто поднялись, называются *скалами*; а обширные каменные острова зовутся *кузавами*. Вотъ сколько названіевъ имѣемъ мы на россійскомъ языкѣ, когда чужестранцы только двумя похвастать могутъ: *rochers* и *écueils*, или Felsen и Klippen.

Переплывая по Бѣлому морю болѣе двухсотъ нѣмецкихъ миль, заѣхалъ я и на Соловецкій островъ. Извѣстно, какъ сей большой

кряжъ земли играющею природою изрытъ и испещренъ въ своихъ видахъ, ибо на немъ однихъ озеръ съ прѣсною водою до полуторыхъ сотъ считается. Разъѣзжая тщательно изъ монастыря по острову, по озерамъ, по заливамъ, по пустынькамъ и по пристанямъ, и освѣдомляясь обо всемъ, что мнѣ любопытнымъ быть казалось, изловилъ я между прочимъ и нѣсколько нарѣчій тамошнихъ обывателей, какъ напримѣръ: *губа́, ото́къ, на́волокъ, прога́локъ, проли́въ, про́сушь, са́лма*, и съ трудомъ добрался до прямаго ихъ означенія.

2. *Губа̀* есть заливъ, имѣющій широкое отверстіе, на примѣръ: *Онежская губа*, простирающаяся отъ Соловецкаго острова до рѣки Онеги, верстъ на триста длины и на полтораста широты; *Пуръ-На́волоцкая* или *Архангельская губа*, между Керетскаго-Носу и между Ухъ Наволока до устья Сѣверныя Двины на четыре-или триста верстъ длины и широты; *Кондала́жская губа* на сѣверозападной сторонѣ моря, на шестьсотъ верстъ длины и слишкомъ на двѣсти широты. Однакожъ онѣ не по одной величинѣ *губами* называются, ибо и малыя зàвани или зàводи, широко въ землю вдавшіяся, то же названіе носятъ.

3. *Ото́къ*—тò-же, что заливъ, но долженъ быть чрезвычайно обширенъ; напримѣръ: Бѣлое или Соловецкое море есть заливъ, или *отокъ* изъ Сѣвернаго океана; ибо еслибы Святой и Канинъ Носы не составляли узкаго входа или створовъ въ сіе море, то бы оно называлось губою, а не отокомъ или заливомъ. Сіе названіе подтверждается и тропаремъ Соловецкихъ угодниковъ: *яко свѣтильници всесвѣтліи, явистеся во отоцѣ океана моря* &&.. Но я нахожу сіе слово еще испорченнымъ въ употребленіи или перепискѣ, ибо его выговаривать должно не *отокъ*, а *оттокъ*, потому что первое значитъ обтечь вокругъ, отъ глагола *отекать* или *обтекать*, также значитъ и водяную болѣзнь, *отокомъ* называемую; второе же значитъ *оттечь, отдѣлиться, излиться* &&...

4. *На́волокъ* есть часть земли, вдавшейся въ море или въ озеро узкимъ языкомъ и называется въ различныхъ мѣстахъ иначе, то есть *мысъ, полуостровъ, коса, гукъ, носъ, языкъ, рогъ.*

Всѣ они означаютъ одинъ предметъ, но различаются въ положеніяхъ, напримѣръ: *мысъ*, *коса*, *гукъ*, острые, тупые, клиномъ, отрубомъ, и сему подобное. *Наволоку* можно дать истолкованіе и изъ того, что его — всегда видится — *наволокло* наносною землею при наводненіяхъ.

5. *Прогáлокъ мокрый и сухой. Прогалокъ мокрый* есть сквозной протокъ воды, или проливъ изъ моря, изъ озера, въ другую часть, такую же. *Прогалокъ сухой* есть межа, или перешеекъ между небольшихъ озеръ или рѣкъ.

6. *Прóсушь* означаетъ точно чужестранное наименованіе *isthme*, то-есть узкій перешеекъ земли между водъ. Ихъ на Соловецкомъ островѣ самыхъ примѣтныхъ три: *Просушь Онуфріевская* близъ самаго монастыря; *Просушь Бѣлая* между Бѣлаго и Исакіевскаго озеръ; *Просушь Савватіевская* между моря и между Исакіевскаго озера. Сіи названіи тамошними обывателями такъ и приняты, и на Соловецкомъ планѣ, у меня имѣющемся, означены.

7. *Проли́въ* тотъ же имѣетъ смыслъ въ водяныхъ положеніяхъ, что *перешеекъ*, *просушь*, *прогалокъ*, или *isthme*, означаютъ на сухомъ пути, какъ и на планѣ у меня видно: *проливъ Глубокій* и два *пролива Муксалмскихъ*.

8. *Салма* есть обширная пліоса, или площадь водъ, съ двухъ, трехъ и больше сторонъ къ островамъ или матерой землѣ прилегающая, напримѣръ: *Муксалмская салма* простираетси между Соловецкаго, Анзерскаго и Муксалмскаго островонъ. Она тѣмъ разнится отъ пліосы, что сіи только на небольшихъ озерахъ названіе имѣютъ, а *салмы* на моряхъ и на величайшихъ озерахъ. Да не подумаютъ однакоже, чтобъ слово *салма* было дитя чухонскаго нарѣчія, ибо и они также въ Финскомъ заливѣ сіе наименованіе употребляютъ, какъ на прикладъ: *Рочертъ - Залмская салма*, *Пáра-салма*, &&. И почему жь бы не утверждать намъ, что старобытные финны не у нашихъ сѣверянъ его заняли, чѣмъ оные у нихъ? Первобытные финны, бывъ единоплеменные и единоязычные народы съ сарматами, то-есть нашими сѣверя-

нами, которые, обнимая своими селеніями часть Варяжскаго моря, берега озеръ: Нева, или Ладожскаго, Онега, Бѣлаго моря, и весь сѣверный край, даже до самаго устья Оби, уже втеченіе многихъ вѣковъ разсыпавшись на многія области, потеряли коренной свой языкъ въ премѣсившихся племенахъ и обычаяхъ. И такъ, помянутые финны, отщутившись отъ сарматъ, праотцевъ своихъ, симъ образомъ названіе *салмы* еще отъ сарматскаго нарѣчія у себя сохранили. Но хотя бы и не то ему было основаніе, то извѣстно, сколько наши народы остроумны и замысловаты въ приличности наименованій предметовъ, ихъ окружающихъ; къ тому же и вещь самая къ нашему языку болѣе приличествуетъ. Сіи плiосы или *салмы* прежде открытаго моря тонкимъ льдомъ или *саломъ* осенью покрываются; а у чухонъ ледъ саломъ не зовется. Въ Бѣломъ же морѣ вода гораздо солонѣе, нежели въ Финскомъ заливѣ, слѣдовательно и отъ слова *соли* произойтить могло, ибо у бѣломорцевъ вкругъ оныхъ салмъ множество соловаренъ бывало, и преимущественно предъ капитальною широтою, гдѣ бури, приливъ и отливъ имъ дѣлать могли разоренія и помѣшательствы въ промыслѣ ихъ. Но самое и наименованіе *Салавкі* и *Соловецкое море* полно не слову ли *салмы* своимъ именемъ обязаны? Сверхъ того, главнѣйшія мнѣ извѣстныя *салмы* отверстіемъ своимъ лежатъ къ югу и къ матерой землѣ; слѣдовательно не столько обуреваніямъ сѣверныхъ вѣтровъ подвержены, стало быть служатъ часто промышленникамъ убѣжищемъ отъ гибельныхъ погодъ; а поелику наши сѣверяне, какъ и славяне, пріобыкли всѣ свои названія относить по большей части къ *славѣ*, что̀ во многихъ словахъ примѣтно, какъ напримѣръ: *славно* спасся, *славно* побѣдилъ, *славно* прошелъ, и сему подобное; то рыбаки, когда-нибудь убѣгая отъ потопленія и спасшись въ сихъ отишіяхъ, могли сказать: *славно спаслись*, отчего, привыкнувъ часто называть: *славно убѣжище*, *славно пристанище*, *славно завѣтріе*, *славно угомонище*, преложили временемъ *славно* въ *салму*; а потомъ и всякая плiоса въ морѣ, прикрываемая нѣсколько отъ вѣтровъ, прослыла *салмою*.

Кромѣ же того, промышленники морскихъ звѣрей извѣстно, что изъ нихъ болѣе *саломъ* пользуются, и во время лову стараются болѣе бѣлохъ, нерповъ, тюленей &&&.... заставать въ сихъ *салмахъ*, гдѣ они больше стадятся и держатся, и гдѣ по способности у ловцовъ и салотопни построены; слѣдовательно, сіе названіе и къ промыслу *сала* относится, то-есть пліоса *салма*, или пліоса *сальна*. Самое и сходство въ голосѣ, выговаривая *сарматъ* и *салма*, не дастъ ли повода къ сему заключенію? Ибо видно, колико скользка стезя отъ *сармата* до *салмы* въ превращеніяхъ времянъ и въ переворотахъ выговоровъ. И столько ли еще играетъ человѣческое своевольство въ премѣнахъ своихъ нарѣчій? Можно ли подумать, чтобъ *чудь*, разродясь, произвели *чухонъ* и *Чудское озеро*; или еще страннѣе, изъ *сарматъ* истекъ *финнъ*, *корелъ*, *лопарь*, *зырянинъ*? &&.

9. Теперь позвольте мнѣ оставить мразные предѣлы и приступить къ любезному моему слову *годство*. Съ досадою всегда слышалъ я, какъ неблагодарные наши нахлѣбники чужестранцы порицали дражайшее наше отечество, будто мы добродѣтели, то-есть vertu, ясно понимать и въ дѣлахъ обнаруживать неспособны. Сія язвительная укоризна тѣмъ была чувствительнѣе, что они подпирали оную, хотя неосновательнымъ, однакоже доказательствомъ: ибо, говорятъ они, *и въ языкѣ вашемъ даже не имѣется слова, сіе превосходное свойство душъ выражающаго*. Я бѣсился и рвался на сію унизительную клевету, зная, сколь сильно дѣла моихъ соотчичей свѣдѣніе онаго опытами доказывали, и никогда не могъ вѣрить, чтобъ наибогатѣйшій, прекраснѣйшій и величественный нашъ идіомъ, или языкъ, ограбленъ былъ такого преимущества, которымъ даже пользуются и побочные язычонки латинскаго нарѣчія; но не могъ токмо входить въ споры, зато, что въ самомъ дѣлѣ склееное наше словцо *добродѣтель*, употребленіемъ принятое и ничего болѣе какъ *bienfaisance* означающее, нѣсколько оправдывало неправильное ихъ заключеніе. Копавшись нѣкогда въ полезномъ произведеніи московскаго истолкователя словенскихъ древнихъ реченій, подъ титломъ Церковнаго словаря,

обрадовался я чрезмѣрно, толкнувшись нечаянно во второй части на сіе громкое слово и изящную мысль *годство*, совершенно смыслъ, свойство и происхожденіе сего качества душъ означающее.

Virtus, vertu, Tugend, по дефиниціи ихъ, значатъ силу, или свойство, или дѣйство, наклонность, навыкъ, способность или годность качествъ душевныхъ, влекущихъ мысли и дѣла наши на общую пользу. Слѣдовательно, не изобразуетъ ли слово *годство* все пространство сего понятія? Virtus происходитъ отъ слова vir, то-есть мужа, слѣдовательно выражаетъ годныя силы къ храбрости, твердости, мужеству. Vertu французская—ничто, какъ незаконнорожденное дитя отъ латинцевъ; объ немъ и толковать излишное: оно есть слѣдствіе той же мысли. Но что̀ значитъ коренное германское слово Tugend? Thun, дѣлать, не толь, что годность, или способность къ дѣйствію, дѣятельности, творенію? И такъ, почто не облечь намъ слова *годство* во всю величественную броню мужества, силы, дѣятельности, пользы, трудолюбія и привычки къ общимъ выгодамъ? Мнѣ видится даже, что ежели бы человѣкъ, неимѣющій понятія о латинскомъ virtus, о германскомъ Tugend и объ россійскомъ *годствѣ* потребовалъ бы истолкованія оной мысли, то первое бы взялъ понятіе объ ней изъ нашего *годства*, нежели изъ другихъ. Ибо, что одна сила безъ другихъ годностей человѣка къ общему благу? Въ этомъ смыслѣ будетъ слонъ почтеннѣйшимъ гражданиномъ, а лошадь бы по справедливости была Калигулою произведена въ римскіе сенаторы; обезьяна, безпрестанно движущаяся и суетящаяся, должна попасть у германцевъ въ дѣятельнѣйшаго члена общества; но человѣкъ, одаренный всѣми годностями къ общему блаженству, долженъ по справедливости признанъ быть за наиполезнѣйшаго, ибо не подходитъ ли подъ годность или потребность гражданина неустрашимость, рвеніе, забвеніе себя и самой жизни, и прочее....?

Зачнемъ отъ самыхъ площадныхъ нарѣчій! У простыхъ людей называется *гожій дѣтина* работный, способный, понятный,

сильный, красивый, честный и наипохвальнѣйшій, словомъ сказать на все доброе пригодный; у нихъ извѣстна даже ходитъ пословица: *то ужъ молодецъ! куды хошъ, тутъ гожъ! куды кинь, тутъ клинъ*! Не самое ли то̀ означаетъ, что сей молодецъ всѣми дарованіями снабденъ и всѣ добродѣтели въ себѣ заключаетъ? Въ Малороссіи употребляютъ нарѣчіе *годе*, разумѣвъ притомъ *довольно*, то-есть, что дѣло какое-нибудь доведено до надлежащаго окончанія, и большаго прибавленія уже не требуетъ. *Гора* есть возвышенное мѣсто, стало быть, противъ другихъ превосходство означаетъ. Выражая аллегорически о комъ-нибудь *пошелъ въ гору!* значитъ, что онъ сталъ на пути благополучномъ и подвинулся къ совершенству. Въ сельскихъ положеніяхъ разумѣются *угодами* такія части земли, гдѣ всякія потребности изобильно обрѣтаются; напримѣръ: плодоноснѣйшая земля, тучныя пажити, пространныя и обильнѣйшія дубравы и прочія всякаго рода выгоды именуются *угодою*. *Городъ* есть средоточіе уѣзду гдѣ судъ и расправа хранятъ законы; гдѣ всѣ потребности, торгъ и веселости составляютъ точку превосходную надъ другими. *Гордость* есть страсть, вселяющая внутреннее признаніе какого-либо совершенства, которое человѣкъ хотя не въ самомъ дѣлѣ въ душѣ, то по крайности мечтательно въ себѣ ощущаетъ. Доброжелательство при *новомъ годѣ* есть изъявленіе радости, что нѣкто окончалъ угодно теченіе солнечнаго годичнаго круга, и желаніе, чтобъ онъ болѣе въ наступающемъ свои хотѣніи узрѣлъ довершенными. *Голова* есть часть господствующая, самая важная и нужная въ человѣческомъ составѣ, слѣдовательно, и наисовершеннѣйшая. *Голова* стрѣлецкая есть чинъ военачальника надъ стрѣльцами, слѣдовательно, главный членъ воинственнаго сего тѣла, и такъ нужнѣйшій и совершеннѣйшій. *Голова въ городѣ или думѣ* какой означаетъ человѣка, вышними способностями одареннаго изъ всего того околотку. И такъ ясно, что вездѣ, гдѣ только слово *годность* или нѣчто похожее на то̀ помѣщается, тамъ нельзя истребить смыслъ совершенства. Во всѣхъ дѣйствіяхъ человѣческихъ имя существительное *готов-*

ность и нарѣчіе *готово* не выходятъ изъ того же понятія, ибо *готово* есть дѣло довершенное. Глаголъ *угодить* не то̀ ли значитъ, что совершенно и годно выполнить повелѣніе владычествующей власти, не только частно, но и общественно? Поступить въ точности по предписанію начальниковъ, законовъ, государя,— то̀ же, что угодить начальству, законамъ, государю. Прилагательное имя *годный* не точноль значитъ достойнаго человѣка? Выкликая одобреннаго кого обществомъ къ какому-либо званію, всѣ говорятъ, что онъ самый достойный; но въ мысляхъ скромнѣе себѣ представляютъ, что онъ самый *годный* къ выполненію налагаемыя должности, для исполненія ожидаемыхъ выгодъ. Примѣромъ сіе яснѣе докажется: какъ нѣкогда возлюбленное наше отечество, утомленное подъ тяжкимъ бременемъ татаръ, изъязвленное наглостію ляховъ, изнуренное внутренними неустройствами, и окровавленное крамолами неистовыхъ изувѣровъ, на потрясенномъ своемъ престолѣ воздыхая, погашеніемъ мужескаго Романова исчадія къ конечному паденію вѣнценосную выю подклонило; тогда духовенство и верховная дума князей и бояръ избирая въ высочайшее сіе достоинство *годнѣйшаго* члена общества, прежде всѣхъ взоръ свой на дальновиднаго Годунова устремили, а не на Пожарскихъ, не на Долгорукихъ, не на Курочкиныхъ &&&... и возлагая на него препряду, виссонъ и бармы, съ народомъ возводя на царство, должны были прорещи единогласно: «Да здравствуетъ и царствуетъ надъ нами не токмо имянемъ, но и *годностями*, изящнѣйшій нашъ великій царь Годуновъ, Борисъ Федоровичъ!»

Я, не опасаясь нареканія, смѣло даже припишу *годству* происхожденіе словъ: *господинъ*, *государь*, *Господь*; ибо они, ясно видится, имѣютъ его однимъ проистеченіемъ, хотя разнятся въ произношеніи и смыслѣ, возводя постепенно понятіе господствія или владычества; слуху же нашему неоспоримо источникъ свой показуютъ.

Названіе древнее *гость*, или *купецъ*, должно пониматься человѣкомъ, твердымъ въ словѣ и знающимъ торговлю; ибо безъ сихъ

двухъ существенныхъ качествъ званіе купца исчезаетъ. *Гость* или *посѣтитель* значитъ также достойнаго человѣка, заслуживающаго наше съ нимъ обращеніе, ибо, не предполагая достоинствъ въ знакомствѣ нашемъ, мы онаго гнушаемся и убѣгаемъ.

Самое слово *угодникъ Божій* заключаетъ въ себѣ наидобродѣтельнѣйшаго или *годнѣйшаго* изъ смертныхъ, выполнившаго всю связь божественныя воли; слѣдовательно можемъ устроить слѣдующій силлогизмъ: кто въ жизни своей въ точности доброты *годственныя* по предписанію божественному выполнилъ, той есть святъ; но *угодникъ Божій* выполнилъ означенныя условія, убо *угодникъ Божій* есть святъ. Почерпнутое правило въ священномъ писаніи и въ катехизисѣ помѣщенное: *годствуетъ юнымъ всегда въ дѣлѣ быти*, служитъ подкрѣпленіемъ моимъ доказательствамъ, поелику понятіе сего правила состоитъ въ томъ, что молодой человѣкъ, упражняясь въ трудолюбіи, дѣлаетъ себя твердымъ и приготовляетъ быть способнымъ къ общему благосостоянію. Сколь же ясно въ семъ правилѣ обнаруживается германская Tugend и латинское *virtus*?

Трудолюбіе влечетъ за собою германскую дѣятельность; твердость же требуетъ латинское мужество, а обои они сливаются въ *годство*, то-есть общій смыслъ способности къ общему благу; а короче сказать, трудолюбіе и твердость составляютъ *годственнаго* гражданина. Обширный смыслъ *годства* не исключаетъ изъ себя даже многихъ и собственныхъ имянъ: первостепенный посадникъ великаго Нова-града *Гостомыслъ* въ немъ же почерпнулъ свое наименованіе. Исторія намъ повѣствуетъ великія достоинствы сего первостатейнаго боярина; а умствованіе толкуетъ его нареченіе вотъ какъ: *Госто-мыслъ—годственъ-смыслъ*, то-есть премудрый мужъ знаніемъ, совѣтомъ, истиною и усердіемъ.

Но заглянемъ и въ древность самую, въ сіи темныя жилищи праотцевъ нашихъ! Войдемъ въ мрачные ихъ вертепы, заросшіе забвеніемъ, гдѣ при слабомъ свѣтильникѣ вѣроятности недостаточное мое свѣдѣніе, не находя ни единаго вѣрнаго шагу, ступать будетъ по острымъ и разсѣяннымъ стремнинамъ гипотезисовъ.

Ежели положимъ въ основаніе заселенію земли Ноя патріарха, съ дѣтьми спасшагося отъ всемірнаго потопа, то вѣроятно, что поколѣніе Симово, по смежности Араратской горы, предѣлы между Каспійскаго и Евксинскаго морей подъ имянемъ скиѳовъ прежде заселили. Извѣстно, что искони бѣ древніе народы поставляли себѣ въ честь разсылать свои селеніи по неизвѣстнымъ краямъ, и на то̀ избирали всегда лучшее, мужественнѣйшее, знатнѣйшее и годнѣйшее свое юношество; и такъ, стѣснясь своимъ размноженіемъ, чаятельно, отправили свои колоніи далѣе отъ себя къ сѣверу. Поелику отпущены они отъ отчизны своей въ видѣ избраннѣйшихъ и *годнѣйшихъ* сыновъ, то чаятельно принявъ имя *готѳовъ* положили основаніе своимъ областямъ по средней полосѣ Европы до самаго Балтійскаго моря, и можетъ быть до озеръ Нева и Илмера. Но когда человѣческой волѣ и желаніямъ нѣтъ оплоту, то могутъ ли они насытить свои хотѣніи? Сіи выходцы, можетъ быть, при самомъ своемъ поселеніи уже въ недоумѣніе впали, чтобъ не быть подверженнымъ такому же затѣсненію какъ скиѳы, предки ихъ; а можетъ быть и сами послѣ захотѣли погордиться своимъ могуществомъ, и для того немирныхъ и недоброжелательныхъ стали еще отъ себя посылать далѣе къ полночной сторонѣ, говоря имъ: *подите отъ насъ, вы намъ засорили землю.* И потому сіи *ссорившіеся* или *засорившіе* народы вообще, нарекшись *сарматами*, распространились и заняли сѣверный берегъ Балтійскій, западный Ладожскаго озера, окрестности Онеги, Бѣлаго моря, рѣки Печоры, до самаго устья рѣки Оби. Но не ясно ли видятся кореннымъ своимъ происхожденіемъ, относятся къ старобытнымъ скиѳамъ, внукамъ Ноевымъ? И для того все еще по связи своей о̀днимъ народомъ имяноваться должны. Но когда сія вавилонская громада отъ страстей человѣческихъ позыбнулась (ибо кто достовѣрно утвердить понахалится, чтобъ вавилонская башня не метафорически въ преселеніи народовъ и въ премѣшеніи языкъ ихъ существовала?), и когда вѣками и разнообразными предлогами корыстей ризбитая на огромныя кучи разсыпалась, тогда премѣсившіяся племена

на неисчетные виды и владычествы переобразовались и нарекли себя разнолично. Нордъ-маны заняли себѣ отъ норда или сѣвера свое наимянованіе; нордъ-вежцы, устремясь далѣе по полуночному пути, извлекли оттоль свое имя; остроготѳы разсѣялись и сѣли на остѣ или востокѣ; визиготѳы, удалясь къ весту или западу, расположили тамъ свои селеніи; скудный нашъ сосѣдушка варягъ почерпнулъ свое званіе изъ моря, изъ котораго кормился и по которому разбойничалъ; прочіе назвались разнообразно и самопроизвольно: иной отъ своего истукана, другой отъ озера, печенѣгъ отъ Печоры, третій отъ города или мѣстоположенія, и иные отъ имянъ своихъ военачальниковъ, или царей, или побѣдителей, и сему подобное. Но гдѣ жъ ты, побѣдоносный славянинъ нашъ, дѣвался? Разсудокъ мнѣ претитъ ниже тебя поставить, нежели современникокъ и собратій твоихъ — готѳовъ и сарматъ. Ты, безъ сомнѣнія, ихъ единоплеменникъ, почтенный предокъ нашъ! Готѳы древностію своею и побѣдами, не спорю, прежде въ исторіи грековъ и римлянъ прогремѣли, нежели славяне; но это не оттого, чтобы ихъ племена далѣе въ бытіяхъ свои отрасли распустили, но для того, что они прежде подъ симъ имянемъ путь къ помянутымъ народамъ проложили, онымъ сдѣлались страшны, отъ нихъ прежде грамоту, нѣкоторыя свѣдѣнія, науки заняли, и ранѣе художества и ремеслы съ завоеваніями въ свою внесли отчизну. И почему жъ бы не думать, что самые сѣверные народы, или сарматы, отщепясь нѣкогда отъ юговосточныхъ скиѳовъ, не готѳами вообще нарицались и не въ то же единоначаліе включены были? Бывъ равно храбры, сильны, трудолюбивы, къ завоеваніямъ алчны, къ общему благу стремительны, носили они общее названіе *готѳы*, то-есть, *годные* люди покорять всю имъ тогда извѣстную землю и единовластвовать надъ нею. Такъ какъ и нынѣ примѣтно, что называется по нѣмецки rascher Kerl, *ряжій дѣтина*, то-есть хорошій дѣтина въ ряду; sehr rascher Kerl, *изрядный*, то-есть такъ хорошъ, что изъ ряду вонъ; a guter, dicker Kerl, *гожій*, *дюжій дѣтина*, есть наилучшій, наисильнѣйшій изъ всѣхъ, слѣдовательно лучшій въ пре-

восходительной степени; и такъ можемъ сказать, что *готѳы*, бывъ гожій и дюжій народъ въ превосходительной степени, стали отъ всѣхъ покоренныхъ и сосѣдственныхъ языкъ такъ названы и признаны. А когда уже они побѣды свои пронесли въ южныя части Европы, трофеями своими сдѣлались грозны, богатствомъ завоеваннымъ завидны и почтены, то украсили себя и отличили отъ другихъ *готѳовъ* именемъ *славянъ*, то-есть *годные* люди до самой *славы*. А чтобъ тверже уставить себя въ семъ названіи, построили или нарекли обширный свой городъ *Славенскъ*, въ который чаятельно ввели занятую въ походахъ своихъ архитектуру или зодчую науку отъ грековъ и римлянъ, извѣстную подъ правиломъ готѳическимъ. Но поелику думать можемъ, что у *готѳовъ* и у *славянъ* одно проистеченіе, одни законы, одно владычество, одинъ промыселъ искони бывали, то слѣдственно и одни обычаи, и одно идолопоклонство; такъ неминуемо принять должны, что одинъ былъ и языкъ; слѣдовательно имя готѳовъ проистекло отъ слова годности или *годства*, а самые превосходные готѳы въ славѣ, въ непобѣдимости, въ подвигахъ и въ трудолюбіи суть *готѳы-славяне*, то-есть, не только годны сами собою, но и *славятся* своею *годностію*. Премѣшеніе народовъ и премѣсило первобытный ихъ языкъ и уставы то климатомъ, то склонностьми, обыкновеніями, случаями и упражненіями, и всеюдно распространило сіи тмочисленныя нарѣчіи, которыя и о сію еще пору подъ нѣмецкимъ или германскимъ языкомъ намъ примѣтны кажутся. Но несмотря на пепелъ древности, все еще искры единоязычія съ нами изметаютъ, сохраняя наше *годство* или годность; напримѣръ: нарѣчіе güt *хорошо*, Gutheit *добрóта* не явно ли къ нему относятся? Самое и наименованіе всевышняго существа тому же слову *годство* причастно. Gott *Богъ*, Gottheit *Божество*, знаменующее всѣ совершенствы, доброты, годности, не вмѣщаются ли въ обширнѣйшей ихъ степени въ единое слово *годство*, то есть источникъ всякаго совершенства, годности и доброты? Когда жъ нареченіе *Богъ* въ племенахъ славяно-россійскихъ распространилось, а

готвы чуждыми нареклись народами, тогда, можетъ быть, и сіе названіе отъ насъ къ нимъ одинмъ преселилось. Признаюсь, что связь сія мнѣ и самому темна кажется, но кто отважится столько повеличаться остротою своего зрѣнія, чтобъ могъ проникнуть мрачную завѣсу источника древнихъ народовъ, и запутанную связь темнотою времянъ дерзнулъ разобрать своимъ остроуміемъ? Самъ Александръ притупилъ бы свой мечъ, разсѣкая твердый сей узелъ. И такъ лучше скажу съ Михайломъ Васильевичемъ Ломоносовымъ: *вѣроятности отрещись не могу, достовѣрности не вижу.*

Тщетно налегаютъ мои соотчичи на слово *доблесть* или *доблественность* и ему превосходное сіе дать хотятъ нареченіе! Первое, оно столькожъ новостью своею темно, какъ и *годство*; второе, оно идетъ только на храбрость воинскую, на красоту, сановитость, величественность, надменность, чванство. Но здѣсь не о томъ дѣло! Это лучше идетъ на павлина, нежели на гражданина; ближе къ фанфарону, чѣмъ къ Катону. Годный гражданинъ, прямой сынъ отечества, есть существо частно чувствамъ не подвластное, пылающее общественнымъ огнемъ любви, усердія, безпристрастія къ узаконенному порядку. Безспорно, онъ долженъ быть здоровъ и трудолюбивъ, но долженъ быть и во всемъ годенъ. Послушаемъ Неронова учителя, какъ онъ прямаго гражданина описуетъ: «вотъ зрѣлище прямо достойное, чтобъ на него отецъ боговъ и весь олимпъ заглядѣлся, и въ образѣ своего созданія порадовался! Это мужъ правдивый и неустрашимый въ борьбѣ съ злосчастіемъ, а особливо, когда онъ еще и наступатель! Нѣтъ! Я не вижу ничего въ подсолнечной, превышающаго Катона, который на трупахъ низложенныя его дружины незыблемо и неколебимо стоитъ среди развалинъ мира»!

И для того, не страшась нареканія, буду *годство* мое употреблять при всякомъ пристойномъ случаѣ, желая алчно, чтобъ *годственное* академическое собраніе, пекущееся о обогащеніи языка нашего, нашло оное годнымъ къ помѣщенію въ словарѣ ихъ; дражайшіе жъ мои соотчичи не только бы хотѣли *доблест-*

венными быть, но даже годными и *годственными* въ дѣланіи добра. Не могу надивиться, что мысль сія увернулась отъ нашего Михайла Васильевича Ломоносова, отъ Александръ Петровича Сумарокова, отъ Михаила Матвѣевича Хераскова и отъ Василія Кирилловича Тредьяковскаго; а они столько усердствовали о языкѣ нашемъ! Смѣшно подумать, что слово сіе будетъ служить эпохою россійскаго *годства*! Но что нужды! Сосѣди наши прежде узнали наименованіе, а мы искони бѣ являли дѣло, вещь, и употребленіе онаго.

Остерегаясь продолжить мою матерію, чтобы не обременить терпѣнія вашего, милостивые государи, прерываю стезю мою, надѣясь, что вы мои недостатки удостоите прикрыть вашимъ великодушіемъ; поступокъ же мой къ усердію, а не къ тщеславію, приписать не отречетесь, не для того, чтобъ ободрить мои впредь подношеніи, ибо знаю, что вамъ въ оныхъ мало нужды, а во мнѣ свѣдѣнія такъ мало, что на подобіе искры коль скоро вспыхнетъ, мгновенно и угасаетъ; но для того, чтобъ попыткомъ моимъ не остудить въ другихъ охоты къ подобнымъ сему перепискамъ. А если кто изъ спосажденныхъ съ вами вознегодуетъ на мою ревность, то да вспомнитъ онъ муравья, который, нося и сбирая всякую мелочь на свою груду, драгоцѣнное строитъ хранилище благоуханныхъ и цѣлебныхъ своихъ сокровищъ. Когда жъ напротивъ того вы, почтенные господа, благосклоннымъ взоромъ маловажный трудъ мой осчастливите, то съ какимъ восторгомъ нѣкогда, удивляясь вашему великолѣпному зданію, про себя скажу: «въ сей пышный и полезный памятникъ не возгнушались господа строители и мою вмѣстить кирпичинку, единственно только за то̀, что я всегда былъ, есмь и буду,

почтеннѣйшіе господа,
милостивые государи,
вашъ покорный слуга и почитатель
Петръ Челищевъ.

Мая 14 1793.
Въ Санктъ-Петербургѣ.

И. И. ТАТИЩЕВЪ.

Иванъ Ивановичъ Татищевъ, служившій въ московскомъ почтамтѣ, находился въ сношеніяхъ съ россійскою академіею, и присылалъ въ академію собранные имъ матеріалы, сопровождая ихъ филологическими домыслами во вкусѣ добраго стараго времени. [465]).

Первоначальное образованіе Татищевъ получилъ въ академической гимназіи. Въ литературѣ онъ извѣстенъ былъ преимущественно своими переводами. Между прочимъ онъ «высмотрѣлъ и дополнилъ *тридцатью тысячами* французскихъ словъ лексиконъ французской академіи» и т. д. [466]) О переводахъ Татищева тогдашняя критика отзывалась съ большими похвалами. Татищеву принадлежитъ переводъ сочиненія де-Лолмъ: *Конституція Англіи.* Сочиненіе это было переведено на всѣ европейскіе языки, исключая русскаго: по замѣчанію рецензента, Татищевъ «загладилъ сей недостатокъ. Переводъ его соотвѣтствуетъ достоинству оригинала; онъ соблюлъ мысли автора, силу его штиля, а иногда и возвышенность. Вообще можно сказать, что это одна изъ лучшихъ книгъ, вышедшихъ въ послѣдніе годы въ свѣтъ изъ русскихъ типографій» [467]).

Собравши значительное число звукоподражательныхъ и старинныхъ словъ, Татищевъ препроводилъ ихъ въ россійскую академію при слѣдующемъ письмѣ къ президенту А. А. Нартову [468]):

Милостивый государь!

Занимавшись переводами иностранныхъ книгъ, которыя почиталъ общеполезными, нерѣдко заглядывалъ я въ словарь, изданный императорскою россійскою академіею, ибо почитаю его, такъ какъ и должно, надежнымъ вождемъ, свѣтильникомъ, которому должно послѣдовать въ сочиненіяхъ и переводахъ. Такимъ образомъ, проходя не одинъ разъ тотъ словарь, сдѣлалъ я разныя замѣчанія о выразительности и оригинальности россійскаго

языка. Я намѣренъ былъ сперва издать ихъ въ печать подъ вымышленнымъ именемъ въ одномъ изъ журналовъ, выпускаемыхъ ежемѣсячно въ публику; но напослѣдокъ счелъ за лучше и приличнѣе представить на усмотрѣніе надлежащихъ судей. Ваше высокопревосходительство, какъ президентъ императорской россійской академіи, любитель и знатокъ отечественнаго языка, можете лучше всѣхъ рѣшить, заслуживаютъ ли мои замѣчанія вниманіе въ какомъ-либо отношеніи. Для того принимаю смѣлость поднесть ихъ здѣсь въ томъ видѣ, въ какомъ хотѣлъ отдать въ печать. Предоставляя ихъ въ волю и на судъ вашего высокопревосходительства, счелъ бы я себя весьма счастливымъ, еслибъ они утверждены были вашимъ одобреніемъ и признаны соотвѣтствующими своей цѣли. Здѣсь же препровождаю еще нѣсколько старинныхъ словъ, собранныхъ мною при чтеніи разныхъ бумагъ въ архивѣ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, которыя, кажется, препоручаютъ себя своею краткостью. Испрашивая себѣ вашего благоволенія, имѣю честь быть съ неограниченнымъ высокопочитаніемъ и преданностію, милостивый государь, вашего высокопревосходительства всепокорнѣйшимъ слугою

Надворный совѣтникъ Иванъ Татищевъ.

Москва.
1808 года, іюля 20.

Неоднократно слышалъ я, какъ нѣмцы хвалились выразительностью своего языка, говоря, чтобъ привесть одинъ только примѣръ, будто ихъ слово der Donner, громъ, такъ удачно составлено, что произношеніе онаго точно выражаетъ звукъ сего страшнаго явленія природы. Такія же похвалы приписываютъ латинскому и греческому языкамъ знатоки въ оныхъ; а по естественному пристрастію, какое всѣ народы должны имѣть ко всему своему, конечно, и каждый изъ нихъ присвоиваетъ отечественному своему слову это преимущество. Оставляя ихъ въ наслажденіи такого мнѣнія, вздумалъ я посмотрѣть, не имѣемъ ли и мы, россіяне, такого же или еще лучшаго права хвалиться выразительностію нашихъ словъ.

Любя отечественный языкъ и желая, чтобъ мы ни въ чемъ не уступали иностранцамъ, занимался я довольно сею матеріею. Я имѣлъ терпѣніе въ свободные часы и на бездѣльѣ разбирать этимологію россійскую и славянскую и, кажется, изобильно награжденъ за свой трудъ; ибо нашелъ такое множество словъ, составленныхъ по звукамъ выражаемыхъ ими дѣйствій, какого, можетъ быть, ни одинъ иностранный языкъ выставить не можетъ. Прилагаю при семъ небольшую роспись оныхъ. Она, кажется, любопытна. Если вы думаете, что помѣщеніемъ ея въ вашемъ журналѣ можете пріятно занять вашихъ читателей, то предоставляю это на вашу волю. Можетъ быть другіе любители россійской литературы побуждены будутъ простираться далѣе по сей дорогѣ, и впродолженіе своихъ трудовъ найдутъ въ своемъ языкѣ выраженія на такія вещи и дѣйствія, для которыхъ мы теперь заимствуемъ слова у иностранцевъ, можетъ быть, безъ дальней нужды.

Вотъ помянутая роспись:

Звоню, *звеню*, *звучу*, *звяцаю*, со всѣми производными отъ нихъ словами, явно происходятъ отъ продолжительнаго звука *зъ... зъ*, какой издаютъ отъ себя колокола, звонки, мѣдь и прочія подобныя имъ вещи, приведенныя въ сотрясеніе. Сюда же причисляю *зычу* и *зову*, хотя звукъ *зъ...зъ* происходитъ отъ вещей инаго рода.

Тру, *трясу*, *трещу*, *трескъ*, съ своими производными,—отъ звука *тръ*, слышимаго при треніи вещей, напримѣръ веревки или пилы и тому подобнаго о дерево, и при трясеніи оконъ отъ пушечнаго выстрѣла, и трещаніи стекла или дерева и пр. Къ слову *тру* принадлежитъ: *трудъ*, *тружуся*, *торю* и происходящее отъ того *дорога* (встарину, можетъ быть, выговаривали *торога*), *терпѣть* и т. д. Ибо хотя тутъ и не слышенъ звукъ *тръ*, но треніе, т. е. трата силъ въ трудѣ, въ *тореніи*, т. е. протаптываніи дорогъ, въ терпѣніи побоевъ и пр., всегда бываетъ. Сюда же можно, кажется, причислить: *старость*, *стараюсь* (отъ слова *стираюсь*), *трупъ*, *тряпка*, *трутъ*, *трутница*, и множество

другихъ словъ; ибо *старость* есть *истертый*, изнуренный возрастъ; *трупъ* — тѣло совсѣмъ *истертое* отъ болѣзни или долговременности, т. е. потерявшее свѣжесть, силу, жизнь; *тряпка*— платъ, *истираемый* и которымъ дѣлается треніе; *дорога* — *протертое*, протоптанное протяженіе земли. Что *торью*, *торю* происходитъ отъ *тру*, видно изъ того, что употребительное выраженіе: *онъ понатерся* имѣетъ одинакое значеніе съ реченіемъ: *онъ наторѣлъ*. Къ слову *трясу* принадлежитъ: *трясина*, *трясавица* (лихорадка), *трепещу*, *трепетъ*, *трусъ*, и много другихъ, выражающихъ трясеніе, хотя они не издаютъ звука *тръ*; также *страхъ* (стряхъ), *страсть* (стрясть), ибо состояніе духа, въ какомъ устрашенный и страстью обладаемый человѣкъ находится, всегда сопряжено съ потрясеніемъ тѣла. Перемѣна же въ выговорѣ словъ: *страхъ* и *страсть* могла впродолженіе времени произойти точно такъ, какъ въ словѣ *сажень*, которое прежде выговаривали *сяжень*.

Дрожу, *деру* — отъ звука *дръ*, слышимаго при дрожаніи и драньѣ нѣкоторыхъ вещей. Сюда принадлежитъ: *дергать*, *дроги*, малороссійскіе *драгли* (студень), потому что они дрожатъ, хотя безъ звука.

Свищу, *свирѣль* — отъ продолжительнаго звука *съ*. Сюда же слѣдуетъ: *сыплю*, *оспа*.

Пищу, *пискъ*, *пою*—отъ птичьяго писка *пипи*. Сюда принадлежитъ, съ нѣкоторою перемѣною буквъ: *птица*, также и *пишу*, хотя латинское слово scribere, по нынѣшнему образу писанія перомъ по бумагѣ, кажется, лучше выражаетъ скрыпъ пера.

Харкаю, или пославянски *хракаю*,—отъ *хра*, звука харкающихъ.

Скрыплю, *скрыпъ*, *скрыпка*, *скребу*—отъ *скръ*, звука скрыпящихъ дверей и пр.

Хрустѣть, *хряснуть*, *хрящъ*—отъ *хрусь* или *хръ*, звука ломающихся съ трескомъ жесткихъ вещей. *Саплю*, *сплю*, *сонъ*—отъ звука, производимаго спящимъ. Сюда принадлежитъ: *сопель*, *сопецъ*, *сопка*.

Кашляю, кашель—отъ *кахи, кахи.* Сюда принадлежитъ, съ перемѣною буквы *к* на *ч*, что часто дѣлается въ россійскомъ языкѣ: *чахну, чахотка.*

Бухаю, бухаюсь — отъ звука *бухъ*, издаваемаго упадшими тяжелыми тѣлами.

Пукаю, пушка — отъ *пукъ-пукъ*, звука, производимаго выстрѣломъ. Сюда, кажется, принадлежитъ: *пыха, пышность.*

Кракаю или *каркаю, кричу, крикъ, крикунъ* и пр., а съ перемѣною слога *кри* на *кли*: *кличу, кликъ,*—отъ воронья крика *кра.*

Стучу, стукъ — отъ *тукъ-тукъ*, такъ какъ *тюкаю* — отъ *тюкъ-тюкъ*, звуковъ, производимыхъ удареніемъ молота, топора, и пр. Сюда принадлежитъ: *толкаю, толку*, а можетъ быть и *толкую*, т. е. вбиваю въ голову.

Гремлю, громъ, гребу, грабли, гребля, гребецъ, грохотъ, а переносно *граблю, грабежъ, грабитель*—отъ продолжительнаго или краткаго звука *гръ* или *ръ*. Отъ него же, кажется, произведено и слово *горохъ*, потому что брошенный, напримѣръ, на полъ производитъ такой же звукъ.

Вонь, воня, обонять происходитъ отъ междометія *тьфу* или *фе* (обыкновенно выговариваемаго при чувствованіи какого-нибудь сморода), съ перемѣною только слога *фу* на *во*: *вонить, вонять.*

Вой, война, а съ небольшою перемѣною буквъ: *вопъ, вопль, вопію, боль, болѣзнь,*—отъ звука *ой* съ прибавленіемъ буквы *в*: *вой*, или *б*: боль, бой, бью, т. е. заставляю кричать *ой.*

Охать — отъ междометія *охъ*, такъ какъ *ахать, ахнуть*— отъ междометія *ахъ.*

Хохочу, хохотъ — отъ *хохо, хаха, хихи.*

Икаю — отъ звука *икъ*, издаваемаго при иканьѣ.

Хлопаю, а съ небольшою перемѣною буквъ: *клепаю* и *лопаю*— отъ звуковъ: *хлопъ, лопъ.* Сюда принадлежатъ слова: *охлопки*, а можетъ быть *хлопоты* и *холопъ. Клокочу, клокотъ* отъ *кло-кло* кипящихъ жидкостей. *Кокошъ* (пѣтухъ), *кочетъ, курица* — отъ куринаго крика *коко.*

Кукаю, или *кокую, кокушка* — отъ *куку*, кокушкина крика.

Тѣсно, тѣсню, тисну, тиски — отъ звука *тсъ*, производимаго испусканіемъ воздуха сквозь стиснутые зубы.

Нюхаю — отъ звука *нюхъ*, слышимаго при втягиваніи воздуха въ носъ.

Нукаю, нужу, понуждаю, нужда и пр. — отъ *ну*, которымъ понуждаютъ людей и лошадей.

Гудить, гудѣть, гудокъ, гулъ, гусли — отъ *гу*, звука, производимаго вѣтромъ и пр. Сюда же принадлежитъ *гукъ, гукаю.*

Шумъ, шумѣть, шипѣть, шорохъ — отъ звука *шь...шь*, сильнаго или слабаго, означаемаго сими словами.

Шаркать — отъ *шаркъ,* звука, дѣлаемаго шмыганьемъ ногъ по полу.

Шастаю — отъ *шасть*, звука или треска, производимаго когда кто вдругъ пробѣжитъ.

Шушукаю, шепчу, шопотъ — отъ *шушу* или продолжительнаго *шь.*

Щелкаю — отъ *щелкъ*, звука, производимаго нѣкоторыми птицами и вещами.

Ухаю, а съ прибавленіемъ впереди буквы *д* или *т* — *духъ, душу, дышу, тушу, тухну, тухлый, тихо, тишина, тихнуть,* — отъ *ухъ* или *тхъ, хъ*, тихаго звука, производимаго дыханіемъ. Сюда, кажется, слѣдуетъ: *хладъ, холодъ, учу, наука, внушаю*, и пр.

Жужжу, журчу, журю — отъ продолжительнаго звука *жу*, производимаго нѣкоторыми насѣкомыми, теченіемъ воды и бранью.

Рыкаю, реву, мычу — отъ крика львовъ, быковъ.

Сосу, или пославянски *ссу, сокъ* — отъ дѣйствія сосущаго и звука, имъ производимаго. Съ симъ словомъ сходно и французское *sucer*, и латинское *succus, sugo.* Сюда причисляю: *сосокъ, сосцы.*

Сучу — отъ звука вертящагося веретена.

Урчу, ворчу — отъ звука *уръ*, слышимаго въ животѣ отъ вѣтровъ.

Чую, чувствую — отъ междометія *чу.*

Шамшу — отъ *шамъ-шамъ*, произносимаго беззубыми.

Хлипаю, хныкаю — отъ *хли* и *хны* рыдающихъ.

Чихаю — отъ *чихъ*, слышимаго при чиханіи.

Хлещу, плещу—отъ *хлôсь* и *плôсь*, звуковъ, производимыхъ ударомъ хлыста, плескомъ волнъ, воды и рукъ.

Чокаю—отъ звука *чокъ-чокъ*, производимаго удареніемъ двухъ твердыхъ тѣлъ. Отъ того *кокаю*, съ перемѣною буквы *ч* на *к*.

Брякаю — отъ *брякъ*, звука цѣпей и тому подобныхъ вещей. Сюда же причисляю: *бряцаю*, *бренчу*.

Гуляю — отъ *гулю-гулю*: оттого *гулица*, какъ прежде писали т. е. улица.

Въ заключеніе сихъ бредней, если угодно будетъ ихъ такъ почесть, да будетъ позволено примѣтить, что звуки: *тръ*, *дръ* и нѣкоторые другіе, почитаю родоначальниками весьма многочисленныхъ семействъ, но я помѣстилъ для краткости и чтобъ не наскучить, очень немного словъ, по нимъ составленныхъ, а еще менѣе произведенныхъ отъ сихъ послѣднихъ. Весьма желательно было бъ, чтобъ, вмѣсто выбрасыванія изъ россійскаго языка, чаще употребляемы и тѣмъ въ моду введены были значительныя славянскія слова, напримѣръ: *звяцаю*, *бряцаю* и пр. и пр., которыя выражаютъ оттѣнки, отмѣны звука. Впрочемъ, великое множество словъ, составленныхъ по звукамъ, не доказываютъ ли безотвѣтно не только выразительности, но и оригинальности россійскаго языка?

Роспись стариннымъ
словамъ, найденнымъ при разборѣ бумагъ.

Проплавныя суда, т. е. прошедшія.

Новая росчисть, росчисть, новоросчистное мѣсто, т. е. расчищенная земля.

Прислонъ — то̀ же, что пристройка.

Присадъ — то̀ же, что примоина.

Новоприбылый оброкъ, т. е. полученный сверхъ положеннаго.

Осталыя деньги, т. е. остальныя.

Подсобка, т. е. пособіе, вспомоществованіе.

рибрать значитъ донять.

Тягловые люди — тò же, что тяглые.

Приверстать значитъ: помѣстить, опредѣлить. Два человѣка приверстаны на такія-то мѣста, т. е. опредѣлены.

Отмѣръ хлѣба значитъ отмѣриваніе, отмѣреніе.

Писчія деньги — такія, какія получалъ писецъ за взнесеніе чего-нибудь въ писцовую книгу.

Новая роспашь, т. е. земля, вновь распаханная.

Топлое мѣсто — тò-же, что трясина, вязкое или топкое мѣсто.

Переложные сѣнные покосы, т. е. сѣнные покосы на перелогѣ.

Нужетерпцы — люди, нужду терпящіе или полоненники.

Новопричистныя земли, т. е. вновь расчищенныя.

Сплавной походъ, т. е. походъ на судахъ.

Створныя ворота, т. е. створчатыя.

Помольныя деньги, т. е. деньги, даемыя за смолонье хлѣба.

Вѣсчій (вѣщій) товаръ, т. е. такой, который можно взвѣшивать на вѣсахъ.

Невѣщій товаръ, т. е. такой, который не взвѣшивается на вѣсахъ, какъ-то: сукно.

Хранило — тò же, что архивъ.

Крестоприводная книга, т. е. книга, въ коей записывались тѣ, коихъ приводили къ присягѣ.

Неокладныя деньги, т. е. сбираемыя сверхъ положеннаго оклада.

Непашеныя мѣста, т. е. невспаханныя.

Недоторжка — недостающее до той цѣны, чего вещь стоитъ.

Разводить, т. е. расчитывать.

Носникъ, т. е. носильщикъ, или рабочій человѣкъ.

Полвязить, т. е. наколотить кому шею.

Смѣтный списокъ, т. е. содержащій смѣту.

Продолжая собирать слова изъ источниковъ устныхъ и письменныхъ, Татищевъ прислалъ въ академію длинный рядъ словъ при письмѣ къ непремѣнному секретарю россійской академіи П. И. Соколову[469]):

Милостивый государь мой
Петръ Ивановичъ!

Вслѣдствіе позволенія императорской россійской академіи, изображеннаго въ почтенномъ письмѣ вашемъ отъ 31-го августа прошлаго года, препровождаю при семъ подъ буквою А) нѣсколько старинныхъ словъ и реченій, выписанныхъ мною изъ первой части Кормчей книги, и которыя или не находятся въ академическомъ словарѣ, или въ помянутой книгѣ употреблены въ иномъ смыслѣ, нежели въ какомъ теперь принимаются, а подъ литерою В) слова, собранныя мною въ общежитіи. Я ласкаюсь надеждою, что сіи труды мои не будутъ сочтены безполезными, и для того покорно прошу васъ, милостивый государь мой, поднесть ихъ знаменитому сословію россійской академіи.

Имѣю честь быть съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію вамъ, милостивому государю моему,
покорнѣйшимъ слугою
Иванъ Татищевъ.

Генваря 18 дня 1809 г.
Москва.

А.

Равнодѣтельный — равносильный; отсюда дѣтельный, efficace.

Усмошвеніе — сапожничанье.

Снитіе — собраніе, сходъ, соборъ.

Сшествіе — собраніе.

Игуменить — управлять монастыремъ въ званіи игумна.

Поучатися — старатися.

Истощаніе — разореніе.

Свою мѣру вѣдать — оставаться въ предѣлахъ своей должности.

Учуждиться вѣры — удалиться отъ вѣры.

Клятвенникъ — клятвопреступникъ.

Одымѣть — закоптиться.

Свита — кафтанъ; по малороссійски по сю пору употребительно и значитъ мужицкій кафтанъ.

Навершеніе тщанія просить у Бога — исполненіе. Отсюда **навершить** — увѣнчать, исполнить, усовершить.

Зазрѣть себѣ — стыдиться.

Преблазнить — обмануть, прельстить.

Жалити на кого — жаловаться.

Достословный свидѣтель — достовѣрный.

Труждатися въ морѣ — бѣдствовать, находиться въ опасности.

Собствіе или собство — свойство, качество.

Равносущный — равнаго существа.

Отроды — потомки.

Обострени языкомъ — острый на языкъ.

Первостоятель — митрополитъ.

Пріемникъ — принявшій.

Неправдовать — обижать.

Изъявить — показать, какъ слѣдующая глава изъявитъ.

Богобоязный — богобоязливый.

Добытіе — добыча, прибыль.

Затвердить подписаньми — утвердить подписью.

Первопрестольникъ — митрополитъ въ столицѣ.

Богоуставный законъ.

Любочествовать — почтить, угостить.

Пути ятися — отправиться въ дорогу.

Благословная вина — законная причина.

Изряднѣе же — особливо потому.

Духодвижный — духомъ внушаемый.

Безмѣстно — неприлично.

Безмѣстіе — неприличное дѣло, безчиніе.

Ненавѣтный — безбѣдный.

Не въ лѣпоту — некстати.

Посланникъ — депутатъ.

Разлучитися въ словесѣхъ — разнствовать.

Прогласить — изгласить, объявить, prononcer.

Тезоименный — тезоименитый.

Страстный — страждущій, страданію подлежащій.

Безстрастіе — неподлежательность страданію.

Списаніе — сочиненіе.

Первосѣдальникъ, первосѣдникъ — первое мѣсто занимающій.

Послушалище — слушалище, auditorium.

Воображать — représenter, представлять чье лицо.

Отврещи и расказити заповѣди — отвергнуть, перепортить, исказить.

Истязаніе — споръ.

Изврещи — извергнуть.

Изрещи судъ — prononcer.

Свести правила — rediger les règles.

Корчмить — ходить въ трактиръ.

Недоразумныя слова — непонятныя.

Истязать лица — разсматривать.

Прилагати страсти къ Божеству — приписывать.

Самосильство — самовластіе.

Неотходный — inalienable.

Градской законъ — гражданскій.

Сводить епископа въ священники — dégrader.

Молвы творить — возмущеніе дѣлать.

Посольникъ — légat.

Многочеловѣченъ градъ — многолюденъ.

Станъ царскій — дворъ.

Мѣстоблюститель — delegué.

Мѣстное блюденіе — delegation.

Заимникъ — занимающій деньги.

Расточать деньги убогимъ — раздавать.

Больми же — паче, кольми паче.

Истязать, истязаніе, истязатель — изслѣдовать, изслѣдованіе, изслѣдователь.

Прежданіе — срокъ.

Требенъ — си особенъ, достоинъ, годенъ.

Пировникъ — пирующій.

Алчный — не ѣвшій, натощакъ.

Приблюдать церковь — надсматривать за нею.

Вѣру снабдить — соблюсти.

Вѣгласъ — искусенъ.

Отмщать отъ насилія — защищать.

Поборца — сборщикъ податей.

Тѣлище — большое тѣло.

Подобно — прилично.

Мѣсто стройно къ собранію — удобно.

Изволенный судья, судище — посредникъ, третейскій судъ.

Сожитство — бракъ.

Годѣ бысть — угодно было.

Держать отъ кого — tenir de quelqu'un, отъ кого зависѣть, получить отъ кого что̀ во владѣніе.

Госпóда — бояре, господа.

Оттерзать — оторвать, отторгнуть.

Истерзать — вырвать.

Непревратно — непремѣнно.

Уневѣстить Богу — обречь въ монахини.

Браченъ — женатъ.

Храмъ — домъ, хоромы.

Множае — паче, vielmehr, plutôt.

Чуждый престолъ себѣ обручить — присвоить, захватить.

Игрецъ — музыкантъ, комедіантъ.

Утыкаться колесницамъ на подроми — бѣгать въ колесницахъ, съѣзжаться для бѣгу.

Приходенъ — принадлежащій ко владѣнію.

Церквица — домовая церковь или часовня.

Измечтать одежду златомъ или каменьемъ драгимъ — вышить.

Въ забыть положить — предать забвенію.

Шпильманить — глумы дѣлать.

Разрѣшить бракъ — расторгнуть.

Родословіе, рожданица — Nativitätstellung.

Купильный храмъ — домъ, гдѣ продаютъ, гостиный дворъ.

Побѣдное оружіе — крестъ, коимъ побѣдили.

Сложеніе вѣры — символъ, вѣрую во единаго Бога.
Шарить — сурмить, красить волосы.
Пріемница — ложка, чашка.
Мальство — малость.
Притужать — скучать, стужать.
Глумица — шутница.
Общно — вообще, особно, особенно.
Равночестіе — равная честь.
Распрѣтися — спорить, несогласнымъ быть.
Насильно поставленный — intrus.
Завѣтъ имѣнія — завѣщаніе.
Проскомисать — приносить.
Проскомидія — приношеніе, offrande.
Добытокъ — имѣніе.
Вадить — доносить.
Обавникъ — колдунъ.
Дѣтогубное зеліе — чѣмъ истребляютъ зародышъ.
Узольникъ, соузольникъ, юзольникъ — колдунъ, который ладонки навѣшиваетъ или что̀ другое навязываетъ на шею.
Шпильманъ — глумецъ.
Законоправило — nomocanon.
Оливина — оливки.
Медовина — сотъ медовый.
Ставильное писаніе — ставленная грамота.
Праздный епископъ — безмѣстный.
Потязаніе — тяжба.
Потязать — тягаться съ кѣмъ.
Скопечство — состояніе скопца.
Гостить — угощать.
Наложницу питѣть — содержать.
Невѣждный — незнающій.
Непріятенъ — inacceptable, inadmissible.
Свирѣцъ — свирѣльникъ.
Плясецъ — плясунъ, плясица, плясунья.

Смычникъ — скрыпачъ, гудочникъ.

Грай птичій—крикъ.

Забавать гады—заговаривать.

Въ своихъ мѣрилахъ пребывати — остаться въ надлежащихъ предѣлахъ.

Изложить — установить.

Изложеніе—уставъ.

Отягчить—обрюхатить.

Устроить благодѣяніе—дѣлать.

Буесть—глупость.

Простыню вдать—позволеніе дать.

Простить—позволить.

На слухѣ—громко.

Градецъ—обыватель, гражданинъ.

Опрочѣ—кромѣ.

Сеистый—тотъ же.

Ухаплять—поймать.

Хорепископъ—посельный епископъ.

Ходатаити—ходатайствовать.

Неснитительный, несходительный—incompatible.

Привѣщать—привѣтствовать.

Возгласить трубою—закричать въ трубу.

Возложенія церковныя—сосуды, одежда.

Растекаться—расходиться.

Ексархъ—намѣстникъ.

Трапезникъ—banquier.

Опрометать—опровергать.

Богострастникъ—приписывающій страсти Божеству.

Раздранецъ—въ разодранныхъ ризахъ ходящій.

В.

Покоръ — охужденіе.

Кресать, крешу, выкресалъ (малоросс.) — высѣкать огонь.

Кресиво — огниво.

Закройня — гдѣ кроятъ платье.

Окружныя письма — циркулярныя.

Купчевать — купечествовать.

Курить, закурить — пьянствовать, гулять.

Наскучить кому или чѣмъ.

Отбой — барабанный бой, коимъ даютъ знать солдатамъ, чтобъ отступали.

Заблудный, приблудный — говорится о заблудшей, зашедшей на чужой дворъ скотинѣ.

Нагадать (малорос.) — надоумить, напомнить.

Продольный — въ длину простирающійся.

Держава (вышедшее изъ польскаго языка), кажется, то̀, что французы называютъ tenure.

Поддуга (архитер.).

Пошлый, пошлая дура.

Зайчики — пѣнистыя волны на водѣ.

Прозоръ, прозоринка — щель въ деревѣ.

Копать — медлить.

Коптѣть надъ чѣмъ — трудиться.

Какъ — поелику, понеже.

Капитальная стѣна въ строеніи.

Карательные законы — penal.

Кислота въ желудкѣ.

Заколодить говорится собственно о сваѣ, когда она далѣе нейдетъ.

Подковырка — лѣкарскій инструментъ.

Наколка — головной женскій уборъ.

Заливныя мѣста — поемныя.

Подладливый — примѣняющійся, приноравливающійся къ кому.

Локотникъ — ручка у креселъ.

Значимость — значительность.

Ознакомиться.

Ознаменовать.

Назрѣть — говорится о вередѣ.
Казаница (малорос.) — каѳедра.
Откатать — поколотить кого.
Киснутье — броженіе (взято изъ сочиненій Ломоносова).
Кичка — головной уборъ крестьянокъ.
Ключикъ — кость (сл. анатом.)
Сколь — тò же, что коль.
Колесить — ѣздить много.
Сколоть — бѣльмо.
Корга — вѣдьма; старая корга или карга.
Слитокъ — кирпичъ слившійся, спекшійся.
Слитковый.
Прельстительный — séduisant.
Ліяло, льяло — въ кораблѣ пумпа, насосъ.
Изложница — тò же, что ложечница (изъ Ломоносова).
Сливочникъ — продающій сливки.
Сликовать карту — вскрыть.
Тайная — тюрьма.
Растверживать — толковать, часто повторять.
Течка звѣрей — когда они бѣгаются.
Отекъ — родъ водяной болѣзни.
Подтекъ — глазная болѣзнь.
Притокъ крови — напоръ.
Проточина — мѣсто на кровлѣ, гдѣ протекаетъ.
Сточная труба — сквозь которую вода стекаетъ.
Неотесанный болванъ — невѣжа.
Тиранія.
Тишь — штиль на морѣ.
Толкуны — въ печахъ обороты, колодцы.
Толкутся мошки.
Топтать — говорится о пѣтухѣ.
Топотать — стучать ногами.
Тосковать, тоскуютъ ноги.
Тощая земля — нетучная.

Непотребница — негодница.

Тыканина — родъ штукатуры.

Притонъ — пристанище воровъ.

Оттяжка — проволочка.

Натягъ — инструментъ у обручниковъ.

Подтяжка — тесьма, коею подтягиваютъ нижнее платье; носить въ подтяжку.

Угловой — домъ на углу.

Усы — у клубники.

Флангъ — бокъ (военное сл.)

Фрукты.

Фрунтъ.

Отхлестать кого — высѣчь.

Хлѣбъ-соль.

Хмура — кто хмурится; *хмурливъ* — угрюмъ.

Нахрапъ, нахрапомъ что̀ взять.

Цапина — мѣсто, на выдѣланной кожѣ, ободранное.

Цвѣточникъ — садовникъ, разводящій цвѣты въ саду.

Цвѣль — плѣсень.

Череношный мастеръ — который дѣлаетъ къ ножамъ черенки.

Черневое письмо — начерно написанное.

Черкать — чертомъ называть.

Ему это за честь — пріятно, любо.

Языкъ у него чешется — хочется болтать.

Чтеница — въ монастыряхъ, которая читаетъ.

Расчетливый человѣкъ.

Чухаться — чесаться.

Шагъ — въ шагу исподнее платье узко.

Швырковыя дрова.

Шпиковальная игла.

Счастливиться, посчастливилось.

Ябедить — наговаривать.

Расписаніе кредиторовъ — classification.

Площовка — площенное золото, серебро, бить.

Портовыя деньги — вѣсовыя.

Порча — у крестьянъ мнимое колдовство.

Напорчивый — impétueux.

Прямь — прямина, прямость.

Пузыристый — много пузырей пускающій.

Запустить руку въ карманъ.

Напхнуть кого на дерево.

Порывъ вѣтра — coup de vent, шквалъ.

Рыскать по городу.

Рожки, которыми пускаютъ закожную кровь.

Рокотать (старинное) — пальцами перебирать, шевелить.

Разоружить корабль — désarmer.

Изобрѣтательный, изобрѣтливый — inventif.

Рябь — пестрота перьевъ у хищныхъ птицъ.

Свинуха (болѣзнь) — écrouelles.

Свинство — неопрятность.

Сердечный, сердечненькій — бѣдный, жалкій.

Сила — множество, сила денегъ.

Укромный, укромность.

Слонъ — слоняющійся.

Богослужебный, богослужебные обряды.

Слыхъ — слыхомъ слыхать.

Недосмотрѣть.

Сопунъ, сопунья — кто сопитъ.

Разсошки — на чемъ ружья ставятъ.

Настольные часы.

Поступная запись.

Отстоять ноги.

Предстоящіе — окружающіе кого.

Выставить въ строеніи, напримѣръ, балконъ.

Выставка (въ архитект.) — saillie.

Пристрашный (славянс.), пристрашны быша.

Застрыга — острый, обстроганный конецъ дерева.

Стрѣлчатый сводъ — въ архитектурѣ.

Стрѣлка въ сводѣ.

Пострѣлъ — негодяй.

Стряпчить — стряпческую должность исправлять.

Сушъ въ карточной игрѣ.

Присушить кого — привязать къ себѣ любовью.

Присушное зеліе.

Несытая душа — алчный.

Подсѣдина — болѣзнь у лошадей.

Сбыточный, сбытный — возможный.

Статный — статочный.

Производить — выдавать, наприм. жалованье.

Коловоротъ — буравъ, столярное орудіе.

Оборотливый — проворный.

Высь — высота.

Гваздать — пачкать.

Оголовокъ — хомутъ.

Грабастать — хватать.

Графа, графить, награфить бумагу.

Заманчивый — привлекательный.

Опытъ мастерства — chef d'oeuvre (изъ Ломоносова).

Мездрить — сбивать, сдирать мездру.

Языкъ перемололся.

Мозголомная работа — трудная.

Мозголомъ — Grübler.

Мокредина, мочевина — мокрое мѣсто.

Мочливый — мочливое, дождливое время.

Мостница — у кирпичниковъ, мѣсто углаженное, гдѣ они ставятъ кирпичи, вынувъ изъ формы.

Мостовщина — плата за проѣздъ чрезъ мостъ.

Примоина — присадина, земля, примытая водою, наносъ.

Моракуша — Pfuscher.

Перемудрить въ чемъ или что.

Размыкать лошадьми — старинное наказаніе.

Промышленность — industrie.

Примѣрная земля — (сл. законное).

Примѣрно — почти, около.

Промѣривать глубину береговъ — sonder: отъ того *промѣръ*.

Мѣшокъ — человѣкъ непроворный.

Замѣтный — имѣющій свойство, по которому можно узнать.

Мямлить — говорить, читать запинаясь.

Низовой голосъ — басъ.

Подновить картину.

Пронырить — то̀ же, что пронырывать.

Ольшаный — цвѣтомъ похожій на ольховую кору; говорится о хищныхъ птицахъ.

Пароша — 1) первый выпадшій снѣгъ, 2) младенческій первый калъ.

Парить — солнце паритъ.

Запасный человѣкъ — у кого есть все въ запасѣ.

Пачкунъ — который дурно что̀ дѣлаетъ.

Пильновать — прилежать.

Писака — мастеръ писать, сочинять.

Жилить, выжилить — обтянуть жилами, напримѣръ, орчакъ у сѣдельниковъ.

Золить — положить кожу въ золу у кожевниковъ.

Мерея — сыпь на выдѣланной кожѣ.

Прасовка — колодка, на которой портные разутюживаютъ швы рукавовъ.

Пройма — выемка у рукава у портныхъ, échancrure.

Лотокъ — у кровли, по которому вода стекаетъ.

Подоконье — подушка у окошекъ (сл. столярное).

Подходка, **Тупакъ** — инструменты, которые употребляютъ кожевники при мездреніи и выдѣлываніи кожъ.

Малье — дощечки, изъ которыхъ дѣлаются бочки, Dauben.

Горбыль — инструментъ у переплетчиковъ.

С. Н. СУВОРОВЪ.

Семенъ Никифоровичъ Суворовъ получилъ образованіе въ тверской семинаріи, и по окончаніи въ ней курса опредѣленъ былъ, въ 1793 году, учителемъ въ осташковское малое народное училище. Въ 1809 году онъ утвержденъ смотрителемъ осташковскихъ училищъ, и въ этой должности оставался до увольненія отъ службы, въ 1837 году. Суворовъ обратилъ на себя вниманіе просвѣщеннаго попечителя московскаго учебнаго округа Михаила Никитича Муравьева, отъ котораго «удостоенъ рекомендательнаго письма за отличное раченіе къ должности» [470]).

Какъ человѣкъ любознательный, хорошо знакомый съ мѣстными особенностями края, Суворовъ оказывалъ содѣйствіе лицамъ, посѣщавшимъ край съ научною цѣлью. При описаніи озера Селигера, орошающаго Осташковъ и немалую часть его уѣзда, академикъ Озерецковскій пользовался свѣдѣніями, собранными Суворовымъ. Озерецковскій говоритъ: «Въ изслѣдованіяхъ сего рода спомоществовали мнѣ гг. учители осташковскаго народнаго училища, особливо смотритель и вмѣстѣ учитель *Семенъ Никифоровичъ Суворовъ*, который и въ должности своей весьма исправенъ» [471]). Черты мѣстнаго, осташковскаго говора, указанныя Озерецковскимъ въ его Путешествіи на озеро Селигеръ, заимствованы изъ наблюденій Суворова. Съ большею подробностью указаны эти черты въ рукописи Суворова, представленной Озерецковскимъ въ россійскую академію [472]):

«Въ городѣ Осташковѣ,— замѣчаетъ Суворовъ — съ самаго начала его существованія, большая часть жителей говорили во многихъ случаяхъ противъ правилъ грамматическихъ; со введеніемъ во ономъ учебныхъ заведеній ошибки въ разговорѣ начали нарочито уменшаться, и остались только примѣтны въ сословіи такихъ людей, которые не имѣли случая насчетъ сей неисправности принять наставленія. Надобно думать, что со-временемъ оныя еще менѣе слышны будутъ, когда родители не станутъ считать за излишнюю для дѣтей своихъ надобность обучаться

въ училищѣ грамматическимъ правиламъ, и тогда отвыкнутъ говорить и писать: *купилъ рыбѣ* вмѣсто: *купилъ рыбы*; отдать письмо *въ Москвы*, вмѣсто: (въ) *Москвѣ*; плыть *по воды*, вмѣсто: *по водѣ*; *взять рукамъ*, вмѣсто: *руками*; а въ глаголахъ дѣйствительныхъ и среднихъ настоящаго и будущаго временъ обоихъ числъ не договаривать *тъ*, напримѣръ: *онъ меня люби*, вмѣсто: любитъ; *не возьме* съ собой въ Петербургъ, вмѣсто: *не возьметъ*, и пр. Но кромѣ сихъ неисправностей въ рѣчахъ употребляются въ семъ городѣ и его уѣздѣ слова, отличныя отъ другихъ мѣстъ и обыкновеннаго русскаго языка; они суть слѣдующія:

Абабки — грибы березовики
Алавина — квасная дробина, гуща
Ашостикъ — шестокъ
Бабаха — оладья
Бабка — жаратокъ
Баить — говорить
Балаболка — цвѣтокъ
Балагурить — шутить
Баранъ — глиняный рукомойникъ
Богатырь — картина
Болобанъ — шалунъ, баловень
Брандахлыстъ — жидкое пиво и другое питье, отстоемъ отзывающееся
Буйвище — площадь около церквей
Букнуть — въ колоколъ ударить
Вертопрахъ — непостоянный человѣкъ
Взабыль — вправду
Взбулгатиться — рано встать
Воложить — маслить
Вытный — рослый, здоровый
Вѣнецъ — жемчужная головная повязка
Гарюга — мелкая рыба, плотва и уклея
Гребовать — гнушаться
Грива — роща

Двашать — часто дышать
Добой — сапожное гвоздье
Дрочить — гладить
Дьякъ — учитель русской грамоты
Жирникъ — ночникъ
Жишка — поросенокъ
Запанъ — фартукъ, передникъ
Зелье — лѣкарство для глазъ
Зыкнуть — закричать на кого громко
Истово — подобно, какъ бы
Каманица — морошка
Камшить — бить
Канючить — докучать
Карецъ — ковшикъ
Катонцы — валяные сапоги
Клепикъ — рыбочистный ножичекъ
Коновка — кружка деревянная съ горломъ
Крошево — щеная капуста
Кукишка — пучокъ волосъ, позади головы завязанныхъ
Кумка — чайная чашка
Куръ — пѣтухъ
Латка — плошка, противень
Ловцы — рыболовы
Лубка — корзинка
Лынять — удаляться отъ дѣла
Лядащій — неспособный къ дѣлу человѣкъ
Макса — налимья печенка
Малецъ — парень
Манька — муфта
Маторъ — водоносъ
Мень — налимъ
Московка — мѣра хлѣбная
Мятиво — куриный кормъ
Надобье — лѣкарство

Надѣи — черви навозные
Нальіо — подводная каменистая мель и притонное для рыбы мѣсто.
Нишни — молчи
Остречаты — мелкая рыбка, окуньки
Палица — валôкъ
Пашава — зараза или прилипч. болѣзнь
Паши — ступай, пойдемъ
Печура — бѣлый грибъ
Пещерикъ — кулекъ
Пипка — курительная трубка
Податна — вкусна, пріятна
Позобать — поѣсть ягодъ
Полчане — дружки со стороны жениховой
Прошвы — кружева
Пузачки — жемчужныя серьги
Пуляшка — горшочекъ
Пуня — кровля, крыша
Пьяницы — ягоды гонобобель или болиголовъ
Размаружиться — прійти въ бодрость послѣ сна
Рыжики — жемки пряничные
Рядень — простыня
Смачно — вкусно, пріятно
Старица — монахиня
Стачники — ферзи
Стрекива — крапива
Суіомъ — общественное собраніе, сходка
Сулейка — бутылка, штофъ
Таболка — вотрушка
Тарачокъ — лента въ косѣ у дѣвушки и у повязки
Тачка — ручная телѣжка
Тепленикъ — коровай
Точа — холстъ
Тынъ — заборъ
Тюкать — рубить

Тяпка — сѣчка, которою рубятъ капусту
Уполовникъ — разливная ложка, поварешка
Фарбы — нѣмецкое платье, фракъ
Хлопанцы — туфли
Хрепота — кашель
Черевики — женскіе башмаки
Черево — поносъ
Честить — угощать
Швецъ — портной
Шпенекъ — сапожный гвоздь
Шпукнуться — свалиться сверху
Щипари — окуни средняго роста

Смотритель осташковскихъ училищъ Семенъ Суворовъ.

Апрѣля 12 дня
1820 года.

Слова, собранныя Суворовымъ, читаны были въ россійской академіи, и члены ея замѣтили, что

1) въ числѣ этихъ словъ находятся и такія, которыя употребляются не въ одномъ только осташковскомъ уѣздѣ, но и во многихъ другихъ мѣстахъ Россіи, какъ напримѣръ: *баить, балагурить, корецъ, куръ, лынять, тынъ*, и проч.;

2) къ словамъ, мало употребительнымъ или вовсе неизвѣстнымъ въ другихъ краяхъ, весьма полезно было бы присоединить объясненіе ихъ значенія, и привести достаточное число примѣровъ [473]).

Члены россійской академіи, по порядку ихъ избранія, со времени учрежденія академіи до преобразованія ея въ Отдѣленіе русскаго языка и словесности.

Число всѣхъ дѣйствительныхъ членовъ россійской академіи, втеченіе ея пятидесяти-восьми лѣтняго (1783—1841) существованія, простирается до ста восьмидесяти семи. Первыми, по времени, членами россійской академіи были тѣ, имена которыхъ провозглашены въ день ея открытія; послѣдними — тѣ, которые избраны въ академики по Отдѣленію русскаго языка и словесности при самомъ его учрежденіи.

Предлагаемые кандидаты обыкновенно выбирались большинствомъ голосовъ или единогласно, иногда даже безъ балотировки — «по общему согласію». Исключенія чрезвычайно рѣдки. Къ числу небывалыхъ случаевъ принадлежитъ забалотированіе извѣстнаго библіографа В. Г. Анастасевича [474]). Не состоялись выборы и Г. П. Павскаго, но по другимъ причинамъ и соображеніямъ, о которыхъ можно только догадываться. На имѣвшееся свободное мѣсто члена академіи президентъ А. С. Шишковъ предложилъ «придворнаго протоіерея, доктора богословія Герасима Петровича Павскаго, имѣющаго весьма основательныя свѣдѣнія въ отечественномъ языкѣ и многихъ иностранныхъ, а особливо еврейскомъ». Назначили-было и день для выбора; но президентъ почему-то «призналъ за благо отложить избраніе до другаго дня, о которомъ дано будетъ вторичное предложеніе» [475]). Вторичнаго предложенія не послѣдовало, и долгъ россійской академіи въ отношеніи къ Павскому исполненъ, по прошествіи почти двадцати лѣтъ, вторымъ отдѣленіемъ академіи наукъ. Въ

1840 году Павскій предложенъ былъ въ члены россійской академіи, а 26 февраля 1858 года онъ избранъ въ академики по отдѣленію русскаго языка и словесности.

Въ рукописяхъ россійской академіи, при извѣстіи о выборѣ того или другого лица встрѣчаются иногда замѣтки о поводѣ къ этому выбору. При всей краткости своей замѣтки эти любопытны въ томъ отношеніи, что бросаютъ свѣтъ на внутреннюю жизнь академіи, служа отголоскомъ понятій, господствовавшихъ въ академической средѣ. Чтобы наглядно представить тѣ основанія, которыми руководствовались при избраніи лицъ, призываемыхъ къ участію въ трудахъ и предпріятіяхъ академіи, прилагаемъ списокъ членовъ россійской академіи за все время ея существованія, расположенный въ хронологическомъ порядкѣ, съ указаніемъ причинъ выбора, если они обозначены въ первыхъ источникахъ

1783.

При открытіи россійской академіи, 21 октября 1783 года, членами ея провозглашены слѣдующія лица:

1. **Княгиня Екатерина Романовна Дашкова.**

Ея императорскаго величества статсъ-дама, императорской академіи наукъ директоръ, императорской россійской академіи предсѣдатель, ордена свят. Екатерины кавалеръ, стокгольмской королевской академіи наукъ и санктпетербургскаго вольнаго экономическаго общества членъ.

2. **Гавріилъ (Петровъ).**

Митрополитъ новгородскій и санктпетербургскій. Членъ санктпетербургской императорской академіи наукъ.

3. **Иннокентій (Нечаевъ).**

Архіепископъ псковской и рижскій.

4. **Иванъ Ивановичъ Панфиловъ.**

Ея императорскаго величества духовникъ, протоіерей.

5. **Иванъ Ивановичъ Шуваловъ.**

Двора ея императорскаго величества оберъ-камергеръ,

дѣйствительный тайный совѣтникъ, императорской санктпетербургской академіи наукъ членъ, московскаго университета кураторъ, первый учредитель академіи художествъ; орденовъ: россійскихъ — св. апостола Андрея, св. Александра Невскаго, св. равноапостольнаго князя Владиміра первой степени; польскаго — Бѣлаго орла и голстинскаго — св. Анны кавалеръ.

6. **Адамъ Васильевичъ Олсуфьевъ.**

Дѣйствительный тайный совѣтникъ, сенаторъ и орденовъ: св. Александра Невскаго и Бѣлаго орла кавалеръ.

7. **Иванъ Перфильевичъ Елагинъ.**

Двора ея императорскаго величества оберъ-гофмейстеръ, сенаторъ и орденовъ: св. Александра Невскаго, Бѣлаго орла и св. Станислава кавалеръ.

8. **Иванъ Логиновичъ Голенищевъ-Кутузовъ.**

Адмиралъ, морскаго шляхетнаго корпуса директоръ и орденовъ: св. Александра Невскаго и св. Анны кавалеръ.

9. **Графъ Александръ Сергѣевичъ Строгановъ.**

Тайный совѣтникъ, сенаторъ, двора ея императорскаго величества дѣйствительный камергеръ, санктпетербургской академіи наукъ членъ; орденовъ: Бѣлаго орла, св. Станислава и св. Анны кавалеръ.

10. **Алексѣй Андреевичъ Ржевскій.**

Государственной медицинской коллегіи президентъ, двора ея императорскаго величества дѣйствительный камергеръ.

11. **Александръ Андреевичъ Безбородко.**

При собственныхъ дѣлахъ и у принятія подаваемыхъ ея императорскому величеству челобитенъ, генералъ-майоръ, малороссійскаго кіевскаго полку полковникъ, государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ членъ, имѣющій главное смотрѣніе надъ почтовымъ департаментомъ, и ордена св. равноапостольнаго князя Владиміра первой степени кавалеръ.

12. **Петръ Александровичъ Соймоновъ.**

При собственныхъ дѣлахъ и у принятія подаваемыхъ ея императорскому величеству челобитенъ, генералъ-майоръ.

13. **Петръ Васильевичъ Бакунинъ.**

Государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ членъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ; орденовъ: свят. равноапостольнаго князя Владиміра второй степени и св. Анны кавалеръ.

14. **Михайло Матвѣевичъ Херасковъ.**

Дѣйствительный статскій совѣтникъ, московскаго университета кураторъ.

15. **Петръ Ивановичъ Турчаниновъ.**

При собственныхъ дѣлахъ и у принятія подаваемыхъ ея императорскому величеству челобитенъ, бригадиръ.

16. **Александръ Васильевичъ Храповицкій.**

При собственныхъ дѣлахъ и у принятія ея императорскому величеству челобитенъ, статскій совѣтникъ, ордена св. равноапостольнаго князя Владиміра третьей степени кавалеръ.

17. **Денисъ Ивановичъ Фонъ-Визинъ.**

Статскій совѣтникъ.

18. **Николай Васильевичъ Леонтьевъ.**

Конторы строенія Исакіевской церкви членъ, статскій совѣтникъ.

19. **Гаврило Романовичъ Державинъ.**

Первой экспедиціи о государственныхъ доходахъ членъ, статскій совѣтникъ.

20. **Антонъ Алексѣевичъ Барсовъ.**

Въ московскомъ университетѣ краснорѣчія профессоръ; университетскій цензоръ; коллежскій совѣтникъ.

21. **Николай Александровичъ Львовъ.**

Главнаго почтовыхъ дѣлъ правленія совѣтникъ.

22. **Василій Андреяновичъ Ушаковъ.**

Въ канцеляріи академіи наукъ, коллежскій совѣтникъ.

23. **Осипъ Петровичъ Козодавлевъ.**

Въ канцеляріи академіи наукъ, коллежскій совѣтникъ.

24. **Степанъ Яковлевичъ Румовскій.**

Профессоръ астрономіи санктпетербургской императорской академіи наукъ, и королевской стокгольмской академіи наукъ членъ, надворный совѣтникъ.

25. **Иванъ Ивановичъ Лепехинъ.**

Исторіи натуральной профессоръ, докторъ медицины; императорской санктпетербургской академіи наукъ, обществъ: вольнаго санктпетербургскаго экономическаго, берлинскаго друзей природы-испытателей и гессенгомбургскаго патріотическаго членъ; россійской императорской академіи непремѣнный секретарь; надворный совѣтникъ.

26. **Семенъ Кирилловичъ Котельниковъ.**

Профессоръ математики, санктпетербургской императорской академіи наукъ членъ; надворный совѣтникъ.

27. **Алексѣй Протасьевичъ Протасовъ.**

Профессоръ анатоміи, докторъ медицины, санктпетербургской императорской академіи наукъ членъ; надворный совѣтникъ.

28. **Семенъ Николаевичъ Щепотьевъ.**

Коллежскій асессоръ; при коллегіи иностранныхъ дѣлъ.

29. **Яковъ Борисовичъ Княжнинъ.**

Коллежскій асессоръ; при его высокопревосходительствѣ Иванѣ Ивановичѣ Бецкомъ.

30. **Семенъ Ефимовичъ Десницкій.**

Въ московскомъ университетѣ докторъ и профессоръ правъ, коллежскій асессоръ.

31. **Николай Яковлевичъ Озерецковскій.**

Профессоръ исторіи натуральной, докторъ медицины, членъ санктпетербургской академіи наукъ и бернскаго экономическаго общества.

Также со дня открытія академіи, т. е. съ 21 октября 1783 года, считались членами россійской академіи:

32. **Князь Григорій Александровичъ Потемкинъ-Таврическій.**

О немъ только однажды упоминается въ запискахъ засѣданій россійской академіи, — при извѣстіи о его смерти. Въ собраніи 25 октября 1791 года, непремѣнный секретарь россійской академіи «исполнилъ печальный долгъ возвѣщеніемъ собранію о кончинѣ достойнѣйшаго *академіи члена* князя Григорья Александровича Потемкина-Таврическаго, генералъ-фельдмаршала; главнокомандующаго всею легкою конницею, регулярною и нерегулярною, флотомъ черноморскимъ и многими другими, сухопутными и морскими силами; государственной военной коллегіи президента; ея императорскаго величества генералъ-адъютанта; сенатора; екатеринославскаго, таврическаго и харьковскаго генералъ-губернатора; кавалергардскаго корпуса и екатеринославскаго кирасирскаго полку шефа; лейбъ-гвардіи преображенскаго полку подполковника; дѣйствительнаго камергера; войскъ генералъ-инспектора; гимназіи чужестранныхъ единовѣрцовъ и мастеровой и оружейной палаты верховнаго начальника; разныхъ иновѣрцовъ, обитающихъ въ Россіи, по коммиссіи новосочиняемаго уложенія, опекуна; орденовъ: россійскихъ — св. апостола Андрея, св. Александра Невскаго, военнаго, великомученика Георгія, перваго класса, и св. равноапостольнаго князя Владиміра, первой степени, большаго креста; прусскаго — Чернаго орла, датскаго — Слона, шведскаго — Серафима, польскихъ — Бѣлаго орла и св. Станислава, и св. Анны кавалера, — воспослѣдовавшей октября 5 дня».

33. **Иванъ Никитичъ Болтинъ.**

34. **Петръ Алексѣевичъ Алексѣевъ,** протоіерей московскаго собора.

28 октября 1783 года:

35. **Савва Исаевичъ Исаевъ,** священникъ.

36. **Иванъ Ивановичъ Красовскій,** протоіерей.

37. **Иванъ Ивановичъ Сидоровскій,** священникъ.

38. **Георгій Михайловичъ Покорскій,** священникъ.

39. **Василій Григорьевичъ Григорьевъ**, священникъ.

Эти духовныя лица предложены въ члены академіи митрополитомъ Гавріиломъ вслѣдствіе заявленія И. П. Елагина о необходимости составить «словарь, въ коемъ изъяснить всѣ правила, до словесныхъ наукъ принадлежащія», для чего и просить митрополита Гавріила «избрать изъ духовныхъ особъ въ члены академіи, имѣющихъ нужныя къ сему знанія». Предложенныя митрополитомъ Гавріиломъ духовныя лица: Исаевъ, Красовскій, Сидоровскій, Покорскій и Григорьевъ, избраны въ члены россійской академіи «безъ жеребьевъ, *по извѣстному ихъ въ россійскомъ словѣ знанію*».

40. **Иванъ Ивановичъ Мелиссино.**

41. **Дамаскинъ, епископъ нижегородскій.**

42. **Графъ Романъ Ларіоновичъ Воронцовъ.**

43. **Князь Михаилъ Михайловичъ Щербатово.**

Въ собраніи 28 октября 1783 года заявлено было, что получены отъ этихъ четырехъ лицъ извѣщенія о согласіи ихъ принять званіе членовъ россійской академіи, и опредѣлено: «имена ихъ внесть въ число членовъ россійской академіи и провозгласить въ настоящемъ собраніи».

Имя графа Р. Л. Воронцова только два раза встрѣчается въ запискахъ засѣданій россійской академіи: въ первый разъ — въ приведенномъ заявленіи о принятіи имъ званія члена академіи; во второй — при извѣстіи о его смерти. Званіе члена россійской академіи графъ Воронцовъ получилъ почти наканунѣ своей смерти. Въ академическомъ собраніи 18 ноября 1783 года заявлено, что «достойнѣйшій академіи членъ, заслугами къ монархинѣ и къ отечеству, человѣколюбіемъ, снисхожденіемъ и благодѣяніями ко всѣмъ препрославленный мужъ, его сіятельство графъ Романъ Ларіоновичъ Воронцовъ, генералъ-аншефъ, владимирскій и костромской генералъ-губернаторъ, и пр., къ неописанной печали своего рода и къ искреннему сожалѣнію всѣхъ правомыслящихъ, скончался».

11 ноября 1783 года:

44. **Василій Петровичъ Петровъ.**

Предложенъ въ члены россійской академіи княгинею Е. Р. Дашковою.

45. **Ѳедоръ Ивановичъ Янковичъ-де-Миріево.**

Предложенъ въ члены академіи кн. Дашковою.

46. **Василій Никитичъ Никитинъ.**

47. **Прохоръ Игнатьевичъ Суворовъ.**

Никитинъ и Суворовъ, профессора морскаго шляхетнаго корпуса, предложены въ члены россійской академіи директоромъ морскаго шляхетнаго корпуса И. Л. Голенищевымъ-Кутузовымъ.

48. **Ипполитъ Ѳедоровичъ Богдановичъ.**

Предложенъ въ члены академіи О. П. Козодавлевымъ.

1784.

13 января 1784 года:

49. **Самуилъ (Миславскій), митрополитъ кіевскій.**

50. **Василій Ивановичъ Баженовъ.**

Въ собраніи 13 января 1784 года, по полученнымъ княгинею Дашковою, какъ предсѣдателемъ академіи, отзывамъ отъ Самуила, митрополита кіевскаго, и отъ «надворнаго совѣтника и архитектора Василія Ивановича Баженова, провозглашены оба сіи членами академіи».

24 февраля 1784 года:

51. **Павелъ (Пономаревъ), архимандритъ** московскаго Симонова монастыря.

52. **Иванъ Ивановичъ Хемницеръ.**

53. **Никита Петровичъ Соколовъ.**

Въ протоколѣ академическаго засѣданія 24 февраля 1784 года сказано, что архимандритъ Павелъ, Хемницеръ и Соколовъ избраны въ члены россійской академіи «по представ-

ленію академіи предсѣдателя княгини Е. Р. Дашковой, господъ Львова и Озерецковскаго». Отсюда слѣдуетъ заключить, что архимандритъ Павелъ предложенъ былъ Дашковою, Хемницеръ—Львовымъ, Соколовъ—Озерецковскимъ.

12—21 марта 1784 года:

54. **Семенъ Герасимовичъ Зыбелинъ.**

Въ протоколѣ собранія 1 іюня 1784 года сказано: «Отъ *новоизбраннаго въ послѣднее собраніе сочлена* профессора *Зыбелина* полученъ благодарственный отзывъ» и т. д. «Послѣднее» собраніе, т. е. непосредственно предшествовавшее собранію 1 іюня, происходило 12 или 21 марта 1784 года. Въ протоколѣ собранія 1 іюня 1784 года, ст. II, сказано: «Отъ *послѣдняго* собранія, *бывшаго 21 марта*, предпріятые академіею труды продолжалися неослабно» и т. д. Но въ запискахъ засѣданій россійской академіи нѣтъ собранія 21 марта, и собраніе 1 іюня непосредственно слѣдуетъ за собраніемъ *12 марта*. Число *21 марта* не поставлено ли по ошибкѣ вмѣсто: *12 марта*?

6 іюля 1784 года:

55. **Амвросій (Серебряковъ), епископъ олонецкій.**

По предложенію Гавріила, митрополита с.-петербургскаго.

56. **Иннокентій (Полянскій), архимандритъ, ректоръ александроневской семинаріи.**

По предложенію Гавріила, митрополита с.-петербургскаго.

1785.

1 февраля 1785 года:

57. **Александръ Стахіевичъ Стахіевъ.**

По предложенію княгини Е. Р. Дашковой и «по одобренію» митрополита Гавріила.

20 марта 1785 года:

58. **Михаилъ Ивановичъ Веревкинъ.**

59. **Василій Васильевичъ Капнистъ.**

Въ протоколѣ собранія 20 марта 1785 года сказано, что «по предложенію княгини Е. Р. Дашковой и митрополита Гавріила избраны: М. И. Веревкинъ и В. В. Капнистъ». Слѣдовательно, Веревкинъ предложенъ кн. Дашковою, а Капнистъ — митрополитомъ Гавріиломъ.

7 октября 1785 года:

60. **Петръ Борисовичъ Иноходцевъ.**

Предложенъ княгинею Е. Р. Дашковою «по извѣстному его знанію россійскаго слова».

1786.

14 марта 1786 года:

61. **Аполлосъ (Байбаковъ), архимандритъ** воскресенскаго монастыря, называемаго: Новый Іерусалимъ.

По предложенію митрополита Гавріила, избранъ единогласно.

2 мая 1786 года:

62. **Алексѣй Николаевичъ Оленинъ.**

По представленію предсѣдателя академіи, княгини Дашковой, избранъ по большинству голосовъ — 14 противъ 3.

8 августа 1786 года:

63. **Иванъ Семеновичъ Захаровъ.**

По представленію княгини Дашковой, «г. надворный совѣтникъ Захаровъ, коего знаніе и упражненіе въ россійскомъ словѣ въ преложеніи его Похожденія Телемака доказано, избранъ по большинству голосовъ (+ 11, — 2)».

1787.

2 октября 1787 года:

64. **Алексѣй Васильевичъ Нарышкинъ.**

Въ запискѣ собранія 2 октября 1787 года: «Предсѣдатель академіи, княгиня Е. Р. Дашкова предложила собранію въ члены академіи Алексѣя Васильевича Нарышкина, тайнаго совѣтника, сенатора и кавалера. Собраніе, отдавая справедливость дарованіямъ, отличному знанію языка отечественнаго и трудамъ, употребленнымъ на тотъ предметъ, коимъ академія наипаче занимается, единогласно, безъ жеребьевъ, избрало своимъ сочленомъ».

1789.

17 ноября 1789 года:

65. **Алексѣй Ивановичъ Мусинъ-Пушкинъ** (впослѣдствіи графъ).

По предложенію княгини Дашковой, дѣйствительный статскій совѣтникъ Алексѣй Ивановичъ Мусинъ-Пушкинъ единогласно избранъ въ члены россійской академіи.

1791.

5 іюля 1791 года:

66. **Дмитрій Ивановичъ Хвостовъ** (впослѣдствіи графъ).

67. **Тимоѳей Семеновичъ Мальгинъ,**

Княгиня Дашкова предложила въ члены россійской академіи подполковника Дмитрія Ивановича Хвостова, а И. И. Лепехинъ — Тимоѳея Семеновича Мальгина. Хвостовъ и Мальгинъ «по извѣстному ихъ знанію отечественнаго нашего языка, какъ сочиненіями, такъ и переводами доказанному, по большинству голосовъ избраны» въ члены академіи.

1792.

10 января 1792 года:

68. **Николай Петровичъ Николевъ.**

69. **Василій Семеновичъ Данковъ.**

Княгиня Дашкова предложила «Николая Петровича Николева, мужа, явившаго въ своихъ твореніяхъ чистоту и правильность россійскаго слога, — который безпрекословно всѣми былъ избранъ».

Академикъ Никита Петровичъ Соколовъ предложилъ «іерея Василія, находящагося при церкви Благовѣщенія пресвятыя Богородицы, что на Васильевскомъ островѣ, — который равнымъ образомъ по согласію всѣхъ присутствовавшихъ членовъ избранъ».

1793.

19 февраля 1793 года:

70. **Дмитрій Павловичъ Татищевъ.**

Княгиня Дашкова предложила въ члены россійской академіи пріобщника академіи Дмитрія Павловича Татищева: «Собраніе, отдавая должную справедливость прилежанію его и усердію, споспѣшествующему общимъ трудамъ академіи, единогласно сіе предложеніе утвердило».

9 апрѣля 1793 года:

71. **Дмитрій Михайловичъ Соколовъ.**

72. **Петръ Ивановичъ Соколовъ.**

Предсѣдатель академіи, княгиня Дашкова, «пріемля во уваженіе труды пріобщниковъ академіи гг. Дмитрія и Петра Соколовыхъ, и отдавая справедливость раченію ихъ въ отправленіи должности, отъ академіи возложенной, чрезъ десять лѣтъ продолжавшемуся, предложила оныхъ въ дѣйствительные академіи члены, на что присутствовавшіе члены единогласно согласилися».

24 сентября 1793 года:

73. **Иринеи (Клементьевскій), епископъ тверскій.**

Академикъ Н. Я. Озерецковскій «предложилъ собранію для избранія въ члены преосвящ. Иринея, епископа тверскаго, на что̀ предсѣдатель академіи и всѣ присутствовавшіе члены безпрекословно согласились, по извѣстному его отличному знанію и любленію россійскаго слова».

1794.

4 марта 1794 года.

74. **Анастасій (Романенко-Братановскій), архимандритъ.**

Княгиня Дашкова «предложила собранію на избраніе въ члены отца архимандрита Анастасія—мужа, въ россійской словесности съ похвалою знаемаго: предложеніе сіе подтверждено было общимъ согласіемъ». Но такъ какъ положенное число членовъ было полно, то и рѣшили предоставить о. Анастасію первое открывшееся мѣсто. Оно открылось со смертію А. С. Стахіева, послѣдовавшею 12 апрѣля 1794 года. Въ собраніи 29 апрѣля 1794 года «подтверждено предварительное избраніе, марта 4 дня, въ члены академіи зеленецкаго монастыря о. архимандрита Анастасія».

5 августа 1794 года:

75. **Александръ Семеновичъ Хвостовъ.**

76. **Иванъ Григорьевичъ Долинскій.**

Княгиня Е. Р. Дашкова «предложила въ члены академіи отъ арміи бригадира Александра Семеновича Хвостова и статскаго совѣтника Ивана Григорьевича Долинскаго, которые по большинству голосовъ присутствовавшихъ членовъ избраны».

10 августа 1794 года.

77. **Меѳодій (Смирновъ), архимандритъ.**

По представленію митрополита Гавріила, по одобренію предсѣдателя академіи княгини Дашковой и по согласію

всѣхъ присутствовавшихъ членовъ избранъ былъ въ члены академіи архимандритъ новоспасскаго московскаго монастыря Меѳодій, членъ святѣйшаго синода.

1795.

1 сентября 1795 года:

78. **Василій Михайловичъ Севергинъ.**

Княгиня Дашкова предложила въ члены россійской академіи пріобщника академіи В. М. Севергина; но члены, присутствовавшіе въ собраніи 1 сентября, по малочисленности своей, отложили утвержденіе этого избранія до слѣдующаго собранія, назначеннаго на 15 сентября. Въ запискѣ собранія 15 сентября не упоминается о выборѣ Севергина. Въ первый разъ Севергинъ, въ качествѣ дѣйствительнаго члена, былъ въ россійской академіи 13 октября 1795 года.

1796.

16 декабря 1796 года:

79. **Юрій Александровичъ Нелединскій-Мелецкій.**

80. **Александръ Семеновичъ Шишковъ.**

Д. И. Хвостовъ предложилъ въ члены академіи Нелединскаго-Мелецкаго, а П. П. Бакунинъ — Шишкова: «Собраніе, пріемля во уваженіе похвальные опыты въ россійскомъ словѣ того и другаго, избрало ихъ своими сочленами, по общему согласію, безъ балотированія».

1797.

18 іюля 1797 года:

81. **Иванъ Ивановичъ Дмитріевъ.**

По предложенію П. П. Бакунина, Дмитріевъ единогласно избранъ въ члены академіи «по извѣстному его въ россійскомъ словѣ искусству».

1798.

12 апрѣля 1798 года:

82. **Князь Александръ Борисовичъ Куракинъ.**

Въ собраніи 20 марта 1798 года управляющій академіею П. П. Бакунинъ предлагалъ въ члены академіи: князя Александра Борисовича Куракина и князя Алексѣя Борисовича Куракина. Пріобщеніе такихъ членовъ собраніе «почитало за пріобрѣтеніе, однако желать оставалося знать на сіе ихъ согласіе, и П. П. Бакунинъ взялъ на себя узнать о семъ ихъ мнѣніе». Въ собраніи 12 апрѣля заявлено было, что князь Александръ Борисовичъ Куракинъ «съ удовольствіемъ пріемлетъ на себя раздѣлять труды академіи, служащіе къ общему просвѣщенію, и что за честь себѣ вмѣняетъ быть оныя членомъ: почему присутствовавшіе члены единогласно утвердили выборъ сей». Но въ письмѣ своемъ князь Куракинъ вовсе не упоминаетъ объ участіи въ трудахъ академіи и говоритъ только: «Отмѣнно для меня пріятно быть облечену титломъ, любовію къ просвѣщенію и доброжелательствомъ ко всему полезному пріобрѣтаемымъ». Отъ князя Алексѣя Борисовича Куракина не получено никакого отвѣта.

1800.

14 іюля 1800 года:

83. **Яковъ Александровичъ Дружининъ.**

84. **Александръ Ѳедоровичъ Севастьяновъ.**

Предложенъ былъ «собранію *въ знакъ признательности* къ избранію въ члены комнатный его императорскаго величества секретарь Дружининъ; оное, увѣрено будучи о его къ россійскому слову усердіи и о довольномъ въономъ упражненіи, единогласно избрало его соучастникомъ трудовъ своихъ».

Равнымъ образомъ «предложенъ былъ собранію къ из-

бранію въ члены библіотекарь цесаревича Константина Павловича и академіи адъюнктъ Севастьяновъ; но какъ мнѣнія членовъ не согласны были, и при балотированіи вышло поровну баловъ на обѣ стороны; старшій же въ собраніи членъ г. Румовскій изъявилъ равнымъ образомъ свое согласіе, и выборъ утвержденъ».

18 августа 1800 года:

85. **Яковъ Дмитріевичъ Захаровъ.**

Предложенъ былъ для избранія въ члены «академіи наукъ академикъ и россійской академіи пріобщникъ Захаровъ: собраніе, увѣрено будучи о довольномъ его въ россійскомъ словѣ упражненіи, по большинству голосовъ, избрало его сочленомъ своимъ».

1 сентября 1800 года:

86. **Семенъ Емельяновичъ Гурьевъ.**

В. М. Севергинъ предложилъ для избранія «академика академіи наукъ Гурьева. Собраніе, отдавая справедливость трудамъ его и любленію отечественнаго языка, по большинству голосовъ, избрало его своимъ сочленомъ».

20 октября 1800 года:

87. **Павелъ Яковлевичъ Озерецковскій.**

С. Я. Румовскій «предложилъ, что россійская академія немалыя пріобрѣтетъ выгоды, когда присовокупитъ себѣ сочленомъ и сообщникомъ трудовъ своихъ отъ арміи оберъ-священника, св. синода члена Павла Яковлевича Озерецковскаго. Собраніе, отдавая должную справедливость отличному знанію и упражненію въ языкѣ отечественномъ сего знаменитаго мужа, единогласно избрало сочленомъ и сообщникомъ трудовъ академіи».

3 ноября 1800 года:

88. **Князь Александръ Михайловичъ Бѣлосельскій-Бѣлозерскій.**

Членъ академіи Д. П. Татищевъ предложилъ въ члены академіи «князя Александра Михайловича Бѣлосельскаго, дѣйствительнаго камергера: собраніе, отдавая всю справедливость отличному его знанію языка россійскаго и рачительному въ ономъ упражненію, единогласно избраніе сіе утвердило».

17 ноября 1800 года:

89. **Григорій Ивановичъ Шиповскій.**

Членъ академіи С. Е. Гурьевъ «предложилъ къ избранію въ члены академіи коллежскаго асессора *Шиповскаго*, обучающаго при 2-мъ кадетскомъ корпусѣ словеснымъ наукамъ, который *въ публикѣ заслужилъ похвалу многими своими въ свѣтъ изданными переводами, могущими послужить образцомъ для упражняющихся въ оныхъ*; причемъ въ доказательство представилъ для академическаго книгохранилища трудовъ его переводъ изъ твореній Флоріана, подъ названіемъ: *Нума Помпилій*, съ обѣщаніемъ доставить таковойже подъ заглавіемъ: *Гонзальвъ Кордуанскій*, изъ твореній тогожъ сочинителя. Собраніе, отдавая справедливость знаніямъ его и многимъ въ россійскомъ словѣ упражненіямъ, по жребіямъ, по которымъ мнѣнія всѣхъ членовъ оказались согласны, избрало его своимъ сочленомъ».

8 декабря 1800 года:

90. **Логинъ Ивановичъ Голенищевъ-Кутузовъ.**

91. **Стахій Ивановичъ Колосовъ.**

По предложенію члена академіи И. Г. Долинскаго, генералъ-маіоръ Логинъ Ивановичъ *Голенищевъ-Кутузовъ* избранъ, по большинству голосовъ, въ члены россійской академіи.

Членъ академіи протоіерей И. И. Красовскій «представилъ собранію желаніе протоіерея и учителя въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ Стахія *Колосова* быть пріобщену членомъ въ россійской академіи, на каковое избраніе почти всѣхъ присутствовавшихъ членовъ было согласіе».

1801.

16 февраля 1801 года:

92. **Дмитрій Николаевичъ Неплюевъ.**

93. **Николай Петровичъ Свистуновъ.**

Членъ академіи С. Я. Румовскій «предложилъ для избранія въ члены академіи е. и. в. штатсъ-секретаря Дмитрія Николаевича *Неплюева*. Собраніе, отдавая должную справедливость отличному его знанію языка отечественнаго, любленію словесныхъ наукъ и вниманію о пользахъ академіи, единогласно избрало его членомъ академіи».

По предложенію А. А. Ржевскаго, собраніе избрало, по большинству голосовъ, въ члены академіи камергера Николая Петровича *Свистунова*, «отдавая справедливость искусству и упражненіямъ его въ языкѣ отечественномъ».

29 мая 1801 года:

94. **Андрей Андреевичъ Нартовъ.**

29 мая 1801 года данъ сенату указъ о назначеніи тайнаго совѣтника *Нартова* президентомъ россійской академіи. 1 іюня 1801 года, по выслушаніи этого указа, «собраніе, принеся всеавгустѣйшему монарху благодареніе за пожалованіе академіи президента въ особѣ А. А. Нартова, яко *ревностнѣйшаго любителя россійской словесности*, опредѣлило увѣдомить президента академіи».

5 іюня 1801 года:

95. **Баронъ (впослѣдствіи графъ) Алексѣй Ивановичъ Васильевъ.**

96. **Дмитрій Прокофьевичъ Трощинскій.**

По предложенію А. А. Нартова «единодушно избраны въ члены академіи: государственный казначей, е. и. в. совѣта членъ, государственной медицинской коллегіи главный директоръ, сенаторъ, баронъ Алексѣй Ивановичъ *Васильевъ* и е. и. в. совѣта членъ, сенаторъ, главный директоръ почтъ Дмитрій Прокофьевичъ *Трощинскій*, — мужи, отличными заслугами къ отечеству и примѣрнымъ усердіемъ къ россійскому слову извѣстные».

1802.

3 мая 1802 года:

97. **Ѳеоктистъ (Мочульскій), епископъ курскій.**
98. **Иванъ Степановичъ Рижскій.**
99. **Михаилъ (Десницкій), архимандритъ.**
100. **Александръ Сергѣевичъ Никольскій.**
101. **Иванъ Аѳанасьевичъ Дмитревскій.**

Предложены въ члены россійской академіи:
Епископъ *Ѳеоктистъ* — С. Я. Румовскимъ;
Иванъ Степановичъ *Рижскій* — графомъ Д. И. Хвостовымъ;
Архимандритъ *Михаилъ* — П. Я. Озерецковскимъ;
Александръ Сергѣевичъ *Никольскій* — Павломъ, архіепископомъ ярославскимъ;
Иванъ Аѳанасьевичъ *Дмитревскій* — А. А. Нартовымъ.

При балотированіи получили:

Епископъ Ѳеоктистъ	11	избират. и	1	неизбират.
И. С. Рижскій	10	»	2	»
Архимандритъ Михаилъ	9	»	3	»
А. С. Никольскій	8	»	4	»
И. А. Дмитревскій	7	»	5	»

1803.

10 января 1803 года:

102. **Павелъ Ивановичъ Голенищевъ-Кутузовъ.**

Кураторъ московскаго университета Павелъ Ивановичъ *Голенищевъ-Кутузовъ* прислалъ въ россійскую академію, для ея библіотеки, оду свою на день рожденія императора Александра I. «По прочтеніи сея оды, г. президентъ А. А. Нартовъ, отдавая справедливость какъ сему сочиненію, такъ и *многимъ другимъ рукописнымъ стихотвореніямъ*, въ академію отъ него, г. куратора, прежде сообщеннымъ, которыя служатъ доказательствомъ знанія его въ языкѣ отечественномъ и склонности къ словеснымъ наукамъ, и т. д., предложилъ утвердить его въ званіи дѣйствительнаго члена. Почему собраніе приступило къ балотированію, и большинствомъ баловъ (восемь избирательныхъ и четыре неизбирательныхъ) П. И. Голенищевъ-Кутузовъ избранъ членомъ россійской академіи».

7 февраля 1803 года:

103. **Петръ Матвѣевичъ Карабановъ.**

По представленію П. Я. Озерецковскаго, собраніе «единогласно избрало въ члены россійской академіи коллежскаго совѣтника Петра Матвѣевича *Карабанова*, въ словесныхъ наукахъ съ похвалою упражняющагося и довольные опыты искусства своего въ россійскомъ стихотвореніи показавшаго».

1804.

19 марта 1804 года:

104. **Павелъ Юрьевичъ Львовъ.**

Президентъ академіи А. А. Нартовъ, «отдавая справедливость знанію въ языкѣ отечественномъ и склонности къ словеснымъ наукамъ сочинителя книги подъ названіемъ:

Храмъ славы россійскихъ ироевъ, Павла Юрьевича *Львова*, предложилъ его въ члены россійской академіи». П. Ю. Львовъ избранъ большинствомъ девяти голосовъ противъ двухъ.

28 мая 1804 года:

105. **Михаилъ Никитичъ Муравьевъ.**

По предложенію президента А. А. Нартова, Михаилъ Никитичъ *Муравьевъ* избранъ въ члены россійской академіи «общимъ согласіемъ всего собранія».

1806.

7 апрѣля 1806 года:

106. **Князь Александръ Николаевичъ Голицынъ.**

107. **Иванъ Ивановичъ Бедринскій.**

Оберъ-прокуроръ св. синода князь Ал. Ник. *Голицынъ* и священникъ И. И. *Бедринскій* избраны, по предложенію А. А. Нартова, въ члены россійской академіи «общимъ согласіемъ всѣхъ присутствовавшихъ членовъ».

3 ноября 1806 года:

108. **Николай Николаевичъ Новосильцовъ.**

«По случаю кончины члена россійской академіи П. Б. Иноходцева, балотированъ и общимъ согласіемъ всѣхъ присутствовавшихъ избранъ въ члены академіи сенаторъ Николай Николаевичъ *Новосильцевъ*».

24 ноября 1806 года:

109. **Евгеній (Болховитиновъ), епископъ старорусскій.**

«По случаю кончины члена россійской академіи Д. Н. Неплюева, балотированъ и общимъ согласіемъ всѣхъ присутствовавшихъ избранъ въ члены академіи *Евгеній*, епископъ старорусскій».

1807.

23 февраля 1807 года:

110. **Иванъ Ивановичъ Мартыновъ.**

По предложенію А. А. Нартова, балотированъ и общимъ согласіемъ избранъ въ члены россійской академіи И. И. *Мартыновъ.*

16 мая 1807 года:

111. **Сергѣй Ѳедоровичъ Ѳедоровъ.**

По представленію И. И. Красовскаго, балотированъ и большинствомъ голосовъ избранъ въ члены академіи протопресвитеръ, е. и. в. духовникъ, синодальный членъ Сергѣй Ѳедоровичъ *Ѳедоровъ.*

10 августа 1807 года:

112. **Князь Дмитрій Петровичъ Горчаковъ.**

По случаю кончины члена россійской академіи М. Н. Муравьева, происходило балотированіе четырехъ кандидатовъ: изъ нихъ избранъ, большинствомъ двѣнадцати голосовъ противъ трехъ, князь Дмитрій Петровичъ *Горчаковъ.*

17 декабря 1807 года:

113. **Митрополитъ Сестренцевичъ-Богушъ.**

По предложенію А. А. Нартова, «академія, отдавая справедливость извѣстному искусству въ словесныхъ наукахъ, глубокому свѣдѣнію въ россійской исторіи и упражненію въ языкѣ россійскомъ митрополита римскихъ въ Россіи церквей Станислава *Сестренцевича-Богуша*, избрала его своимъ членомъ».

1808.

1 февраля 1808 года:

114. **Платонъ Яковлевичъ Гамалея.**

Президентъ академіи предоставилъ собранію слѣдующія сочиненія П. Я. Гамалеи:

Опытъ морской практики.

Вышняя теорія морскаго искусства.

Теорія и практика кораблевожденія.

Рѣчь о наукахъ вообще, о пользѣ ихъ и о способѣ упражняться въ оныхъ.

«Собраніе, отдавая справедливость извѣстному въ словесныхъ наукахъ и отечественномъ языкѣ нашемъ знанію и упражненію г. капитанъ-командора Платона Яковлевича *Гамалеи*, чему помянутыя выше сочиненія служатъ доказательствомъ, избрало его членомъ академіи».

16 мая 1808 года:

115. **Николай Николаевичъ Бантышъ-Каменскій.**

По представленію графа Д. И. Хвостова, собраніе «избрало большинствомъ жребіевъ (одиннадцать избирательныхъ и пять неизбирательныхъ) членомъ своимъ Николая Николаевича *Бантышъ-Каменскаго*, издавшаго въ свѣтъ многія полезныя классическія книги, до словесныхъ наукъ и исторіи касающіяся».

1809.

13 марта 1809 года:

116. **Князь Сергѣй Александровичъ Шихматовъ.**

117. **Александръ Александровичъ Писаревъ.**

П. Я. Гамалея предложилъ князя С. А. *Шихматова*, а Державинъ — А. А. *Писарева*. Избраны въ члены академіи: князь Шихматовъ большинствомъ одиннадцати голосовъ противъ четырехъ; Писаревъ — большинствомъ девяти противъ шести.

1810.

17 декабря 1810 года:

118. **Князь Александръ Александровичъ Шаховской.**

По представленію Державина, «избранъ въ члены россійской академіи большинствомъ баловъ (избирательныхъ пятнадцать, неизбирательныхъ 1) князь Александръ Алексан-

дровичъ Шаховской, коего знаніе россійскаго языка и упражненіе въ словесности, а особливо въ драматическихъ сочиненіяхъ, служатъ доказательствомъ слѣдующія его сочиненія и переводы, а именно:

Сочиненія.

Деборра — трагедія, въ стихахъ.
Полубарскія затѣи. | Женская шутка. | Новый Стернъ. | Ссора, или два сосѣда. — комедіи.
Любовная почта — опера.
Двѣ сатиры, помѣщенныя въ Драматическомъ вѣстникѣ.

Переводы.

Китайскій сирота — трагедія, въ пяти дѣйствіяхъ.
Все дѣло въ окошкахъ — опера.
Мысли изъ Юнга, преложенныя въ стихи».

1811.

21 декабря 1811 года:

119. **Иванъ Ивановичъ Леванда.**

Въ собраніи 2 декабря 1811 года «читано письменное мнѣніе коллежскаго совѣтника Ивана Ивановича Леванды о достоинствѣ и пользѣ сочиненія подъ заглавіемъ: *Сходство между санскритскимъ и россійскимъ языкомъ*, разсмотрѣніе коего было поручено ему россійскою академіею, съ присовокупленіемъ сочиненнаго имъ, г. Левандою, изслѣдованія о родоначаліи склавоновъ, или славянъ, и происхожденіи наименованія оныхъ. Собраніе, выслушавъ все сіе, и отдавая справедливость труду, употребленному имъ на разборъ и объясненіе ста осьми словъ санскритскихъ, имѣющихъ сходство съ россійскими словами, то̀ же самое значащими,

и на истолкованіе происхожденія склавоновъ, подтвердивъ оное историческими доказательствами, избрало его, г. *Леванду,* по предложенію г. президента А. А. Нартова, своимъ сочленомъ, большинствомъ голосовъ (избирательныхъ шаровъ пятнадцать, а неизбирательныхъ одинъ)». —

16 декабря 1811 года:

120. **Иванъ Андреевичъ Крыловъ.**
121. **Николай Ивановичъ Гнѣдичъ.**
122. **Иванъ Матвѣевичъ Муравьевъ-Апостолъ.**
123. **Ѳедоръ Тимоѳеевичъ Поспѣловъ.**

Крыловъ предложенъ былъ А. А. Нартовымъ;

Муравьевъ-Апостолъ и Поспѣловъ — Державинымъ,

Гнѣдичъ — графомъ Д. И. Хвостовымъ и А. Ѳ. Севастьяновымъ.

Крыловъ доставилъ въ академію, въ 1809 году, свои басни и двѣ комедіи: *Модная лавка* и *Урокъ дочкамъ*.

Гнѣдичъ представилъ переведенную имъ трагедію *Танкредъ.*

Поспѣловъ представилъ въ академію переведенныя имъ съ латинскаго языка четыре части *Лѣтописей Корнелія Тацита,* также разговоръ *Объ ораторахъ* и *Жизнь Юлія Агриколы.*

Всѣ четыре кандидата: Крыловъ, Гнѣдичъ, Муравьевъ-Апостолъ и Поспѣловъ «по извѣстнымъ ихъ упражненіямъ въ россійской словесности избраны, по большинству голосовъ, въ члены россійской академіи». Крыловъ получилъ пятнадцать избирательныхъ голосовъ и одинъ неизбирательный; три остальные кандидата получили тринадцать избирательныхъ и три неизбирательныхъ.

1813.

29 марта 1813 года:

124. **Антонъ Антоновичъ Прокоповичъ-Антонскій.**

Въ собраніи 29 марта 1813 года читано было слѣдующее предложеніе президента россійской академіи А. А. Нартова: «Препровождаю при семъ въ россійскую академію полученное мною отъ А. А. Прокоповича-Антонскаго, московскаго университета профессора и учрежденнаго приономъ Общества любителей россійской словесности предсѣдателя, рукописное его сочиненіе подъ названіемъ: *Краткое начертаніе разныхъ родовъ поэзіи.* Отдавая справедливость отличному его, г. Прокоповича-Антонскаго, знанію языка россійскаго, похвальнымъ упражненіямъ въ отечественной нашей словесности, о коемъ свидѣтельствуютъ многія, изданныя имъ въ свѣтъ книги, какъ-то: *Вечерняя Заря*; *Покоющійся трудолюбецъ*; *Чтеніе для вкуса, разума и сердца*; *Магазинъ натуральной исторіи, физики и химіи*; *Начальныя правила россійской грамматики*; *Просодія*; *Острыя изреченія*, и проч. — предлагаю его, г. Прокоповича-Антонскаго, *по изъявленному имъ желанію участвовать въ трудахъ академіи россійской*, въ члены оныя на имѣющееся по кончинѣ С. Я. Румовскаго праздное мѣсто». А. А. Прокоповичъ-Антонскій избранъ въ члены россійской академіи большинствомъ одиннадцати избирательныхъ голосовъ противъ двухъ неизбирательныхъ.

1818.

10 іюля 1818 года:

125. **Николай Михайловичъ Карамзинъ.**

По предложенію Шишкова, *Карамзинъ* избранъ единогласно.

21 сентября — 5 октября 1818 года:

126. **Филаретъ (Дроздовъ), епископъ ревельскій.**

127. **Василій Андреевичъ Жуковскій.**

По предложенію А. С. Шишкова, епископъ *Филаретъ* и *Жуковскій* избраны единогласно въ собраніи 21 сентября;

выборъ этотъ, по полученіи избирательныхъ голосовъ отсутствовавшихъ членовъ, окончательно утвержденъ въ собраніи 5 октября.

21 декабря 1818 года:

128. **Иннокентій (Смирновъ), архимандритъ.**

Предлагая въ члены россійской академіи Иннокентія, архимандрита новгородскаго юрьева монастыря, члена главнаго правленія училищъ, ректора петербургской семинаріи, доктора и профессора богословія, А. С. Шишковъ такъ отзывался о своемъ кандидатѣ: «Всегдашнее упражненіе его въ наукахъ и духовной словесности; дарованія, украшающія санъ его, и достопочтенныя, занимаемыя имъ должности, увольняютъ меня отъ всякихъ дальнѣйшихъ объясненій о достоинствѣ его къ поступленію въ сіе сословіе». При балотированіи Иннокентію «положено полное число избирательныхъ шаровъ».

28 декабря 1818 года:

129. **Иванъ Ивановичъ Ястребцовъ.**

Президентъ А. С. Шишковъ писалъ въ россійскую академію: «Надворный совѣтникъ *Ястребцовъ*, обучавшійся и кончившій курсъ наукъ въ московской академіи, упражнявшійся нѣсколько времени въ преподаваніи наставленій въ россійскомъ краснорѣчіи. Сверхъ многихъ переведенныхъ и изданныхъ имъ книгъ, таковыхъ какъ: *Оракулъ новыхъ философовъ*; *Критическій разборъ Вольтеровыхъ сочиненій*; *Переписка Фридриха II, короля прусскаго, съ Вольтеромъ*; *Баронъ Флемингъ, или страсть къ титуламъ*, и проч., перевелъ онъ съ французскаго языка весьма полезную книгу подъ названіемъ: *Избранныя слова Массильона, епископа клермонскаго*, за которую удостоился монаршаго благоволенія и награды, состоящей въ напечатаніи перевода его на

счетъ Кабинета въ пользу переводчика и въ всемилостивѣйшемъ пожалованіи его въ чинъ коллежскаго асессора. Сей переводъ его показалъ въ немъ человѣка, въ краснорѣчіи свѣдущаго и въ языкѣ своемъ искуснаго и опытнаго, а потому и почитаю я долгомъ моимъ и обязанностію предложить его, яко достойнаго, къ избранію въ дѣйствительные члены академіи». При балотированіи, въ собраніи 21 декабря, Ястребцову недоставало двухъ избирательныхъ шаровъ: они доставлены къ собранію 28 декабря, и Ястребцовъ признанъ дѣйствительнымъ членомъ академіи.

1819.

8 марта 1819 года:

130. **Александръ Ѳедоровичъ Воейковъ.**

131. **Михаилъ Трофимовичъ Каченовскій.**

Предлагая *Воейкова* и *Каченовскаго*, А. С. Шишковъ указываетъ на многія сочиненія Воейкова и на его переводы «Виргиліевыхъ *Георгиковъ* и Делилевой поэмы *Сады*», а о Каченовскомъ говоритъ: «Долговременныя упражненія его въ россійской словесности и многія изданныя имъ сочиненія, сколько пользою своею, столькоже и чистотою слога отличающіяся, кажется мнѣ, по справедливости отверзаютъ ему двери въ сіе почтенное сословіе». По окончаніи балотировки «оказалось, что *Воейковъ* и *Каченовскій* избраны въ дѣйствительные члены академіи».

10 мая 1819 года:

132. **Серафимъ (Глаголевскій), митрополитъ московскій.**

Предлагая митрополита *Серафима* въ члены россійской академіи, А. С. Шишковъ замѣчаетъ: «О достоинствѣ его ко вступленію въ сіе сословіе, яко всѣмъ извѣстнаго мужа и архипастыря, излишно было бы съ моей стороны распространяться».

1820.

5 — 12 іюня 1820 года:

133. **Александръ Христофоровичъ Востоковъ.**

По предложенію А. С. Шишкова, *Востоковъ*, какъ авторъ стихотвореній и изслѣдованій по части отечественнаго языка, избранъ въ члены россійской академіи въ собраніи 5 іюня; недостававшіе голоса доставлены къ собранію 12 іюня, въ которомъ утвержденъ выборъ Востокова.

1821.

21 мая — 11 іюня 1821 года:

134. **Григорій (Посниковъ), архимандритъ.**

135. **Поликарпъ (Гайтанниковъ), архимандритъ.**

136. **Иванъ Александровичъ Гульяновъ.**

Президентъ А. С. Шишковъ предложилъ въ члены россійской академіи:

1) Ректора с.-петербургской духовной академіи, архимандрита *Григорія* и ректора с.-петербургской духовной семинаріи, архимандрита *Поликарпа*: «Начальство ихъ при духовныхъ училищахъ, упражненія въ словесныхъ наукахъ и собственныя ихъ сочиненія подаютъ справедливыя причины къ избранію ихъ въ дѣйствительные члены россійской академіи».

2) Служащаго въ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ надворн. совѣтн. Ивана Александровича *Гульянова*: «Отличныя упражненія его въ изслѣдованіи началъ и правилъ какъ россійскаго, такъ и другихъ языковъ; пріобрѣтенныя имъ немалыя знанія, и оказанные въ томъ благоуспѣшные опыты, прямо къ академическимъ занятіямъ и упражненіямъ относящіеся, даютъ ему неоспоримое право ко вступленію въ дѣйствительные члены россійской академіи».

При балотированіи, въ собраніи 21 мая, положено избирательныхъ баловъ: архимандриту Григорію семнадцать, архимандриту Поликарпу и Гульянову — по восемнадцати; по полученіи избирательныхъ голосовъ, отсутствовавшихъ членовъ, выборъ признанъ, въ собраніи 11 іюня, оконченнымъ и дѣйствительнымъ.

1828.

17 марта — 5 мая 1828 года:

137. **Аѳонасій Ивановичъ Стойковичъ.**
138. **Василій Алексѣевичъ Полѣновъ.**
139. **Петръ Андреевичъ Загорскій.**
140. **Князь Платонъ Александровичъ Ширинскій-Шихматовъ.**
141. **Дмитрій Семеновичъ Чижовъ.**
142. **Михаилъ Евстафьевичъ Лобановъ.**
143. **Іоакимъ Семеновичъ Кочетовъ.**
144. **Григорій Ивановичъ Мансвѣтовъ.**
145. **Петръ Николаевичъ Мысловскій.**

Всѣ эти девять кандидатовъ предложены А. С. Шишковымъ на слѣдующемъ основаніи: «Изданныя ими въ свѣтъ на языкѣ россійскомъ разныя сочиненія и переводы всѣмъ извѣстны, а основательными познаніями своими въ наукахъ богословскихъ, математическихъ и физическихъ могутъ весьма много споспѣшествовать къ усовершенствованію словаря россійскаго, къ новому изданію коего академія приступить положила, и сверхъ того во многихъ другихъ случаяхъ могутъ принести академіи немалую пользу сношеніемъ своимъ съ учеными, въ иностранныхъ земляхъ живущими».

Члены, присутствовавшіе въ собраніи 17 марта единодушно изъявили свое согласіе; по полученіи голосовъ отсутствовавшихъ членовъ, окончательный выборъ состоялся въ собраніи 5 мая.

1829.

22 декабря 1828 года — 12 января 1829 года:

146. **Николай Семеновичъ Мордвиновъ.**

147. **Александръ Васильевичъ Казадаевъ.**

148. **Алексѣй Алексѣевичъ Перовскій.**

149. **Владиміръ Богдановичъ Броневскій.**

Этихъ четырехъ кандидатовъ предложилъ Шишковъ, отдавая должную справедливость ихъ «основательнымъ, доказаннымъ сочиненіями, свѣдѣніямъ въ отечественномъ языкѣ».

Члены, присутствовавшіе въ собраніи 22 декабря 1828 года, единогласно изъявили свое согласіе; окончательный выборъ состоялся въ собраніи 12 января 1829 года.

1831.

25 октября 1830 года — 24 января 1831 года:

150. **Михаилъ Михайловичъ Сперанскій.**

151. **Дмитрій Николаевичъ Блудовъ.**

152. **Сергій Семеновичъ Уваровъ.**

153. **Константинъ Матвѣевичъ Бороздинъ.**

Шишковъ предложилъ ихъ въ члены россійской академіи, отдавая полную справедливость ихъ «основательнымъ, многими сочиненіями доказаннымъ, свѣдѣніямъ въ отечественномъ языкѣ нашемъ».

При балотированіи, въ собраніи 25 октября 1830 года, Сперанскій получилъ тринадцать избирательныхъ баловъ, а Блудовъ, Уваровъ и Бороздинъ — по двѣнадцати избирательныхъ и по одному неизбирательному.

6 іюня — 19 сентября 1831 года:

154. **Александръ Ивановичъ Михайловскій-Данилевскій.**

Предложенъ Шишковымъ «по извѣстнымъ достоинствамъ и упражненію въ словесныхъ наукахъ».

Въ собраніи 6 іюня получилъ пятнадцать избирательныхъ баловъ; окончательный выборъ состоялся въ собраніи 19 сентября.

1832.

23 января — 6 февраля 1832 года:

155. **Алексѣй Петровичъ Ермоловъ.**

Предложенъ Шишковымъ «какъ по многимъ знаменитымъ подвигамъ и достоинствамъ, такъ равно и по упражненіямъ въ словесности».

Всѣ члены, присутствовавшіе въ собраніи 23 января, изъявили свое согласіе безъ балотированія; окончательный выборъ состоялся въ собраніи 6 февраля.

1833.

3 декабря 1832 года — 7 января 1833 года:

156. **Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ.**
157. **Павелъ Александровичъ Катенинъ.**
158. **Михаилъ Николаевичъ Загоскинъ.**
159. **Алексѣй Ивановичъ Маловъ.**
160. **Дмитрій Ивановичъ Языковъ.**

Предлагая ихъ въ члены академіи, Шишковъ ограничился замѣчаніемъ: «Извѣстныя въ словесности дарованія и сочиненія ихъ увольняютъ меня отъ подробнаго оныхъ исчисленія».

При балотированіи, въ собраніи 3 декабря 1832 года, Пушкинъ, Загоскинъ и Языковъ избраны единогласно, а Маловъ и Катенинъ получили по тринадцати избирательныхъ голосовъ и по два неизбирательныхъ. Окончательный выборъ — 7 января 1833 года.

11 марта — 6 мая 1833 года:

161. **Владимиръ Ивановичъ Панаевъ.**
162. **Павелъ Петровичъ Свиньинъ.**

163. **Борисъ Михайловичъ Ѳедоровъ.**

Предлагая этихъ трехъ кандидатовъ, Шишковъ замѣтилъ: «Первый изъ нихъ по сочиненіямъ своимъ извѣстенъ. О долговременныхъ и полезныхъ трудахъ втораго прилагается записка. Третій какъ прежде представлялъ, такъ и нынѣ вновь представляетъ въ академію также многіе долговременные и полезные свои труды».

При балотированіи, въ собраніи 11 марта, получили: Панаевъ — семнадцать избирательныхъ голосовъ и два неизбирательныхъ; Свиньинъ — двѣнадцать избирательныхъ и семь неизбирательныхъ; Ѳедоровъ — десять избирательныхъ и девять неизбирательныхъ. Окончательный выборъ состоялся въ собраніи 6 мая.

27 мая — 5 августа 1833 года:

164. **Дмитрій Осиповичъ Барановъ.**

Предлагая *Баранова* въ члены академіи, Шишковъ пояснялъ: «Нѣкоторыя сочиненія его и любовь къ россійскому языку и словесности даютъ ему неоспоримое право на сіе званіе».

При балотированіи, въ собраніи 27 мая, получилъ пятнадцать избирательныхъ голосовъ и шесть неизбирательныхъ; окончательный выборъ состоялся въ собраніи 5 августа.

1835.

13 октября 1834 года — 23 февраля 1835 года:

165. **Иванъ Александровичъ Вельяминовъ.**

166. **Алексѣй Ѳедоровичъ Малиновскій.**

Предлагая ихъ, Шишковъ говоритъ: «Долговременная и похвальная служба ихъ, соединенная съ хорошими познаніями въ языкѣ и словесности, столько извѣстны, что я не имѣю надобности далѣе о томъ распространяться».

Въ собраніи 13 октября 1834 года избраны единогласно; окончательной выборъ послѣдовалъ въ собраніи 23 февраля 1835 года.

8 декабря 1834 года — 23 марта 1835 года:

167. **Степанъ Васильевичъ Руссовъ.**

Предложенъ Шишковымъ на томъ основаніи, что старался «безъ всякой стачки и пристрастія» опровергать умышленное искаженіе нашихъ лѣтописей, нашего языка и нравственности.

Въ собраніи 8 декабря 1834 года избранъ единогласно; окончательный выборъ — въ собраніи 23 марта 1835 года.

21 сентября — 21 декабря 1835 года:

168. **Василій Матвѣевичъ Перевощиковъ.**

Предлагая бывшаго профессора русской словесности въ дерптскомъ университетѣ В. М. Перевощикова въ члены россійской академіи, Шишковъ говоритъ: «Кромѣ заслугъ, оказанныхъ имъ дерптскому университету въ образованіи обучающагося въ ономъ юношества, извѣстенъ слѣдующими, напечатанными имъ, своими сочиненіями и переводами».

1) Рѣчь о пользѣ наукъ, говоренная при открытіи казанскаго университета.

2) Разсужденіе о превосходствѣ самодержавнаго правленія, читанное въ дерптскомъ университетѣ.

3) Привѣтственная рѣчь, поднесенная въ казанскомъ университетѣ его императорскому высочеству великому князю Михаилу Павловичу.

4) Три разсужденія о теоріи словесности: I, о средствахъ плѣнять воображеніе, II, убѣждать разумъ и III, возбуждать и утолять страсти.

5) Жизнеописаніе князя Якова Ѳеодоровича Долгорукаго.

6) Жизнеописаніе Богдана Ѳедоровича Кнорринга.

7) Жизнеописаніе и разсмотрѣніе сочиненій св. Димитрія Ростовскаго.

8) Жизнеописаніе и разсмотрѣніе сочиненій Өеофана Прокоповича.

9) Жизнеописаніе и разсмотрѣніе сочиненій Кантемира.

10) Жизнеописаніе и разсмотрѣніе сочиненій Ломоносова.

11) Избранныя мѣста изъ латинскихъ писателей: Саллюстія, Ливія и Тацита. Изъ Тацита переведено все жизнеописаніе Агриколы.

12) Слово Гердера о безсмертіи души.

13) Отрывокъ изъ исторіи швейцарскаго союза Іоанна Мюллера, и

14) Бронперовы идилліи.

При балотированіи, въ собраніи 21 сентября, Перевощиковъ получилъ семнадцать избирательныхъ голосовъ и два неизбирательныхъ голоса. Окончательный выборъ послѣдовалъ въ собраніи 21 декабря.

1836.

5 октября 1835 года — 11 января 1836 года:

169. **Иннокентій (Борисовъ), архимандритъ.**

Въ собраніи 28 сентября 1835 года «членъ академіи А. И. Маловъ читалъ двѣ рѣчи, говоренныя ректоромъ кіевской духовной академіи, архимандритомъ Иннокентіемъ, и собраніе слушало ихъ съ величайшимъ удовольствіемъ, отдавая г. ректору полную справедливость какъ за истинно-христіанскія чувства, коими дышатъ его рѣчи, такъ и за силу выраженій и чистоту языка».

Въ засѣданіи 5 октября 1835 года «слушали предложеніе г. президента (Шишкова), что въ собраніи академіи 28 сентября читаны были двѣ рѣчи, говоренныя архимандритомъ Иннокентіемъ, кои собраніе слушало съ величайшимъ удовольствіемъ, а потому президентъ поставляетъ

пріятною для себя обязанностію предложить сего достойнаго служителя церкви и отличнаго оратора къ избранію въ дѣйствительные члены академіи».

Въ томъ же собраніи 5 октября 1835 года Иннокентій избранъ единогласно; окончательный выборъ состоялся 11 января 1836 года.

14 декабря 1835 года — 14 марта 1836 года:

170. **Константинъ Ивановичъ Арсеньевъ.**

171. **Михаилъ Петровичъ Погодинъ.**

Предложены Шишковымъ. Въ собраніи 14 декабря 1835 года Арсеньевъ избранъ единогласно; Погодинъ получилъ шестнадцать избирательныхъ голосовъ и одинъ неизбирательный. Окончательный выборъ состоялся 14 марта 1836 года.

1837.

7 ноября 1836 года — 6 февраля 1837 года:

172. **Филаретъ (Амфитеатровъ), архіепископъ ярославскій.**

173. **Петръ Григорьевичъ Бутковъ.**

174. **Дмитрій Максимовичъ Княжевичъ.**

175. **Василій Борисовичъ Бажановъ.**

176. **Андрей Николаевичъ Муравьевъ.**

Предложены въ члены россійской академіи Шишковымъ на слѣдующемъ основаніи:

Архіепископъ *Филаретъ* — «пастырь, отличающійся какъ христіанскою доблестію, такъ и знаніемъ отечественнаго языка».

П. Г. Бутковъ—«показалъ знанія свои въ отечественной исторіи многими достойными уваженія изысканіями по сей части, напечатанными въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ».

Д. М. Княжевичъ — «извѣстенъ многими трудами своими въ словесности, и между прочимъ *Опытомъ русскихъ синонимовъ*».

В. Б. Бажановъ — «законоучитель при государѣ Наслѣдникѣ; одно изъ сочиненій Бажанова читано въ собраніи академіи, и слушано съ удовольствіемъ».

А. Н. Муравьевъ—«изданіемъ описанія Путешествія своего къ святымъ мѣстамъ обратилъ на себя общее вниманіе».

Въ собраніи 7 ноября архіеп. Филаретъ избранъ единогласно; Бажановъ и Княжевичъ получили по восемнадцати избирательныхъ голосовъ и по одному неизбирательному; Бутковъ — семнадцать избирательныхъ и два неизбирательныхъ; Муравьевъ — шестнадцать избирательныхъ и три неизбирательныхъ. Окончательный выборъ состоялся 6 февраля 1837 года.

1838.

4 іюня — 3 сентября 1838 года:

177. **Александръ Ивановичъ Красовскій.**

Шишковъ предложилъ въ члены россійской академіи А. И. Красовскаго, «извѣстнаго всѣмъ членамъ академіи по основательному знанію его отечественнаго языка и словесности; покойный родитель его былъ также членомъ академіи съ самаго основанія ея».

Въ собраніи 4 іюня избранъ большинствомъ шестнадцати голосовъ противъ одного; окончательный выборъ — въ собраніи 3 сентября.

16 іюля — 15 октября 1838 года:

178. **Дмитрій Васильевичъ Дашковъ.**

По предложенію Шишкова, избранъ единогласно въ собраніи 16 іюля; окончательный выборъ — въ собраніи 15 октября.

1839.

26 ноября 1838 года — 18 февраля 1839 года:

179. **Константинъ Степановичъ Сербиновичъ.**

Предложенъ Шишковымъ, какъ «любитель и знатокъ отечественнаго языка и словесности».

Единогласно избранъ въ собраніи 26 ноября 1838 года; окончательно – въ собраніи 18 февраля 1839 года.

27 мая — 26 августа 1839 года:

180. **Ѳедоръ Петровичъ Лубяновскій.**

Предлагая его въ члены академіи, Шишковъ говоритъ: «Всѣмъ намъ извѣстна любовь къ отечественной словесности Ѳ. П. *Лубяновскаго* и основательныя знанія его россійскаго языка, доказательствомъ чему служатъ какъ прежнія его сочиненія, такъ и недавно сдѣланный имъ переводъ славнаго Фенелонова сочиненія *Телемакъ*».

Въ собраніи 27 мая избранъ единогласно; окончательный выборъ — въ собраніи 26 августа.

19 августа — 18 ноября 1839 года:

181. **Иванъ Петровичъ Шульгинъ.**

Шишковъ предложилъ И. П. Шульгина — «извѣстнаго по знанію отечественнаго языка и по сочиненіямъ, относящимся ко всеобщей исторіи».

Единогласно избранъ въ собраніи 19 августа; окончательный выборъ — въ собраніи 18 ноября.

2 сентября — 2 декабря 1839 года:

182. **Князь Петръ Андреевичъ Вяземскій.**

183. **Михаилъ Ѳедоровичъ Соловьевъ**, профессоръ химіи въ петербургскомъ университетѣ.

184. **Дмитрій Ивановичъ Соколовъ**, профессоръ минералогіи и геогнозіи въ петербургскомъ университетѣ.

185. **Василій Ивановичъ Григоровичъ**, конференцъ-секретарь академіи художествъ.

186. **Степанъ Яковлевичъ Нечаевъ**, профессоръ химіи и ученый секретарь с.-петербургской медико-хирургической академіи».

Представляя ихъ, Шишковъ говоритъ: «Всѣ они извѣстны по знанію отечественнаго языка и любви къ словесности и наукамъ, а потому я не имѣю нужды въ исчисленіи ихъ ученыхъ трудовъ».

Въ собраніи 2 сентября всѣ избраны единогласно; окончательный выборъ — 2 декабря.

1840.

24 августа — 23 ноября 1840 года:

187. **Авраамъ Сергѣевичъ Норовъ.**

Шишковъ предложилъ въ члены россійской академіи *А. С. Норова* — «извѣстнаго въ словесности путешествіемъ его по Святой землѣ, описаніе котораго онъ издалъ въ 1838 году».

Въ собраніи 24 августа избранъ единогласно, что̀ окончательно утверждено въ собраніи 23 ноября. —

При преобразованіи россійской академіи во второе отдѣленіе академіи наукъ, утверждены, 19 октября 1841 года, академиками по отдѣленію русскаго языка и словесности слѣдующіе четырнадцать членовъ россійской академіи:

Филаретъ, митрополитъ московскій.
Иннокентій, епископъ вологодскій.
Константинъ Ивановичъ **Арсеньевъ**.
Петръ Григорьевичъ **Бутковъ**.
Александръ Христофоровичъ **Востоковъ**.
Князь Петръ Андреевичъ **Вяземскій**.

Василій Андреевичъ **Жуковскій**.
Михаилъ Трофимовичъ **Каченовскій**.
Иванъ Андреевичъ **Крыловъ**.
Александръ Ивановичъ **Михайловскій-Данилевскій**.
Владимиръ Ивановичъ **Панаевъ**.
Михаилъ Петровичъ **Погодинъ**.
Князь Платонъ Александровичъ **Ширинскій-Шихматовъ**.
Дмитрій Ивановичъ **Языковъ**.

Всѣмъ тѣмъ изъ дѣйствительныхъ членовъ россійской академіи, которые не поступили въ число академиковъ по второму отдѣленію и не имѣли званія почетныхъ членовъ академіи наукъ, присвоено званіе *почетныхъ членовъ Отдѣленія русскаго языка и словесности*. Они имѣли право присутствовать въ собраніяхъ Отдѣленія и участвовать въ его занятіяхъ, но это не вмѣнялось имъ въ непремѣнную обязанность. На основаніи § 7 «Положенія объ Отдѣленіи русскаго языка и словесности» утверждены министромъ народнаго просвѣщенія, 21 ноября 1841 года, почетными членами Отдѣленія слѣдующіе тридцать пять членовъ бывшей россійской академіи [476]):

Дмитрій Павловичъ **Татищевъ**.
Яковъ Александровичъ **Дружининъ**.
Александръ Александровичъ **Писаревъ**.
Князь Александръ Александровичъ **Шаховской**.
Иванъ Матвѣевичъ **Муравьевъ-Апостолъ**.
Антонъ Антоновичъ **Прокоповичъ-Антонскій**.
Серафимъ, митрополитъ новгородскій и с.-петербургскій.
Григорій, архіепископъ тверской.
Иванъ Александровичъ **Гульяновъ**.
Петръ Андреевичъ **Загорскій**.
Дмитрій Семеновичъ **Чижовъ**.
Михаилъ Евстафьевичъ **Лобановъ**.
Іоакимъ Семеновичъ **Кочетовъ**.
Петръ Николаевичъ **Мысловскій**.

Александръ Васильевичъ **Казадаевъ**.
Константинъ Матвѣевичъ **Бороздинъ**.
Павелъ Александровичъ **Катенинъ**.
Михаилъ Николаевичъ **Загоскинъ**.
Алексѣй Ивановичъ **Маловъ**.
Борисъ Михайловичъ **Ѳедоровъ**.
Степанъ Васильевичъ **Руссовъ**.
Василій Матвѣевичъ **Перевощиковъ**.
Филаретъ, митрополитъ кіевскій.
Дмитрій Максимовичъ **Княжевичъ**.
Василій Борисовичъ **Бажановъ**.
Андрей Николаевичъ **Муравьевъ**.
Александръ Ивановичъ **Красовскій**.
Константинъ Степановичъ **Сербиновичъ**.
Ѳедоръ Петровичъ **Лубяновскій**.
Иванъ Петровичъ **Шульгинъ**.
Михаилъ Ѳедоровичъ **Соловьевъ**.
Степанъ Яковлевичъ **Нечаевъ**.
Дмитрій Ивановичъ **Соколовъ**.
Василій Ивановичъ **Григоровичъ**.
Авраамъ Сергѣевичъ **Норовъ**.

ПРИМѢЧАНІЯ И ПРИЛОЖЕНІЯ.

---

1) Рукописныя записки засѣданій императорской россійской академіи. Собраніе 21 октября 1783 года, л. 9. —

2) Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 14 декабря 1790 года, ст. II, л. 211 об. —

3) Сочиненія Державина, съ объяснительными примѣчаніями Я. Грота. 1871. Т. VI. Записки Державина. стр. 559. —

4) Записки засѣданій россійской академіи. Собранія: 18 ноября 1783 года, ст. III, л. 22, и 25 ноября 1784 года, л. 56 об. —

5) Записки засѣданій россійской академіи. Собранія: 18 ноября 1783 года, ст. VIII, л. 24, и 16 декабря 1783 года, ст. I, л. 27 об. —

6) Сочиненія Державина, съ объяснительными примѣчаніями Я. Грота. 1880. Т. VIII. стр. 350 — 354. —

7) Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 18 ноября 1783 года, ст. IX, л. 25. —

8) Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 7 декабря 1805 года, л. 369 об. —

9) Записки засѣданій россійской академіи. Собранія: 12 мая и 17 ноября 1806 года; — 23 февраля 1807 года; — 4 февраля 1811 года, № 5. —

10) Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 22 мая 1809 года, л. 153. —

11) Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 26 ноября 1810 года, № 46. —

12) Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 4 февраля 1811 года, № 5. —

13) Записки засѣданій россійской академіи. Собранія: 5 мая 1806 года, л. 91 — 91 об.; — 17 декабря 1810 года; — 16 декабря 1811 года, № 45. —

14) Сочиненія Державина, съ объяснительными примѣчаніями Я. Грота. 1880. Т. VIII. стр. 354. —

15) Собственноручное письмо Державина, 13 января 1785 года, найденное въ рукописяхъ академическаго архива. —

16) Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 16 декабря 1796 года, ст. III, л. 115 об. — 116. —

17) Письмо Державина, 4 января 1797 года, найденное въ академическомъ архивѣ. —

18) Собственноручное письмо Державина, 15 ноября 1806 года, найденное въ академическомъ архивѣ. — Двѣ оды, о которыхъ упоминаетъ Державинъ: «На рожденіе великой княжны Елисаветы Александровны» и «На отправленіе въ армію фельдмаршала Каменскаго», читаны были въ собраніи академіи 17 ноября 1806 года, и опредѣлено: напечатать эти оды въ періодическихъ сочиненіяхъ. — *Андрей Андреевичъ* Нартовъ, упоминаемый Державинымъ въ концѣ письма, былъ тогда президентомъ россійской академіи.

19) Письмо Державина, 29 декабря 1806 года, найденное въ академическомъ архивѣ. —

20) Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 18 мая 1807 года, л. 124. —

21) Извѣстія россійской академіи. Книжка третія. 1817. стр. 92. —

22) Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 29 іюля 1816 года, № 25. —

23) Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 21 октября 1783 года, л. 8 об. —

24) Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 28 октября 1783 года, ст. III и IV, л. 11 об. — 12 об. —

25) Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 11 ноября 1783 года, ст. V, л. 17 об. — 18. —

26) Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 28 ноября 1783 года, ст. II, л. 21 об. —

27) Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 30 января 1784 года, ст. II, л. 33 об. — 35. —

28) Сочиненія, письма и избранные переводы Дениса Ивановича Фонвизина. Редакція изданія П. А. Ефремова. 1866. Письмо къ О. П. Козодавлеву о планѣ россійскаго словаря, стр. 277—285, 680 — 681. —

29) Собственноручное письмо епископа Дамаскина къ Лепехину, 30 апрѣля 1784 года, изъ Нижняго,—найденное въ академическомъ архивѣ. —

30) Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 18 ноября 1783 года, ст. VIII и IX, л. 24 — 25. —

31) Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 30 января 1784 года, ст. III, л. 35 об. —

32) Собственноручное письмо Фонвизина къ княгинѣ Дашковой, 22 января 1784 года, изъ Москвы, — найденное въ академическомъ архивѣ. —

33) Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 1 іюня 1784 года, ст. VIII. л. 47. —

34) Сочиненія Д. И. Фонвизина. Редакція П. А. Ефремова. 1866. стр. 247 — 249, 356, 682. —

35) Архивъ бывшаго шляхетнаго корпуса, нынѣ перваго военнаго, павловскаго училища. Дѣла 1747 года, № 109 и Дѣла 1751 года (Именной списокъ выпущеннымъ изъ корпуса, представленный 5 сентября 1751 года). —

36) Исторія императорскаго московскаго университета, на-

писанная профессоромъ С. Шевыревымъ. 1855. стр. 27, 47, 62, 93, 162 и др. —

37) Рукописи государственнаго архива. XVII. № 43. —

38) Рукописи государственнаго архива. XVII. № 47. —

39) Исторія московскаго университета, С. Шевырева, стр. 214 — 219, 125 и др. —

40) Рукописи государственнаго архива. XVII. № 122. —

41) Матеріалы для исторіи русской литературы. Изданіе П. А. Ефремова. 1867. стр. 135 и 115 — 116.

42) Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 21 октября 1783 года, л. 8 об. —

43) Письмо Хераскова, 28 апрѣля 1802 года, найденное въ академическомъ архивѣ. —

44) Записки засѣданій россійской академіи за 1806 годъ, л. 13. Письмо Хераскова къ Нартову, 24 декабря 1805 года. —

45) Черновое письмо, 7 декабря 1805 года, находящееся въ бумагахъ бывшей россійской академіи. Подписи нѣтъ, но судя по содержанію и тону, оно писано президентомъ академіи Нартовымъ. —

46) Письмо Хераскова къ Нартову, 14 февраля 1807 года, — въ бумагахъ россійской академіи. —

47) Письмо Хераскова къ Нартову, 11 мая 1807 года, — въ бумагахъ россійской академіи. —

48) Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 18 и 20 мая 1807 года, л. 124 и 128. —

49) Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 18 января 1808 года, л. 15 об. — 16. —

50) Зареида и Ростиславъ, трагедія въ пяти дѣйствіяхъ, сочиненная д. т. сов., россійской академіи членомъ и кавалеромъ М. М. Херасковымъ, и россійскою академіею изданная. Въ С.-Петербургѣ. 1809. Дѣйствіе третіе. Явленіе девятое, стр. 52—53. —

51) Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 28 августа 1809 года, л. 228 об. — 229. —

52) Исторія московскаго университета, С. Шевырева. стр. 384. —

53) Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 12 октября 1807 года, л. 247. —

54) Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 21 октября 1783 года, л. 9 об. —

55) Матеріалы для исторіи русской литературы. Изданіе П. А. Ефремова. 1867. стр. 59. —

56) Записки засѣданій россійской академіи. Собранія: 18 ноября 1783 года, ст. VIII, л. 24; — 16 декабря 1783 года, ст. I, л. 27; — 23 января 1784 года, ст. IV, л. 32. — Присутствуя въ собраніи академіи 18 ноября 1783 года, Княжнинъ взялъ на себя собираніе словъ, начинающихся на *В*, и къ 16 декабря 1783 года представилъ слова на *В* до слова: *вольность*, а къ 23 января 1784 года — остальную часть собранныхъ имъ словъ. —

57) Записки засѣданій россійской академіи. Собранія: 18 ноября 1783 года, ст. III, л. 22; — 25 ноября 1784 года, л. 56 об. —

58) Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 14 декабря 1790 года, ст. II, л. 212 об. —

59) Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 18 января 1791 года, ст. I, л. 221. —

60) Исторія московской славяно-греко-латинской академіи. Сочиненіе С. Смирнова. 1855, стр. 252, 112—113, примѣч. —

61) Матеріалы для исторіи русской литературы. Изд. П. А. Ефремова. 1867. Опытъ историческаго словаря о россійскихъ писателяхъ, Н. И. Новикова. Стр. 81—82. —

62) Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 11 ноября 1783 года, ст. VIII, л. 18 об. — 19.

63) Письмо Петрова, собственноручное, 19 ноября 1783 года, найденное въ академическомъ архивѣ. Оно писано, по всей вѣроятности, къ непремѣнному секретарю россійской академіи Ивану Ивановичу Лепехину.

Въ архивѣ академіи уцѣлѣла копія съ слѣдующаго письма вдовы В. П. Петрова къ президенту россійской академіи Шишкову:

Милостивый государь
Александръ Семеновичъ,

Прошло уже три года, какъ сынъ мой Николай Васильевичъ, съ моего согласія, доставилъ вамъ переводъ Виргиліевой Энеиды, переведенной покойнымъ мужемъ моимъ Васильемъ Петровымъ для перепечатанія въ академіи, по вашему желанію, а мнѣ за доставленіе вамъ сего перевода доставить пятьсотъ экземпляровъ. Я читала въ журналѣ давно, что оная поэма, уже отпечатанная, продается, а я еще ни единаго экземпляра не получила; сынъ же мой по службѣ далеко отъ меня: черезъ него просить васъ не могла.

Мнѣ очень было прискорбно слышать, что переводъ покойнаго мужа моего напечатанъ въ подножныхъ строкахъ: я сего никакъ не могла предвидѣть; я думала, что академія уважитъ переводъ старца и напечатаетъ точно такъ, какъ онъ былъ напечатанъ. Дѣло кончено, такъ тому и быть. Я васъ всепокорнѣйше прошу, милостивый государь, доставить мнѣ, вмѣсто пятисотъ экземпляровъ, за оные деньги, по цѣнѣ.

Я живу въ маломъ моемъ участкѣ, съ дѣтьми, въ орловской губерніи, ливенскаго уѣзда, въ селѣ Троицкомъ Городиловѣ. Вы меня чувствительнѣйше обяжете. Во ожиданіи вашего благоволенія

остаюсь готовая къ услугамъ
Елисавета Петрова.

23 іюля 1826 года.
Село Троицкое.

64) Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 11 ноября 1783 года, ст. VIII, л. 19. —

65) Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 18 ноября 1783 года, ст. III, л. 22. —

66) Записки засѣданій россійской академіи. Собранія: 18 ноября 1783 года, ст. VIII, л. 24; — 16 декабря 1783 года, ст. I, л. 27 об. —

67) Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 13 октября 1789 года, ст. I, л. 173. —

68) Записки засѣданій россійской академіи. Собранія: 18 ноября 1783 года, ст. IX, л. 25; — 23 сентября 1788 года, ст. I, л. 159. —

69) Записки засѣданій россійской академіи. Собранія: 25 ноября 1786 года, ст. II, л. 110; — 14 декабря 1790 года, ст. II, л. 213. —

70) Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 20 декабря 1791 года, ст. II, л. 241 об. — 242. —

71) Письмо Богдановича къ Лепехину, изъ Курска, 6 января 1802 года: Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 25 января 1802 года. Приложеніе, л. 19 об. — 22 об. —

72) Письмо Богдановича къ Нартову, изъ Курска, 9 мая 1802 года, найденное въ академическомъ архивѣ. —

73) Письмо Богдановича къ Нартову, изъ Курска, 17 іюня 1802 года: Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 5 іюля 1802 года. Приложеніе, л. 187—188. —

74) Письмо Богдановича, изъ Курска, 17 іюня 1802 года: Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 5 іюля 1802 года. Приложеніе, л. 189. —

75) Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 10 ноября 1802 года, л. 301—304. —

76) Приложеніе къ запискамъ засѣданій россійской академіи за 1803 годъ; собраніе 31 января 1803 года, ст. III. —

77) Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 24 февраля 1784 года, ст. IV, л. 37 об. —

78) Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 1 іюня 1784 года, ст. VII, л. 47. —

79) Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 20 марта 1785 года, ст. III, л. 65 об. —

80) Собственноручное письмо Капниста къ Шишкову, помѣченное: «1813 года, августа 13 дня. Кибинцы» — въ бумагахъ бывшей россійской академіи. —

81) Записки засѣданій россійской академіи. Собранія: 25 іюля 1814 года, № 25; — 1 августа 1814 года, № 26; — 8 августа 1841 года, № 27. —

82) Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 18 іюля 1797 года, ст. II, л. 129 об.

Предложеніе Бакунина, на имя И. И. Лепехина, 18 іюля 1797 года, найденное въ академическомъ архивѣ. —

83) Письмо Дмитріева къ Лепехину, 22 іюля 1797 года, найденное въ академическомъ архивѣ. —

84) Сборникъ статей, читанныхъ въ отдѣленіи русскаго языка и словесности императорской академіи наукъ. 1868. Т. V. Выпускъ I. стр. 265—266. —

85) Записки засѣданій россійской академіи. Собранія: 1 августа 1797 года, ст. I, л. 130; — 9 и 25 сентября 1798 года; — 2 апрѣля и 2 іюля 1799 года; — 8 декабря 1800 года. —

86) Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 31 августа 1835 года, л. 105. —

87) Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 23 января 1811 года. —

88) Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 14 января 1823 года, № I. —

89) Письмо Дмитріева къ Соколову 1 февраля 1823 года: Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 14 января 1823 года. Приложеніе.

90) Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 13 марта 1809 года, ст. III. —

91) Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 3 апрѣля 1809 года, л. 113—115. На рукописи, представленной Писаревымъ, помѣтка: «3 апрѣля 1809 года. Санктпетербургъ». —

92) Письмо Писарева къ Соколову, 25 ноября 1816 года, изъ Смоленска: Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 16 декабря 1816 года, ст. II. —

93) Письмо князя Шаховскаго къ Державину, 15 декабря 1810 года: Приложеніе къ запискамъ засѣданій россійской академіи за 1810 годъ. —

94) Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 17 декабря 1810 года, ст. III. —

95) Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 8 февраля 1819 года, № 6. —

96) Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 14 января 1823 года, № 1. —

97) Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 13 марта 1809 года, л. 100. —

98) Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 16 декабря 1811 года, № 45. —

99) Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 5 февраля 1816 года. № 5. —

100) Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 5 декабря 1818 года. —

101) Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 8 августа 1814 года, № 27. —

102) Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 14 января 1823 года, № I. —

103) Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 10 іюля 1818 года, № 21, ст. V. —

104) Письмо Карамзина къ Соколову, 18 іюля 1818 года, изъ Царскаго Села: Приложеніе къ запискамъ засѣданій россійской академіи за 1818 годъ. —

105) Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 12 октября 1818 года, № 34. —

106) Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 19 октября 1818 года, № 35. —

107) Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 30 ноября 1818 года, № 41. —

108) Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 5 декабря 1818 года, № 42. —

109) Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 18 января 1819 года, № 3. —

110) Записки засѣданій россійской академіи. Собранія: 3 января 1820 года, № 1; — 18 декабря 1820 года, № 47; — 8 января 1821 года, № 1; — 5 декабря 1822 года, № 40. —

111) Записки засѣданій россійской академіи. Собранія: 8 января 1820 года, № 2; — 5 февраля 1821 года, № 5; — 14 января 1823 года, № 1. —

112) Извѣстія россійской академіи. Книжка осьмая. 1820. Стр. 45—46. —

113) Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 25 сентября 1818 года, № 31. —

114) Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 5 октября 1818 года, № 33. —

115) Письмо Жуковскаго къ непремѣнному секретарю россійской академіи Петру Ивановичу Соколову, 13 октября 1818 года: Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 13 октября 1818 года, № 34. —

116) Письмо Жуковскаго къ Соколову, 7 октября 1822 года, — въ бумагахъ бывшей россійской академіи. —

117) Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 2 декабря 1822 года, № 40. —

118) Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 14 января 1823 года, № 1. —

119) Извѣстія россійской академіи. Книжка осьмая. 1820. Стр. 33—45. —

120) Письмо Жуковскаго къ Соколову, 30 января 1832 года, — въ бумагахъ бывшей россійской академіи. —

121) Записки засѣданій россійской академіи. Собранія: 2 января 1837 года, № 1, ст. V; — 1 мая 1837 года, № 15, ст. II. —

122) Приложеніе къ запискамъ засѣданій россійской академіи; собраніе 3 декабря 1832 года, ст. II. —

123) Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 3 декабря 1832 года, ст. II. —

124) Письмо Оленина къ Соколову, 14 декабря 1832 года,—въ бумагахъ бывшей россійской академіи. —

125) Собственноручная записка князя А. Н. Голицына, 16 декабря 1832 года, — въ бумагахъ бывшей россійской академіи. —

126) Отзывъ С. С. Уварова, 16 декабря 1832 года, — въ бумагахъ бывшей россійской академіи. —

127) Отзывъ А. Ѳ. Воейкова, 16 декабря 1832 года,—въ бумагахъ бывшей россійской академіи. —

128) Письмо Д. Н. Блудова къ Соколову, 17 декабря 1832 года, № 162,—въ бумагахъ бывшей россійской академіи. —

129) Отзывъ Серафима, митрополита новгородскаго и с.-петербургскаго,—въ бумагахъ бывшей россійской академіи.—

130) Письмо М. Т. Каченовскаго къ Соколову, 27 декабря 1832 года, изъ Москвы,—въ бумагахъ бывшей россійской академіи. —

131) Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 7 января 1833 года, № 1, ст. III. —

132) Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 28 января 1833 года, № 4. —

133) Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 4 февраля 1833 года, № 5. —

134) Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 25 февраля 1833 года, № 7. —

135) Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 11 марта 1833 года, № 9. —

136) Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 18 марта 1833 года, № 10. —

137) Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 10 іюня 1833 года, № 19. —

138) Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 8 декабря 1834 года, № 44. —

139) Сочиненія Пушкина. Изданіе П. В. Анненкова. 1855. Т. V. стр. 613—614. —

140) Сочиненія Пушкина. Изданіе П. В. Анненкова. 1857. Т. VII. Часть II. стр. 109—110. —

141) Записки засѣданій россійской академіи. Собранія: 30 января 1837 года, ст. X; — 23 октября 1837, ст. VII. —

142) Архивъ россійской академіи. Дѣло 1837 года, № 26.— Конференцъ-секретарь академіи художествъ Григоровичъ писалъ непремѣнному секретарю россійской академіи — Д. И. Языкову, 8 марта 1837 года:

Милостивый государь
Дмитрій Ивановичъ!

Михайло Евстафьевичъ Лобановъ сказывалъ мнѣ, что ваше превосходительство желаете имѣть свидѣтельство о дарованіяхъ и искусствѣ г. художника Вишневецкаго, которому россійская академія располагаетъ поручить нѣкоторыя работы.

Вслѣдствіе сего я долгомъ почитаю увѣдомить ваше превосходительство, что Вишневецкій принадлежитъ къ числу хорошихъ молодыхъ художниковъ, и дарованіями своими онъ обратилъ на себя вниманіе академіи художествъ, которая признала его назначеннымъ академикомъ и задала программу на званіе дѣйствительнаго академика. Это можетъ служить наилучшимъ доказательствомъ, что Вишневецкій имѣетъ способность не только хорошо и вѣрно списывать копіи, но и писать также оригинальныя вещи.

Вишневецкій мнѣ давно извѣстенъ не только по академіи, но и потому, что онъ состоитъ подъ покровительствомъ Общества поощренія художниковъ, въ коемъ я болѣе 12-ти лѣтъ уже имѣю честь быть членомъ и секретаремъ.

Съ совершеннѣйшимъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть

вашего превосходительства,
милостиваго государя,
покорнѣйшій слуга
Василій Григоровичъ.

Портретъ Пушкина, писанный Кипренскимъ, находился въ распоряженіи Жуковскаго. Вслѣдствіе этого Д. И. Языковъ писалъ Жуковскому, 20 апрѣля 1837 года:

Милостивый государь
Василій Андреевичъ,

Императорская россійская академія, уважая заслуги, оказанныя отечественной словесности покойнымъ А. С. Пушкинымъ, положила: живописный портретъ его поставить въ залѣ своего собранія.

Узнавъ, что портретъ покойнаго, писанный Кипренскимъ и находящійся нынѣ у г. Гальберга, состоитъ въ распоряженіи вашего превосходительства, я обращаюсь къ вамъ, м. г., отъ лица академіи, съ покорнѣйшею просьбою дозволить г. Гальбергу передать портретъ мнѣ подъ мою расписку, для снятія съ онаго копіи, послѣ чего я возвращу его или г. Гальбергу, или кому отъ васъ назначено будетъ, о чемъ покорнѣйше прошу почтить меня вашимъ отзывомъ.

Съ истиннымъ почт. и пр.

Жуковскій отвѣчалъ Языкову, 23 апрѣля 1837 года:

Портрета Пушкина теперь нѣтъ у меня, почтеннѣйшій Дмитрій Ивановичъ; онъ находится у фрейлины Загряжской, живущей въ Зимнемъ дворцѣ. Я возьму его отъ нея и вручу вашему живописцу, подъ вашу расписку. А онъ уже долженъ будетъ, кончивъ списокъ, передать его Николаю Ивановичу Уткину для гравированія къ новому изданію. Уткинъ возвратитъ расписку.

Преданный вамъ
Жуковскій.

Пришлите вашего живописца ко мнѣ въ воскресенье съ вашею распискою.

Въ собраніи 1 мая 1837 года непремѣнный секретарь академіи довелъ до свѣдѣнія, что онъ получилъ отъ В. А. Жуковскаго портретъ покойнаго члена Александра Сергѣевича Пуш-

кина, и для снятія съ него копіи отдалъ его подъ росписку живописцу Вишневскому (Записки засѣданій россійской академіи; собраніе 1 мая 1837 года, ст. X). —

143) Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 8 марта 1819 года, ст. IV. —

144) Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 10 февраля 1834 года, № 5; ст. III. Просьбу свою о полученіи пособія на изданіе Воейковъ выразилъ въ письмѣ къ президенту А. С. Шишкову, 6 декабря 1833 года. —

145) Письмо Воейкова къ Соколову, 6 февраля 1834 года, № 207: Приложеніе къ Запискамъ засѣданій россійской академіи за 1834 годъ. —

146) Письмо Воейкова къ Соколову, 23 марта 1834 года, № 392: Приложеніе къ Запискамъ засѣданій россійской академіи за 1834 годъ. —

147) Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 10 марта 1834 года, № 10, ст. VII. —

148) Письмо Воейкова къ Соколову, помѣченное: «1834 года, мая 12 дня. Село Рыбацкое. № 9.» — въ бумагахъ бывшей россійской академіи. —

149) Письмо Катенина къ Соколову, 1 мая 1883 года, найденное въ академическомъ архивѣ. — Собраніе академіи, о которомъ упоминается въ началѣ письма, происходило 29 апрѣля 1833 года. —

150) Краткая біографія Ивана Ивановича Шувалова составлена племянникомъ его княземъ Ѳедоромъ Николаевичемъ Голицынымъ. Графъ Дмитрій Ивановичъ Хвостовъ сообщилъ ее архіепископу псковскому, впослѣдствіи митрополиту кіевскому, Евгенію. Въ письмѣ изъ Пскова, 31 августа 1818 года, Евгеній благодаритъ Хвостова «за жизнь Шувалова». На письмѣ этомъ сдѣлана графомъ Д. И. Хвостовымъ такая помѣтка: «Жизнь Шувалова, мецената россійской словесности и въ особенности безсмертнаго Ломоносова, мною въ рукописи получена отъ роднаго племянника нашего мецената, князя Ѳедора Николае-

вича Голицына, 1813 г., и мною напечатана въ журналѣ Соревнователь». (Сборникъ статей, читанныхъ въ Отдѣленіи русскаго языка и словесности императорской академіи наукъ. 1868. Томъ V, выпускъ 1, стр. 167—168).

Біографическая статья, помѣщенная въ Соревнователѣ и доставленная Евгенію Хвостовымъ, послужила матеріаломъ при составленіи статьи о Шуваловѣ въ Словарѣ русскихъ свѣтскихъ писателей, митрополита Евгенія (Т. II, стр. 270—274).

Въ Москвитянинѣ (1853 г., мартъ, № 6, кн. 2, Историческіе матеріалы, стр. 87—98) помѣщена «Жизнь оберъ-камергера Ивана Ивановича Шувалова, писанная племянникомъ его, тайнымъ совѣтникомъ Өедоромъ Николаевичемъ Голицынымъ». О духѣ, въ которомъ составлена эта біографія можно судить уже по первымъ ея строкамъ: «Чувствованіе благодарности за неисчетныя благодѣянія будетъ водить перомъ моимъ въ описаніи жизни покойнаго дяди моего, роднаго по матери, Ивана Ивановича Шувалова, меня воспитавшаго, котораго имя и услуги, оказанныя нашему отечеству, пребудутъ незабвенны». Въ самомъ началѣ статьи, въ посвященіи автора, встрѣчается неточность: «Покойному дядѣ моему, Ивану Ивановичу Шувалову, скончавшемуся 15 ноября 1798 года»; но Шуваловъ скончался 11 декабря 1797 года.

Русская Бесѣда, 1857 года, № 1, статья П. И. Бартенева: Иванъ Ивановичъ Шуваловъ

Библіографическія Записки, 1861 года, Т. III, № 12.

Письма Ломоносова и Сумарокова къ И. И. Шувалову. Матеріалы для исторіи русскаго образованія Я. К. Грота. 1862. Приложеніе къ I-му тому Записокъ императорской академіи наукъ. № I. стр. 1—47.

Русскій Архивъ: 1864 года, выпускъ третій, стр. 266—292; —1864 года, выпускъ четвертый, стр. 345—395; —1867 года, № 1, стр. 65—99, и т. д. —

151) Столѣтній юбилей императорскаго московскаго универ-

ситета. 1855. Рѣчь профессора С. М. Соловьева: Благодарное воспоминаніе о Шуваловѣ. стр. 80.—

152) Матеріалы для исторіи русской литературы. Изданіе П. А. Ефремова. 1867. стр. 120—121.—

153) Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей, соч. митрополита Евгенія. 1845. Т. II. стр. 274.—

154) Матеріалы для исторіи журнальной и литературной дѣятельности Екатерины II. П. Пекарскаго. Приложеніе къ III-му тому Записокъ императорской академіи наукъ. 1863. № 6. стр. 11—15.—

155) Сочиненія, письма и избранные переводы Д. И. Фонвизина. Редакція изданія П. А. Ефремова. 1866. стр. 205, 204.—

156) Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 21 октября 1783 года, л. 7 об.—

157) Записки засѣданій россійской академіи. Собранія: 18 ноября 1783 года, ст. VIII, л. 24 об.;—16 декабря 1783 года, ст. I, л. 27 об.—

158) Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 23 августа 1785 года, ст. I, л. 71.—

159) Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 12 марта 1784 года, ст. II, л. 42.—

160) Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 23 августа 1785 года, ст. V, л. 72.—

161) Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 25 ноября 1786 года, ст. IV, л. 111.—

162) Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 25 ноября 1786 года, ст. II, л. 108 об.—

163) Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 19 декабря 1797 года, ст. III, л. 134—134 об.—

164) Матеріалы для исторіи русской литературы. Изданіе П. А. Ефремова. 1867. стр. 199—200.—

165) Матеріалы для исторіи русской литературы. стр. 79.—

166) Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 21 октября 1783 года, л. 7 об. —

167) Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 16 декабря 1783 года, ст. VI, л. 28 — 28 об. —

168) Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 6 іюля 1784 года, ст. V, л. 50. —

169) Матеріалы для исторіи русской литературы. Изданіе П. А. Ефремова. 1867. стр. 151 — 152, 136. —

170) Матеріалы для исторіи русской литературы. стр. 36.—

171) Пантеонъ россійскихъ авторовъ. 1801. Часть I. Князь Кантемиръ, Антіохъ Дмитріевичъ. —

172) Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 21 октября 1783 года, л. 7 об. —

173) Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 28 октября 1783 года, ст. II, III, V, VI, л. 11 об. — 14. —

174) Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 24 сентября 1793 года, ст. I, л. 49 об. — 50. —

175) Очеркъ исторіи морскаго кадетскаго корпуса; составилъ Ѳ. Веселаго. 1852. стр. 141 и слѣд. — Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей, митрополита Евгенія. 1845. Т. I. стр. 144. —

176) Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 11 ноября 1783 года, ст. III, л. 17 об. —

177) Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 18 ноября 1783 года, ст. IV, л. 22 — 22 об. —

178) Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 18 ноября 1783 года, ст. VII, л. 23 об. —

179) Письмо И. Л. Голенищева-Кутузова къ И. И. Лепехину, 25 ноября 1783 года, найденное въ академическомъ архивѣ. —

180) Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 18 ноября 1783 года, ст. VIII, л. 24. —

181) Письмо И. Л. Голенищева-Кутузова къ И. И. Лепехину, 30 декабря 1783 года, найденное въ академическомъ архивѣ. —

182) Архивъ академіи художествъ. Дѣла 1769 года, № 29. Письмо графа Александра Сергѣевича Строгонова, 6 мая 1768 года. —

183) Архивъ академіи художествъ. Дѣла 1800 года. № 7.—

184) Современникъ 1843. Т. XXXI. стр. 121—136. Статья П. А. Плетнева: «Графъ Александръ Сергѣевичъ Строгановъ».

Памяти графа Александра Сергѣевича Строганова. Состав. Н. Колмаковъ. 1844. —

185) Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 21 октября 1783 года, л. 8. —

186) Записки засѣданій россійской академіи. Собранія: 18 ноября 1783 года, ст. VIII, л. 24 об.; — 16 декабря 1783 года, ст. I, л. 27 об. —

187) Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 23 августа 1785 года, ст. I, л. 71. —

188) Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 23 августа 1785 года, ст. VII, л. 72. —

189) Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 19 сентября 1785 года, ст. II, л. 74 — 74 об. —

190) Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 1 декабря 1800 года, ст. II. —

191) Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 8 декабря 1800 года, ст. I. —

192) Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей, митрополита Евгенія. Т. II, стр. 144 — 145. —

Русская Старина. 1870. Іюль. М. Н. Лонгинова: Біографическія свѣдѣнія о русскихъ писателяхъ XVIII вѣка и библіографическія извѣстія объ ихъ произведеніяхъ. Супруги Ржевскіе. стр. 78 — 80. —

193) Матеріалы для исторіи русской литературы. Изданіе П. А. Ефремова. 1867. стр. 154, 138. —

194) Матеріалы для исторіи русской литературы. стр. 94.—

195) Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 21 октября 1783 года, л. 8. —

196) Записки засѣданій россійской академіи. Собранія: 18 ноября 1783 года, ст. VIII, л. 24; — 16 декабря 1783 года, ст. I, л. 27. —

197) Письмо А. А. Ржевскаго къ И. И. Лепехину, — найденное въ академическомъ архивѣ. Оно писано рукою самого Ржевскаго и имъ же помѣчено: «1792 года, августа 6 дня, г. с. Петра» (градъ святаго Петра). Письмо Ржевскаго внесено въ протоколъ засѣданія россійской академіи 7 августа 1792 года, ст. II, л. 25 об. —

198) Письмо Ржевскаго, собственноручное, «въ императорскую россійскую академію», безъ означенія года и числа, — найденное въ академическомъ архивѣ. —

199) Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 22 ноября 1802 года, л. 313 — 313 об. —

200) Письмо, собственноручное, Ржевскаго къ Лепехину, безъ означенія года и числа, — найденное въ академическомъ архивѣ. —

201) Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 16 февраля 1801 года, ст. IV, л. 13 об. — 14. —

202) Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 21 октября 1783 года, л. 8 об. —

203) Записки засѣданій россійской академіи. Собранія: 18 ноября 1783 года, ст. VIII, л. 24; — 16 декабря 1783 года, ст. I, л. 27. —

204) Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 21 октября 1783 года, л. 8 об. —

205) Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 18 ноября 1783 года, ст. IX и XI, л. 24 об., 25 — 25 об. —

206) Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 1 іюня 1784 года, ст. IV, л. 45 об. — 46. —

207) Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 18 ноября 1783 года, ст. XI, л. 25 об. —

208) Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 21 октября 1783 года, л. 8 об. —

209) Записки засѣданій россійской академіи. Собранія: 18 ноября 1783 года, ст. VIII, л. 24 об.;—16 декабря 1783 года, ст. I, л. 27 об. —

210) Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 2 марта 1784 года, ст. I, л. 38. —

211) Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 16 декабря 1783 года, ст. III, л. 27 об. —

212) Письмо П. В. Бакунина къ И. И. Лепехину, 22 февраля 1784 года, — найденное въ академическомъ архивѣ. —

213) Матеріалы для исторіи русской литературы. Изданіе П. А. Ефремова. 1867. стр. 157 — 158, 141. —

214) Матеріалы для исторіи русской литературы. стр. 60.—

215) Изъ двухъ рукописныхъ замѣтокъ одна, объ одѣ Леонтьева, писана рукою Василія Алексѣевича Полѣнова, избраннаго въ члены россійской академіи въ 1828 году. —

216) Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 21 октября 1783 года, л. 8 об. —

217) Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 28 октября 1783 года, ст. IV, л. 12 об. —

218) Записки засѣданій россійской академіи. Собранія: 18 ноября 1783 года, ст. III, л. 22; — 25 ноября 1784 года, л. 56 об. —

219) Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 18 ноября 1783 года, ст. VIII, л. 24. —

220) Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 14 декабря 1790 года, ст. II. л. 211 об., 212. —

221) Записки засѣданій россійской академіи. Собранія: 3 іюля 1792 года, ст. I, л. 13; — 17 іюля 1792 года, ст. II, л. 15 об.— 16. —

222) Московскій архивъ министерства юстиціи:

Въ книгѣ правительствующаго сената за № 6339, л. 605, написано: 1782 года, марта 11 дня, по указу ея императорскаго величества, правительствующій сенатъ въ общемъ всѣхъ департаментовъ собраніи, по доношенію коллегіи иностранныхъ дѣлъ,

коимъ объясняетъ: При секретной той коллегіи экспедиціи въ положенномъ по штату числѣ секретарей десятаго класса находится титулярный совѣтникъ Семенъ Щепотевъ, который сначала службу продолжалъ въ артиллерійскомъ корпусѣ до сержантскаго чина, а въ 762 году взятъ былъ къ генералъ-порутчику князю Мещерскому въ адъютанты, котораго по смерти, въ томъ же году случившейся, опредѣленъ въ лейбъ-кирасирскій полкъ въ корнеты, изъ коего въ 765 году выбылъ въ штатъ дворцовой конюшенной канцеляріи тѣмъ же чиномъ. А по состоявшемуся придворной ея императорскаго величества конюшенной командѣ штату остался онъ сверхъ положеннаго числа офицеровъ, и, по высочайшему именному ея императорскаго величества дозволенію, находясь три года въ чужихъ краяхъ, старался пріобрѣсть знаніе — сдѣлать себя способнымъ къ службѣ ея императорскаго величества и при штатскихъ дѣлахъ, откуда по возвращеніи во отечество, по прошенію его, принятъ къ дѣламъ во оную коллегію въ 1774 году переводчикомъ оной коллегіи, и въ 1775 году отправленъ былъ при чрезвычайномъ и полномочномъ послѣ генералъ-аншефѣ князѣ Рѣпнинѣ въ Константинополь. А по возвращеніи его оттуда, въ 776 г., декабря 23, произведенъ въ титулярные совѣтники, и помѣщенъ въ означенное число секретарей десятаго класса. И какъ онъ, Щепотевъ, ту службу продолжалъ при похвальномъ поведеніи съ должною прилежностію, то коллегія иностранныхъ дѣлъ представляетъ правительствующему сенату, дабы въ разсужденіи той его службы и для вящшаго ко оной поощренія соизволено было дать ему, Щепотеву, чинъ коллежскаго асессора, съ коимъ оставленъ онъ будетъ на прежнемъ мѣстѣ, — приказали: По представленію коллегіи иностранныхъ дѣлъ, находящемуся при секретной той коллегіи экспедиціи въ положенномъ по штату числѣ секретарей 10 класса титулярному совѣтнику Семену Щепотеву, за добропорядочную его службу, на основаніи генеральнаго регламента 50 главы, дать чинъ коллежскаго асессора; о чемъ ему объявя указъ, привесть къ присягѣ; за повышеніе чина вычетъ учинить с.-петербургскому

штатному казначейству; патентъ, напечатавъ, взнесть къ высочайшему ея императорскаго величества подписанію, и о томъ, куда надлежитъ, послать указы, а въ московскіе сената департаменты вѣдѣніе.

Въ книгѣ правительствующаго сената за № 6359, л. 133, значится, что Щепотевъ произведенъ 1785 года, генваря 31 дня, — за добропорядочную службу и за исправленіе должностей съ усердіемъ при дѣлахъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, — въ надворные совѣтники.

223) Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 21 октября 1783 года, л. 9 об. —

224) Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 18 ноября 1783 года, ст. III, л. 22. —

225) Записки засѣданій россійской академіи. Собранія: 18 ноября 1783 года, ст. VIII, л. 24; — 16 декабря 1783 года, ст. I, л. 27. —

226) Письмо С. Н. Щепотьева къ И. И. Лепехину, 25 мая 1785 года, — найденное въ академическомъ архивѣ. —

227) Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 13 января 1784 года, ст. II, л. 29 — 29 об. —

228) Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 5 октября 1784 года, ст. IV и VI, л. 53 — 53 об. —

229) Московскій архивъ министерства юстиціи:

Въ книгѣ герольдмейстерской конторы за № 437, на листѣ 521, находится представленная въ герольдмейстерскую контору изъ ревельской генералъ-губернской канцеляріи при рапортѣ отъ 26 августа 1755 года вѣдомость о находящихся въ оной губерніи статскихъ и придворныхъ чинахъ, состоящихъ въ рангахъ, и канцелярскихъ служителяхъ по взятымъ сказкамъ, въ коей между прочими значится: надворный совѣтникъ Иванъ Ивановъ сынъ Мелиссино, отъ роду ему 39 годъ, въ кадетскій корпусъ опредѣленъ въ 732 году, а въ 739 году изъ того корпуса выпущенъ офицерскимъ чиномъ; въ настоящемъ чину съ 746 года, іюня съ 17 дня.

Въ книгѣ герольдмейстерской конторы за № 517, л. 8: въ Кабинетъ ея императорскаго величества требовано 1763 года, генваря 8, извѣстіе — совѣтники Штелинъ и Ломоносовъ въ какихъ рангахъ состоятъ и съ котораго года, и кто моложе ихъ изъ тѣхъ чиновъ пожалованы когда и въ какіе чины; вслѣдствіе чего представленъ списокъ, въ коемъ сказано: младшѣе коллежскаго совѣтника Ломоносова пожалованы изъ коллежскихъ совѣтниковъ: Иванъ Мелесино статскимъ дѣйствительнымъ совѣтникомъ, и т. д.

Въ книгѣ герольдмейстерской конторы за № 388 находится, на 79 листѣ, челобитная опредѣленнаго въ ревельской генералъ-губернской канцеляріи надворнаго совѣтника Ивана Мелиссино 1750 г., августа дня, слѣдующаго содержанія: «По указу вашего императорскаго величества изъ правительствующаго сената опредѣленъ я 1746 года, іюля 17 дня (а въ книгѣ за № 439, л. 813 значится іюня 3), въ ревельскую генералъ-губернскую канцелярію на мѣсто бывшаго въ той канцеляріи губернскаго совѣтника, который нынѣ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ, Петра фонъ-Бреверна, надворнымъ совѣтникомъ на томъ же жалованьѣ, какъ получалъ оный фонъ-Бревернъ, по 600 руб. въ годъ; съ котораго времени нахожусь понынѣ тѣмъ же чиномъ въ отправленіи той должности безпорочно. А нынѣ я освѣдомился, что де бывшій въ эзельской провинціальной канцеляріи ландъ-гауптманъ Тунцелманъ фонъ-Адлеръ-Флухтъ отъ той должности отрѣшенъ, и что оное мѣсто еще находится въ ваканціи. А я, бывъ чрезъ нѣсколько лѣтъ въ ревельской губерніи, и опознаясь порядковъ и правъ завоеванныхъ губерній, надѣюсь оную ландъ-гауптманскую должность исправно и порядочно отправлять. И дабы высочайшимъ вашего императорскаго величества указомъ повелѣно было меня опредѣлить въ эзельскую провинціальную канцелярію ландъ-гауптманомъ, какимъ чиномъ правительствующимъ сенатомъ милостиво заблагоразсуждено будетъ; но чтобъ получить мнѣ тое же жалованную публичную аренду и прочія преимущества, которыми прежде бывшіе тамошніе ландъ-гефъ-динги на̀граждены были и пользовались».

Челобитная его не уважена, ибо на мѣсто ландъ-гауптмана опредѣленъ 1752 года, февраля 20, Иванъ Крокъ, а не Мелиссино; о Мелиссино же въ опредѣленіи ничего не упомянуто.

Въ книгѣ герольдмейстерской конторы за № 461, на листѣ 248, находится копія съ указа слѣдующаго содержанія: «Указъ нашему сенату. Всемилостивѣйше пожаловали мы надворнаго совѣтника Ивана Милисину канцеляріи совѣтникомъ и директоромъ въ московскій университетъ, съ жалованьемъ по 700 рублевъ въ годъ сверхъ положеннаго отъ университета директорскаго жалованья, и повелѣваемъ мы нашему сенату учинить по сему нашему указу. Апрѣля дня 1757 года. У подлиннаго подписано собственною ея императорскаго величества рукою тако: Елисаветъ». Въ сенатѣ принятъ 18 апрѣля 1757 года.

Объ отцѣ куратора московскаго университета, Иванѣ Мелиссино, сохранились такія свѣдѣнія:

Служитъ съ 1722 года въ Курляндіи надворнымъ совѣтникомъ.

1730 года, мая 15, опредѣленъ совѣтникомъ въ государственную коммерцъ-коллегію (кн. герольдмейстерской конторы 112, л. 70).

Съ 1740 года іюля 5 вице-президентомъ въ коммерцъ-коллегіи (герольд. конт. кн. за № 287 л. 117).

Вице-президентъ коммерцъ-коллегіи бригадиръ Иванъ Мелиссино имѣетъ супругу (кн. 1745 года, апрѣля, герольд. конт. за № 302, л. 399).

Въ 1745 году былъ назначенъ въ числѣ первыхъ пяти классовъ ко двору поутру и пополудни въ день рожденія великой княжны Екатерины Алексѣевны 21 апрѣля и въ день коронованія ея императорскаго величества 25 апрѣля (герольд. конт. № 302).

Именнымъ указомъ 1745 года, сентября 18, отрѣшенъ отъ должности вице-президента коммерцъ-коллегіи (герольд. конт. кн. 306, л. 1086).

1752 года, іюня 18, вице-президентъ мануфактуръ-коллегіи Иванъ Мелиссино умеръ (герольд. конт. кн. 400, листъ 272).

230) Исторія императорскаго московскаго университета, написанная профессоромъ С. П. Шевыревымъ. 1855. стр. 29, 124, 177, 152, 182, 201 — 204, 241, 253, и др. —

231) Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 28 октября 1783 года, ст. X, л. 14 об. —

232) Въ числѣ присутствовавшихъ въ собраніи 28 іюля 1788 года названъ и Иванъ Ивановичъ Мелиссино (Записки засѣданій россійской академіи; собраніе 28 іюля 1788 года, л. 157.) —

Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 18 ноября 1783 года, ст. IX, л. 25. —

233) Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 28 октября 1783 года, ст. VI, л. 13 об. — 14. —

234) Письмо И. И. Мелиссино къ княгинѣ Дашковой, 7 марта 1784 года, — найденное въ академическомъ архивѣ. —

235) Письмо И. И. Мелиссино къ княгинѣ Дашковой, 15 апрѣля 1784 года, — найденное въ академическомъ архивѣ. —

236) Письма И. И. Мелиссино къ И. И. Лепехину, найденныя въ академическомъ архивѣ: первое письмо 27 января 1785 года, второе — 24 февраля 1785 года. —

237) Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 8 апрѣля 1785 года, ст. III, л. 67. —

238) Записки засѣданій россійской академіи. Собранія: 25 ноября 1786 года, ст. II, л. 108 об.; — 14 декабря 1790 года, ст. II, л. 211. —

239) Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 28 апрѣля 1795 года, ст. I, л. 81. — Мелиссино скончался 23 марта 1795 года. Втеченіе самаго короткаго времени умерли члены россійской академіи: И. И. Мелиссино, М. И. Веревкинъ, Н. П. Соколовъ и И. И. Сидоровскій. —

240) Матеріалы для исторіи русской литературы. Изданіе П. А. Ефремова. 1867. стр. 121 — 122. —

241) Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 21 октября 1783 года, ст. III, л. 2 — 2 об. —

242) Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 28 октября 1783 года, ст. XI, л. 14 об. — 15. —

243) Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 18 ноября 1783 года, ст. IX, л. 25. —

244) Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 8 апрѣля 1785 года, ст. III, л. 67. —

245) Письмо князя Щербатова къ И. И. Лепехину, изъ Москвы, 29 сентября 1785 года,—найденное въ академическомъ архивѣ. —

246) Записки засѣданій россійской академіи. Собранія: 28 февраля 1785 года, ст. I, л. 60; — 9 сентября 1785 года, ст. I, л. 73. —

247) Письмо князя Щербатова, собственноручное, къ И. И. Лепехину, изъ Москвы, 24 апрѣля 1786 года, — найденное въ академическомъ архивѣ.

248) Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 14 марта 1786 года, ст. IV, л. 88 — 89. —

249) Письмо князя Щербатова къ И. И. Лепехину, изъ села Нагорнаго, 16 іюля 1786 года, — найденное въ академическомъ архивѣ. —

250) Записки засѣданій россійской академіи. Собранія: 23 августа 1785 года, ст. II, л. 71 об.; — 16 мая 1786 года, ст. II, л. 93 — 93 об.; — 14 іюня 1786 года, ст. I, л. 95 — 95 об. —

251) Письмо князя Щербатова, собственноручное, къ И. И. Лепехину, изъ Москвы, 22 февраля 1787 года, — найденное въ академическомъ архивѣ. —

252) Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 19 января 1790 года, ст. I, л. 179 об. —

253) Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 24 іюля 1787 года, ст. I, л. 123. —

254) Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 30 октября 1787 года, ст. I, стр. 134. —

255) Словарь академіи россійской: Часть I. 1789. стр. 111— *бахтерецъ*; стр. 109 — *баталыкъ*; стр. 393 — *бутурлыкъ*; —

Часть IV. 1793. стр. 638 — *органка*. Слова *байданы* нѣтъ въ словарѣ, а *баданъ* (I, 80) помѣщено какъ названіе травы на сибирскихъ горахъ, и т. д. —

256) Письмо князя Щербатова къ И. И. Лепехину, найденное въ академическомъ архивѣ:

Милостивый государь мой Иванъ Ивановичъ,

Почтенное письмо вашего высокородія и съ приложенными листами россійскаго словаря я имѣлъ честь получить, которые при семъ со встрѣтившимися мнѣ нужными примѣчаніями къ поправленію обратно посылаю; касательно же до справки о нѣкоторыхъ именахъ древнихъ вооруженій, получа почтенное письмо вашего высокородія, судьѣ мастерской палаты Петру Никитичу Кожину немедленно писалъ, и какой отъ него отвѣтъ получилъ при семъ въ подлинникѣ прилагаю; а послѣ того я съ нимъ видѣлся, и онъ мнѣ сказалъ, что сіи имена по запискѣ въ реестрахъ отысканы, и многія другія, и вещамъ онымъ сочиня описаніе, онъ ко мнѣ пришлетъ, которыя я не премину немедленно къ вашему высокородію сообщить; какихъ же листовъ недостаетъ у меня въ аналогическихъ таблицахъ, при семъ особливую записку прилагаю, прося покорно, дабы мнѣ ихъ сообщить, и пребываю съ совершеннымъ почтеніемъ,

милостивый государь мой,
вашего высокородія
всепокорный слуга
князь Михаилъ Щербатово.

Москва
октября 18 дня 1787.

257) Письмо Петра Никитича Кожина къ княгинѣ Дашковой, найденное въ академическомъ архивѣ:

Милостивая государыня
Княгиня Катерина Романовна,

Письмо вашего сіятельства, и при немъ доспѣхамъ и орудіямъ роспись, съ особливымъ моимъ почтеніемъ получить честь

имѣлъ. По которому исполняя, сколько сверхъ преждесообщенныхъ еще нынѣ по описнымъ мастерской и оружейной палаты книгамъ, какихъ доспѣховъ и орудій и прочихъ древняго названія разныхъ вещей отыскаться могло, къ вашему сіятельству препровождаю при семъ реестръ съ объясненіемъ въ немъ вида и употребленія ихъ. Другихъ же прописанныхъ въ приложенной отъ вашего сіятельства росписи доспѣховъ въ тѣхъ описныхъ книгахъ не значится. А развѣ нѣтъ ли въ артиллерійскихъ архивахъ, по дѣламъ преждебывшаго пушкарскаго приказа, а притомъ усмотрѣть изволите, что я съ моей стороны не оставилъ внесть въ реестръ и о тѣхъ наименованіяхъ стариннымъ вещамъ, которыя и кромѣ военныхъ доспѣховъ, не угодно ль будетъ къ свѣдѣнію вашего сіятельства. Впрочемъ съ совершеннымъ моимъ высокопочитаніемъ и истинною преданностію пребывая, есмь всегда,

милостивая государыня,
вашего сіятельства
покорнѣйшій слуга
Петръ Кожинъ.

Марта 20 дня 1788 года
Москва.

258) Новыя ежемѣсячныя сочиненія. Часть XVI. Мѣсяцъ октябрь 1787 года. стр. 56—60. Толкованіе на древнее въ россійскомъ языкѣ реченіе *гридинъ*, В. Крестинина. —

259) Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 29 апрѣля 1788 года, ст. II, л. 149. —

260) Словарь академіи россійской. 1789. Часть I. стр. 712. —

261) Письмо князя Щербатова къ И. И. Лепехину, изъ села Нагорнаго, 13 сентября 1788 года, — найденное въ академическомъ архивѣ. —

262) Словарь академіи россійской. 1789. Часть I. стр. 867. —

263) Записки засѣданій россійской академіи. Собранія:

25 ноября 1786 года, ст. II, л. 108 об; — 14 декабря 1790 года, ст. II, л. 211. —

264) Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 11 января 1791 года, ст. I, л. 220. —

265) Сообщеніемъ рукописей покойнаго академика В. А. Полѣнова я обязанъ родственнику его Ивану Петровичу Хрущову, которому приношу искреннюю благодарность. —

266) Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 11 ноября 1783 года, ст. VIII, л. 18 об. —

267) Письмо Янковича-де-Миріево, собственноручное, къ И. И. Лепехину, найденное въ академическомъ архивѣ:

Милостивый государь мой Иванъ Ивановичъ,

Хотя поправившееся мое здоровье дозволяло бы мнѣ завтра имѣть честь соприсутствовать объявленному отъ васъ собранію; но какъ вторникъ и суббота суть тѣ самые дни, по которымъ коммиссія о народныхъ училищахъ имѣетъ свои обыкновенныя засѣданія; то къ крайнему моему сожалѣнію и не могу имѣть завтрешній день удовольствія, чтобъ удовлетворить долгу моему, тѣмъ наипаче, что въ коммиссіи повѣщено уже имянно быть собранію. Естьли въ прочемъ будетъ какая нужда въ посильномъ моемъ трудѣ, то прошу покорнѣйше сообщить; а я не упущу исполнить возложеннаго со всякое точностію. О чемъ васъ, милостиваго государя моего, увѣдомляя, имѣю честь пребыть съ истиннымъ моимъ высокопочитаніемъ

вашъ, милостиваго государя моего,
покорнѣйшій слуга
Ѳеодоръ Іанковичъ фонъ Миріево.

8-го генваря 784.

268) Записки засѣданій россійской академіи. Собранія: 18 ноября 1783 года, ст. VIII, л. 24; — 16 декабря 1783 года, ст. I, л. 27. —

269) Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 23 января 1784 года, ст. II, л. 31—31 об. —

270) Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 2 марта 1784 года, ст. II, л. 38—38 об. —

271) Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 20 декабря 1791 года, ст. II, л. 241—241 об. —

272) Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 2 мая 1786 года, ст. VI, л. 92. —

273) Сборникъ статей, читанныхъ въ отдѣленіи русскаго языка и словесности императорской академіи наукъ. 1868. Томъ пятый. Выпускъ I. Стр. 273. —

274) Дѣла россійской академіи. 1837 года, № 64. Письмо А. Н. Оленина къ С. С. Уварову, 15 февраля 1842 года:

Милостивый государь
Сергій Семеновичъ,

Въ первыхъ временахъ императорской россійской академіи, которая приняла меня въ число своихъ членовъ, по представленной мною работѣ, а именно: *толкованіе многихъ военныхъ русскихъ старинныхъ реченій*, я съ самаго того времени занимался объясненіемъ многихъ обветшалыхъ реченій въ славенорусскомъ языкѣ, и убѣдясь въ той истинѣ, что лучшій способъ къ достиженію сей цѣли заключается въ полной таблицѣ обветшалыхъ словъ, съ показаніемъ, въ какихъ случаяхъ они были употреблены, я заставилъ выписать большое количество таковыхъ реченій изъ разныхъ нашихъ лѣтописей. Изготовленныя съ этою цѣлью таблицы незадолго до упраздненія россійской академіи внесены мною были въ сію академію съ просьбою приказать ихъ напечатать. Просьба моя была уважена и, сколько мнѣ извѣстно, рукопись мою начали печатать насчетъ академіи. Сіе обстоятельство побуждаетъ меня просить васъ, милостивый государь, удостоить меня отвѣтомъ на слѣдующій вопросъ: будутъ ли продолжать печатаніе помянутыхъ таблицъ насчетъ казны, или это дѣло положено прекратить съ существованіемъ россійской академіи? Въ послѣднемъ предположеніи я буду просить ваше высокопре-

восходительство о возвращеніи моей рукописи съ пополненіями, въ ней сдѣланными въ бывшей императорской россійской академіи.

Имѣю честь быть съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію

вашего высокопревосходительства

покорнѣйшимъ слугою

Оленинъ.

275) Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 16 мая 1786 года, ст. IV, л. 94. —

276) Приложеніе къ запискамъ засѣданій россійской академіи за 1831 годъ; собраніе 14 марта 1831 года, ст. II. —

277) Дѣла россійской академіи. 1837 года, № 64. О напечатаніи алфавитнаго указателя тремъ русскимъ лѣтописямъ. Письмо А. Н. Оленина къ Д. И. Языкову, 9 января 1837 года.—

278) Записки засѣданій россійской академіи. Собранія: 16 января 1837 года, ст. III; — 30 января 1837 года, ст. IX. — Дѣла россійской академіи. 1837 года, № 64. —

279) Въ Сборникѣ статей, читанныхъ въ отдѣленіи русскаго языка и словесности императорской академіи наукъ (1868. Т. V, выпускъ I, стр. 256—258) напечатаны *вполнѣ* біографическія свѣдѣнія о графѣ А. И. Мусинѣ-Пушкинѣ, вошедшія въ сокращенномъ видѣ въ біографію его, помѣщенную въ Словарѣ свѣтскихъ писателей, митрополита Евгенія. Въ рукописныхъ «Матеріалахъ» къ словарю митрополита Евгенія, находящихся въ императорской публичной библіотекѣ, есть выписки изъ печатныхъ книгъ тѣхъ мѣстъ, которыя могутъ служить матеріалами для біографіи графа А. И. Мусина-Пушкина. —

280) Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 17 ноября 1789 года, ст. IV, л. 174 об.: «Предсѣдатель академіи, ея сіятельство княгиня Екатерина Романовна Дашкова предложила въ члены академіи г. дѣйствительнаго статскаго совѣтника и кавалера Алексѣя Ивановича Мусина-Пушкина, который отъ присутствовавшихъ членовъ единогласно избранъ». —

281) Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 15 іюня 1790 года, ст. II, л. 192 об. —

282) Словарь академіи россійской. 1790. Ч. II. стр. 851 и 790. —

283) Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 14 декабря 1790 года, ст. I, л. 208. — Въ Словарѣ академіи россійской (Ч. III, стр. 8—9): Въ древнихъ законахъ—наслѣдіе: «Аже умреть смердъ, то задница князю; аже въ боярахъ или въ дружинѣ, то за князя задница нейдетъ (Рукоп. книга за рукою Никона патр.)» —

284) Записки засѣданій россійской академіи. Собранія: 5 декабря 1791 года, ст. I, л. 238 об.; — 13 декабря 1791 года, ст. II, л. 240. —

285) Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 20 декабря 1791 года, ст. II, л. 242—243. —

286) Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 3 іюля 1792 года, ст. II, л. 13—13 об. —

287) Письмо А. И. Мусина-Пушкина къ И. И. Лепехину. 14 іюля 1792 года, — найденное въ академическомъ архивѣ. —

288) Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 3 декабря 1793 года, ст. I, л. 53 об. —

289) Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 8 іюля, 1794 года, ст. II, л. 65. —

290) Словарь академіи россійской. 1794. Ч. VI. стр. 897—898. —

291) Письмо А. И. Мусина-Пушкина къ И. И. Лепехину, 11 февраля 1794 года,—найденное въ академическомъ архивѣ.—

292) Словарь академіи россійской. 1794. Ч. V. стр. 304 и 1080. —

293) Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 3 марта 1795 года, ст. II. л. 79. —

294) Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 7 декабря 1790 года, ст. IV, л. 205 об. —

295) Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 14 де-

кабря 1790 года, ст. II, л. 213 об. — Словарь академіи россійской. 1792. Часть III. —

296) Русская Старина. 1884. Іюль. Н. С. Тихонравова: Д. В. Дашковъ и графъ Д. И. Хвостовъ въ Обществѣ любителей словесности, наукъ и художествъ въ 1812 году, стр. 106—108. —

297) Опытъ краткой исторіи русской литературы. 1822. стр. 212—213. —

298) Письмо графа Хвостова къ митрополиту Евгенію, 17 іюня 1822 года. Сборникъ статей, читанныхъ въ отдѣленіи русскаго языка и словесности императорской академіи наукъ. 1868. Томъ пятый, выпускъ I. стр. 195—199. —

299) Рукописи императорской публичной библіотеки. Древлехранилище Погодина. Митрополита Евгенія Матеріалы къ словарю писателей. Томъ II.

Біографія
сенатора графа Дмитрія Ивановича
Хвостова.

Благосклонный читатель! Ты зришь предъ очами своими жизнеописаніе знаменитаго въ своемъ отечествѣ мужа — сенатора графа Хвостова. Дѣла его и заслуги своему отечеству столь были обширны, что помѣстить оныя въ себѣ можетъ одна только соразмѣрная онымъ память, и то токмо при систематическомъ и притомъ раздѣльномъ повѣствованіи оныхъ. Почему мы при настоящемъ изданіи его жизнеописанія заблагоразсудили дѣла его и заслуги отечеству раздѣлить на двѣ части, или статьи. Предметомъ первой будутъ душевные его таланты и степень образованности, по отношенію къ наукамъ и просвѣщенію; предметомъ же второй положимъ краткое описаніе гражданскаго его достоинства и знаменитости, каковыя онъ своими доблестями пріобрѣлъ въ славномъ россійскомъ государствѣ.

И такъ, начнемъ съ первой статьи.

Графъ Дмитрій Ивановичъ Хвостовъ родился 1757-го года въ СПбургѣ, въ домѣ, находящемся на Вознесенской улицѣ, противъ церкви сего имени, въ тотъ самый годъ, въ который прославлены святѣйшимъ синодомъ мощи святителя ростовскаго Димитрія. Добродѣтельные, благоразумные и благочестивые родители его, лейбъ-гвардіи подпоручикъ Иванъ Михайловичъ и Вѣра Григорьевна, урожденная Карина, приложили всевозможное попеченіе о воспитаніи двухъ сыновей: *Алексѣя*, который на 16-мъ году отъ рожденія своего скончался въ 1772-мъ году, и Дмитрія, автора нашего. Старшій братъ его извѣстенъ въ молодости своей печатнымъ переводомъ комедіи *Любовные оборотни* изъ театра Леграна, которая въ каталогѣ Плавильщикова ошибочно приписана Александру Семеновичу Хвостову (L'amour diable) Оборотни, смотри Сопикова.

Графъ Дмитрій Ивановичъ обучался въ домѣ родителей до 8-ми лѣтъ, потомъ въ пансіонѣ извѣстнаго тогда профессора Литке, и наконецъ выписанъ къ нему былъ французской службы офицеръ Николай Депрадтъ (Depradt), о которомъ воспитанникъ всегда воспоминалъ со слезами, хранилъ письма, и отдавалъ полную справедливость его дарованію, знанію и благонравію. Онъ почиталъ себя много ему одолженнымъ, ибо, разставшись съ нимъ на 17-мъ году, нѣсколько времени велъ переписку въ самый Парижъ.

При таковомъ рѣдкомъ наставникѣ пѣвецъ Кубры *) имѣлъ еще счастіе пользоваться примѣрами христіанской жизни и честными правилами родителей своихъ. Онъ обучался французскому и итальянскому языкамъ методически, также исторіи, географіи, логикѣ, риторикѣ, физикѣ и математикѣ. Сей послѣдней и латинскому языку, по отъѣздѣ Депрадта, бралъ уроки въ московскомъ университетѣ. Дядя родной по матери нашего автора Александръ Григорьевичъ Коринъ, извѣстный, по талантамъ своимъ къ

---

*) Смотри въ журналѣ Отечественныхъ Записокъ Павла Петр. Свиньина описаніе храма казанскія Божія Матери, воздвигнутаго ихъ благочестивымъ попеченіемъ Переславль-Залѣскаго уѣзда въ селѣ Слободкѣ на Кубрѣ.

музыкѣ и стихотворству, Екатеринѣ II (смотри Опытъ словаря Новикова о писателяхъ), скончался въ молодыхъ лѣтахъ, и при смерти подарилъ богатую свою, по тогдашнему времени, библіотеку племяннику, который не разставался съ нею до конца жизни. Другой же дядя его Ѳедоръ Гр. Коринъ. (Смотри при первомъ томѣ примѣчаніе 52).

Впрочемъ, не взирая на счастливую память и острый умъ, отъ нѣкоторой застѣнчивой безпечности дарованія графа Хвостова весьма медленно открывались. Слабое здоровье и молчаливость дѣлали, что онъ казался весьма обыкновеннымъ ребенкомъ. Никакое увѣщаніе родителей и никакія издержки въ пріятныхъ искусствахъ не заставили его сдѣлать ни шагу. Онъ цѣлую жизнь былъ плохой музыкантъ, фехтователь, рисователь и всадникъ, что доказываетъ слѣдующая эпиграмма, сдѣланная имъ на самого себя въ 1797-мъ году, при торжественномъ въѣздѣ въ Москву императора Павла I:

Здѣсь всадникъ погребенъ, который вѣкъ трудился,
Пегаса обуздавъ, себѣ доставить честь;
Но въ сорокъ лѣтъ, желавъ на лошадь мелку сѣсть,
Садясь, не совладѣлъ и—до смерти убился.

Онъ былъ тогда камер-юнкеромъ, не умѣлъ владѣть лошадью, хотя при ней нанятъ былъ берейтеръ, слѣзъ съ нея и пріѣхалъ въ экипажѣ, къ удивленію всѣхъ, до церемоніи въ слободской дворецъ боковыми улицами. Онъ хотя былъ рожденъ поэтомъ, но сей даръ природы имѣлъ ходъ медленный и непостоянный, что продолжалось во всю его жизнь, ибо, какъ онъ говоритъ въ посланіи Ивану Ивановичу Дмитріеву:

Случалось, нѣсколько текло на свѣтѣ лѣтъ,
Что самъ я забывалъ о томъ, что былъ поэтъ.

Говоря даже о послѣднихъ годахъ жизни его, мудрено опредѣлить, съ котораго времени онъ почувствовалъ настоящія обязанности поэта, то-есть постоянное вниманіе на правила

искусства и образцы предшественниковъ, на отечественный и иностранные языки, на собственныя и современниковъ сочиненія. Впрочемъ, удовлетворяя любопытству, положимъ начало онаго со времени совокупнаго изданія съ Павл. Иван. Голенищевымъ-Кутузовымъ, графомъ Григор. Серг. Салтыковымъ журнала «Друга просвѣщенія» въ Москвѣ, 1804-го года. Сей журналъ продолжался 4 года, до послѣдняго отъѣзда въ СПбургъ нашего автора, и извѣстенъ многими хорошими статьями въ стихахъ и прозѣ, а особливо словаремъ россійскихъ писателей до литеры *К.*, коимъ одолжены знаменитому въ россійской словесности мужу—преосвященному Евгенію, митрополиту кіевскому, истинному пріятелю нашего автора, что̀ доказываетъ любопытная, долговременная между ими переписка. О немъ-то въ посланіи къ живописцу сказано:

Наперсникъ мудрости, почтеннѣйшій Евгеній
Мнѣ громко говоритъ: любитель музъ, постой!
Коль хочешь ты черезъ стихи себя прославить,
Старайся въ полномъ ихъ сіяніи представить;
Пекись, коль музой мнишь хвалы пріобрѣтать,
Ты вдохновеніе съ искусствомъ сочетать;
Даръ можетъ щеголять страничкою одной, и пр.

Послѣднія изданія Андромахи, Науки стихотворной, посланій, притчей доказываютъ, что онъ при своихъ природныхъ дарованіяхъ умѣлъ почувствовать правило Горація (Смотри посланіе къ Муравьеву-Апостолу).

Горацій на вопросъ: природный даръ и вкусъ
Прославить могутъ ли одни питомца музъ,
Иль можетъ и безъ нихъ отличное искусство
Огнь мысли замѣнить и пламенное чувство?
Сказалъ, что грубый даръ не важенъ самъ собой.
Искусство тонкое, богатое красой,
Пускай является пріятно и любезно,
Безъ генія пѣвцу не можетъ быть полезно.

Посему-то онъ приложилъ неусыпное стараніе къ исправленію разсѣянныхъ по журналамъ и листочкамъ сочиненій своихъ, собралъ ихъ воедино; совѣтовался съ мертвыми и живыми; потомъ выдавалъ сочиненія и не жалѣлъ возобновлять изданій одно послѣ другаго. Наконецъ такъ исправилъ, что его языкомъ можно сказать: въ посланіяхъ къ Дмитріеву не одинъ стихъ и не нѣкоторые, а многіе останутся къ чести автора, который по скромности говоритъ:

«Быть можетъ къ счастію въ числѣ стиховъ моихъ
«Внушенный музами одинъ найдется стихъ».

Дѣтскія упражненія графа Хвостова при Деирадтѣ и вскорѣ послѣ него суть переводы: Исторія пчелъ, въ 2-хъ частяхъ; Помѣшательство въ женитьбѣ (le mariage interrompu), комедія Г. Кайлява, и наконецъ похвальное слово Вольтеру, сочиненіе короля прусскаго Фридерика II, и Дагесо изъ Томаса. Позднее и непостоянное сочетаніе искусства съ дарованіемъ природы, примѣтное особливо въ первыхъ изданіяхъ его сочиненій, доказываетъ, что сочинитель нашъ только казался по наружности безпечнымъ человѣкомъ. Дѣятельная душа его и пылкое воображеніе едва ли когда праздными были. Онъ мыслилъ среди разсѣянія или важнаго занятія, и могъ слѣдственно въ минуты, когда производилъ или обработывалъ что-либо, воспользоваться запасами, кои дѣлалъ безъ умысла до сего времени. Сіе свидѣтельствуетъ способности его въ одно время заниматься двумя различными между собою вещами. Онъ часто удивлялъ, разсказывая, по выходѣ просителя, о предметѣ стихотворномъ, о коемъ рѣчи не было. Память его, какъ выше сказано, такова, что даже въ послѣднее время онъ наизусть читалъ лучшія мѣста изъ французскихъ и русскихъ сочинителей, и не только цѣлыя явленія изъ Расина, но даже изъ Сумарокова, которымъ задолго передъ тѣмъ не занимался. Присовокупимъ къ тому врожденную зрѣлость разсудка, подкрѣпленную большимъ чтеніемъ, вѣрнымъ отъ природы вкусомъ и навыкомъ обращенія въ хорошемъ об-

ществѣ: то удостовѣримся, что онъ какъ скоро обращалъ на что̀ вниманіе, то могъ всегда достигать той плавности мыслей и слога, каковую видимъ въ послѣдующихъ изданіяхъ его сочиненій. Басни его хотя суть первыя послѣ Сумарокова, а именно: «Роза и Любовь», напечатанная при оперѣ г. Николева, 1781 года, съ большою похвалою; «Солнце и Молнія»; «Павлинъ»; «Мыши и Орѣхи»; «Щука и Уда», которую авторъ нашъ почерпнулъ изъ рукописныхъ тетрадокъ знаменитаго *Сковороды*, и другія, ясно свидѣтельствуютъ вмѣстѣ объ его дарованіи и неосмотрительности въ отдѣлкѣ. Впрочемъ онъ не былъ рабскій подражатель Сумарокову, равно какъ Ломоносову и Петрову въ одахъ. Уважая дарованія послѣдняго, онъ подражалъ ему въ краткости и силѣ выраженія; но ходъ мыслей и чувствованій всегда былъ у него во всѣхъ родахъ собственный. Оттого происходитъ, что у нашего сочинителя много стиховъ-пословицъ не только въ собственныхъ сочиненіяхъ, но даже и въ переводахъ. Мнѣніе его о стихотворствѣ было самое высокое. Онъ почиталъ поэта проповѣдникомъ нравственности *), и все достоинство заключалъ въ высокомъ чувствѣ и мысляхъ. Картины, фигуры, чистоту языка и слога разумѣлъ необходимою принадлежностію поэта, а не сущностію поэзіи **). Онъ опредѣляетъ наперсника музъ слѣдующимъ образомъ:

Наборъ однѣхъ рѣчей для слуха звукъ простой.
 сонмы древнихъ словъ хвалой пѣвцовъ вѣнчаютъ,
Но мысли сильныя отъ прочихъ отличаютъ.

---

*) Смотри оду къ музамъ:

Музъ чистыхъ чистъ и собесѣдникъ,
Онъ пѣснопѣвецъ, проповѣдникъ
Святыя правды и добра.

**) Г. Петровъ есть новое доказательство о безпечности нашего автора. Онъ, какъ выше сказали, уважая душевно переводчика Марона, и находяся съ нимъ въ одномъ городѣ болѣе 10-ти лѣтъ, не заботился о средствѣ съ нимъ познакомиться, такъ что разстались, не видавъ другъ друга въ лицо.

Коль рѣчь твоя ясна, коль чувствомъ духъ твой полнъ,
Дерзай средь грозныхъ бурь, не будешь жертвой волнъ.
(1-е посланіе о критикѣ).

Безпрерывное стремленіе къ главной цѣли своего сочиненія, быстрые переходы отъ одной мысли или отъ одного чувства къ другому доказываютъ, что онъ былъ поэтъ. На вопросъ: когда таковымъ сдѣлался? можно отвѣчать: съ минуты его рожденія; въ сущемъ дѣтствѣ, при описанной застѣнчивости, не выходилъ изъ гостиной, когда посѣщали его родителей ближніе ихъ родственники, Коринъ, Майковъ и Ал. Петр. Сумароковъ; также Фонъ-Визинъ, г. Павелъ Сергѣевичъ Потемкинъ и другіе, не только что вслушивался въ рѣчи ихъ, но даже переспрашивалъ о ихъ сужденіяхъ и помнилъ ихъ до конца жизни своей.

Сочиненія его, не исключая самыхъ первыхъ, ежели бы можно было раздѣлить на двѣ части: на поэзію, собственно такъ называемую, и отдѣлки, то гораздо яснѣе можно бы было видѣть его врожденное дарованіе. Главное достоинство гр. Хвостова, какъ писателя, есть постоянная и вмѣстѣ пламенная любовь его къ словесности и упражняющимся въ оной. Ходатайство его у вельможъ объ опредѣленіи къ мѣсту, дружба, совѣты, домъ его и пособія были открыты питомцамъ университетовъ и семинарій. Многія казенныя училища засвидѣтельствуютъ о воспитанникахъ, на его иждивеніи образованіе получившихъ. Онъ отягощалъ иногда пріятелей своихъ раздачею билетовъ на подписку для молодаго писателя. Онъ принималъ большое участіе въ изданіи журнала *Друга просвѣщенія.* Онъ усердный былъ, особливо при началѣ, сотрудникъ основателей Общества, пекущагося о просвѣщеніи и благотвореніи, доставилъ въ оное біографію поэта Петрова, отписки литогравированныя руки его и руки Ѳеофана Прокоповича, также отписки литогравированныя руки безсмертнаго Суворова—въ журналъ Невскаго Зрителя. Онъ выручку отъ сочиненьица своего, называемаго *Путешествіе на рѣку Пашу,* болѣе, нежели на 2000 рублей, посвятилъ на возобновленіе и ук-

рашеніе храма въ поминовеніе сего героя, находящагося въ Новой Ладогѣ, куда и приложилъ бюстъ полководца. Словомъ, уважая высокую цѣль просвѣщенія, трудился цѣлую жизнь, не ожидавъ себѣ награды, и не смотря ни на досады и оскорбленія отъ современниковъ, ни на невниманіе свѣта, такъ что онъ, при своихъ достоинствахъ, пожертвовалъ, можетъ быть, многимъ на удовлетвореніе похвальной своей ревности. Свойство графа Хвостова самое кроткое, что̀ открываетъ вся его жизнь домашняя и всѣ тѣ, кои имѣли съ нимъ сношеніе. Онъ весьма равнодушно переносилъ многія непріятности, поставя себѣ правиломъ, что для благополучія въ обществѣ надобно ближнимъ многое прощать, и всегда твердилъ пословицу: *Лови людей, каковыми они есть.* Но равнодушіе сіе, толикую дѣлающее честь мудролюбцу, всегда ли было свойствомъ поэта? Къ сожалѣнію, нѣтъ. Отрицать нельзя, что насмѣшки, сатиры, пасквили, дѣйствуя на легкомысленную часть публики, крайне его огорчали. Правда, что будучи всегда управляемъ разсудкомъ, рѣдко отвѣтствовалъ на колкости, издаваемыя въ журналахъ Г. (Греча), К. (Клушина), Ш. (Шаликова) и подобныхъ, ибо увидѣлъ, что нападки ихъ есть вражда, а цѣль—уловить для корысти вниманіе публики на счетъ извѣстнаго человѣка и писателя. И потому нерѣдко твердилъ стихи Крылова:

Знать моська та сильна, что лаетъ на слона.

Вражда сія имѣетъ свой, хотя и не похвальный, источникъ. Графъ Хвостовъ въ молодости отдѣлялъ стопосложеніе отъ поэзіи, и сначала мало о первомъ радѣлъ, а притомъ излишнее, можетъ быть, довѣріе къ своему дарованію заставляло его иногда не уважать тѣми замѣчаніями, кои строгость суда противъ него произносила, и, можетъ быть, покорствуя, по неопытности лѣтъ, эпиграмматической затѣйливости, иногда оскорблялъ своихъ состязателей, хотя безъ желчи. Притомъ, любя страстно словесность и поэзію, онъ увидѣлъ, что молодые писатели, по слѣповѣрію къ нѣкоторымъ иностраннымъ образцамъ, отступя отъ своихъ пред-

шественниковъ, каковыми онъ полагалъ относительно вкуса и слога: Хераскова, Богдановича и другихъ, и даже нарушая правила разсудка и вкуса, въ короткое время наводнили парнассъ нашъ слезливостію, вздохами, а наконецъ появилися не токмо изнѣженные стихи, но и жеманныя мысли: *«румяныя ивы, возвышенныя жизни, краснорѣчивые прахи, бокалы сладкаго досуга; не всѣ люди въ сложности составляютъ человѣчество»* и *проч.* и *проч.* Сіе самое побудило нашего автора послѣдовать въ стихахъ похвальному примѣру въ прозѣ почтеннѣйшаго Шишкова и ополчиться на тѣ нелѣпости, по кроткости не именуя никогда лицъ, и не выставляя даже стиховъ, кои изгнаны съ парнасса итальянскаго и французскаго и кои не должны существовать въ томъ народѣ, который можетъ похвалиться многими знаменитыми стихотворцами во всѣхъ родахъ (Смотри: 1-й томъ, стихи къ Горацію, къ музамъ, и во 2-мъ многія посланія). Модные стихотворцы скоро составили заговоръ, коего главная статья, по словамъ Мольера, была та, что кромѣ ихъ и друзей ихъ никто другой ума имѣть не можетъ. Безчисленная толпа подражателей къ нимъ присовокупилась. Всѣ на Пиндѣ стали томиться, воздыхать, всѣ другъ друга начали превозносить похвалами, а тѣхъ писателей, кои слѣдовали правиламъ разсудка, осыпать (проливая изъ очей перлы на бумагу) ругательствомъ. Журналисты, слѣдуя похвальнымъ побужденіямъ своимъ, возрадовались столь счастливому времени и неисчислимой корысти, и пустились вѣнчать лаврами большею частію тѣхъ, кои портили большею частію и поэзію, и языкъ, и кои, черпая безъ разбора изъ книжнаго и разговорнаго источника, попирая словопроизводство и словоудареніе, получали титло очистителей языка. Вотъ отчего въ нѣкоторыхъ журналахъ глубокое молчаніе о твореніяхъ нашего автора, а изрѣдка иногда подпускалась мнимая аттическая соль и личная колкость! Вотъ отчего въ пантеонахъ, образцовыхъ сочиненіяхъ и прочихъ, нѣтъ ни строчки, принадлежащей графу Хвостову! Вотъ отчего эпиграммы на переводъ Науки стихотворной, который одинъ достаточенъ принесть довольную честь каждому сочини-

телю! Вотъ отчего, какъ нѣкоторые писатели того времени заключали, мудрено сказать, въ которомъ родѣ графъ Хвостовъ болѣе успѣлъ, хотя, не говоря о другихъ родахъ, статьи, забытыя законодателемъ французскаго парнасса о баснѣ и объ оперѣ, даютъ нашему автору непостыдное мѣсто въ числѣ поэтовъ-дидактиковъ! Цѣнители сіи не заботились о томъ, хорошій ли стихотворецъ графъ Хвостовъ или нѣтъ, а только присягали ложному вкусу и своимъ видамъ не хвалить его. Ихъ дѣло было знать, что онъ не модный писатель: сего уже довольно. Сія зараза такъ сильно была вкоренена, что въ одномъ училищѣ начальникъ подвергъ наказанію ученика за то̀, что онъ читалъ на экзаменѣ стихи графа Хвостова, а не наперсниковъ моды.

Одинъ молодой критикъ, сеидъ новословія и ревностный наперсникъ оракуловъ онаго, будучи экзекуторомъ того департамента сената, въ которомъ пѣвецъ Кубры присутствовалъ, увидя его, 1813 года, въ Обществѣ любителей словесности въ михайловскомъ замкѣ, вскочилъ на мѣсто президента и сталъ по большой тетради, запыхаясь и заикаясь, читать нашему автору нескромную и непристойную похвалу. Онъ, разумѣется, иронически приписывалъ преимущество графу Хвостову надъ Пиндаромъ, Гораціемъ, Лафонтеномъ, Буало, Расиномъ и другими неподражаемыми стихотворцами. Таковая дерзость, подстрекаемая завистію состязателей, при двадцати литераторахъ, конечно, обидна; но онъ по окончаніи засѣданія хладнокровно отвѣчалъ: *я этого на свой счетъ не принимаю и принять не могу.* На другой день пригласилъ г. Д. (Дмитрія Васильевича Дашкова) къ обѣду, и одинъ на одинъ доказалъ ему непристойность поступка его. Кончилось тѣмъ, что авторъ похвалы былъ изъ Общества исключенъ, а графъ Хвостовъ сохранилъ къ нему, по достоинствамъ его, то же вниманіе, какъ и прежде. Авторъ нашъ, несмотря на чувствительность свою, не могъ долгое время питать досады; онъ скоро забывалъ неудовольствія, причиняемыя ему другими, а особливо литературныя, и всегда готовъ былъ, чему есть многіе опыты, не только къ ласковому обращенію, но даже оказывать пособія

своимъ зоиламъ. Не послѣднимъ тому примѣромъ служитъ издатель «Сына Отечества». Онъ различные способы употреблялъ, стараясь вывести изъ терпѣнія нашего автора, и все безуспѣшно; клепалъ его, будто бы онъ румянилъ и одѣвалъ актера, чтобы сдѣлать его болѣе похожимъ на издателя «Сына Отечества», на коего, 1818 года, сочинена была комедія однимъ молодымъ человѣкомъ, Борисомъ Өедоровымъ, называемая *Ханжа*. Графъ Хвостовъ остался въ свойственномъ ему, т. е. по всѣмъ отношеніямъ похвальномъ, равнодушіи и молчаніи. Выше сказано, какъ журналистъ съ нимъ поступалъ, относительно къ авторству, а въ послѣдніе годы, думая, что онъ изъ устъ сыплетъ аттическую соль, и что въ его рукѣ вертится стрѣла ироніи, онъ личности, кои цензура не пропускала, вздумалъ въ убранствѣ похвалы при письмахъ своихъ сообщать автору для убѣжденія на одобреніе гг. цензоровъ. Сочинитель нашъ два раза отшучивался, возвращая его гостинцы, наконецъ письмо, полученное на первой недѣлѣ великаго поста въ день исповѣди, съ таковыми же непозволительными затѣями, онъ возвратилъ товарищу его въ журналѣ Александру Өедоровичу Воейкову съ просьбою, чтобы онъ его именемъ запретилъ г. журналисту обременять автора таковыми грамотками. Послѣ того тотъ же журналистъ выдалъ свою исторію о словесности и помѣстилъ біографію графа Хвостова, но въ какихъ выраженіяхъ?.. Впрочемъ, это не бѣда!

Хорошіе стихи отъ толковъ не погибнутъ.

1822 года, апрѣля 1-го дня, прислaнъ былъ къ нему траурный билетъ, извѣщающій отъ имени супруги о смерти извѣстнаго нашего баснописца Александра Ефимовича Измайлова. (По справкѣ выливается, что билетъ былъ присланъ отъ самого Измайлова, дабы молва о его смерти разнеслась изъ устъ графа Хвостова — глупая шутка). Авторъ, сообразя всѣ обстоятельства, и удостовѣрившись, что это было намѣреніе ввести его самого въ игру, отправилъ въ ту минуту билетъ площаднаго затѣйника къ г. Измайлову, съ чувствительнымъ и убѣдительнымъ письмомъ,

чтобы онъ, добравшись по рукѣ и по другимъ намекамъ до сочинителя, убѣдилъ злонамѣреннаго распускателя ложныхъ слуховъ впередъ не смѣть шутить насчетъ жизни отца семейства и почтеннаго человѣка. Вотъ анекдоты, на кои всегда отвѣтствовалъ сочинитель нашъ молчаніемъ! Даже доходили до того, что выдавали подъ его именемъ собственные свои нелѣпые стихи съ тѣмъ, чтобы повредить переводчику Буало.

Александръ Семеновичъ Хвостовъ, будучи предсѣдатель 4-го разряда Бесѣды, находясь въ отсутствіе графа Хвостова при пріуготовительномъ чтеніи въ домѣ Державина, весьма оскорбился посланіемъ, которое два раза напечатано въ полномъ изданіи его подъ именемъ *къ Расилову.* Оное мѣтитъ на неосновательность и колкость нѣкоторыхъ журналистовъ. Читано было, безъ утайки *о комъ*, Державину и другимъ, правда безъ Хвостова. Въ то время Москва была занята, то Бесѣда и не собиралась; какъ бы то ни было, Хвостовъ принялъ сіе посланіе на свой счетъ, ибо иное въ рукописи было приписано не *Расилову*, какъ теперь, а *Стамбулову.* Тутъ же упоминается мимоходомъ объ эпиграммахъ. Хвостовъ былъ нѣкогда повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Царѣ-градѣ, имѣлъ непріятные разсчеты съ графомъ Шуазель-Гуфье, и любилъ писать эпиграммы. Стамбулъ и эпиграммы вскружили его голову, и онъ требовалъ, чтобы сіе посланіе не было читано въ Бесѣдѣ. Державинъ, слѣдуя пылкости своего нрава, забывъ, что ему посланіе было читано, и что оное нимало не мѣтило на Александра Семеновича Хвостова, отпотчевалъ автора посланія оскорбительнымъ письмомъ. Графъ Хвостовъ, охладившись съ пѣвцомъ Фелицы, не ѣздилъ къ нему въ домъ нѣсколько времени, но кто можетъ сердиться на Державина? У сего знаменитаго современника часто погрѣшала голова, а не сердце. Александръ Семеновичъ Хвостовъ, тотъ самый, за котораго онъ при чтеніи Стамбулова такъ горячо вступился, выпустилъ на него въ рукописи весьма обидное сатирическое сочиненіе, въ 1801-мъ году. Державинъ, не разобравъ, который Хвостовъ то былъ, во дворцѣ сильно напалъ на нашего сочини-

теля, который всегда гнушался сатирическими произведеніями, а особливо безымянными, легко убѣдя неосмотрительнаго поэта, что не онъ былъ сочинитель творенія *Тьмы*, простилъ Державина въ его ошибкѣ. Графъ Хвостовъ всегда былъ готовъ искренно любить и уважать питомца музъ, безъ зависти и лести къ отличнымъ или средственнымъ дарованіямъ каждаго. Примѣчанія при его сочиненіяхъ доказать могутъ, сколько онъ заботился что-либо упомянуть къ чести поэтовъ современныхъ, и вмѣстѣ удивляясь постояннымъ на самого себя нападкамъ и молчанію насчетъ его трудовъ, онъ говаривалъ: «можно не читать худаго поэта, хулить его музу, смѣяться надъ его стихами даже и въ печати, только пристойнымъ образомъ, но ненавидѣть безъ причины, кажется, не за что».

Мнѣніе его о языкѣ было слѣдующее: онъ не отрицалъ разговорнаго или простаго слога, но думалъ, что для успѣха въ ономъ надобно знать основательно языкъ книжный. Сочиненія его подкрѣпляютъ сіе мнѣніе, ибо въ разныхъ родахъ—лирическомъ, учебномъ и басенномъ,—вездѣ виденъ одинъ такъ сказать почеркъ.

Онъ среди молвы и жаркихъ споровъ на парнассѣ, и, можетъ быть, вражды на себя отъ непросвѣщенныхъ защитниковъ моднаго краснорѣчія умѣлъ сохранить дружбу и уваженіе знаменитыхъ своихъ современниковъ: Державина, Шишкова, Карамзина, Мих. Ник. Муравьева, Дмитріева, П. И. Голенищева-Кутузова и другихъ, что̀ доказываетъ переписка со всѣми сими особами, коихъ письма у него хранились во всю жизнь съ раченіемъ. Почтенный М. Ник. Муравьевъ еше въ 1777-мъ году имѣлъ порученіе отъ автора нашего, съ помощію извѣстнаго артиста Дмитревскаго, раздать роли и споспѣшествовать комедіи его *Легковѣрный*, которая была представлена на придворномъ театрѣ при Екатеринѣ II, удостоилась вниманія сей государыни и похвалы публики. Вотъ мадригалъ, свидѣтельствующій сіе происшествіе:

Я легковѣрнаго узнавъ теперь успѣхъ,
Къ различнымъ чувствіямъ стремительно влекуся;

Родилъ онъ, говорятъ, въ Минервѣ росской смѣхъ:
Я радуюсь сему, но болѣе дивлюся.
Стремясь пріятеля за вѣсть благодарить,
Боюся, Муравьевъ, я легковѣрнымъ быть.

Сочинитель нашъ не былъ надменъ своими дарованіями и весьма умѣренъ при самыхъ лестныхъ похвалахъ за стихи. Онъ имѣлъ отъ императорскаго дома и другихъ вѣнчанныхъ особъ многіе благоволительные отзывы *). Кромѣ всѣхъ соотечественныхъ сословій, былъ членъ падуанской академіи; похваленъ съ подробнымъ разборомъ въ нѣмецкомъ журналѣ Litteratur-Zeitung 1811-го года, также съ критическимъ разборомъ Г. Мертелемъ за притчи. Смотри журналъ *Улей* того же года, въ СПбургѣ; во французскомъ Journal des Débats 1811 года; dans La biographie universelle, La bibliothèque de Genève и другихъ. Въ доказательство того, что неосновательныя нападки отъ зоиловъ, какъ мы выше говорили, происходили не отъ всеобщаго мнѣнія современниковъ, а только отъ нѣкоторыхъ недоброжелателей, упомянемъ здѣсь то̀, что просвѣщенные любители словесности писали объ его сочиненіяхъ. Они дѣлали критическіе подробные разборы на его сочиненія, и приписывали онымъ безпристрастныя похвалы свои, а именно:

1. Лирическія его творенія, 1810-го года, въ журналѣ «Европейскомъ музеѣ» подробно разобралъ Ив. Ив. Мартыновъ, какъ полагаетъ авторъ и какъ о томъ упоминается въ примѣчаніяхъ полнаго изданія 1-го тома. Ник. Михайловичъ Карамзинъ весьма похваляетъ его оду на первое вступленіе въ Парижъ.

2. Посланія, напечатанныя въ Амфіонѣ 1815-го года, разбиралъ генералъ-майоръ Ал. Алек. Писаревъ.

3. 3-й томъ басенъ—г. Рихтеръ, также издатель Благонамѣ-

---

*) Онъ получилъ отъ императора Павла I табакерку, 1800 года; отъ короля прусскаго медаль, 1820 года, за сочиненіе. Императорскій казанскій университетъ въ дипломѣ на названіе почетнаго члена сказалъ: за посланіе о притчѣ и о критикѣ и за переводъ Науки стихотворной.

реннаго и Николай Өедоровичъ Остолоповъ, въ томъ же журналѣ, 1820 года.

4. Переводы, Науку стихотворную, особливою книгою напечатанную, самымъ подробнымъ критическимъ образомъ разобралъ г. профессоръ казанскаго университета Городчаниновъ.

5. 1-е изданіе Андромахи — г. Л. въ Цвѣтникѣ; 3-е изданіе — г. Өедоровъ; 5-е — г. Синельниковъ, 1821 года, въ журналѣ Невскаго Зрителя.

Сими просвѣщенными писателями столько были одобрены сочиненія нашего автора, что многіе изъ оныхъ стихи были употреблены эпиграфами къ разнымъ книгамъ. Надпись его: «тотъ живъ, безсмертенъ тотъ, отечество кто спасъ» князю Кутузову у многихъ на табакеркахъ была вырѣзана. И на портретѣ Державина, при изданіи Ключа къ его сочиненіямъ Никол. Өедоровичемъ Остолоповымъ, 1822 года, — его же стихъ.

Заслуги его на русскомъ парнассѣ суть ревность обратить писателей къ природѣ и древнимъ образцамъ. Онъ отъ каждаго стихотворца всегда требовалъ особеннаго чувства и воображенія. Искусство плана и отдѣлки безъ первыхъ двухъ качествъ почиталъ неважнымъ. Петрова, Сумарокова и Державина разумѣлъ стихотворцами, только не образцовыми, по недостатку въ нихъ вкуса. Онъ самъ, не исключая Богдановича и Озерова, есть примѣръ плавности вообще, т. е. слога и мыслей. Сверхъ того, правила Буало въ Наукѣ стихотворной, правила Попія о критикѣ, и собственныя посланія о притчѣ и оперѣ, и правила, имъ самимъ въ его твореніяхъ разсыпанныя, увѣрятъ всѣхъ, что онъ первый, который направилъ поэзію въ Россіи правилами и образцами на ту благородства цѣль, для каковой она сотворена. Нравственность, дары поэта, критика, языкъ и звучность были его отголоски.

Вторая часть

Біографіи графа Дмитрія Ивановича Хвостова.

Король прусскій (Фридерикъ II) въ похвальномъ словѣ своемъ г. Вольтеру, которое перевелъ гр. Хвостовъ въ 1782 году,

говоритъ, что *лучшая похвала военачальнику заключается въ исчисленіи его подвиговъ, а писателю — въ разсмотрѣніи его сочиненій.* Держась правила сего, мы кратко упомянемъ *о гражданскомъ достоинствѣ и знаменитости графа Хвостова.*

Онъ, благодаря попечительности и благодѣянію своихъ почтенныхъ родителей, записанъ былъ, въ 1772 году, лейбъ-гвардіи въ преображенскій полкъ, гдѣ происходя чинами, отставленъ изъ онаго подпоручикомъ 1779 года. Въ сіе время пріятелями его и, можно сказать, друзьями были: дѣйствительный тайный совѣтникъ и кавалеръ, посланникъ нашего двора въ Дрезденѣ, В. В. Ханыковъ, и извѣстный поэтъ, столь удачно писавшій сатиры и эпиграммы, который послѣ сдѣлался и родственникомъ его, кн. Дм. П. Горчаковъ. Дополнимъ, къ чести нашего автора, что онъ питалъ къ нимъ чувство дружбы и уваженія во всю жизнь, и ни съ которымъ никогда не охлаждался. Авторъ нашъ, наскуча сельскою жизнію, не взирая, что въ стихотвореніяхъ столько превозносилъ свою Кубру, отправился въ Петербургъ и попалъ въ оберъ-провіантъ-мейстеры; 1783-го года перешелъ въ новоучрежденную тогда государственнаго казначейства экспедицію, гдѣ получилъ чинъ надворнаго совѣтника, и былъ экзекуторомъ во 2-мъ департаментѣ петербургскаго сената. Въ сіе время, пользуясь милостію и благодѣяніями кн. Александра Алексѣевича Вяземскаго, перевелъ для сего вельможи, по незнанію его иностранныхъ языковъ, *трактатъ о финансахъ* Неккера, въ четырехъ томахъ, который и теперь, рукописный, долженъ находиться въ библіотекѣ покойнаго генералъ-прокурора; также—въ прозу стихотворенія графа А. П. Шувалова къ Ninon de L'Enclos. Князь Александръ Алексѣевичъ, любя нашего автора, ввѣрялъ ему до 25 рубл. въ мѣсяцъ на покупку новыхъ французскихъ книгъ для перевода, въ томъ числѣ *Орлеанскую Дѣвственницу* переводилъ ему извѣстный Ал. Семен. Хвостовъ. Сей вельможа за 8 лѣтъ до французской революціи предугадалъ оную въ 1784 году, сказавъ графу Хвостову, который при чтеніи своихъ переводовъ восхищался книгою Неккера Compte rendu au roi:

«Напротивъ, любезный другъ», (отвѣчалъ опытный старикъ), «я не доживу, а вы увидите, бѣды будутъ; онъ, сударь, *оголилъ* ж... Франціи». Втеченіе сихъ годовъ авторъ нашъ снова на нѣкоторое время обратился къ стихотворству. Онъ, 1785 года, удостоенъ былъ принятія въ члены россійской императорской академіи, пріобрѣлъ знакомство княгини Дашковой, графа Завадовскаго, Державина, Княжнина, и другихъ. Въ 1788 году, оставя Петербургъ и гражданскую службу, переселился въ Москву, гдѣ въ утѣшеніе родителей своихъ остепенился, 1789-го года женяся на княжнѣ Аграфенѣ Ивановнѣ Горчаковой. При помолвкѣ своей онъ получилъ отъ дяди своей невѣсты, знаменитаго Суворова, весьма лестное письмо, ибо, по счастію, стихотворческія способности нашего сочинителя уже извѣстны были и подъ Очаковымъ. И вскорѣ имъ же вызванъ былъ въ С.-Петербургъ, гдѣ онъ съ супругою своею жилъ въ его домѣ до замужества дочери героя, графини Натальи Александровны, за графа Зубова, бывшаго оберъ-шталмейстера. Съ 1789 года по смерть героя, поэтъ гр. Хвостовъ пользовался неограниченною его довѣренностію, какъ увидимъ ниже. Онъ изъ экзекуторовъ сената былъ переименованъ въ подполковника, и числился при Суворовѣ, который нѣсколько лѣтъ давалъ ему порученія ходатайствовать объ отпускѣ суммъ и прочихъ дѣлъ. Въ то самое время авторъ нашъ мало занимался поэзіею, обработывая многія бумаги гр. Суворова. Однажды сей полководецъ, случася изъ Финляндіи въ Петербургѣ и недоволенъ будучи наградами два раза *за Измаилъ*, крѣпко порицалъ оду на сей случай Державина, говоря, что въ ней только одни уподобленія, и совѣтовалъ нашему автору написать на нее критику. Похвала есть единственная награда поэта и героя, а какъ въ сей одѣ ни слова не сказано о Суворовѣ, а все говорится о кн. Потемкинѣ, который за 200 верстъ былъ отъ приступа; то герой, почитающій сіе дѣло—взятіе Измаила—знаменитѣйшимъ изъ своихъ походовъ тогдашняго времени, не могъ простить стихотворцу замолчаніе о немъ. Авторъ нашъ критики не писалъ, можетъ быть и оттого, что не умѣлъ, но сдѣлалъ

лучше. Онъ свелъ Державина съ Суворовымъ, и слѣдств. подарилъ публику прекрасными стихами на взятіе Варшавы и на переходъ чрезъ альпійскія горы. Въ сіе же самое время пѣвецъ Кубры

И выгадалъ часокъ похитить Андромаху (Смотри примѣчаніе къ посланію живописца).

Первое изданіе сего перевода было подарено россійской академіи. Похвалить оное изданіе нельзя, однакожъ осталось въ цѣлости и по сіе время нѣсколько стиховъ. Вотъ все то̀, что въ бытность автора при Суворовѣ было имъ сдѣлано на полѣ словесности. Онъ пріобрѣлъ себѣ тогда, по участію въ знаменитыхъ порученіяхъ, вниманіе и довѣренность Екатерины II, ея вельможъ и самого наслѣдника престола. По ходатайству его, многіе получали милости великой императрицы, и меньшій братъ жены его, кн. Андрей Ивановичъ Горчаковъ, изъ прапорщиковъ преображенскаго полка взятъ ко двору великаго князя, нынѣ царствующаго императора, въ камеръ-юнкера. Въ 1795 году, 1-го генваря, по взятіи Варшавы авторъ изъ подполковниковъ взятъ ко двору въ чинъ камеръ-юнкера и уволенъ отъ дежурства для опредѣленія къ мѣсту. Въ томъ же году, послѣ свадьбы дочери генералиссима графини Зубовой, авторъ думалъ, что его служеніе и порученности при особѣ Суворова кончились, для чего и отправился въ Москву къ своимъ родителямъ; но завоеватель Царства Польскаго сдѣлалъ честь нашему автору отзывомъ, что порученности его и довѣренность кончатся только съ его жизнію. Графъ Хвостовъ, желая за сіе достойно возблагодарить своего благодѣтеля, отправился въ томъ же году изъ Москвы въ Варшаву, гдѣ въ ноябрѣ мѣсяцѣ получено было фельдмаршаломъ высочайшее повелѣніе сдать Варшаву прусакамъ, а самому отправиться въ С.-Петербургъ для командованія войскъ, назначаемыхъ въ Грузію и Персію. Фельдмаршалъ нужнѣе почиталъ Варшаву оставить за Россіею, но не смѣя нарушить воли царской, отправилъ графа Хвостова, 13-го ноября 1795 года, ко двору съ повелѣніемъ о семъ внушить, и что онъ отрекается отъ похода въ Персію, и самъ по слѣдамъ поэта на-

шего будетъ въ Петербургъ, куда онъ въ первой половинѣ декабря подлинно прибылъ. Встрѣченъ и принятъ былъ торжественно: по всему тракту пальба изъ пушекъ, на Стрѣлиной мызѣ встрѣченъ былъ придворными экипажами и многими генералами для сопровожденія въ зимній дворецъ, въ коемъ онъ ту минуту представленъ былъ императрицѣ и послѣ поѣхалъ въ таврическій дворецъ, гдѣ ему отведены были покои. Вседневно тамъ были великолѣпные столы и великое множество знатнѣйшихъ посѣтителей обоего пола. Въ то время онъ отклонился отъ похода въ Персію и получилъ начальство надъ арміею въ Тульчинѣ. Императрица на масляницѣ подъ видомъ катанья на горахъ сама посѣтила таврическій дворецъ со всею императорскою фамиліею, гдѣ провела цѣлый день въ свойственныхъ просвѣщенному двору забавахъ, т. е. было катанье, обѣдъ, балъ и ужинъ. Графъ Суворовъ за болѣзнію ли, или, можетъ быть, отъ скромности остался въ своихъ комнатахъ и не показался двору, о чемъ императрица въ милостивыхъ весьма выраженіяхъ изъявила сожалѣніе племянницѣ его, супругѣ нашего автора. Пѣвецъ Кубры цѣлый тотъ день одинъ на одинъ пробылъ съ нимъ, и по отбытіи фельдмаршала къ арміи еще болѣе обремененъ былъ порученіемъ его и дѣлами — сношеніемъ со дворомъ, исходатайствованіемъ денегъ на крѣпостныя работы на югѣ, чему свидѣтель былъ однажды покойный генералъ Деволянъ. Императрица Екатерина II, обезпеча Грузію и торжествуя успѣхами войскъ своихъ на востокѣ, восхотѣла принять дѣятельное участіе въ испроверженіи своеволія во Франціи. Къ начальству надъ россійскими войсками назначенъ былъ графъ Суворовъ. Все сіе шло чрезъ посредство графа Хвостова, такъ что въ самый день кончины великой императрицы ожидалъ о томъ народъ манифеста, и долженъ (былъ?) быть отправленъ курьеръ къ Суворову съ повелѣніемъ двинуться за границу. При самомъ восшествіи на престолъ Павла I, 1796 года ноября 6-го дня, меценатъ россійскихъ музъ оберъ-камергеръ Шуваловъ объявилъ всѣмъ придворнымъ кавалерамъ волю государя императора, что онъ позволяетъ имъ при себѣ дежурить,

съ тѣмъ, чтобы вели себя скромнѣе, а графу Хвостову сказалъ: *Государь изволитъ знать, что вы назначаетесь къ гражданской службѣ, но желаетъ, чтобы вы до его коронаціи подежурили, увѣряя, что онъ дастъ вамъ приличное мѣсто.* Вскорѣ послѣ того жена графа Хвостова родила сына, графа Александра, котораго того же года крестилъ самъ императоръ лично въ придворной церкви, 7-го декабря, а крещеніе совершалъ поступившій въ тотъ же самый день въ придворные священники московскій іерей Матѳей Десницкій (послѣ бывшій Михаилъ, митрополитъ новгородскій). Графъ Хвостовъ во все время царствованія императора Павла I пользовался особливою милостію, довѣренностію и уваженіемъ его. При началѣ же неоднократно былъ призываемъ въ кабинетъ его величества, имѣлъ счастіе принимать его приказанія изустныя для сообщенія Суворову, такъ что въ одинъ день, воспользуясь милостію государя, онъ осмѣлился испросить у него переименованія шурина своего, кн. Ан. Ив. Горчакова, изъ камеръ-юнкеровъ въ флигель-адъютанты къ государю съ чиномъ полковника, что̀ государь удостоилъ исполнить очень милостиво, и, по быстрому ходу чиновъ въ то время, князь Горчаковъ сдѣлался на 19-мъ отъ роду году генералъ-лейтенантомъ. Не взирая на всѣ старанія графа Хвостова, онъ не могъ переупрямить стараго полководца, который, несмотря на приглашеніе, не поѣхалъ на коронацію, и уклонился устроить поновому ввѣренныя ему войска. Кончилось тѣмъ, что въ 1797-мъ г. былъ посланъ къ Суворову въ Тульчино генералъ-адъютантъ Баратынскій, который также не уломалъ завоевателя Царства Польскаго. Суворовъ былъ отставленъ, и при возвратѣ его въ родовую новгородскую деревню — село Кончанское — имѣлъ у себя собесѣдникомъ по тайной канцеляріи г. Николева. Но графъ Хвостовъ оттого не лишился милости государя. Вскорѣ послѣ коронаціи графъ Растопчинъ предложилъ ему, по волѣ императора, избрать себѣ гражданское мѣсто. Авторъ нашъ предалъ сей выборъ на волю самого императора; а просилъ при переименованіи его въ штатскій чинъ *камергерскаго ключа.* Государь намѣренъ былъ

тогда же помѣстить гр. Хвостова въ святѣйшій синодъ оберъ-прокуроромъ, но происки нѣкоторыхъ придворныхъ для отклоненія отъ столь знаменитаго званія племянника Суворова удалили на нѣкоторое время перемѣщеніе изъ онаго гр. Мусина-Пушкина. Государь, помня свои обѣщанія, по пріѣздѣ въ С.-Петербургъ пожаловалъ нашего автора изъ камеръ-юнкеровъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники, т. е. въ оберъ-прокуроры правительствующаго сената, и повелѣлъ ему объявить чрезъ графа Растопчина о камергерствѣ, что «этотъ ключъ ничего не отпираетъ». Сіе происходило въ маѣ мѣсяцѣ 1797 года. Тогда-то императоръ, какъ выше сказано, былъ крайне гнѣвенъ на Суворова. Графъ Хвостовъ имѣлъ необходимую нужду къ нему писать по дѣламъ его деревень, и изъ осторожности, по совѣту генералъ-прокурора своего князя Куракина, открытое письмо вручилъ Николаю Петровичу Архарову, имѣющему, какъ генералъ-губернатору, чрезъ посредство Николева, имъ избраннаго, всѣ способы для доставленія фельдмаршалу. Племянникъ нашего Велизарія удивленъ былъ, услышавъ оффиціально отъ кн. Куракина, что государь по довѣренности къ нему не только соизволяетъ имѣть переписку, но даже позволяетъ и самому ѣхать и обо всемъ переговорить съ фельдмаршаломъ. Въ 1798 году, послѣ многихъ сношеній съ придворными и ближними государю, безъ вѣдома Николева, графъ Хвостовъ получилъ отъ Суворова письма къ императору, императрицѣ, благодѣтельной Катеринѣ Ивановнѣ Нелидовой. Сіи письма имѣли желаемый успѣхъ. Въ Кончанское былъ посланъ флигель-адъютантъ государевъ, родной племянникъ Суворова кн. Горчаковъ, съ приглашеніемъ уединеннаго старца въ столицу. Онъ пріѣхалъ, былъ принятъ милостиво и ласково; но пробывъ нѣсколько времени въ домѣ графа Зубова, зятя своего, при всевдневномъ свиданіи съ гр. Хвостовымъ; не пожелавъ командовать баталіономъ, и попѣвая иногда при дворѣ пѣтухомъ, отправился снова въ свою деревню уже безъ собесѣдника, какъ отставной, на свободу. Въ концѣ сего года горизонтъ полководца опять затмился; явился у него вторично Николевъ; оба князя Гор-

чаковы были отставлены, а гр. Хвостову не данъ былъ орденъ св. Анны 2-й степени, хотя въ тотъ день, по представленію генералъ-прокурора кн. Лопухина, получили оный всѣ тогда бывшіе оберъ-прокуроры, его товарищи. Вскорѣ послѣ сего пожалованія императоръ изволилъ принимать на себя титулъ великаго магистра мальтійскаго. Графъ Хвостовъ на сіе торжество сочинилъ оду, и не имѣя доступа во внутренніе покои, рѣшился положить оную въ ящикъ. Государь столь чувствительно былъ тронутъ таковымъ усердіемъ, и нѣкоторыми *двузнаменательными* стихами что сказавъ статсъ-секретарю Брискорну: *«я виноватъ, его вымаралъ»*, приказалъ ту минуту объявить генералъ-прокурору, чтобы онъ снова доложилъ о семъ. Чрезъ два дни гр. Хвостовъ былъ позванъ во дворецъ, и при возложеніи ордена государь соизволилъ сказать при всѣхъ: *«я виноватъ передъ тобой, только въ послѣдній разъ»*. И подлинно сіе такъ случилось, ибо послѣ того сочинитель нашъ пользовался особливою милостію и довѣренностію государя. Въ самомъ началѣ 1799 года гр. Суворовъ былъ приглашенъ ко двору, отправленъ въ Италію, а гр. Хвостовъ при всѣхъ торжествахъ имѣлъ случай пользоваться довѣренностію, благоволеніемъ и милостями своего государя. Въ іюнѣ мѣсяцѣ того же года велѣно ему быть оберъ-прокуроромъ святѣйшаго синода. Въ августѣ того же года при отправленіи флигель-адъютанта Башилова въ армію государь призвалъ графа Хвостова въ кабинетъ, самъ пожаловалъ ему бумагу, перья, чернильницу, сургучъ, и повелѣлъ писать къ Суворову, что онъ хочетъ, съ прибавленіемъ отъ него, что Суворовъ будетъ князь по взятіи Мантуи — *ключа Италіи*. Государь оставилъ одного гр. Хвостова въ своемъ кабинетѣ и не соизволилъ даже читать письма, племянникомъ написаннаго. Мантуя взята! Суворовъ князь! Послѣ того ему же статуя, которая и теперь украшаетъ суворовскую площадь, почести императорскія, многолѣтія въ церквахъ, и проч. и проч. Гр. Хвостовъ при всѣхъ таковыхъ случаяхъ приглашенъ былъ въ кабинетъ его величества, имѣлъ счастіе подавать свое мнѣніе о рисункахъ статуи, которые удачно изо-

брѣтены тогдашнимъ президентомъ академіи художествъ графомъ Шуазель-Гуфье. Авторъ нашъ получилъ орденъ св. Анны 1-й степени того же 1799 года, октября 9-го дня, въ Гатчинѣ при весьма милостивомъ рескриптѣ, и вмѣстѣ повелѣніе объявить святѣйшему синоду о прибытіи въ Гатчино для торжествъ бракосочетаній ихъ императорскихъ высочествъ великихъ княженъ Александры и Елены Павловны. Пребываніе святѣйшаго синода и гр. Хвостова въ Гатчинѣ продолжалось съ 13 октября по 6 декабря. Онъ имѣлъ комнаты во дворцѣ и пользовался счастіемъ ежедневно видѣть императора. Однажды въ театрѣ позванъ былъ предъ лицо, и ту минуту повелѣно было объявить святѣйшему синоду, пребывающему съ версту разстояніемъ отъ дворца, что государь императоръ намѣренъ самъ присутствовать при нареченіи епископа калугскаго, преосвященнаго Ѳеофилакта, скончавшагося митрополитомъ и экзархомъ грузинскимъ 1821 года. Государь присовокупилъ, что, по сказанію Теплова, со временъ Петра I никто въ синодѣ не присутствовалъ. (Смотри описаніе сего торжества, печатными листочками въ свое время отъ синода объявленное, и рѣчь митрополита новгородскаго Амвросія). Государь столько благоволилъ къ святѣйшему синоду, что намѣревался самъ подписать протоколъ присутствія; но члены синода благоговѣйно его за сіе намѣреніе поблагодарили. Въ сіе время хлопотъ автору было очень много, ибо канцелярія свят. синода оставалась въ городѣ, а члены въ Гатчинѣ, гдѣ заготовлялись резолюціи, а протоколы привозились изъ города синодальными курьерами. Послѣ присутствія въ Гатчинѣ при нареченіи епископа въ святѣйшемъ синодѣ, государь изволилъ пригласить правительствующій сенатъ и самъ также въ ономъ присутствовалъ. Однажды при всей публикѣ отвелъ императоръ автора въ уголъ, изъяснялся съ негодованіемъ объ австрійскомъ дворѣ, съ сожалѣніемъ о Суворовѣ, и объявилъ за тайну, что сей герой принужденъ былъ итти чрезъ альпійскія горы, дополня: *«я съ трепетомъ ожидаю извѣстія о семъ переходѣ»* . . . . . Бывшій митрополитъ новгородскій Михаилъ въ то время овдовѣлъ;

графу, Хвостову совокупно съ Сергѣемъ Ивановичемъ Плещевымъ и граф. Кушелевымъ, повелѣно извѣдать его расположеніе къ монашеству, и наконецъ, когда назначенъ былъ день къ причисленію его въ иноческій санъ, то въ придворной гатчинской церкви, кромѣ самыхъ ближнихъ и графа Хвостова изъ свѣтскихъ никого не было, а находился императоръ и вся фамилія. По полученіи извѣстія о торжественномъ переходѣ князя италійскаго чрезъ альпійскія горы государь былъ въ восторгѣ, такъ, что когда племянница Суворова — супруга нашего автора — подошла его благодарить за награду дядѣ, то онъ изволилъ сказать: «*Не вы меня, а я, сударыня, васъ благодарить долженъ*». При переѣздѣ изъ Гатчина въ С.-Петербургъ авторъ нашъ сохранилъ и довѣріе и милость государеву. По возвращеніи войскъ изъ Италіи готовились для Суворова комнаты во дворцѣ и торжественный въѣздъ въ столицу; флигель-адъютантъ Башиловъ посланъ былъ на встрѣчу въ Гатчино ожидать его прибытія. Болѣзнь Суворова остановила всѣ сіи приготовленія; къ нему въ Кобрино посланъ былъ лейбъ-медикъ *Вейкардъ*. Все сіе не препятствовало смерти похитить хотя въ преклонныхъ лѣтахъ великаго героя. (Смотри описаніе оной, въ СПбургѣ случившейся, въ Сѣверномъ Архивѣ 1822-го года, въ 10-мъ № сего журнала. Извѣстіе сіе сочинилъ г. Рихтеръ со словъ нашего автора, но цензура и тутъ нѣсколько достопамятныхъ происшествій исключила). По пріѣздѣ Суворова въ столицу въ болѣзненномъ состояніи, можетъ быть, по перемѣнѣ политическихъ обстоятельствъ, государь императоръ нѣсколько охладѣлъ къ герою, но авторъ нашъ не перемѣнилъ своей поступи у двора. Онъ первый имѣлъ несчастіе донести государю о потерѣ знаменитаго въ исторіи мужа. Къ супругѣ его вслѣдъ за нимъ былъ отправленъ генералъ-адъютантъ кн. Гагаринъ съ изъявленіемъ участія и вопросомъ: *не приказывалъ ли чего покойникъ*? Послѣ отрицанія и благодарности присланъ былъ съ тѣмъ же графъ Паленъ, которому поручено было объявить, что государю императору угодно принять на себя учрежденіе всей церемоніи при погребеніи. Гр.

Хвостовъ всѣ печальные обряды повергалъ къ стопамъ его величества чрезъ гр. Палена. Вскорѣ послѣ сего несчастія сынъ героя помолвилъ жениться на дочери Александра Львовича Нарышкина, къ чему приглашена была и вдовствующая супруга генералиссима. Свадьба происходила лѣтомъ въ Павловскомъ. Во весь періодъ сего времени авторъ нашъ чуждъ былъ парнасса, кромѣ нѣкоторыхъ случайныхъ произведеній, кои не помѣщены въ его изданіи, какъ-то: вышесказанное на принятіе титула великаго магистра, и подобныя. Графъ Кутайсовъ, 6 недѣль послѣ смерти Суворова, носимый имъ при жизни портретъ, осыпанный крупными брильянтами, привезъ къ гр. Хвостову, съ порученіемъ, брильянты выломать, а портретъ возвратить ко двору. Гр. Хвостовъ имѣлъ счастіе и за сію милость благодарить государя въ кабинетѣ, отклоня отъ себя и почесть, и прибыль. Того же 1800-го года, іюля 10-го дня, гр. Хвостовъ пожалованъ былъ въ тайные совѣтники. 1801-го года, въ маѣ мѣсяцѣ, когда открывалась статуя Суворова, у верхняго сада стоящая, сынъ его, снова переименованный изъ камергеровъ въ генералъ-майоры, и гр. Хвостовъ имѣли счастіе благодарить государя. Какъ скоро статуя открылась зрителямъ, то были сочинены на сей случай стихи, которые приписаны ваятелю статуи Козловскому. Въ нихъ авторъ нашъ говоритъ, обращаяся къ Суворову:

Царь юный. . . . .
Тебѣ свой *первый* лавръ поднесъ.

Императоръ Александръ I вскорѣ послѣ восшествія своего на престолъ удостоилъ святѣйшій синодъ своимъ присутствіемъ, и былъ милостивъ къ оберъ-прокурору онаго — нашему автору, котораго въ іюлѣ мѣсяцѣ призвавъ къ себѣ въ кабинетъ, изволилъ объявить, что коронація его будетъ въ Москвѣ въ сентябрѣ мѣсяцѣ, и чтобы онъ, предваря о семъ святѣйшій синодъ, сообщилъ митрополиту Амвросію, что и онъ можетъ туда ѣхать, только бы не мѣшалъ Платону, тамошнему митрополиту, первен-

ствовать при священномъ обрядѣ коронаціи: *«я помню, что при батюшкѣ происходило между тѣмъ же Платономъ и Гавріиломъ».* Гр. Хвостовъ, зная мудрую кротость нравовъ покойнаго митрополита Амвросія Подобѣдова, увѣрилъ государя, что онъ, конечно, не воспрепятствуетъ старику, бывшему своему начальнику и покровителю имѣть счастіе короновать государя императора. Сіе такъ и случилось, ибо Амвросій былъ съ синодомъ при коронаціи, служилъ въ тотъ самый день обѣдню вмѣстѣ съ митрополитомъ московскимъ, предоставя ему витійствовать при всѣхъ аудіенціяхъ, а самъ по порядку предсѣдательствовалъ въ святѣйшемъ синодѣ. Гр. Хвостовъ, по отъѣздѣ двора въ СПбургъ, имѣлъ дозволеніе остаться въ Москвѣ до генваря мѣсяца 1802-го года. По пріѣздѣ своемъ онъ имѣлъ счастіе получить милость государеву: дозволеніе принять потомственно титулъ графства, пожалованный ему отъ короля сардинскаго еще въ 1799-мъ году, и по желанію его, въ рескриптѣ на имя генералъ-прокурора Беклешова точно сказано: *За подвиги Суворова въ Италіи.* Авторъ чувствовалъ, что таковою отличною почестію былъ одолженъ не себѣ, но вниманію своего героя и благодѣтеля. Король сардинскій, спустя нѣсколько времени, захотѣлъ усугубить свою милость къ нашему автору и умножилъ россійскій его гербъ включеніемъ головы мавра и латинскою надписью: *за храбрость на альпійскихъ горахъ.* Авторъ нашъ таковою надписью весьма забавлялся, говоря, что изслѣдователи древности чрезъ 500 лѣтъ будутъ думать по сей надписи, что онъ великій герой. Король сардинскій, въ знакъ особливаго благоволенія, древній свой орденъ Благовѣщенія Божіей Матери, который пожалованъ былъ Суворову, повелѣлъ въ память оставить графу Хвостову у себя. Онъ же послѣ того соизволилъ прислать орденъ св. Лазаря и Маврикія сыну его графу Александру, камеръ-юнкеру, коллежскому асессору, находящемуся кавалеромъ посольства при миссіи въ Дрезденѣ, который онъ и носитъ, ибо отецъ испросилъ чрезъ письмо высочайшаго императорскаго дозволенія. Вѣ 1802 году графъ Хвостовъ по обстоятельствамъ

своимъ въ С.-Петербургѣ, и видя преклонныя лѣта своихъ родителей, которыхъ чрезвычайно любилъ, какъ о томъ пишетъ въ стихахъ къ Кубрѣ:

Здѣсь тѣ, кто мнѣ всего дороже, —

просилъ увольненія отъ святѣйшаго синода. Государь съ іюня мѣсяца долго на сіе не соизволялъ, и наконецъ въ декабрѣ, при свиданіи съ покойнымъ митрополитомъ Амвросіемъ Подобѣдовымъ, поручилъ ему уговорить нашего автора остаться при прежней должности съ пожалованіемъ столовыхъ денегъ 3000 рублей въ годъ. Наконецъ авторъ нашъ уволенъ былъ отъ синода съ многими знаками благоволенія 1803 года, генваря 1-го дня, и отправился вскорѣ въ Москву. Тутъ-то, какъ выше сказано, онъ обратился къ поэзіи. Въ 1807 году костромскимъ дворянствомъ былъ избранъ въ уѣздные начальники, и лѣтомъ того же года отъ главнокомандующаго 7-ю областію отправленъ былъ въ С.-Петербургъ съ важными донесеніями, гдѣ причисленъ былъ въ вѣдѣніе милиціоннаго комитета, а въ исходѣ онаго года пожалованъ въ сенаторы. Въ 1819 г., въ генварѣ мѣсяцѣ, по выборамъ дворянства избранъ былъ въ члены государственнаго совѣта по кредитной части, и всѣ три года находился въ особливомъ онаго комитетѣ. 1821 года, въ генварѣ же мѣсяцѣ, былъ избранъ совѣстнымъ судьею на мѣсто умершаго тайнаго совѣтника Жеребцова; и обѣ сіи должности во все трехлѣтіе совершилъ благополучно, такъ что 1821 года, августа 25 дня, с.-петербургскій военный генералъ-губернаторъ графъ Милорадовичъ представилъ его за отличіе къ наградѣ. Сверхъ того, въ 1813 году онъ былъ отправленъ по случаю открывшихся болѣзней отъ провода плѣнныхъ французовъ, въ губерніи: вологодскую, костромскую, ярославскую и владимірскую. Поѣздка его была такъ счастлива, что слѣдующею весною, несмотря на зарываніе грудами тѣлъ, можетъ быть, и не очень рачительное, болѣзней никакихъ не открылось, а въ посѣщаемыхъ имъ губерніяхъ, прежде нежели правительство успѣло принять мѣры, умерло до 5000 человѣкъ.

Онъ на возвратномъ своемъ пути въ столицу, новгородской губерніи череповецкаго уѣзда въ деревнѣ Давыдовкѣ, отложившихся крестьянъ отъ помѣщика Яковлева за 2 мѣсяца до того, склонилъ вновь къ послушанію, о чемъ доносилъ государю. За сіе бывшіе съ нимъ чиновники получили награду. А онъ за удовольствіе себѣ почелъ, что по случаю болѣзни сочинилъ отрывокъ въ прозѣ, заключающій въ себѣ средства, какимъ образомъ предохранять себя отъ заразительныхъ болѣзней, и назвалъ его: *Уходъ за больными.* Отрывокъ сей и понынѣ находится въ рукописи у автора и въ человѣколюбивомъ обществѣ, въ которое онъ доставленъ чрезъ г. министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, кн. Голицына. Въ томъ же году, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, онъ еще былъ отправленъ въ псковскую губернію для изслѣдованія возникшихъ тамъ безпорядковъ, которое окончилъ благополучно, и которое въ 1820 году удостоилось, по представленію сената, высочайшаго утвержденія.

Исчисля служеніе и награды, полученныя графомъ Хвостовымъ, обратимся къ его нравственнымъ качествамъ. Онъ былъ добрый человѣкъ: сего титла не лишатъ его ни литературные зоилы, ни завистники его, если только онъ сихъ послѣднихъ имѣлъ. До самаго окончанія жизни онъ видѣлъ у себя множество просителей, ищущихъ его совѣта, покровительства, ходатайства и помощи. Никто не скажетъ, чтобы онъ кому отказалъ въ законныхъ просьбахъ или не помогалъ по возможности въ деньгахъ. Въ поручаемыхъ ему званіяхъ былъ справедливъ и вѣренъ. Память его, какъ выше сказано, отлична, а неутомимость выше всякой похвалы. Никакое обстоятельство не мѣшало ему при большихъ упражненіяхъ заниматься самыми мелочными дѣлами. Средственнаго состоянія люди, мало его знающіе, относились къ нему, какъ въ контору, прося его изъ отдаленныхъ мѣстъ вынести справку по тяжбѣ ихъ или достать патентъ на заслуженный чинъ. Всѣ таковыя просьбы не оставалися безъ исполненія и никогда безъ отвѣта. Онъ былъ простодушенъ и ласковъ въ обхожденіи, иногда шутливъ и затѣйливъ на словахъ, но

отнюдь не зложелателенъ; любовь къ ближнему было главное его сокровище на земли. Онъ, высоко почитая, по слову стихотворца Петрова,

Всѣхъ выше титло человѣкъ, —

болѣе всего пекся о достиженіи достоинства или титла человѣка, имѣющаго благородную свободу, чтò внушалъ примѣрами и словами сыну своему и всѣмъ участникамъ своей дружбы. Изъ сего правила происходила естественно ревность къ заслугѣ, а не честолюбіе. Онъ всегда былъ и во всякомъ случаѣ чуждъ происковъ: выше сказано, что покойный императоръ Павелъ I въ первые мѣсяцы восшествія своего на престолъ и въ 1799 году изъявлялъ ему особенную довѣренность и благоволеніе, но онъ себѣ ничего не просилъ, хотя всѣ его сослуживцы, изъ коихъ иные, едва ли извѣстные императору, получили большія награды землями и деньгами, а онъ ничего. Награды, мѣста, чины, кавалеріи никогда не были его стихіею, но довѣренность, благоволеніе и уваженіе онъ цѣнилъ высоко. Павелъ I сохранилъ ему оныя до конца жизни. Гр. Хвостовъ, ревностный почитатель и исполнитель воли Суворова, въ самые неприятные часы сего великаго полководца не былъ лишенъ милости своего государя. И Суворовъ — сей осторожный, тонкій и недовѣрчивый мужъ, который имѣлъ правиломъ:

Недовѣрчивость мать благоразумія,

являлся въ полной наготѣ гр. Хвостову, и можетъ быть одному изъ смертныхъ. Онъ ввѣрилъ ему не только всѣ свои семейственныя и домоводныя дѣла, но даже всѣ помыслы сердца, тайны государства и славы своей. Кромѣ различныхъ и многочисленныхъ порученій, всѣ донесенія изъ Финляндіи, Варшавы, Тульчина, Турина, Праги и другихъ мѣстъ шли чрезъ его руки, то есть, что отправляемыя къ высочайшей особѣ или довѣреннымъ лицамъ доставлялись къ нему въ копіяхъ, а другія въ подлинникѣ, подача коихъ зависѣла отъ воли его, почему

изъ сихъ послѣднихъ многія остались у гр. Хвостова. Таковой неограниченной довѣренности свидѣтели были к. Безбородко, Зубовъ, к. Н. Ив. Салтыковъ, гр. Завадовскій, гр. Растопчинъ, и другіе. Осторожный и недовѣрчивый, какъ выше сказано, Суворовъ имѣлъ достаточныя причины на удостоеніе графа Хвостова своею довѣренностію. Герой Требіи при отправленіи своемъ къ австрійской арміи имѣлъ важные переговоры съ императоромъ Павломъ и палатиномъ венгерскимъ и другими, въ коихъ соучаствовалъ иногда и гр. Хвостовъ. Однажды, разбудя его поутру очень рано, именно въ 3 часа, посадилъ съ собою въ карету и повезъ къ послу гр. Кобенцелю, говоря, что ему назначено быть поутру; но вышло, что весь городъ спалъ, въ домѣ посла насилу достучались, чтобы отворили ворота, вывели швейцара въ самомъ домашнемъ платьѣ, разбудили посла, который побѣжалъ къ принцу; однако на своемъ поставили: палатинъ принялъ, переговоры были, и домой возвратились въ половинѣ 6-го часа утра. Гр. Хвостовъ, на требованіе совѣта фельдмаршаломъ, противорѣчилъ ему и наконецъ сказалъ: *«смѣшно, что я записался въ дипломаты»*. Суворовъ отвѣчалъ: *«для чего жъ не такъ! ты слонъ, который не знаетъ своей силы»*. Сіе слово здравомыслящаго безпристрастнаго человѣка удобно можетъ удостовѣрить о способностяхъ гр. Хвостова: врожденная у него логика была такъ свѣтла, что онъ справедливо и скоро могъ обнимать вещи, ему посторонныя. Почему даже въ молодости, воспламенясь достоинствами Вольтера, Сумарокова и Петрова, гнушался безвѣріемъ перваго и поэтическими недостатками относительно вкуса двухъ послѣднихъ.

Если кто желаетъ знать объ его безкорыстіи, то вотъ доказательства. Онъ не только не получалъ, ниже когда-либо домогался наградъ, какъ выше сказано, отъ двора; всѣ его притязанія въ три царствованія заключались въ двухъ богатыхъ табакеркахъ, кои онъ, по званію синодальнаго оберъ-прокурора, получилъ отъ палатина и принца мекленбургскаго, при случаѣ ихъ бракосочетанія, и еще одну отъ императора Павла за стихи. Будучи опе-

купомъ молодаго к. А. А. Суворова, за промедленіе размѣна ассигнацій на серебряную монету, внесъ собственныхъ денегъ 30,000 рублей, что̀ открыли бумаги, а не самъ гр. Хвостовъ, который никому о томъ не сказывалъ, даже изъ деликатности умолчалъ и предъ своею супругою. Наконецъ безъ всякаго ропота внесъ недоимки по залогамъ за купца Евреинова до 150,000 рубл. Хотя приступилъ къ сему обороту по сильному убѣжденію пріятельницы своей Авдотьи Селивестровны Небольсиной, барыни извѣстной по уму, пріятности и ловкости въ откупныхъ оборотахъ. Онъ ей за таковую неосмотрительность мало выговаривалъ, ибо довѣренность о употребленіи въ залогъ 2000 душъ было дано на ея имя. Онъ имѣлъ правило никогда не тужить о томъ, что̀ сдѣлано, и для того продалъ въ орловской губерніи 200 душъ, 1819 года, для удовлетворенія своихъ благодѣтелей. А недостающее число суммы получилъ изъ банка по высочайшему именному указу, ибо онъ утруждалъ о семъ государя императора откровеннымъ письмомъ. Вѣру имѣлъ онъ чистую и теплую къ Богу, безъ утонченныхъ метафизическихъ и мистическихъ изслѣдованій, что̀ докажетъ его ода *Богъ* и другія; гнушался сильно безвѣріемъ, почитая, что изъ онаго проистекаетъ развратъ сердца; высоко почиталъ божественную нравственность Христова ученія, прощеніе обидъ, любленіе враговъ, неразвращенную свободу человѣка, и сильно ненавидѣлъ своеволіе, отчего у него вырвался между прочими о великомъ изъ смертныхъ Александрѣ I-мъ прекрасный стихъ:

Врагъ безначалія, тиранства, и проч.

Мы выше сказали, что графъ Хвостовъ пріобрѣлъ любовь Павла I и Суворова. Сіе тѣмъ болѣе дѣлаетъ чести нашему писателю, что оная не была ограничена милостію сихъ знаменитыхъ особъ; любовь его простиралась вообще на всѣхъ тѣхъ, съ коими былъ онъ въ какой-либо связи. Члены святѣйшаго синода до конца жизни любили его, какъ кровнаго. Митрополитъ Амвросій былъ его другъ съ 1774 года, ибо авторъ нѣкогда писалъ къ

нынѣшнему митрополиту кіевскому о немъ, что можно хвалиться дружбою случайныхъ и знаменитыхъ особъ по смерти ихъ. Нѣтъ никого изъ почтенныхъ особъ въ россійскомъ духовенствѣ, кто бы долгое время послѣ выхода его изъ званія оберъ-прокурора не сохранялъ къ нему особеннаго уваженія. Равнымъ образомъ всѣ товарищи по службѣ отдавали ему полную справедливость. Гр. Хвостовъ, какъ по начальству, такъ и по разнымъ занятіямъ дѣлъ, многихъ людей разнаго состоянія сдѣлалъ себѣ друзьями. Иначе и быть не можетъ, ибо, кромѣ готовности на услуги, свободный доступъ, ласковый пріемъ, простодушное обращеніе почти безъ разбора состояній обворожили всѣхъ. Супруга его, умная барыня, племянница Суворова, болѣе другихъ чувствовала достоинство не вельможи или стихотворца, но честнаго человѣка. Онъ по мудрой снисходительности доволенъ былъ судьбою, —

«Что̀ мудренѣй всего, доволенъ былъ женою». *)

А посему могъ ли не оцѣнить сердца, ему толико любезнаго? Они всегда, а особливо подъ кончину дней, возобновляли намъ довольно рѣдкій примѣръ супружества Филемона и Бавкиды. Говоря о качествахъ гр. Хвостова, мы скажемъ, что онъ не былъ спесивъ, а, можетъ быть, чувствовалъ свои способности. Будучи съ природы щедръ и любя пріятность жизни, онъ скорѣе можетъ назваться расточителемъ, нежели скупымъ; но будучи постояненъ въ своихъ правилахъ, и зная по печальнымъ опытамъ, сколько обременительна бѣдность, пекся о цѣлости своего состоянія, и для того весьма грустилъ о продажѣ своего орловскаго имѣнія для заплаты недоимокъ, тѣмъ болѣе, что каждую собственность онъ почиталъ родовою — потомственною, а не лично своею, и называлъ себя приставомъ къ имѣнію своего сына. Имѣя всегда высокое понятіе о бракѣ, какъ объ источникѣ общественнаго благоденствія, удивлялся, что жены, всѣ вообще при жизни мужа пользующіяся всѣмъ его достаткомъ, по смерти ограничиваются по законамъ 7-ю частью, и потому утруждалъ государя импера-

*) Басня: Пустынникъ и Почести, томъ 3-й, кн. 2-я.

тора Александра I о утвержденіи супруги его, по смерть ея, владѣтельницею всего родоваго его имѣнія, въ 2,000 душахъ состоящаго. Просьба его утверждена 1816-го года въ іюнѣ мѣсяцѣ, и обратилась, такъ сказать, въ законъ, ибо таковыя просьбы многихъ по образцу графа Хвостова утверждены, чѣмъ онъ былъ очень спесивъ. Просьба сія была прекрасно написана: всѣ доводы изложены сильно, ясно и краснорѣчиво. Графъ Хвостовъ не слылъ юристомъ или приказнымъ человѣкомъ, но всѣ его сочиненія въ семъ родѣ показываютъ краснорѣчіе, основанное на благородныхъ чувствахъ и на сильныхъ логическихъ убѣжденіяхъ. Извѣстныя намъ таковыя его сочиненія суть: докладъ императору Александру I по синоду, 1802 года, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, о тайныхъ бракахъ; о учрежденіи больницъ, 1813-го года, и дѣло о насиліяхъ помѣщика Яковлева. Еще трудъ, которымъ онъ занимается, есть повѣствованіе о Суворовѣ, коего, какъ мы выше сказали, онъ зналъ коротко; но, къ сожалѣнію, авторъ нашъ, не будучи военнымъ человѣкомъ, не смѣлъ и подумать приняться за исторію полководца. Къ счастію, онъ нашелъ у себя собственноручныя бумаги покойника о первыхъ его походахъ, кои озарили нашего автора яснымъ свѣтомъ въ семъ трудномъ предпріятіи. Впрочемъ мы, оставляя рукописи, хранящіяся еще въ тайникахъ сочинителя, за удовольствіе себѣ почли сказать все то̀, что мы знаемъ какъ о стихотворческихъ его произведеніяхъ, такъ и о нравственности во всю его жизнь. —

Въ дополненіе къ свѣдѣніямъ, сообщаемымъ въ автобіографіи, приводимъ еще слѣдующія, заимствуя ихъ изъ рукописей московскаго архива министерства юстиціи:

Въ книгѣ правительствующаго сената за № 6348, л. 693: «1783 г., августа 4, правительствующій сенатъ приказали: согласно съ предложеніемъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и

генералъ-прокурора, быть столоначальникомъ въ винной экспедиціи оберъ-провіантмейстеру Дмитрію Хвостову».

Въ книгѣ правительствующаго сената за № 6350, л. 405: «Согласно съ предложеніемъ г. дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и генералъ-прокурора, правительствующій сенатъ приказали: находящимся въ экспедиціи о государственныхъ доходахъ коллежскимъ ассессорамъ.... (въ числѣ другихъ) оберъ-провіантмейстеру Дмитрію Хвостову дать чины надворныхъ совѣтниковъ. 1783 г., декабря 15».

Въ книгѣ правительствующаго сената за № 6370, л. 545: «1786 г., декабря 11, правительствующій сенатъ приказали: согласно съ предложеніемъ г. дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и генералъ-прокурора, на имѣющейся во 2-мъ сената департаментѣ экзекуторской ваканціи быть экзекуторомъ находящемуся въ 3-й экспедиціи о государственныхъ доходахъ (по винной части) столоначальникомъ надворному совѣтнику Дмитрію Хвостову».

Въ книгѣ правительствующаго сената за № 6376, л. 302: «1788 г., марта 17, правительствующему сенату въ общемъ всѣхъ департаментовъ собраніи дѣйствительный тайный совѣтникъ генералъ-прокуроръ князь Александръ Алексѣевичъ Вяземскій предлагалъ, что 2-го сената департамента экзекуторъ Дмитрій Хвостовъ въ прошломъ 1787 году, представляя крайнія и необходимыя надобности, просилъ увольненія на 29 дней, которое и дано ему 19 февраля того жъ года; потомъ присланнымъ изъ Москвы прошеніемъ домогался, чтобъ отсрочить ему еще на мѣсяцъ, что̀ также сдѣлано, а притомъ дано знать, чтобъ по прошествіи срока явился непремѣнно къ своей должности; однакоже, не взирая на сіе, покусился онъ просить еще отсрочки на третій мѣсяцъ и, употребя разные происки и ходатайства, вынудилъ наконецъ и третичное увольненіе Казалось бы, что послѣ таковой снисходительности долгъ всякаго благомыслящаго человѣка требовалъ, чтобъ подумать и о принятомъ на себя служеніи; но Хвостовъ, пріобыкши провождать время въ праздности,

за сдѣланными ему тремя отпусками, насилу явился 2-го августа, просроча около трехъ мѣсяцевъ и бывъ въ отлучкѣ отъ своего мѣста близъ полугода. Таковое нерадѣніе его и сущее къ службѣ презрѣніе, конечно, стоило, чтобъ отрѣшить его тогда жъ отъ должности; однакоже по единому только человѣколюбію и въ надеждѣ, что онъ, почувствовавъ какъ свои проступки, такъ и сдѣланное ему снисхожденіе, наградитъ легкомысленность свою прилежнымъ исправленіемъ возложеннаго на него званія, оставлена столь долговременная его отлучка безъ дальняго взысканія. Наконецъ выпросилъ онъ еще 2 минувшаго февраля на 29 дней, съ точнымъ обѣщаніемъ, что явится на срокъ, и при семъ послѣднемъ увольненіи дано было ему знать, что больше уже не отсрочится, а когда не пріѣдетъ въ надлежащее время, то предложено будетъ правительствующему сенату объ отрѣшеніи его отъ мѣста, которое частыхъ и долговременныхъ отлучекъ терпѣть не можетъ. Но и тутъ Хвостовъ, не явясь къ должности на срокъ, который минулъ 2 сего марта, и употребляя разные способы, проискиваетъ вновь, чтобъ получать такія жъ отсрочки, какія были ему дѣланы въ прошломъ 1787 году. Вразсужденіи чего не благоугодно ли будетъ правительствующему сенату помянутаго Хвостова, яко не радящаго о своей должности, отъ оной отрѣшить и опредѣлить на его мѣсто секундъ-майора Сергѣя Березина. И правительствующій сенатъ приказали: согласно съ предложеніемъ г. дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и генералъ-прокурора, 2-го сената департамента экзекутора Хвостова за таковой его поступокъ отъ должности отрѣшить, а на его мѣстѣ быть экзекуторомъ секундъ-майору Березину». —

300) Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 5 іюля 1791 года, ст. II, л. 231. —

301) Письмо Д. И. Хвостова къ И. И. Лепехину, 22 апрѣля 1794 года,—найденное въ академическомъ архивѣ. —

302) Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 5 августа 1794 года, ст. III, л. 67 об. — 68. —

303) Письмо Д. И. Хвостова, собственноручное, къ И. И. Лепехину, 26 января 1795 года,—найденное въ академическомъ архивѣ. —

304) Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 5 декабря 1814 года, ст. III. —

Словарь академіи россійской, по азбучному порядку расположенный. 1806. Часть I. стр. 144. —

305) Листокъ, найденный въ бумагахъ бывшей россійской академіи. Сверху надпись: «представлено отъ члена академіи графа Дмитрія Ивановича Хвостова 5 декабря 1814 года». —

306) Словарь академіи по азбучному порядку. 1822. Часть IV. стр. 759—760. —

307) Словарь по азбучному порядку. 1822. Часть V. стр. 596. —

308) Словарь по азбучному порядку. 1822. Часть VI. стр. 85, 1087 и 1256. —

309) Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 1 февраля 1802 года, л. 26. —

310) Приложеніе къ запискамъ засѣданій россійской академіи за 1802 годъ; собраніе 26 апрѣля 1802 г., л. 110—111 об.—

311) Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 6 апрѣля 1807 года, л. 85 об. —

312) Записки засѣданій россійской академіи за 1802 годъ. Выписка изъ записокъ съ 5 іюня 1801 года по 1 августа 1802 года. —

313) Письмо графа Хвостова къ А. А. Нартову, изъ Москвы, 17 декабря 1803 года. Приложеніе къ запискамъ засѣданій россійской академіи за 1804 годъ; собраніе 3 января 1804 года, л. 6—7 об. —

314) Письмо графа Хвостова къ А. А. Нартову, изъ Москвы, 28 декабря 1803 года. Приложеніе къ запискамъ засѣданій россійской академіи за 1804 годъ; собраніе 3 января 1804 года, л. 8—9 об. —

315) Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 8 іюня 1801 года, л. 54—54 об. —

316) Записки засѣданій россійской академіи. Собранія: 15 апрѣля 1805 года, л. 105—105 об.;—30 марта 1807 г., л. 80 об.—

Сборникъ статей, читанныхъ въ отдѣленіи русскаго языка и словесности императорской академіи наукъ. 1868. Томъ пятый. Выпускъ I. стр. 133. —

Письма графа Хвостова къ непремѣнному секретарю россійской академіи П. И. Соколову и къ президенту россійской академіи А. А. Нартову, — найденныя въ академическомъ архивѣ:

I.

Милостивый государь мой

Петръ Ивановичъ,

Вчерашняго числа какъ пріятное мнѣ письмо ваше, такъ и дипломъ мой, яко члена россійской императорской академіи, имѣлъ честь получить, и за все оное приношу искреннѣйшую благодарность. Дипломы сочленовъ нашихъ: г. Мусина-Пушкина, Дмитріева и Николева прошу при письмахъ вашихъ доставить ко мнѣ: я ихъ часто вижу, и оные вѣрно сообщу.

Радуюся, что вамъ угоденъ нашъ *Другъ просвѣщенія*, и прошу въ февралѣ замѣтить статью *о модѣ на языки*. Я и въ послѣдующихъ мѣсяцахъ намѣренъ продолжать отрывки мои о языкѣ. Правду сказать, очень новые прозаисты наши заврались. Надобно унимать ихъ, и думаю, что академія въ своемъ изданіи потакать не будетъ. Сіе есть существенная обязанность ея.

Я съ своей стороны попрошу вашего покровительства о слѣдующемъ. Перевелъ я весь въ стихи L'art poétique de Boileau. Хочется мнѣ, чтобы академія издала его отъ себя. Первая пѣснь будетъ напечатана въ мартѣ Друга просвѣщенія. Какъ скоро онъ выйдетъ, я пишу къ Андрею Андреевичу, чтобы сей отрывокъ прочитать въ академіи, и ежели онъ полюбится, то, получа отвѣтъ, не замедлю остальныя пѣсни представить, съ тѣмъ, чтобы академія разсмотрѣла переводъ мой и поправила, или хотя бы мнѣ

сообщила замѣчанія, въ чемъ есть ошибка. Моя цѣль, чтобы сіе твореніе, которое для русской словесности нужно, издано было отъ лица академіи. Я васъ дружески прошу помочь мнѣ въ семъ случаѣ, т. е. когда я о томъ къ его превосходительству Андрею Андр. писать буду. Впрочемъ съ истиннымъ почтеніемъ есмь и буду

вѣрно-покорнѣйшій слуга

Г. Хвостовъ.

1-е марта 1805 года.

P. S. Вы меня и всѣхъ насъ много одолжите присылкою замѣчаній вашихъ о жизни Княжнина и другихъ. Я ихъ по обѣщанію вашему ожидаю нетерпѣливо.

II.

Милостивый государь мой

Андрей Андреевичъ!

Со вступленія вашего превосходительства въ должность президента россійской академіи вы прилагали неусыпное попеченіе о переводѣ древнихъ классическихъ авкторовъ. Всякому ощутительно, что трудъ сей полезенъ и весьма похваленъ тѣмъ паче, когда отъ лица почтеннѣйшаго сословія издается, ибо неоспоримо, что цѣлое общество удобно можетъ приложить печать возможнаго совершенства къ труду единаго человѣка. Наука о стихотворствѣ г. Боало хотя не можетъ величаться давнимъ лѣтосчисленіемъ, но, безъ сомнѣнія, въ потомствѣ будетъ почтена знаменитымъ классическимъ твореніемъ. Довольно уже того, что она сама почти есть переводъ Аристотелевой и особливо Горацiевой піитики: слѣдственно, правила, въ ней заключающіяся, суть правила словесности всѣхъ вѣковъ и всѣхъ народовъ. Достоинство г-на Боало, яко французскаго писателя, состоитъ въ примѣрной ясности и исправности слога, также въ стихотворческомъ изображеніи мыслей и въ пристойномъ украшеніи самыхъ простыхъ и обыкновенныхъ правилъ.

«Смотри, чтобъ гласная отъ спѣха не споткнулась
«И съ гласною другой въ дорогѣ не столкнулась.

Хочу сказать, что піитика г. Боало, хотя бы и не была украшена прелестью стихотворства, но будетъ всегда знаменита по существу заключающихся въ оной вещей. Два вышепоставленные стиха заключаютъ въ себѣ необходимое для стихотворца правило: сказано оно такъ шутливо и пріятно, что легко въ память вкореняются. Разумѣется, что я здѣсь говорю какъ о вышеписанныхъ стихахъ, такъ и вообще о прелестномъ слогѣ г-на Боало на французскомъ языкѣ. Теперь смѣю донести вашему превосходительству, что я піитику г. Боало всю перевелъ и намѣренъ поднести россійской императорской академіи на разсмотрѣніе, поправленіе и напечатаніе, ежели академія удостоитъ трудъ мой вниманія своего, о чемъ и буду ожидать рѣшенія вашего превосходительства и воли академіи.

Съ симъ вмѣстѣ изволите ваше превосходительство получить журналъ *Другъ просвѣщенія*, мартъ мѣсяцъ, а потомъ и апрѣль; въ обоихъ сихъ мѣсяцахъ напечатана вся первая пѣснь Науки о стихотворствѣ г. Боало, мною переведенная. Я прошу предложить о прочтеніи сего опыта россійскою академіею, и ежели она заблагоразсудитъ принять на себя трудъ переведенное мною твореніе г. Боало разсмотрѣть и исправить, то, какъ скоро я о томъ извѣщенъ буду, не премину сообщить вторую, третью и четвертую пѣсни, которыя у меня уже совсѣмъ готовы; а между тѣмъ прекращу и печатаніе сего творенія въ журналѣ Друга просвѣщенія.

Впрочемъ съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностію пребыть честь имѣю

вашего превосходительства,

милостиваго государя моего,

покорный слуга

Г. Хвостовъ.

P. S. Я полагаю, что собраніе академіи будетъ въ ѳомину субботу, то и ожидать буду отъ 23 апрѣля соотвѣтствія вашего.

Марта 31 дня, 1805 года
Москва.

317) Письмо графа Хвостова къ А. А. Нартову, 14 августа 1802 года. Приложеніе къ запискамъ засѣданій россійской академіи за 1802-й годъ; собраніе 23 августа 1802 года, л. 235—236 об. —

318) Письмо графа Хвостова къ А. А. Нартову, 31 октября 1802 года. Приложеніе къ запискамъ засѣданій росссійской академіи за 1802 годъ; собраніе 15 ноября 1802 года, л. 309—309 об. —

319) Письмо графа Хвостова къ непремѣнному секретарю россійской академіи П. И. Соколову, 31 марта 1832 года. Приложеніе къ запискамъ засѣданій россійской академіи за 1832 годъ.

320) Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 4 марта 1794 года, ст. IV, л. 56 об. —

321) Приложеніе къ запискамъ россійской академіи; собраніе 19 марта 1804 года, л. 72—72 об. Письмо графа Хвостова къ А. А. Нартову:

Милостивый государь мой Андрей Андреевичъ!

Платонъ Петровичъ Бекетовъ, слѣдуя похвальной своей склонности, завелъ въ Москвѣ прекрасную вольную типографію, о достоинствѣ которой, кромѣ другихъ сочиненій, въ ней печатаемыхъ, свидѣтельствуетъ *Пантеонъ россійскихъ писателей*. Нынѣ онъ, вмѣстѣ со мною и Павломъ Ивановичемъ Голенищевымъ-Кутузовымъ, вознамѣрился издавать журналъ подъ названіемъ «*Другъ просвѣщенія*». Кутузовъ и я, обязаны будучи лестною пріязнію вашего превосходительства, долгомъ почли, яко члены россійской императорской академіи, просить васъ о принятіи вышеупомянутаго журнала для академической библіотеки.

Г-нъ Бекетовъ удостовѣрилъ меня, что съ первою почтою вышедшая онаго первая часть на имя «въ академію» будетъ доставлена прямо по почтѣ; равнымъ образомъ и послѣдующія въ исходѣ каждаго мѣсяца. Я прошу покорнѣйше о полученіи пер-

ваго мѣсяца удостоить меня увѣдомленіемъ, также и въ случаѣ, при пересылкѣ послѣдующихъ, остановки.

Впрочемъ съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію честь имѣю быть

вашего превосходительства,
милостиваго государя моего,
покорнѣйшій слуга
графъ Дмитрій Хвостовъ.

Февраля 22 дня, 1804 года.
Москва.

322) Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 5 марта 1804 года, л. 58 об. — 59. —

323) Письмо графа Хвостова къ П. И. Соколову, 30 марта 1829 года, — найденное въ академическомъ архивѣ. —

324) Записки засѣданій россійской академіи. Собранія: 21 іюня 1802 года, л. 169 об.; — 9 апрѣля 1810 года, № 13; — 4 ноября 1811 года, № 39; — 27 января 1812 года, № 3. —

325) Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 22 мая 1809 года, л. 153. —

326) Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 8 іюня 1801 года, л. 54—54 об. —

327) Приложеніе къ запискамъ засѣданій россійской академіи за 1832 года. Письмо графа Хвостова къ А. С. Шишкову, 8 февраля 1832 года. —

328) Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 27 іюля 1801 года, л. 95—95 об. —

329) Приложеніе къ запискамъ россійской академіи за 1834 годъ; собраніе 10 февраля 1834, ст. II. — Записка президента академіи А. С. Шишкова, 9 февраля 1834 года:

Въ россійскую императорскую академію.

Академія еще во время предсѣдательства княгини Дашковой выпросила у меня отчасти переведенную съ нѣмецкаго языка,

отчасти сочиненную мною, въ двухъ томахъ, книгу подъ названіемъ *Дѣтской библіотеки*, напечатала ее и послѣ многими изданіями продолжала печатать, пользуясь моими трудами безъ всякаго мнѣ за нихъ воздаянія. Также около того времени сочинены и переведены мною нѣкоторыя до флотской службы относящіяся книги, какъ-то: *Морскіе журналы*, *Морской трехъ-язычный словарь*, *Морское искусство*, и проч., напечатанныя въ морскихъ типографіяхъ, тожъ въ пользу казны безъ малѣйшаго мнѣ за оныя возмездія. Потомъ съ 1814 года россійская академія издала нѣсколько частей *Академическихъ извѣстій*, состоящихъ большею частію изъ моихъ сочиненій, которыя также всѣ оставлены мною въ ея пользу, безъ всякихъ моихъ выгодъ.

Нынѣ подъ названіемъ *Собранія сочиненій и переводовъ* моихъ напечатано въ ней 16 томовъ, числомъ 1200 экземпляровъ; по исчисленію, поданному мнѣ, употреблено ею на всѣ издержки къ отпечатанію оныхъ 23729 рублей. Я, полагая по самой умѣренной цѣнѣ за 16 томовъ 50 рублей, оставляю въ уплату академіи 500 экземпляровъ, что составитъ 25000 рублей, сумму, превосходящую ея издержки. За симъ остальные 700 экземпляровъ дѣлаются моею собственностію. Не получая никогда за многіе мои по наукамъ и словесности труды никакой награды, предоставилъ бы и сіи остальные 700 экземпляровъ въ пользу академіи; но нѣкоторое случившееся обстоятельство, налагая на меня священную обязанность, принуждаетъ меня воздержаться отъ сего новаго пожертвованія.

По смерти роднаго племянника моего осталась безъ отца и безъ матери сиротою безъ всякаго имущества и убѣжища восьмилѣтняя дочь, не имѣющая ни на кого, кромѣ меня, ближайшаго ей родственника, никакой надежды; но и я, по старости лѣтъ моихъ и невозможности устроить ея состояніе, не въ силахъ пособить ей много. Все, что я могу для ней сдѣлать, состоитъ въ томъ, что я оставляю ей сіи книги, плоды трудовъ моихъ, въ той надеждѣ, что можетъ быть принесутъ онѣ ей хотя нѣкоторое состояньице. Между тѣмъ распродажа сихъ книгъ требуетъ дол-

гаго времени, до чего старость и болѣзни мои не позволяютъ мнѣ надѣяться дожить, а безъ меня помянутая сирота останется безъ всякаго призрѣнія. Почему и упросилъ я извѣстныхъ уже академіи господъ членовъ ея принять на себя человѣколюбивое о ней попечительство; и какъ книги сіи храниться будутъ въ академіи, а малолѣтняя внука моя Софія Шишкова находится въ воспитательномъ обществѣ благородныхъ дѣвицъ, то, дабы и тамъ имѣть благотворителей, совокупно съ поименованными членами академіи, о ней пекущимися, упросилъ я также и присутствующихъ въ совѣтѣ сего общества членовъ, ихъ превосходительствъ Николая Петровича Новосильцова и Аркадія Ивановича Нелидова, принять на себя званіе попечителей.

Возложивъ такимъ образомъ участь сироты и надежду мою на сіе попечительство, хотя и располагалъ я при жизни моей не выпускать въ свѣтъ сего собранія сочиненій моихъ, но какъ чрезъ то могу я внуку мою лишить нѣкоторыхъ выгодъ, то, полагаясь во всемъ на почтеннѣйшихъ попечителей, предоставляю я имъ полную волю публиковать отъ имени ихъ о продажѣ сихъ сочиненій нынѣ или когда они заблагоразсудятъ.

Александръ Шишковъ.

По выслушаніи сей записки гг. члены единогласно просили его высокопревосходительство принять въ полное свое распоряженіе тысячу сто экземпляровъ, и получивъ его согласіе, положили привести оное въ исполненіе.

330) Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 16 декабря 1796 года, ст. II, л. 115 об. —

331) Записки засѣданій россійской академіи. Собранія 1803 года: 24 октября, л. 231 об. — 232; — 31 октября, л. 239 об.; — 7 ноября, л. 254 об.; — 14 ноября, л. 267; — 28 ноября, л. 277 об.; — 5 декабря, л. 283. —

332) Собственноручное письмо Румовскаго къ П. И. Соколову, 16 октября 1803 года, — найденное въ академическомъ архивѣ. —

333) Записки засѣданій россійской академіи. Собранія 1804 года: 27 августа, л. 197—197 об.; — 3 сентября, л. 207 об. — 208; — 10 сентября, л. 219 об. — 220; — 17 сентября, л. 227—227 об.; — 20 октября, л. 263 об.; — 29 октября, л. 267 об.; — 5 ноября, л. 269 — 269 об.

Въ запискѣ собранія россійской академіи 5 ноября 1804 года, ст. I, л. 269 об., говорится:

«Собраніе продолжало заниматься чтеніемъ письменныхъ примѣчаній и объясненій члена академіи г. вице-адмирала Александра Семеновича Шишкова на ироическую пѣснь о походѣ на половцевъ удѣльнаго князя Новагорода-Сѣверскаго Игоря Святославича, писанную стариннымъ русскимъ языкомъ въ исходѣ XII столѣтія, и въ 1800 году въ Москвѣ изданную съ переложеніемъ на употребляемое нынѣ нарѣчіе. По прочтеніи всѣхъ сихъ примѣчаній, собраніе, отдавая должную справедливость похвальному рвенію его превосходительства Александра Семеновича Шишкова къ открытію, въ чемъ состоитъ истинное богатство, красота, сила и важность языка славенороссійскаго, чему показалъ онъ опыты изданіемъ въ свѣтъ сочиненій, до сего предмета касающихся, и весьма полезныхъ къ направленію вкуса молодыхъ писателей и къ предохраненію ихъ отъ впаденія, подъ видомъ украшенія, въ погрѣшности, языкъ нашъ обезображающія, общимъ согласіемъ опредѣлило по предложенію г-на президента академіи Андрея Андреевича Нартова: въ признаніе таковыхъ г. Шишкова трудовъ, приносящихъ пользу россійскому слову, отличить его въ будущее торжественное годовое собраніе академіи почестію золотой медали, а ироическую пѣснь съ переводомъ на нынѣшній россійскій языкъ и съ примѣчаніями на оную напечатать въ четверть листа шестьсотъ экземпляровъ на любской Ольхиной и двадцать экземпляровъ на лучшей веленевой бумагѣ, подъ смотрѣніемъ самого трудившагося въ сочиненіи помянутыхъ примѣчаній».

334) Записки засѣданій россійской академіи. Собранія: 26 августа 1805 года, л. 238 об.; — 13 октября 1806 года,

л. 253—253 об.; — 27 октября 1806 года, л. 257; — 19 января 1807 года, л. 21; — 9 февраля 1807 года, л. 39. —

335) Письмо Шишкова къ П. И. Соколову, 11 мая 1805 года, — найденное въ академическомъ архивѣ. —

336) Сочиненія и переводы, издаваемые россійскою академіею. 1805. Часть I. стр. I—VI. Предувѣдомленіе.

337) Извѣстія россійской академіи. 1819. Книжка седьмая. стр. 1—2, 49—50. —

338) Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 26 января 1807 года, л. 31. —

339) Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 18 сентября 1815 года.

340) Въ бумагахъ бывшей россійской академіи сохранился подлинникъ посланія Шишкова, писанный рукою автора:

Почтеннѣйшіе сочлены, милостивые государи!

Хотя бы и охотнѣе желалъ я видѣть, чтобъ честь полученія медали оказана была кому иному, а не мнѣ, ибо первое: нѣкогда слабые труды мои были уже симъ знакомъ благоволенія отъ академіи увѣнчаны; второе, что возложенное на меня отъ его императорскаго величества званіе предсѣдательствовать въ семъ почтенномъ сословіи есть такой для меня священный долгъ и награда, которыхъ я всѣми моими трудами и попеченіями никогда искупить и оправдать не могу. И такъ по симъ причинамъ надлежало бы мнѣ отрещись отъ принятія подносимой вами мнѣ медали; но какъ оная есть знакъ вашего ко мнѣ благорасположенія, и аки залогъ единодушной воли содѣйствовать въ толь важномъ и общеполезномъ дѣлѣ, каково есть соблюденіе, изслѣдованіе и опредѣленіе отечественнаго языка нашего, обширнѣйшаго изъ всѣхъ, какими когда либо говорили народы, то и не могу я отъ сего драгоцѣннаго для меня дара отказаться. Я пріемлю оный съ чувствованіемъ живѣйшей благодарности. Да будетъ онъ залогомъ искренняго и ненарушимаго между нами союза. Молю не-

бесный промыслъ: да не внидутъ никогда въ сіе святилище наукъ враги разсудка и ума, самолюбіе и невѣжество, личность и угожденіе, зараза и пристрастіе къ чужеязычію подъ видомъ любви къ языку своему, искаженіе и порча силы и красоты его подъ именемъ вкуса и образованія; словомъ, да не водворятся никакіе расколы и ереси въ такое общество, которое долженствуетъ любить свое происхожденіе, свою вѣру, свой народъ, свой языкъ, свои нравы, и котораго чистая совѣсть и просвѣщенный умъ не должны имѣть инаго честолюбія, кромѣ того, чтобъ усердствовать къ общему благу, охранять языкъ отъ паденія, приносить пользу и заслужить благодарность потомковъ. —

341) Приложеніе къ запискамъ засѣданій россійской академіи за 1808 годъ; собраніе 18 іюля 1808 года, л. 174—175 об. —

342) Собственноручныя рукописи Шишкова — въ бумагахъ бывшей россійской академіи. —

Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ. Изслѣдованіе П. Пекарскаго. 1862. Т. I, стр. 253; Т. II, стр. 575—577. —

343) Извѣстія россійской академіи. 1819. Книжка седьмая. стр. 48—49, 96—99, 78—82. —

344) Повременное изданіе императорской россійской академіи. 1830. Часть II, стр. 93—94. —

345) Извѣстія россійской академіи. 1821. Книжка девятая. стр. 126, 128, 129, 135—136, 154—157, 153—154, 170—171. —

346) Извѣстія россійской академіи. 1819. Книжка седьмая. стр. 100. —

347) Извѣстія россійской академіи. 1818. Книжка шестая. стр. 66. —

348) Извѣстія россійской академіи. 1821. Книжка девятая. стр. 124—125, 173—174. —

349) Извѣстія россійской академіи. 1817. Книжка четвертая. стр. 5—65. —

350) Продолженіе Опыта славенскаго словаря. Извѣстія россійской академіи. 1819. Книжка седьмая. стр. 111 — 112.—

351) Труды императорской россійской академіи. 1840. Часть I. стр. 46, 68 — 69, 246. —

352) Приложеніе къ запискамъ засѣданій россійской академіи за 1813 годъ; собраніе 14 іюня 1813 года, ст. II:

Милостивый государь мой Петръ Ивановичъ,

Вчерашній день его императорскому величеству угодно было возложить на меня званіе президента россійской академіи на томъ основаніи, на какомъ былъ предмѣстникъ мой Нартовъ, о чемъ и указъ въ сенатъ на сихъ дняхъ посылается. Прошу васъ при первомъ собраніи изъявить мое отличное почитаніе господамъ членамъ сей академіи и увѣрить ихъ, за какую великую честь и счастіе поставляю я предсѣдательствовать между ими! Надѣюсь, что усердіе мое, съ ихъ усердіемъ соединенное, доставитъ намъ способъ быть полезными первѣйшему основанію наукъ и просвѣщенія — отечественному языку, и чрезъ то̀ по мѣрѣ силъ своихъ исполнить высокую монаршую волю и желаніе. Впрочемъ, уповаю, что вы не оставите увѣдомлять меня обо всемъ, что до академіи касается и о чемъ нужно мнѣ имѣть свѣдѣніе.

Съ истиннымъ почитаніемъ и преданностію навсегда пребываю,

милостивый государь мой,
вашъ покорный слуга
Александръ Шишковъ.

Петерсвальдау.
30 мая 1813 года.

Его высокоблагор. Петру Ивановичу Соколову, непремѣнному секретарю императорской россійской академіи.

P. S. Члену академіи господину Мальгину объявите, что я книгу его: *Разсужденіе о необходимомъ союзѣ разума и природныхъ дарованій съ науками* получилъ и въ свое время государю императору представить не премину. —

353) Труды императорской россійской академіи. 1840. Часть I. стр. 34 — 38. —

354) Извѣстія россійской академіи. 1821. Книжка девятая. стр. 16 — 17. —

355) Извѣстія россійской академіи. 1820. Книжка осьмая. стр. 13 — 14. —

356) Приложеніе къ запискамъ засѣданій россійской академіи за 1834 годъ; собраніе 8 декабря 1834 года, ст. I. —

357) Предложеніе, сдѣланное Шишковымъ въ собраніи россійской академіи 18 сентября 1820 года. Извѣстія россійской академіи. 1821. Книжка девятая. стр. 15 — 26. —

358) Rukopis Kralodworsky, sebranj lirico-epickych narodnjch zpewû — Рукопись Краладворская, собраніе лирико-эпическихъ народныхъ пѣснопѣній. Почти цѣлая книжка академическихъ Извѣстій занята Краледворскою рукописью, помѣщенною въ подлинникѣ, съ русскимъ переводомъ и объяснительными примѣчаніями. Извѣстія россійской академіи. 1820. Книжка осьмая. стр. 47 — 215. —

359) Извѣстія россійской академіи. 1821. Книжка девятая. стр. 47 — 63. —

360) Повременное изданіе императорской россійской академіи. 1830. Часть II. стр. 93 — 110. —

361) Записки засѣданій россійской академіи. Собранія: 31 декабря 1792 года, ст. II, л. 38 об.; — 12 ноября 1793 года, ст. I, л. 52 об. —

362) Приложеніе къ запискамъ засѣданій россійской академіи; собраніе 23 ноября 1829 года, ст. I. —

363) Архивъ министерства народнаго просвѣщенія. Картонъ 644, № дѣла 28455. —

364) Дѣла бывшей россійской академіи, 1838 года, № 14. Письмо министра народнаго просвѣщенія къ А. С. Шишкову:

Милостивый государь
Александръ Семеновичъ,

Императорская россійская академія, включая въ кругъ ученыхъ изслѣдованій своихъ всѣ нарѣчія славянскія, уже не разъ обращала вниманіе на труды соплеменныхъ намъ чешскихъ филологовъ. Между ними, безспорно, первое мѣсто занимаютъ П. Шафарикъ и В. Ганка. Сочиненія, которыя они уже издали въ свѣтъ, вашему высокопревосходительству совершенно извѣстны, и я считаю лишнимъ упоминать объ оныхъ; но имѣвъ случай освѣдомиться о многихъ весьма полезныхъ для языкознанія новыхъ трудахъ сихъ ученыхъ, которые или уже приготовлены къ печатанію, или приводятся къ окончанію, я вмѣняю себѣ въ обязанность сообщить о томъ вашему высокопревосходительству, какъ президенту императорской россійской академіи.

Шафарикъ, кромѣ второй части славянскихъ древностей, готовитъ къ печати географію славянскихъ нарѣчій, съ картами, Душановы законы, подъ названіемъ: Monumenta serbica, новое изданіе Любушина суда, съ учеными поясненіями.

Ганка собралъ древнѣйшіе памятники славянскихъ законодательствъ, приготовилъ къ изданію лѣтопись Далемила, краткую славянскую грамматику, и составляетъ чешско-русскій и русско-чешскій словарь, приготовляя матеріалы для сравнительной грамматики славянскихъ нарѣчій.

Ваше высокопревосходительство изъ одного исчисленія сихъ сочиненій усмотрите важность и пользу оныхъ, какъ для нашего языка, такъ не менѣе и для исторіи отечественной, и, безъ сомнѣнія, согласитесь со мною, что весьма желательно было бы видѣть оныя напечатанными. Между тѣмъ недостаточность состоянія, можно сказать бѣдность, Шафарика и Ганки не только замедляютъ успѣшное окончаніе сихъ трудовъ, принуждая авторовъ посвящать свое время на занятія ничтожныя, чтобы снискать пропитаніе себѣ и семействамъ своимъ, но, можетъ быть, сдѣлаются причиною того, что они останутся вовсе неизданными.

Въ письмѣ, которое Шафарикъ написалъ къ г. непремѣнному секретарю академіи, дѣйствительному статскому совѣтнику Языкову, онъ откровенно сознается, что безъ посторонней помощи не можетъ кончить изданіе своихъ славянскихъ древностей. Я увѣренъ, что россійская академія, по предложенію вашего высокопревосходительства, охотно удѣлитъ часть находящихся въ ея распоряженіи суммъ на пособіе названнымъ мною двумъ славянскимъ ученымъ, тѣмъ болѣе, что отчужденіе нѣмецкихъ читателей отъ трудовъ чеховъ, по части славянскаго языкознанія, заставляетъ ихъ надѣяться на содѣйствіе и сочувствіе одной Россіи. Любовь вашего высокопревосходительства къ отечественному языку и готовность содѣйствовать всему, что̀ можетъ споспѣшествовать его преуспѣянію, убѣждаютъ меня, что по предложенію вашему россійская академія доставитъ Шафарику и Ганкѣ пособіе на изданіе ихъ сочиненій—пособіе, достойное Россіи, достойное академіи, которой сіи писатели неоднократно уже подносили труды свои. Обращая всемилостивѣйшее вниманіе государя императора на славянскихъ ученыхъ, я довелъ до высочайшаго свѣдѣнія его величества о семъ вызовѣ академіи, не скрывъ надежды, что по предложенію вашего высокопревосходительства пособіе академіи будетъ вѣроятно не менѣе 3000 р. каждому.

Прося покорнѣйше о послѣдующемъ не оставить меня безъ увѣдомленія, съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть

вашего высокопревосходительства

покорнѣйшимъ слугою

Сергій Уваровъ.

9-го декабря
1838.

365) Въ числѣ бумагъ бывшей россійской академіи сохранились слѣдующія письма, почти всѣ собственноручныя, которыя и печатаемъ съ буквальною точностью:

Письма Ганки къ президенту россійской академіи А. С. Шишкову.

I.

Ваше высокопревосходительство
милостивый государь мой!

Къ великому моему удовольствію увѣдомился я, что графъ Лубѣньскій на сихъ дняхъ въ Варшаву поѣдетъ: пользуюся тою удобностію прислать въ сіятельную импер. россійскую академію мною издаваемыя книжки въ слабый знакъ благодарности моей, которыя прошу ваше высокопревосходительство многоважнымъ своимъ ходатайствомъ сопровождать и препоручать въ академическую библіотеку, ежели ихъ той почести удостоить изволите. А приложилъ также одинъ вытискъ мною открытыя греческія грамматики для московскаго университета, зная хорошо, что восточной церкви тотъ прекрасный греческій языкъ нуженъ, какъ западной латинскій, чего ради упрошаю случайно такую въ Москву прислать. Въ прошедшія дни прочиталъ я 6 томовъ сочиненій и переводовъ росс. акад., и читая засѣданія, на умъ мнѣ пало, чтобъ не токмо весьма пристойно, но и несравненно полезно было, когда бъ въ засѣданіяхъ онныхъ тоже одинъ искусный національный членъ изъ каждаго нарѣчія присутствовалъ, особливо когда академія словари всѣхъ словян. нарѣчій издавать намѣряетъ, ибо таково преславное дѣло никтоже во всѣмъ мірѣ кромѣ академіи рос. способствовать не можетъ.

Успѣетъ ли во Віенѣ профессура словянскаго языка и словесности, которую тамъ учредить хотятъ, то трудиться буду всѣми силами о томъ, чтобъ и въ Прагѣ такая каѳидра завелася, гдѣ же бы особливо великую пользу приносила. Того ради задержалося немножко здѣланое мною преложеніе о славянахъ изъ Карамзина и другихъ новѣйшихъ историковъ отъ набору, потому что мнѣ опредѣлено здѣлать сокращеніе изъ грамматики словянскія г. Добровскаго, бо сочиненіе его очень великое для преподаванія въ училищахъ, которыя каждую недѣлю трижды по

часѣ годомъ совершить треба. Дай Боже успѣха добрымъ вещамъ!

Г. Добровскій, который здоровъ изъ Віены возвратился, и господ. Юнгманъ, который самъ пачку съ листочкомъ прилягаетъ, здѣлаютъ свои уклоны, кои имѣю честь явить

вашему высокопревосходительству,
милостивому государю,
всепокорнѣйшій слуга
Вячеславъ Ганка,
библіотекарь народ. мисеа.

Въ Прагѣ 3 маіа.
1822

Открылъ я опять рукопись найстарших правъ (Правды Ческой), которыя, какъ напечатаны буду(тъ), пришлю.

II.

Ваше высокопревосходительство,
милостивый государь!

Письмо г. колежскаго совѣтника Кеппена при условіи императорской россійской академіи отъ 10 февр. с. г. доставлено мнѣ здѣсь не болѣе, какъ вчера: того ради спѣшу вашему высокопревосходительству радостное мое принятіе и неизреченную благодарность объявить. Я буду стараться соотвѣтствовать поданой мнѣ почести усерднѣйшими услугами, и льщу себя надеждою, что онѣ, потому что всесловянская словесность всегда любимое мое упражненіе, какъ ихъ отъ меня сіятельная академія ожидаетъ, успѣвать будутъ. При семъ тоже всепокорнѣйше просить отважаюсь, естьли катедра всесловянской литературы въ С. Петербургѣ учредится, чтобъ ваше высокопревосходительство меня вспомнить благоволили.

Пору переселенія моего оставляю назначенію сіятельной академіи, однакожь бы я примѣтить отважился, чтобъ выгоднѣе было, нужныя библіотекѣ книги немедлѣнно какъ только можно

скупывать, бо коммиссіонарами это всегда труднѣе и ненадежнѣе. Удобнѣйшая пора къ тому бы была во время публичной продажи библіотеки покойнаго графа Стернберга (сконч. 8 апр. н. с.), въ которой большое число чешескихъ рѣдкостей находится. Къ дополненію сего собранія старыхъ книгъ маленькое путешествіе по Чехамъ и Моравіи очень хорошо бы послужило. Что касается съ другой стороны вендицкихъ и поморянскихъ книжекъ и рукописей, то возможно бы было вылетомъ (par excursion) въ Будешинъ, Котвицы (Kotbus) и Щетинъ скупить, и съ остатками сихъ нѣкогда расширенныхъ людовъ словянскихъ въ самомъ мѣстѣ познакомиться. Того ради въ семъ предмѣтѣ прошу о милостивое рѣшеніе, чтобъ я могъ изъ настоящихъ объязаностей моихъ выступить, бо по заключеному договору мнѣ не токмо полгодомъ впередъ отказать надобно, но я тоже объязанъ по должности (ex officio) всякую книгу, которой бы еще въ библіотекѣ мизея недоставалось, можно ли ону въ сходной цѣнѣ получить, сему сословію уступить. При чемъ и примѣтить дерзаю, чтобъ сіятельная академія, ежели бы подобныхъ засыланіи книгъ за благо приняла, о безпошлиность въ Россіи стараться благоволила, и мнѣ при семъ мои книги и другія вещи приложить милостиво допустила.

Впрочемъ надѣюсь, что библіотекарь, какъ это вездѣ обыкновенно, при библіотекѣ и выгодное жилище имѣетъ, о которое всепокорнѣйше прошу. И потому что я никогда съ семействомъ въ сихъ сторонахъ не путешествовалъ, то мнѣ неизвѣстно, ежели назначеныя дорожныя деньги довлѣютъ, и того ради надѣюсь, что естьли бы ихъ недоставалось, мнѣ такія сіятельная академія милостиво наградитъ. Вступленіе мое въ предѣлы росс. имперіи засвидѣтельствованіемъ граничнаго чиновника покажу. Но незнаючи, ежели выходу какъ моему, такъ г. Челаковскаго, здѣшнѣе правленіе препятствовать не будетъ, думаю, чтобъ это скорѣе и надежнѣе было, когда бъ это императорская россійская академія посредствомъ императорскаго посольства въ Вѣнѣ промыслить благоволила.

Сохраните Небеса еще на долго словянскому свѣту высокопревосходительство ваше! чтобъ и всякій его народъ порознь познать, уважить и оцѣнить благотворенія такой усердности, которой потомство благодарить и прославлять не устанетъ.

Я съ нетерпѣніемъ ожидаю поры, которая меня въ словянское правленіе и въ покровительство великодушнѣйшаго въ свѣтѣ государя переселитъ, съ какимже чувствованіемъ на всегда пребываю

вашего высокопревосходительства
всепокорнѣйшій слуга
Вячеславъ Вячеславичь Ганка

Въ Прагѣ апр. 17/29 д. 1830 г.

III.

Ваше высокопревосходительство
милостивѣйшій государь!

Драгоцѣнное письмо врученное мнѣ Михаиломъ Петровичемъ Погодинымъ возбудило во мнѣ неизъяснимыя чувства, которыхъ нынѣ написать я не въ состояніи. Я узналъ изъ него о нисходительномъ вниманій къ трудамъ своимъ и о великодушномъ покровительствѣ и поощреніи къ продолженію оныхже. Крѣпчайшаго поощренія надъ слова зрѣнія лишенаго достопочтенаго старца, слова воспламененныя свѣжейшею любвію къ отечественному языку. Языкъ есть основаніе, на которомъ стоитъ все нужное къ благу государства и человѣчества. Далѣе я ничего не могу сказать, и всепокорнѣйше прошу, чтобъ ваше высокопревосходительство передъ императорскою россійскою академіею милостивымъ толкователемъ моихъ повиновенія и благодарности быть благоволили, съ чѣмъ имѣю честь пребыть навсегда

вашего высокопревосходительства
всепокорнѣйшимъ слугою
Вячеславъ Ганка.

Въ Прагѣ $^{4}/_{16}$ февраля 1839 г.

Письма Шафарика къ президенту и непремѣнному секретарю россійской академіи.

I.

(къ президенту А. С. Шишкову).

Eu. Excellenz!

Ich hatte die ehre, auf den mir von seiten der kais. russischen akademie gemachten antrag meine ergebenste antwort an eu. excellenz am 6 may l. j. abzusenden. Wiewohl ich grund habe zu hoffen, dass dieses mittelst der post versendete schreiben eu. excellenz richtig zugestellt worden sey; so habe ich doch darüber, ohne zweifel nur wegen der grossen entfernung und vielleicht auch wegen der durch den inhalt meines briefes selbst verzögerten erledigung der noch in frage stehenden puncte, bis jetzt keine directe bestätigung erhalten. Um daher einerseits der akademie über meinen festen entschluss, die mir angetragene stelle anzunehmen, keinen zweifel übrig zu lassen, andererseits aber mir selbst den zustand der ungewissheit und verlegenheit, in dem ich mich befinde, wo möglich abzukürzen, nehme ich mir die freiheit, gegenwärtiges schreiben an eu. excellenz in tiefster devotion zu richten.

Ich schmeichle mir noch immer mit der hoffnung, dass die wünsche, die ich in meinem vorigen schreiben eu. excellenz offenherzig vorgetragen habe, der erreichung der gemeinschaftlichen zwecke der akademie und meiner selbst nicht hinderlich seyn werden. Denn ich setze voraus, dass die akademie, mittel und zwecke wohl berechnend, kein opfer scheuen wird, um ihre beamten und arbeiter, durch sicherstellung der äussern lage und subsistenz derselben, in den stand zu setzen, sich rastlos, ungetheilt und aus voller seele den gelehrten arbeiten widmen zu können, für welche dieselben berufen sind. Vielleicht sind meine besorgnisse wegen der theurung in Sanct-Petersburg grösser, als sie seyn sollten; die akademie wird mir dies verzeihen,

eingedenk der lage, in welcher ich lebe, und der grossen entfernung, die mir jede genaue auskunft über die dortigen verhältnisse unmöglich macht. Ich wünschte nur den verdacht, als suchte ich bloss irdische güter und vortheile, von mir zu entfernen. Nichts ist meinem herzen mehr fremd, als eine solche denkungsart; dies wissen diejenigen, die mich kennen. Mein bisheriges leben ist ein beweis dafür, dass ich mich mit verrichtleistung auf alle eigenen vortheile dem dienste des berufes und der wissenschaft gewidmet habe. Aber neben den pflichten des innern und äussern berufs werden nun auch die gegen mich selbst und meine familie immer lauter und dringender. Der aufenthalt in einem rauheren klima und in der residenz würde die bedürfnisse nur vervielfältigen; es ist für mich eine moralische pflicht, dieses nicht unberücksichtigt zu lassen. Aus diesem grunde glaubte ich die akademie um freie wohnung bitten zu dürfen und bitten zu müssen. Übrigens stelle ich diesen punct gern dem ermessen und der entscheidung der akademie anheim. Mein entschluss, dem rufe zu folgen, würde auch dann noch fest stehen, wenn mir die akademie die erfüllung dieses meines dringenden wunsches für jetzt nicht gewähren könnte.

Die schon früher geäusserte bitte um verlängerung des termins meiner abreise nach Sanct-Petersburg muss ich auch jetzt wiederhohlen. Zwar ist nun ein aufschub durch die natur meines antwortschreibens und das ausbleiben weiterer beschlüsse von seiten der akademie von selbst eingetreten; aber dennoch scheinen sich meine hiesigen verhältnisse noch immer so zu gestalten, dass eine plötzliche übersiedelung für mich mit den grössten beschwerlichkeiten verbunden wäre. Ein haupthinderniss ist der zustand meiner familie; meine gattin kann noch immer diese weite reise nicht machen. Sollte indess das interesse der akademie meine unverzügliche abreise nach Sanct-Petersburg dringend verlangen; so würde ich meine gattin mit dem kinde und mit der schwiegermutter auf ein jahr oder auch darüber in Wien zurücklassen müssen. Indessen scheint mir, dass

es für unsere slawische literatur, und hiemit mittelbar auch für die akademie selbst nur vortheilhaft wäre, wenn ich noch ein jahr hier bliebe. Es ist, meiner ansicht nach, zur erreichung der zwecke der akademie vor allem nöthig, die noch immer nicht vollständig aufgedeckten und ihrem ganzen umfange nach bekannten quellen der slawischen gesammtsprache genauer auszumitteln und zu erforschen. Durch meine lage begünstigt fing ich vor einigen jahren an, die sprachprodukte der serben, slawonier, kroaten, dalmatiner und winden sorgfältig zu suchen und zu sammeln. Dass meine bemühungen im serbischen nicht erfolglos waren, beweisen die aufsätze in den Wiener jahrbüchern der literatur: Über altslawische kirchendrucke bei den serben etc. und Über altserbische handschriften (letzterer jetzt unter der presse). Die zahl der von mir neu entdeckten alten südlichen drucke ist sehr beträchtlich (dazu kommt jetzt noch auch ein Euchologion von Macarius aus der periode 1494—95); unter den serbischen handschriften sind die werke des h. Sabbas 1199 — 1208, Stephan Duschans gesetze, deren echten alten text ich in einer hs. vom j. 1390 aufgefunden habe, alte diplome serbischer könige, inschriften u. s. w., eben so viele neue quellen für die slawische lexicographie. Aber noch ist die reihe dieser entdeckungen nicht geschlossen; eine plötzliche unterbrechung meiner diesfälligen nachforschungen würde mir sehr schwer fallen. Von allen diesen alten sachen, die ich ursprünglich für meine *Monumenta serbica* zu sammeln anfing, besitze ich entweder die originale selbst, oder doch gute und verglichene abschriften. Dieselben würden auch in Sanct-Petersburg sowohl für die bibliothek, als auch für unsere arbeiten, recht brauchbar seyn. Auch beabsichtige ich diesen winter die herausgabe einer serbischen literaturgeschichte, in serbischer sprache, da ich nicht hoffen darf, bald eine neue ausgabe meiner allgemeinen slawischen literaturgeschichte veranstalten zu können. Für die kroatische, dalmatische und windische literaturgeschichte haben einige in diesen dialekten einheimische gelehrte für mich gesam-

melt und vorgearbeitet. Aus diesen theilweisen materialien könnte dereinst in Sanct-Petersburg, unter den auspicien der akademie, eine vollständige registratur unseres gesammten bücher- und handschriftenvorraths erwachsen — eine wahre *Bibliotheca slawica* in der idee, nach welcher dann eine slawische bibliothek in der wirklichkeit, und zwar in Sanct-Petersburg allmählich aufgestellt werden könnte. Wenn demnach die höheren zwecke der akademie mit diesen meinen privatansichten nicht unvereinbar sind, so würde ich bitten, mir einen längern termin, wenigstens bis zum spätherbst 1831, zur abreise anzuberaumen.

Auf jeden fall wünschte ich bald über die absichten und den entschluss der akademie in kenntniss gesetzt zu werden, um meine schritte darnach einzurichten. Denn ich müsste frühzeitig um dimission und reisepässe einkommen, da man hier mit der ertheilung derselben nicht zu eilen pflegt.

Schliesslich bitte ich eu. excellenz über meinen festen und unabänderlichen entschluss in den dienst der akademie zu treten, keinen zweifel zu hegen. Ich bitte eu. excellenz zugleich, von diesem meinen entschluss die akademie in kenntniss zu setzen. Sollte meine abreise auch verzögert werden; so wird doch dadurch hoffentlich das interesse der akademie nicht leiden. Ich bin in einem alter und geniesse einer gesundheit, dass ich hoffen darf, unter dem beistande der Vorsehung noch recht lange in Sanct-Petersburg für die slawische wissenschaft thätig zu seyn. Ich betrachte mich schon jetzt, als im dienste der akademie, und alle meine litterarischen arbeiten haben bezug auf das interesse derselben.

Hr. Hanka schrieb mir vor einigen wochen, dass auch er aus litterarischen rücksichten um einigen aufschub nachgesucht habe.

Ich habe die ehre mit tiefster devotion, hochachtung und ergebenheit zu geharren

eu. excellenz

unterthänigster diener

Paul Joseph Schaffarik.

Neusatz d. 10 nov. 1830.
n. st.

II.

(къ А. С. Шишкову).

Eu. Excellenz!

Nicht ohne ein beunruhigendes gefühl der schüchternheit und schaam wage ich es, diese zeilen niederzuschreiben und mit denselben in ehrfurchtsvoller ergebenheit vor eu. excellenz zu erscheinen. Eu. excellenz verehrtes schreiben vom 1 dec. des jahres 1830 wurde mir zu anfange des monats februar 1831 mittelst der post von Wien aus zugemittelt, und ich habe leider die pflichtschuldige beantwortung desselben bis jetzt verabsäumt. Wenn mich indess etwas zu entschuldigen vermag, so sind es die eben damals eingetretenen schwierigen zeitumstände mit allen ihren folgen, die unglükselige revolution in Polen, die auch den literärischen verkehr hemmte, die cholera, welche in verflossenem sommer und herbst auch in unserer gegend furchtbar wühtete, und andere unfälle, die leider auch mein haus und meine kleine familie hart trafen. Dazu kam, ich gestehe es offen, auch eu. excellenz gütige erklärung, «dass mir die kais. akademie hinsichtlich des termins meiner abreise keiner zwang auferlegen, sondern die stelle offen lassen wolle, wenn ich auch noch mehrere jahre in meinem bisherigen wohnorte zu bleiben wünschte, um die begonnen literärischen arbeiten hier zu vollenden», eine erklärung, welche mich gewissermassen in ruhe und sicherheit einwiegte, und nur veranlasste, die mir ertheilte längere frist ganz zur beendigung meiner vorliegenden arbeiten bezüglich auf sprache und literatur hiesiger slawischen stämme zu verwenden.

Da es jedoch sowohl im interesse der kais. akademie, als auch vorzüglich in dem meinigen liegt, jeder ungewissheit hinsichtlich meiner abreise nach Sanct - Petersburg ein ende zu machen, so nehme ich mir die freiheit, eu. excellenz hiermit ergebenst anzuzeigen, dass ich fest bei meinem kundgegebenen entschlusse, dem ehrenvollen rufe zu folgen, beharre, und bereit bin, die reise nach Sanct-Petersburg im frühjahr 1833 anzutreten,

wenn dieser termin der kais. akademie genehm ist, und dieselbe, wie ich nicht zweifle, bei ihrem früheren beschlusse hinsichtlich meiner wahl und berufung beharrt. Zu diesem endzweck werde ich bloss noch eu. excellenz bestätigendes schreiben abwarten, und gleich nach empfang dessen um entlassung und pässe einkommen, um mich den künftigen winter über ganz reisefertig zu machen.

Die verlängerung meines hiesigen aufenthalts wird, hoffe ich, auch für die literärischen zwecke der akademie nicht ganz unfruchtbringend sein und dieselbe vielleicht mit meiner zögerung aussöhnen. Meine sammlung altserbischer schrift-und sprachdenkmäler ist seitdem ansehnlich vermehrt worden, indem ich weit ältere original-denkmäler dieses dialekts theils selbst aufgefunden, theils von andern erhalten habe, als mir und andern zeither bekannt waren. Durch dieselben wird unerwartet ein helles licht über diesen merkwürdigen dialekt und sein verhälltniss zu dem kirchenslawischen verbreitet. Was ich bis jetzt an altserbischen materialien zur künftigen benutzung gesammelt, könnte 2 bis 3 quartbände in druck geben. Hiernächst habe ich, in verein mit mehreren gelehrten freunden und mit unterstützung der kirchlichen und andern behörden, eine fast vollständige historisch-bibliographische darstellung der literatur illyrischer slawen, oder der serben und illyrier, der kroaten und winden, zu stande gebracht, welche eine grosse und lästige lücke in unserer literatur-geschichte ausfüllen wird. Anderes, wofür ich mittlerweile vorbereitend thätig war, übergehe ich.

Von interessanteren producten der neueren literatur hiesiger slawischen stämme will ich nur einige anführen. Für katholische illyrier erscheint von dem verstorbenen gelehrten franciscaner Math. Pet. Katanchich eine übers. der bibel: Sveto pismo, u Budimu 1831—1832. 8°. 6 bde, wovon 3 heraus sind. Von demselben blieb ein illyrisches wörterbuch handschriftlich bei der universitäts-buchdruckerei in Ofen, welches aber leider wahrscheinlich, wie die wörterb. von Paul Vitezovich in Agram nnd baron Adam Patachich in Kalocsa, ungedruckt bleiben wird. Der russinische

propst Mich. Lusckay gab eine Grammatica slavo-ruthena, Budae 1830 (beendet und herausgegeben erst 1832) 8⁰. 176 s. heraus, kirchenslaw. und russinische paradigmen nebeneinander, sehr dürftig und unbefriedigend. Besser sind von A. I. Murko für die winden herausgegebenen: Theor.-pract. slowenische sprachlehre 1832. 8⁰, und Slowenisch-deutsches handwörterbuch, Grätz. 1832. 8⁰. Urban Jarnik's Etymologiches windisches wörterbuch ist so eben in druck beendet, aber noch nicht ausgegeben. Serbische bücher erscheinen zwar zahlreich genug, aber meist nur unterhaltungsschriften ohne besondern werth. Die neue typographie zu Belgrad kündigt so eben ihren ersten druck an: *Д. П. Тирола* Политическо земльеописаніе.

Hr. Vuk Stefanowich Karadxich, der sich eu. excellenz gehorsamst empfehlen lässt, privatisiert in Semlin, und bereitet einen neuen band volkslieder, so wie einen nachtrag zum serbischen wörterbuche vor. Ich zweifle nicht, dass er gern nach Russland gehen und daselbst eine stelle annehmen würde, wenn ihm eine solche angeboten werden sollte.

Indem ich mich schliesslich eu. excellenz gewogenheit und gnaden erfurchtsvoll empfehle, verharre ich in tiefsten verehrung

eu. excellenz

ergebenst gehorsamster diener

Paul Joseph Schaffarik.

Neusatz den 5 april 1832 n.-st.

III.

(къ непремѣнному секретарю П. И. Соколову).

Euer Excellenz!

In pflichtschuldiger beantwortung des von eu. excellenz, im namen und auftrage der kais. akademie an mich erlassenen, geehrten schreibens vom 23 juny l. j. nehme ich mir die freiheit folgendes ergebenst zu erwiedern.

Die unvorgesehene sinnesänderung der herren Hanka und Tschelakowsky in bezug auf den erhaltenen ruf ist mir erst nach

absendung meines schreibens von 5 april l. j. an sne excellenz den herrn admiral und präsidenten der akademie Alexander Semenowitsch von Schischkow bekannt geworden. Indem ich bis dahin dafür hielt, dass die genannten herrn fest bei ihrer mir früher angekündigten annahme des rufes beharren, glaubte ich um so mehr verpflichtet zu seyn, durch meinen beitritt den plan der kais. akademie nach kräften zu befördern. Nun aber finde ich es, bei dieser wendung der dinge, nicht befremdlich, dass meine gegenwart in Sanct-Petersburg minder dringend und nothwendig erscheint, und dass mir die kais. akademie, bei völliger freistellung der abreise dahin, zugleich zu überlegen gibt, ob es für mich und meine studien nicht vortheilhafter wäre, wenn ich noch länger hier in Neusatz bliebe, und von hieraus mit beiträgen die literarischen zwecke der kais. akademie unterstützen möchte.

So sehr ich die weisen und wohlwollenden absichten der kais. akademie in bezug auf mich dankbar anerkennend ehre, und die nothwendigkeit einsehe, meine abreise nach Sanct-Petersburg einzustellen, so fühle ich mich dennoch gedrungen, eu. excellenz unumwunden zu erklären, dass ein längerer aufenthalt hier in Neusatz und in meinen jetztigen verhältnissen für mich nicht nur äusserst schwierig, sondern in die länge geradezu unmöglich ist. Es war auch sonst nicht meine absicht, mich hier in Neusatz bleibend sesshaft zu machen; schon lange hegte ich den wunsch, mir einen angemessenern und gemächlichern wirkungskreis zu verschaffen; und nur der eifer für vollendung gewisser hier begonnener, nur hier ausführbarer literarischer arbeiten, namentlich einer sammlung altserbischer sprachdenkmäler und einer vollständigen geschichte der literatur hiesiger slawenstämme, hielt mich bis jetzt in meinem wohnorte zurück, und war, in verbindung mit andern häuslichen umständen, die hauptursache, warum ich nach erhaltenem rufe die kais. akademie um aufschub meiner abreise bat. Das verlangen, meine hiesige stellung zur gründlicheren erforschung der illyrischen dialekte und zur ausführung der obengenannten, nach meinem dafürhalten der gesammten

slawischen literatur förderlichen werke zu benutzen, trieb mich an mit hintansetzung aller persönlichen vortheile, der wissenschaft und der guten sache ein opfer zu bringen, indem ich seit dreizehn jahren hier, an der türkischen gränze der österreichischen monarchie, in völliger literarischer vereinsamung, bei überhäuften amtsgeschäften und kümmerlichen auskommen, in noth und dürftigkeit, ohne aufmunterung und unterstützung, ja ohne die nöthigen hilfsmittel, den slawischen sprach-und geschichtsstudien beharrlich oblag und vielfaches ungemach geduldig ertrug. Nun aber treten gebieterische umstände ein, welche mir die pflicht auferlegen, mich ohne verzug aus meiner jetzigen schwierigen lage zu reissen und nach einem andern hafen zu steuern, um in demselben unterkunft zu suchen, um so mehr, als ich beim völligen unvermögen den wachsenden bedürfnissen meiner familie zu genügen, nunmehr auch die unmöglichkeit einsehe, hier die früchte meiner vieljährigen slawischen sprach - und geschichtsstudien je zur reife zu bringen. Ich bin daher fest entschlossen, im nächtsfolgenden frühling 1833 meine amt niederzulegen und eine andere lebensbahn zu suchen.

Bei so bewandten umständen werden eu. excellenz von selbst meinen schmerz einsehen, mit welchem ich gestehen muss, dass ich keine hoffnung habe, der kais. akademie von hier aus auf die von derselben angedeutete art und weise irgend einen nützlichen dienst leisten zu können. Wie weit es nun der kais. akademie wünschenswerth und thunlich erscheint, mich fortan bei den von ihr beschützten und geförderten slawischen sprachstudien thätig zu erhalten, kann ich freilich selbst nicht beurtheilen; aber so viel glaube ich eu. excellenz vertrauensvoll eröffnen zu dürfen, dass wenn sich die kais. akademie meiner geringen kräfte zur erreichung ihrer schönen und gemeinnützigen zwecke bedienen wollte, dies noch immer geschehen könnte, ohne dass ich mich desshalb nach Sanct - Petersburg übersiedeln oder hier länger bleiben müsste. Es ist nur nämlich mittlerweile durch directe mittheilungen aus Prag die kunde geworden, dass herr Hanka

der kais. akademie einen neuen plan in bezug auf das beabsichtigte wörterbuch zur prüfung und genehmigung vorgelegt habe, dem zufolge dasselbe von einem verein von gelehrten (unter denen hr. Hanka auch mich nannte) in Prag ausgearbeitet werden sollte. Ungeachtet ich mit dem speciellen dieses planes noch nicht vertraut bin, so muss ich doch nach dem, was mir bis jetzt darüber bekannt geworden, im ganzen demselben beipflichten. Auch ich halte Prag unter den gegenwärtigen umständen für den besten, literarisch geeignetsten ort, wo ein solches werk mit hoffnung auf erfolg unternommen werden könnte. Ich wende mich daher mittelst eu. excellenz an die akademie mit der ergebensten bitte, dieselbe möchte dem plane meines freundes, herrn Hanka, ihre aufmerksamkeit schenken und ihn wo möglich genehmigen. Ich will dabei nicht verschweigen, dass ich auch unabhängig von diesem plane, gleich nach empfange des schreibens von eu. excellenz, bereits meine augen auf Prag gerichtet und den entschluss gefasst habe, mich, im schlimmsten falle als privatgelehrter, künftig daselbst niederzulassen. Würde demnach die kais. akademie herrn Hanka's plan genehmigen, mich dem Prager vereine für das wörterbuch beigesellen und mir eine angemessene unterstützung zu theil werden lassen; so wäre dadurch zu gleicher zeit ein doppeltes erzielt: ich würde durch die kais. akademie den slawischen sprachstudien und der literatur auch fernerhin erhalten, und die absicht der kais. akademie in bezug auf das wörterbuch auf dem kürzesten und leichtesten wege erreicht werden. Mir wäre es höchst erwünscht, wenn eu. excellenz die gnade haben wollten, mich vorläufig, auch vor dem gänzlichen schlusse der angelegenheit, von den intentionen der kais. akademie in betreff dieses planes und meiner selbst zu benachrichtigen, um daraus zu entnehmen, ob und in wie weit ich bei meiner beabsichtigten übersiedelung nach Prag mir mit der hoffnung schmeicheln darf, irgend einer unterstützung von dieser seite her theilhaftig zu werden.

Leid thut es mir, dass ich bei meiner entfernung von Wien

mit den gewünschten büchern: *Murko's* windischer Grammatik und Wörterbuche, und *Jarnik's* windischem Etymologicon, der kais. akademie noch nicht habe dienen können. Inzwischen habe ich desshalb schon die nöthigen schritte gethan, und will das nähere darüber mit nächster gelegenheit berichten. *Katancsich's* Etymologisches wörterbuch der illyrischen sprache ist ein eigenthum der pesther landesuniversität und der dazu gehörigen typographie in Ofen, und wird nicht veräussert. Alles, was wir thun können, ist, dass wir die universitäts-buchdruckerei zur herausgabe desselben veranlassen; worüber ich künftig bestimmteres melden werde.

Genehmigen eu. excellenz die ausgezeichnete hochachtung, mit der ich die ehre zu verharren

euer excellenz

ergebenst gehorsamster diener

Paul Joseph Schaffarik

gymnasiums professor.

Neusatz d. 1/13 oct. 1832.

IV.

(къ П. И. Соколову).

Ваше превосходительство!

Изъ письма вашего превосходительства, по препорученію императорской россійской академіи, ко мнѣ отъ $^{18}/_{30}$ генваря сего года писаннаго, увидѣлъ я столько же съ великимъ удивленіемъ, сколько и съ истиннымъ прискорбіемъ, что до сихъ поръ не было еще представлено г-мъ Ганкою императорской россійской академіи никакого новаго плана относительно сочиненія въ Прагѣ всеобщаго словаря славенскихъ нарѣчій! Г. Ганка писалъ ко мнѣ прошедшею осенью неоднократно и такъ увѣрительно о семъ планѣ, яко бы посланномъ имъ, по его словамъ, въ императорскую россійскую академію, что мнѣ нельзя было не думать, что оный уже давно доставленъ академіи. Г. Ганка именно

писалъ ко мнѣ, что въ началѣ сентября минувшаго года вручилъ онъ вдвойнѣ копіи съ сего плана г. д. тайн. сов. и сенатору Сперанскому, если я не ошибаюсь въ имени, тогда находившемуся на теплыхъ водахъ въ Богеміи, съ просьбою взять ихъ съ собою въ С.-Петербургъ. Жаль, что теперь нѣтъ у меня писемъ г. Ганки, и не могу сообщить изъ оныхъ никакихъ выписокъ, поелику я, за нѣсколько дней предъ симъ, отправилъ уже ихъ вмѣстѣ съ прочими моими вещами въ Прагу, куда я переселяюсь. При таковыхъ обстоятельствахъ остается мнѣ только увѣдомить о семъ г. Ганку и просить его о немедленномъ доставленіи сего плана академіи. Я уже дѣйствительно и послалъ сегодня письмо къ нему въ Прагу.

Въ прежнемъ моемъ письмѣ я уже увѣдомлялъ в. превосх. что я не намѣренъ долѣе оставаться въ Нейзацѣ. Послѣ того я рѣшился уже поселиться на время и предварительно въ Прагѣ, какъ частный человѣкъ, дабы тамъ или гдѣ въ другомъ мѣстѣ искать себѣ приличнаго содержанія. Почему черезъ восемь дней я отправлюсь отсюда съ моею фамиліею въ Прагу, куда надѣюсь пріѣхать къ $^3/_{15}$ ч. маія.

Я издалъ недавно одно филологическое сочиненіе о сербскомъ нарѣчіи подъ заглавіемъ: Serbische Lesekörner, ein beitrag zur slawischen sprachkunde, mit beilagen und einem fac simile, Ofen, 1833, 8° (Сербскіе подобранные корни, прибавленіе къ славянскому языкознанію, съ приложеніями и со спимкомъ. Офенъ. 1833. 8°). Я постараюсь доставить росс. акад. нѣсколько экземпляровъ онаго чрезъ Вѣну.

Съ удовольствіемъ пользуюсь случаемъ изъявить в. превосх. чувствованія глубокаго высокопочитанія и просить о продолженіи вашего ко мнѣ благоволенія.

В. превосход. покорнѣйшій слуга

Павелъ Іосифъ Шаффарикъ.

(Письмо Шафарика, приведенное нами въ уцѣлѣвшемъ русскомъ переводѣ (нѣмецкій подлинникъ не найденъ), писано въ 1833

году: въ собраніи россійской академіи 15 апрѣля 1833 года, ст. II, читано было письмо Шафарика въ отвѣтъ на письмо, отправленное къ нему отъ академіи 18 января 1833 года). —

V.

(къ А. С. Шишкову).

Eure Excellenz!

Die kaiserliche russische akademie hat meine bisherigen leistungen im gebiete der slawischen sprachkunde und geschichtsforschung einer so huldvollen aufmerksamkeit gewürdigt und mir zur erleichterung meiner arbeiten in den genannten fächern der wissenschaft und literatur eine so grossmüthige unterstützung angedeihen lassen, dass ich mich dadurch im innersten herzen zur tiefen dankbarkeit verpflichtet fühle.

Ermuntert durch den beweis so hoher gunst werde ich es stets als eine heilige pflicht erachten, meinen eifer und fleiss zu verdoppeln, um im einklange mit jenen würdigen gelehrten unseres gesammtstammes, welche sich die anbahnung der höhern pflege der slawischen sprachkunde und geschichtsforschung zur aufgabe ihres lebens gestellt haben, zur erreichung eines so löblichen zweckes, im reinen interesse der wissenschaft und literatur, nach kräften mitzuwirken.

Eurer excellenz treffliche ansichten über das hohe alter und den reichthum unserer herrlichen stammsprache, so wie über die nothwendigkeit, ihre höhere, wissenschaftliche pflege im interesse unseres gesammtstammes, so wie im wohlverstandenen interesse der übrigen nachbarstämme Europa's, durch gründliche arbeiten, besonders gute wörterbücher, immer mehr zu fördern und zu erweitern, sind mir aus der seele geschrieben. Eure excellenz haben uns allen in dieser hinsicht in ihren vortrefflichen werken ein nachahmungswürdiges muster aufgestellt, dem nachzueifern stets eine unserer heiligsten und angenehmsten pflichten seyn wird.

Genehmigen eure excellenz die heistesten wünsche für die

erhaltung eurer excellenz theuren lebens und den schwachen ausdruck der gefühle der tiefsten dankbarkeit und verehrung, mit denen ich die ehre habe stets zu geharren

eurer excellenz

unterthänigster

Paul Joseph Schafarik.

Prag den 15 februar
1839 n. st.

Письма Караджича къ президенту и непремѣнному секретарю россійской академіи.

I.

(къ А. С. Шишкову)

Ваше высокопревосходительство,
милостивый государь!

Письмо ваше отъ 18-го марта я получилъ съ величайшею радостію. Въ нашихъ краяхъ нѣтъ теперь никаковыхъ новыхъ вниманія достойныхъ славенскихъ книгъ; но естьли что̀ появится, я съ величайшею радостію пришлю въ академію. Теперь присылаю вамъ для академіи:

1) *Грамматику крайнскаго нарѣчія*, сочиненную г. Копытаремъ, здѣшнимъ императорско-королевскимъ библіоѳекаремъ и цензоромъ, который въ нашихъ краяхъ щитается первый славенскій филологъ и историкъ послѣ г. Добровскаго.

2) Ueber Wuks serbisches Wörterbuch, und über Altslawisch und Serbisch, также сочиненіе реченнаго г. Копытаря. Я думаю, что бы достойно было труда, естьли бы ваше высокопревосходительство имѣли времене это перевесть на рускои языкъ, и съ примѣчаніями вашими напечатать.

3) *Илиричкій словарь Волтиджіевъ.*

4) *Римляни славенствовавшіи.*

5) Ѡб'яспе́ніе ко спи́мку подли́нного діпло́ма Стефа́на Да́бише кра́ля се́рбскога.

6) *Рѣчи надгробнія* Гавріила Хранислава.

7) Четыри сербскія *оды*, и одну славенскую; одну народную сербскую пѣснь, и нѣсколько листовъ прибавленій къ сербскимъ вѣдомостемъ.

Изъ того всего вы увидите, каковы у насъ различны виды правописанія и слога! У насъ прежде меня никто не думалъ о правилахъ сербскаго языка, но всякой писалъ, какъ ему когда попалосъ.

Прошу васъ покорнѣйше, что бысте сдѣлали милость, и приключенное здѣсь письмо послали въ канцелярію г. Тургенева.

Въ прочемъ вручая себе милости вашего высокопревосходительства, съ величайшимъ высокопочитаніемъ есмь

вашего высокопревосходительства

нижайшій слуга

Вукъ Стефановиђ.

Въ Вѣнѣ $^{6}/_{18}$ юнія 820.

II.

(къ А. С. Шишкову)

Ваше высокопревосходительство

милостивый государь!

Извините, ваше высокопревосходительство, что я вамъ прежде не отвѣтствовалъ на ваше высокопочитаемое письмо отъ 18-го октябра прошлаго года, ибо я не былъ здѣсь, но въ Сербіи. Я получилъ также и посланую мнѣ отъ академіи серебряную медаль и триста рублей денегъ, за которое покорнѣйше благодарю, и академію, а наипаче васъ; и будите увѣрены, что я непрестано буду стараться показать себя достойнымъ милости вашего высокопревосходительства и удостоенія академіи.

Приключеное письмо ваше я своеручно отдалъ г. Добровскому, который далъ мнѣ, для присылкы вамъ, первую пѣснь Гомеровой Иліяды и три экземпляра Слова о полку Игоревѣ, которое честь имѣю вамъ здѣсь препроводить. Чехскій словарь съ нѣмецкимъ и латинскимъ языками печатанъ прежде нѣсколько лѣтъ, но я его теперь не могъ здѣсь достать; а другой печа-

тается теперь въ Прагѣ; первая часть уже готова, когда же будетъ все дѣло совершено, я пришлю вамъ съ величайшею радостію; а между тѣмъ теперь присылаю вамъ на сихъ дняхъ изъ печати вышедшій *нѣмецко-чехскій* словарь.

Касательно мнѣнія г. Копытаря о знаніи рускаго языка и о занятіяхъ руской академіи, могу вамъ сказать, что онъ *теоретически* разумѣетъ поруски хорошо, и читаетъ всѣ занятія россійской академіи съ величайшею радостію (наипаче ваши сочиненія), но сожалуетъ, что здѣсь весма мало рускихъ книгъ! (Естьли бы я имѣлъ щастіе достать пензію отъ двора рускаго или отъ академіи, я давно уже желалъ перепечатывать здѣсь знатнѣйшія рускія книги для южныхъ славенскихъ народовъ, и такъ сдѣлалъ бы южнымъ славянамъ пользу, а рускому слову славу; но я теперь живу въ величайшемъ убожествѣ, такъ что чрезь полъ года буду принужденъ совсѣмъ оставить Вѣну и литературу, и поѣхать въ Венгрію въ какую-нибудь деревню, и стараться, чтобы не умерлъ съ голоду. Ибо вы знаете, какое награжденіе отъ трудовъ своихъ, и въ просвѣщеныхъ народахъ, имѣютъ писатели, которые пишутъ объ *языкѣ*!). Добровскій занимается печатаніемъ славенскія грамматики, Копытарь же собираніемъ *славенскаго словаря*, а потомъ желаетъ Копытарь въ какомнибудь нѣмецкомъ журналѣ значить (anzeigen) всѣ рускія книги, которыя мы здѣсь имѣемъ.

Кромѣ двѣ части нѣмецко-чехскаго словаря, Гомеровой Иліяды и три экземпляра слова о полку Игоревѣ, присылаю вамъ также «Ѿпустнагѡ слова архіерейскагѡ примѣръ», и нѣсколько додатковъ къ сербскимъ вѣдомостямъ, и одно объявленіе о третьей части народныхъ сербскихъ пѣсней.

Въ прочемъ вручая себе милости вашей, съ величайшимъ высокопочитаніемъ честь имѣю быть

ваше высокопревосходительства
милостиваго государя
покорнѣйшимъ слугою
Вукъ Стефановичъ.

Въ Вѣнѣ 8-го августа 821.

III.

(къ А. С. Шишкову)

Ваше высокопревосходительство,
милостивый государь!

Съ глубочайшимъ высокопочтеніемъ честь имѣю послать вашему высокопревосходительству два экземпляра моей новой книги: «Милош Обреновић», одинъ для академіи, а другой для собственной библіотеки вашего высокопревосходительства; также двѣ книжки протестантскаго священника Коларя, и одно письмо отъ здѣшняго библіотекаря и цензора г-на Копытаря.

Въ особенныхъ двухъ пакетахъ на имя вашего высокопревосходительства я предалъ въ здѣшнюю канцелярію россійскаго посольства двѣ славянскія книги древней сербской печати: «тріωды» или «трьпѣсньцы», печатанные въ *Скадарѣ* (Skutari) 1563 года, и «лтргіе», печатанныя «оубнеціех» (въ Венедигѣ) 1554 года, которыя прошу ваше высокопревосходительство препроводить въ академію. Первая сихъ книгъ очень рѣдка и въ нашихъ краяхъ, только жаль, что послѣдніе и начальные листы ея несовсѣмъ цѣлы и чисты; но, можетъ быть, по времени удастся мнѣ гдѣ нибудь отъискать и лучшій сего экземпляръ.

При семъ случаѣ осмѣливаюсь напомнить вашему высокопревосходительству о покорнѣйшемъ моемъ прошеніи отъ 21-го мая прошлаго года, возобновленномъ потомъ въ письмѣ от 10-го декабря. Всякой день я болѣе чувствую нужду въ россійскомъ покровительствѣ: теперь на письменное позываніе князя Милоша Обреновича вознамѣрился ѣхать въ Сербію, но болѣе четырехъ недѣль всуе ожидаю пашпорта отъ здѣшняго правительства, и еще не знаю, достану ли оный! Естьли ваше высокопревосходительство благоизволите ощастливить меня рѣшеніемъ по сему дѣлу, то прошу покорнѣйше отправить оное въ Вѣну, ибо отъ сюди (гдѣ мое семейство остается попрежнему) доставится мнѣ легко, естьли я и въ Сербіи буду.

Поручая себя высокой милости и покровительству вашего высокопревосходительства, съ глубочайшимъ высокопочтеніемъ и равною же благодарностію честь имѣю быть,

милостивый государь,

вашего высокопревосходительства

покорнѣйшимъ слугою

Вукъ Стеф. Караджичь.

Вѣна 21 августа 1828.

IV.

(къ А. С. Шишкову).

Ваше высопревосходительство,

милостивый государь!

Съ величайшею радостію и благодарностію я имѣлъ честь отъ бывшихъ прошлаго года въ С.-Петерсбургѣ депутатовъ князя Милоша Обреновича слышать, что ваше высокопревосходительство имѣли милость спрашивать обо мнѣ и поздравити мя. Теперь я самъ осмѣливаюсь увѣдомить ваше высокопревосходительство о себѣ. Почти два года я провелъ въ Крагуевцѣ членомъ и директоромъ бывшей сербской законодательной коммиссіи, потомъ одинъ годъ въ Бѣлградѣ президентомъ уѣзднаго и городскаго магистрата бѣлградскаго. Нинѣ же съ одной стороны состояніе моего здоровья, которое чрез прошлые три года изъ разныхъ причинъ въ Сербіи хуже стало; съ другой—очевидная невозможность въ нинѣшнихъ обстоятельствах принесть въ Сербіи какую-либо пользу, которой бы не могъ принесть каждый простой сербинъ; съ третьей же—страстное желаніе, пользуясь по ходатайству вашего высокопревосходительства всемилостивѣйше пожалованною мнѣ монаршею пенсіею, продолжать мои прежнія—литературныя—занятія, принудили меня оставить въ Сербіи и службу и жалованье. Безъ милостивѣйшей монаршей подпоры я бы теперь, отягощенъ семействомъ (состоящимъ изъ жены и пять малолѣтныхъ дѣтей) и слабостію здоровья, подверженъ былъ

величайшей бѣдѣ, которая смертнаго въ мірѣ семъ постигнуть можетъ. За сію превысокую милость единъ только Богъ можетъ наградить и великодушнаго государя, и васъ.

Народныхъ сербскихъ (геройскихъ) пѣсней я собралъ въ Сербіи вновь довольное число (почти равное тому, какое напечатанно въ Лейпцигѣ 1823 года въ второй и третьей частяхъ), также *пословицъ*, и около двѣ тысячи *словъ*, неимѣющихся въ моемъ словарѣ. Какъ для изданія сихъ дѣлъ, такъ и для воспитанія дѣтей, которые величайшій предмѣтъ моей заботы я вознамѣрился будущаго лѣта опять возвратиться въ Вѣну, откуду попрежнему начну слать въ академію книги. Естьли бы угодно было вашему высокопревосходительству ощастливить меня какимъ-нибудь новымъ препорученіемъ со стороны академіи, или только драгоцѣннымъ письмомъ вашимъ, прошу покорнѣйше таковое отправить въ канцелярію россійско-императорскаго посольства въ Вѣнѣ.

Поручая себя всегдашней милости и покровительству вашего высокопревосходительства, съ глубочайшимъ высокопочтеніемъ и безконечною благодарностію честь имѣю быть,

милостивый государь,
вашего высокопревосходительства
покорнѣйшимъ слугою
Вукъ Стеф. Караджичь.

Землинъ 10 декабря
1831 года.

V.

(къ А. С. Шишкову, несобственноручное)

Ваше высокопревосходительство,
милостивѣйшій государь,

Съ величайшимъ удовольствіемъ я имѣлъ честь получить отъ вашего высокопревосходительства поклонъ, изъявленный мнѣ посѣтившимъ дальнѣйшія сіи славянскія мѣста г. коллежскимъ се-

кретаремъ Д. Момировичемъ. Таковое милостивое вниманіе ко мнѣ ваше, милостивѣйшій государь, даетъ мнѣ смѣлость, чрезъ него же, г. Момировича, нынѣ въ С.-Петербургъ возвращающагося, утрудить васъ изъясненіемъ сколько душевной благодарности за постоянное ко мнѣ благорасположеніе, столько же и причины, по которой я нахожусь теперь въ Рагузѣ.

Съ давняго времени было желаніе мое объѣхать провинціи: Кроацію, Истрію, Далмацію, Боку ди Катаро (австрійскую Албанію) и Черную гору. Предметы сего желанія моего:

1) продолженіе собиранія сербскихъ народныхъ пѣсенъ;

2) собираніе народныхъ пословицъ, загадокъ и прочихъ подобныхъ произведеній народнаго духа;

3) собираніе словъ, неимѣющихся въ моемъ словарѣ;

4) особенное описаніе сербскаго языка, относительно нарѣчій (діалектовъ) его по вышеупомянутымъ мѣстамъ;

5) описаніе народныхъ нравовъ и обычаевъ;

6) изысканіе древнихъ славянскихъ рукописей, могущихъ служить къ объясненію исторіи древней славянской литературы.

Для приведенія въ исполненіе сего путешествія моего, покойный государственный канцлеръ графъ Николай Петровичъ Румянцовъ опредѣлилъ мнѣ, чрезъ г. дѣйствительнаго статскаго совѣтника Ф. П. Аделунга, впродолженіе трехъ лѣтъ, содержанія ежегодно по 300 червонныхъ. Опредѣленіе сіе формально состоялось еще въ минувшемъ 1819 году. Но разныя обстоятельства, отъ меня не зависѣвшія, не позволили мнѣ воспользоваться тогда симъ счастливымъ случаемъ, который впослѣдствіи, по случаю смерти графа Румянцова, вовсе для меня уничтожился.

Нынѣ же, по особенной любви къ познанію сербскаго и вообще славянскаго языка, а также по необходимости въ приготовленіи втораго изданія сербскаго словаря и въ сочиненіи подробнѣйшей сербской грамматики, я рѣшился предпринять путешествіе по упомянутымъ провинціямъ, не имѣя совершенно никакихъ нужныхъ для того средствъ; ибо все состояніе мое огра-

ничивается единственно высочайше пожалованною мнѣ въ 1826 году, по ходатайству вашего высокопревосходительства, пенсіею по 100 червонныхъ въ годъ.

Впродолженіе употребленныхъ уже мною шести мѣсяцевъ въ Черной горѣ, Бокѣ Которской и Рагузѣ, я успѣлъ собрать значительное количество драгоцѣнныхъ матеріаловъ для сербскихъ грамматики и словаря, и продолживъ пребываніе мое въ сихъ предѣлахъ еще до половины наступающаго лѣта, намѣренъ возвратиться чрезъ Далмацію въ Вѣну. Послѣ сего, если позволятъ мнѣ обстоятельства, наиболѣе денежныя, я предприму, — для продолженія означенныхъ занятій, — вторичное путешествіе въ Кроацію, Истрію и Далмацію.

Я бы не осмѣлился утруждать ваше высокопревосходительство сими подробностями, если бы не былъ увѣренъ, что для родолюбиваго сердца вашего, милостивѣйшій государь, составляетъ пріятнѣйшія и полезнѣйшія упражненія все то̀, что̀ къ познанію и усовершенствованію языка славянскаго относится.

Изъявляя душевное желаніе мое, чтобы всемогущій Богъ укрѣпилъ ваше здоровье, и драгоцѣнные дни ваши продолжилъ еще на многія лѣта, я прошу продолженія милостиваго покровительства и благорасположенія ко мнѣ вашего: они увеличатъ безпредѣльную благодарность и признательность, коими я къ особѣ вашей, милостивѣйшій государь, преисполненъ.

Съ глубочайшимъ высокопочитаніемъ и совершеннѣйшею преданностію имѣю честь быть

вашего высокопревосходительства
покорнѣйшій и преданнѣйшій слуга
Вукъ Стеф. Караджичь.

генваря 23 дня
1835 года
Рагуза.

VI.

(Къ непремѣнному секретарю Д. И. Языкову).

Ваше превосходительство,
милостивый государь!

Съ величайшимъ удовольствіемъ я имѣлъ щастіе получить высокопочтеннѣйшее письмо вашего превосходительства отъ 31 мая — 12 іуня сего года, вмѣстѣ съ векселемъ въ тысячу восемьдесять рублей ассигнаціями, составляющихъ сто червонныхъ, пожалованныхъ мнѣ императорскою россійскою академіею въ спомоществованіе по случаю предпринятаго мною путешествія по южнѣйшимъ славянскимъ предѣламъ. Чувствуя въ полной мѣрѣ цѣну таковаго милостиваго расположенія и вниманія ко мнѣ, особеннымъ долгомъ почитаю покорнѣйше просить ваше превосходительство увѣрить академію и ея знаменитаго президента, какъ въ моей безпредѣльной къ нимъ благодарности, такъ и въ продолженіи неусыпнаго старанія въ пользу славянской литературы.

При семъ случаѣ имѣю честь увѣдомить ваше превосходительство, что я въ продолженіи тринадесять мѣсяцевъ, употребленныхъ мною на сіе путешествіе по Черной горѣ, Паштровичахъ, Боккѣ Которской и Рагузѣ, успѣлъ собрать неожиданное количество драгоцѣнныхъ матеріаловъ для сербскихъ грамматики и словаря, и не малое прекрасныхъ народныхъ пѣсенъ, наипаче относящихся къ обычаямъ сихъ южнѣйшихъ славянъ. Въ продолженіе сей зимы я буду здѣсь, въ кругѣ семейства моего, заниматься приведеніемъ въ порядокъ сихъ матеріаловъ; а въ веснѣ будущаго (1836) года намѣреваюсь продолжить сіе путешествіе по Кроаціи и Истріи, въ веснѣ же 1837 года по Далмаціи.

Поручая себя милостивой благосклонности вашего прево-

сходительства, съ безпредѣльнымъ почтеніемъ и совершенною преданностію честь имѣю быть

вашего превосходительства,
милостиваго государя,
покорнѣйшій слуга
Вукъ Стеф. Караджичь.

Вѣна 16/28 Ноября 1835 года.

VII.

(къ А. С. Шишкову).

Ваше высокопревосходительство,
милостивѣйшій государь!

Кончивъ по возможности за 5 лѣтъ предпринятое путешествіе, я намѣреваюсь теперь приступить къ печатанію трудовъ моихъ, именно сербскихъ народныхъ пѣсенъ, сербскаго словаря и сербскихъ пословицъ, новымъ и умноженымъ изданіемъ.

При семъ намѣреніи обращая вниманіе на состояніе сербской литературы и примѣчая, что въ отечествѣ моемъ книжной торговли въ настоящемъ смыслѣ слова еще нѣтъ; что въ немъ большая часть чиновниковъ, которые замѣняютъ велможъ другихъ народовъ, *не знаютъ читать*; что въ сопредѣльной оному Венгріи дворяне и прочія отмѣнныя особы естьли что̀ читаютъ, читаютъ на иностранныхъ языкахъ; священики же большею частію худо снабдѣные нуждными потребами стараются преимущественно о жизни, и что такимъ образомъ число сербскихъ читателей ограничивается почти одными бѣдными торгашами, — я предвижу ясно невозможность достигнуть моей цѣли посредствомъ обыкновенной пренумераціи и моими собственными способами.

Но извѣстно, что россійская императорская академія старается не только о россійской словесности, но обращаетъ благодѣтельное вниманіе и на прочія славянскія нарѣчія, наипаче же въ дѣлахъ, касающихся общей славянской литературы: по-

сему осмѣливаюсь прибѣгнуть къ вашему высокопревосходительству съ покорнѣйшею прозьбою, обратить благосклонное вниманіе на мое предпріятіе и способствовать къ исполненію онаго дѣятельными мѣрами.

Зная безпримѣрную ревность вашего высокопревосходительства въ содѣйствіи успѣхамъ славянскаго просвѣщенія, и испытавъ столько разъ опыты вашей отмѣнной благодѣтельности ко мнѣ, питаю себя сладкою надеждою, что и настоящее мое прошеніе не будетъ отринуто, и въ семъ случаѣ нуждпымъ почитаю присовокупить здѣсь краткій обзоръ предпринимаемаго моего дѣла, наипаче въ экономическомъ отношеніи.

Во первыхъ, сербскія народныя пѣсни, по крайней мѣрѣ одною третію умноженныя и нуждными примѣчаніями снабдѣнныя, займутъ болѣе ста печатныхъ листовъ, и на бѣлой бумаги будутъ стоить въ числѣ 2000 экземпляровъ отъ 2500 до 3000 гульденовъ серебромъ.

Во вторыхъ, сербскій словарь, имѣющій увеличиться болѣе нежели 13000 словъ, собранныхъ мною не изъ книгъ, а въ народѣ, составитъ въ прежнемъ форматѣ отъ 50 до 60 печатныхъ листовъ, и обойдется на обыкновенной бумагѣ въ числѣ 2000 экземпляровъ отъ 2000 до 2500 гульденовъ серебромъ.

Въ третыхъ, сербскія пословицы, которыя умножу я по крайней мѣрѣ тысящею вновъ собранныхъ, на 30 листовъ въ числѣ 2000 экземпляровъ потребуютъ издержекъ отъ 600 до 700 гульденовъ серебромъ.

Къ симъ книгамъ я желалъ бы присовокупить еще нѣкоторыя другія, какъ-то: собраніе сербскихъ сказокъ и загадокъ; разные обычаи, миѳологія и повѣрья народа сербскаго, и наконецъ сербскую грамматику. Каждая изъ нихъ не больше будетъ книги пословицъ и не дороже оной станетъ касательно издержекъ изданія.

Естьли россійская императорская академія благоволитъ всѣ сіи книги, или, по крайней мѣрѣ, пѣсни и словарь, издать на свѣтъ своимъ иждивеніемъ, то покорнѣйше прошу ваше высокопрево-

сходительство, что бы деньги, потребныя для изданія пѣсенъ, какъ можно скорѣе посланы были въ здѣшнее россійское посолство, которое бы на первый разъ дало мнѣ хотя 1000 гульденовъ для покупки бумаги, а прочее сохраняло бы у себя до окончанія цѣлаго дѣла. По напечатаніи пѣсней можетъ тотъ часъ начаться печатаніе словаря.

Представляя цѣлый трудъ мой на благоусмотрѣніе россійской императорской академіи, и утруждая ваше высокопревосходительство покорнѣйшею прозьбою обратить на оный благосклонное вниманіе, особитымъ долгомъ почитаю свидѣтельствовать вамъ глубочайшее почитаніе, съ которымъ есмь

вашего высокопревосходительства

покорнѣйшій слуга

Вукъ Стеф. Караджичь.

Вѣна 6 декабря 838.

VIII.

(къ Д. И. Языкову).

Милостивый государь,

Дмитріи Ивановичь!

Честь имѣю послать вашему превосходительству объявленіе о новомъ изданіи сербскихъ народныхъ пѣсней съ покорнѣйшею прозьбою представить оное императорской россійской академіи. Хотя я не имѣлъ щастія получить отвѣтъ на прошеніе мое, посланное подъ 6 декабря 1838 года на имя его высокопревосходительства господина президента академіи, Александра Семеновича Шишкова, однакожь надѣюсь, что императорская россійская академія вспомоществуетъ мнѣ въ изданіи сего сокровища россамъ единоплеменнаго и единовѣрнаго народа сербскаго. Въ упомянутомъ прошеніи я сказалъ, что сіе изданіе сербскихъ народныхъ пѣсней будетъ умножено съ одною третію; но теперь, по приведеніи пѣсней въ порядокъ, я нашелъ, что оное будетъ умножено *болѣе нежели съ половиною*, и на бѣлой бумаги будетъ

стоить въ числѣ 1500 экземпляровъ болѣе 3000 гульденовъ серебромъ.

Надѣясь, что ваше превосходительство скорымъ временемъ ощастливите меня отвѣтомъ на сіе письмо, и поручая себя вашей благосклонности, съ глубочайшимъ высокопочитаніемъ и преданностію честь имѣю быть,

милостивый государь,
вашего превосходительства
покорнѣйшій слуга
Вукъ Стеф. Караджичь.

Вѣна 27 мая 1840 года.

Письмо Д. П. Татищева къ непремѣнному секретарю россійской академіи Д. И. Языкову.

Милостивый государь
Дмитрій Ивановичъ,

Отношеніемъ отъ 16-го февраля с. г., за № 27-мъ, ваше превосходительство сообщить мнѣ изволили о намѣреніи императорской россійской академіи сдѣлать сербскому писателю Вуку Стефановичу Караджичу нѣкоторое пособіе въ изданіи новаго сербскаго словаря, но не прежде, какъ по предварительномъ истребованіи мнѣнія моего о достоинствѣ сего словаря.

За продолжительнымъ отсутствіемъ г. Караджича я не могъ доселѣ исполнить столь лестнаго для меня порученія академіи. Нынѣ же, по возвращеніи его въ Вѣну, я немедленно вступилъ съ нимъ въ сношеніе по предмету преднамѣреваемаго имъ изданія.

Узнавъ, что Вукъ Стефановичъ составляетъ свой сербскій словарь съ нѣмецкимъ переводомъ, единственно дабы угодить здѣшнему правительству, и находя, что предпринятое въ такомъ видѣ изданіе не заслуживаетъ ни малѣйшаго поощренія, я предложилъ автору замѣнить нѣмецкій переводъ русскимъ, какъ необходимое условіе, на коемъ онъ можетъ ожидать пособія отъ россійской академіи. Но какъ г. Караджичъ на сіе мнѣ объя-

вилъ, что, занимаясь теперь преимущественно изданіемъ сербскихъ народныхъ пѣсенъ, онъ не можетъ удовлетворить моему предложенію, то я мнѣніемъ и полагаю, что въ изданіи словаря онъ не заслуживаетъ никакого вспомоществованія.

О чемъ прося ваше превосходительство довести до свѣдѣнія императорской россійской академіи, пользуюсь симъ случаемъ, дабы свидѣтельствовать вамъ, милостивый государь, увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи.

Д. Татищевъ.

8—20 декабря 1839 года.
Императорское россійское посольство въ Вѣнѣ.

Милостивый государь
Вукъ Стефановичъ,

Полученное мною при почтеннѣйшемъ письмѣ отъ мая объявленіе о новомъ сдѣланномъ вами изданіи сербскихъ народныхъ пѣсней я имѣлъ честь представить, по желанію вашему, императорской россійской академіи. Въ письмѣ своемъ вы изъясняете, что хотя и не получили отвѣта на прошеніе ваше отъ 6 декабря 1838 года, однакоже надѣетесь, что академія окажетъ вамъ пособіе въ изданіи сказанныхъ пѣсней.

На сіе, по опредѣленію академіи, имѣю честь отвѣтствовать слѣдующее:

Академія, получивъ прошеніе ваше отъ 6 декабря 1838, и разсмотрѣвъ списокъ сочиненіямъ, кои вы изготовляете къ изданію, нашла, что за исключеніемъ словаря сербскаго языка, всѣ прочія сочиненія не могутъ принести большой пользы россійской словесности, и при томъ требующуюся на изданіе всѣхъ оныхъ сумму средства академіи удѣлить не дозволяютъ, тѣмъ болѣе, что она обязана пещись преимущественно объ отечественной словесности, а соплеменнымъ съ нею дѣлать пособіе только по возможности. Посему она опредѣлила: сдѣлать вамъ нѣкоторое вспомоществованіе на изданіе словаря; но не иначе, какъ съ нѣкоторыми условіями, о чемъ и отнеслась къ его высокопревосходительству Д. П. Татищеву, послу россійскому въ Вѣнѣ.

Г. посолъ увѣдомилъ академію, что онъ предлагалъ вамъ издать словарь не съ нѣмецкимъ, а съ русскимъ переводомъ, какъ необходимое условіе, на которомъ вы можете ожидать пособія отъ академіи; но вы объявили, что, занимаясь теперь преимущественно изданіемъ пѣсней, не можете удовлетворить сдѣланному вамъ предложенію.

Получивъ отъ васъ такой отрицательный отвѣтъ, академія опредѣлила: дѣло сіе считать конченнымъ.

Изъяснивъ вамъ все вышеписанное, имѣю честь быть съ истиннымъ почтеніемъ вашъ,

милостивый государь,

покорнѣйшій слуга

Д. Языковъ.

18 Сентября 1840.

Письмо Милоша Обреновича къ А. С. Шишкову.

Ваше высокопревосходительство,
милостивый государь,

Почтеннѣйшее письмо вашего высокопревосходительства отъ 10 марта, на сихъ дняхъ мною полученное, привело меня въ неизъяснимый восторгъ и одушевленіе, видя, что дарованіемъ пенсіи сербскому писателю Вуку Стефановичу Караджичу обратилъ я на себя лестное для всякаго вниманіе вашего высокопревосходительства и всей императорской россійской академіи, коей вы, милостивый государь, достойнымъ президентомъ.

Непреложнымъ долгомъ моимъ поставляя отозваться на сіе достопочтеннѣйшее письмо вашего высокопревосходительства, залогъ внутренняго удовольствія, которое непрестанно питать будетъ духъ и чувства мои отнынѣ, мнѣ крайне пріятно принесть вашему высокопревосходительству и академіи дань глубочайшей моей признательности за ваше и ея лестное ко мнѣ вниманіе, исповѣдывая чистосердечно, что дарованіемъ пенсіи г. Караджичу я отдалъ долгъ заслугамъ, оказаннымъ имъ на поприщѣ сербской словесности, общей для насъ славянской литературѣ.

Съ увѣреніемъ въ чувствахъ моего отличнаго къ знаменитой особѣ вашей высокопочитанія и преданности имѣю честь быть

вашего высокопревосходительства,
милостивый государь,
покорнѣйшимъ слугою
Милошъ Обреновичъ, князь сербскій.
По княжескому повелѣнію
Паунъ Янковичъ, княжескій секретарь.

№ 170.
Мая 24 дня 1837.
Крагуевацъ.
Его высокопревосходительству г. президенту императорской россійской академіи, члену государственнаго совѣта, адмиралу А. С. Шишкову.

Письмо Юнгмана къ А. С. Шишкову.

Excellentissime ac illustrissime domine!

Gratissimis excellentiae tuae litteris dd[to] 22 aprilis 1821 nimium sero respondeo, propterea quod editionem II voluminis lexici Palkovicziani jam tum typis prodituri indies expectabam. Illud igitur huic epistolae adjungo unâ cum secundo et 3 tomo libelli *Krok* insigniti. Librum de arte obstetricia (повивалное искуство) frater meus cum significatione ingentis gaudii et humillimarum gratiarum accepit, duo tamen dolens: primum, quod tantum laborem in indagando libro rarissimo excellentiae tuae facessivit, tum quod pretium libri nullum comperit, atque adeo longe plus, quam referre possit, excellentiae tuae se debere sentit. In *Kroko* (3 tom.) idem meus frater fragmentum о судѣ Любушинѣ recudi curavit eadem quae est in archetypo orthographia; ego vero versionem bohem. recentiorem et adnotationes aliquot addidi. Quod de etymologiae usu et utilitate notare dignatus es, exc. domine, ex mente mea mihi depromtum esse videbatur. Utinam vero id omnes nostri perspicere vellent! — Apud nos tria sunt hodie, quae inter paucos bohemicos scriptores dissidium fa-

ciant: *orthographia*, *prosodia* et *vocum* imprimis technicarum *ab aliis dialectis slavicis mutuatio*. Orthographiam correxit insignis Dobrowský, scribendo post *ц* semper, post *с* et *з* vero, ubi id analogia poscit, molle *и* pro duro *ы*. Libellus Krok recentiori orthographia scriptus est, lex. Palkoviczii antiquâ. Prosodia nobis triplex est: *a*) *antiqua*, quae syllabas tantum numerat, e. g. in Краледворская рукопись, *b*) *media* et modo resuscitata, quae ad instar latinae et graecae *quantitatem* observat; ea scripti sunt versus in *Kroko* (часть II, стр. 33, etc.), denique *c*) *recens* (vel jam media potius) quae suadente Dobrowskio *tonum* ad instar germanicae adhibet; ea scripti sunt versus Negedlii (Извѣст. русс. акад. III, стр. 42 etc.). — Hexametri quos dom. *Гнедич* (ni fallor in чтеніе на беседѣ) russice concinnavit, horum similes mihi esse videntur, nequaquam vero graecorum. Operae pretium est inquirere: «utrum versus ad leges *quantitatis* in russica dialecto componi possint, quemadmodum in bohemica, quae meâ sententiâ cum ipsa graeca et samscritta hac in re certare possit». Usum vocum, quae ex slavico fonte cadant, parce detortae (Horat. ad Pison.) alii vituperant (in primis Negedly, Palkovicz etc.), alii mecum probant (Prest, Marek etc.). Indignum tamen est nos propterea ab illis infestari et *regimini publico* suspectos reddi. Verum haec sunt culicum bella. Есть причина исполину смѣяться насчетъ карлика (Изв. росс. ак. III стр. 58. прим.).

Lexicon Palkoviczii melius quidem et locupletius est omnibus ejus generis ad huc apud nos editis: dolendum tamen est virum hunc meae invitationi *ad edendum communi nostrâ et quorundam aliorum operâ bohemicum lexicon*—surdas praebuisse aures. In IV tomo Kroki nostri virtutes et vitia ejus operis ingenue detegentur.

Nomini tuo,
excellentissime et illustrissime domine,
devotissimus
Josephus Jungmann,
phil. et a. l. doctor et prof. poet. ac rhet.

Pragae 2 maji 1822.

Письмо Копитара къ А. С. Шишкову.

Monseigneur!

Votre excellence est trop généreuse pour dédaigner les remercîments, que le soussigné lui doit depuis longtemps, tant pour lui-même que pour la bibliothèque impériale de Vienne, des *huit premiers* volumes des Извѣствія de l'académie russe, que votre excellence eut la bonté de lui envoyer par l'entremise de m-r Vuk Steph. Caradjich, qui lui-même doit à votre excellence la pension de sa majesté l'empereur de toutes les Russies, pension, qui le met à l'abri de l'indigence et dont je suis sûr que ce savant honnête homme ne sera jamais indigne.

Sans doute les Извѣстія ont été continués depuis le huitième volume. Vû les difficultés de retirer des livres de St. Pétersbourg, votre excellence ferait un double bien aux jeunes slavons de cet empire, si elle voulait bien fonder la continuation de ces savants cahiers à la bibliothèque impériale de Vienne, où quantité de curieux les demandent presque journellement.

Comme m-r Vuk part pour la Serbie, j'ose m'offrir à sa place pour toutes les commissions littéraires que votre excellence voudrait me faire pour les savantes recherches en fait de philologie slavonne, à laquelle j'ai voué ma vie aussi.

Je supplie votre excellence d'agréer les sentiments du plus respectueux dévouement, avec lesqnels j'ai l'honneur d'être

monseigneur

votre trés humble et trés obéïssant

Barthélemy Kopitar,

II-e conservateur de la bibliothèque impériale.

Vienne ce 3 août 1828.

366) Матеріалы для исторіи русской литературы. Изданіе П. А. Ефремова. 1867. стр. 154, 138, 35. —

367) Сборникъ статей, читанныхъ въ отдѣленіи русскаго языка и словесности императорской академіи наукъ. 1868. Томъ пятый. Выпускъ I. стр. 98 — 99. Письмо Евгенія, епископа ста-

рорусскаго, къ графу Д. И. Хвостову, изъ Новгорода, 9 марта 1804 года. —

368) Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей, митрополита Евгенія. 1845. Томъ I. стр. 287 — 294. —

369) Записки засѣданій россійской академіи. Собранія 1802 года: 3 мая, ст. VI, л. 118 об. — 119 об.; — 31 мая, ст. I, л. 149 — 149 об. —

370) Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 21 іюня 1802 года, ст. I, л. 167 — 168 об. —

371) Записки засѣданій россійской академіи. Собранія 1804 года: 13 августа, л. 179 — 179 об.; — 24 сентября, л. 235 об. — 236; — 15 октября, л. 261 об.; — 3 декабря, л. 306. — Собранія: 8 іюля 1805 года, л. 181—182; — 22 сентября 1806 года, л. 216 — 217. —

372) Записки засѣданій россійской академіи. Собранія: 30 января 1809 года, л. 21—21 об.; — 11 марта 1805 года, л. 71—71 об. —

373) Три собственноручныя записки И. А. Дмитревскаго, безъ означенія года и числа, — найденныя въ бумагахъ бывшей россійской академіи. —

374) Приложеніе къ запискамъ засѣданій россійской академіи за 1808 годъ; собраніе 18 апрѣля 1808 года, л. 85; — 28 ноября 1808 года, л. 334. —

375) Приложеніе къ запискамъ засѣданій россійской академіи за 1805 годъ; собраніе 18 ноября 1805 года, л. 333 об.— 334 об. — Замѣчанія на трагедію *Зареида* подписаны всѣми, разсматривавшими ее, членами россійской академіи: М. Н. Муравьевымъ, А. С. Хвостовымъ, П. М. Карабановымъ, С. Я. Румовскимъ, А. С. Шишковымъ, Т. С. Мальгинымъ, П. И. Соколовымъ и И. А. Дмитревскимъ.

376) Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 10 декабря 1804 года, л. 318. —

377) Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 19 марта 1804 года, л. 69. —

378) Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 12 іюля 1804 года, л. 158. —

Письмо И. А. Дмитревскаго къ непремѣнному секретарю россійской академіи П. И. Соколову:

Милостивый государь мой
Петръ Ивановичъ!

Пѣвчіе за сію плату и выучить хоръ, и пѣть оный въ академіи неоднократно уже согласились. Теперь мнѣ надобно знать день, когда точно праздникъ въ академіи будетъ, дабы я, согласясь съ капельмейстеромъ Давыдовымъ, могъ дать пробу, гдѣ его превосходительство разсудитъ за благо. Лучше бы всего сдѣлать сію пробу въ самой той академической залѣ, гдѣ церемонія происходить будетъ, за день или два передъ праздникомъ, гдѣ всѣ члены прослушать могутъ прекрасную музыку.

Имѣю честь всегда съ истиннымъ почитаніемъ быть
милостиваго государя моего
покорнѣйшій слуга
Иванъ Дмитревскій.

Іюня 14 дня 1804 года.

379) Сочиненія и переводы, издаваемые россійскою академіею. 1808. Часть III. стр. 160—218. Слово похвальное Александру Петровичу Сумарокову, читанное въ императорской россійской академіи, въ годовое торжественное ея собраніе 1807 года, членомъ оныя Иваномъ Дмитревскимъ. —

Матеріалы для исторіи русской литературы. Изданіе П. А. Ефремова. 1867. стр. 148—150. —

380) Записки засѣданій россійской академіи. Собранія 1807 года: 16 ноября, л. 275—275 об. и л. 277; — 17 декабря, л. 303. —

381) Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 28 мая 1804 года, ст. III. —

382) Записки засѣданій россійской академіи. Собранія:

10 декабря 1804 года, л. 318; — 20 мая 1805 года, л. 137—137 об., и др. —

383) Приложеніе къ запискамъ засѣданій россійской академіи за 1804 годъ; собраніе 24 сентября 1804 года, л. 238 — 242. —

384) Приложеніе къ запискамъ засѣданій россійской академіи за 1806 годъ; собраніе 1 декабря 1806 года, л. 286 — 286 об. —

385) Приложеніе къ запискамъ засѣданій россійской академіи за 1805 годъ; собраніе 5 августа 1805 года, л. 219 — 219 об. —

386) Записки засѣданій россійской академіи. Собранія: 5 мая 1806 года, № 17, ст. IV, л. 91—91 об.;—24 ноября 1806 года, № 46, ст. III, л. 275 об. —

387) Сборникъ статей, читанныхъ въ отдѣленіи русскаго языка и словесности императорской академіи наукъ. 1868. Томъ пятый. Выпускъ I, стр. 50—51, 118, 119 и др. —

388) Приложеніе къ запискамъ засѣданій россійской академіи за 1807 годъ; собраніе 19 января 1807 года, л. 23 — 23 об. Письмо Евгенія, епископа старорусскаго къ президенту россійской академіи А. А. Нартову:

Ваше высокопревосходительство,
милостивый государь!

Сего генваря 7-го числа имѣлъ я честь получить при отношеніи г-на секретаря императорской россійской академіи дипломъ на удостоеніе меня быть членомъ сего почтеннѣйшаго сословія.

Пріемля въ высокой цѣнѣ сіе лестное отличіе, я во-первыхъ приношу искреннѣйшую мою благодарность вашему высокопревосходительству за милостивое благорасположеніе въ утвержденіе выбора меня къ удостоенію сему.

Притомъ всепокорнѣйше прошу ваше высокопревосходи-

тельство представить императорской россiйской академiи чувствительнѣйшую мою благодарность за самый выборъ сей и увѣрить высокопочтеннѣйшее сословiе, что я съ искреннѣйшею ревностiю готовъ исполнять все, что оному благоугодно будетъ возлагать на меня по долгу члена академiи, а также и самъ всегда буду тщиться представлять на благоразсмотрѣнiе оной все, что могу найти приличнымъ содѣйствiю въ трудахъ ея.

При всемъ томъ къ особѣ вашего высокопревосходительства навсегда пребуду съ истиннымъ высокопочитанiемъ и совершеннѣйшею преданностiю

вашего высокопревосходительства,
милостиваго государя,
всепокорнѣйшiй слуга
Евгенiй, епископъ старорусскiй.

Новгородъ
генваря 10-го дня,
1807 года.

389) Письмо 12 марта 1807 года — въ приложенiяхъ къ запискамъ засѣданiй россiйской академiи за 1807 годъ; собранiе 23 марта 1807 года, л. 77—78:

Ваше высококопревосходительство,
милостивый государь!

Въ бытность мою у вашего высокопревосходительства пользовавшись благосклоннымъ собесѣдованiемъ вашимъ, обѣщалъ я представить вашему высокопревосходительству изданное мною разсужденiе *о священныхъ облаченiяхъ*. Теперь исполняя сiе обѣщанiе, представляю помянутое разсужденiе и прилагаю еще два опыта моихъ трудовъ, первый — *о греческомъ языкѣ*, а другой — *о первомъ россiйскомъ посольствѣ въ Японiю*. Въ послѣднемъ изъ оныхъ простите мнѣ нечистоту россiйскаго слога. Нося имя члена россiйской академiи, я самъ чувствую теперь сiю вину мою и обѣщаюсь впредь остерегаться. Между тѣмъ прося продол-

женія ко мнѣ милостей вашего высокопревосходительства, я есмь съ истиннымъ высокопочитаніемъ и таковою же преданностію

вашего высокопревосходительства,

милостиваго государя,

покорнѣйшій слуга

Евгеній, епископъ старорусскій,

Марта 12 дня 1807 г.
Новгородъ.

P. S. *Изъ Демосѳеновыхъ сочиненій выбралъ я для перевода надгробное его слово, говоренное надъ убіенными въ херонейскомъ сраженіи съ Филиппомъ царемъ македонскимъ. Переводомъ симъ я теперь занимаюсь.* —

Письмо 24 мая 1807 года, найденное въ академическомъ архивѣ. —

Письмо 13 іюня 1807 года—въ приложеніяхъ къ запискамъ засѣданій россійской академіи за 1807 годъ; собраніе 22 іюня 1807 года, л. 157—158. —

Письмо 3 іюля 1807 года, найденное въ академическомъ архивѣ. —

390) Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 1 іюня 1807 года, л. 122 об. —

391) Приложеніе къ запискамъ засѣданій россійской академіи; собраніе 31 октября 1808 года, л. 301—302. —

392) Письмо епископа Евгенія, изъ Вологды, 24 декабря 1808 года, къ непремѣнному секретарю россійской академіи П. И. Соколову. Приложеніе къ запискамъ засѣданій россійской академіи за 1809 годъ; собраніе 9 января 1809 года, л. 10. —

393) Записки засѣданій россійской академіи. Собранія 1825 года: 4 іюля, № 22; — 11 іюля, № 23; — 25 іюля № 25; — 1 августа, № 26; — 3 октября, № 31; — 24 октября, № 34; — 7 ноября № 36 и т. д. —

Сборникъ статей, читанныхъ въ отдѣленіи русскаго языка и словесности императорской академіи наукъ. 1868. Томъ пятый. Выпускъ I, стр. 53. —

394) Приложеніе къ запискамъ засѣданій россійской академіи за 1812 годъ; собраніе 20 января 1812 года, ст. I. —

395) Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 27 января 1812 года, ст. I. —

396) Приложеніе къ запискамъ засѣданій россійской академіи за 1812 годъ; собраніе 8 іюня 1812 года, ст. II. —

397) Письмо епископа вологодскаго Евгенія, 6 августа 1812 года, къ непремѣнному секретарю россійской академіи П. И. Соколову. Приложеніе къ запискамъ засѣданій россійской академіи за 1812 годъ; собраніе 7 сентября 1812 года, ст. V.—

398) Приложеніе къ запискамъ засѣданій россійской академіи за 1808 годъ; собраніе 18 іюля 1808 года, л. 182—183.—

399) Записки засѣданій россійской академіи. Собранія 1837 года: 2 января, № 1, ст. V; — 1 мая, № 15, ст. II. —

400) Въ архивѣ бывшей россійской академіи дѣло 1840 года, № 19. —

401) Архивъ министерства народнаго просвѣщенія. Картонъ 1435, дѣла № 46215. Въ формулярномъ спискѣ о службѣ Ивана Ивановича Мартынова находятся слѣдующія свѣдѣнія:

Въ полтавскую семинарію учителемъ греческаго языка.	1787.	1 августа
Въ с.-петербургскую александроневскую академію учителемъ греческаго и латинскаго языковъ, риторики и поэзіи.	1792.	1 сентября
Въ государственную коллегію иностранныхъ дѣлъ актуаріусомъ.	1795.	1 генваря
Произведенъ въ переводчики сей коллегіи	1797.	30 іюня
Въ воспитательное общество благородныхъ дѣвицъ учителемъ.	—	5 іюля
Въ училище ордена св. Екатерины учителемъ же, съ оставленіемъ при прежней должности	1798.	25 мая
Произведенъ въ коллежскіе асессоры	1799.	8 февр.

По именному высочайшему повелѣнію произведенъ въ надворные совѣтники . . . . 1800. 3 апрѣля

Въ государственномъ совѣтѣ письмоводителемъ . . . . 1801. 8 мая

По именному высочайшему повелѣнію опредѣленъ въ департаментъ народнаго просвѣщенія директоромъ . . . . 1803. 24 генв.

По именному высочайшему повелѣнію пожалованъ въ коллежскіе совѣтники. . . . . 1804. 16 —

Въ бывшій главный педагогическій институтъ для преподаванія эстетики. . . . . — 23 —

Секретаремъ конференціи сего института. . — 8 іюня

Почетнымъ членомъ императорскаго московскаго университета . . . . — 3 августа

По именному высочайшему повелѣнію правителемъ дѣлъ главнаго училищъ правленія съ оставленіемъ при прежнихъ должностяхъ. . . . 1804. 3 сентяб.

Въ 1803 и 1804 годахъ употребленъ былъ правителемъ дѣлъ въ составленномъ по высочайшему повелѣнію, данному 30 октября 1803 года министру просвѣщенія, комитетѣ для разсмотрѣнія проекта князя Зубова о учрежденіи губернскихъ военныхъ корпусовъ, а по учрежденіи совѣта о военныхъ училищахъ, по высочайшему повелѣнію, правителемъ канцеляріи онаго, безъ жалованья. . . . . 1805. 5 апрѣля

Всемилостивѣйше пожалованъ кавалеромъ ордена св. Анны 2-го класса. . . . . 1806. 3 февр.

Награжденъ единовременно 1300 рублями. — 5 —

Членомъ императорской россійской академіи 1807. — —

Членомъ хозяйственнаго комитета главнаго правленія училищъ. . . . . 1807. 17 окт.

По волѣ ея величества государыни императрицы Маріи Ѳеодоровны имѣлъ надзоръ за учеб-

ною частію въ с.-петербургскомъ воспитательномъ домѣ.	въ 1807 и 1808.		
Употребленъ былъ дѣлопроизводителемъ въ комитетѣ духовнаго базиліанскаго общества. .	1807.		
По именному высочайшему указу пожалованъ въ статскіе совѣтники, того же 1807 года сентября 7-го, со старшинствомъ съ	1806.	31	дек.
За четырехлѣтнее образованіе студентовъ бывшаго главнаго педагогическаго института удостоенъ пожалованія брильянтоваго перстня. .	1807.	15	сент.
Награжденъ единовременно 1000 рублями.	1808.	23	мая
По высочайшему указу, за усердную службу, всемилостивѣйше пожалована ему въ 12-ти-лѣтнее содержаніе аренда.	1809.	12	авг.
Въ комитетъ, составленный для начертанія правилъ испытанія медицинскихъ чиновъ дѣлопроизводителемъ	—	—	
Почетнымъ членомъ императорскаго виленскаго университета	—	17	октяб.
Предсѣдателемъ комитета испытанія при педагогическомъ институтѣ и надзирателемъ курсовъ, предписанныхъ указомъ 6-го августа 1809 года. Употребленъ былъ дѣлопроизводителемъ въ комитетѣ, учрежденномъ для уменьшенія расходовъ по разнымъ министерствамъ и вѣдомствамъ на 1810-й годъ.	Въ концѣ 1809 и началѣ 1810.		
Почетнымъ членомъ императорскаго харьковскаго университета.	1810.	20	сент.
Пожалованъ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ	1811.	19	авг.
Употребленъ былъ дѣлопроизводителемъ въ комитетѣ для начертанія правилъ испытанія гражданскихъ чиновниковъ.	1812.	и 1813.	

Почетнымъ членомъ императорскаго казанскаго университета	1814. 21 октяб.
Членомъ вольнаго экономическаго общества	— —
Почетнымъ членомъ императорской медико-хирургической академіи	1816. 24 марта
Всемилостивѣйше пожалованъ кавалеромъ ордена св. Владимира 3-й степени	— 25 августа
Дѣлопроизводителемъ въ комитетѣ для разсмотрѣнія проекта устава россійской академіи	— —
Уволенъ отъ педагогическаго института и высочайше повелѣно производить ему изъ суммъ главнаго правленія училищъ, впредь до указа, по двѣ тысячи сто рублей въ годъ	1817. 6 генваря
Уволенъ отъ должности директора департамента, и по высочайшему указу опредѣленъ членомъ главнаго правленія училищъ, съ оставленіемъ производившихся ему окладовъ	1817. 17 февр.
Высочайше повелѣно быть ему членомъ комитета для учрежденія училищъ взаимнаго обученія	1819. 2 ноября
За отлично усердную службу по званію правителя канцеляріи совѣта о военныхъ училищахъ пожалованы ему алмазные знаки ордена св. Анны 2 класса	1820. 12 марта
По высочайшему повелѣнію членомъ временнаго комитета для разсмотрѣнія устава Неплюевскаго оренбургскаго училища	1822. 2 февраля
Предсѣдателемъ комитета, высочайше утвержденнаго для разсмотрѣнія отчетовъ по благородному пансіону при царскосельскомъ лицеѣ	1822. — октяб.
Членомъ учрежденнаго при министерствѣ народнаго просвѣщенія временнаго комитета для составленія проекта устава учебныхъ заведеній	1825. —

Членомъ ученаго комитета главнаго правленія училищъ . . . . 1826. 3 ноября

Всемилостивѣйше пожалованъ знакъ отличія безпорочной службы за XXX лѣтъ. . . . . 1828. 22 авг.

По ходатайству его императорскаго высочества цесаревича, за долговременную и усердную службу по званію правителя канцеляріи совѣта о военныхъ училищахъ всемилостивѣйше пожалованъ ему брильянтовый перстень съ вензелевымъ его императорскаго величества именемъ . . . . . 1829. 9 генваря

Всемилостивѣйше пожалованъ знакъ отличія безпорочной службы за XXXV лѣтъ. . . . . . 1832. 22 авг.

За отлично усердную службу и ревностное исполненіе обязанностей по званію правителя канцеляріи совѣта о военноучебныхъ заведеніяхъ всемилостивѣйше пожалованъ кавалеромъ ордена св. Станислава 1-й степени. . . . . 1833. 4 апрѣля

Умеръ. . . . . , ... — 20 октября

402) Литературные дѣятели прежняго времени. Е. Колбасина. 1859. стр. 7—168. —

403) Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 23 февраля 1807 года, № 8, ст. IV, л. 53 об. —

404) Приложеніе къ запискамъ засѣданій россійской академіи за 1807 годъ; собраніе 23 марта 1807 года, л. 69—76 об. — Рѣчь И. И. Мартынова напечатана въ академическомъ повременномъ изданіи: Сочиненія и переводы, издаваемые россійскою академіею. 1813. Часть VI, стр. 200—217. — Біографъ Мартынова приводитъ отрывки изъ рѣчи по рукописи, отысканной въ литературныхъ и дѣловыхъ бумагахъ покойнаго. —

405) Записки засѣданій россійской академіи. Собранія: 23 марта 1829 года, ст. IV; — 15, 22, 29 ноября 1824 года, № 39—41, ст. I, и др. —

406) Правила о употребленіи въ письмѣ буквы *ѣ*, съ присовокупленіемъ полной, азбучнымъ порядкомъ расположенной, рос-

писи всѣмъ словамъ, съ сею буквою пишемымъ въ слогахъ, никакимъ перемѣнамъ неподверженныхъ, также всѣмъ глаголамъ, кончащимся въ неокончательномъ наклоненіи на *тъ* съ предыдущею буквою *ѣ*, собранныя П. С. Санктпетербургъ. При императорской академіи наукъ. 1815. Печатано по опредѣленію императорской россійской академіи. —

407) Приложеніе къ запискамъ засѣданій россійской академіи; собраніе 29 января 1816 года, ст. V. — Замѣчанія свои Мартыновъ прислалъ въ академію при слѣдующемъ письмѣ къ президенту академіи А. С. Шишкову:

Милостивый государь
Александръ Семеновичъ!

Получивъ и прочитавъ *Правила о употребленіи въ письмѣ буквы ѣ*, я написалъ нѣсколько замѣчаній на оныя единственно въ томъ видѣ, что они будутъ несовсѣмъ безполезны. Препровождая замѣчанія сіи къ вашему превосходительству, предаю совершенно волѣ вашей, дать ли имъ какой ходъ, или оставить ихъ безъ дѣйствія.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть,
милостивый государь,
вашего превосходительства
покорнѣйшимъ слугою
Иванъ Мартыновъ.

Генваря 20 дня 1816 г.

408) Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 29 января 1816 года, № 4, ст. V. —

409) Записки засѣданій россійской академіи Собранія 1820 года: 5 іюня, № 20; — 12 іюня, № 21. —

410) Переписка А. Х. Востокова, въ повременномъ порядкѣ, съ объяснительными примѣчаніями И. Срезневскаго. 1873. стр. XXXI — XXXIX, 401 — 402, 28 и др. — Весьма дѣльная статья Н. П. Карелкина: «А. Х. Востоковъ, его ученая и лите-

ратурная дѣятельность» помѣщена въ Отечественныхъ Запискахъ 1855 г., январь, отд. II, стр. 41—70. Въ статьѣ Карелкина разсматриваются труды Востокова по славянской филологіи и по научной разработкѣ русскаго языка; въ видѣ приложенія помѣщены «Библіографическія извѣстія о сочиненіяхъ А. Х. Востокова». —

411) Повременное изданіе императорской россійской академіи. 1830. Часть II. стр. 44—45, 48—51. —

412) Письмо Востокова къ П. И. Соколову, 14 февраля 1822 года, — найденное въ академическомъ архивѣ. —

413) Переписка А. Х. Востокова, съ примѣчаніями И. И. Срезневскаго. 1873. стр. 28—29. —

414) Записки засѣданій россійской академіи. Собранія 1824 года: 23 августа, № 29, ст. I; — 1 ноября, № 38, ст. I. —

415) Приложеніе къ запискамъ засѣданій россійской академіи за 1828 годъ; собраніе 30 іюня 1828 года, ст. I. Мнѣніе А. Х. Востокова. —

416) Приложеніе къ запискамъ россійской академіи за 1829 годъ; собраніе 31 августа 1829 года, ст. IV. Мнѣніе Востокова.

Разсмотрѣнная Востоковымъ «Таблица спряженій» представлена въ академію при слѣдующемъ отношеніи:

Съ глубочайшимъ почтеніемъ имѣя честь представить императорской россійской академіи изданную мною «*Таблицу спряженій русскихъ глаголовъ несовершенныхъ видовъ*», при составленіи которой я старался воспользоваться всѣмъ, что казалось необходимымъ, въ системахъ Ломоносова, императорской академіи, Фатера и Греча, и привести все въ порядокъ, сколько возможно ясный и удобный для преподаванія, въ особенности же менѣе затруднительный для иностранцевъ, — покорнѣйше прошу императорскую россійскую академію удостоить несовершенный трудъ сей благосклоннаго вниманія.

Старшій учитель россійской словесности въ ревельской гимназіи Андрей Бюргеръ.

Санктъ-Петербургъ.
1829. іюля 31-го.

417) Архивъ бывшей россійской академіи. Дѣла 1840 года, № 15. — Письмо, о которомъ упоминаетъ Востоковъ въ своемъ отзывѣ:

Ваше высокопревосходительство честь имѣю покорнѣйше просить о томъ, чтобъ при разсмотрѣніи русской грамматики для русскихъ императорская россійская академія сдѣлала милость войти въ разсмотрѣніе этого руководства, какъ *первой у насъ учебной грамматики*; ибо при составленіи ея филологическія изслѣдованія были нарочито устранены.

Метода и удобопонятность изложенія служатъ ея отличительными признаками, а это въ нашихъ уѣздныхъ училищахъ и въ начальныхъ классахъ гимназій всего нужнѣе.

Осмѣливаюсь присовокупить свое мнѣніе о томъ, что школьная грамматика должна начинаться не общимъ обзоромъ науки и главныхъ частей ея, а самыми простыми правилами словосочиненія, которыя бы извлекалъ и самый слабый ученикъ изъ примѣровъ: «я человѣкъ, Нева широка, учитель учитъ» и т. п., безъ всякой помощи наставника. Въ человѣкѣ кроются неизвѣданныя силы, но для первоначальнаго развитія ихъ нуженъ опытный руководитель.

Наши грамматики послѣ опредѣленія и раздѣленія науки переводятъ учащагося къ буквамъ и слогамъ, — что̀ маломальски читающему ужъ извѣстно, — и къ корнямъ словъ, что̀ и очень смѣтливому мальчику едва доступно. Потомъ разбираются слова порознь: «столъ, стола, столу, говорю, говоришь, говоритъ». Въ этомъ для начинающаго нѣтъ никакого смысла; предложенія, т. е. слова же, но большею частію со смысломъ, вотъ нашъ синтаксисъ, за которымъ снова слѣдуютъ слова, отдѣльно разсматриваемыя, по выговору! Наконецъ, еще разъ буквы, перенесеніе словъ изъ строки въ строку и знаки препинанія.

А. Х. Востоковъ сдѣлалъ благодѣяніе, перенеся раздѣленіе и подраздѣленіе мыслей знаками препинанія въ словосочиненіе. Въ его грамматикѣ все на мѣстѣ, потому что онъ, какъ филологъ, писалъ ученую грамматику; но всякій ли учитель въ со-

стояніи подняться на ту высоту, съ которой Александръ Христофоровичъ обозрѣвалъ обширное поле нашего слова! А если учебникъ выше учителя, то преподаваніе по немъ не можетъ быть удачно, и терпѣть будутъ дѣти!

Подполковникъ Половцовъ 1-й

23 февраля 1840.
Его высокопревосходительству
Александру Семеновичу Шишкову.

418) Собственноручныя рукописи А. Х. Востокова, найденныя въ академическомъ архивѣ. —

419) Архивъ бывшей россійской академіи. Дѣла 1839 года, № 25. Отзывъ подписанъ двумя членами россійской академіи: *А. Х. Востоковымъ* и В. М. Перевощиковымъ. —

420) Архивъ бывшей россійской академіи. Дѣла 1839 года, № 19. Отзывъ подписали члены россійской академіи: В. И. Панаевъ, В. М. Перевощиковъ, *А. Х. Востоковъ*, М. Е. Лобановъ, А. И. Красовскій и Б. М. Ѳедоровъ. —

421) Архивъ бывшей россійской академіи. Дѣла 1840 года, № 18. Отзывъ подписали: Д. И. Языковъ, А. И. Красовскій, М. Е. Лобановъ, *А. Х. Востоковъ*, В. М. Перевощиковъ, Б. М. Ѳедоровъ. —

422) Архивъ бывшей россійской академіи. Дѣла 1837 года, № 16. Отзывъ подписали: В. И. Панаевъ, М. Е. Лобановъ, В. М. Перевощиковъ, *А. Х. Востоковъ*, Б. М. Ѳедоровъ. —

423) Архивъ бывшей россійской академіи. Дѣла 1839 года, № 18. Отзывъ подписали: Д. И. Языковъ, В. М. Перевощиковъ, *А. Х. Востоковъ*, М. Е. Лобановъ, А. И. Красовскій и Б. М. Ѳедоровъ. —

424) Архивъ бывшей россійской академіи. Дѣла 1840 года, № 18. Отзывъ подписали: Д. И. Языковъ, А. И. Красовскій, *А. Х. Востоковъ*, М. Е. Лобановъ, В. М. Перевощиковъ и Б. М. Ѳедоровъ. —

425) Архивъ бывшей россійской академіи. Дѣла 1839 года, № 18. Отзывъ подписали: Д. И. Языковъ, В. И. Панаевъ, *А. Х. Востоковъ* и М. Е. Лобановъ. —

426) Архивъ бывшей россійской академіи. Дѣла 1835 года, № 30. Отзывъ подписали: И. А. Вельяминовъ, М. Е. Лобановъ, В. И. Панаевъ, *А. Х. Востоковъ* и Б. М. Ѳедоровъ, членъ и производитель дѣлъ Разсматривательнаго комитета. —

427) Памяти Александра Христофоровича Востокова. Николая Греча. 1864. стр. 4—5. —

428) Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 23 марта 1829 года, ст. I. Предложеніе президента Шишкова. Предложеніе это окончательно утверждено въ собраніи 30 марта 1829 года. —

429) Приложеніе къ запискамъ засѣданій россійской академіи за 1831 годъ; собраніе 24 января 1831 года, ст. III. Письмо Востокова и предложеніе Шишкова. —

430) Приложеніе къ запискамъ засѣданій россійской академіи за 1831 годъ; собраніе 21 марта 1831 года, ст. II. —

431) Архивъ бывшей россійской академіи. Дѣла 1838 года, № 54. —

432) Архивъ бывшей россійской академіи. Дѣла 1837 года, № 70. —

433) Описаніе русскихъ и словенскихъ рукописей Румянцовскаго музеума, составленное Александромъ Востоковымъ. 1842. —

434) Архивъ министерства народнаго просвѣщенія. Картонъ 2801, дѣла № 16371. Представленіе комитета, съ приложеніемъ проекта устава академіи наукъ, 7 августа 1841 года. Проектъ устава и представленіе комитета подписалъ, вмѣстѣ съ другими членами комитета, *членъ россійской академіи Александръ Востоковъ*. —

435) Записки засѣданій россійской академіи. Собранія: 25 октября 1830 года, № 40, ст. II; — 24 января 1831 года, № 4, ст. II. —

436) Письмо Сперанскаго къ Шишкову, 5 февраля 1831 года, — въ бумагахъ бывшей россійской академіи. На оборотѣ первой страницы письма Сперанскаго написанъ Шишковымъ от-

вѣтъ Сперанскому, и сверху надпись рукою Шишкова: «отвѣтъ мой на сіе письмо». —

437) Приложеніе къ запискамъ засѣданій россійской академіи; собраніе 14 марта 1831 года, ст. II. —

438) Собственноручныя рукописи академика И. И. Лепехина. Архивъ академической канцеляріи. Картонъ № 50. Донесенія И. И. Лепехина директору академіи наукъ княгинѣ Екатеринѣ Романовнѣ Дашковой, 28 апрѣля 1783 года. —

439) Значительнымъ подспорьемъ для біографіи П. И. Соколова могутъ служить его формулярные списки, составленные весьма тщательно и сохранившіеся въ архивѣ министерства народнаго просвѣщенія. Картонъ 644, дѣла № 11493, — и картонъ 714, дѣла № 34024:

Обучался первоначально въ московской греко-латинской духовной академіи: россійскому, латинскому, греческому и французскому языкамъ и словеснымъ наукамъ; оттуда вытребованъ былъ для продолженія наукъ въ гимназію императорской санктпетербургской академіи наукъ .	1783. 6 апрѣля
Въ оной обучался также латинскому и французскому языкамъ, исторіи, географіи и начальнымъ основаніямъ математики, и произведенъ былъ студентомъ.	1783. 21 октяб.
Причисленъ къ письменнымъ дѣламъ по книжному магазину.	— 2 ноября
Причисленъ къ императорской россійской академіи для исправленія дѣлъ, съ оставленіемъ при академіи наукъ	1784. 10 генв.
Произведенъ магистромъ академіи наукъ . .	1784. 9 август.
Опредѣленъ учителемъ россійскаго языка при гимназіи академіи наукъ, съ оставленіемъ и при россійской академіи. Должность учителя отправлялъ около 18-ти лѣтъ.	1786. 9 ноября

По препорученію начальства сочинилъ россійскую грамматику въ пользу и употребленіе юношества, обучавшагося въ гимназіи академіи наукъ, которая напечатана первымъ тисненіемъ 1788 года; четвертымъ тисненіемъ въ 1806 году, и въ награжденіе за оную дано ему отъ академіи 50 рублей деньгами и 50 экземпляровъ сего же сочиненія; а потомъ пятымъ (тисненіемъ) — въ 1810 году.

За участвованіе, по препорученію академіи россійской, въ сочиненіи словопроизводнаго словаря, изданнаго ею въ 6-ти частяхъ, удостоенъ членомъ оныя. . . . . 1793. 9 апрѣля

За особенное стараніе и труды, употребленные въ сочиненіи того же словаря россійской академіи, награжденъ большою академическою золотою медалью . . . . 1793. 21 мая

Произведенъ въ губернскіе секретари . . . . 1793. 31 дек.

Въ титулярные совѣтники. . . . . 1796. —

Опредѣленъ къ музеуму и библіотекѣ академіи наукъ унтеръ-библіотекаремъ и издателемъ С.Петербургскихъ политическихъ вѣдомостей на россійскомъ языкѣ. . . . . 1797. 13 мая

Приглашенъ въ училище корабельной архитектуры для преподаванія логики, риторики и россійской грамматики. . . . . 1800. 17 сент.

Произведенъ въ коллежскіе асессоры . . . . 1800. 14 нояб.

По высочайшему его императорскаго величества повелѣнію, перевелъ съ французской рукописи на россійскій языкъ книгу подъ названіемъ: «Опытъ о переправахъ чрезъ рѣки», который и напечатанъ въ 1800 году. . . . . — —

Произведенъ, по именному его императорскаго величества указу, въ надворные совѣтники,

и въ то же время удостоился получить отъ его величества, въ награжденіе трудовъ, употребленныхъ имъ въ сочиненіи грамматики, россійскою академіею изданной, бриліантовый перстень . . . . 1802. 25 марта

Избранъ непремѣннымъ секретаремъ императорской россійской академіи . . . . 1802. 19 апрѣля

Участвовалъ въ званіи члена комитета, каковой учрежденъ былъ для построенія нынѣшняго главнаго дома россійской академіи съ деревяннымъ ея домомъ и службами, и сверхъ того отправлялъ должность секретаря безъ всякаго воздаянія. . . . . Съ 1802. по 1804. Съ апрѣля по май

По высочайшему указу опредѣленъ былъ къ исправленію дѣлъ по канцеляріи особо учрежденнаго комитета для образованія флота, съ оставленіемъ при настоящихъ мѣстахъ и должностяхъ; въ ономъ находился около двухъ лѣтъ по то время, когда комитетъ сей, въ 1804 году, причисленъ былъ къ департаменту министерства морскихъ силъ . . . . 1802. 31 августа.

Произведенъ въ коллежскіе совѣтники со старшинствомъ 1806 декабря съ 31-го дня. . . 1807. 7 сентяб.

Кавалеромъ ордена св. Владимира 4-й степени. . . . . 1809. 26 іюня

За сочиненное имъ и читанное въ торжественномъ собраніи россійской академіи историческое похвальное слово Петру Дмитріевичу Еропкину получилъ отъ оной академіи въ награжденіе сто червонныхъ, опредѣленныхъ за сіе неизвѣстною особою. . . . . 1810. 3 декабря

Избранъ въ дѣйствительные члены Бесѣды любителей россійскаго слова при самомъ ея учрежденіи . . . . 1811. 11 февр.

Въ строительномъ временномъ комитетѣ, по высочайшему повелѣнію учрежденномъ для производства бывшаго въ россійской академіи строенія, состоялъ членомъ, и сверхъ того отправлялъ должность секретаря онаго безъ всякаго воздаянія	Съ 1811. по 1815.	Съ сентября по мартъ
Избранъ въ дѣйствительные члены с.-петербургскаго вольнаго общества любителей словесности, наукъ и художествъ	1812.	25 мая
Избранъ членомъ общества любителей россійской словесности, учрежденнаго при императорскомъ московскомъ университетѣ	1816.	18 марта
По именному высочайшему указу пожалованъ въ статскіе совѣтники ноября 13-го дня 1816 года со старшинствомъ въ семъ чинѣ съ	1810.	31 декаб.
Избранъ въ члены казанскаго общества любителей отечественной словесности	1817.	19 генв.
Всемилостивѣйше пожалованъ кавалеромъ ордена св. Анны 2-го класса	1819.	14 апр.
Съ высочайшаго утвержденія, по докладу г. министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, назначенъ библіотекаремъ по 1-му отдѣленію библіотеки академіи наукъ	1819.	22 апр.
Въ воздаяніе долговременной усердной службы и отличныхъ трудовъ, по засвидѣтельствованію о томъ президента россійской академіи и по представленію министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, всемилостивѣйше повелѣно производить ему въ пенсіонъ по смерть по двѣ тысячи рублей въ годъ изъ экономической суммы академіи, сверхъ получаемаго имъ по службѣ жалованья	1820.	20 іюля
По званію непремѣннаго секретаря россійской академіи, именнымъ высочайшимъ указомъ		

въ 1-й день апрѣля 1824 года, всемилостивѣйше пожалованъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники. . . . . 1824. 1 апрѣля

Именнымъ высочайшимъ указомъ въ 5-й день іюля 1824 года высочайше повелѣно быть членомъ главнаго правленія училищъ и вмѣстѣ съ симъ членомъ ученаго комитета при ономъ. . . . 1824. 5 іюля

Съ утвержденія комитета г. г. министровъ, получилъ изъ экономической суммы академіи наукъ въ награжденіе 500 рублей. . . . . 1825. 27 октяб.

Его императорское величество, по представленію генералъ-адъютанта Бенкендорфа и по положенію комитета г. г. министровъ, въ 13 день апрѣля 1826 года высочайше повелѣть соизволилъ: за спасеніе во время наводненія 1824 года ноября 7-го дня утопавшихъ людей объявить высочайшее благоволеніе. . . . . 1826. 13 апр.

По высочайшему его императорскаго величества соизволенію на всеподданнѣйшее представленіе г. министра народнаго просвѣщенія, назначенъ членомъ въ учрежденномъ комитетѣ для разсмотрѣнія учебныхъ пособій. . . . . . . — 2 іюля

По званію непремѣннаго секретаря императорской россійской академіи, всемилостивѣйше пожалованъ алмазными знаками св. Анны 2-й степени. . . . . 1828. 2 генваря

Въ воздаяніе сорокалѣтней безпорочной службы всемилостивѣйше пожалованъ въ 22-й день августа 1828-го года знакомъ отличія безпорочной службы. . . . . — —

440) Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 23 октября 1792 года, ст. I, л. 33 — 33 об. —

441) Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 30 октября 1792 года, ст. I, л. 35. —

442) Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 9 апрѣля 1793 года, ст. II, л. 43 об. —

443) Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 14 мая 1793 года, ст. II, л. 44 — 44 об. —

444) Словарь академіи россійской. 1794. Часть V, стр. 3;— Часть VI; перечень лицъ, трудившихся въ составленіи академическаго словаря.

445) Записки засѣданій россійской академіи. Собранія 1794 года: 5 августа, ст. II, л. 67 об.; — 10 августа, ст. III, л. 69, — и др. —

446) Опытъ россійской библіографіи, собранный Василіемъ Сопиковымъ. 1815. Часть III. № 3993, стр. 81. —

447) Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 22 апрѣля 1794 года, ст. II, л. 59. —

448) Записки засѣданій россійской академіи. Собранія: 18 марта 1794 года, ст. III, л. 57 об. — 58; — 12 января 1796 года, ст. II, л. 93. —

449) Записки засѣданій россійской академіи. Собранія: 19 апрѣля 1802 года, ст. III, л. 89 об.; — 19 января 1835 года, № I, ст. I. —

450) Литературные труды *Петра Ивановича Соколова*:

— Начальныя основанія россійской грамматики, въ пользу учащагося въ гимназіи при императорской академіи наукъ юношества составленныя. Въ Санктпетербургѣ, при императорской академіи наукъ. 1788 года.

Ея сіятельству княгинѣ Екатеринѣ Романовнѣ Дашкавой.

Сіятельнѣйшая княгиня,
милостивая государыня!

Благоволеніемъ вашего сіятельства избранъ будучи руководителемъ въ отечественномъ языкѣ юношеству, обучающемуся въ академическомъ училищѣ, о коемъ вы толикое попеченіе прилагать изволите, и отъ коего на общество проистекающая польза довольно доказана вышедшими изъ сего училища воспитанника-

ми, разныя должности и разныя званія внѣ академіи съ похвалою проходящими, за непреложный поставилъ себѣ долгъ, по мѣрѣ силъ моихъ, исполнить приказаніе ваше, и сдѣлать краткое начертаніе правилъ языка россійскаго къ вящшей пользѣ обучающагося юношества. Трудъ сей, на который и первѣйшіе въ знаніи языка россійскаго мужи обращали все свое вниманіе былъ бы всегда свыше силъ моихъ, если бы я, по вашему же благоволенію, не имѣлъ случая *быть при собраніяхъ императорской россійской академіи, и заимствовать многое отъ бываемыхъ во оной разсужденій*, къ правиламъ, чистотѣ, усовершенію и возвеличенію россійскаго языка споспѣшествующихъ. И такъ, милостивая государыня! Вамъ наипаче одолженъ я посильными моими въ россійскомъ языкѣ успѣхами, вашему же сіятельству осмѣливаюсь посвятить и первый плодъ оныхъ.

Пріимите оный, сіятельнѣйшая княгиня, съ обыкновеннымъ вамъ снисхожденіемъ и удостойте приносящаго дальнѣйшаго вашего покровительства.

Сіятельнѣйшая княгиня,
милостивая государыня,
вашего сіятельства
всепокорнѣйшій слуга *Петръ Соколовъ*.

— Начальныя основанія россійскія грамматики, въ пользу учащагося юношества составленныя, во многихъ мѣстахъ противъ перваго изданія инымъ порядкомъ расположенныя, исправленныя, и многими новыми правилами дополненныя П. . . С. . . Изд. пятое. 1808. —

— Одиссея, героическое твореніе Омира. Переведена съ еллиногреческаго языка. Печатана въ московской сенатской типографіи иждивеніемъ А. Свѣтушкина. 1788 года. Двѣ части.

(ср. Роспись россійскимъ книгамъ для чтенія, изъ библіотеки Смирдина. 1828. стр. 522, № 6732).

Одиссея, или странствованіе Улисса — героическое твореніе Гомера. Изданіе второе, вновь исправленное. 1815. Двѣ части.

Изд. 1788 года.	*Изд. 1815 года.*
Мудрая Пинелопа рекла ему: Антиной! Неправедно и непохвально есть творити обиды странникамъ, въ домъ Тилемаховъ приходящимъ. Или ты уповаеши, что странникъ сей, надѣяся на свои силы, когда напряжетъ лукъ, отведетъ мя въ домъ и содѣлаетъ своею женою? Ниже ты надѣйся сего, ниже иный кто изъ васъ. . . .	Мудрая Пинелопа сказала ему: Антиной! Неприлично и безчестно обиды причинять странникамъ, приходящимъ въ домъ Тилемаховъ. Не думаешь ли ты, что пришелецъ сей, надѣяся на свои силы, когда напряжетъ лукъ, отведетъ меня въ домъ свой и учинитъ своею женою? Ниже ты, ниже иной кто изъ насъ да не надѣется сего. . .

— Пчела, или собраніе разныхъ статей въ стихахъ и прозѣ, извлеченныхъ изъ россійскихъ писателей прошедшаго и нынѣшняго вѣка, въ пользу и употребленіе юношества, россійскому языку и словесности обучающагося. Часть I. 1805.

(Роспись Смирдина, стр. 512, № 6577).

Въ предисловіи говорится объ этой книгѣ: «Главная цѣль ея состоитъ въ томъ, чтобы внушить въ юныя сердца чистое нравоученіе и показать лучшіе примѣры для всякаго рода мелкихъ сочиненій».

Въ «Пчелѣ» помѣщены: нравоучительныя сочиненія, повѣствованія и басни. Образцы этихъ трехъ родовъ заимствованы изъ сочиненій Ломоносова, Сумарокова, Державина, Хераскова, Хемницера, Дмитріева и др. Есть нѣсколько стихотвореній и такихъ стихотворцевъ, какъ графъ Хвостовъ, Кутузовъ, Карабановъ и т. п. —

— Публія Овидія Назона Превращенія, переведенныя съ латинскаго императорской россійской академіи членомъ Петромъ Соколовымъ, и оною академіею изданныя. 1808. Часть I. —

Переводъ прозою, съ приложеніемъ подлинника; въ концѣ помѣщены «Изъясненія нѣкоторыхъ басенъ, также географическихъ и миѳологическихъ названій, въ сей первой части содержащихся». —

— Ликей, или кругъ словесности древней и новой, сочиненіе І. Ф. Лагарпа. Часть вторая, переведенная императорской россійской академіи членомъ Петромъ Соколовымъ, и оною академіею изданная. 1811 года. —

— Ликей Лагарпа, часть третья, переведенная Петромъ Соколовымъ. 1811 года. —

— Правила о употребленіи въ письмѣ буквы *ѣ*, съ присовокупленіемъ полной, азбучнымъ порядкомъ расположенной росписи всѣмъ словамъ, съ сею буквою пишемымъ въ слогахъ, никакимъ перемѣнамъ неподверженныхъ, также всѣмъ глаголамъ, кончающимся въ неокончательномъ наклоненіи на *тъ* съ предыдущею буквою *ѣ*, собранныя П. . . С. . . 1815. —

— Каталогъ обстоятельный россійскимъ рукописнымъ книгамъ, къ россійской исторіи и географіи принадлежащимъ и въ академической библіотекѣ находящимся, по приказанію г. президента императорской академіи наукъ Сергія Семеновича Уварова, вновь сдѣланный ст. сов. Соколовымъ. 1818 года. —

— Каталогъ обстоятельный книгамъ богословскимъ церковной и гражданской печати, находящимся въ первомъ отдѣленіи библіотеки императорской академіи наукъ, по приказанію г. президента оной академіи Сергія Семеновича Уварова, вновь составленный библіотекаремъ онаго отдѣленія д. ст. сов. Соколовымъ. 1832. —

— Общій церковно-славяно-россійскій словарь, или собраніе реченій какъ отечественныхъ, такъ и иностранныхъ, въ церковно-славянскомъ и россійскомъ нарѣчіяхъ употребляемыхъ, каковы суть: названія богословскія, философскія, математическія, къ естественной исторіи принадлежащія, юридическія, военныя, относящіяся до торговли, художествъ, ремеслъ и проч., по порученію комитета устройства учебныхъ заведеній, составленное П. . . С. . . съ присовокупленіемъ таблицъ склоненій и спряженій, заимствованныхъ изъ грамматики г. Востокова, напечатанной въ 1832 году и введенной въ употребленіе въ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. 1834. Двѣ части. —

451) Записки засѣданій россійской академіи за 1810 годъ. Приложеніе: О упражненіяхъ академіи съ 29 мая 1801 года по 1 апрѣля 1810 года. —

452) Записки засѣданій россійской академіи за 1828 годъ. Предложеніе Шишкова 9 іюня 1828 года. —

453) Въ архивѣ министерства народнаго просвѣщенія сохранились между прочимъ слѣдующія представленія и записки, заключающія въ себѣ данныя о дѣятельности Петра Ивановича Соколова.

— *Картонъ 644, дѣла № 11.493*:

I.

Милостивый государь мой
князь Александръ Николаевичъ,

Членъ императорской россійской академіи и находящійся также въ академіи наукъ статскій совѣтникъ Соколовъ, извѣстный мнѣ еще со времени, когда я былъ членомъ правленія академіи при княгинѣ Дашковой, отправляетъ 35 лѣтъ разныя должности въ обоихъ академіяхъ съ неутомимою дѣятельностію. Онъ издалъ въ публику множество полезныхъ сочиненій, постоянно занимается изданіемъ С.-Петербургскихъ вѣдомостей, съ 1797 года по сіе время, и оказалъ другія отличія по службѣ, изложенныя въ запискѣ, у сего прилагаемой.

Я и нынѣ былъ личнымъ свидѣтелемъ, съ какимъ усердіемъ занимается онъ также изданіемъ календарей. Въ особенности скажу объ адресъ-календарѣ, который прежде августа мѣсяца никогда почти не выходилъ, а на нынѣшній 1818 годъ, при заботливомъ попеченіи и дѣятельности г. Соколова, выйдетъ оный въ половинѣ сего генваря, и притомъ съ наилучшею исправностію.

Все сіе налагаетъ на меня обязанность просить ваше сіятельство исходатайствовать статскому совѣтнику Соколову, яко чиновнику, по всей справедливости заслуживающему особеннаго вниманія, пенсіонъ по двѣ тысячи рублей въ годъ, по смерть,

сверхъ получаемаго имъ нынѣ содержанія. На сей конецъ заготовлена мною и прилагаемая у сего записка для доклада его императорскому величеству. Формулярный о службѣ Соколова списокъ также у сего прилагается.

Я увѣренъ, что ваше сіятельство и съ своей стороны отдадите всю справедливость неутомимому трудолюбію сего во всѣхъ отношеніяхъ предостойнаго чиновника.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и таковою же преданностію честь имѣю быть

вашего сіятельства
покорнѣйшимъ слугою
Осипъ Козодавлевъ

Въ С.Петербургѣ.
7 генваря 1818
Его сія-ву князю А. Н. Голицыну.

II.

О статскомъ совѣтникѣ Соколовѣ.

По министерству духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія служитъ давно извѣстный мнѣ по отличнымъ своимъ способностямъ и неусыпнымъ трудамъ статскій совѣтникъ Соколовъ. Онъ находится нынѣ членомъ и непремѣннымъ секретаремъ императорской россійской академіи, и сверхъ того помощникомъ библіотекаря при императорской же академіи наукъ, и издателемъ С.Петербургскихъ вѣдомостей. Я имѣлъ случай знать его еще въ то время, когда былъ я совѣтникомъ въ правленіи академіи наукъ.

Онъ вступилъ въ службу съ 1783 года и продолжаетъ оную по обѣимъ академіямъ безпрерывно 35 лѣтъ.

Во все сіе время Соколовъ употребляемъ былъ начальствомъ, какъ достойнѣйшій во всѣхъ отношеніяхъ чиновникъ, и исполнялъ всѣ возлагаемыя на него порученія съ отличнымъ успѣхомъ.

При многихъ другихъ занятіяхъ, около 18 лѣтъ отправлялъ онъ должность учителя россійской словесности въ бывшей при академіи наукъ гимназіи, единственно изъ усердія къ пользѣ

юношества, и получалъ жалованья въ годъ не болѣе девяноста рублей. Онъ трудился надъ сочиненіемъ многихъ учебныхъ книгъ, изъ которыхъ нѣкоторыя напечатаны уже пятымъ изданіемъ; участвовалъ во всѣхъ трудахъ академіи; занимался изданіемъ всѣхъ напечатанныхъ оною книгъ; перевелъ по порученію же академіи многія весьма полезныя для усовершенствованія россійской словесности творенія извѣстныхъ авторовъ. Изданіемъ С.-Петербургскихъ вѣдомостей занимается онъ съ 1797 года. Онъ же занимается и изданіемъ календарей. Жалованья получаетъ онъ по всѣмъ отправляемымъ имъ должностямъ только двѣ тысячи пятьсотъ рублей въ годъ. Въ настоящемъ чинѣ находится 6 лѣтъ.

Милосердное вниманіе, обращаемое вашимъ императорскимъ величествомъ на чиновниковъ, посвятившихъ себя на пользу службы, поставляетъ меня въ обязанность предстательствовать у вашего величества о семъ отличномъ чиновникѣ, заслуживающемъ по всей справедливости особеннаго вниманія.

Сколько въ награду за долговременную и отличную службу его и неусыпные труды по оной, столько и по уваженію весьма бѣднаго состоянія его, осмѣливаюсь я испрашивать о всемилостивѣйшемъ пожалованіи ему въ пенсіонъ по двѣ тысячи рублей въ годъ, сверхъ жалованья, получаемаго имъ по занимаемымъ имъ должностямъ.

Осипъ Козодавлевъ.

Въ С. Петербургѣ
7 генваря, 1818.

III.

Милостивый государь
князь Александръ Николаевичъ,

Долгъ справедливости и увѣренность моя въ благосклонномъ вниманіи вашего сіятельства убѣждаютъ меня представить на уваженіе ваше отличныя заслуги члена и непремѣннаго секретаря россійской академіи статскаго совѣтника Петра Соколова и

ходатайствовать о приличномъ его вознагражденіи. Ваше сіятельство изъ прилагаемой при семъ записки усмотрите труды и службу г. Соколова, долговременную и всегда усердную, о чемъ, сколько мнѣ извѣстно, свидѣтельствовали вамъ какъ г. президентъ академіи наукъ, такъ и управлявшій временно, въ отсутствіе ваше, министерствомъ народнаго просвѣщенія покойный Осипъ Петровичъ Козодавлевъ, которому какъ усердная служба г. Соколова, такъ и скудное его при немаломъ семействѣ состояніе были извѣстны. Онъ въ началѣ 1818 года, просилъ ваше сіятельство письменнымъ представленіемъ о исходатайствованіи ему, Соколову, у высокомонаршаго престола за ревностную, многолѣтнюю и безпорочную службу пенсіона по 2000 рублей въ годъ, сверхъ получаемаго имъ по обѣимъ академіямъ окладнаго жалованья (2800 р.) и съ оставленіемъ его при занимаемыхъ имъ нынѣ мѣстахъ. Я, свидѣтельствуя о той же службѣ г. Соколова и возобновляя представленіе, прежде Осипомъ Петровичемъ Козодавлевымъ сдѣланное, прошу ваше сіятельство обратить на него вниманіе ваше: онъ заслуживаетъ сію награду, и сердцу вашему сродно доставить сему трудолюбивому чиновнику средство къ безбѣдному въ преклонности лѣтъ пропитанію себя съ немалымъ своимъ семействомъ.

Съ истиннымъ почитаніемъ и совершенною преданностію имѣю честь быть

вашего сіятельства
покорнѣйшій слуга
Александръ Шишковъ.

18 іюня 1820 года.

IV.

Записка о службѣ и трудахъ статскаго совѣтника и кавалера Петра Соколова.

Статскій совѣтникъ, членъ и непремѣнный секретарь академіи россійской и библіотекарь по 1-му отдѣленію библіотеки ака-

деміи наукъ, имѣетъ отъ роду 54-й годъ; находится въ дѣйствительной службѣ съ оберъ-офицерскаго чина при обѣихъ академіяхъ 37 лѣтъ безотлучно.

Въ 1783 году, по окончаніи ученія въ бывшей при академіи наукъ гимназіи, вступилъ со званіемъ студента академіи наукъ въ службу по обѣимъ вышеупомянутымъ академіямъ.

1784 г. произведенъ магистромъ академіи наукъ.

1786 — сверхъ другихъ должностей ему поручено было преподаваніе россійской словесности воспитанникамъ бывшей академической гимназіи. Отправлялъ сію должность съ особеннымъ раченіемъ и успѣхомъ 18 лѣтъ. Въ 1788 году, по препорученію управлявшаго тогда академіею наукъ директора, сочинилъ, для употребленія воспитанниковъ помянутой гимназіи, начальныя основанія россійской грамматики, которой вышло пять изданій въ пользу академіи наукъ.

1802 г., по кончинѣ статскаго совѣтника и кавалера Лепехина, коего должность при россійской академіи, по слабости его здоровья, отправлялъ онъ, Соколовъ, нѣсколько лѣтъ до его смерти, избранъ былъ на мѣсто его непремѣннымъ секретаремъ академіи. Должность сію со всевозможнымъ усердіемъ отправляетъ 18 лѣтъ.

По препорученію бывшаго министра народнаго просвѣщенія графа Петра Васильевича Завадовскаго, сочинилъ для употребленія въ нижнихъ учебныхъ заведеніяхъ россійскую грамматику, изданную отъ главнаго училищъ правленія въ разныя времена около 200.000 экземпляровъ, за которую не получилъ никакого возмездія.

Сверхъ главной своей обязанности, единственно изъ усердія къ службѣ, и по препорученію начальства, какъ тò изъ записокъ академическихъ видно, участвовалъ во всѣхъ трудахъ академіи, а наипаче въ сочиненіи словопроизводнаго словаря, изданнаго академіею въ шести частяхъ, и нынѣ съ крайнимъ раченіемъ участвуетъ въ упражненіяхъ академіи россійской во всѣхъ ея комитетахъ, занимается чтеніемъ многотрудныхъ и для зрѣнія

весьма утомительныхъ корректуръ, и изданіемъ какъ россійскаго словаря, азбучнымъ порядкомъ расположеннаго, такъ и другихъ академіею печатаемыхъ книгъ, не получая за то̀ никакой особой награды.

Его раченіемъ и опытностію въ дѣлахъ, до книгопечатанія касающихся, типографія, въ минувшемъ году при академіи россійской учрежденная, въ короткое время при самыхъ умѣренныхъ издержкахъ (ибо изъ суммы, единовременно пожалованной на заведеніе оной, употреблено нынѣ только двѣ трети), приведена въ такое состояніе, что не токмо печатаются въ ней книги академическія, но также въ пользу академіи и многія другія, постороннимъ людямъ принадлежащія.

Александръ Шишковъ.

Іюня 18 дня 1820.

V.

О статскомъ совѣтникѣ Соколовѣ.

Президентъ императорской россійской академіи вице-адмиралъ Шишковъ, свидѣтельствуя о долговременной усердной службѣ и отличныхъ трудахъ члена и непремѣннаго секретаря сей академіи статскаго совѣтника Соколова, проситъ меня объ исходатайствованіи ему въ пенсіонъ по смерть по двѣ тысячи рублей въ годъ, сверхъ получаемыхъ имъ по службѣ окладовъ жалованья.

Соколовъ находится въ дѣйствительной службѣ съ оберъ-офицерскаго чина, при обѣихъ академіяхъ, россійской и наукъ, 37 лѣтъ безпрерывно.

Въ 1786 году сверхъ другихъ должностей поручено ему было преподаваніе россійской словесности воспитанникамъ бывшей академической гимназіи. Должность сію съ особеннымъ раченіемъ и успѣхомъ отправлялъ онъ 18 лѣтъ. Въ 1788 г., по препорученію управлявшаго тогда академіею наукъ директора, сочинилъ для употребленія воспитанниковъ помянутой гимназіи на-

чальныя основанія россійской грамматики, которой вышло пять изданій въ пользу академіи наукъ.

Въ 1802 г., по кончинѣ статскаго совѣтника Лепехина, коего должность при россійской академіи по слабости его здоровья нѣсколько лѣтъ до его смерти отправлялъ Соколовъ, избранъ онъ на мѣсто его непремѣннымъ секретаремъ академіи, каковую должность со всевозможнымъ усердіемъ отправляетъ 18 лѣтъ.

По препорученію бывшаго министра народнаго просвѣщенія графа Завадовскаго, сочинилъ, для употребленія въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ, россійскую грамматику, которой издано отъ главнаго училищъ правленія въ разныя времена около 200.000 экземпляровъ. За оную не получилъ никакого возмездія.

Сверхъ главной своей обязанности, единственно изъ усердія къ службѣ и по препорученію начальства, какъ тò изъ записокъ академическихъ видно, участвовалъ во всѣхъ трудахъ академіи, а наипаче въ сочиненіи словопроизводнаго словаря, изданнаго академіею въ шести частяхъ, и нынѣ съ крайнимъ раченіемъ участвуетъ въ упражненіяхъ академіи россійской, во всѣхъ ея комитетахъ; занимается чтеніемъ многотрудныхъ и для зрѣнія весьма утомительныхъ корректуръ и изданіемъ какъ россійскаго словаря, азбучнымъ порядкомъ расположеннаго, такъ и другихъ академіею печатаемыхъ книгъ, не получая за то никакой особой награды. Изъ числа оныхъ книгъ президентъ проситъ меня поднести вашему императорскому величеству осьмую часть Извѣстій академіи, въ изданіи коихъ Соколовъ принимаетъ дѣятельнѣйшее участіе.

Его раченіемъ и опытностію въ дѣлахъ, до книгопечатанія касающихся, типографія, въ минувшемъ году при академіи россійской учрежденная, въ короткое время, при самыхъ умѣренныхъ издержкахъ, приведена въ такое состояніе, что не токмо печатаются въ ней книги академическія, но также въ пользу академіи и многія другія, постороннимъ людямъ принадлежащія.

Соколовъ получаетъ жалованья: по званію
непремѣннаго секретаря россійской академіи. . . 2000 рублей

По званію издателя политическихъ вѣдомостей при академіи наукъ. . . . . 1000 рублей

Отъ сей же академіи за должность библіотекаря 1-го отдѣленія библіотеки . . . . 800 рублей

всего 3800 рублей.

Испрашиваемый президентомъ россійской академіи Соколову пенсіонъ можно бы производить изъ экономическихъ суммъ россійской академіи. —

Рукою князя А. Н. Голицына, министра народнаго просвѣщенія, написано: «Докладывано въ Царскомъ Селѣ 4-го іюля 1820. Всемилостивѣйше пожалованъ пенсіонъ, на основаніи представленія, изъ экономическихъ суммъ».

— Картонъ 644, дѣла № 11498:

VI.

Его сіятельству, господину министру духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, тайному совѣтнику и кавалеру, князю Александру Николаевичу Голицыну

Представленіе.

Высочайше утвержденнымъ уставомъ императорской россійской академіи, гл. IV. § 12, президенту оной предоставлено право должностныхъ членовъ за отличные ихъ труды представлять къ повышенію чинами, или къ награжденію орденами, и проч.

Членъ и непремѣнный секретарь академіи, статскій совѣтникъ и кавалеръ Петръ Соколовъ, по окончаніи курса ученія при санктпетербургской академіи наукъ вступившій въ дѣйствительную службу съ 1783-го года оберъ-офицерскимъ чиномъ (какъ то̀ явствуетъ изъ послужнаго его списка, въ минувшемъ 1822 году мною къ вашему сіятельству препровожденнаго), продолжаетъ оную уже сорокъ лѣтъ безотлучно при академіи россійской и при академіи наукъ съ отличнымъ раченіемъ и безпорочно, и во всѣхъ годовыхъ послужныхъ спискахъ одобряемъ былъ къ продолженію службы способнымъ и достойнымъ къ повышенію чиномъ.

Въ настоящемъ чинѣ статскаго совѣтника состоитъ онъ 14-й годъ.

Кромѣ разныхъ по академіи порученій, съ отличнымъ раченіемъ и успѣхомъ исправляемыхъ имъ на пользу службы, онъ большое и самое дѣятельное принималъ участіе безъ всякаго за то̀ возмездія въ изданіи словаря россійскаго, въ шести частяхъ, академіею въ 1822 году изданнаго, — книги классической и по многимъ отношеніямъ полезной и даже необходимой. Занятіе сіе требовало и великаго труда, и пожертвованія многихъ лѣтъ. Для вящшаго жъ усовершенствованія сего словаря онъ, Соколовъ, трудится нынѣ надъ дополненіемъ онаго, и собранныя имъ вновь слова и реченія съ приличными объясненіями и примѣрами представитъ на разсмотрѣніе академіи, которая пополненія сіи не преминетъ издать въ свѣтъ въ видѣ прибавленія къ словарю академическому.

Управляя четыре года типографіею, при россійской академіи заведенною, съ самаго ея учрежденія, не получая за то̀ никакого жалованья, долговременною своею опытностію, отличнымъ усердіемъ къ пользѣ академіи, при всей бережливости, довелъ оную до такой степени совершенства, что въ ней напечатаны многія книги не токмо академическія, но также и посторонниxъ сочинителей, по его-же приглашенію, и тѣмъ сдѣлалъ онъ нарочитое типографской казнѣ приращеніе, которое равняется почти всей суммѣ жалованья, выданнаго втеченіе минувшихъ четырехъ лѣтъ наборщикамъ, батырщикамъ, печатникамъ и сторожамъ. Сверхъ сего, впродолженіе сихъ же четырехъ лѣтъ отправляя должность корректора и письмоводителя по дѣламъ типографскимъ, соблюлъ чрезъ то̀ въ пользу академіи, по крайней мѣрѣ, около осьми тысячъ рублей.

Столь ревностная, многолѣтняя и безпорочная служба статскаго совѣтника Соколова и нахожденіе его въ настоящемъ чинѣ около 14 лѣтъ налагаетъ на меня долгъ просить ваше сіятельство о исходатайствованіи ему у его императорскаго величества награжденія слѣдующимъ чиномъ.

Таковое возмездіе за его заслуги поощритъ его къ продолженію службы съ новою ревностію.

Президентъ академіи, вице-адмиралъ

Александръ Шишковъ.

Апрѣля 2 дня
1823 года.

VII.

О статскомъ совѣтникѣ Соколовѣ.

Президентъ россійской академіи адмиралъ Шишковъ, свидѣтельствуя о долговременной усердной службѣ и отличныхъ трудахъ члена и непремѣннаго секретаря сей академіи, статскаго совѣтника Соколова, проситъ меня объ исходатайствованіи ему слѣдующаго чина.

Соколовъ, кромѣ разныхъ по академіи порученій, исправляемыхъ имъ всегда съ отличнымъ раченіемъ и успѣхомъ, принималъ большое и самое дѣятельное участіе, безъ всякаго за то̀ возмездія, въ сочиненіи россійскаго словаря, въ шести частяхъ академіею въ 1822 г. изданнаго, книги классической и по многимъ отношеніямъ полезной и даже необходимой. Занятіе сіе требовало и великаго труда, и пожертвованія многихъ лѣтъ. Для вящшаго же усовершенствованія сего словаря, Соколовъ трудится нынѣ надъ дополненіемъ онаго, и собранныя уже имъ вновь слова и реченія съ приличными объясненіями и примѣрами онъ представитъ на разсмотрѣніе академіи, которая не преминетъ издать оныя въ свѣтъ въ видѣ прибавленія къ словарю академическому.

Сверхъ того онъ, управляя четыре года типографіею, заведенною при россійской академіи, съ самаго ея учрежденія, и не получая за то̀ никакого жалованья, долговременною своею опытностію, отличнымъ усердіемъ къ пользѣ академіи, при самыхъ умѣренныхъ издержкахъ, довелъ оную до такой степени совершенства, что въ ней напечатаны многія книги не токмо академическія, но и другія, постороннимъ людямъ принадлежащія, и тѣмъ дѣлалъ онъ нарочитое типографской кассѣ приращеніе, равняю-

щееся почти всей суммѣ жалованья, выданнаго втеченіе четырехъ лѣтъ мастеровымъ сей типографіи. Въ дѣйствительной службѣ при академіяхъ: россійской и наукъ Соколовъ состоитъ около 40 лѣтъ безпрерывно; въ настоящемъ чинѣ съ 31 декабря 1810 года.

Таковое ходатайство президента россійской академіи о статскомъ совѣтникѣ Соколовѣ беру смѣлость представить на высочайшее благоусмотрѣніе и разрѣшеніе вашего императорскаго величества. —

Рукою князя А. Н. Голицына: «Докладывано въ С.-Петербургѣ, 15-го марта 1824. Всемилостивѣйше пожалованъ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника». —

Въ бумагахъ бывшей россійской академіи сохранилась черновая записка о Соколовѣ:

VIII.

Его сіятельству господину дѣйствительному тайному совѣтнику, сенатору, министру народнаго просвѣщенія и кавалеру, графу Петру Васильевичу Завадовскому

Записка

о членѣ и непремѣнномъ секретарѣ россійской академіи, коллежскомъ совѣтникѣ Петрѣ Соколовѣ.

Членъ и секретарь академіи россійской, коллежскій совѣтникъ Соколовъ, отъ роду имѣетъ 42 года, въ дѣйствительной службѣ находится 25-й годъ безотлучно при оной академіи, вступивъ въ оную службу, по выпускѣ студентомъ изъ гимназіи, бывшей при академіи наукъ, 1783-го года октября 30 дня.

До вступленія въ званіе секретаря, и именно съ 1783 года по 1802 годъ, кромѣ обыкновенной должности по дѣламъ письменнымъ, участвовалъ со всевозможнымъ раченіемъ, по препорученію начальства, какъ то̀ изъ записокъ академическихъ

видно, во всѣхъ трудахъ академіи, а наипаче въ сочиненіи словопроизводнаго словаря россійскаго, приготовляя печатные листы для разсматриванія въ академическихъ собраніяхъ, и россійской грамматики, а за нѣсколько лѣтъ до кончины бывшаго секретаря г. статскаго совѣтника и кавалера Ивана Ивановича Лепехина, по причинѣ его болѣзни, отправлялъ его должность безъ всякаго возмездія.

Въ 1801 году, апрѣля 19-го, избранъ большинствомъ голосовъ секретаремъ академіи.

Проходя сіе званіе, онъ приноситъ академической казнѣ нарочитую прибыль потому, что

1-е. Отправляетъ одинъ должность секретаря на мѣсто двухъ, по начертанію устава академіи положенныхъ; и потому годовое штатное жалованье 800 рублей ежегодно обращается въ экономическую сумму.

2-е. Сверхъ главной своей обязанности, единственно изъ усердія къ службѣ и изъ послушанія къ начальству, занимается онъ чтеніемъ многотрудныхъ и для зрѣнія весьма утомительныхъ корректуръ, и изданіемъ какъ россійскаго словаря, такъ и всѣхъ другихъ академіею печатаемыхъ книгъ, не получая за то никакого возмездія: напротивъ того, прежнимъ издателямъ словопроизводнаго словаря академія выдавала, кромѣ другихъ выгодъ, за первую часть 1600, а за послѣдующія пять частей по 1200 рублей за каждую.

По препорученію моему онъ занимается:

1-е. Сочиненіемъ полной риторики.

2-е. Переводомъ Овидіевыхъ превращеній, коихъ первая часть уже оканчивается.

3-е. Переводомъ 2-й и 3-й части Лагарпа о древней словесности.

Принявъ во уваженіе безпорочную и усердную службу и приносимое имъ казнѣ нарочитое приращеніе, долгомъ себѣ поставляю усерднѣйше просить ваше сіятельство о исходатайствованіи ему, Соколову, къ вящшему его ободренію, у высоко-

монаршаго престола знака отличія. Симъ явите новый опытъ извѣстнаго уже вашего къ наукамъ и упражняющимся въ оныхъ покровительства. —

454) Архивъ министерства народнаго просвѣщенія. Картонъ 714. Дѣла № 34,024. — Письмо президента россійской академіи А. С. Шишкова къ министру народнаго просвѣщенія князю Карлу Андреевичу Ливену, 29 ноября 1832 года. —

455) Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 19 января 1835 года, ст. I и II, л. 7 — 7 об. —

456) Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 24 февраля 1784 года, ст. II, л. 37 — 37 об. —

457) Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 20 марта 1792 года, ст. II, л. 6. —

458) Сочиненія Пушкина. Изданіе П. В. Анненкова. 1855. Т. V. стр. 613 — 614. —

459) Матеріалы для исторіи журнальной и литературной дѣятельности Екатерины II. Приложеніе къ III-му тому Записокъ императорской академіи наукъ. 1863. № 6. стр. 20 — 26. —

Письма и бумаги императрицы Екатерины II, хранящіяся въ императорской публичной библіотекѣ. Изданы А. Ѳ. Бычковымъ. 1873. стр. 110 — 114. —

460) Архивъ бывшей россійской академіи. Дѣла 1840 года, № 14. —

Письмо члена россійской академіи Б. М. Ѳедорова къ непремѣнному секретарю россійской академіи Д. И. Языкову:

Милостивый государь
Дмитрій Ивановичъ,

Мужъ, знаменитый своими государственными трудами и любовію къ отечественной словесности, графъ Николай Семеновичъ Мордвиновъ, признавая необходимость и пользу изданія краткаго карманнаго словаря русскихъ сослововъ, подобно тому, какой давно уже изданъ въ Англіи, собиралъ русскіе сословы

впродолженіе нѣсколькихъ лѣтъ и составилъ полный словарь ихъ, но трудъ сей, сохранявшійся въ московскомъ домѣ его, въ 1812 году подвергся истребленію пожаромъ вмѣстѣ съ библіотекою Николая Семеновича. Важнѣйшія занятія отдалили его на долгое время отъ возобновленія труда сего, но и въ преклонныхъ лѣтахъ своихъ, движимый усердіемъ къ отечественному языку, графъ наконецъ снова рѣшился посвятить сему труду свой досугъ, и составилъ нѣсколько тетрадей словаря русскихъ сослововъ, которыя и поручилъ мнѣ представить въ императорскую россійскую академію въ свидѣтельство его усердія къ видамъ академіи, и предоставляя мнѣ продолжать трудъ его, провѣрить и дополнить его тетради. Почитая за особенную честь выполнить желаніе его сіятельства, и представляя при семъ вашему превосходительству для внесенія въ академію собственноручныя тетради графа, я покорнѣйше прошу, по записаніи о семъ въ журналъ, мнѣ оныя возвратить.

Съ глубокимъ почитаніемъ и совершенною преданностію имѣю честь быть

вашего превосходительства
покорнѣйшій слуга
Борисъ Өедоровъ

Генваря 13, 1840.

461) Матеріалы для исторіи пажескаго его императорскаго величества корпуса. Кіевъ. 1876. стр. 135.—

Сборникъ русскаго историческаго общества. 1872. Т. X, стр. 112—119.—Сохранившіеся въ государственномъ архивѣ переводы Челищева напечатаны въ этомъ томѣ не вполнѣ точно, какъ напримѣръ:

Въ рукописи (XVII, № 62):	*Напечатано* (стр. 130):
Сіе уже *знакомо* не только протчимъ молодымъ россійскимъ дворянамъ и городу. . . .	Сіе уже *знаемо* не только прочимъ молодымъ россійскимъ дворянамъ и городу. . .

Далъ онъ мнѣ совсѣмъ *неожидаемый* отвѣтъ. . . .	Далъ онъ мнѣ совсѣмъ *неожиданный* отвѣтъ. .
И на мои ему *представленіи*, чтобъ онъ какъ можно *скоряе* сію любовь прервалъ. . . .	И на мои ему *представленія*, чтобъ онъ какъ можно *скорѣе* сію любовь прервалъ. . .
Онъ прежде все въ свѣтѣ претерпѣть хочетъ, нежели *сіе обхожденіе* пресѣчь. . . .	Онъ прежде все въ свѣтѣ претерпѣть хочетъ, нежели *тѣ обхожденія* пресѣчь. . .

Выраженіе подлинника: diese *connexion* meiden Челищевъ перевелъ сперва такъ: «*любовныя* свои *чувствы* перемѣнить», а потомъ исправилъ: «сіе *обхожденіе* пресѣчь». Zärtliche *connexion* онъ перевелъ: «нѣжную *страсть любовную*» и т. д. —

462) С.-Петербургскій Некрополь, или справочный историческій указатель лицъ, родившихся въ XVII и XVIII столѣтіяхъ. По надгробнымъ надписямъ александроневской лавры и упраздненныхъ петербургскихъ кладбищъ. Составилъ Владиміръ Саитовъ. Приложеніе къ Русскому Архиву. 1883. стр. 143: «Челищевъ, Петръ Ивановичъ, отставной маіоръ. Жилъ 66 л., 40 д. Тезоименитство его 24 августа. Памятникъ ставилъ свойственникъ его Егоръ Андреевичъ Кушелевъ (Л. к.)». —

463) Правительственный Вѣстникъ. 10 февраля 1884 года. № 34. Императорское Общество любителей древней письменности. Засѣданіе 30 декабря 1883 года. —

464) Собственноручная рукопись Челищева,—найденная въ академическомъ архивѣ. —

465) Въ письмѣ къ непремѣнному секретарю россійской академіи П. И. Соколову, изъ Москвы, 18 января 1809 года, Татищевъ говоритъ: «Если изволите мнѣ отвѣчать, прошу пожаловать адресовать ваше письмо въ *московскій почтамтъ, гдѣ я нынѣ служу*».

Мѣсяцословъ съ росписью чиновныхъ, особъ или общій штатъ россійской имперіи на лѣто 1809. Часть I, стр. 267: Въ московскомъ почтъ-амтѣ, при разныхъ должностяхъ: *надворный совѣтникъ Иванъ Ивановичъ Татищевъ*, и т. д. —

Надворный совѣтникъ Иванъ Ивановичъ Татищевъ, служившій въ московскомъ почтамтѣ — сынъ Ивана Ивановича Татищева (1743 — 1802), бывшаго въ 1799 — 1801 годахъ московскимъ почтъ-директоромъ и извѣстнаго въ литературѣ преимущественно своими переводами. (Ср. Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей, митрополита Евгенія. 1845. Т. II. стр. 203—204). —

466) Находящіеся въ императорской публичной библіотекѣ рукописные Матеріалы къ словарю писателей, митрополита Евгенія.

Біографія Татищева — отца (Евгеніемъ замѣчено въ рукописи: *pater*) напечатана въ Словарѣ митрополита Евгенія (II, 203 — 204).

Біографія Татищева — сына (помѣчено: *filius*) не помѣщена въ печатномъ словарѣ. Приводимъ ее по рукописи:

— Татищевъ, Иванъ Ивановичъ, надворный совѣтникъ, сынъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Ивана Ивановича Татищева, обучался на своемъ иждивеніи въ академіи наукъ и нѣмецкомъ петропавловскомъ главномъ училищѣ. Въ 1797 году вступилъ онъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ, а въ 1799 году переведенъ въ московскій ея архивъ, гдѣ, сверхъ поручаемыхъ ему по должности дѣлъ, перевелъ онъ:

1) Разговоры Діогена Синопскаго, сочиненіе Виланда, изданные въ 1802 году.

2) Англію и Италію, сочиненіе Архенгольца, въ шести томахъ, вмѣстѣ съ товарищемъ, коллежскимъ асессоромъ Парепого, и напечатанную въ 1802 и 1805.

3) Записки для тайной исторіи человѣческаго разума и сердца, изданныя въ 1804 году.

4) Конституцію Англіи, или состояніе англійскаго правленія, сравненнаго съ республиканскою формою и съ другими европейскими монархіями, сочиненіе юрисконсульта де-Лолма, въ двухъ томахъ, изданную, по высочайшему повелѣнію, въ 1806 (vid. Ученыя московскія вѣдомости, 1807, № 15).

5) Переводилъ съ французскаго языка, изъ сочиненія Мерсье, много піесъ, кои помѣщены въ *Ипокренѣ*, журналѣ, издаваемомъ въ Москвѣ въ 1801 году.

6) Перевелъ книгу сочиненія маркиза Беккарія: *О преступленіяхъ и наказаніяхъ*, которая уже напечатана (зачеркнуто: «еще не напечатана»), такъ какъ и

7) *Аристиппъ и нѣкоторые изъ его современниковъ*, въ четырехъ томахъ, сочиненія славнаго писателя Виланда. Она отдана въ печать, и уже въ 1807 вышло 5 частей.

8) Высмотрѣлъ и дополнилъ тридцатью тысячами французскихъ словъ *Лексиконъ французской академіи*, который въ скоромъ времени отданъ будетъ въ печать.

467) Московскія ученыя вѣдомости. 13 апрѣля 1807 года. № 15, стр. 113—117.—

468) Приложеніе къ запискамъ засѣданій россійской академіи за 1808 годъ; собраніе 25 іюля 1808 года, л. 205—211.—

469) Приложеніе къ запискамъ засѣданій россійской академіи за 1809 годъ; собраніе 6 февраля 1809 года, л. 39—48 об.—

470) Архивъ министерства народнаго просвѣщенія. Картонъ 1604, дѣла № 50467;—картонъ 3084, дѣла № 88123.—

471) Путешествіе на озеро Селигеръ, Н. Озерецковскаго, члена академіи наукъ, академіи россійской, и проч. 1817. стр. 179—181.—

472) Рукопись С. Н. Суворова, найденная въ академическомъ архивѣ. На рукописи надпись рукою Озерецковскаго: «Отъ Н. Озерецковскаго».—

473) Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 1 мая 1820 года, № 15, ст. I.—

474) Записки засѣданій россійской академіи. Собранія: 17 августа 1835 года, № 27, ст. II, л. 99 об.—100 об.;—7 сентября 1835 года, № 30, ст. XV, л. 134;—21 декабря 1835 года, № 44, ст. VI, л. 206 об.—208.

Василій Григорьевичъ Анастасевичъ представилъ для библіотеки россійской академіи слѣдующіе труды свои:

1) Наука права природнаго, политическаго, государственнаго хозяйства, и права народовъ, классическое сочиненіе виленскаго епископа Іеронима Стршемѣнь-Стройновскаго. Перевелъ съ польскаго В. Анастасевичъ. Часть I, II, III и IV (въ одной книгѣ). СПБ. 1809. 8., съ портретомъ сочинителя.

2) О условіяхъ помѣщиковъ съ крестьянами, соч. графа Валерьяна Стршемѣнь-Стройновскаго и проч. Перевелъ съ польскаго В. Анастасевичъ. Вильна. 1809 г. 8 дол. листа.

3) Федра, трагедія въ пяти дѣйствіяхъ. Соч. Иван. Расина. Перевелъ В. Ан—чъ. Спб. 1805; 8 дол. листа.

4) Слава прекраснаго пола. Перев. В. Ан—чъ. Спб. 1808. 8.

5) Стихотворенія Сафы, объясненныя примѣчаніями. Перев. В. Ан—чъ. Спб. 1808. 8.

6) Прогулка дѣвицы М** Кр**, нынѣ г-жи Ск..., или окрестности города Вильна; перевелъ съ французской рукописи В. Ан—чъ. Спб. 1808. 8.

7) Саулъ, ораторія въ 3-хъ дѣйствіяхъ; перев. съ французскаго В. Ан—чъ. 1811. 8.

8) Фридрихана, или жизнь и собраніе отмѣнныхъ случаевъ, шутокъ и остроумныхъ изреченій прусскаго короля Фридриха II-го; перев. съ французскаго В. Ан—чъ. Спб. 1812.

9) Улей, помѣсячное изданіе на 1811 годъ, часть I и II, 1811; час. III и IV, 1812 года. 8.

10) O towarzystwie filotechniczném w Charkowie, roku 1811 d. 17 stycznia zebraném i d. 10 marca tegoż roku od n. imperatora jmci w. r. potwierdzoném wiadomość, w rossyiskim języku drukiem w Charkowie ogłoszona, po polsku przez B. A. K. N. członka tegoż towarzystwa przełożona. S.-Petersburg. 1812. 8.

11) Индія и индійцы. Спб. 1819. 8.

12) Соборная церковь Исаакія Далматскаго въ С.-Петербургѣ, по высочайшему повелѣнію возобновленная и увеличенная его императорскаго величества архитекторомъ Н. Монфераномъ; перев. съ французскаго В. Анастасевичъ. Спб. 1820. 8.

13) Свѣдѣніе о добываніи 36-ти гранитныхъ колоннъ, на-

значенныхъ для портиковъ исакіевскаго собора въ С.-Петербургѣ, и пр. Перевелъ съ французскаго В. Анастасевичъ. Съ двумя таблицами. Спб. 1820. 4.

14) Труды казанскаго общества любителей отечественной словесности. Книга первая. Казань. 1815. 8. Въ сеії книгѣ напечатана статья г-на Анастасевича: О словесности.

Собраніе постановило: благодарить г. Анастасевича за доставленіе ученыхъ его трудовъ, которые хранить въ академической библіотекѣ.

Анастасевичъ предложенъ былъ въ члены россійской академіи А. С. Шишковымъ, и два раза подвергался балотировкѣ, въ двухъ собраніяхъ академіи — 21 сентября и 21 декабря 1835 года. Въ первый разъ получилъ восемь избирательныхъ голосовъ и одиннадцать неизбирательныхъ; во второй разъ — шесть избирательныхъ и семнадцать неизбирательныхъ. На этомъ основаніи опредѣлено: «дѣло объ избраніи Анастасевича, оставя безгласнымъ, хранить въ архивѣ академіи».

475) Дѣла бывшей россійской академіи. 1840 года, № 7.—

476) Архивъ министерства народнаго просвѣщенія: Картонъ 2081, дѣла № 76371. —

Дѣйствительные члены россійской академіи за все время ея существованія.

(въ азбучн. порядкѣ).

Алексѣевъ, Петръ Алексѣевичъ, протоіерей.

Амвросій (Серебряковъ), епископъ олонецкій и каргопольскій.

Анастасій (Романенко-Братановскій), архимандритъ (впослѣдствіи архіепископъ астраханскій).

Аполлосъ (Байбаковъ), архимандритъ (впослѣдствіи архіепископъ архангельскій).

Арсеньевъ, Константинъ Ивановичъ.

Бажановъ, Василій Борисовичъ, протоіерей.

Баженовъ, Василій Ивановичъ.

Бакунинъ, Петръ Васильевичъ.

Бантышъ-Каменскій, Николай Николаевичъ.

Барановъ, Дмитрій Осиповичъ.

Барсовъ, Антонъ Алексѣевичъ.

Бедринскій, Иванъ Ивановичъ, священникъ.

Безбородко (потомъ графъ и наконецъ князь), Александръ Андреевичъ.

Блудовъ, Дмитрій Николаевичъ.

Богдановичъ, Ипполитъ Ѳедоровичъ.

Болтинъ, Иванъ Никитичъ.

Бороздинъ, Константинъ Матвѣевичъ.

Броневскій, Владиміръ Богдановичъ.

Бутковъ, Петръ Григорьевичъ.

Бѣлосельскій-Бѣлозерскій, князь Александръ Михайловичъ.

Васильевъ баронъ (послѣ графъ), Алексѣй Ивановичъ.

Вельяминовъ, Иванъ Александровичъ.

Веревкинъ, Михаилъ Ивановичъ.
Воейковъ, Александръ Ѳедоровичъ.
Воронцовъ, графъ Романъ Ларіоновичъ.
Востоковъ, Александръ Христофоровичъ.
Вяземскій, князь Петръ Андреевичъ.

Гавріилъ (Петровъ), митрополитъ новгородскій и с.-петербургскій.
Гамалея, Платонъ Яковлевичъ.
Гнѣдичъ, Николай Ивановичъ.
Голенищевъ-Кутузовъ, Иванъ Логиновичъ.
Голенищевъ-Кутузовъ, Логинъ Ивановичъ.
Голенищевъ-Кутузовъ, Павелъ Ивановичъ.
Голицынъ, князь Александръ Николаевичъ.
Горчаковъ, князь Дмитрій Петровичъ.
Григорій (Посниковъ), архимандритъ (впослѣдствіи митрополитъ новгородскій и с.-петербургскій).
Григоровичъ, Василій Ивановичъ.
Григорьевъ, Василій Григорьевичъ, священникъ.
Гульяновъ, Иванъ Александровичъ.
Гурьевъ, Семенъ Емельяновичъ.

Дамаскинъ (Семеновъ-Рудневъ), епископъ нижегородскій и алатырскій.
Данковъ, Василій Семеновичъ, священникъ.
Дашкова, княгиня Екатерина Романовна.
Дашковъ, Дмитрій Васильевичъ.
Державинъ, Гавріилъ Романовичъ.
Десницкій, Семенъ Ефимовичъ.
Дмитревскій, Иванъ Аѳанасьевичъ.
Дмитріевъ, Иванъ Ивановичъ.
Долинскій, Иванъ Григорьевичъ.
Дружининъ, Яковъ Александровичъ.

Евгеній (Болховитиновъ), епископъ старорусскій (впослѣдствіи митрополитъ кіевскій и галицкій).

Елагинъ, Иванъ Перфильевичъ.
Ермоловъ, Алексѣй Петровичъ.

Жуковскій, Василій Андреевичъ.

Загорскій, Петръ Андреевичъ.
Загоскинъ, Михаилъ Николаевичъ.
Захаровъ, Иванъ Семеновичъ.
Захаровъ, Яковъ Дмитріевичъ.
Зыбелинъ, Семенъ Герасимовичъ.

Иннокентій (Борисовъ), архимандритъ (впослѣдствіи архіепископъ херсонскій).
Иннокентій (Нечаевъ), архіепископъ псковскій и рижскій.
Иннокентій (Полянскій), архимандритъ (впослѣдствіи епископъ воронежскій).
Иннокентій (Смирновъ), архимандритъ (впослѣдствіи епископъ пензенскій и саратовскій).
Иноходцевъ, Петръ Борисовичъ.
Ириней (Клементьевскій), епископъ тверскій и кашинскій (впослѣдствіи архіепископъ псковскій и ревельскій).
Исаевъ, Савва Исаевичъ, священникъ.

Казадаевъ, Александръ Васильевичъ.
Капнистъ, Василій Васильевичъ.
Карабановъ, Петръ Матвѣевичъ.
Карамзинъ, Николай Михайловичъ.
Катенинъ, Павелъ Александровичъ.
Каченовскій, Михаилъ Трофимовичъ.
Княжевичъ, Дмитрій Максимовичъ.
Княжнинъ, Яковъ Борисовичъ.
Козодавлевъ, Осипъ Петровичъ.
Колосовъ, Стахій Ивановичъ, протоіерей.
Котельниковъ, Семенъ Кириловичъ.
Кочетовъ, Іоакимъ Семеновичъ, протоіерей.
Красовскій, Александръ Ивановичъ.

Красовскій, Иванъ Ивановичъ, протоіерей.
Крыловъ, Иванъ Андреевичъ.
Куракинъ, князь Александръ Борисовичъ.

Леванда, Иванъ Ивановичъ.
Леонтьевъ, Николай Васильевичъ.
Лепехинъ, Иванъ Ивановичъ.
Лобановъ, Михаилъ Евстафьевичъ.
Лубяновскій, Өедоръ Петровичъ.
Львовъ, Николай Александровичъ.
Львовъ, Павелъ Юрьевичъ.

Малиновскій, Алексѣй Өедоровичъ.
Маловъ, Алексѣй Ивановичъ, протоіерей.
Мальгинъ, Тимоөей Семеновичъ.
Мансветовъ, Григорій Ивановичъ, протоіерей.
Мартыновъ, Иванъ Ивановичъ.
Мелиссино, Иванъ Ивановичъ.
Меөодій (Смирновъ), архимандритъ (впосл. архіеписк. псковскій).
Михайловскій-Данилевскій, Александръ Ивановичъ.
Михаилъ (Десницкій), архимандритъ (впослѣдствіи митрополитъ новгородскій и с.-петербургскій).
Мордвиновъ, (впослѣдствіи графъ), Николай Семеновичъ.
Муравьевъ, Андрей Николаевичъ.
Муравьевъ-Апостолъ, Иванъ Матвѣевичъ.
Муравьевъ, Михаилъ Никитичъ.
Мусинъ-Пушкинъ, (впослѣдствіи графъ), Алексѣй Ивановичъ.
Мысловскій, Петръ Николаевичъ, протоіерей.

Нартовъ, Андрей Андреевичъ.
Нарышкинъ, Алексѣй Васильевичъ.
Нелединскій-Мелецкій, Юрій Александровичъ.
Неплюевъ, Дмитрій Николаевичъ.
Нечаевъ, Степанъ Яковлевичъ.
Никитинъ, Василій Никитичъ.

Николевъ, Николай Петровичъ.
Никольскій, Александръ Сергѣевичъ.
Новосильцевъ, (впослѣдствіи графъ) Николай Николаевичъ.
Норовъ, Авраамъ Сергѣевичъ.

Озерецковскій, Николай Яковлевичъ.
Озерецковскій, Павелъ Яковлевичъ, оберъ-священникъ.
Оленинъ, Алексѣй Николаевичъ.
Олсуфьевъ, Адамъ Васильевичъ.

Павелъ (Пономаревъ), архимандритъ (впослѣдствіи архіепископъ ярославскій).
Панаевъ, Владиміръ Ивановичъ.
Панфиловъ, Иванъ Ивановичъ, духовникъ Екатерины II.
Перевощиковъ, Василій Матвѣевичъ.
Перовскій, Алексѣй Алексѣевичъ.
Петровъ, Василій Петровичъ.
Писаревъ, Александръ Александровичъ.
Погодинъ, Михаилъ Петровичъ.
Покорскій, Георгій Михайловичъ, священникъ.
Поликарпъ (Гайтанниковъ), архимандритъ.
Полѣновъ, Василій Алексѣевичъ.
Поспѣловъ, Ѳедоръ Тимоѳѣевичъ.
Потемкинъ - Таврическій, князь Григорій Александровичъ.
Прокоповичъ-Антонскій, Антонъ Антоновичъ.
Протасовъ, Алексѣй Протасьевичъ.
Пушкинъ, Александръ Сергѣевичъ.

Ржевскій, Алексѣй Андреевичъ.
Рижскій, Иванъ Степановичъ.
Румовскій, Степанъ Яковлевичъ.
Руссовъ, Степанъ Васильевичъ.

Самуилъ (Миславскій), митрополитъ кіевскій.
Свиньинъ, Павелъ Петровичъ.
Свистуновъ, Николай Петровичъ.

Севастьяновъ, Александръ Ѳедоровичъ.
Севергинъ, Василій Михайловичъ.
Серафимъ (Глаголевскій), митроп. московск. (впосл. с.-петербург).
Сербиновичъ, Константинъ Степановичъ.
Сестренцевичъ Богушъ, Станиславъ, митрополитъ римско-католическихъ церквей въ Россіи.
Сидоровскій, Иванъ Ивановичъ, священникъ.
Соймоновъ, Петръ Александровичъ.
Соколовъ, Дмитрій Ивановичъ.
Соколовъ, Дмитрій Михайловичъ.
Соколовъ, Никита Петровичъ.
Соколовъ, Петръ Ивановичъ.
Соловьевъ, Михаилъ Ѳедоровичъ.
Сперанскій (впослѣдствіи графъ), Михаилъ Михайловичъ.
Стахіевъ, Александръ Стахіевичъ.
Стойковичъ, Аѳанасій Ивановичъ.
Строгановъ, графъ Александръ Сергѣевичъ.
Суворовъ, Прохоръ Игнатьевичъ.

Татищевъ, Дмитрій Павловичъ.
Трощинскій, Дмитрій Прокофьевичъ.
Турчаниновъ, Петръ Ивановичъ.

Уваровъ, Сергѣй Семеновичъ.
Ушаковъ, Василій Адріановичъ.

Филаретъ (Дроздовъ), епископъ ревельскій (впослѣдствіи митрополитъ московскій и коломенскій).
Филаретъ (Амфитеатровъ), митрополитъ кіевскій и галицкій.
Фонъ-Визинъ, Денисъ Ивановичъ.

Хвостовъ, Александръ Семеновичъ.
Хвостовъ (впослѣдствіи графъ), Дмитрій Ивановичъ.
Хемницеръ, Иванъ Ивановичъ.
Херасковъ, Михаилъ Матвѣевичъ.
Храповицкій, Александръ Васильевичъ.

Чижовъ, Дмитрій Семеновичъ.

Шаховской, князь Александръ Александровичъ.
Шиповскій, Григорій Ивановичъ.
Ширинскій-Шихматовъ, князь Платонъ Александровичъ.
Шихматовъ, князь Сергѣй Александровичъ.
Шишковъ, Александръ Семеновичъ.
Шуваловъ, Иванъ Ивановичъ.
Шульгинъ, Иванъ Петровичъ.

Щепотьевъ, Семенъ Николаевичъ.
Щербатовъ, князь Михаилъ Михайловичъ.

Языковъ, Дмитрій Ивановичъ.
Янковичъ-де-Миріево, Θедоръ Ивановичъ.
Ястребцевъ, ИванъИвановичъ.

Θедоровъ, Борисъ Михайловичъ.
Θедоровъ, Сергѣй Θедоровичъ, протопресвитеръ.
Θеоктистъ (Мочульскій), епископъ курскій (впосл. архіепископъ).

